МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ВЫПУСК 11

Н. П. ГРИЦЕНКО

УДЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

(ОЧЕРКИ)

ГРОЗНЫЙ, 1959

Н. П. ГРИЦЕНКО

УДЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

(ОЧЕРКИ)

ГРОЗНЫЙ — 1959

Печатается по постановлению Ученого Совета
Чечено-Ингушского Государственного
Педагогического Института.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глубокое изучение истории российского крестьянства — ответственная и почетная задача советского историка. Советские ученые написали ряд капитальных работ по истории крестьянства, первое место среди этих работ занимают исследования академиков Б. Д. Грекова и Н. М. Дружинина.

Многие историки посвятили свои исследования в основном двум разрядам крестьян — тем, кто находился в феодальной зависимости от помещиков-крепостников, и тем, кто был в феодальной зависимости от дворянского государства. Меньше всего изучена история удельных крестьян, занимавших значительное место: по отношению к помещичьим крестьянам — 7 проц., к государственным — 11 проц.

Изучение истории удельных крестьян дает возможность глубже и полнее понять всю историю крестьянства России. Мы полностью разделяем мнение академика Н. М. Дружинина, который говорил: «Нельзя, например, дать обобщающей истории крестьянства XIX века без создания монографии об удельных крестьянах, **темы совсем не тронутой**»[1].

О численном росте удельных крестьян говорят ниже приведенные данные (в ревизских душах)[2].

	В конце XVIII в.		в 1836 г.		в 1863 г.	
		%		%		%
Всего крестьян	463527	100	702780	100	825947	100
в том числе:						
В Среднем Поволжье	35912	7,7	252841	36	371531	44,9

[1] Журнал «Вопросы истории», № 11, 1948, стр. 149 (подчеркнутого нами — Н. Г.).

[2] ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. 4, д. 386, л. 1, ф. 515, оп. 10, д. 983; л. л. 140—144; 197 — 198; оп. 9, д. 451, л. л. 16 — 19; Государственный архив Ульяновской обл. — в дальнейшем ГАУО, ф. 534, д. 354; Всеподданнейший отчет Министра двора за 1860 г. (Всеподданнейшие отчеты Министра двора с 1832 г. по 1861 г. находятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве).

Таким образом, в 1836 г. на Среднее Поволжье приходилось 36 проц., а в 1863 г. — 44,9 проц. всех удельных крестьян страны. В задачу данного исследования не входит рассмотрение истории удельных крестьян всей России. Тема, как видно из самого названия работы, ограничена определенными историко-географическими рамками — Средним Поволжьем (Самарская, Симбирская, Казанская губернии) [1].

Среднее Поволжье являлось центром всего удельного хозяйства России. В этом районе была сосредоточена основная масса удельных крестьян, огромные массивы плодородных земель, и так называемых оброчных статей [2]. В этом районе удельное ведомство получало основные доходы от эксплуатации удельных крестьян, от использования многочисленных оброчных статей. В собственности удельного ведомства, иными словами, в собственности императорской фамилии дома Романовых, насчитывалось накануне реформы 4665 тыс. десятин леса. Из этого количества на Среднее Поволжье приходилось 1075 тыс. десятин.

---

[1] В работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» Самарская губерния относилась к Нижнему Поволжью, в то же время Саратовская губерния была причислена к Среднему Поволжью. (В. И. Ленин, соч. т. 3, стр. 495). В известной многотомной работе П. П. Семенова - Тяньшанского «Россия. Полное описание нашего отечества», границей между Средним и Нижним Поволжьем была г. Самара (см. т. VI, стр. 420). В работе П. Г. Любомирова «Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века» (Саратов, 1928 г.) северные уезды Самарской губернии не включались в район Нижнего Поволжья.

В наше советское время, исходя из историко-экономических условий, был создан Средневолжский край, куда входили теперешние Ульяновская и Куйбышевская области.

Наконец, наши советские историки относят Самарскую губернию. к Среднему Поволжью. См. работу по истории Самарской губернии, К. А. Наякшина «Очерки по истории Среднего Поволжья», Куйбышев. 1955 г.

Нижегородская губерния относилась к Верхнему Поволжью (см. А. П. Семенов-Тянь-Шанский, названное соч., т. I).

[2] Накануне проведения реформы в удельной деревне удельные крестьяне находились в 19 губерниях:

Губерния	Число крестьян	Губерния	Число крестьян
Архангельская	24685	Орловская	36536
Астраханская	834	Оренбургская . . .	1035
Владимирская . . .	29977	Пермская	16200
Вологодская	37624	С-Петербургская . . .	7285
Вятская	72453	Саратовская	29131

Лесное хозяйство в год давало 269 тыс. рублей дохода. Из этой суммы на Среднее Поволжье приходилось 70 тыс. рублей. Еще больший доход удельное ведомство получало от оброчных статей: в 1859 году оброчные статьи всего удельного ведомства дали 410 тыс. рублей дохода; на Среднее Поволжье приходилось 258 тыс. рублей, или 63 проц. дохода от всех оброчных статей удельного хозяйства.

Удельное ведомство, считая Среднее Поволжье центром своего хозяйства, все начинания и опыты прежде всего проводило в этом районе, а затем переносило на удельные хозяйства других губерний. Так было с поземельным сбором, образцовым селом, женскими училищами, с опытами по разведению улучшенных пород скота и т. д. Таким образом, удельное хозяйство Среднего Поволжья являлось базой и главным источником обогащения императорской фамилии дома Романовых.

В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» подчеркивал необходимость изучения экономической истории России по районам, говоря, что только таким путем мы можем глубоко познать сущность изучаемых процессов. При написании «Очерков» автор учитывал это положение.

Во время работы над «Очерками», был учтен опыт и значение других работ подобного характера, в частности, монографии Л. Б. Генкина «Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года» и монографии И. М. Катаева «История Усольской вотчины графов Орловых», которые нашли положительный отзыв в ученом мире нашей страны.

Выбор темы и ее актуальность была одобрена в свое время крупными специалистами-историками. По поводу актуальности данной темы писал в 1949 году В. К. Яцунский: «В настоящее время Н. П. Гриценко работает над темой «Удельные крестьяне Среднего Поволжья». В Среднем Поволжье, особенно в Симбирской губернии, было сосредоточено весьма значи-

---

Губерния	Число крестьян	Губерния	Число крестьян
Казанская	15658	Самарская	119390
Костромская	63292	Симбирская	236483
Московская	26546	Тверская	27525
Нижегородская	29405	Уфимская	24779
Олонецкая	1218	Всего	825947

тельное количество удельных крестьян. Таким образом, тема имеет одновременно и местное и общесоюзное значение»[1].

Автор «Очерков» не ограничивался рамками только Среднего Поволжья. Там, где было необходимо, использовались и сопоставлялись факты по истории удельных крестьян всей страны и привлекались материалы по истории крестьянства всех разрядов.

Необходимо тут же оговориться, что в задачу автора данного исследования не входит освещение истории дворцового хозяйства и дворцовых крестьян, поскольку эта тема совершенно самостоятельная. Поэтому об истории дворцового хозяйства и дворцовых крестьян говорится лишь в силу необходимости там, где это связано с историей дворцовых крестьян.

В 1835 г. в подчинение удельного ведомства попали лашманы, пахотные солдаты, однодворцы, свободные хлебопашцы и ямщики, находившиеся на территории Симбирской губернии. Поэтому автор считал необходимым хотя бы кратко остановиться на положении этих групп крестьянства, которыми ведали удельные конторы.

Автор «Очерков» в рамках Среднего Поволжья пытался осветить основные вопросы истории удельных крестьян, хотя сам он ощущает потребность в уточнении и углублении некоторых положений.

Для написания всеобъемлющей истории удельных крестьян России нового исследователя ждут многочисленные документы, которые хранятся в разнообразнейших архивохранилищах нашей страны.

Литература об удельных крестьянах, изданная в дореволюционный период, как в количественном, так и в качественном отношении весьма скудна. Авторами ее были или чиновники Департамента уделов, или лица, не ставившие своей задачей глубокое изучение истории удельных крестьян. Большинство этих работ представляет собой журнальные статьи, появившиеся в конце XIX — начале XX века в периодической печати [2].

---

[1] В. Яцунский. Изучение местной истории в СССР, журнал «Вопросы истории», № 8, 1949, стр. 95.

[2] И. И. Вильсон. «Выкупные за землю платежи бывших удельных крестьян» — Записки императорского русского географического общества.

В этих статьях не вскрывается многогранная история удельных крестьян, авторы этих работ часто искажают историческую правду, одни сознательно, другие, не зная документальных материалов, делают неправильные выводы.

Так, И. Красноперов в статье «Экономическое положение бывших удельных крестьян Самарской губернии» утверждает, что до реформы удельные крестьяне жили значительно лучше, «потому, что удел жалел крестьян». Удельное ведомство, писал он, «первое во дни крепостного права поняло необходимость народного образования, первое старалось, насколько хватило сил его деятелям, заронить луч света в темное народное царство», что бывшие удельные крестьяне в своем прошлом видели «золотой век своего благоденствия». И. Красноперов сокрушается, что теперь, т. е. в 1887 году, крестьяне «в 10 обществах Ставропольского уезда совершенно перевели свиней по недостатку пастбищ». «Прежде, — говорит он, — обедневшие домохозяева всегда могли рассчитывать на активную помощь со стороны удельного ведомства и семенами для посева и лесом для постройки избы»[2].

И. Красноперов писал статью об удельных крестьянах тогда, когда Россия стала капиталистической страной, когда постоянно рос внешний и внутренний сельскохозяйственный рынок, когда активно развивалось товарное земледелие, а вместе с ним происходил интенсивный процесс расслоения крестьянства — «раскрестьянивания». И. Красноперов не видел этих явлений и идеализировал бывшую жизнь удельных крестьян. Не зная, что представляло собой просвещение крестьян и выдаваемая крестьянам хлебная ссуда, во что обходились все «благодеяния» Департамента уделов для подневольной крестьянской массы, он изображал чиновников удельного ведомства как благодетелей крестьян.

В статье «Удельные крестьяне» В. А. Боголюбов, излагая краткую историю крестьян, в заключение пишет, что в удельных имениях не видно «таких затяжных крестьянских беспорядков, какие происходили в помещичьих: все волнения удельных крестьян до реформы носили местный характер и вспы-

---

по отделению статистики, т. V, 1878; В. А. Мякотин «Крестьянское самоуправление в удельных имениях» — журнал «Русское богатство», 1903, кн. 6—7; П. Голубев «Удельные земли и их происхождение», журнал «Вестник Европы», 1907, кн. 10; В. А. Боголюбов «Удельные крестьяне», в сборнике «Великая Реформа», т. II.

[2] И. Красноперов. «Экономическое положение бывших удельных крестьян в Самарской губернии» — Юридический вестник за 1888 г.

хивали по отдельным поводам — либо при перемене податного обложения, либо от чересчур неумеренных злоупотреблений администрации»[1].

Такая оценка положения удельных крестьян не соответствовала исторической действительности, она сглаживала острые классовые противоречия, существовавшие между феодальным владельцем земли и крестьянскими массами, авторы статей затушевывали классовую борьбу удельного и другого крестьянства против феодально-крепостнического строя.

Особое место занимает народническая литература по крестьянскому вопросу.

В. П. Воронцов, один из идеологов либерального народничества, проповедник крестьянской общины, защитник мелкого товарного производства, упорно отрицал возможность развития капитализма в России.

Воронцов и ему подобные «теоретики» приукрашивали крестьянскую общину, не видели тех острых противоречий, которые существовали между кулацкими элементами и простыми крестьянами-тружениками; либеральные народники извращали историческую действительность, искажали исторические факты. Реакционные воззрения Воронцова и других были разоблачены и разгромлены В. И. Лениным [2].

Взгляды народников разделял В. А. Мякотин. В статье «Крестьянское самоуправление в удельных имениях» Мякотин всячески восхваляет сельскую общину и крестьянское «самоуправление». Он писал о том, как были организованы сельские приказы, о взаимоотношениях удельных контор с сельской властью, о роли удельных писарей в приказах, о злоупотреблениях чиновников и многом другом. Однако Мякотин ничего не пишет о тех тяжелых условиях, в каких находились крестьянские массы, — о жестоких формах эксплуатации удельных крестьян, об их бесправии. Правда, в его статье есть такие разделы, как «Личные и имущественные права удельных крестьян», «Право передвижения крестьян внутри удельных имений», «Права распоряжаться своим имуществом».

Но в этих разделах не вскрывается социальная, классовая

---

[1] «Великая реформа», т. II, стр. 254., М., 1911.

[2] См. В. И. Ленин. «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «К характеристике экономического романтизма», «Развитие капитализма в России» и др.

сторона управления удельным ведомством своими крестьянами, не показывается истинная сущность тех мнимых прав, о которых говорит автор. В. А. Мякотин утверждает, что в момент образования удельных имений, а также в первые годы существования удельного ведомства крестьянское самоуправление было поставлено «на новых и довольно широких основаниях» и что «крестьянскому миру вообще уделялась в эту пору видная роль в сельском управлении».[1]

Больше того, автор статьи говорит о широких выборных началах в удельных селениях и о двойном контроле за сельской властью. Выборные власти, пишет он, действовали под двойным контролем — избиравших их крестьянских «миров» и высшей удельной администрации, причем «закон стремился оградить их от всевозможного произвола со стороны последней».[2]. Автор статьи умалчивал о том бесправии, какое царило в удельной деревне, и о том, что ни о каком контроле за действиями власти со стороны забитой, запуганной крестьянской массы в то время не могло быть и речи.

Статья П. Голубева «Удельные земли и их происхождение» во многом отличается от всех предыдущих статей по истории удельного крестьянства. Статья написана в полемическом тоне. Ее автор пытался доказать, что земля, находившаяся в распоряжении Департамента уделов в начале XX века, не удельного ведомства, а казны, государства.

Содержание статьи П. Голубева сводится к следующему. В момент образования удельного ведомства удельным имениям было передано государством 4.162 тысячи десятин земли единственного владения и 3,5 млн. десятин в общем владении с казною и помещиками. Прошло сто лет со дня существования удельного департамента, и у него в начале XX века оказалось 8 млн. десятин земли, не считая 4,5 млн. десятин, «проданных уделом своим бывшим крестьянам при освобождении» [3].

Откуда и какими путями Департамент уделов приобрел новые миллионы десятин земли? За время существования удельного ведомства, утверждает автор, Департамент уделов купил земли только 1.896 тыс. десятин. «Следовательно, — пишет Голубев, — остальная масса, свыше 10 млн. десятин,

---

1 Журнал «Русское богатство», 1903, кн. 6, стр. 51—55.

2 Там же, стр. 54.

3 «Вестник Европы», 1907, кн. 10, стр. 753.

приобретена без всяких затрат со стороны удела. А это могло быть добыто только у казны»[1].

Дальше автор показывает те пути, какими шел Департамент уделов к своей цели, и те неприглядные махинации, при помощи которых были получены огромные массивы государственных земель. Так, например, в 60-х годах XIX века незаконно была приобретена Вашская область в Архангельской губернии, площадью в 1,5 млн. десятин, незаконно было получено 2.755 тыс. десятин земли во время размежевания с казною. Больше того, Департамент уделов присвоил даже те земли, которые были выделены казной для наделения малоземельных удельных крестьян. Следовательно, в статье П. Голубев показал предпринимательство и хищническую политику Департамента уделов в накоплении земельных богатств.

В заключение статьи автор призывал удельное ведомство не продавать двух млн. десятин земли, что намеревался сделать Департамент уделов, а передать эти земли бывшим удельным крестьянам безвозмездно, так как земля не удела, а государства, казны.

Однако, П. Голубев отступает от истины. Он утверждает, что в начале XIX века удельные крестьяне Симбирской губернии были уравнены в землепользовании с государственными крестьянами той же губернии. На самом деле никакого уравнения в землепользовании государственных и удельных крестьян в то время не было. Автор правильно показал процесс обезземеливания удельных крестьян, однако, не понял сущности поземельного сбора как одной из форм усиления эксплуатации крестьянских масс.

В статье П. Голубева не показана жестокая эксплуатация удельных крестьян, затушевана классовая борьба крестьянства и те социальные и экономические причины, которые заставили царя пойти на отмену крепостного права в удельной деревне.

Только двухтомная работа «История уделов за столетие их существования», написанная по специальному заданию Департамента уделов и изданная в 1902 году, более полно, хотя и с узкоклассовых позиций освещает историю удельных крестьян. Во втором томе «История уделов» в дворянско-монархическом духе излагается история удельных крестьян. Авторы «Истории уделов» извращали объективную истину в интересах эксплуататоров, в интересах главного помещика в России —

[1] «Вестник Европы», 1907, кн. 10, стр. 753.

императорской фамилии Романовых. Составители «Истории уделов» в угоду тем же эксплуататорским классам пытались «улучшить» историю удельных крестьян, фальсифицировали исторические факты с тем, чтобы показать, что удельные крестьяне в дореформенный период жили хорошо, не было классовой борьбы, что удельное ведомство своими попечительными мерами способствовало благосостоянию крестьян.

В послеоктябрьский период советские историки главное внимание обратили на историю производителей материальных благ, на историю трудящихся масс, а следовательно, на историю крестьянства, в том числе и удельного.

В отличие от буржуазных историков, советские ученые, вооруженные марксистско-ленинской теорией, принципиально, по-новому, осветили историю крестьянства Российского государства.

Истории государственных крестьян XVIII в. — первой половины XIX в. академиком Н. М. Дружининым, посвящена фундаментальная работа «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». В этой работе Н. М. Дружинин говорит о том положении, какое занимали удельные крестьяне среди других разрядов крестьян. «Российское крестьянство, — писал он, — распалось на три основные группы феодально-зависимых производителей: крестьян владельческих, крестьян государственных и крестьян дворцовых, с 1797 года переименованных в удельные».[1]

Таким образом, удельные крестьяне относятся к трем основным категориям российского крестьянства. В своей работе Н. М. Дружинин основное внимание уделил государственным крестьянам. Однако, наряду с государственными крестьянами, он касался истории и удельного крестьянства. В частности, автор раскрыл сущность феодального попечительства в дворцовой—удельной деревне, правовое положение удельных крестьян, их феодальные оброки, классовую борьбу в удельной деревне, отношение правительства, с одной стороны, и народных масс, с другой, к удельному управлению и т. д.

Для историка, изучающего историю удельных крестьян, монография Н. М. Дружинина служит одним из основных пособий, которое дает представление о социально-экономических изменениях, происшедших в XVIII — первой половине XIX вв. как в стране, так и в деревне.

---

[1] Н. М. Дружинин «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». М., 1946, стр. 32.

В работе Я. И. Линкова «Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг.»[1] показан кризис феодально-крепостнической системы, что нашло «свое основное выражение в ожесточенной классовой борьбе крестьянских масс против помещиков и государственного аппарата дворянской империи».[2]

Автор, наряду с волнениями крестьян других разрядов, показывает и волнения удельных крестьян. Правда, в его работе не нашли достаточного отражения волнения удельных крестьян Среднего Поволжья 30—40-х годов, нарастание классовой борьбы в удельной деревне в 50-х годах и особенно в период проведения реформы.

Профессор П. А. Зайончковский в работе «Отмена крепостного права в России»[3] касался всех трех разрядов крестьян: помещичьих, государственных и удельных. Он пишет о землепользовании, земельных наделах удельных крестьян, о классовой борьбе, о подготовке и проведении реформы в удельной деревне.

Автор использовал много ранее неизвестных документов об удельных крестьянах. Однако в работе П. А. Зайончковского не освещены многие другие вопросы из истории удельных крестьян, что не входило в задачу исследования. Кроме перечисленных печатных работ, есть несколько кандидатских диссертаций, в которых частично затрагивается история удельного крестьянства или освещаются отдельные ее стороны.[4].

* * *

«Очерки» написаны на основе использования широкого круга источников, преимущественно архивных материалов, извлеченных из архивохранилищ Ленинграда, Москвы, Казани, Куйбышева и Ульяновска. Наиболее полно в работе использованы документальные материалы Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) и Центрального Государственного Исторического архива Ленинграда (ЦГИАЛ).

---

[1] Я. И. Линков. «Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг.», М. 1952.

[2] Там же, стр. 3.

[3] П. А. Зайончковский. «Отмена крепостного права в России» М., 1954.

[4] Для нас представляют интерес кандидатские диссертации: А. В. Седова «Удельные крестьяне Нижегородской губернии» (1797—1863 гг.), Горький, 1953; Г. И. Богатиковой «Реформа удельных крестьян 1863 года». Москва, 1956.

В специальных фондах Государственного архива Ульяновской области находится свыше 20 тыс. дел, в которых отражена история удельных крестьян Среднего Поволжья. В фонде Казанской удельной экспедиции (ф. 534) содержатся документы по истории удельных крестьян конца XVIII в. Архивные материалы Симбирской удельной конторы (ф. 318, дел 14485), Самарской (ф. 323, дел 975), Алатырской (ф. 320, дел 1822), Сызранской (ф. 322, дел 2035) и Казанской контор (ф. 342, дел 3799) — подробно отражают крестьянское землепользование, формы и методы эксплуатации крестьян, жизнь и быт самих крестьян, деятельность учреждений, управляющих удельными крестьянами. В этих фондах сохранились первичные документы: жалобы и прошения крестьян, решения судебных и удельных властей о неповиновении крестьян.

В Центральном Государственном Историческом архиве Ленинграда сохранились в значительном количестве материалы Департамента уделов. В фонде Департамента уделов или «Главном управлении уделов» (ф. 515) содержатся документы, сравнительно полно отражающие историю удельных крестьян с момента образования этого разряда крестьян вплоть до реформы в удельной деревне. Сохранились многочисленные статистические материалы о землепользовании удельных крестьян, об их повинностях, документы о поземельном сборе и общественной запашке, описные книги, уставные грамоты, отчеты удельных экспедиций и контор, отчеты чиновников Департамента уделов, ревизовавших на месте удельное хозяйство. В этом фонде сохранились документы, которые отражают классовую борьбу удельных крестьян, подготовку и проведение реформы в удельной деревне и крестьянские выступления в связи с ней. В этом архиве были использованы материалы других фондов: Совета Министра внутренних дел (ф. 1281), Центрального Статистического комитета (ф. 1290), Главного комитета по крестьянскому делу (ф. 1180), Государственного Совета (ф. 1181) и др.

В Центральном Государственном архиве древних Актов в Москве, в Центральном Архиве Татарской АССР и Куйбышевском областном архиве были использованы фонды, относящиеся к данной теме.

Документы удельного ведомства, начиная с официальных отчетов и донесений удельных контор и заканчивая «всеподданнейшими» докладами министра двора, — все эти документы требуют особого критического подхода. Многие из них написа-

ны с определенной целью: показать благополучие удельной деревни и довольство удельных крестьян, приуменьшить, а там, где можно, и вовсе сгладить острую классовую борьбу удельных крестьян с крепостниками.

Образцом фальсификации действительности служат ежегодные «всеподданнейшие» отчеты министра двора об удельном хозяйстве[1].

Только при критическом подходе к документам, при сопоставлении одного документа с другим, при привлечении других материалов можно приблизиться к истине и выяснить действительное положение удельных крестьян. Так, например, отчеты и донесения управляющих удельными конторами проверяются другими документами: отчетами губернаторов, материалами казенных палат, уездных судов, палатами уголовного суда, документами центральных учреждений.

О лихоимстве и преступлениях удельных чиновников, об их методах управления, эксплуатации удельных крестьян больше известно не из документов удельного ведомства, а из фондов палат уголовного суда, 6-го Департамента (уголовного) правительствующего Сената и других.

Из печатных материалов несомненную ценность представляет Полный свод законов Российской империи (первое и второе издания). В Полном своде законов содержатся основные законодательные акты по крестьянскому вопросу, основные законы, определившие положение удельных крестьян среди других разрядов российского крестьянства, структуру управления удельными крестьянами, их правовое положение и т. д. и т. п

Из всех законодательных актов об удельных крестьянах для нас представляются наиболее важными «Учреждение об императорской фамилии»[2], «Положение Департамента уделов»[3], «Дарование всем крестьянам удельного ведомства личных и имущественных прав, предоставленных прочим свободным сельским сословиям»[4], и, наконец, «Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных»[1].

---

[1] Всеподданнейшие отчеты министра императорского двора. (Отчеты царю обычно печатались типографским способом, но без указания выходных данных. В библиотеке им. В. И. Ленина имеются отчеты за 1832—1860 годы).

[2] Полное собрание законов Российской империи, т. XXIV. Спб:, 1830, № 17906. (В дальнейшем ПСЗ).

[3] Там же, т. XXX, № 23020, 1808 г.

[4] Там же, (II издание), т. XXIII, № 33326, 1858 г.

Закон «Учреждение об императорской фамилии», обнародованный 5 апреля 1797 года в день коронации Павла I, являлся одним из «фундаментальных законов» Российской империи. «Учреждение об императорской фамилии» состоит из шести отделений и 207 параграфов. В «Учреждении» определены доходы удельных имений и государственной казны на содержание императорской фамилии; установлены взаимоотношения между членами царствующего дома, а также права наследства; сказано о функциях вновь учрежденного Департамента уделов «для управления имений и доходов», об удельных экспедициях и о тех, кто должен содержать императорскую фамилию, а также об удельных крестьянах. На основании этого закона был образован новый разряд крестьянства — крестьян удельных.

«Положение Департамента уделов», изданное 15 мая 1808 г. и помещенное в XXX томе Полного собрания законов, касалось многих сторон деятельности удельного ведомства. Этот закон расширил и дополнил то, о чем было недоговорено в «Учреждении об императорской фамилии». При написании «Положения Департамента уделов» была учтена практика управления удельными крестьянами и их эксплуатации на протяжении более десяти лет; в этом законе более четко определены функции Департамента уделов, удельных контор, вместо ликвидированных удельных экспедиций, определены права и обязанности сельских приказов. «Положением Департамента уделов» окончательно определено место удельных крестьян среди других «сельских обывателей».

Указанное «Положение», о котором говорится дальше, послужило основой для проведения коренной административно-хозяйственной реформы в удельных имениях. На протяжении всей последующей истории удельного хозяйства и его крестьян, вплоть до реформы 1863 года, «Положение» являлось действующим законом для чиновников удельного ведомства.

Предвестником отмены крепостного права в удельной деревне явился закон, изданный 5 марта 1858 года,—«Дарование всем крестьянам удельного ведомства личных и имущественных прав, предоставленных прочим свободным сельским сословиям»[2]. На основании этого закона удельные крестьяне получили право перейти в другие сословия, отменялись многие ог-

[1] Полное собрание законов Российской империи (II издание), т. XXXVIII, № 39792, 1863 г.

[2] ПСЗ (II издание), т. XXIII, № 33326.

раничения, расширялось правовое положение удельных крестьян.

К важнейшим законодательным актам, коренным образом изменившим положение удельных крестьян, явилось «Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных», изданное 26 июня 1863 г.[1].

На основании «Положения» 1863 года проводилась реформа в удельной деревне, устанавливались наделы, выкупные деньги, определялось будущее бывших удельных крестьян.

В «Полном собрании законов» содержатся и другие актовые материалы, отражавшие социально-экономические изменения в удельной деревне. Ни царское правительство, ни Департамент уделов не могли не считаться с теми изменениями, которые происходили в жизни страны, в жизни удельных крестьян. Они не могли приостановить разложение феодально-крепостнического строя, затормозить развитие товарно-денежных отношений, в равной мере не могли запретить крестьянские промыслы и торговлю, передвижение крестьян за пределы своего приказа или удельного имения. Прав был Л. Б. Генкин, утверждавший, что царское правительство, «следуя за жизнью, вынуждено было юридически признать и отразить в определенной степени в законах и те новые процессы, которые происходили в крестьянской среде»[2].

В 1843 году Департамент уделов издал в 4 томах и 6 частях «Свод удельных постановлений». В этом «Своде» систематизировано все законодательство и основные удельные постановления и инструкции со дня образования удельного ведомства. Каждый том разделен на отделы и статьи. В конце каждого тома имеются приложения, некоторые из них представляют несомненную ценность для историка. В «Своде удельных постановлений» расписано все до мельчайших деталей с указанием в конце каждой статьи закона или удельного постановления.

Познакомившись со «Сводом удельных постановлений», можно узнать, как регламентировалась и феодально опекалась жизнь крестьянина, какие методы и приемы применялись для увеличения удельного дохода за счет чрезвычайной эксплуатации народных масс.

Из опубликованных источников большую известность имеет Сборник «Крестьянское движение 1827 — 1869 годов», выпуск I и II, Москва, 1931 год. Указанный сборник был подго-

---

1 ПСЗ (II издание), т. XXXVIII, № 39 792.

2 Л. Б. Генкин. Цит. работа, стр. 19.

товлен к печати Е. А. Мороховцом. В состав документального сборника, которым пользуются многие исследователи, вошли извлечения из «всеподданнейших» отчетов III отделения собственной е. и. в. канцелярии и корпуса жандармов за указанные годы.

Жандармские отчеты страдают теми же недостатками, что и другие официальные документы николаевского времени. В свое время составитель этого сборника Е. А. Мороховец, обратил внимание на тенденциозность некоторых отчетов, на то, что авторы «всеподданнейших» отчетов руководствовались конъюнктурными соображениями и, естественно, не отображали настоящего положения вещей. В «нравственно-политических отчетах» излагались важные события в стране, настроение умов, классовая борьба и, главным образом, крестьянские волнения. Однако, основная тенденция этих отчетов состояла в том, чтобы приуменьшить острую классовую борьбу в стране, в помещичьей, государственной и особенно в удельной деревне. За 40 — 50-е годы XIX века и до самой реформы в удельной деревне о волнениях удельных крестьян в жандармских отчетах почти ничего не говорится. Известно, однако, что в это время удельные крестьяне все настойчивее требовали отмены общественной запашки и уничтожения удельных порядков. На «Положение» 1863 года удельные крестьяне ответили «бунтами». В 1864 г. волновались крестьяне в Самарском, Симбирском и Алатырском имениях. Во «всеподданнейшем» отчете за 1864 год сказано: «Переход удельных крестьян к новому управлению совершался большею частью мирно; но в Костромском и Самарском имениях они не принимали уставных грамот и отказывались даже от поземельного надела» [1].

«Всеподданнейший» доклад делился на несколько разделов. О волнениях удельных крестьян сообщалось не в разделе «О неповиновении крестьян», а в разделе «О крестьянском деле». Причем размеры их распространения и влияния значительно преуменьшались. Только тогда, когда крестьянские волнения в удельных имениях Среднего Поволжья, в Саратовской и других губерниях страны стали принимать угрожающий характер, о них стали сообщать в отчетах более подробно.

Чем объяснить, что во «всеподданнейших» отчетах за 1827—1864 годы очень мало сказано о волнениях удельных крестьян? К слову сказать, «всеподданнейшие» отчеты ввели в

[1] Там же, вып. II стр. 78.

заблуждение некоторых историков, считавших, что в удельной деревне не было той острой классовой борьбы, какая была в помещичьей деревне.

Нам кажется, что шеф жандармов во «всеподданнейших» докладах не доносил или очень мало писал о недовольстве удельных крестьян с определенной целью: показать, что крестьяне императорской фамилии находятся в лучшем положении, чем помещичьи крестьяне.

О том, что неповиновений и волнений крестьян в удельных имениях было значительно больше, чем об этом сказано во «всеподданнейших» отчетах, свидетельствуют другие документы. Даже такой историк, как Н. Варадинов, не мог пройти мимо фактов классовой борьбы в удельной деревне. В его книгах «История Министерства внутренних дел»[1] в краткой форме сообщается о волнении всех разрядов крестьян, в том числе и удельных, в период с 1826 по 1852 годы.

Если сравнить «всеподданнейшие» отчеты о волнениях крестьян со скупыми фактами, сообщаемыми в работе Варадинова, то можно сделать вывод, что эти факты более объективные, хотя также не раскрывают острой классовой борьбы, нараставшей в период кризиса феодально-крепостнического строя.

Кроме приведенных выше документальных сборников, использовались и другие печатные материалы, список которых приложен в конце работы.

В процессе написания монографии автором были учтены критические замечания Н. М. Дружинина, К. В. Сивкова, Л. М. Иванова, М. В. Нечкиной, П. Г. Рындзюнского, А. В. Фадеева, М. К. Рожковой, высказанные как по структуре построения «Очерков», так и по содержанию самой работы, которым выражаю глубокую благодарность.

ГЛАВА I

ОБРАЗОВАНИЕ РАЗРЯДА УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН

Закон «Учреждение об императорской фамилии». Положение удельных крестьян среди других разрядов крестьян. Организация управления удельными крестьянами и их эксплуатация.

---

[1] Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел, ч. III, кн. 1—III, СПб, 1862 г.

Закон «Учреждение об императорской фамилии»

Разряд удельных крестьян возник в тот период, когда в недрах феодально-крепостнического строя шел процесс развития новых, капиталистических производственных отношений, когда новые отношения со всей силой начали проявляться как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, как в городе, так и в деревне. В недрах феодально-крепостнического строя уже во второй половине XVIII века «ясно обозначались черты более или менее оформившегося капиталистического уклада»[1], когда новые производительные силы вступили в борьбу со старыми феодальными отношениями. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»[2], — писал К. Маркс в «Капитале».

Разряд удельных крестьян появился в то время, когда товарно-денежные отношения получили свое дальнейшее развитие, когда с дальнейшим ростом обмена и развития внутреннего рынка разрушалась натурально-хозяйственная система. Товарно-денежные отношения проникают в сельское хозяйство, в поместье, в удельную и государственную деревни.

В этих условиях дворцовое хозяйство, лишенное строгой организации, основанное на архаических началах, к тому же мало рентабельное, не могло удовлетворить все возрастающих потребностей многочисленной императорской фамилии дома Романовых.

Дворцовое хозяйство, разбросанное на огромной территории государства, в последней четверти XVIII века не имело даже единого управления. В 1786 году была ликвидирована Главная дворцовая канцелярия, а все оставшиеся дела были переданы в Придворную канцелярию. Функции Придворной канцелярии были строго определены, и она непосредственно не занималась управлением дворцовым хозяйством и эксплуатацией дворцовых крестьян. Дворцовое хозяйство и его крестьяне были переданы казенным палатам, которые собирали с крестьян подушную подать и дворцовый оброк [3].

Казенные палаты, выполнявшие многочисленные обязанности, мало занимались дворцовым хозяйством, а чиновники их

---

[1] Н. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. Журнал «Вопросы истории», № 11, 1949 г., стр. 94.

[2] К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 720, 1953 г.

[3] ПСЗ (1 изд.), т. XXII, 16358.

часто и сознательно своими действиями приносили дворцовому хозяйству материальный ущерб. Представители местной власти отбирали у крестьян мельницы, при сборе податей и оброков брали лишние деньги, заставляли крестьян работать на себя и всячески угнетали их[1].

Отданные в бесконтрольное управление казенным палатам, дворцовые крестьяне терпели притеснения со стороны помещиков. Помещики захватывали земли дворцовых крестьян, землепользование которых с каждым десятилетием сокращалось. Особенно сократилось оно в период генерального межевания. Большое количество крепостей на дворцовые земли сгорели в московских архивах во время многочисленных пожаров. Поэтому трудно было определить количество земельных угодий, принадлежащих тому или другому дворцовому селению. Однако у помещиков сохранились «грамоты и выписи на многие земли, которые поэтому и сохранили свое значение, хотя, быть может, эти владения были отняты у дворян по какой-нибудь причине»[2].

Сокращение землепользования влекло за собой обнищание крестьян, недоимку оброков, что понижало доходы дворцового хозяйства.

Формы управления дворцовым хозяйством, эксплуатация и управление дворцовыми крестьянами, поземельные отношения самих крестьян — все это настолько устарело, что потребовалась коренная ломка старого дворцового хозяйства и замена его новым — удельным.

Новое удельное хозяйство должно было максимально обеспечить материальное благосостояние императорской фамилии дома Романовых, а с удельных крестьян предполагалось получать все для обеспечения этого благосостояния.

Как показала впоследствии жизнь, удельное хозяйство, в отличие от дворцового, приспосабливалось к новым капиталистическим отношениям, отдельные отрасли этого хозяйства тесно были связаны с предпринимательством и торговлей (отдача свободных денег в банки за высокие проценты, создание фабрик, различных оброчных статей, продажа леса и т. п.).

---

[1] В. Семевский. Крестьяне дворцового ведомства в XVIII веке. Журнал «Вестник Европы», 1878, кн. 5, стр. 36—37. Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. III, ч. 1, Саранск, 1939, стр. 115—132.

[2] В. Семевский. Цит. произведение, стр. 18—19. О землепользовании дворцовых крестьян имеются богатые материалы в Центральном межевом архиве, хранящемся в ЦГАДА, оп. 157, 162, 167 и др.

Павел I решительно пошел на коренную ломку старого, отжившего дворцового хозяйства и замену его новой административной машиной, способной в новых условиях максимально повысить доходность владений царствовавшего дома.

С этой целью 5 апреля 1797 года был издан закон «Учреждение об императорской фамилии»[1].

Цели указанного закона ясно были сформулированы уже в первых его параграфах. В законе сказано: «Когда поколение фамилии императорской распространится до князей крови императорской, содержание ее в продолжение времени могло бы быть государству отяготительно, ежели не взять к оному нужных мер: учреждая сие... и желая сколько обеспечить состояние фамилии нашей, столько облегчить и расходы государства, определяем быть удельным имениям; и для того назначаем отделить из государственных владений определенную один раз часть деревень и из государственных доходов ежегодно по миллиону рублей»[2].

Как этот закон, так и закон о престолонаследии были написаны под свежим впечатлением французской революции, под тяжестью воспоминаний о дворцовых переворотах XVIII века. Два этих закона в какой-то мере были связаны между собой На основании первого закона престол переходил по праву первородства, и притом только по мужской линии царствующего дома.

По второму закону определялось материальное обеспечение великих князей и княжен крови императорской за счет вновь образованного удельного ведомства.

Согласно «Учреждению об императорской фамилии» одни из членов императорской фамилии находились только на содержании государства, другие — на содержании удельного ведомства. На государственном обеспечении находились: императрица, наследник престола, старший сын наследника и их жены. Все остальные члены императорской фамилии содержались за счет доходов удельного хозяйства. Если члену императорской фамилии выделялся удел, то «удельное имение, по пресечению того поколения, коему оно дано, возвращается в общую удельную массу»[3].

Из этого и других положений «Учреждения об императорской фамилии» вытекает, во-первых, что владение, выделенное

---

[1] ПСЗ. I изд., т. XXIV, 17906.

[2] Свод удельных постановлений. Ч. 1, СПб, 1843, стр. 1.

[3] ПСЗ (1-е изд.), т. XXIV, 17906, § 55.

одному из членов царствующего дома, не превращалось в наследственную собственность одного владельца и по «пресечении того поколения, кому оно дано» полностью присоединялось к остальным удельным владениям. Во-вторых, удельные владения в целом, хотя и представляли одну из разновидностей феодальной собственности и приближались по своему положению к частной собственности крупных феодалов, но юридически и фактически они являлись нераздельной собственностью всего царствующего дома.

При этом необходимо обратить внимание на встречающиеся в законе термины — «удельное ведомство», «удельное хозяйство», «удельные крестьяне» и др. Составители закона «Учреждение об императорской фамилии» сознательно употребили слово «удельное» для того, чтобы подчеркнуть юридическое понятие термина «удел». В XIV веке слово «удел» получает специальное значение, определяющее выделенную члену княжеского рода территорию. Выделенная территория — «удел» — была подчинена власти князя, который управлял ею наследственно на началах государственного права, но преимущественно на началах права частного, на правах вотчинника.

Как увидим ниже, удельное хозяйство, созданное в конце XVIII века, управлялось на основании тех же принципов: Департамент уделов наделялся функциями государственной власти, в то же время представляя собою своеобразную вотчинную контору императорской фамилии дома Романовых. Нет надобности доказывать, что составители закона «Учреждение об императорской фамилии», создавая удельное хозяйство, вкладывали новый смысл в это понятие, применительное к данной эпохе.

Для материального обеспечения всей императорской фамилии выделялось раз и навсегда около 463 тыс. душ крестьян, более 4 млн. десятин земли единственного владения и 3,5 млн. десятин земли в общем владении с казною и помещиками. Кроме того, из государственной казны ежегодно отпускалось для императорской фамилии 1 млн. рублей денег. Однако законом ограничивался рост удельного хозяйства и отпуск денежных сумм из государственной казны. Создавая удельное хозяйство на неопределенный срок, составители закона определили, чтобы в будущем в удельном хозяйстве было бы не более одного миллиона ревизских душ и чтобы при накоплении определенной суммы в удельном ведомстве прекратить выдачу денег из казны. «Когда же расходы умножатся, — говорилось в этом законе, — и доходов на них доставать не будет, отпуск

возобновляется, но не полным числом, а по мере превосходящих против прихода расходов» [1].

Выделенный для удельного ведомства денежный капитал не мог употребляться на нужды государства[2].

Согласно закону «Учреждение об императорской фамилии», все дворцовые крестьяне, кроме государевых, превращались в удельных.

Положение удельных крестьян среди других основных разрядов крестьянства

Удельные крестьяне входили в число трех основных групп феодально-зависимых производителей: крестьян помещичьих, крестьян государственных и крестьян удельных. Владельческие крестьяне находились в безраздельной собственности помещиков. Помещики распоряжались своими крестьянами так же, как другой движимой и недвижимой собственностью. По своему усмотрению они увеличивали оброки, переводили крестьян на барщину, отбирали у крестьян землю, а самих крестьян обращали в дворовых или определяли им месячину, заставляли крестьян работать не только все неделю, но и ночью, и в воскресные дни. Помещики продавали своих крестьян оптом и в розницу, за малейшие проступки наказывали их. Наказания часто принимали самые уродливые формы: крестьян сажали на цепь, морили голодом, забивали насмерть. Неугодных крестьян помещики отдавали в рекруты или ссылали в Сибирь. Помещичьи крестьяне, подвергавшиеся жесточайшей эксплуатации, были абсолютно бесправны.

Государственные крестьяне находились в феодальной зависимости от дворянского государства. Их положение по сравнению с помещичьими крестьянами было иным.

Много было черт, сближавших удельных крестьян с помещичьими. Внеэкономическое принуждение давило удельных и помещичьих крестьян в большей степени, чем государственных крестьян. В правовом отношении удельные крестьяне почти так же были ограничены, как и помещичьи крестьяне: как в удельной, так и в помещичьей деревне существовала круговая порука, гарантировавшая своевременное поступление денежных оброков и податей; как те, так и другие крестьяне были лишены права по собственной воле менять свое местожительство и свободно переходить в другие сословия; кресть-

---

1 ПСЗ (1-е изд.), т. XXIV, 17906, § 7, 14.

2 Там же, § 8, 11.

яне этих разрядов лишены были права самостоятельно приобретать недвижимую собственность и, в частности, землю. Как те, так и другие крестьяне, покупая землю, купчую совершали на имя феодального владельца земли. И удельные, и помещичьи крестьяне были ограничены в правах личной жизни: в семейных разделах, в вопросах брака, судебных делах и др.

В законе «Учреждение об императорской фамилии» говорилось: «Имения, на уделы определенные, выходя из класса имений государственных, хотя в число помещичьих не поступают и название имеют удельных; но во всех случаях, где употребление помещичьих владений потребно, удельные наряду с ними употребляются и одинаковым образом нижним и верхним судам подсудимы»[1].

Однако структура управления удельными крестьянами со стороны удельных экспедиций давала первым некоторую свободу в хозяйственной деятельности. Удельные экспедиции, созданные при казенных палатах, должны «иметь общие рассуждения» по управлению государственными и удельными крестьянами. В тех губерниях, где были удельные крестьяне, а экспедиции находились в губернском городе соседней губернии, удельные крестьяне подчинялись распоряжениям казенных палат[2].

Удельные экспедиции, согласно закону «Учреждение об императорской фамилии», не вмешивались в «разбирательство внутреннего сельского дела», в их компетенцию не входил «выбор начальников, поставка рекрут, и подобные оному, от управления и распоряжения сих экспедиций должно быть чуждо и для того всякое участие до внутренности тех сельских дел экспедициям удельным сим наистрожайше запрещается»[3].

Однако в период разложения крепостнического строя и усиления феодальной эксплуатации положение удельных крестьян изменилось и приблизилось к положению помещичьих крестьян, хотя и не доходило до уровня того бесправия, в котором находились помещичьи крестьяне.

Ряд законов и удельных постановлений уточнял юридическое положение удельных крестьян. Согласно закону «Положение Департамента уделов», изданному в 1808 году, вся хозяйственная деятельность и личная жизнь крестьян стали под-

---

[1] ПСЗ, т. XXIV, 17906, § 5.
[2] Там же, § 159.
[3] Там же, § 158.

контрольными удельными учреждениями[1]. Последующие законы подтверждали владельческие права удельного ведомства на удельных крестьян. В 1811 году в правительственных учреждениях возник вопрос — как и кому наказывать удельных крестьян за побеги. По этому случаю Правительствующий Сенат получил царское повеление: «Предоставить наказание беглых крестьян удельного ведомства удельному начальству с тем, чтобы министр уделов составил особые на сей случай правила, для точного определения наказания за поступки удельных крестьян»[2].

Но были и существенные отличия в положении помещичьих и удельных крестьян. Удельные крестьяне более свободно распоряжались своим земельным участком, над ними никогда не висела угроза лишиться надельной земли и быть переведенными на месячину или в дворовые. Оброчная форма ренты предоставляла удельным крестьянам больше хозяйственной самостоятельности, над ними не висела плеть помещичьего холопа. Для удельных крестьян оброки устанавливались не по помещичьему праву, а в зависимости от экономического состояния данного района, приказа, в отдельных случаях — селения. В удельной деревне отсутствовала барщина в том виде, в каком она существовала в помещичьих селениях. В отличие от помещичьих крестьян удельные крестьяне никогда не превращались в рабов. Удельный крестьянин не мог стать дворовым и выполнять унизительные для человеческого достоинства обязанности. Зажиточный удельный крестьянин при желании и определенных условиях (согласие на такой уход сельского общества, уплата за несколько лет вперед оброков и др.) мог за узаконенный выкуп перейти в городские сословия — в мещанство или купечество.

Удельные крестьяне пользовались самоуправлением, хотя это самоуправление низводилось удельными чиновниками до простой формальности.

Основное же отличие удельных крестьян от помещичьих заключалось в том, что их не продавали и не закладывали как крепостных крестьян.

Правда, удельные крестьяне постоянно испытывали феодальную опеку удельного ведомства, но это дорого обходилось удельным крестьянам. Удельные крестьяне были лишены самых элементарных условий жизни, а сама жизнь крестьян была по-

---

1 ПСЗ, т. XXX, 1808, 23020.

2 ПСЗ, т. XXXI, 1811, 24936.

ставлена под контроль многочисленных чиновников и приказных старшин, каждый шаг удельного крестьянина был регламентирован удельным постановлением.

Организация управления удельными крестьянами и их эксплуатация

Создавая организацию управления удельными имениями, венценосный помещик главное внимание сосредоточил на системе эксплуатации крестьянских масс при помощи огромного и сложного аппарата с ярко выраженным административно-фискальным характером.

Организация управления и эксплуатация крестьян в крупной вотчине отличалась относительной простотой по сравнению с удельным ведомством. Там создавалась вотчинная контора, устанавливались должности управляющего, бурмистра, старосты. Подобная организация вотчинным хозяйством почти не изменялась до самой реформы 1861 года.

О системе управления помещичьими крестьянами и их эксплуатации подробно говорится в работах советских историков. К. В. Сивков в «Очерках по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России» писал: «Внеэкономическое принуждение осуществлялось посредством бюрократически организованного вотчинно-административного аппарата. Этот аппарат, права и обязанности которого определялись инструкциями и распоряжениями помещика, имел обширные полномочия»[1].

В системе управления государственными крестьянами происходили существенные изменения. Государственными крестьянами до 1838 года управляли казенные палаты; судебными делами ведали Нижняя земская расправа в уезде и Верхняя земская расправа в губернии. По указу Павла I в 1797 году для непосредственного управления крестьянами создавались волости вместо сельских выборных органов, существовавших в XVIII веке. Во главе волости, включавшей до 3 тыс. ревизских душ, стояли волостные правления с волостным головой, писарем и старостами селений. «Мотивы такого изменения, — пишет Н. М. Дружинин, — были вполне понятны: дворянское государство стремилось сильнее подчинить себе крестьянские массы»[2].

---

[1] К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. По материалам архива степных вотчин Юсуповых. М., 1951, стр. 27.

[2] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.—Л., 1946, стр. 55.

При составлении Павловского закона 1797 года об учреждении волостей для государственных крестьян большое значение имела практика управления удельными крестьянами, из которой было немало заимствовано. При разработке реформы П. Д. Киселева по управлению государственными крестьянами также много было заимствовано из удельных инструкций и постановлений. Закон 30 апреля 1838 года еще больше ограничил функции волостного правления и волостного схода. Волостной голова и сельский староста стали слепым орудием в выполнении воли окружного начальника.

«Волостное и сельское управления были сконструированы Киселевым, — пишет Н. М. Дружинин, — как служебные орудия правительственной власти, лишенные всякой независимости и свободной инициативы. Решительный перевес начала феодальной опеки над признанием крестьянской правоспособности нашел себе дополнение и развитие в соответствующей организации местного управления Министерства государственных имуществ»[1].

Создавая отдельное феодальное хозяйство, именуемое «уделом», Павел I создал и особое управление — Департамент уделов, во главе которого стоял министр с особыми правами.

«Сей Департамент, — говорилось в законе, — имеет состоять под собственным нашим ведением; следственно, во всех своих деяниях отчет дает токмо нам самим, как равно и повеления на какие-либо сверх изображенных в сем учреждении встретиться могущие случаи получает от нее; а другое никакое правительство никакого отчета по делам вверяемым его распоряжению требовать и предписаний по оному чинить права не имеет»[2].

Но если Департамент уделов не подчинялся никакому другому правительственному учреждению, то «все прочие правительства и присутственные места, в делах собственно принадлежащих до Департамента уделов, требующих их воспособия, обязаны по требованиям оного немедленно чинить удовлетворения, согласные с нашими узаконениями» [3].

Как эти, так и другие положения закона превращали Департамент уделов в учреждение, независимое ни от каких пра-

---

[1] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.—Л., 1946, стр. 630.

[2] ПСЗ (1-е изд.), т. XXIV, № 17906, § 81.

[1] ПСЗ (1-е изд.), т. XXIV, № 17906, § 84.

вительственных органов. Подобными правами на местах воспользовались созданные в 1808 году удельные конторы.

Департамент уделов являлся высшей инстанцией управления всем удельным хозяйством и крестьянами.

Однако функции Департамента уделов были ограничены, он являлся исполнительным органом воли и власти царской фамилии. Ему категорически запрещалось вмешиваться в разбирательство спорных дел между членами императорской фамилии, запрещалось вникать в права и наследства того или другого члена царского дома. Обязанность Департамента уделов — управлять всеми удельными имениями, «как первоначально поступившими в состав уделов, так и впоследствии покупкою или променом приобретенными и к оным причисленными» [1].

Департамент уделов был ограничен и в деятельности по хозяйственной части: он не мог по своей воле распоряжаться доходами и расходами по удельным имениям, кроме тех, которые определены инструкциями или распоряжениями царя [2]. Все словесные или письменные распоряжения царя на имя Департамента уделов объявляет только министр уделов», «мимо коего таковые ни от кого не принимаются»[3].

Функции самого министра также были строго регламентированы: «министр уделов состоит под собственным ведением государя императора, следственно, во всех своих деяниях отчет дает только его императорскому величеству, равно и все повеления получает от его величества, а другое никакое правительство никакого отчета по делам вверенным его распоряжению требовать и предписаний по оным чинить права не имеет» [4].

В законоположении указывается, что удельное ведомство покоится на частно-владельческих правах, а удельное хозяйство является собственностью царской фамилии. В отличие от других министерств и департаментов, Департамент уделов имел круглую гербовую печать особой формы.

Таким образом, Департамент уделов не походил на все другие высшие правительственные учреждения, а лично подчинялся только царю и являлся своеобразным вотчинным управлением, но вместе с этим обладал всеми правами правительственного органа.

---

[1] Свод удельных постановлений, часть I, § 9.

[2] Там же, § 10.

[3] Там же, § 19.

[4] Там же, § 9.

Не останавливаясь подробно на структуре и функциях Департамента уделов, что не входит в задачу данного исследования, необходимо более подробно рассмотреть учреждения, подчиненные Департаменту уделов и непосредственно управлявшие удельными крестьянами.

Для управления удельными крестьянами и их эксплуатации в 1797 году было создано 9 экспедиций[1]. Казанская экспедиция, созданная для Среднего Поволжья, распространяла свои действия на удельных крестьян Казанской, Симбирской, Пензенской и Нижегородской губерний.

Функции Казанской, как и других удельных экспедиций, были строго регламентированы; они не имели никакой личной инициативы ни в хозяйственных, ни в других вопросах управления удельным хозяйством. Экспедиции, созданные для руководства удельным хозяйством, разбросанным во многих губерниях, не могли в достаточной мере контролировать ни старшин приказов, ни хозяйственной деятельности удельных крестьян. Они практиковали случайные наезды чиновников экспедиции в приказы и селения, посылали распоряжения, указания и требования. При таком управлении трудно было осуществить настоящий контроль.

Одиннадцатилетняя практика показала, что экспедиции не соответствуют своему назначению, и вместо 9 экспедиций в 1808 году было создано до двух десятков удельных контор. Цель этой реорганизации заключалась в том, чтобы приблизить удельные конторы к приказам, иметь возможность осуществлять более постоянный контроль за жизнью и деятельностью удельных крестьян.

В «Положении Департамента уделов», изданном 15 мая 1808 года, указывались причины преобразования местного удельного управления. В докладе министра уделов прямо сказано, что разделение удельного хозяйства на экспедиции «не соответствует положению сих имений и не доставляет возможности иметь над ними прямой и хозяйственный надзор»[2].

Но главной причиной реорганизации управления удельными имениями было стремление подчинить все отрасли удельного хозяйства и всю массу удельных крестьян только настоящему их владельцу, — т. е. императорской фамилии

---

[1] Московская, Петербургская, Орловская, Тамбовская, Костромская, Вятская, Архангельская, Смоленская и Казанская экспедиции.

[2] ПСЗ (I-е издание), т. XXX, 23020.

дома Романовых. Существовавшие экспедиции находились в зависимости от казенных палат, губернских властей; они были ограничены в хозяйственных распоряжениях, в конкретном управлении, в эксплуатации удельных крестьян. Торги на удельные оброчные статьи производились в казенных палатах, которые меньше всего заботились об удельном хозяйстве. Платежи казенных податей, поставка рекрут, отбывание удельными крестьянами других многочисленных повинностей — все это зависело от распоряжений земской полиции и губернских властей. Леса, бывшие в пользовании удельных крестьян, отошли в ведение Лесного Департамента. И если государственным крестьянам выделяли из лесных дач в счет недостающей земельной нормы наделы, то удельным крестьянам подобные земли по воле местных властей не выделялись.

В самих приказах, за их отдаленностью от экспедиции, местные старшины допускали беспорядки, упущения и злоупотребления. Были обнаружены недостатки и в работе центрального аппарата. В Департаменте уделов производство дел, «основанное на обряде канцелярском и сопряженное с соблюдением различных форм и многих повторений, отнимает большую часть времени, нужного на хозяйственное по имениям распоряжение».

По инициативе и настоянию министра уделов было принято «Положение Департамента уделов»[1] в результате чего коренным образом изменилась организация управления удельными имениями, усилилась эксплуатация удельных крестьян. Этим достигалась цель сохранения «в целости всех имений удельных ограждением их от всякого постороннего притязания».

Теперь, на основании нового закона, оброчные статьи, фабрики, мельницы, торговые площади, леса и другое передавалось в распоряжение удельных контор, подотчетных только Департаменту уделов. Всякое «влияние со стороны земской полиции и губернского начальства ограничивается в той степени, какую они имеют в отношении к имениям владельческим».

Таким образом, удельное ведомство с его многочисленными конторами и приказами наделялось вотчинными правами.

---

[1] ПСЗ (1-е изд.), т. XXX, 23020.

Итак, вместо Казанской удельной экспедиции в Среднем Поволжье были созданы Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская конторы. Удельные конторы полностью оправдали себя в глазах высшего удельного начальства. Они без особых изменений просуществовали до крестьянской реформы в удельной деревне. Больше того, в 1836 году из Симбирской удельной конторы создали 4: Симбирскую, Алатырскую, Сызранскую и Самарскую. С увеличением контор увеличивалось и число сельских приказов. Перед крестьянской реформой в Среднем Поволжье насчитывалось 71 сельский приказ и 3 отделения, вместо 2 десятков приказов в начале XIX века.

Функции контор и сельских приказов были определены Сводом удельных постановлений. На основании этих законов удельные конторы «не подчинялись никакому месту или лицу в губернии, но, состоя под начальством Департамента уделов, действуют по всем делам, относящимся до управления удельным имением или сами непосредственно, или посредством сельских приказов, власти их подчиненных»[1]. Разрешение только некоторых вопросов полицейского характера удельное ведомство делило с уездными и губернскими властями.

Занимая исключительное положение в губернии, управляющий конторой не подчинялся губернатору, а иногда свою власть считал выше губернаторской.

Управляющий конторой за свою деятельность отвечал только перед Департаментом уделов и царем, другим властям он не подчинялся. При помощи многочисленного чиновничества управляющий руководил приказами, посредством их эксплуатировал удельных крестьян. Используя почти неограниченную власть на местах, управляющие конторами не только эксплуатировали крестьян в пользу удела, но часто заставляли крестьян работать на себя, брали с крестьян взятки[2].

Помимо управляющих, были еще многочисленные удельные чиновники, которые также беззастенчиво обирали крестьян. Кроме департамента уделов, удельных контор с их чиновниками, были еще приказы с головами, старшинами, старостами, писарями и многочисленными другими, которые являлись добросовестными исполнителями распоряжений удель-

---

[1] Свод удельных постановлений, часть 1, § 50.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 194, лист 27.

ного ведомства и непосредственно эксплуатировали крестьян в пользу императорской фамилии.

Первоначально приказы создавались там, где насчитывалось до 3 тысяч удельных крестьян мужского пола. В 1808 году в связи с учреждением удельных контор поступило новое распоряжение: «В ведение каждого сельского приказа назначается от двух до четырех тысяч душ и более, смотря по местному удобству»[1].

Сельский приказ, подобно волости для государственных крестьян, ведал всею жизнью удельных крестьян и контролировал ее: производил раскладку податей, собирал денежные сборы, ведал натуральными повинностями крестьян, разбирал крестьянские споры, вникал даже в семейные отношения крестьян. Вся крестьянская жизнь регламентировалась и контролировалась приказами.

Сельский приказ состоял из головы и двух заседателей: приказного и казенного старшин. Делопроизводством ведал писарь, игравший немаловажную роль в жизни удельного крестьянства.

Там, где число крестьян было меньше трех тысяч, создавались отделения, состоявшие из двух старшин — один в должности головы, а другой в должности заседателя. Отделения так же, как и приказы, подчинялись непосредственно удельной конторе.

Приказы, кроме удельной конторы и удельного ведомства, не подчинялись ничьей другой власти.

Обязанности головы приказа были многообразны. Он «первый местный начальник крестьян», — гласили удельные постановления. В обязанность головы входило сообщать крестьянам правительственные и удельные распоряжения, наблюдать за жизнью и поведением крестьян, отвечать за всю деятельность приказа.

Казенный заседатель ведал денежными сборами и наблюдал, чтобы крестьяне в установленные сроки вносили сборщикам денежные подати, применяя к неплательщикам соответствующие меры.

Приказной заседатель являлся третьим лицом в приказе, в обязанность которого входило смотреть «за порядком и тишиной в имении, за исправностью дорог и мостов». Он дол-

---

1 ПСЗ (1-е изд.), т. XXX, № 23020, § 65.

жен был также наблюдать, чтобы в селениях его приказа не укрывались беглые, беспаспортные. Приказному заседателю поручалась также опека «над вдовами и сиротами, над ленивыми и нерадивыми по хозяйству». Таким образом, на приказного заседателя возлагали, по существу, функции полицейского.

В приказе была введена должность «миротворца», «для миролюбивого прекращения возникающих между крестьянами распрей и тяжеб, назначаются в каждом приказе добросовестные, званием равняющим приказным заседателям»[1].

Таким образом, сельский приказ из административного превращался в административно-судебный орган власти. Были указаны функции писаря приказа, который «обязан заниматься единственно производством письменных дел и сохранять их в надлежащем порядке, отнюдь не вмешиваться в суждение по делам, не входить в отношение с крестьянами»[2].

Было введено много других должностных лиц: сельские старосты, удельные десятские, сотские и десятские земской полиции, которые бы и доносили ей «о всех чрезвычайных происшествиях в их селениях и на землях и водах, к оным принадлежащим»[3].

Удельными постановлениями была определена выборность всех должностных лиц в приказе, и таким образом, как бы устанавливался принцип самоуправления крестьян. Но такое самоуправление и выборность существовали только формально и на бумаге. Все так называемые выборы являлись сплошным обманом крестьян. Крестьянские массы были удалены от участия в контроле за работой приказа, они не имели права не только требовать отчета у старшин приказа, но и смещать неугодных голов. Больше того, не все крестьяне допускались на эти выборы, которые также были регламентированы удельным ведомством. В Своде удельных постановлений сказано, что «неисправные плательщики податей ни в какие должности не избираются». Таким образом, беднейшие массы крестьянского населения от участия в выборах своего начальства навсегда отстранялись. Такими правами выборов, согласно Своду удельных постановлений, пользовались только крестьяне, имеющие свое собственное хозяйство, люди «добро-

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 1, § 78.
[2] Там же, § 92.
[3] Там же, § 84.

го поведения», не бывшие в штрафе и подозрениях[1]. Ясно, что такими людьми могли быть зажиточные крестьяне, которые избирали угодных только для себя старшин приказов. Такие старшины, защищая интересы зажиточной верхушки, перекладывали все повинности на неимущие слои крестьянства.

Приказное начальство избирали под строгим наблюдением чиновников контор с последующим утверждением Департаментом уделов. Кто должен стоять во главе приказа, заранее определял управляющий конторой. Так называемые выборы происходили формально, без согласия, а часто и без участия многих крестьян. О том, как происходили выборы, говорят документы по Красно-Островскому приказу Алатырской конторы. В 1849 году в Красно-Островский приказ приехал управляющий конторой Бороздин, силой своей власти заставил крестьян избрать в головы приказа кулака Павлова, известного мироеда и человека ненавистного для всех крестьян. При первой баллотировке головы крестьяне не избрали Павлова. Когда Бороздин увидел, что за Павлова крестьяне положили мало шаров, он приказал их вынуть и снова раздать избирателям для повторного голосования. Закрыв левое отверстие избирательного ящика, Бороздин заставил, таким образом, крестьян класть шары в «выборное» правое отверстие. Так Павлов стал головою[2].

Приказной голова являлся опорой удельной конторы и Департамента уделов. На протяжении существования удельного ведомства права приказного головы постепенно расширялись. Он избирался в начале существования уделов на определенный срок, а затем «бессрочно из людей честного поведения, рачительных и трудолюбивых в хозяйстве». С расширением прав увеличивались льготы и поощрения для головы. Приказной голова освобождался от платежа податей и оброков, он и члены его семьи освобождались от всех общественных нарядов и работ. Денежные сборы за голову и все остальные повинности за его семью отбывали крестьяне. Все приказное начальство во время службы в приказах освобождалось от телесных наказаний, кроме того, «все они не могут быть отданы в рекруты, пока они несут службу, и их дети».

Помимо всех этих льгот, было узаконено, чтобы за счет крестьянских денег шили старшинам форменную одежду. Но

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 1, § 239—242.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 11, д. 44, листы 145—360.

все эти привилегии головы получали не сразу. В начале XIX века, когда приказному начальству было предоставлено мало льгот и поощрений, многие из них под разными предлогами уклонялись от должности. В 1802 году Казанская экспедиция отмечала, что «многие, избегая от предназначенных должностей, уклоняются от обязанности своей под видом болезни». Подобные уклонения от работы в приказах были и по другим экспедициям. Поэтому в 1803 году последовало распоряжение Департамента уделов о том, чтобы казенным старостам выплачивать по 15 рублей жалованья в год из удельных доходов[1]. Жалование головам и другим старшинам приказов постепенно и значительно увеличивалось. В 1808 году голове определили жалование 250 руб. в год, заседателям по 120 руб[2]. Больше того, Департамент уделов, опиравшийся на сельского старшину, всячески поощрял его, помимо денег различными подарками, а также медалями и форменными кафтанами.

Обладая неограниченной властью в удельной деревне, приказной голова, вкупе со своими помощниками, творили произвол, часто никем не наказуемый. Следуя и подражая управляющим и чиновникам контор, они беззастенчиво грабили крестьян и свою власть использовали в целях обогащения. Они устанавливали в свою пользу дополнительные поборы с крестьян. Обладая богатством, деньгами, в голодные годы старшины давали тем же крестьянам хлеб и деньги за высокие проценты. Пользуясь бесконтрольной властью, они пускали оброчные и общественные деньги в оборот, получая от этой операции большие выгоды[3].

Злоупотребления старшин иногда принимали чудовищные размеры. Доведенные до отчаяния, крестьяне пытались жаловаться царю, наследнику и центральному правительству. Поток этих жалоб во все инстанции увеличивался с каждым годом. В 1823 г. Департамент уделов, обеспокоенный многочисленными жалобами, писал своим конторам, «что некоторых губерний крестьяне, по неудовольствиям на внутреннее управление, посылают свои жалобы против оного постороннему начальству», и приказал, чтобы крестьяне «впредь того себе не дозволяли». При этом удельное ведомство предупреждало крестьян, что «если они и за сим осмелятся с жалобами сво-

---

1 ГАУО, ф. 534, д. 167, лист 303; д. 191, лист 47.

2 ПСЗ, т. XXX, 1808, 23020, §§ 77, 80, 81.

3 ГАУО. ф. 534, д. 167, листы 269—270; д. 1919, л. 109—110, д. 273, листы 222—223.

ими относиться к постороннему начальству, то подвергнутся, как не повинующиеся установленной над ними власти, строгому по законам взысканию»[1].

О незаконных действиях, злоупотреблениях и лихоимстве старшин, конечно, знал и Департамент уделов. В 1832 году Департамент уделов заметил, что «по ведомству некоторых контор допускаются сборы с крестьян денег в виде пожертвований на разные общественные надобности, а впоследствии открывается, что оные не всегда бывают добровольны, но часто сопровождаются неуместною настойчивостью и принуждением, через это крестьяне могут иметь повод к справедливым со стороны их жалобам»[2].

Приказные старшины не только брали с крестьян деньги, продукты, но и заставляли их обрабатывать принадлежащую старшинам землю, обслуживать старшинское хозяйство.

О хозяйстве старшин можно судить хотя бы по такому примеру: хозяйство головы Потьменского приказа Сызранской конторы Бабаева в 1858 году состояло из большого количества построек, имущества и скота. Так, в селе Горинках находилось 2 избы, большой сарай, две конюшни, кирпичный подвал, баня, амбар и другие постройки. В числе другого имущества в описи указано три мягких стула, ломберный стол под лаком, диван, обшитый кожей, шкаф, погребчик со всем прибором, самовар, зеркало, семь картин. В другом селе, Потьме Бабаев имел дом, амбар, скотную избу. В доме была мягкая мебель, бронзовые стенные часы и другая утварь. В хозяйстве были лошади, коровы, домашняя птица, пчельник в 52 улья и многое другое. У Промзинской пристани находилось бабаевское судно со всеми принадлежностями, а также 472 куля ржаной муки, предназначенной для продажи[3].

В огромном хозяйстве Бабаева широко применялся труд батраков из удельных и других крестьян. Таким образом, Бабаев был не только старшиной, но и ростовщиком, хлеботорговцем и судовладельцем.

Случаи привлечения удельных крестьян для работ в хозяйстве старшин также были известны удельному ведомству. В 30 годах XIX в. Департамент уделов разослал своим конторам и приказам распоряжение о том, что «в одном из удельных имений по произведенному исследованию, открыто, что приказной голова употреблял крестьян на собственные свои

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 160, лист 122; д. 203, лл. 518, 573, 574.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 261, лист 263.
[3] ГАУО, ф. 322, оп. 3, д. 234, листы 2—4, 8—10.

работы, по наряду через сельских выборных, без всякой платы». Департамент уделов не указывал, в каком месте это было, но предупреждал всех голов и старшин, если подобные злоупотребления откроются в других приказах, то «виновные не только подвергнутся взысканию в пользу крестьян полной платы за работу, но по отрешению от должности будут преданы суду»[1].

Распоряжения удельного ведомства обычно не выполнялись. В 40 — 50-х годах XIX века злоупотребления старшин особенно усилились. Они богатели, превращались в крупных предпринимателей, многие из них впоследствии пополнили ряды купцов и промышленников. Приказной голова Верхнетемерсянского приказа Симбирской конторы Никифор Рахманов в 40-х гг. ежегодно заставлял крестьян через выборных по наряду прудить плотину у его мельницы, возить туда хворост. И все эти работы производились бесплатно. У крестьян села Средних Темерсян голова Рахманов отрезал для себя 6 десятин земли, за которую крестьяне платили поземельный сбор.

Отбывая повинность в пользу головы, удельные крестьяне возили для Рахманова за десятки верст строительный материал для постройки дома, амбара и мельницы; они же возили на продажу его хлеб. Рахманов установил для крестьян особый оброк в свою пользу: заставлял крестьян работать на его мельницах, «но не по найму, — как показывали крестьяне, — а по наряду выборного, и денег за работу ни от кого не получали»[2]. Симбирская контора, узнав о делах Рахманова, отстранила его от должности. Но это не послужило уроком для других старшин.

Большой силой в приказе были писари. Хотя им запрещалось Департаментом уделов вмешиваться «в суждение по делам», а тем более в крестьянскую деятельность, многие из писарей держали в своих руках приказного старшину и тех же крестьян, являясь фактическими хозяевами приказа. Старшины часто были неграмотные или малограмотные, писари на этом спекулировали, извлекая для себя большую пользу. Считая писарей знатоками законов, забитые, в массе своей неграмотные крестьяне, беспрекословно выполняли всякие распоряжения писарей, а часто и работали на них.

Писарь Муратовского приказа Симбирской конторы Банников в 1856 году собрал с крестьян д. Балабаш-Нерусовой по 2 р. 50 к. с души, обещая им выхлопотать земельные оброч-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 366, лист 177.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 456, листы 43—49.

ные статьи в бессрочное пользование. Однако, получив деньги, Банников и не подумал выполнить свое обещание. Пользуясь безнаказанностью, он заставлял крестьян бесплатно работать на себя: возить бревна в село Явлей Алатырского уезда, «и сверх того, — жаловались крестьяне, — Банников часто берет от них обывательские подводы в г. Алатырь и село Явлей, которые и держит там по неделе и более без всякого на то платежа, даже не дает пищи ямщику, на корм лошадям и за перевоз через реку Суру» и т. д.[1].

Некоторые писари держали для личных услуг людей и тройки лошадей.

Феодально-крепостнические порядки, произвол и беззакония, угнетенное положение крестьян — все это являлось прекрасной почвой для процветания взяточничества, обогащения и злоупотреблений. Бывали случаи, когда Департамент одновременно отстранял целые группы старшин и писарей. В 1837 году во время ревизии Самарского имения чиновники Департамента уделов обнаружили такие злоупотребления приказной старшины, что даже удельное ведомство, всегда смотревшее сквозь пальцы на проделки сельского начальства, вынесло строгое решение: по Уренскому приказу голову отдать в рекруты, а в случае негодности выслать в Сибирь на поселение; казенного заседателя Кузьмина отстранить от должности и подвергнуть денежному взысканию; по Пискальскому приказу — голову Нестерова — в Сибирь на поселение, казенного заседателя — в смирительный дом на три месяца, писаря Плетнева наказать розгами и перевести в другой приказ; по Тростянскому приказу голову Герасимова — в Сибирь на поселение, его помощников Степанова и Андреева отстранить от должности, наказать розгами на мирской сходке; приказано наказать розгами писаря Разумова и его помощника Андрофагина; по Силитьбинскому приказу — казенного заседателя в рекруты, а в случае негодности—в Сибирь на поселение; остальных приказано отстранить от должности; по Новоеремкинскому приказу — голову Куклеева сослать в Сибирь на поселение, писаря Карасева в рекруты, а в случае негодности — в Сибирь на поселение; по Новомалыклинскому приказу — голову Иванова отстранить от должности, писаря Буракова наказать розгами»[2].

К подобной мере массового наказания приказного начальства Департамент уделов прибегал очень редко. Стать на такой

---

[1] ГАУО, ф., 318, оп. 3, д. 633, лист 41.

[2] ГАУО, ф. 317, оп. 1, д. 392, лист 511; ф. 342, оп. 1, д. 345. л. 405.

путь для удельного ведомства значило ежегодно менять сельское начальство, что было не в интересах удела. Тем более все старшины усердно служили удельному ведомству, из всех сил помогали ему эксплуатировать крестьян для увеличения доходов царского дома, чиновников и лично своих. Департамент уделов контроль за деятельностью старшин поручил управляющим конторами. Когда в 1852 году в Департаменте уделов возник вопрос о мерах наказания старшин «за упущение по службе» было решено подобные дела для определения отдать управляющим. В наставлениях управляющим было сказано: «Всякого должностного крестьянина, кроме приказного головы, управляющий конторою может подвергнуть аресту в самом приказе от одного до семи дней, не спрашивая разрешения Департамента. На каждого приказного старшину и писаря, не исключая головы, управляющий может налагать денежное взыскание в штрафной капитал без утверждения Департамента, но не более месячного жалования. За обиду крестьянина старшинами управляющий конторою мог взыскать в пользу обиженного денежный штраф, но не больше суммы годового оклада податей и повинностей, «следующих с души»[1].

Такое распоряжение удельного ведомства еще больше усиливало власть сельского начальства над крестьянами. Приказной старшина за обиду крестьянина по новому установлению мог платить штраф не более 15 — 20 рублей, и то только в том случае, если крестьянин сумеет доказать свою правоту.

Кроме приказного старшины было много других сельских и приказных начальников. Управление удельными крестьянами и эксплуатация их была так организована, что над каждым десятком крестьян стоял начальник. В удельных селениях крестьянами управляли сельские старосты и удельные десятские. «Сельский староста, — говорится в Своде удельных постановлений, — состоит в каждом селении, а десятский при всяких десяти дворах». Сельские старосты являлись и исполнителями воли приказа, удельной конторы и Департамента уделов. Сельские старосты, являясь непосредственными начальниками крестьян, следили за ними и обо всем, что замечали за своими подопечными, доносили по начальству или сами на месте принимали меры.

Старост также избирали на сельских сходках. Функции мирских сходок определялись Департаментом. уделов. На обя-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 466, лист 135.

занности мирской сходки лежало: выбирать крестьян на разные общественные должности, определять денежные суммы на общественные расходы, заслушивать отчеты старшин о расходах мирских сумм, учитывать рекрутскую очередь, назначать крестьян «к отдаче в рекруты за дурное поведение», раскладывать «уравнительные» подати и повинности, обсуждать меры взыскания недоимок с неплательщиков, определять количество хлеба для выдачи нуждающимся крестьянам из общественных магазинов.

Следовательно, формально сельским сходкам предоставлялись большие права. На практике удельные крестьяне никакими правами на сельских сходках не пользовались. Ни о какой выборности, даже о видимости ее в удельных селениях, как и вообще в России того времени, и говорить не приходится. Всякие попытки крестьян принять участие в общественных делах своего селения или приказа в корне пресекались удельным начальством. На сельскую сходку приходили только те, кого приглашал староста, а в приказном сходе могли участвовать «с каждых ста душ по два человека из лучших людей, в виде доверенных». Нетрудно понять, кого считало удельное ведомство «лучшими людьми»: это были богатые крестьяне.

Многих крестьян вовсе не допускали на такие сходки. К ним относились те, имена которых были записаны в штрафные книги приказа, неплательщики податей по бедности («беспечности, нерадению и развратной жизни»). Иными словами, к участию в сходках не допускали беднейшие слои удельного крестьянства. Если такие крестьяне являлись на сходки по своей воле, то голова приказа должен был тут же объявить, чтобы они «немедленно удалились». Когда же крестьяне этого приказа не исполнят распоряжение начальства через четверть часа, — говорилось в Своде удельных постановлений, — «голова им делает словесное подтверждение в другой раз; если же и затем в четверть часа не будет исполнено, то голова и заседатели с лучшими людьми, отделяясь от сих непокорных, иметь свои суждения в доме одного из заседателей, или в другом, удобном для того месте»[1].

Самовольно пришедших на сходку крестьян на основании закона штрафовали, отсылали в земский суд или без всякого закона просто избивали до полусмерти, что часто было в практике удельного начальства.

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 1, §100.

Подобные сходки, собиравшиеся в избе одного из заседателей, в большинстве случаев и решали судьбу тех, кому запрещали присутствовать на них. Беднейших крестьян по приговорам таких сходок в первую очередь отправляли в рекруты, на них взваливали всю тяжесть податей и повинностей, их лишали самых элементарных прав человека. Все другие крестьянские сходки, собранные без ведома сельского начальства, считались недействительными и противозаконными[1].

Такая система выборов сельского начальства ограждала Департамент уделов от неблагонадежных элементов в управлении удельными крестьянами. Она гарантировала тишину и спокойствие в удельной деревне[2].

Против такой системы выборов, когда сельскому обществу навязывали неугодных старшин и старост, крестьяне протестовали, высказывали свое негодование удельной экспедиции, конторе или Департаменту уделов. Удельные чиновники, покровительствуя зажиточной верхушке крестьян деревни и опираясь на нее в эксплуатации остальной крестьянской массы, все эти крестьянские жалобы прятали в «долгий ящик», или просто не реагировали на них.

Приведем несколько примеров протестов удельных крестьян против так называемых выборов старшин и старост и реакции на эти жалобы со стороны удельного начальства.

Крестьяне села Спасского (Грибоедово) в 1806 году жаловались удельному ведомству на Старофедоровский приказ, который послал в Казанскую экспедицию на утверждение сельским старостой крестьянина их села Дмитриева, будто бы избранного крестьянами. Но крестьяне «Дмитриева в выборные не избирали и приговора не давали; доказательно сие тем, что и рука приложена к оному не их сила священником». На самом же деле они избрали старостой крестьянина Яковлева, на которого и мирской приговор составлен, «который и хранится неизвестно почему неутвержденным в оном приказе»[3].

Во время выборов старост часто происходили бурные споры между крестьянами. Избранного верхушкой деревни старосту не признавали остальные крестьяне, которые в противовес богатым избирали своего старосту. В 1805 году жаловался Краснослободскому приказу староста подгородней сотни Анто-

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 1, § 100.
[2] ГАУО, ф. 534, оп. 1, д. 274, листы 464—465.
[3] ГАУО, ф. 535, оп. 1, д. 274, листы 301—302.

нов, что часть крестьян его сотни отказалась подчиняться ему, а избрала себе другого старосту крестьянина Филиппова. Узнав об этом, Казанская удельная контора предписала Краснослободскому суду арестовать Филиппова и влиятельных крестьян из тех, кто выбирал его, и всех их наказать розгами[1].

Крестьян, резко выступавших против несправедливых выборов, против старшин, угнетавших людей, отправляли в тюрьму или в Сибирь на поселение.

По ярким и убедительным документам, дошедшим до нас, мы можем представить жизнь и взаимоотношения крестьян и старшин Наровчатского приказа Пензенской губернии. В 1806 году многие крестьяне жаловались во все инстанции удельного ведомства, Пензенскому губернатору, вплоть до министра уделов Гурьева на голову Покровского приказа Чикрина, прося больше не избирать его на эту должность. С обличительными жалобами против головы Чикрина выступил крестьянин Матвеев и его сын Савин. Чикрина обвиняли в подлогах, распутной жизни, в истязании многих крестьян, которых он избивал, ковал в цепи, держал по несколько дней в холодной избе, отчего многие из них потеряли трудоспособность; с крестьян всего приказа Чикрин установил 10-ти копеечный сбор с каждой души приказа, отбирал в свою пользу скот, имущество. Крестьяне писали о круговой поруке уездных властей. Перечислив многие преступления Чикрина, крестьяне в своих жалобах заключали. что он в головы избран «не многим народом и который такой должности не достоин».

Несмотря на все эти жалобы, в 1806 году Чикрина, по настоянию чиновника экспедиции Жмакина, снова избрали приказным головою.

Почувствовав опору в экспедиции и в уездных властях, Чикрин распоясался пуще прежнего.

В январе месяце 1807 года Матвеев снова направил жалобу министру уделов Гурьеву о том, что исправник Логинов по злобе арестовал его сына и с декабря 1806 года держит его в тюрьме. Больше того, в ночь с 5 на 6 января 1807 года Логинов приехал в их село, «собрал мирской сход, перепоил всех вином» и взял нужный ему приговор, «после чего не внимая гласу народной тягости взял с них во взяток восемьдесят рублей, а с тем вместе закрыта и сама справедливость вышеупомянутых наших прошений». Матвеев снова приводит факты

---

[1] ГАУО, ф. 534, оп. 1, л. 274, листы 301—302.

о притеснении Чикриным крестьян, о том, что «ежегодно собираются такие излишности, кроме законных повинностей со вступления его головы Чикрина поныне вышло около семи тысяч рублей, чем доводит до совершенного разорения». Кроме Матвеева, министру жаловались на притеснения старшины и попустительство уездных и губернских властей и другие крестьяне. Крестьяне писали, что их жалобы лежат в уездных и губернских учреждениях «около полутора года без исследования», потому что Чикрин находится в тесных связях с чиновниками.

«Ежели будет голова Чикрин толь господам наушник, — писали крестьяне, — и к злоупотреблению ябедник далее начальствовать, не токмо излишних сборов, но и действительных казенных платить не в состоянии».

Пока удельные крестьяне жаловались Пензенскому губернатору, министру уделов Гурьеву, Казанской удельной экспедиции, — голова Чикрин и его компания в 1808 году составили фиктивный приговор крестьян, в котором сказано: Матвеев и его сын «чинят буйства и драки, не платят мирских повинностей, не имеют порядочного хлебопашества и скотоводства и, словом, во всех отношениях развратны, то крестьяне села Покровского, спасаясь от дурного поведения... крестьянина Поликарпа Матвеева со старшими детьми отослать на поселение, а младшего сына за весь 5-й участок отдать в рекруты». Экспедиция рада была тому «приговору» и отослала его на утверждение в Департамент уделов.

Так на деле выглядели права крестьян, избрание голов приказов, контроль и справедливость экспедиции, круговая порука чиновников. Матвеев не занимался убийствами, поджогами, держанием беглых, однако он попал в Сибирь, попал за то, что выступил против удельного начальства, разоблачая его злоупотребления, чинимые вместе с уездным судом[1].

Крестьянам, выступавшим на сельских сходках против старшин и мироедов, был уготован один путь — путь в Сибирь на поселение.

Крестьянин с. Чинчурина Казанской удельной конторы Яковлев постоянно выступал против удельного начальства, разоблачая его действия. Начальство, не имея других причин для обвинения Яковлева, объявило его ненормальным и отпра-

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 324, листы 66—67, 242—243, 245—249, 251—255; д. 325, листы 410—531, д. 272, листы 443—444, листы 935—936, д. 326; листы 512, д. 344, листы 24, 434—437.

вило в Казанскую врачебную управу. Последняя освидетельствовала Яковлева и заключила, что «худая нравственность оного крестьянина происходит от врожденного ему дерзкого характера, который при малейшем от чего-либо неудовольствии рождает в нем зло и отчаянное мнение». Казалось бы, что по такому заключению Яковлева нужно было бы лечить. Но Департамент уделов рекомендовал этого крестьянина сослать в Сибирь на поселение. Предписание было выполнено — Яковлева отправили в Сибирь[1].

Таким образом, от сельского самоуправления, декларированного удельным ведомством, на практике не оставалось и следа. Все устанавливалось и насаждалось сверху, вся деятельность контор, приказов и жизнь крестьян регламентировалась до мельчайших подробностей. Подати, повинности, мирские сборы устанавливались сверху, крестьянам оставалось составить приговор, что они вовремя соберут деньги или выполнят работы. Но даже мирские приговоры составляли не все крестьяне, а только кучка богатеев, стоявших на страже интересов удела. Эта же кучка крестьян держала в своих руках остальную крестьянскую массу. Крестьяне, недовольные своим положением, часто выступали против этой группы богатеев. Настроение беднейших крестьян выразили крестьяне Борисов и Николаев Козловского приказа, которые в 1831 году при народе назвали своего голову «грабителем и разорителем» и добавили, что нужно «сжечь дом головы Егорова и рассеять пепел по ветру»[2].

Удельные крестьяне, лишенные элементарных прав, систематически подвергались оскорблениям, истязаниям. Удельных крестьян били все — от сельского старшины до чиновников контор; их били на улице, в поле, на сельских сходках, били для острастки» до полусмерти, забивали насмерть. Все это видели блюстители закона и считали такие издевательства над крестьянами обычным делом. В 1802 году крестьянина Яранцева д. Княжны Царевококшайского уезда встретил возле его дома староста Шилов и, не говоря ни слова, начал бить палкой. Как выяснилось, бил Шилов крестьянина за то, что на дороге лежала мертвая собака. Когда Яранцев пожаловался в земский суд, последний принял решение: «объявить с подтверждением Яранцеву, чтоб он начальникам своим ослушания не чинил»[3].

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 123, листы 291—292.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 170, листы 268—269.
[3] ГАУО, ф. 534, д. 167, лист 486.

Приказные головы, обычно пьяные, являлись на тройках в удельное селение, в пьяном виде собирали сходы и там же чинили расправу над крестьянами. В 1802 году в д. Санчалеевой Ключищенского приказа голова Михайлов на сельском сходе беспричинно избил крестьянина Трофимова. Крестьяне жаловались, что «и прежде сего оной голова Михайлов нередко приезжал в деревню их и всегда в пьяном виде чинил обывателям оной притеснения, угрожая побойством каждого крестьянина»[1].

Крестьян не только избивали, но и заковывали в цепи, держали неделями под стражею. В 1803 году в сельце Шеевщине Сыресевского приказа старшина посадил крестьянина Матвеева в цепи и держал его до тех пор, пока не получил денежную взятку[2]. Голова Анатышского приказа Иванов, приехал пьяный в село Тетюши к крестьянину Беляеву в дом, вызвал его на двор, раздел и «намеревался без всякой причины сечь розгами, а напоследок требовал в приказ, якобы для ответу в причинении им голове и щетчику, личной обиды, которую сам он Иванов сказанному крестьянину Беляеву учинил»[3].

Старшины били всех: мужчин, стариков, женщин и даже детей. Голова Варакинского приказа приехал пьяный в деревню Медведеву, через десятника вызвал к себе крестьянку Федорову и тут же приказал наказать ее, «от которых побой родила, не донося младенца, который вскоре помер» [4].

Нередко старшины забивали крестьян насмерть. Удельные крестьяне в такой степени были терроризированы старшиной, что, даже умирая, не смели жаловаться на него. Крестьянин с. Кильдюшовка Кейсаровского приказа Симбирской конторы Степан Прокофьев в марте 1837 года внезапно занемог и перед смертью пригласил священника для исповеди. На запрос приказа, почему священник отказался похоронить Прокофьева, священник Семенов ответил, что он «узнал от самого крестьянина Прокофьева и его жены Надежды Федоровой, что перед смертью недели за две Прокофьеву на мирской сходке нанес по виску удар Кейсаровского приказа какой-то старшина (он побоялся назвать фамилию — Н. Г.) и что от сего единственно сделался он чрезвычайно болен, по сему самому и к похоронам его приступить усомнился». Началось следствие. Земский исправник при следствии установил, что в смерти крестьянина

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 167, лист 572.
[2] Там же, д. 191, лист 476.
[3] Там же, д. 229, лист 608.
[4] ГАУО, ф. 534, д. 273, лист 876.

Прокофьева виновен приказной заседатель Михайлов и потребовал отстранить Михайлова от должности «для отсылки его с делом по законному суждению». Симбирская удельная контора, руководствуясь какими-то другими побуждениями, заключила, что хотя Михайлов и подозревается в убийстве, а Прокофьев «после нанесенного якобы ему удара жил две недели, следовательно, причина смерти могла быть совсем другая, а не от удара»[1]. Ясно, что приказ и контора стремились взять под защиту Михайлова, а дело об убитом крестьянине Прокофьеве «предать воле божьей».

На избиение крестьян сельским начальством удельные конторы часто смотрели равнодушно, полагая, что чем больше будут бить крестьян старшины и старосты, тем послушнее станут крестьяне. Рукоприкладством занимались не только старшины, но и сами чиновники контор. Канцелярист Казанской конторы Сатрапинский в 1816 году отправился в Сухорецкий приказ и там «своевольно без всякой причины высек д. Дербышек крестьянина Савелия Андреева розгами». Канцелярист, даже не чиновник конторы, порол крестьян[2].

В 1836 году канцелярист Филадельфов Симбирской удельной конторы, командированный в удельные селения «для понуждения ко взносу оброка», на мирской сходке деревни Яньшиховой жестоко избивал «неисправных плательщиков», а крестьянина Евстафия при помощи добросовестного Васильева так побил, что тот на пятый день умер[3].

Лишенные элементарных прав, задавленные темнотой, удельные крестьяне, и особенно из мордвы, чуваш и татар, терпели гнет не только со стороны удела и его властей, но и от любого другого чиновника. Городничие, исправники, заседатели и все, кому угодно, могли распоряжаться судьбою крестьян. Любой исправник без всякого на то основания мог арестовать крестьянина в поле, на дороге, в городе и держать под стражей сколько ему вздумается[4].

Удельным крестьянам города Княгинина городничий, притеснявший крестьян, в 1802 году заявил, что «ежели де вы впредь будете писать на меня просьбы и делать мирские сходы, то всем прикажу бороды выдрать и отнесусь к главно-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 166, лист 405.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 92, л. 51
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 220, л. 9
[4] ГАУО, ф. 534, д. 167, лл. 135—136.

му начальству, что делают на него скопы и заговоры, то за таковые высекут от девяти для того человек плетьми»[1].

Крестьяне не имели права без ведома начальства отлучиться на время из своего селения, не имели права высказать свое мнение на сходках, они должны были жить и работать в рамках, установленных удельным ведомством. Малейшее неповиновение наказывалось розгами или смирительным домом. Смирительный дом для удельного начальства казался обычной мерой наказания удельных крестьян. В смирительных домах крестьян били, заставляли работать, к тому же за содержание в смирительном доме крестьяне должны были платить деньги. Обычной формой приговора экспедиции, конторы или Департамента уделов было: «в страх другим отдать в рабочий дом» на один или несколько месяцев. Конторы и приказы ежегодно отправляли в рабочий дом «за ослушание» десятки своих крестьян [2]. В понятие «ослушание» подходило буквально все. Крестьянин высказал свое мнение на сходе — ослушание, внес предложение, не соответствующее взглядам или интересам старшины, — ослушание, не мог вовремя уплатить податей — ослушание. В 1804 году Воскресенский приказ предложил крестьянам деревни Кокушкиной загородить пряслями поля, но Григорьев с другими шестью крестьянами не согласились с предложением выборного. Казанская удельная экспедиция решила указанных крестьян деревни Кокушкиной «за неповиновение начальству и неисполнение указанных повелений, в страх другим, отдать в здешний смирительный дом на один месяц со взысканием на их счет следующих кормовых денег в приказ общественного призрения». Многих крестьян села Ризадеева Ардатовского уезда в 1804 году отправили в рабочий дом за то, что они по бедности не внесли своевременно податей и удельного оброка[3].

Сохраняя крестьянскую общину для фискальных целей, удельное ведомство узаконило в Своде удельных постановлений ответственность всего крестьянского общества за исправное поступление денежных оброков и отбывание натуральных повинностей. В отношении крестьян, которые были не в состоянии уплатить подати, говорилось: «но есть на-

---

[1] ГАУО, ф. 534, л. 167, лл. 113—115.

[2] Там же, л. 537—538, д. 344, л. 474, д. 325, л. 441;

[3] ГАУО, ф. 534, д. 273, лл. 183—184; д. 229, л. 537.

дежда пополнить недоимку сию работою, тот приговаривается к отдаче в наем, в селениях или городах, где будет признано выгоднее: а в случае невозможности приискать для него занятия на стороне, отдается в работы там же в селении»[1]. Хотя такая отдача в работы крестьян-неплательщиков была узаконена в 1827 году, на самом деле такая практика существовала со дня образования удельного ведомства.

В начале XIX века многие крестьяне за неуплату налогов или частных долгов отдавались в Балахнинские соляные варницы[2] или в другие работы.

Практика управления удельными крестьянами свидетельствует, что сверху донизу, от Департамента уделов до сельских приказов, все было пронизано одним стремлением: превратить удельных крестьян в послушное орудие, при помощи которого можно было бы создавать и увеличивать богатства для императорской фамилии дома Романовых.

Семейные разделы. Удельные крестьяне, не пользуясь никакими личными правами, без разрешения удельного ведомства не могли распоряжаться своим имуществом; отец не мог отделить в другой дом женатого сына, дядя — племянника. Законный раздел семейства происходил только тогда, когда в семье имелось 6 взрослых работников — по три человека в старой и новой семье — и если семья не находилась на рекрутской очереди.

Не разрешая произвольный раздел семейства, удельное ведомство преследовало цель поддержать экономическое состояние отдельного крестьянского хозяйства, не дать ему разориться, так как только экономически крепкое хозяйство могло быть платежеспособным в отношении удела и казны, только такое хозяйство могло выполнять бездоимочные подати и налоги, отбывать натуральные и другие повинности[3].

Департамент уделов совершенно не принимал во внимание, что между отдельными членами семейств (между свекровью и невестками, между дядей и племянником, попавшим к нему жить в силу материальной необходимости) происходили ссоры. В павловском законе говорится: «Разделы,

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. II, стр. 78.
[2] ГАУО, ф. 534, д. 272, лл. 181—182, 769.
[3] ЦГИАЛ; ф. 515, оп. 10, д. 323, лл. 1—5.

предпринимаемые по одной вражде в семействах и служащие к злоупотреблению, вовсе воспрещаются». Не разрешая разделов, удельное ведомство допускало в одном дворе иметь две избы и только при том условии, чтобы два семейства числились как одно для отбывания рекрутской и других повинностей.[1]

Несмотря на строгие распоряжения удела, жизнь диктовала свое: многие удельные крестьяне без ведома начальства строили на других усадьбах новые дома, отделяли своих сыновей и племянников, производили раздел имущества. Подобные разделы продолжались до самого освобождения удельных крестьян. Только за один 1805 год в небольшом селе Горинках Курмышского уезда произошло 4 семейных раздела. Все указанные семейства имели по одному работнику, но разделились «ни по чему другому, а единственно по происходящим в семьях их несогласиям». Урусовский приказ сообщал Казанской экспедиции, что многие горинские крестьяне, отделившиеся от старых семейств, живут бедно, «а хлебопашество и скотоводство в малом количестве»[2].

Крестьянин Федоров с. Самаевки Покровского приказа Пензенской губернии в 1807 году разделился со своим женатым племянником, потому что в одной семье находилось только взрослых — одиннадцать мужчин и шесть женщин. Такой раздел нашли незаконным, и племянника с его семьей водворили снова к дяде и поселили в бане[3].

Попытки удельного ведомства приостановить самовольные разделы ни к чему не привели. Департамент уделов в 1821 году рекомендовал управляющим конторами разрешать раздел семейства на два дома «только для жительства и удобного управления хозяйством в том же самом селении и соблюдением того правила, чтобы и по разделе сем для исполнения впредь всех лежащих на нем повинностей числиться по-прежнему в одном и том же семействе»[4].

Новое в этом распоряжении состояло в том, что семейство, разделившее свое хозяйство, могло жить на двух отдельных усадьбах.

Самовольные разделы семейства и после этого распоряжения продолжались. Пресекая дробление крестьянских хозяйств,

[1] ПСЗ, т. XXIV, 17906.
[2] ГАУО, ф. 534, д. 272, лл. 329—330.
[3] ГАУО, ф. 534, д. 272, лист 437.
[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 120, лл. 251, 304.

Департамент уделов в 1827 году издал новое положение о семейных разделах. Для того, чтобы разделить семейство, по новому положению требовалось согласие отца или старшего в доме, который объявлял свое желание сельскому обществу, а в приказе представлял в письменном виде сведения о количестве и возрасте членов семьи, о земле, постройках, скоте и другом имуществе. Приказ лично проверял хозяйство крестьянина и разрешал раздел семейства только в том случае, когда «в главном и во вновь отделившемся от него доме, находилось по крайней мере по 2 здоровых и трудолюбивых работника, не моложе 18 лет и не старше 60 лет, и чтобы отделившееся семейство наделено было всем нужным к заведению особого хозяйства».

Приказ отсылал в контору свое решение о разделе семейства, а последняя, если находила нужным, — в Департамент уделов[1].

Бюрократическая затея удельного ведомства не приостановила семейных разделов, несмотря на повторное строгое предписание в 1829 году[2].

Семейные разделы были закономерным явлением в период разложения крепостничества и вызревания нового капиталистического уклада.

С разложением феодально-крепостнической системы, развитием товарно-денежных отношений изменялись и отношения в удельной деревне. Из большой семьи выделялись ее богатые члены или бедняки, кормившиеся работой на стороне, малоземельные отдельные члены семейства пытались отделиться и уйти на новое место. Несомненно, в большинстве случаев раздел семейства на части приводил к временному, а иногда и затяжному обеднению новой семьи, что порождало недоимки, задолженность уделу и казне.

В 30—50 годах XIX века семейные разделы происходили повсеместно. Все меры, принимаемые удельным ведомством, были недейственны. Тогда Департамент уделов решил привлекать к ответственности не только крестьян, но и старшину, допустившего самовольный раздел семейства.

В 1835 году Департамент уделов особым распоряжением и в резкой форме заявил, что удельные конторы не препятствуют дроблению крестьянских хозяйств, а сельские старшины до сих пор разрешают семейные разделы. Поэтому Департамент уделов, «признав необходимым усилить меру взыскания с озна-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 123, лл. 251, 304.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 210, л. 131.

ченных лиц», распорядился за подобные поступки штрафовать старшин приказов десятирублевым штрафом, а сельских старост — по 25 рублей каждого, и сверх того последних, «отрешая от должностей, отдавать в рабочий дом на месяц и более»[1].

Крестьян, производящих самовольные семейные разделы, удельное ведомство предлагало «подвергать такому же наказанию, как и самовольных переселенцев», т. е. возвращать на старое место, штрафовать по 10 рублей каждого члена семьи, наказывать плетьми или отправлять в смирительные дома.

Ни штрафы, ни наказания не могли приостановить крестьянских семейных разделов, и количество их увеличивалось с каждым годом.

Удельное ведомство распространяло свою власть и на другие стороны крестьянской жизни. Так, удельные крестьяне имели ограниченную возможность приобретать недвижимую собственность. Как помещичьи, так и удельные крестьяне не могли покупать на свое имя землю. Крепостной крестьянин, покупая землю, оформлял купчую на своего помещика, удельный крестьянин такую купчую оформлял на имя Департамента уделов.

В законе 1800 года прямо сказано, что крестьяне удельного ведомства, «упражняющиеся в хлебопашестве, у частных владельцев земли покупать дозволять, но чтоб купчие на основании §§ 14 Высочайшего о императорской фамилии Учреждения совершаемы были на имя Департамента, и чтобы купленные крестьянами земли приписаны были к селению, в коем считается покупщик»[2]. Покупая землю у частных владельцев, удельные крестьяне могли продать ее только крестьянину своего ведомства. В этом был простой расчет Департамента уделов — полностью сохранить земельный фонд, хотя и в частных руках, но в своем ведомстве. В тех случаях, когда удельные крестьяне продавали свою землю, но не находили покупателя из удельных крестьян, они обязаны были продать ее тольку уделу. «Если бы покупщик или его наследники удельные крестьяне решались продать собственную свою землю, — говорилось в Своде удельных постановлений, — но желающих на покупку из крестьян сего же ведомства никого не оказалось, то оная может быть приобретена Департаментом уделов в общий состав удельного имущества»[3].

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 275, л. 587.

[2] ПСЗ, т. XXVI, 1800 год, 19334.

[3] Свод удельных постановлений, ч. III, стр. 38.

Такие же законы существовали относительно покупки домов и другого недвижимого имущества. Удельные крестьяне как движимое, так и недвижимое имущество могли покупать у любых частных лиц, но продавать всё это могли только своим удельным крестьянам.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН

Удельные крестьяне были стеснены даже в личной жизни. На основании удельных постановлений они не имели права по своему желанию жениться или выходить замуж. В Своде удельных постановлений сказано, что удельные девушки или вдовы «беспрепятственно увольняются из удела для выхода в замужество за государственных крестьян», по общему с обеих сторон согласию, равно и за крестьян помещичьих. В последнем случае должна быть взята от помещика подписка о согласии его на увольнение своей крестьянки в замужество за удельного крестьянина того приказа, откуда вышла удельная девушка или вдова. «Таковые обязательства от помещиков требуются на гербовой бумаге с засвидетельствованием в присутственном месте в удельной конторе; по совершении же замена, получается от помещика на законном основании выводное письмо»[1]. Короче говоря, помещик, получая из удельного ведомства девушку, должен другую отдать в удельное ведомство.

Если же удельная девушка или вдова выходила замуж не за помещичьего и государственного крестьянина, а за человека другого звания, в таком случае, только за 100 рублей денег с того, кто брал ее или с ее родственников[2]. Во всех случаях девушка могла выходить замуж только с разрешения удельного приказа. Если же такого разрешения приказа не было и не было увольнительного свидетельства, а родные невесты дали на такой брак согласие, их подвергали наказанию (порке).

Постановление о браке носило сугубо крепостнический характер. Удельное ведомство, как и помещики, просто торговали людьми.

При выходе замуж или при женитьбе крестьяне встречали много различных препятствий со стороны удельного ведомства. В 1802 году крестьянин с. Шумковки Анатышского приказа Ио-

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. III, стр. 26—27.
[2] Там же, стр. 27.

нов просил разрешения выдать свою дочь в с. Монастырское за экономического крестьянина. Ему в просьбе отказали на том основании, что в с. Монастырское из с. Шумковки «поступило в замужество удельных девок три, но из оного вместо сих девок в Шумково не поступило»[1].

В других случаях разрешалось продавать удельных девушек, если даже не было на обмен девушек из крестьян других сословий. Помещичий крестьянин д. Коробейниковой Казанов просил Большеписошнинский приказ выдать за него удельную девушку деревни Прониной; по-видимому, в его селении были девушки «на промен», но приказу лучше было получить 100 рублей деньгами без всякой замены[2].

Приказные старшины, используя свое право давать или не давать согласия крестьянам на выход в замужество или женитьбу, часто, если не всегда, злоупотребляли своим правом. Удельный крестьянин с. Пахнутова Михайлов познакомился с девушкой Дарьей Тихоновой соседней деревни Кулагиной Семеновского приказа Нижегородской губернии. Михайлов долго упрашивал старосту села и старшину приказа, чтобы они разрешили ему жениться на Дарье. Вместо такого разрешения, приказное начальство распорядилось отдать девушку на фабрику работницей. Узнав об этом, Михайлов со своим товарищем в ночь на 7 ноября 1802 года украл девушку и повез ее к венцу. Но в церкви он встретил новое препятствие— поп без разрешения начальства не мог обвенчать его с девушкой. Отец Дарьи Тихонов, боясь ответственности, заявил приказу, что его дочь самовольно бежала к Михайлову. Путем организованного приказом розыска, «преступники» предстали перед удельным начальством. На допросе выяснилось, что Дарья уже один раз выходила замуж за «наймита» из села Берялова Балахнинского уезда и венчалась без увольнительного письма. За самовольство ее мужа отдали в рекруты, а попа, венчавшего их, привлекли к ответственности. Дарья Тихонова знала, что с первым мужем больше не встретится и решила второй раз выйти замуж за Михайлова. Удельное начальство судьбу Дарьи решило по-своему: «в таком увольнении в замужество означенной девки впредь до решения дела отказать»[3].

Священники, получая соответствующую мзду, несмотря на многие формальности, венчали крестьян. Подобная практика

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 167, лист 510.

[2] Там же, лист 156.

[3] ГАУО, ф. 534, д. 167, лл. 706—707.

настолько укоренилась, что архиепископ Казанский и Симбирский по настоянию удельной экспедиции разослал священникам строжайший приказ, «дабы они отныне впредь удельного ведомства вдов и девок, ежели они от старшин тех приказов, которому кто подведом не представят увольнительных за печатью писем, ни с кем не венчали»[1].

Несмотря на такие запреты, священики соглашались венчать, но только за большую взятку и тайно[2].

Разнообразные стороны крестьянской жизни, в том числе вопросы о семье и браке, удельным ведомством рассматривались с хозяйственной точки зрения.

В удельных конторах оброчными статьями, мельницами, торговыми площадями, другими доходными статьями ведала хозяйственная часть. Выдачей замуж, спорными вопросами по бракам как в экспедиции, так затем и в удельных конторах ведала та же хозяйственная часть. Оброчные статьи и брачные дела — все это для чиновников контор и всего удельного ведомства было одно и то же, — как в одном, так и в другом случаях подходили они с одной меркой, не считаясь с личностью крестьянина и не обращая внимания на его дальнейшую жизнь.

В среде удельных крестьян нередки были неравные браки. Если у дворян и буржуазии неравные браки объяснялись стремлением получить наследство или капитал, причем на возраст не обращали внимания, то у крестьян наблюдалось другое явление. Крестьяне часто женили несовершеннолетних сыновей на взрослых девицах для того, чтобы иметь дополнительного работника в хозяйстве. Так, крестьянин д. Гороховое поле Казанской губернии, Павлов, выдал свою совершеннолетнюю дочь в той же деревне за 12-летнего Александрова. Они были повенчаны и соблюдены при этом другие формальности[3].

Удельное ведомство, как и помещики, стремились регулировать браки, своевременно женить мужчин и выдавать замуж девушек. В 1798 году советник Казанской экспедиции сообщал в Департамент уделов, что у мордовских крестьян существует обычай брать за девушку, выходящую замуж, калым, поэтому многие из мужчин «по недостатку и по возвышению цен за вывод, остаются холостыми, а другие женятся или сами 17 или 18 лет на девках 30 и 35 лет, или оба пропускают свои лучшие годы, отчего некоторые впадают в неоплатные долги и делают-

---

1 ГАУО, ф. 534, д. 124, листы 537—538.

2 ГАУО, ф. 534. д. 167, лист 19.

3 ГАУО, ф. 534, д. 272. л. 149

ся бобылями, а другие вступают в брак в престарелых годах и остаются бездетными»[1].

Такова практика феодального попечительства удельного ведомства о личной жизни всей массы крестьянства. Были другие стеснительные меры, лишавшие крестьянина самых элементарных человеческих прав.

Удельные крестьяне без разрешения удельного начальства не имели права покинуть свою усадьбу, переселиться или уйти в другое селение. Переменить постоянное местожительство можно было только по разрешению Департамента уделов. Самовольное переселение крестьян влекло за собой самые суровые наказания. Специальным распоряжением 1835 года переселившихся крестьян, несмотря на понесенные ими материальные затраты, возвращали обратно на старое местожительство, штрафовали, отправляли в рабочие дома[2].

Самовольная отлучка крестьян из дому сурово преследовалась начальством; таких крестьян наказывали плетьми или отправляли в смирительные дома. Если крестьянин без разрешения отлучался из дому на 2-3 дня, то его объявляли беглым, с вытекающими отсюда последствиями.

Хорошая идея защиты удельных крестьян от посторонних притеснений в феодально-крепостническую эпоху не всегда достигала цели. Удельные крестьяне не имели права самостоятельно решать спорные дела через суд — за них решало удельное начальство. В «Руководстве для удельных поселян к познанию прав и обязанностей» определены «случаи», относящиеся к гражданскому суду. В «Руководстве» определялись способы решения спорных дел между удельными крестьянами и лицами других сословий. Если на удельного крестьянина или на все селение кто-либо из посторонних лиц пожалуется в суд, последний сообщает об этом в удельное ведомство. Если в суде разбирается важное дело, то управляющий конторою или по его поручению чиновник отправляется в земский суд и в его присутствии начинается следствие. Чиновник или управляющий конторою подписывается «за крестьян во всех нужных показаниях, наблюдает справедливость, охраняет удельных крестьян от притеснений, буде кто вздумал их делать». По окончании следствия все дело переходит в уездный суд, «где крестьянам удельным строго запрещается лично ходатайствовать, ибо

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 17, л. 18.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 275, л. 587.

управляющий берет все дело на себя и должен защищать оное как свое собственное, не допуская отнюдь крестьян до проволочки и издержек». В уездном суде управляющий выслушивает решение и объявляет удельному крестьянину одному или целому селению, — «буде решение неправо, он просит вышнее начальство, и дело получает справедливое окончание»[1].

Следовательно, удельные крестьяне не могли сами через суд взыскивать с крестьян других категорий или с других лиц имущество, деньги или решать другие спорные вопросы. Они, как и помещичьи крестьяне, не пользовались даже элементарными гражданскими правами, за них «думало и решало» удельное начальство. У крестьян отбирали землю, их штрафовали, о них выносили судебные решения. Все делалось без их непосредственного участия. Подобная «опека» удельного ведомства сковывала хозяйственную инициативу крестьян, лишала их возможности самостоятельно заключать торговые сделки, вступать в какие-либо обязательства с лицами других сословий.

Удельное начальство, а главным образом исполнители его воли — чиновники, движимые чувством личной наживы, защищали в судах и других присутственных местах тех, кто больше платил: купцов, помещиков, а если и удельные крестьяне давали большой куш, то защищали и последних.

О том, как некоторые удельные стряпчие защищали интересы крестьян, наглядно свидетельствует приведенный ниже факт. В 20 годах XIX в. Симбирская межевая контора от удельных селений Дмитриевского (Кандабулак) и с. Веденского (Чекалиха) решила отрезать 6746 десятин земли и передать в казенное ведомство. Крестьяне указанных селений бурно протестовали против неправильного решения Симбирской межевой конторы, но стряпчий Симбирской удельной конторы согласился с таким решением и «объявил свое удовольствие». Спорное дело вскоре поступило в Московскую межевую канцелярию. Стряпчий Московской удельной конторы Фролов присутствовал при разборе земельной тяжбы, опротестовал решение Симбирской межевой конторы как неправильное и «стеснительное для удельных крестьян», при этом указал на неправильное действие Симбирского стряпчего. 7 тыс. десятин спорной земли осталось за удельными крестьянами.

Однако Департамент уделов не привлек к ответственности Симбирского стряпчего за его бездушное отношение не

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 275, л. 583.

только к тем крестьянам, интересы которых он обязан защищать, но и к собственности удела.

О том, что большинство удельных стряпчих формально относилось к своим обязанностям, к судьбе крестьянских масс, свидетельствует сам Департамент уделов. В 1828 году удельное ведомство сообщало управляющим, что «таковое действие Фролова поставить в пример всем удельным стряпчим при конторах находящихся»[1].

Такова структура и практика управления удельными крестьянами.

Некоторым чиновникам царской администрации формы управления удельными крестьянами казались настолько идеальными, что эту структуру управления они стремились перенести на крестьян других разрядов. Так, Мордвинов в свое время предлагал: «крестьяне, которые еще не перешли в частные руки, должны были состоять в ведении двора и подчинены правилам удельного, т. е. частновладельческого управления»[2]. Сторонником перенесения удельных порядков на государственных крестьян являлся министр финансов, он же и министр уделов граф Гурьев[3]. Министр финансов Канкрин в своем проекте по управлению государственными крестьянами считал целесообразным создать хозяйственные управления, «которые соответствовали бы отделениям удельных контор»[4].

Таким образом, царским чиновникам настолько нравилось управление удельными крестьянами и формы их эксплуатации, что царедворцы пытались накинуть удельную узду и на государственных крестьян. Желания этих чиновников в значительной мере были воплощены в киселевской реформе.

Выводы: Разряд удельных крестьян возник в период разложения феодально-крепостнического строя, возникновения и развития капиталистического уклада.

Новое удельное хозяйство и рязряд удельных крестьян появились в конкретной исторической обстановке, в которой старое дворцовое хозяйство не могло удовлетворить все возраставших потребностей императорской фамилии царствовавшего дома Романовых.

---

[1] ГАУО. ф. 318, оп. 1, д. 97, л. 9:

[2] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М. 1946, стр. 129.

[3] Там же, стр. 155—160.

[4] Там же, стр. 166.

Удельные владения, образованные в 1797 году, представляли собой одну из разновидностей феодальной собственности, которая по своему положению приближалась к частной собственности крупных феодалов, но фактически удельные владения являлись нераздельной собственностью всего царствовавшего дома Романовых.

Для огромного удельного хозяйства была создана сложная управленческая машина, способная в новых условиях повысить доходы феодального владельца земли. Главная задача нового управления состояла в том, чтобы при помощи большого аппарата власти интенсивнее эксплуатировать крестьянские массы.

Организация управления удельным хозяйством во многом отличалась от вотчинно-помещичьего управления, она отличалась от управления и государственными крестьянами. Для управления помещичьим хозяйством создавалась вотчинная контора с управляющим или другим ответственным перед помещиком лицом. Система управления государственными крестьянами несколько раз подвергалась изменениям и окончательно оформилась киселевской реформой.

Для управления удельным хозяйством были созданы Департамент уделов в центре и удельные экспедиции, а затем удельные конторы с многочисленными приказами на местах. Департамент уделов являлся высшей инстанцией управления всем удельным хозяйством и принадлежащими ему крестьянами. Удельные конторы с многочисленными приказами, исполнявшими волю удельного ведомства, наделялись административными и административно-судебными функциями в отношении ведомственных крестьян. Департамент уделов не подчинялся никакому центральному органу власти, кроме царя, его конторы с их сельскими приказами не подчинялись представителям государственной власти на местах. В то же время центральные и местные органы власти не могли не считаться с волею и требованиями удельного ведомства.

Удельные крестьяне состояли в феодальной зависимости от императорской фамилии дома Романовых. Если в начальный период существования удельного ведомства подведомственные ему крестьяне пользовались некоторой свободой в ведении хозяйства и в личной жизни, то в период кризиса крепостного строя и усиления феодальной эксплуатации, положе-

ние их стало изменяться, приближаясь к положению владельческих крестьян.

В отличие от помещичьих крестьян, удельные крестьяне не превращались в рабов, дворовых. Основное отличие удельных крестьян от помещичьих состояло в том, что они не продавались и не закладывались в другие руки и были, таким образом, избавлены от этой тяжелой участи крепостных крестьян.

Формально удельные крестьяне пользовались самоуправлением, избирали в селениях старост, в приказах старшин. Как правило, старшинами приказов «избирались» только угодные Департаменту уделов люди.

Удельные крестьяне почти не пользовались личными правами; без разрешения удельного ведомства не могли распоряжаться своим имуществом; отец не мог отделить в другой дом женатого сына или выдать свою дочь. Раздел семейства происходил только с разрешения удельного ведомства. Крестьяне без разрешения удельного ведомства не имели права покинуть свою усадьбу, переселиться или уйти в другое селение. Они не имели права самостоятельно решать спорные дела через суд — за них решало удельное начальство.

Удельные крестьяне были ограничены в приобретении недвижимой собственности. Как помещичьи, так и удельные крестьяне не могли покупать землю на свое имя.

Практика управления удельными крестьянами свидетельствует, что сверху донизу, от Департамента уделов до сельских приказов, все было пронизано одним стремлением: превратить подведомственных крестьян в послушное орудие, при помощи которого можно было бы создавать и увеличивать богатства для императорской фамилии дома Романовых.

ГЛАВА II

БОРЬБА УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН ЗА ЗЕМЛЮ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН

Раздел I. Предварительные замечания; генеральное межевание — крепостническое мероприятие, ухудшившее положение крестьянских масс; раздача Павлом I крестьян и земель помещикам; землепользование удельных крестьян Казанской, Симбирской, Пензенской и Самарской губерний; меры Департамента уделов по обеспечению крестьян землею; переселение удельных крестьян в другие селения, уезды, губернии; покупка Департаментом уделов помещичьих земель с крестьянами. Выводы.

Раздел II. **Предварительные замечания; развитие сельского хозяйства в удельной деревне. Сельское хозяйство удельных крестьян Среднего Поволжья. Казанская губерния, Симбирская губерния. Почвенно-климатические условия. Состояние земледелия. Способы обработки земли; сельскохозяйственные культуры; урожаи; животноводство; огородничество; садоводство; пчеловодство; обработка земли нерусскими народностями; Самарская губерния. Выводы.**

Предварительные замечания.

Классики марксизма-ленинизма всегда подчеркивали ту важную роль, какую земля играла в общественном производстве. К. Маркс писал, что «труд не единственный источник производимых им потребительских стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Вильям Петти, земля — его мать»[1].

Из совокупности вопросов, связанных с землей, нас интересует один и, пожалуй, главный вопрос — кто являлся в период феодализма собственником земли, потому что с собственностью на землю связано экономическое положение отдельных классов, общественный строй производства в земледелии.

При феодализме земельными собственниками в России были дворяне, а крупная феодальная земельная собственность являлась основой эксплуатации крестьянских масс помещиками.

«Земельная собственность, — писал К. Маркс — первоначальный источник всякого богатства...»[2]. За землю, как источник обогащения для одних и источник существования для других, и шла ожесточенная борьба между кучкой эксплуататоров — помещиков, захвативших в свои руки огромные земельные богатства и многомиллионными массами крестьянства, отстаивавшими свое право на землю, право на свое существование.

Помещики-крепостники, обладая земельной собственностью, использовали землю как орудие эксплуатации крестьянства в целях личной наживы и обогащения.

В период зарождения капиталистических производственных отношений и разложения феодализма в России борьба за землю между помещиками и крестьянами принимает наиболее острые формы. Это было обусловлено дальнейшим ростом обмена и развития внутреннего рынка, проникновением товарно-

---

[1] К. Марк, Капитал, т. 1, 1953, стр. 50.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 13, ч. I, стр. 340.

денежных отношений в сельское хозяйство, что в свою очередь способствовало разрушению натурально-хозяйственной системы в стране.

«К концу века дворянство, — пишет П. И. Лященко, — сосредоточив в своих руках громадный земельный фонд, закрепив свою монопольную собственность на землю и на крепостной труд, в наибольшей мере становится заинтересованным в приспособлении своего крепостного хозяйства к условиям рыночного товарооборота, к сбыту на рынок своих сельскохозяйственных продуктов и переработке их для продажи на своих же вотчинных фабриках»[1].

Во второй половине XVIII века, особенно в последней четверти его, началась буквально погоня помещиков за земельными богатствами.

Не довольствуясь принадлежавшими им вотчинами, помещики захватывали государственные и крестьянские земли. К пожалованным 500 — 1000 четвертям они присоединили десятки тысяч десятин «пусто-порожних» земель. Современник и участник «приращивания» к своим угодьям крестьянских и государственных земель А. Т. Болотов в своих «Записках» подробно рассказывает о практике захвата дворянами чужих земель.

Так, еще в 20-х годах XVIII века на границе Тамбовского и Шацкого уездов простиралась никем не занятая степь. В 1732 году воронежский губернатор Пашков получил в награду за службу 1000 четвертей степной земли в Шацком уезде. Сподручный Пашкова отправился на место и в пользу воронежского губернатора «описал в отказных книгах бессовестнейшим образом всю сию огромную в несколько десятков тысяч десятин содержащую степь»[2], в которой было до 50 тысяч десятин земли, «следовательно, в 25 раз более против данного ему количества»[3] К слову сказать, в отказные книги попали и дворцовые земли.

В 1773 году сын Пашкова затеял спор с другими помещиками, которые по примеру его предка вместо 7000 десятин земли захватили пространство «на несколько десятков верст и, по всему вероятно, тысяч до 30 или более десятин» [4].

---

[1] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1, М. 1952, стр. 410.

[2] Жизнь и приключения Андрея Болотова, т. III, СПб, 1873, стр. 211.

[3] Жизнь и приключения Андрея Болотова, т. Щ, СПб, 1873; стр. 214.

[4] Там же, стр. 216.

Еще более свободно вели себя помещики в Поволжье, присваивая не только государственные земли, но и земли местного населения.

Для обработки захваченных или иным путем приобретенных земель помещикам потребовалась новая рабочая сила, чтобы извлекать из этих земель дополнительные доходы.

Неслучайно, что еще в Комиссии по составлению нового уложения, раздавались голоса за то, чтобы дворцовых и экономических крестьян передать в руки помещиков.

Екатерина II и Павел I в интересах господствующего класса, под влиянием систематического нажима дворянства, раздавали в частные руки государственные и дворцовые земли, государственных и дворцовых крестьян. За время своего царствования Екатерина II раздала из дворцового ведомства в частные руки около 36 тысяч, Павел I за пять лет своего правления — 157 тысяч душ мужского пола и большое количество земель»[3].

Практика раздачи крестьян и земель удельного ведомства прекратилась с воцарением Александра I. В начале XIX в. не только прекращается подобная земельная раздача, но растет тенденция к увеличению как удельных земель, так и крестьян путем покупки помещичьих имений. Александр I всячески поощрял инициативу Департамента уделов, покупавшего частные земли и крепостных крестьян.

Все это явилось предметом ожесточенного спора между землевладельцами и крестьянами, причиной напряженной борьбы крестьянства за свое существование.

Создавая разряд удельных крестьян, Павел I в законе от 5 апреля 1797 года определил удельным крестьянам их зе-

ГЕНЕРАЛЬНОЕ МЕЖЕВАНИЕ — КРЕПОСТНИЧЕСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ, УХУДШАВШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС

Самовольный захват государственных, дворцовых и крестьянских земель, раздача тех же земель и крестьян дворянству породила чрезвычайную путаницу в землевладении Департамента уделов и землепользовании удельных крестьян.

---

[3] В. Семевский. Пожалование имений при императоре Павле. Журнал «Русская мысль», 1882, № 12, стр. 164.

Все это явилось предметом ожесточенного спора между землевладельцами и крестьянами, причиной напряженной борьбы крестьянства за свое существование.

Создавая разряд удельных крестьян, Павел I в законе от 5 апреля 1797 года определил удельным крестьянам их земельные наделы. «Все земли удельные, — говорилось в законе, — принимать в такое положение, чтобы каждому работнику-поселянину доставалось на тягло, кроме усадьбы и покосов в трех полях, в каждом по 3 десятины». Вслед за этой 116 статьей закона идет следующая 117. — «Чтобы непременно каждое тягло в каждой вотчине, волости, деревне и селении имело свои три десятины пашенной земли в каждом из трех полей, не включая в то число огороды, луга и усадьбу»[1].

Итак, каждому удельному крестьянскому тяглу определялось законом и, притом, непременно 9 десятин пахотной земли, помимо огородов и усадьбы.

Издавая такой закон, составители его не знали точного количества земли в удельном (бывшем дворцовом) хозяйстве, не знали и о тех землях, которые находились в непосредственном пользовании удельных крестьян.

До генерального межевания, особенно в первой половине XVIII века, когда земля в глазах господствующего класса не приобрела той ценности, какую она получила после, правители дворцового ведомства все внимание обращали на денежные оброки, получаемые с крестьян. По мере развития товарно-денежных отношений в стране, роста помещичьего хозяйства, расширения барской запашки и лихорадочной охоты помещиков за земельными угодьями, земля в глазах правителей дворцового ведомства приобретает иное значение. Они начали обращать серьезное внимание на дворцовые земли, на их качество и количество, на более интенсивное использование земельных угодий в целях доходности дворцового хозяйства.

В XVIII веке в России землевладение было так запутано, что многие из владельцев не знали точно, каким количеством земли они владеют. Больше всего землевладение было запутано в Среднем Поволжье — территории, позже вошедшей в состав русского государства. Здесь землей владели татарские и другие феодалы, коренные жители — ясашные крестьяне, пришедшие с Востока калмыки, осевшие на землю русские служилые люди разных названий, помещики и монастыри со

---

[1] ПСЗ, т. XXIV 1 17906.

своими крестьянами и, наконец, беглые крепостные, искавшие в Поволжье вольной жизни. Русские цари в Среднем Поволжье то расширяли дворцовое хозяйство, то из этого хозяйства жаловали селами своих приближенных — Собакиных, Морозовых, Орловых, Мусиных-Пушкиных и многих других.

Постоянные и временные центральные и местные учреждения, ведавшие поместными и другими землями, совершенно потонули в потоке спорных дел[1].

Современник и участник земельных споров Андрей Болотов писал: «Все сие господа наделали тогда спорами своими такую чепуху, что не только межевой канцелярии, но и самой тогдашней межевой экспедиции в Сенате... в голову не лезло, как бы им сие огромное и крайне запутанное дело разобрать и решить можно было»[2]

Земельные тяжбы и споры и сопровождавшая их бумажная волокита буквально заполнили уездные и земские суды разобранными, а больше неразобранными делами.

Правительство не могло не беспокоиться о том, что землевладение находится в таком запущенном состоянии. Нужно было, наконец, покончить с таким неустройством землевладения и землепользования, нужно было точно знать, кому где и сколько принадлежит земли. Все это нужно было знать в целях обеспечения наибольшей доходности, наибольшего финансового и другого обложения в пользу казны. Тем более, это стало нужным, настоятельно необходимым потому, что земля в глазах дворянства приобретала все новое и новое значение с ростом товарно-денежных отношений.

Со второй половины XVIII века правительство приступило к генеральному межеванию земель с целью закрепить захваченные крепостниками — дворянами свободные и крестьянские земли, юридически оформить помещичье землевладение.

В Симбирской губернии генеральное межевание началось в 1798 году и закончилось в 1821 году, в Казанской губернии — с 1793 по 1803 гг., в Пензенской — в 1782—1792 гг.

Помещичье государство всеми силами защищало и ограждало дворянские интересы. Поэтому все действия правительства по межеванию земель были пронизаны крепостническими тенденциями, тенденциями господствующего класса.

Генеральное межевание — крепостническое мероприятие, проведенное в интересах помещиков, давало в руки последним

---

[1] ПСЗ, т. XVII (1765—1766), 12474, 12572, 12569.

[2] Жизнь и приключения Андрея Болотова, т. IV, 1873 ,стр. 385.

превосходное легальное средство и легальные возможности присвоения надельной земли государственных и удельных крестьян.

А так как помещики обычно дополняли легальное средство нелегальными, то от «упорядочений» землевладения, от его генерального межевания еще более пришло в расстройство и разорение крестьянское хозяйство удельного ведомства.

О том, как проходило это межевание на практике, говорят многочисленные документы.

Помещики, используя свою власть в целях расширения, увеличения своих земельных владений, ставили на службу своих интересов землемеров, межевые учреждения, пускали в ход подкупы и угрозы. Во время такого межевания лучшие казенные и удельные земли переходили в руки помещиков. Где было выгодно помещику, там обычно и выделяли ему землю. Так, Тетюшкинский уездный суд Казанской губернии и землемер Рервер в 1802 году межевали земли общего владения удельных крестьян деревни Нечасовой и помещиков Сахановых. Разграничивая владения, межевщики отмежевали их так, что земля Сахановых оказалась вблизи деревни Нечасовой, а земли жителей этой деревни, вклинившись во владения Сахановых, очутились позади помещичьих угодий, вдалеке от удельной деревни. В результате такого межевания удельные крестьяне теряли не только лучшие свои земли, но и попадали в зависимость к помещику, который в любое время мог запретить крестьянам ездить на свои поля и прогонять крестьянский скот через его владения, в любое время он мог потребовать особой платы за такой прогон. Уездные и губернские власти знали о таком межевании, об этом знали и удельные чиновники.

Чиновники Казанской удельной экспедиции должны были отстаивать интересы крестьян своего ведомства, но, зависимые от местных властей, часто только фиксировали факты неправильно проведенного межевания и доносили об этом своему начальству.

В 1801 году размежевывались земли купцов и мещан города Тетюши, с одной стороны, и живущих в Тетюшах крестьян (удельных и иных разрядов), с другой стороны. Нарезая земли под городской выгон не в окрестностях города, а в 12 верстах от него, вниз по Волге, землемер Аксютин отмежевал здесь для купцов и мещан из удельных земель лучшие покосы и лес, а удельным крестьянам оставил неудобные земли и три песчанных острова.

В результате такого межевания тетюшские купцы и мещане получили 1713 десятин лучших пахотных земель, прекрасных лугов и добротного леса. Другой стороне — удельным крестьянам и пахотным солдатам на 179 ревизских душ — выделено было пахотной земли 190 десятин, покосу 27 десятин, что составляло в общей сложности не более 0,8 десятины на одну ревизскую душу[1].

Землемеры — исполнители воли помещиков, защитники их интересов — нередко не только не руководствовались межевыми инструкциями, а действовали вопреки им, подчас даже силой отмежевывали помещикам то, что искони принадлежало крестьянам. Все захваты крестьянских земель обставлялись по всем правилам закона — крестьянские земли отбирали в пользу помещика в присутствии стряпчих и других представителей местных властей.

Особенно часто помещики захватывали крестьянские земли перед началом генерального межевания в той или иной губернии, надеясь, что этот захват будет узаконен генеральным межеванием.

Так, в 1782 году помещик Молостов при помощи землемера и стряпчего отрезал часть леса у дворцовых крестьян с. Рождественского Лаишевского уезда.

Не ограничиваясь захватом леса, Молостов захотел прибрать к своим рукам и другие угодья. С помощью землемера Гульцева и стряпчего Лаптева ему удалось отобрать у дворцовых крестьян земли «не малое количество» (из документов неизвестно сколько) и сенных покосов на тысячу копен, как будто бы бесспорно принадлежавших ему[2].

Крестьяне пытались защищать свое право на землю без содействия «губернии», сами на месте. Поверенный дворцовых крестьян Ильин объявил протест на неправильное размежевание и попросил стряпчего заступиться за крестьян и записать их протест в журнал. Лаптев не только не посчитался с просьбой крестьян, но и прогнал их с поля.

Тяжба крестьян с Молостовым о спорной земле затянулась на долгие годы. Только в 1802 году Сенат послал в Казанскую межевую контору свое решение, чтобы отмежевать удельным крестьянам принадлежавшую им землю, но в значительно меньших размерах, чем того требовали крестьяне[3]. Выполняя реше-

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 124, лл. 660—662; д. 167, лл. 269—270.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 72, л. 69.

[3] ГАУО, ф. 534, д. 72, лл. 81—84.

ние Сената, межевая контора выделила крестьянам только 147 десятин сенных покосов, а пахотной земли они так и не получили. Не соглашаясь с решением Сената, крестьяне не приняли от Казанской межевой конторы ни новой межевой книги, ни плана на выделенные земли[1]. Так крестьянам с. Рождественского и пришлось владеть небольшими земельными наделами в 2,7 десятины пахотной и сенокосной земли на одну ревизскую душу.

Были случаи, когда помещики, захватывая крестьянские земли, обвиняли тех же крестьян в их незаконных действиях. Так, в 1799 году при генеральном межевании земель поверенные казанских помещиц Кисливцевой и Ефросимовой просили суд отобрать от анатышских удельных крестьян пустошь Рубежницу, так как «оная принадлежала господам их, но завлажена сильно крестьянами Анатышской волости с 1768 года». С 1768 года по 1799 год помещицы не обращались в суд с жалобами на дворцовых крестьян, якобы самовольно захвативших землю, и вдруг через 31 год не только потребовали возврата земли, но и предъявляли к крестьянам иск за самовольное пользование землей в сумме 6656 рублей за каждый год. Судебная тяжба продолжалась несколько лет. Наконец было установлено, что пустошь Рубежница записана в писцовых книгах за дворцовыми крестьянами еще в 1648 году. Пока решали дело, анатышские крестьяне, оставшиеся без земли, вынуждены были арендовать землю у соседей, да платить за свою же землю помещицам большие суммы денег.

Только в 1805 году, через шесть лет мытарств, крестьянам была возвращена пустошь. Суд не взыскал с помещиц крестьянских денег, хотя и предложил крестьянам, если они «восхотят, то могут вправе обратить тот иск на госпожу Кисливцеву и Ефросимову»[2].

В этой тяжбе крестьяне вышли победителями потому, что сумели сохранить документы на право своего владения и неопровержимыми фактами доказать свою правоту. Но это был, пожалуй, единственный факт положительного исхода борьбы крестьян за землю.

В период генерального межевания и после него крестьяне с особой тщательностью стали хранить имевшиеся в их руках владенные записи и другие документы на право пользования землей, поручая их особо надежным односельчанам, обычно

[1] ГАУО, ф. 534, д. 72. лл. 180—181
[2] ГАУО, ф. 534, д. 124, лл. 123—125; д. 344, лл. 137—138.

старикам, для сохранения. В канцелярских реестрах этого времени сохранены многочисленные ходатайства крестьян о выдаче им документов на право пользования землей[1]. Эти частные факты, дополняя общие, свидетельствуют об усилении борьбы за землю между крестьянами и помещиками в период генерального межевания.

В период генерального межевания решались земельные споры столетней давности. Об одном из таких фактов рассказывают крестьяне села Сыресь Ардатовского приказа, обратившиеся с просьбой о защите от незаконных притязаний помещиков в удельную экспедицию. Еще в 1694 году разные помещики захватили 290 четвертей земли у сыресевских крестьян, на которую крестьяне имели документы. Из этих документов «явствует», — пишет поверенный крестьян в экспедицию, — в давних годах деды и прадеды и пращуры их, были помещичьи князья Луки Федорова Долгорукова крестьяне, а по смерти его, по неимению наследства, поступили в дворцовые, а ныне удельные крестьяне». Через много лет потомки Луки Долгорукова вспомнили, что село Сыресь было когда-то вотчиной их деда и отобрали 150 десятин земли у крестьян дворцового ведомства[2].

Десятилетние, а тем более вековые тяжбы за землю разоряли не одно, а многие поколения крестьян. Большое количество этих тяжб не было решено и в период генерального межевания. Удельные крестьяне с. Жаренок Ардатовского уезда и их предки с 1754 года вели тяжбу за землю с помещиками Куломзиными, продолжающуюся в 30-х годах XIX века; в 1773 году помещик Салтыков отрезал 300 десятин земли у дворцовой деревни Рындиной Курмышского уезда, присоединив захваченные угодья к своему селу Порецкому. Спор не закончился и в начале XIX века. У дворцовых крестьян с. Мордовы Сенгилеевского уезда в 60-х гг. XVIII века граф Г. Орлов отобрал на Волге два острова, за пользование которых удельные крестьяне еще в 30-х годах XIX века платили помещикам в год по 2000 рублей, «через что самое мордовские обыватели безвинно терпят крайнее разорение»[3].

Можно привести много других примеров захвата помещиками крестьянских земель как до генерального, так и в период

[1] ГАУО, ф. 534, д. 172, лл. 1—2.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 277, л. 1005.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д: 57, лл: 22—25; 117; ф: 534; д: 167; л: 118; ф. 318, оп. 1, д. 396, л. 537.

генерального межевания. Но и этих фактов достаточно, чтобы сделать вывод о том, как разоряли помещики дворцовых — удельных крестьян, как постоянно сокращалось крестьянское землепользование в последней четверти XVIII века.

Не будет полного представления о лихорадочной охоте за земельными угодьями, если не добавить, что помещики наступали, брали и отрезали земли не только у удельных, но и у государственных крестьян. Активное наступление помещиков на государственные земли продолжалось и в последней четверти XVIII века. Особенно усилился захват казенных земель в Среднем Поволжье при Павле 1. Некоторые помещики отбирали у государственных крестьян сотни и тысячи десятин земли. Так, в 1798 году помещик Паршин явился в Симбирский уезд и от казенного села Грязнухи отрезал 5 тысяч десятин земли, объявив ее своей. Таким же путем была отобрана земля помещиком Окуневым у крестьян села Кременок того же уезда.

Помещики захватывали землю оптом и в розницу, невзирая на указы правительства, на протесты и жалобы государственных и удельных крестьян[1].

Если вотчина была расположена рядом с землями государственных и удельных крестьян, землепользование последних постоянно сокращалось. Особенно касалось это тех селений, где владения удельных и государственных крестьян граничили с помещичьими землями. В Корсунском уезде Симбирской губернии земли удельных селений Никольское (Красная сосна), Ясашный Сызган и деревня Хомутерь (192 ревизских души) были замежеваны в одну окружную межу с землями государственных крестьян дд. Джамиркино и Лапшаур (1215 ревизских душ). Удельные и государственные крестьяне землею пользовались сообща: пахотной 4935 десятин, сенокосной 201 десятиной. В споре же с помещиками в 1815 году у указанных крестьян находилось земли 6828 десятин[2].

По одной только Симбирской губернии по официальным данным в 1800 году в споре находилось 4606 десятин[3].

По описной книге 1815 года по той же губернии в споре находилось уже 67363 десятины, или более 60% земли, которая должна быть в распоряжении удельных крестьян[4] В

---

[1] ГАУО, ф. 109, дд. 1, 67, 673, ф. 556, д. 71.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 137 (описная книга за 1815 г.).

[3] История уделов, т. III. Камеральная ведомость.

[4] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 137 (описная книга).

Казанской губернии, где в начале XIX века удельных крестьян было 10072 ревизских души, в споре находилось 23797 десятин земли[1].

Удельные крестьяне на многолетнем опыте убедились, чьи интересы защищают землемеры, стряпчие, уездные и губернские власти.

Пытаясь отстоять свои земли, отобрать захваченные помещиками угодья, удельные крестьяне настойчиво, терпеливо, из года в год, на последние крохи посылали своих верных людей — ходаков в Петербург искать правды. Десятки ходоков месяцами жили в Петербурге, расходуя собранные по копейкам крестьянские деньги, все по одному и тому же: «о сильно завлаженной помещиками земле». Много сил и энергии тратили ходоки, но ускорить дело, выиграть тяжбу так и не могли[2].

Бюрократические порядки пронизывали всю жизнь самодержавной России. Продвижение судебных дел по инстанции проходило исключительно медленно, сами же дела запутывались так, что невозможно было найти ни начала, ни конца. О том, как решались судебные дела, свидетельствуют многочисленные документы. В более позднее время, в 1847 году, чиновник Министерства юстиции Плисов во время ревизии Казанской губернии обнаружил, что дела продвигаются очень медленно, многие из них лежат без движения 10, 20 и даже 30 лет[3].

Помещики знали свою силу и, имея поддержку со стороны местной власти, не обращали внимания ни на крестьянские протесты, ни на ходоков, вероломно продолжая свое дело. Так, ходок из деревни Ардатовской Алатырского уезда Макар Ермолаев в 1799 году ежедневно посещал петербургские учреждения по делу о спорной земле с помещицей Мухановой, затеявшей тяжбу еще в 1794 году. Пока крестьяне жаловались своему непосредственному начальству, пока их поверенный обивал пороги в Петербурге, Муханова прорубила просеки, уничтожила более двух верст строевого леса и уничтожила на корню хлеб удельных крестьян, окончательно разорив их. У крестьян не стало средств даже на то, чтобы послать ходока. Когда нужно было в третий или четвертый раз посылать ходока Ермолаева в Петербург, крестьяне на это ответили в

---

[1] ГАУО, ф. 354, д. 954 (описная книга).
[2] ГАУО, ф. 534, д. 325, л. 801.
[3] Центр. Госархив Тат. АССР, 1, оп. 2, д 566 л. 19.

Казанскую удельную экспедицию: «Поверенный Макар по неимуществу деревни их крестьян не мог отправиться в Санкт-Петербург во II-й Сенат Департамента и подать аппеляционной жалобы»[1].

Нередко ходок приходил в Петербург, а дело или терялось в ворохе других бумаг, или лежало без движения в нижней судебной инстанции[2].

Крестьянские ходоки-поверенные в период генерального межевания буквально заполнили Петербург, они жили там продолжительное время, ежедневно толпами заполняли коридоры Департамента уделов, канцелярии присутственных мест. Все это было известно правительству, царю.

В 1800 году последовало «высочайшее повеление», запрещающее пребывание в столице крестьянских поверенных. В столице могли быть лишь те ходоки, которые или вызваны через газеты или дела которых назначены к решению[3].

Указ 1800 года не уменьшил потока крестьянских поверенных. Это продолжалось до тех пор, пока в удельных имениях не была введена должность стряпчего, бравшего на себя разрешение спорных дел удельных крестьян с помещиками и крестьянами других ведомств.

Таким образом, генеральное межевание, проведенное в интересах господствующего класса дворянства, значительно ухудшило положение удельного крестьянства; оно сократило землепользование непосредственных производителей, лишило их основы существования — земли. Борьба крестьян за землю не достигла своей цели. Крестьяне, предоставленные самим себе, лишенные всякой поддержки со стороны правительства, отстаивали свои интересы в одиночку, одним или несколькими селениями. Форма борьбы крестьян за землю носила сугубо пассивный характер: крестьяне жаловались местному или губернскому начальству, посылали ходоков-поверенных в Петербург, в крайнем случае не допускали землемеров на межу.

Победителями в этой борьбе оказались помещики потому, что на их стороне были землемеры, стряпчие, уездные и губернские власти — весь государственный аппарат российского самодержавия.

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 58, лл. 492—493.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 58, л. 471.
ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 71, лл. 111—113; 370—371;

[3] ГАУО, ф. 534, д. 58, лл. 319—320.

РАЗДАЧА ПАВЛОМ I КРЕСТЬЯН И ЗЕМЕЛЬ ПОМЕЩИКАМ

В самом начале образования удельного хозяйства удельные крестьяне получили в наследство от своих предшественников судебные дела за землю с теми помещиками, которые осели в Среднем Поволжье задолго до воцарения Павла I или с потомками этих помещиков. Через несколько лет или сразу же после образования удельного ведомства крестьянам пришлось бороться за землю и с теми помещиками, которые получили землю по павловским указам в конце XVIII века.

Укрепляя диктатуру дворянства на местах, Павел I не останавливался перед раздачей дворцовых земель и крестьян помещикам. «Дураки те, что меня за это бранят, — говорил Павел, — раздавая имения помещикам, — я сажаю их туда в качестве полицмейстеров, которые обо всем радеют и за все мне отвечают»[1].

Естественно, что такая раздача земель и крестьян происходила, главным образом, там, где были свободные от помещичьей власти земельные угодья и крестьяне. Таких земель и крестьян больше всего было в Поволжье, которое находилось рядом с центральными районами государства, т. е. весьма удобно для помещичьих вотчин.

Вот почему Павел I больше всего раздал государственных и дворцовых земель с крестьянами в Поволжье. Из 287841 душ мужского пола, розданных Павлом I, значительное число приходится на Среднее Поволжье.

В Симбирской, Казанской и Нижегородской губерниях получили земли с крестьянами такие помещики, как В. Мусин-Пушкин, Левашев, Лейхнер, Лейнистет, Макашев, Саблуков, Мессинго, Данауров, Эссен, Саймонов, Гуляевы, Гессен, Захаров, Рубанов, Шибуев и многие другие[2]. Щедрые царские пожалования выражались в сотнях и тысячах крестьян, в десятках тысяч десятин земли. Так, помещик В. Мусин-Пушкин только в Ардатовском уезде получил более 800 душ крестьян мужского пола; помещик Левашев в Курмышском уезде получил 1000 душ крестьян мужского пола.

---

[1] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М., 1946, стр. 147.

[2] Русская мысль, 1882, № 12, стр. 159—161, 164.

ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 657, лл. 65, 311, 373—374,

ГАУО; ф: 534; оп. 1, д. 127; д. 190, лл. 182—183; д. 226, лл. 188—189, д. 223, л. 185—187.

Раздавая дворцовых крестьян дворянам, Павел I узаконил положение о том, что крестьяне при переходе к помещикам получали 15 десятин земли на душу. Там, где не хватало указанной нормы земли, ее пополняли за счет казенных и удельных земельных угодий. Так, из 466 дворцовых крестьян деревни Чергуши Княгининского уезда Нижегородской губернии помещику Карадыкину пожаловано Павлом I 301 крестьянин. Но отдавая крестьян Карадыкину, царь распорядился отдать в недостающее количество 3192 десятины из оброчных земель[1].

Большинство так называемых оброчных земель находилось в пользовании тех же дворцовых-удельных крестьян, которые за нее платили особый оброк.

Распоряжение Павла I о наделении крестьян, отдаваемых помещикам, 15-ти десятинной нормой земли означало полное разорение для остальных удельных крестьян. Интересы крестьян, как и в период генерального межевания, всегда ущемлялись. И в данном случае за помещика Карадыкина, получившего 4,5 тысячи десятин земли, расплатились не только крестьяне деревни Чергуш, но и крестьяне другой деревни Волгапино Краснослободского уезда, которых местные власти оставили почти без земли[2].

Подобных примеров того, как обирали удельных крестьян во время павловских пожалований, можно привести много.

Помещики с разбором и в большом количестве брали пожалованные Павлом I земли. С той же тщательностью выбирали они и крестьян в дворцовом хозяйстве. Они отбирали лучшую рабочую силу — физически здоровых, исправно платящих подати, умелых, работящих крестьян — тех, кто мог давать хороший доход помещичьему хозяйству, оставляя в удельном хозяйстве непригодные земли, неработоспособных крестьян.

Удельные экспедиции видели беззаконные действия помещиков и их поверенных в захвате крестьян и земель, протестовали на месте, обращались за помощью в Департамент уделов.

Департамент уделов, заинтересованный в доходах, а следовательно, в землях и крестьянах, в 1798 году обратился в Сенат с жалобой на незаконные действия помещиков и местных гражданских властей. Департамент сообщил Сенату, что

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 325, л. 1101.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 342, лл. 173 — 174; ЦГИАЛ, ф. 515 оп. 2, д. 93, лл. 451—454, 464.

в тех губерниях, где дворяне получили пожалованные царем деревни и села с дворцовыми крестьянами, помещики и их доверенные, не соблюдая закона и порядков, произвольно дробили семейства, оставляя удельному ведомству малоумных, малолетних, престарелых, калек и всех тех, кто неспособен к работе. К тому же из пожалованных помещикам деревень в удельное ведомство были переданы крестьяне, давно умершие, отданные в рекруты, находившиеся в бегах и сосланные в ссылку. Больше того, эти помещики отобрали у оставшихся в удельном ведомстве крестьян лучшие и в большом количестве земельные угодья, запретив крестьянам пользоваться даже лесными дачами[1].

О том, как помещики произвольно выбирали крестьян, свидетельствует и Казанская удельная экспедиция. Так, в Симбирской губернии, Курмышском уезде, в деревне Новацкой, помещик Левашев не принял двух семейств по непригодности к работе; в Нижегородской губернии, в Ардатовской округе, в д. Дубовке, помещик Саймонов не принял 3 душ, неспособных по крайней бедности платить подати; в Симбирской губернии, в Ардатовском уезде, в селе Кержеманах, помещику Мусину-Пушкину отдано не по закону два крестьянских двора; то же самое — в селе Салдаманове Лукояновской округи и в селе Волчихе Арзамасского уезда Нижегородской губернии. В селе Волчихе помещик Лейнитет не взял к себе престарелого крестьянина Ивана Гаврилова; помещик Захаров не взял в с. Яблонной Княгининского уезда 6 душ крестьян, не имеющих домов: «все они престарелые..., пропитание имеют мирским подаянием». Помещик Рубанов в деревне Яковлевой не принял малоумного; в дер. Потаповой помещик Шибуев не принял «двоих слепых, бедного хромого, двоих престарелых, одного малоумного»[2]. В селе Сосновке Моршанского уезда Тамбовской губернии помещики Голицын и Бенкендорф оставили удельному ведомству 42 души «всемилостивейше пожалованных» крестьян, из которых 25 умерших, один отдан в рекруты, один сослан в ссылку и 14 престарелых, неспособных к работе[3].

Помещики не останавливались перед разделом семейства с тем, чтобы работоспособных взять себе, а ненужных им ос-

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 190, лл. 180—181.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 190, лл. 182 — 183; ЦГИАЛ, ф. 515; оп. 10, д. 657, лл. 65, 311; 373—374.

[3] ГАУО, ф. 534, д. 272, лл. 575 — 576.

тавить в удельном ведомстве. Вот пример. Дворцовый крестьянин деревни Пустоши Рогачевской Семеновского уезда Филипп Яковлев еще до 5-й ревизии имел малолетних сыновей. По недостатку земли он приписал к дворцовой деревне Дубенки трех своих малолетних сыновей, где они получали земельные наделы.

В 1797 году Павел I пожаловал генерал-лейтенанту Эссену 3-му из бывшей Толоконцевской волости ряд деревень, в том числе и д. Дубенки. Три сына Яковлева стали собственностью помещика. Отец, узнав о том, что его дети могут превратиться в крепостных помещика, начал хлопотать, писать жалобы, чтобы ему возвратили его детей. Не добившись положительного ответа на месте, Яковлев обратился за помощью к министру уделов. Он просил министра оказать помощь в освобождении его детей от помещика Эссена при том обязывался заплатить за сыновей такую сумму денег помещику, какая узаконена для выхода удельных крестьян в мещанство[1]. Семь лет (с 1797 по 1804 год) Яковлев вынужден был платить оброки помещику и в удельное ведомство за детей своих, отбывать за них и там и тут всевозможные повинности. Между Департаментом уделов и Казанской экспедицией началась бюрократическая переписка о Яковлеве и его детях[2].

Казанская экспедиция, не разобравшись в существе дела и без всяких оснований, решила, что если дети Яковлева пожалованы царем помещику, то «к возвращению их в удельное ведомство ходатайство употребить и ему, Яковлеву, о том государя императора утруждать дозволить не может»[3]. Дело все-таки дошло до царя, и царь распорядился трех сыновей возвратить Яковлеву, заплатив помещику из капитала удельного ведомства по 1500 руб. за каждого[4].

Беда Яковлева не была исключением. Подобное произошло и в селе Волчихе Ревезенского приказа у крестьянина Дементьева, у солдатки Никитиной и в других селениях. У многих удельных крестьян разрушались семьи по помещичьему произволу[5].

Некоторые помещики при приеме пожалованных крестьян

---

1 ГАУО, ф. 534, д. 272, лл. 575—576

2 Там же, лл. 298—299.

3 ГАУО, ф. 534, д. 226, лл. 318—319; д. 229, лл. 712—713, д. 272, л. 421.

4 ГАУО, ф. 534, д. 273, лл. 197—198.

5 ГАУО, ф. 534, д. 277, л. 114, л. 679. д. 228, лл. 923—924; 925, д. 229, лл. 255—257, л. 1045—1046, д. 167, л. 493.

не ограничивались тщательным выбором «пожалованного», а считая количество дарованного недостаточным, «исправляли» жалованные грамоты даже путем прямого обмана при благосклонном содействии местных властей.

В 1797 году Павел 1 подарил помещику Левашову из бывшего дворцового имения Курмышского уезда Симбирской губернии крестьян в селах Атяшеве, Аркадееве и деревнях Баннойдине и Новатской — всего 1000 душ. При приеме крестьян поверенный Левашова прихватил 77 душ крестьян сверх положенного числа. Проделка поверенного Левашова, возможно, так и осталась бы незамеченной, если бы не письменный рапорт на имя Казанской экспедиции от удельного крестьянина Фокинского.

В 1803 году чиновник Рогов вместе с Курмышским земским комиссаром отправились в село Атяшево к управляющему Левашова. Управляющий сознался в том, что имеется 16 душ «действительно пропущенных в 5-ю ревизию», от остальных 61 крестьянина он отказался.

Тогда чиновники обратились к местному священнику, хранителю метрических книг, исповедных ведомостей и других духовных росписей, по которым можно было бы установить число людей. Однако, оказалось, что нужные документы, по-видимому умышленно, были «во многих местах перемараны», поэтому до получения метрических книг из консистории следствие приостановили.

Удельный чиновник Рогов, не ожидая окончания следствия, потребовал от земского исправника Сарбулатова возвращения в удельное ведомство тех крестьян, которые признаны управляющим Левашова как излишне взятые. Земский исправник под предлогом отсутствия распоряжений старшего начальства законную просьбу Рогова исполнить отказался. Рогов об этом же просил Симбирского губернатора. Но последний дело передал по инстанциям для окончательного решения о крестьянах.

Наконец, поздней осенью 1804 года Курмышский суд признал, что во время 5-й ревизии было пропущено 16 душ крестьян и что поэтому они не попали в оклад. Суд признал также и то, что одиннадцать крестьян, принадлежащих уделу, были незаконно присвоены помещиком. Суд не вынес постановления о судебном преследовании виновных в утайке удельных крестьян, а только постановил возвратить одиннадцать крестьян в удельное ведомство. Об остальных удельных крестьянах, не-

законно присвоенных Левашовым, Курмышский суд даже словом не обмолвился[1].

Все — от начальника Симбирской губернии до рядового писца Курмышского уездного суда—прекрасно понимали, что в вотчине Левашова не одиннадцать излишне прихваченных удельных крестьян, а значительно больше (77, как утверждает Фокинский), но все они молчаливо поддерживали и защищали помещика Левашова.

Удельные чиновники, защитники интересов удельного хозяйства, бессильны были бороться со злоупотреблениями помещиков и местных властей, бессилыны были пробить брешь круговой поруки помещиков.

Малейшие робкие протесты против незаконных действий помещиков, стремившихся завладеть удельными крестьянами, пресекались в корне. Удельному крестьянину Фокинскому курмышские судьи пригрозили, что за донос на помещика Левашова они отдадут его в рекруты или сошлют в Сибирь на поселение[2].

Удельные крестьяне, незаконно присвоенные помещиками, в редких случаях попадали снова в удельное ведомство. Многие крестьяне десятилетиями доказывали властям, что они не помещичьи, а удельного ведомства.

Так, в 1820 году крестьяне с. Михайловского Спасского уезда, Казанской губернии, написали коллективную жалобу правительству о том, что они не помещиковы, а принадлежат уделу. Из дела видно, что еще в 1795 году Сенат решил отобрать у помещика Молостова 130 душ крестьян, незаконно им присвоенных, и передать их обратно в дворцовое ведомство. Пока распоряжение дошло до места назначения, дворцовые крестьяне превратились в удельные. Воспользовавшись этой переменой, Молостов передал в удел только 55 человек, а остальных переселил в свои отдаленные имения.

Получив в 1820 году жалобу михайловских крестьян, петербургские чиновники, не вникая в существо дела, переслали крестьянскую жалобу в Казанскую казенную палату для расследования. Палата, в свою очередь, потребовала от помещика Молостова представления документов на право владения крестьянами. Помещик прислал документы и объяснил, что подавшие на него жалобу крестьяне действительно принадлежат ему,

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 229, лл. 222—223.
[2] ГАУО, ф. 534, д. 272, лл. 575—577, д. 229, л. 223.

Молостову, и «что они просят об учинении им свободы из его владения неправильно». Казанская казенная палата, не удовлетворенная ответом Молостова, приказала уездному земскому суду и стряпчему расследовать и узнать, кому по существу принадлежат отыскивающие свободу 75 душ крестьян. Мы не знаем, чем закончилось это дело.

Департамент уделов знал о той острой борьбе удельных крестьян за землю, которая длилась с конца XVIII века. Удельное ведомство не безучастно было к своим земельным фондам. Но, несмотря на свое исключительное положение среди центральных учреждений, Департамент уделов был бессилен отстоять свои земли от посягательства помещиков. Земельные споры удельных крестьян с помещиками решались судебными учреждениями, состоявшими из помещиков и защищавшими их классовые интересы.

Центральные учреждения, защищая интересы дворян, не всегда считались с Департаментом уделов и часто выносили решения не в пользу последнего.

Для примера приведем один из многих случаев. Удельные крестьяне нескольких селений Алатырского уезда на протяжении многих лет вели земельную тяжбу в Межевом Департаменте с графиней Разумовской. Межевой Департамент утвердил решение Симбирской межевой канцелярии в пользу помещицы. Департамент уделов, хорошо знавший спорное дело и справедливое требование алатырских удельных крестьян, получив такое решение Межевого Департамента, не согласился с ним. Отстаивая свои земли, удельное ведомство на это уведомление ответило, «чтобы Правительствующему Сенату решений своих по удельным имениям до последования на оные высочайшей воли во исполнение не приводить»[1]. Не считаясь с подобными требованиями Удельного ведомства, Сенат по-своему, в интересах землевладельцев, решал все земельные тяжбы.

В результате генерального межевания и юридического оформления за помещиками захваченных крестьянских земель, систематического наступления помещиков на удельные земли в конце XVIII и в первые годы XIX века, покровительственного отношения самодержавия к дворянству, бесправного положения крестьян в помещичьем государстве — земельные наделы удельных крестьян резко сократились.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 119, лл. 31 — 32.

Землепользование удельных крестьян Казанской, Симбирской, Пензенской и Самарской губерний

Создавая удельное ведомство, устроители его поставили главной задачей выяснить точное количество всех земельных угодий, принадлежавших Департаменту уделов. От количества и качества земли, от обеспечения крестьян земельными угодьями, зависел успех новой организации — удельного ведомства.

Департаменту уделов по опыту дворцового хозяйства была известна хищническая политика помещиков, которые охотились за свободными и «плохо лежащими» землями, и неразбериха, которая была в то время в землепользовании.

В 1799 году удельное ведомство приказало своим экспедициям представить подробные сведения обо всех удельных землях, заселенных и в оброке состоявших.

С мест поступали неутешительные вести: «земли в Вятской и Пермской губернии не межеваны, и о качестве их верного сведения нет; в описные же книги против каждого селения внесены по одним крестьянским показаниям», — сообщала Вятская удельная экспедиция[1].

Точных сведений об удельных земельных угодьях не имели и другие экспедиции, в том числе и Казанская.

Много лет спустя Казанская удельная экспедиция выявляла земли, ранее принадлежавшие дворцому ведомству и находившиеся в руках помещиков или других лиц в виде различных оброчных статей[2].

Большое количество удельных земель было захвачено помещиками или крестьянами других разрядов, и дела об этих спорных землях решались по нескольку лет и даже десятилетий в различных судебных инстанциях.

Все это не могло не сказаться на землепользовании удельных крестьян.

Удельные крестьяне Казанской губернии в начале XIX века по количеству надельной земли занимали среднее положение между симбирскими и пензенскими удельными крестьянами; многие крестьяне Пензенской губернии испытывали хронический земельный голод.

У казанских так же, как и у других удельных крестьян, часть земель находилась в единственном пользовании, т. е.

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 806, л. 149.
[2] ГАУО, ф. 534, д. 71, лл. 458—459.

бесспорно принадлежала только им. Большинство же удельных селений владело земельными угодьями сообща с другими разрядами крестьян, и такие угодья в официальных документах обычно назывались: «земли, замежеванные в одну окружную межу». Наконец, много удельных земель, которыми когда-то владели дворцовые крестьяне, находилось в споре и по трафаретной формуле описных книг отмечалось о них, что «дело производится в такой-то межевой конторе».

На основании многочисленных документов можно проследить, как на протяжении десятилетий постоянно и систематически изменялось землепользование удельных крестьян Среднего Поволжья. По мере роста удельного крестьянского населения, помимо других причин, о которых говорилось выше, подушное землепользование с каждой ревизией все больше сокращалось.

По пятой ревизии казанских дворцовых крестьян насчитывалось 8.767 душ мужского пола, проживавших в 26 селениях. В конце XVIII века землепользование крестьян по отдельным дворцовым селениям было крайне неравномерным. Одни селения имели 5, другие — 10, третьи — 25, а одно селение — 83 десятины земли на одну ревизскую душу.

Так, например, по 5-й ревизии душевой надел исчислялся:

6	селений	—3410	ревизских	душ	—4,5— 7	десятин	земли
6	»	—2590	»	»	до 8	»	»
14	»	—2767	»	»	10—25	»	»

В состав крестьянских наделов входили не только пахотные земли, луга и огороды, но и лесные массивы, которыми крестьяне обычно не пользовались.

Через каких-нибудь 6—7 лет картина резко изменилась.

По описным книгам начала XIX века в Казанской губернии насчитывалось 47 удельных селений, 10.072 ревизских душ и земельных угодий (пахотная земля, луга и огороды) в единственном пользовании 9.932 десятины[2]. Кроме того, около 40 тысяч десятин принадлежало удельным крестьянам из общих владений других разрядов крестьян.

Таким образом, в начале XIX века средний душевой надел равнялся 4,5—5 десятинам земли.

Документы этого периода показывают, что многие селения, расположенные близ города Казани, совсем не имели

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 929, л. 29.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 354 (Описная книга).

пахотной земли единственного владения. К таким селениям относились сс. Сухая Река, Борисоглебское и многие деревни: Караваево, Кадышево, Большие Дербешки, Щербаковка, которые, вместе взятые, пользовались до 100 десятинами лугов. В споре находилось удобной земли 16 тысяч десятин, или на 2.259 ревизских душ шести селений одной только спорной земли приходилось более 5-ти десятин на человека[1].

Кроме угодий, в единственном владении шести названных селений удельные крестьяне владели сообща с помещичьими и экономическими крестьянами (175 душ) 9.265 десятинами удобной земли. Если из количества удобной земли исключить лес, площадью в 3514 десятин, которым крестьяне не пользовались, за исключением валежника для отопления изб, то на одну ревизскую душу приходилось 2,4 десятины земли.

Аналогичным было положение удельных крестьян Воскресенского приказа.

В Анатышском приказе Лаишевского и Спасского уездов крестьяне лучше других смежных приказов были обеспечены землей. Так, 1791 крестьянин селений Анатыш, Шумковка, Отяк, Полянки владели сообща с 2.896 крестьянами других ведомств землей до 4 десятин на одну ревизскую душу.

В этом приказе крестьяне также нуждались в земле, но не могли ее арендовать на стороне, так как все оброчные земли стали достоянием помещиков. В Анатышской волости помещик Данауров получил из дворцового ведомства 488 душ крестьян и большое количество земель. Все оброчные статьи, которыми пользовались малоземельные крестьяне, перешли в собственность помещика. «Во всей бывшей Анатышской волости, — говорится в описной книге, — состоящие оброчные статьи всемилостивейше его и. в. пожалованы в вечное и потомственное владение Данаурову»[2].

К 20-м годам XIX века землепользование удельных крестьян еще больше сократилось.

Так, во всех 71 удельных селениях Казанского, Царевококшайского, Лаишевского, Чистопольского, Спасского и Тетюшского уездов Казанской губернии было 11764 души мужского пола. В пользовании этих крестьян числилось 35380 десятин пахотной земли, 573 десятины усадебной, под овощниками и

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 354 л. 2—8.

[2] Там же, л. 18.

коноплянниками 929 десятин, под сенокосами 12675 десятин — всего 49557 десятин или на одну душу в среднем по 4,2 десятины.

Это только общие данные, далеко не раскрывающие действительных размеров земельных наделов удельных крестьян указанного времени.

Основная масса крестьян пользовалась незначительными душевыми наделами, едва дававшими средства для существования[1].

Число селений по количеству земли	Число душ крестьян по 7-й ревизии	Удобной земли: пахотной, лугов, под огородами (в десятинах)	На одну душу (в десятинах)
1 селение	74	74	1
5 селений	1091	2610	2,3
29 селений	3439	10652	3
19 селений	5831	25226	4
[illegible] селения	109	614	5
57 селений . .	10544	39176	

Таким образом, из 71 селения 57 селений (10544 души) имели душевой надел от одной до 5 десятин земли, 12 селений (997 душ) имели земли от 6 до 9 десятин, и только 2 селения (41 человек) — имели от 12 до 14 десятин земли на одну ревизскую душу. Более 90 проц. всех крестьян Казанского имения пользовались небольшими душевыми наделами, значительно меньшими, чем крестьяне других разрядов.

Удельное ведомство видело, как с ростом удельного населения сокращалось крестьянское землепользование. Если по 7-й ревизии удельных крестьян Казанской губернии насчитывалось 11767 душ мужского пола, в начале 30-х годов уже было 13577 душ мужского пола, а земельные угодья оставались в прежних размерах, к тому же качество их было невысокое.

О плохом качестве казанских удельных земель говорится в «Кратком статистическом описании»: «При общем обозрении грунта Казанского удельного имения оказываются земли низшего достоинства, от Казани на север и восток от сего города,

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 929, лл. 80—82.

по луговой стороне Волги грунт серый, глинистоиловатый с большим или меньшим количеством песку, требующий постоянного значительного удобрения». Вследствие плохого качества земли, отмечалось в этом «описании», «урожай ржи десятилетней сложности сам-3,5»[1].

О малоземелье, тяжелом экономическом положении крестьян знали удельные чиновники. Поэтому в 20-х годах Казанская удельная контора очень настойчиво добивалась наделения своих крестьян землями из государственного фонда, стремясь хотя бы несколько приблизить размеры землепользования удельных крестьян к государственным крестьянам. Душевой надел государственных крестьян равнялся 8 десятинам, удельных — 4 десятинам на одну ревизскую душу. Такое неравномерное землепользование удельных крестьян по сравнению с другими разрядами сохранялось до 60-х годов XIX века[2].

В Симбирской губернии удельные крестьяне были наделены землею неравномерно. В северо-западных густонаселенных уездах (Ардатовском и Курмышском) душевые наделы были меньше, чем в юго-восточных уездах будущей Самарской губернии — Самарском и Ставропольском, где находилось меньше удельных крестьян и больше земель.

В начале XIX века в Симбирской губернии насчитывалось 135 удельных селений, 25848 ревизских душ крестьян и 112050 десятин земли вместе с лесными угодьями. Однако уже в это время из 25 тысяч удельных крестьян более 15 тысяч были плохо обеспечены землей, главным образом, удельные крестьяне северо-западных уездов. Исходя из 8-десятинной земельной нормы на ревизскую душу, определенной правительством, — удельными крестьянами земли не хватало[3].

Уезды	Число селений	Число душ 5-й ревизии	Находилось в пользовании земли		Не хватало земли до 8 десят. нормы (десятин)
			в десят.	на одну душу	
Ардатовский . . .	43	9413	60013	6,3	15286
Алатырский	21	6107	38373	6,2	10483
Всего . . .	64	15520	98386	6,2	25769

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 929. л. 43—44; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, 1946, стр. 90.

[2] Центр. архив Тат. АССР, ф. 1, оп. 2, д. 1721, л. 2.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 983, лл. 140—144.

Таким образом, 15520 крестьянам Алатырского и Ардатовского уездов уже по 5-й ревизии не хватало до нормы 25769 десятин земли.

Даже те селения, которые по 5-й ревизии числились как многоземельные, через 15—20 лет стали малоземельными. Так, селениям Лобаски, Папулеево, Хлыстовка, Челпаново, Танзеевка и Болдаево Ардатовского уезда в числе 2134 душ по 7-й ревизии не хватало более одной тысячи десятин земельных угодий[1].

Землепользование удельных крестьян Симбирской губернии, как мы говорили выше, в результате захвата их земель другими владельцами сокращалось.

Спорные с помещиками и крестьянами других разрядов земли оказывали отрицательное влияние на экономическое положение удельных крестьян. А таких спорных земель у удельных крестьян Симбирской губернии было много. Обычно спорными землями пользовались те, кто имел силу и власть, т. е. помещики и богатые крестьяне. Так, село Папулеево и деревня Болдаево Лобаскинского приказа имели 1885 десятин пахотной земли с сенокосами, а спорили о 6587 десятинах; село Никольское того же приказа имело в споре 359 десятин; с. Архангельское, оно же Начиналы (180 ревизских душ), имело в споре 593 десятины. В деревне Вичкусове (112 ревизских душ) в споре находилось 859 десятин, что на каждую ревизскую душу составляло свыше 7 десятин спорной земи. По всему Лобаскинскому приказу в бесспорном владении всей земли значилось 13076 десятин, а в споре — 8377 десятин, или 64 проц. по отношению ко всей земле, которой владели крестьяне этого приказа.

Всего по Симбирскому удельному имению в 1815 году спорных земель насчитывалось 62272 десятины на 11348 ревизских душ, или свыше 5 десятин земельных угодий на душу[2].

Душевой надел сокращался, в то время как в южных уездах Симбирской губернии находилось много свободных казенных земель. Значительно позже, в 1829 году, управляющий Симбирской удельной конторой писал министру двора, что крестьяне Ардатовского, Козловского, Лобаскинского, Атяшевского, Сыресевского и Моргинского приказов «находятся в неимоверной бедности»[2]. «Но к чему такая теснота, — писал управляю-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 983, лл. 197—198.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 137 (Описная книга 1815 года), лл. 6—43.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 984, л. 47.

щий, — когда находится здесь до 400 тысяч десятин хлебородных земель к переселению сих несчастливцев, в самой губернии в пусте лежащих и приносящих казне самой малой доход»[1].

Число удельных крестьян росло, росли новые «починки» — селения, а земельные площади оставались прежними.

Об этом свидетельствуют данные по некоторым селениям Симбирской губернии[2].

Название уезда, селения	К-во селений	Число душ		К-во земли в дес.	На одну душу земли (в десятинах)	
		по 5 ревизии	по 7 ревизии		по 5-й ревизии	по 7-й ревизии
Ардатовский уезд						
сс. Лунга, Каласево, дд. Коноплейка, Суродеевка	4	740	1016	3750	5	3,7
сс. Мамодыш, Архангельское, дд. Ст. Качаевка, Андреевка, Чамзинка	5	1027	1255	5791	5,6	4,6
сс. Козловка, Каржеманы, д. Пилисева	3	917	1181	6259	6,8	5,3
д. Санеевка	1	104	160	609	5,8	3,8
д. Андреевка	1	196	261	1465	7	5,6
с. Богоявленское (Реденцы)	1	80	89	483	6	5,4
д. Жабина	1	116	201	303	2,6	1,5
с. Альзы	1	132	150	262	2	1,7
д. Селищи	1	208	276	837	4	3
д. Вичкусова	1	79	112	255	3,2	2,2
д. Акнеева	1	81	85	161	2	1,8
д. Ардатова	1	269	379	1653	6,1	4,3
Алатырский уезд						
сс. Морги, Кабаево, д. Чиндякова	3	1026	1285	5952	5,8	4,6
сс. Сыреси, Хмелевка, д. Сыреси	3	854	1037	5185	6	5
с. Манадыш	1	193	218	725	3,7	3,3
с. Иваньково	1	181	208	261	1,4	1,2

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 984, л. 49.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 256, лл. 503—509; 511—512.

Название уезда, селения	К-во селений	Число душ		К-во земли в дес.	На одну душу земли (в десятинах)	
		по 5 ревизии	по 7 ревизии		по 5-й ревизии	по 7-й ревизии
с. Больш. Аловы, д. Верх. Аловы	2	615	772	2700	4,4	3,5
д. Баева	1	377	466	2032	5,3	4,3
с. Урусово, с. Ардатово, д. Качущева	3	813	952	5300	6,5	5,5
Ардатовский уезд						
сс. Пиксясь, Верх. Чукалы, д. Селищи	3	912	1117	[illegible]323	6,9	5,6
с. Пакулеево, д. Баласева .	2	725	580	1961	2,7	3,3
	40	9645	11800	52267	5,4	4,4

Как видно из таблицы, 9645 удельных крестьян 40 селений по пятой ревизии пользовались 52267 десятинами земельных угодий, что составляло на каждую душу в среднем по 5,4 десятины. Через 20 лет по 7-й ревизии те же 40 селений с населением в 11800 крестьян владели по 4,4 десятины земли на каждую душу.

В 20-х годах XIX века 18795 крестьянам для нормального ведения своего хозяйства, своевременного отбывания податей и повинностей недоставало 51000 десятин пахотной земли[1].

В то же время в южных уездах удельные крестьяне были обеспечены землею сравнительно лучше. О той разнице в землепользовании, какая была между удельными крестьянами северо-западных и южных районов, свидетельствуют многочисленные документы. В северо-западных районах, где жили удельные крестьяне, душевой надел равнялся 4 — 5 десятинам земли. Так, 11800 удельных крестьян, как было показано выше, пользовались 52260 десятинами земли, или 4,4 десятинами на одну ревизскую душу. В то же время только 18751 душа мужского пола государственных и удельных крестьян, живших в южных уездах губернии, владела 15-десятинным душевым наделом земли[2].

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 984, лл. 82—83.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 984, лл. 72—73.

Наименование уезда, селения	Число душ по 7-й ревизии	Удобной земли (дес.)	На одну душу
Самарский уезд			
сс. Борма, Кандоболак, пригород Алексеевск, дд. Нижняя и Верхняя Падовки, с. Бобровка, дд Спиридоновка, Черновка	Госуд. 3109 удельн. 780	61959	16
Ставропольский уезд			
с. Брялдино, Малая Кандала дд. Новая, Бонаратка, Кирилловка, с. Ташелко, Ягодное, Лебяжье озеро дд. Новая и Старая Кальментевы, Собакаевка, Васильевка, Грязнуха, Филипповка, Уренбаши, с. Ташла дд. Мусорки, ст. Бинаратка, Пискали, Узюковы, Верх. и Ниж. Санчалеевы, с. Хрящевка, дд. Кандоновка и Чувашский Суксан	Госуд. 9851 удельн. 1418	188763	16,7
Симбирский уезд			
дд. Сенькино, Мордовский Тектяшки	Гос. 234	2346	10
37 селений . .	Госуд. 13194 Удельн. 2198	253068	16,4

Таким образом, 13194 души государственных и 2198 душ удельных крестьян сообща владели 253068 десятинами земли, что составляло на каждую душу 16,4 десятины.

Неравномерное распределение земельных угодий между удельными крестьянами на территории Симбирской губернии объясняется прежде всего исторически сложившимися условиями. Северо-западные районы Симбирской губернии вошли в состав русского государства очень давно. Уже в XIV в. там прочно оседает русское население, возникают города (в том числе г. Курмыш, основанный в 1372 году). В XVIII в. все земли этих районов были освоены; значительная часть земельных угодий принадлежала помещикам. Наступление помещиков на дворцовые и казенные земли в последней четверти XVIII в. значительно сократило землепользование удельных и государственных крестьян. Южные районы Симбирской губернии — Сенгелеевский, Ставропольский и Самарский уезды — до середины XVIII века были оборонительной чертой, куда посылались слу-

жилые люди для охраны юго-восточных границ русского государства. Здесь «пустопорожние» земли доставались в качестве пожалований многочисленным монастырям, дворянам; оседали на землю однодворцы, пахотные солдаты и другие.

Сравнительно позднее появление дворцовых земель в этих районах сказалось впоследствии на землепользовании удельных крестьян. Когда удельное ведомство пыталось прибрать к своим рукам государственные земли в Ставропольском и других уездах, правительство воспротивилось этому.

Удельные крестьяне Пензенской губернии были хуже других обеспечены землей. По данным 1800 года в Пензенской губернии числилось 117 удельных селений, 21957 душ крестьян мужского пола, 139.515 десятин земли, из которых больше половины приходилось на лесные массивы[1]. Так, например, в Краснослободском приказе душевой надел равнялся 22 десятинам, причем пахотной земли в том числе была только одна десятина. Остальная земля находилась под лесом или являлась непригодной для обработки. В таком же положении находились удельные крестьяне Ефаевского, Троицкого, Покровского приказов. Резко выделяется Наровчатский приказ — там душевой надел доходил до 2,2 десятины пахотной и сенокосной земли.

Хотя за удельными крестьянами числились большие лесные угодья, но лесом они не только не пользовались, но и несли большие расходы по охране его. В 1803 году Казанская экспедиция сообщала удельному ведомству, что оберфоршмейстеры своими действиями разоряют крестьян, «ибо под предлогом порядка о сбережении лесов, не допускают без особого дозволения даже к рубке дров и прочих мелочей для домашнего обихода, сверх сего предписывают селениям присылать до немалого числа десятских и сторожей, на наем коих употребляется довольная сумма, собираемая с тех селений»[2].

Так на деле выглядели лесные угодья, формально входившие в состав крестьянских наделов.

Уже в конце XVIII века пензенские удельные крестьяне испытывали острый недостаток в земле. По утверждению Департамента уделов, в 1800 году удельным крестьянам Пензенской губернии не хватало 128200 десятин земли[3].

Только малоземельем пензенских удельных крестьян объясняется хроническая задолженность их по оброкам и податям

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 225, лл. 388—392:
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 1325, л. 7.
[3] Там же д. 225, л. 393.

Для сравнения можно привести таблицу недоимок удельных крестьян с крестьянами других губерний за 1805 год[1].

Название губерний	Число удельных крестьян	Недоимок разных наименований	На одну душу
Казанская	10079	222 руб.	02 коп.
Симбирская	25843	4781 руб.	18 коп.
Пензенская	22957	12025 руб.	52 коп.

Через два года, в 1807 году, недоимки значительно увеличились: по Симбирскому имению 8161 руб. или 31 коп. на ревизскую душу, по Пензенскому имению 24841 руб. или по 1 руб. 08 коп. на одну ревизскую душу[2].

Процесс сокращения земельных угодий пензенских удельных крестьян ничем не отличался от того, что происходило с удельными крестьянами других губерний Среднего Поволжья. Захват помещиками или другими крестьянами удельных земель, рост удельного крестьянского населения — все это с каждым десятилетием сказывалось на крестьянских наделах.

В 20-х годах XIX века около 10 тысяч пензенских удельных крестьян имели мизерные наделы — от 1 до 3 десятин земли, включая луга и лесные угодья[3].

Более 12 тысяч крестьян имело земли от 3 до 4 десятин, и только в некоторых селениях земли было немногим больше. В этом нас убеждают следующие данные[4].

Число селений	Число душ по 7-й ревизии	Всех земельных угодий (в десятинах)	На одну ревизскую душу (в десятинах)
4 селения	606	956	от 1 до 2
36 селений	9219	27801	от 2 до 3
37 селений	12735	51758	от 3 до 4
6 селений	1143	5336	от 4 до 4,5
83 селения .	23703	85851	—

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 6, д. 1002, лл. 41—42; д. 257, лл. 36—37; 375—376.
[2] Там же.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 961, лл. 2—27.
[4] Там же.

В остальных немногочисленных удельных селениях душевой надел едва доходил до 8-десятинной нормы на одну ревизскую душу.

В Пензенской губернии землепользование государственных и удельных крестьян не имело резкого различия: как те, так и другие испытывали большой земельный голод[1]. Пензенское удельное имение по малоземелью его крестьян всегда было малодоходным, а годами и убыточным. Только этим можно объяснить передачу Департаментом уделов в 1835 году пензенских удельных крестьян в казну.

В Самарской губернии, образованной в 1850 году, коренных удельных крестьян было мало. В конце 20-х годов XIX века в Ставропольском уезде числилось 2468 ревизских душ, а в Самарском уезде — только 951 ревизская душа удельных крестьян [2]. Самарские и ставропольские крестьяне в многоземельном районе были обеспечены землею лучше других удельных крестьян Среднего Поволжья: по 7-й ревизии они имели душевые наделы в среднем от 10 до 16 десятин земли[3].

В результате обмена государственных крестьян на удельных в 1835 году в Самарском и Ставропольском уездах число удельных крестьян значительно возросло. В разряд удельных крестьян перешли государственные крестьяне: по Ставропольскому уезду 30064 ревизские души, за которыми в момент передачи их уделу числилось 253.629 десятин удобной земли, или в среднем 8,4 десятины на одну мужскую душу; по Самарскому уезду перешло в удел 25.116 ревизских душ, за которыми в это время числилось 266.533 десятины удобной земли, или на одну ревизскую душу приходилось в среднем 10,6 десятины[4]. Меньше удельных крестьян было в Бузулукском, Бугурусланском, Николаевском, Бугульминском и Новоузенском уездах, где они пользовались землею в большем количестве, чем в Казанской и Северо-западных уездах Симбирской губернии. Правда, с введением общественной запашки в 1827 году и поземельного сбора в 1830 году землепользование удельных крестьян Самарской губернии постоянно сокращалось, но и при этом сокращении они находились в более благоприятных условиях, чем другие удельные крестьяне изучаемых районов.

---

[1] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М.-Л, 1946, стр. 90.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 451, лл. 16—19.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 984, лл. 72—73.

[4] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1475, л. 156.

Таким образом, лучше всего были обеспечены землей удельные крестьяне Самарского и Ставропольского уездов, но они составляли меньшинство по сравнению с остальной массой удельных крестьян Среднего Поволжья. Хронический земельный голод испытывали пензенские, ардатовские, в значительной мере казанские удельные крестьяне.

Меры Департамента уделов по обеспечению крестьян землею. Департамент уделов не мог не видеть того, как крестьянские земельные наделы сокращаются, как многие крестьянские хозяйства разоряются. Для того, чтобы расширить феодально-крепостнические повинности для крестьян, своевременно и бездоимочно получать оброчные суммы и на будущее заручиться увеличением удельного дохода, — для этого нужно было не только сохранить за крестьянами их прежние земли, но и добиться у правительства наделения удельных крестьян казенными землями.

В этом были заинтересованы и сам царь и вся императорская фамилия, кормившаяся за счет удельных крестьян.

В первые годы существования уделов предполагалось упорядочить землепользование удельных крестьян, смягчить земельный голод путем уравнения земельных наделов не только за счет запасов удельного фонда, но и за счет запасов казенных земель.

В 1801 году Павел I издал многообещающий указ, которым предусматривалось в период генерального межевания в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях к селениям удельного ведомства прибавлять на число душ 5-й ревизии «в 15-десятинную пропорцию из смежных казенных земель наравне с казенными селениями безденежно»[1].

Указы—одно, жизнь—другое. Очень многие казенные земли Симбирской губернии к этому времени находились уже в руках помещиков. Сенаторы Кушелев и Алексеев обследовали в 1800 году Симбирскую губернию и установили: «Казенные крестьяне весьма малоземельны и так, что некоторые имеют ее не более 3-х десятин, с саженями, а другие — по 4,5, самые же изобильные — по 8 десятин»[2].

В Симбирской губернии не было ни свободных, ни запасных земель. Вследствие помещичьего наступления на казенные

---

[1] ПСЗ, т. XXVI, 1801, 19930

[2] Цит. по работе Н. М. Дружинина, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, стр. 89.

и удельные земли, увеличения сельского населения и других причин, росло число малоземельных крестьян.

Когда до крестьян дошли слухи о павловском законе 1801 года, на имя удельного начальства посыпались просьбы удельных крестьян, чтобы им отдали оброчные земли в безоброчное владение.

В 1802 году министр уделов просил Александра I наделить удельных крестьян наравне с государственными крестьянами 15-десятинной нормой из государственных земель. Царь не удовлетворил просьбу удельного ведомства и не потому, что ему чужды были интересы Департамента уделов, т. е. интересы императорской фамилии. Напротив, в отличие от своего предшественника, который роздал в частные руки много дворцовых земель и крестьян, Александр I не выдал из удельного ведомства ни одного крестьянина и ни одной десятины земли. В первой четверти XIX века при активной поддержке царя удельным ведомством было куплено более 35 тыс. крестьян и около 415 тыс. десятин земли за 8 млн. руб. ассигнациями.

Александр I не согласился наделить удельных крестьян 15-ти десятинной нормой земли по весьма простой причине: в первой четверти XIX в. основная масса удельных крестьян находилась в центральных районах России, т. е. там, где не было свободного государственного земельного фонда, за счет которого можно было бы расширить земельные владения удельного ведомства. Больше того, значительная часть удельных земель центральных губерний в свое время была захвачена помещиками. По данным Камеральной ведомости за 1800 год, только в Псковской, Рязанской и Владимирской губерниях, где насчитывалось 39.829 ревизских душ удельных крестьян, в споре с помещиками находилось 44.800 дес. земли [1].

Царь согласился отдать только удельные малодоходные оброчные статьи и лишь тем из удельных крестьян, которые по недостатку земли имеют «бедное состояние».

Департамент выполнил царский указ и отдал крестьянам оброчные статьи, не приносившие ему никакого дохода. Всего отдано удельным крестьянам по всем экспедициям 1.490 мельниц, 77 рыбных ловель, 2.197 земельных участков, приносивших дохода 5.206 рублей в год. Департамент отдал 3.716 оброчных статей, оставил значительно меньше — 1.106 оброчных статей, приносивших в то время дохода 61.544 рублей в год [2].

---

[1] История уделов, ч. 3, (Камеральная ведомость).

[2] История уделов, т. 2, стр. 21.

По Симбирской, Казанской и Пензенской губерниям удельные крестьяне получили 15—20 оброчных статей, не имевших для них никакого существенного материального значения.

Не зная о том, что Александр I фактически аннулировал павловский указ 1801 года и распорядился отдать удельным крестьянам только малодоходные оброчные статьи, крестьяне снова обратились с требованием о передаче им оброчных земель[1].

Оброчные удельные статьи могли в какой-то степени возместить удельным крестьянам острый земельный недостаток. Однако большинство оброчных удельных земель попадало в руки помещиков и купцов. Купцы и помещики, используя связи с чиновниками казенных палат, за бесценок получали эти земли и продавали их по цене, в три-четыре раза большей.

В качестве примера того, кто пользовался удельными землями можно привести небольшую выписку об оброчных статьях конца 90-х годов XVIII века: в Карсунском уезде, при деревне Верхняя Шугурова находится оброчная статья, которой пользуется помещик Свияженинов; в Саранском уезде, при деревне Селище, что на Нуе, при урочище речки Тумаевой, «а сколько десятин неизвестно», владеют помещицы Ивлевы за 98 рублей; в Инсаровском уезде, при селе Федоровке, оброчная земля, «а кому отдана и на какой срок», сведений не имеется; в Алатырском уезде, при селе Тарханове, — оброчная земля, «а сколько мерой десятин неизвестно», в аренде симбирского купца Егорова; при этом же селе поляна, называемая «Плакуша», арендует помещик Попов; в Самарском уезде, у пригорода Алексеевска, — оброчная земля в количестве 2-х тысяч десятин, арендована помещиком Голубцовым за 42 рубля в год[2].

Не получив оброчных земель в безоброчное владение, крестьяне просили удельное начальство оставить им старые, ранее арендованные земли за умеренную плату. Но и на этом пути стояло много препятствий. Департамент уделов не хотел терпеть убытков, а казенные палаты по-прежнему отдавали оброчные земли тем же купцам и помещикам. Часто отбирали у удельных крестьян земли, которыми они пользовались десятками лет[3].

В конце XVIII и начале XIX века удельные крестьяне лы-

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 38, л. 512, лл. 38—39. д. 352.
[2] ГАУО; ф 534, д. 12, лл. 23--25.
[3] ГАУО, ф. 534, д. 229, л. 667; д: 272, лл. 384—385.

тались улучшить свое положение путем уравнения наделов внутри своих приказов.

В начале XIX века Департамент уделов прибегал к такому уравнению земельных наделов эпизодически и в крайнем случае потому, что отрезка земель в целях уравнения наделов неизбежно была связана с межеванием, с руководителями и исполнителями межевания. Для межевания нужны были денежные расходы со стороны удельного ведомства, на которые оно не шло. Уравнение земель происходило обычно только в том случае, когда нужно было увеличить удельный доход или бездоимочное поступление крестьянских оброков.

Так, у крестьян села Меденец (оно же Шеевщина) Алатырского уезда в конце XVIII в. отрезали 505 десятин земли и отдали трем другим удельным селениям: с. Сыресь, деревням Хмелевке и Сыресевой. У крестьян села Меденец на 254 человека осталось 516 десятин пахотной земли и сенокосов, т. е. по 2 десятины на одну ревизскую душу. У крестьян же деревни Сыресевой душевой земельный надел увеличился до 5 десятин, а в деревне Хмелевка — даже до 9 десятин.

В результате такого межевания у крестьян села Меденец снизился размер земельного надела и, как следствие этого, возросла податная и оброчная недоимка за 1800 — 1801 гг.

И только тогда, когда меденецкие крестьяне на протяжении двух лет не уплатили оброков и податей, когда в село была направлена воинская команда, только тогда Департамент занялся уравнением земель меденцовских крестьян с другими удельными крестьянами. Удельное ведомство распорядилось отрезать землю у крестьян трех соседних селений и передать ее меденцовским крестьянам.

Однако такое «уравнение» не дало желаемых результатов. Оно лишь посеяло между меденцовскими и другими крестьянами вражду, сократило земельные наделы сыресевских и хмелевских крестьян и создало угрозу накопления у последних оброчных недоимок[1].

Требования удельных крестьян уравнить земельные наделы между приказами и селениями все увеличивались. Приказы, конторы и даже Департамент уделов были завалены прошениями удельных крестьян[2].

В ответ на многочисленные жалобы удельных крестьян и желая смягчить земельный голод в удельной деревне, Департа-

[1] ГАУО, ф. 534, д. 190; лл. 190, 192, 513.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 260, лл. 1—5; 15, 27—28.

мент уделов в 1812 году был вынужден предписать удельным конторам произвести уравнение земельных наделов между селениями, замежеванными в одну окружную межу.

Удельное ведомство предлагало, чтобы такое уравнение между селениями, земля которых замежевана в одну окружную межу, произвели сами крестьяне при помощи выборных из своей среды, «добросовестных и опытных в хозяйстве» людей. Эти выборные совместно с сельскими удельными властями должны были практически распределить земли между селениями по числу ревизских душ, учитывая при этом качество и расположение земельных угодий. Все спорные вопросы, возникшие при распределении земель, предлагалось решать полюбовно, на мирских сходках, в присутствии приказного головы и других старшин. Недовольным крестьянам разрешалось обращаться с жалобой в приказ и даже в удельную контору. И, наконец, согласно удельному предписанию, разрешалось переселение удельных крестьян из малоземельных селений в селения, более обеспеченные землей[1].

В некоторых приказах предписание Департамента уделов вскоре было выполнено. В августе 1813 года Чинчуринское отделение доносило в Казанскую удельную контору, что «земля по нынешней 6 ревизии на участки крестьянам разверстана, а равно и сенные покосы и выведена во владение каждому крестьянину сколько ему надлежит».

Землю крестьяне приняли без всяких споров. «Земли пахотной удобной досталось на каждую душу по одной десятине в поле, а сена накашивают на душу только по пяти копен. Излишней земли пахотной и сенных покосов ни в каком селении не имеется»[2].

Уравнительное распределение земель между селениями происходило в напряженной борьбе между самими крестьянами.

Крестьяне, имевшие достаточное количество земельных угодий, естественно, не желали поделиться с соседними селениями, они враждебно относились даже к самой идее уравнения.

В 1812 году проводился земельный передел между селом Атяшево и прочими селениями Атяшевского приказа и деревней Кулясовой Козловского приказа Алатырского уезда. Земли с. Атяшево с приписными к нему селами Батутево, Сабанчеево и деревнями Тарасовой, Дубовкой Атяшевского приказа и деревни Кулясовой Козловского приказа были замежеваны

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 76, лл. 1—3.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 76, лист 15.

вместе. Во всех указанных селениях по 6 ревизии числилось 2.391 крестьянин; в их пользовании — 13.895 десятин земли (кроме спорной с другими владельцами — 2.225 десятин, или около 6 десятин на душу)!

В спор крестьян Козловского и Атяшевского приказов вмешалась Симбирская удельная контора и выяснила, что крестьяне села Атяшево с приписными к нему селениями желают произвести уравнение земли чересполосно (очевидно, земля была различного качества), а кулясовские крестьяне настаивают на обратном — разверстать землю, но не чересполосно, «ибо из сего выйдет то, что одно селение должно будет к напрасному себя отягощению ездить для распашки земли, посева и уборки хлеба через дачи другого селения, не ближе как верст за десять, а иногда и более», и просили землю, которая достанется им после разверстки, выделить рядом с селением[2].

Летом 1812 года удельная контора разверстала землю так, что отношения крестьян соседних селений еще более обострились. В августе того же года атяшевские крестьяне выехали в поле, кулясовские крестьяне не замедлили пахать ту же землю, завязалась ссора, перешедшая в драку, с увечьями нескольких крестьян[3].

Уравнительное наделение землей происходило меж селениями разных удельных приказов, одного и того же приказа или внутри селения. И при любых случаях уравнительных отводов земли почти всегда возникали споры и даже драки[4]. Редко дело кончалось полюбовно, или без вмешательства удельной конторы.

Не только в Среднем Поволжье, но и в других местах крестьяне при разделе земли между селениями обращались за помощью к удельным конторам. В октябре 1812 года Московская удельная контора доносила Департаменту уделов о том, что крестьяне Коломенского приказа не могут сами без помощи конторы разделить землю по числу душ, а поэтому просила разъяснения, как ей поступить в таком случае. Департамент на запрос Московской конторы ответил, чтобы она руководствовалась инструкцией от 29 февраля 1812 года[5].

---

1 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 76, лист 15.
2 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 76, л. 50.
3 Там же, лист 95, 161.
4 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 76, лл. 16—32.
5 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 119 л. 124.

Как бы Департамент уделов ни делил землю между селениями, земельный фонд от этого не увеличивался. При подобном уравнении землепользование в одних селениях уменьшалось, в других увеличивалось, но в целом подобные меры ни в какой степени не удовлетворяли крестьянских масс.

Борьба удельных крестьян за землю, за увеличение надела, служившего средством существования и отбывания всевозможных денежных и натуральных повинностей, происходила внутри крестьянской общины, внутри мира.

Одним из проявлений внутриобщинной земельной борьбы являлись периодические переделы общинного землевладения с целью уравнения земельного надела между крестьянами данного общества.

Земельные переделы были обусловлены ростом населения данной деревни, увеличением малоземелья, различным качеством земли, потерей рабочей силы в том или ином хозяйстве, а следовательно, и ослаблением этого хозяйства, неспособного уже обрабатывать свой надел и исправно платить подати и оброки.

Систематические переделы земли крестьянами истощали ее плодородие, в результате чего понижались урожаи. Значительно позже, в 50-х годах XIX века, историк Казанской губернии М. Лаптев писал: «Одной из главных причин, почему земли здешние не удобряются, заключается, между прочим, в переделе обществами земли; этот передел производится после умерших, или почему бы то ни было выбывших, или прибывших в общину. Перемены участков так разнообразны, что крестьянин сняв ржаное и яровое, не знает, где ему достанется земля на следующий год»[1].

В момент 5-й ревизии в 1796 году — за год до переименования дворцовых крестьян в удельные — происходил подобный земельный передел. По распоряжению удельного ведомства земельные переделы должны были производиться только в годы ревизий, но фактически в дворцовых, а затем и в удельных селениях некоторых губерний, в том числе Казанской и Симбирской, земельные переделы происходили ежегодно. Это говорило о том, как остро стоял внутри крестьянских общин этих губерний земельный вопрос.

Еще больше земельная проблема обострялась в связи с

---

[1] М. Лаптев. Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния, СПБ 1861, стр. 264.

дальнейшим развитием товарно-денежных отношений, которые ускоряли расслоение удельной деревни.

Борясь за землю, за увеличение земельных наделов, крестьяне использовали каждый клочок земли, который раньше считался непригодным для земледелия или сенокошения.

Еще в XVIII веке дворцовые, а затем удельные крестьяне для пополнения земельного фонда превращали в окультивированные земли так называемые «чищебенные» места — болота, пустыри, овраги и т. п.[1].

«Чищебенных» мест много было во всех приказах Казанской, Симбирской, Пензенской губерний. По мере сокращения земельного фонда число «чищебенных» мест все увеличивалось. Однако редко встречалось, чтобы «чищебенные» места принадлежали всему сельскому обществу, обычно они находились в распоряжении одного или нескольких крестьян. Для расчистки участка земли требовалась огромная затрата труда, что было не под силу малоземельному крестьянину. Обычно такими работами занимались зажиточные крестьяне, имевшие лошадей и дополнительную рабочую силу.

Больше всего «чищебенных» мест было в Пензенской губернии: в Ревезенском приказе — 1390 десятин; Краснослободском — 1200 десятин, Ефаевском — 731 десятина, Покровском — 468 десятин; в Веденском — крестьяне ежегодно собирали до 8 тыс. копен сена; в Троицком — свыше 10 тыс. копен сена. Крестьяне Урусовского приказа Алатырского уезда в 70—90 гг. XVIII века расчистили кустарников и осушили болот на 120 десятин; в Лобаскинском приказе Ардатовского уезда крестьяне осушили болота и на этих землях скашивали до 3 тысяч копен в год. В Моргинском приказе Алатырского уезда таких «чищебенных» мест было 42 десятины; в Козловском приказе Ардатовского уезда — 256 десятин[2].

О том, что «чищебенные» места принадлежали не всем крестьянам, говорят документы. Рапорты сельских приказов 1799 года Казанской удельной экспедиции констатируют: 50 крестьян деревни Новые Печуры (Наровчатский приказ Пензенской губернии) расчистили 173 десятины поросли, более 3 десятин на человека; 34 крестьянина того же приказа деревни Алкиной имели 128 десятин «чищебенных» мест — около 4 десятин на душу; 33 крестьянина деревни Лаушек Красно-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 169, л. 3.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 23, лл. 2—4, 12—14; 18—20; 23—25; 37—44; 48—51; 63—70; 75—76, 77, 99—102; 112—113, 118—123, 130—136; 142—153; 187—188; 196—197.

слободского приказа той же губернии расчистили 127 десятин поросли, около 4 дес. на душу[1].

Что такие земли были у немногих крестьян и что за них шла борьба между крестьянами, подтверждает и советник Казанской удельной экспедиции. В 1798 году он сообщал в Департамент уделов, что во время приема удельного имения в Симбирской губернии им выявлены некоторые семейства, которые «к отягощению других сотоварищей пользуются чищебенными местами лет по пятидесяти и более», и предлагал эту землю разделить поровну между всеми крестьянами каждого селения. Департамент уделов с предложением советника экспедиции не согласился[2].

Расчищенные места дополняли земельные наделы богатых крестьян, в результате чего создавалось крепкое, устойчивое хозяйство, возникали избытки, на которых в таком хозяйстве содержались десятки голов скота, до десятка лошадей, за счет этих избытков строили мельницы, вели торговые операции и т. д. При таком хозяйстве один крестьянин со своим семейством уже не мог справиться со всеми сельскохозяйственными работами и нанимал своих бедняков-односельчан. Располагая запасами хлеба, денежными сбережениями, такой крестьянин в голодные месяцы и неурожайные годы ссужал бедняков хлебом, в момент уплаты податей и оброков — деньгами. Взамен они должны были отрабатывать «благодетелю» или платить ему высокий процент, т. е. на деле эта «помощь» была прямой эксплуатацией, присваиванием труда своих односельчан в целях увеличения своих богатств.

Зажиточные крестьяне уже не довольствовались своими земельными наделами, расчищенными или осушенными участками земли, а располагая деньгами, покупали земли на стороне, у помещиков.

Много оброчной земли, как мы упоминали выше, попадало в руки помещиков. Некоторая часть оброчных статей находилась в руках зажиточных удельных крестьян. Оброчные земли в руках богатеев превращались в дополнительный, а иногда и главный источник наживы. Уже в начале XIX века, некоторые крестьяне арендовали по сто и больше десятин земли.

Крепкие хозяйства были у зажиточных крестьян. Удельный

---

1 ГАУО, ф. 534, д. 23, лл. 2 — 4, 12 — 14, 18 — 20, 23 — 25, 37 — 44, 48 — 51, 63 — 70, 75 — 76, 77, 99 — 102, 112 — 113, 118 — 123, 130 — 136, 142 — 153, 187 — 188, 196 — 197.

2 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 169, л. 3.

крестьянин — бедняк, будучи часто не в состоянии обрабатывать свой участок земли, отдавал его богатею, а сам уходил бурлачить или в город на купеческое предприятие.

Таким образом, принятые Департаментом уделов меры по обеспечению подведомственных крестьян землею за счет крестьянского земельного фонда не дали желательных результатов.

Само удельное ведомство не желало поступиться оброчными статьями, не хотело бесплатно передавать их в руки своим крестьянам, не хотело терять дополнительных доходов. Оно меньше всего беспокоилось о том, в чьих руках будут оброчные статьи. Департамент уделов обычно руководствовался коммерческими соображениями — кто больше давал за оброчную статью, тому она и попадала в руки. Чиновники казенных палат, продававшие с торгов удельные оброчные статьи и связанные с помещиками и купцами, обычно выгодные арендные земли передавали в руки последних. Пользуясь малоземельем крестьян, помещики и купцы продавали те же оброчные статьи в 2—3 раза дороже стоимости, определенной казенной палатой.

Уравнение земельных угодий между селениями, уравнение земельных наделов внутри крестьянского мира только обостряло борьбу за землю между крестьянами и порождало многочисленные жалобы со стороны последних.

Переселение удельных крестьян в другие селения, уезды, губернии.

Многочисленные предписания и инструкции удельного ведомства об уравнении земельных угодий между удельными селениями, замежеванными в одну окружную межу, не могли удовлетворить малоземельных крестьян, которые должны были отбывать повинности наравне с другими, сравнительно лучше обеспеченными землею, крестьянами.

Для того, чтобы ослабить земельный голод в отдельных селениях и приказах и удовлетворить многочисленные просьбы удельных крестьян, удельное ведомство в крайних случаях соглашалось на переселение крестьян.

В указанный период переселения крестьян происходили обычно на территории приказа, очень редко — уезда. Причинами для переселения в другие приказы и селения преимущественно были: малоземелье, плохое качество земли и то, что крестьяне «хлебопашество производят на наемных землях»[1].

[1] ГАУО, ф. 534, д. 273, л. 462.

Переселение далеко не всегда изменяло положение крестьян к лучшему. Иногда было наоборот. Крестьяне лишались своих домов, покидали насиженные места, не могли по-настоящему на новом месте обзавестись хозяйством. Да и новые земли не всегда оправдывали радужных надежд крестьянина. Так, в 1804 году по разрешению Казанской экспедиции в деревню Осинов Починок Казанского уезда переселились удельные крестьяне из села Сухая Река, деревень: Кадышевой, Константиновки, Щербаковой, Караваевой того же уезда — всего 114 ревизских душ со своими семьями. На новом месте крестьяне получили немного больше против прежнего — десятину в поле на одну душу, «какого количества для посева хлеба весьма недостаточно, отчего в прокормлении себя и скота по неимению никакого рукоделия претерпевают крайнюю нужду»[1].

Многие удельные крестьяне уже в начале XIX века пытались переселиться в другие уезды, где, как им казалось, и земли больше и качеством она лучше. Этих крестьян манили земли южных уездов Симбирской губернии. Крестьяне села Архангельского (оно же Мордово) Симбирского уезда просили разрешения на переселение в село Воскресенское (Ягодное) Сенгилеевского уезда «по крайнему недостатку в селе Мордовы пашенной земли и прочих угодий». Удельное ведомство не разрешило такого переселения потому, что в указанном селе, по данным экспедиции, приходилось по 4 десятины земли на каждую душу. В действительности же архангельские крестьяне имели по 2,8 десятины на ревизскую душу[2].

С подобной просьбой обратились в Казанскую удельную экспедицию крестьяне Большой Кандалы Ставропольского уезда, но и им отказали переселиться в село Черновку Самарского уезда[3].

Только в таких селениях, где было много земли и мало крестьян, удельное ведомство охотно разрешало переселяться из других мест. Часто население приказа увеличивалось за счет переселенцев. Так, за счет переселенцев увеличилось население Дубового Умета Самарского уезда. История этого села такова. В 70-х годах XVIII века там, где впоследствии возникло село, находилось какое-то подворье с несколькими землянками, где в непогоду проезжие люди могли найти себе приют. Это подворье получило название «Умет», каких было много в степной

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 274, лл. 334—335.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 274, л. 427.

[3] Там же, л. 530.

Самарской губернии. В конце 70-х годов XVIII века в Дубовый Умет переселилось 24 мордовских крестьянина из села Тамыловки, что на р. Мочи. По 7-й ревизии в с. Дубовый Умет числилось уже 312 душ. К селу были приписаны десятки тысяч добротной земли, которую крестьяне не в состоянии были обработать. По распоряжению удельного ведомства в 20-х годах XIX века в с. Дубовый Умет переселили русских удельных крестьян из Алатырского и Ардатовского уездов и мордву из села Пенедеева Сызранского уезда. В 1852 году в с. Дубовый Умет числилось 2559 душ удельных крестьян. Однако таких переселений в южный Самарский уезд было мало.

Переселения крестьян на территории приказа или уезда в густонаселенном районе Среднего Поволжья не дали желаемых результатов.

Удельные крестьяне Среднего Поволжья знали о свободных землях Заволжья, особенно в Оренбургской губернии, куда они давно пытались переселяться.

Много удельных крестьян Пензенской губернии по своему малоземелью без ведома начальства переселялись в далекую Оренбургскую губернию. Хотя в Оренбургской губернии и было много свободных земель, губернские власти неохотно соглашались принимать новых поселенцев. Основным поводом для отказа желающим переселяться туда крестьянам была «неизвестность» количества неосвоенных земель.

17 июня 1812 года Государственный Совет решил: «переселение в прочие губернии, исключая новороссийских, оставить до того времени, как приведены будут в известность те земли, кои переселенцам отводимы быть могут»[2].

Несмотря на такое заключение Сената, удельное ведомство решило настойчиво добиваться у правительства выделения для своих крестьян определенной части из казенных земель и уравнения в землепользовании удельных с государственными крестьянами.

В 1814 году удельное начальство обратилось в Департамент государственных имуществ с просьбой наделения удельных крестьян там, где возможно, 15-десятинной или 8-десятинной нормой земли, по числу душ 6-й ревизии за счет казенных земельных угодий[3]. Однако Департамент государственных иму-

---

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. III, ч. 1, Саранск, 193, стр. 253—255.

[2] ПСЗ, т. XXXII, 1812—1814, 25150.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 314, лл. 11—16.

ществ неохотно шел на предложение удельного ведомства, и решение о наделении удельных крестьян казенными землями затянулось на многие годы.

Большие надежды вызвал у крестьян удельного ведомства царский указ 12 марта 1820 года. В этом указе говорилось, что при «отводе казенных земель, жалуемых в вечное и потомственное владение частным лицам, и для предохранения казенных поселян от стеснения и недостатка в землях, составляющих главный предмет их труда и промышленности... повелеваем: 1. Отводить в пожалование земли в тех только губерниях, где количество казенных удобных земель в общей сложности превосходит 15-десятинную пропорцию на число душ казенных и удельных поселян последней ревизии»[1].

Таким образом, по указу удельные крестьяне имели одинаковое право с государственными крестьянами на получение недостающего к указанной пропорции количества земли. Земельные наделы удельных крестьян Симбирской губернии не достигали к 5-й ревизии, а тем более к 7-й, даже 8-десятинной пропорции. По 5-й ревизии крестьянам не хватало земли 26061 десятины, по 7-й ревизии им не хватало к 8-десятинной узаконенной пропорции 51269 десятин[2]. Симбирская губерния была причислена поэтому к малоземельным губерниям. По закону 1820 года удельные крестьяне указанной губернии должны были получить дополнительные земли.

Удельные крестьяне Пензенской губернии находились в исключительно тяжелом положении. По пятой ревизии в Пензенской губернии числилось удельных крестьян 20564 ревизских души, в 1800 году им недоставало земли 128193 десятины по нормам, установленным законами[3].

Казанская губерния, вопреки фактам, была причислена к многоземельным губерниям. Губерния эта была лесистой, в ведении удела находилось много лесов. Леса считались в пользовании удельных крестьян, хотя крестьяне ими не пользовались. В Казанской губернии было много крестьян малоземельных. Из 71 селения Казанской губернии 38 селений имели наделы до 6 десятин, куда входил лес. Общая лесная площадь в удельном хозяйстве Казанской губернии, причисленная к землям удельных крестьян, составила 42119 десятин. Удобных же земель —

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 184, л. 2, ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 983, л. 140—144.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 256, лл. 503—509.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 226, л. 393.

пахотных, сенокосных и под огородами — на 11582 души (в 1820 году) приходилось всего до 50 тысяч десятин[1]. Если лесную площадь приплюсовать к площади удобных, окультивированных земель, то даже и такая сумма при делении ее на число душ удельных крестьян никак не даст 15-десятинной пропорции[2].

Удельным крестьянам Казанской губернии до 15-десятинной пропорции в 1820 году недоставало (даже при учете 42119 десятин леса) — 80575 десятин. По двум же губерниям Симбирской и Казанской удельным крестьянам не хватало 131844 десятины земельных угодий.

Указ 12 марта 1820 года взбудоражил и крестьян и удельное управление.

В 20-х годах началась оживленная переписка между удельными конторами и их Департаментом, между Департаментами удельных и государственных имуществ, министром финансов и другими местными и центральными учреждениями — и все по одному вопросу — о наделении удельных крестьян землею или переселении их в другие губернии[3].

Во всей этой переписке наблюдаются две диаметрально-противоположные тенденции. Одна — Департамента уделов — состояла в том, чтобы в губерниях Казанской, Симбирской и Оренбургской получить из государственного фонда землю для своих малоземельных крестьян и этим самым улучшить удельное хозяйство. Другая — министерства финансов и зависимых от него учреждений — заключалась в том, чтобы сохранить государственные земли для обеспечения как в настоящем, так и в будущем государственных крестьян, в целях бездоимочного получения податей и бесперебойного отбывания ими многочисленных повинностей.

Департамент уделов, пользуясь законом, доказывал Департаменту государственных имуществ, что удельные крестьяне, хотя и состоят в особом управлении, но они есть те же государственные крестьяне «и в особенности по состоянию именного высочайшего указа 12 марта 1820 года, коим оне с казенными совершенно сравнены, не должны сии последние в наделении землями иметь перед удельными никакого предпочтения». Но

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1. д. 70, лл. 64—70, д 126, лл. 56—59, д. 199, лл. 357, 359, 360.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 929, л. 44.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп 10, д. 983, лл. 237, 271—273, д. 984, л. 44, 72—73, 82—83, 122—129, 139—140.

казенные палаты, указывал Департамент уделов, «преимущественно заботятся об удовлетворении требований казенных крестьян, даже таких, кои наделены уже узаконенною пропорциею — сделанные же со стороны Департамента государственных имуществ о наделении удельных крестьян землями распоряжения по многим губерниям и по ныне остаются без приведения в должное исполнение»[1].

В свою очередь удельное ведомство предлагало Симбирской, а также и другим конторам, где крестьяне не наделены были узаконенной пропорцией земли, добиваться и настоятельно просить местные казенные палаты о безотлагательном исполнении распоряжения Департамента государственных имуществ. Казенные палаты не спешили и не хотели выделять удельным крестьянам земли. Больше того, казенные палаты предлагали удельным конторам, чтобы они сами изыскивали пути для наделения своих крестьян землею. Так, в 1822 году Казанская казенная палата предложила Казанской удельной конторе переселить своих малоземельных крестьян в «изобилующие землями селения». Но такие селения в Казанской губернии если и были, то их земельные излишки заключались большей частью в лесах, состоящих в общем пользовании с государственными крестьянами. Других же угодий, — утверждала удельная контора «как-то: пашни, покосу и под поселением на каждую душу причитается от 1 до 6 десятин, а хотя и есть по 9-ти и 14-ти десятин, но весьма у малого числа душ, а именно: в городе Лаишеве 235-ти, в селах: Стретинском 7 и Спасском 11-ти, деревнях: Калмыкове 53-х, Старой Челне 32-х, Новопоселенной Ермакове 34-х, и Кожаевке 20-ти крестьян»[2].

Крестьяне, не дожидаясь, пока приказы и удельные конторы наделят их землей, посылали своих поверенных в Департамент уделов и даже к царю.

Крестьяне селений Дубровок, Селищ, Никольского, Ефаева, Шовырок, Тенишева, Рыбкина, Нового Усада Краснослободского уезда по нескольку раз посылали своих ходоков с просьбой о переселении из малоземельной Пензенской губернии в многоземельные — Оренбургскую, Уфимскую или Саратовскую губернии[3].

Так, крестьяне с. Покровского Наровчатского приказа по-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 100, лл. 317—318.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 160, л. 31—32.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 801, лл. 24—27, 56—58, 118—125, 127—130, 226—227, 238, 286.

слали ходаков в Петербург к министру уделов и к наследнику царя. Не получив ответа, они вновь от имени 570 душ обратились туда же с просьбой об увеличении земли или же о переселении их в другое место. Никаких результатов крестьяне не добились, кроме одного — Департамент приказал Пензенской удельной конторе крестьянских ходоков Филиппова, Петрова и Давыдова «в страх другим, наказав при мирской сходке, отослать в свободное от полевых работ время в смирительный дом на один месяц»[1].

Несмотря на угрозы начальства, крестьяне по-прежнему засыпали жалобами местное и центральное удельное управление, заявляя, что им жить не на что, платить подати и удельные оброки нечем[2].

Чиновники Пензенской конторы видели, в каком положении находятся крестьяне, и сами настойчиво добивались их переселения. В 1824 году управляющий этой конторой просил Департамент уделов, чтобы из 24.052 душ крестьян переселить в Оренбургскую губернию 7.160 душ, выделив для последних более 100 тысяч десятин казенных земель. С таким предложением управляющего не согласилось удельное ведомство, потому что, во-первых, такое количество земли невозможно было сразу получить у казны, и, во-вторых, переселение такого числа крестьян могло крайне плохо отразиться как на самих переселенцах, так и на удельных доходах[3].

Тогда Пензенская контора просила переселить 569 душ крестьян из 15 селений, но и на это Департамент уделов не согласился, потому что «переселение более четвертой части, отмена трехлетней льготы, дозволение переселяться без ограничения числа семейств... не соответствует правилам»[4].

Вместе с тем, удельное ведомство, понимая справедливое требование Пензенской конторы и ее крестьян о переселении, запросило Оренбургскую удельную контору о свободных казенных землях. Управляющий Оренбургской конторой писал, что 167 тыс. десятин свободной земли находится между крепостью Переволоцкою и Оренбургом, но эта земля — «не назначена для заселения крестьян, из других губерний преходящих, и предназначена для Оренбурского казачьего войска»[5].

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 227, л. 15; ЦГИАЛ. ф, 515; оп. 10; д. 801, л. 118.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 983, л. 96.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 961, лл. 28—29.

[4] Там же, л. 188.

[5] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 801, лл. 399—40.

Тогда, в 1831 году, министр двора князь Волконский обратился непосредственно к царю с изложением положения пензенских крестьян. «Столь крайний недостаток и неимение в распоряжении удельного ведомства свободных земель, — писал Волконский, — побуждают крестьян сих к самовольным переселениям, несмотря на всю строгость существующих на предмет сей постановлений»[1]. Волконский просил царя выделить в Оренбургской губернии 100 тыс. десятин казенной земли для пензенских малоземельных крестьян. Министр финансов Канкрин в том же году ответил Волконскому, чтобы удельное ведомство указало, в каких именно местах Оренбургской губернии и в каком количестве «имеют быть назначены от казны земли, удобные для заселения», и что вместо 190 тыс. свободных земель, как сообщает удельное ведомство, есть только 15 тыс., но и это количество достаточно только для удовлетворения тысячи душ. Поэтому, заключил Канкрин, нет надобности переселять пензенских крестьян в Оренбургскую губернию. В конце концов, министр финансов распорядился выделить для удельных крестьян в Бузулукском уезде свободные земли, если такие найдутся.

Чиновники Оренбургской казенной палаты и удельной конторы выехали в Бузулукский уезд для отыскания свободных земель, где они нашли ее только 7400 десятин при слободе Домашкиной[2]. Такое количество земли не могло, конечно, удовлетворить удельное ведомство.

Наконец, для переселения пензенских и тамбовских удельных крестьян нашли 100 тыс. десятин земли, «отобрав ее у башкир». Но пока удельные конторы собирались переселять своих крестьян, башкирскую землю заняли переселенцы — государственные крестьяне[3].

Так потерпела крах переселенческая политика удельных чиновников в отношении пензенских крестьян.

В Симбирской губернии удельное начальство пыталось разрешить земельный голод путем переселения своих крестьян на казенные оброчные земли. В 1821 году Симбирская контора просила отдать для ее малоземельных крестьян 12207 дес. казенных земель в Алатырском и Ставропольском уездах[4]. Не по-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1014, л. 7.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1014, л. 72.
[3] Там же, лл. 63—65.
[4] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 109, лл. 317—318.

лучив казенных земель в своей губернии, удельное начальство стремилось переселить крестьян в Оренбургскую губернию.

В 1824 году Симбирская удельная контора, очевидно, предполагая, что в Оренбургской губернии количество переселенческих земель уже известно, поставила перед министром уделов Гурьевым вопрос о переселении в эту губернию симбирских малоземельных удельных крестьян. Для изжития малоземелья в Симбирском имении нужно было, по мнению управляющего конторой, переселить в Оренбургскую губернию, по крайней мере, до 3-х тыс. ревизских душ удельных крестьян[1]. Через два года управляющий той же конторы писал своему начальству, что во многих уездах губернии удельные крестьяне имеют земли не более 4,5 десятин на душу. «Столь ощутительный недостаток в земельных угодьях значительного числа душ удельных крестьян,— писал он,— что вознаградить по Симбирской губернии я не нахожу никакой возможности»[2].

Министр финансов запретил Оренбургской казенной палате принимать новых переселенцев из числа удельных крестьян. Департамент уделов, зная об этом и, по-видимому, вынашивая план обменной операции[3], в свою очередь сообщил Симбирской конторе, чтобы она приостановила переселение малоземельных удельных крестьян за пределы губернии[4].

Не получая разрешения на переселение в Оренбургскую губернию и другие места, удельные крестьяне просто бежали или самовольно переселялись в далекие края.

Среди крестьян в 20-х годах XIX века только и шли разговоры о земле, о переселении. К каждому известию о свободных землях крестьяне прислушивались с жадностью, горячо обсуждая их между собою на сходках. В Симбирской и смежных губерниях в 1825 году распространился слух о том, что как будто бы киргизский хан предложил русскому царю «заселить россиянами в его владении, дикопоросшую, изобилующую всеми угодьями землю» и что от подданных хана «обид оным вооселенным от его народа отнюдь не будет»[5].

Этот слух произвел большое впечатление. Вскоре до кре-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1. д. 222, л. 375.

[2] ГАУО, ф. 124, оп. 3, д. 98, л. 8.

3. Удельных крестьян многих удельных имений на государств. крестьян Симбирской губернии, что и произошло в 1835 г.

[4] ГАУО, ф. 318,оп. 1, д. 222, л. 375.

[5] ГАУО, ф. 124, оп. 3, д. 98.

стьян дошли и новые не менее важные известия: якобы, царь, разрешил всем желающим крестьянам селиться на «Новой линии», проходящей как-будто бы где-то по побережью рек Урала и Сыр-Дарьи. «Появились» даже выходцы из тех отдаленных мест, которые рассказывали о хорошей жизни на «Новой линии». Крестьяне начали тайно, затем открыто, на сходе, обсуждать вопрос о переселении, в конце концов, началось бегство крестьян. В 1825 году из Симбирской губернии бежало так много крестьян, что в некоторых селах остались только женщины, старики и дети[1].

Неизвестный автор свидетельствует, что бежали главным образом помещичьи крестьяне. Бежали с ними и удельные, бежали и на «Новую линию» и в другие места. Побеги удельных крестьян не носили столь массового характера, как побеги помещичьих, но они были постоянным и обычным явлением, вплоть до реформы в удельной деревне.

Желающих переселиться было настолько много, что Департамент уделов в 20-х годах XIX века решил всячески затруднить самовольное переселение крестьян в другие губернии. Теперь, кроме обычного ходатайства, разрешения удельного управления и других общих документов, требовался целый ряд дополнительных: о числе ревизских душ по 7-й ревизии в селении, о земельных угодьях этого селения вообще и у переселяемых, в частности, о том, что у них менее 5 десятин, а для остающихся будет не более 5 десятин земли, и других документов учетно-фискального порядка.

Окончательное разрешение вопроса о переселении удельных крестьян зависело теперь еще и от второго, нового Департамента государственных имуществ[2]. Но и эта мера не помогла, крестьяне продолжали уходить со своих старых, насиженных мест. Особенно много самовольных переселений было из Пензенской губернии.

В 1831 году управляющий Пензенской удельной конторы представил в Департамент уделов большой список удельных крестьян, самовольно переселившихся на казенные земли Оренбургской губернии. Указанные крестьяне сумели даже создать новую деревню Гавриловку. При расследовании выяснилось, что в числе самовольных переселенцев оказались многие из тех,

---

[1] Памятная книжка Симбирской губернии; Симбирск, 1860; стр. 113—114.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 203, л. 37.

которые в 1824 году были уже высланы из Оренбургской губернии на прежнее жительство[1].

Срочные запреты и наказания крестьян не испугали их: в Оренбургскую губернию самовольно переселилось 2464 удельных крестьянина Пензенской губернии и 1725 удельных крестьян Тамбовской губернии. Все удельные крестьяне, самовольно переселившиеся на казенные земли, в 1837 году были перечислены в разряд государственных крестьян[2].

Некоторые крестьяне отваживались переселиться в дальние губернии. Так, в 1834 году 21 семья удельных крестьян с. Покровского Пензенской губернии самовольно переселилась в село Астраханку Таврической губернии. Департамент уделов сурово поступил с ними: возвратил крестьян на прежнее место, каждого из них оштрафовал по 10 рублей и отослал главу каждого семейства в рабочий дом на один месяц. Виновных сельских старшин приказано было штрафовать от 10 до 15 рублей каждого и «сверх того отрешить от должности, отослать в рабочий дом на один месяц за собственный их счет»[3].

Таким образом, переселенческая политика Департамента уделов разбивалась о сопротивление Департамента государственных имуществ, который не хотел отдавать казенные земли удельным крестьянам. Отдельные оброчные статьи, не приносившие дохода казенным палатам, предлагались удельным конторам, но от этих земель отказывались сами удельные крестьяне. Желанию же удельных крестьян переселиться на удельные земли в другие уезды противился Департамент уделов.

С введением поземельного сбора в 1830 году поземельные отношения в удельной деревне резко изменились.

Покупка Департаментом уделов помещичьих земель с крестьянами

Екатерина II и Павел I, укрепляя материальное положение дворянства, энергично раздавали помещикам государственные и дворцовые земли с крестьянами. При помощи пожалованных земель помещики укрепляли свое экономическое положение, тем более, что крепостное хозяйство в то время еще развивалось, оно еще не испытывало тех затруднений, которые обнаружились в последующее время. Земли дворцового ведомства были своеобразным резервом дворянского землевладения.

---

[1] ЦГИАЛ, ф, 515, оп. 2, д. 170; лл. 144—145.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 22, д. 364, л. 1.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 271, лл. 719—720.

В период разложения, а затем и кризиса феодально-крепостнической системы, когда значительная часть помещиков попала в затруднительное положение, удельное ведомство послужило спасательным якорем, который избавлял помещиков от разорения. Покупая дворянские имения, венценосные помещики никогда не ущемляли интересов дворян. Само удельное ведомство также извлекало немалые доходы от этих покупок. Правда, все эти купли помещичьих имений облекались в иную форму, главным мотивом этих приобретений было улучшить положение удельных крестьян путем расселения их на новых землях.

Царскими указами от 27 октября 1803 года и 15 января 1808 года Департаменту уделов предписывалось покупать помещичьи имения в тех губерниях, где находятся удельные крестьяне «с тем, дабы таковою покупкою улучшить сих последних состояние приумножением земель для расселения, или оброчными статьями для выгодного сбора доходов». В этих указах также говорилось, что владельческие крестьяне, покупаемые удельным ведомством, должны облагаться «превосходнейшим оброком перед прочими удельными крестьянами» и что имения эти покупаются с ведома и разрешения самого царя. Леса, купленные вместе с другими помещичьими землями, поступают в полное распоряжение Департамента уделов, а лесной Департамент к ним не имеет никакого отношения.[1]

Таким образом, официально объявлялось, что купленные в удел земельные угодья, должны поступать в распоряжение удельных крестьян, что способствовало бы улучшению их положения. На деле же преследовались совершенно иные цели. Ниже будет показано, что покупка поместий с крестьянами ни в какой степени не улучшала положения коренных удельных крестьян. Основная цель приобретения новых земель и крестьян заключалась в том, чтобы увеличить удельное хозяйство, увеличить число плательщиков оброка, превратить купленные леса, водоемы, отдельные земельные массивы в оброчные статьи, в новые источники дохода. Больше того, сама покупка имений была обставлена так, что приобретаемые угодья обходились Департаменту уделов совершенно бесплатно. Купленные вместе с землею крестьяне должны были платить повышенный оброк до тех пор, пока не внесут уделу полной суммы, уплаченной Департаментом помещику.

Покупать помещичьи имения Департамент уделов начал

---

[2] ГАУО, ф. 534, д. 372, л. 84.

с 1804 года. В 1805 году за 152400 рублей в Алатырском уезде было куплено имение Нарышкина. По купчей значились село Гулюшево и деревня Акнеева с 977 душами крестьян и земли— пахотной, сенокосной, леса, удобной и неудобной 4708 десятин[1], в среднем немного больше 4 десятин на одну душу, включая лес, без которого размер крестьянского надела становился значительно ниже.

В том же уезде у помещицы Алеевой было куплено в 1807 году село Чирково с 227 крестьянами вместе с 784 десятинами земельных угодий за 34050 рублей[2]. Крупное имение куплено у вдовы генерал-фельдмаршала В. П. Мусина-Пушкина: бывшие дворцовые, а затем «всемилостивейше» пожалованные село Кержаманы и деревня Пилесево с 868 душами крестьян. Вместе с крестьянами куплено земли удобной 4261 десятина и неудобной 419 десятин, всего 4680 десятины.

Пожалованные Мусину-Пушкину дворцовые крестьяне селений Кержеман и Пилесево в 1797 году получили на ревизскую душу по 15 десятин земли. Вдова Мусина-Пушкина продала крестьян с незначительными душевыми наделами: в этих селениях на каждую душу приходилось только 5,4 десятины земли. У той же помещицы были приобретены владения в Калужской губернии: сельцо Душевка Козельского уезда и села — Сытычи, Алыстово, Покровское тож, деревни — Сытычи, Карачаева и слобода Ишалова Лихвицкого уезда. Обе эти покупки (в Симбирской и Калужской губерниях) обошлись Департаменту уделов в 280 тыс. рублей[3].

Приобретались имения и в других губерниях. В 1807 году граф Чернышев продал села Никольское, Покровское, Иваньковское, Исаево, Богородское и дер. Лопатину Керенского уезда Пензенской губернии, где к моменту продажи числилось 817 душ крестьян. Вместе с крестьянами в удел переходили земли всех угодий 2.222 десятины, или на одну душу 2,6 десятины [4].

О том, что Департамент уделов с ведома царя при покупке частновладельческих имений не ущемлял интересов помещиков, говорят факты.

В начале XIX века средние цены на землю и крестьян Симбирской губернии были следующие: десятина земли без

---

1 ГАУО, ф. 534, д. 273, ф. 318, оп. 1, д. 282, л. 604.
2 ГАУО, ф. 534, д. 326, лл. 35—354, ф. 318, оп. 1, 232, л. 604.
3 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 282, л. 604, ф. 534; д. 273.
4 ГАУО, ф. 534, д. 325, л. 689—691, 847.

крестьян стоила 20 рублей, с крестьянами (заселенная) — до 100 рублей, крестьяне без земли 70—80 рублей за душу[1]. Уделы же покупали имения по завышенным ценам. Помещику Нарышкину, например, за десятину заселенной земли было уплачено 150 рублей.

Составители «Истории уделов» утверждали, что «в первое десятилетие существования Департамента уделов, для наделения безземельных удельных крестьян, куплено было около 80 тыс. десятин частновладельческих земель»[2]. Мы убедились на примерах, как покупкой помещичьих земель «разрешалось» это малоземелье крестьян.

Приобретение имений в целях наделения неимущих удельных крестьян землею — только благовидный, а не действительный повод. От такого «попечительства» выигрывали только уделы, а расплачивались за купленные имения те же крестьяне.

Практика приобретения частновладельческих имений продолжалась и в последующем.

Земельным покупкам способствовала сама обстановка, сложившаяся в стране во второй четверти XIX века. В это время помещичье хозяйство все более и более подтачивалось, сама феодально-крепостническая система разлагалась. Оброчные и другие платежи не удовлетворяли помещиков и не могли покрыть все возрастающих расходов. Помещичье хозяйство, в результате роста капиталистических отношений в стране, оказалось в тупике, в неразрешимом противоречии: чем больше помещики увеличивали барщину и оброк, тем больше они подрывали основы крестьянской экономики и платежеспособность крестьян, а вместе с этим значительно уменьшали доходность своих имений.

Многие помещики вынуждены были закладывать свои имения. Задолженность дворянских имений из года в год возрастала. Если до 1833 года задолженность дворянских имений доходила до 270 млн. рублей серебром, то к 1859 году она дошла до 425 млн. рублей, или увеличилась, по сравнению с 1833 годом, более, чем на 63 проц. Самарский губернский комитет, готовивший реформу, в 1859 году отмечал, что «почти все имения Самарской губернии заложены в кредитных учреждениях», за

---

[1] Ульяновский краеведческий музей, рукописный отдел. Рукописная книга Ардатовского уездного суда за 1805 г. о купле и продаже крестьян помещиками.

[2] История уделов, т. 2, стр. 15.

исключением Новоузенского уезда, по которому не было сведений. Задолженность самарских помещиков кредитным учреждениям в 1859 году выражалась огромной суммой — 5.923.211 руб.[1]. «Масса долгов на дворянских имениях, — пишет А. В. Романович-Словатинский, — не переставала накопляться без всякого усовершенствования земледелия или другой полезной промышленности; имения не выходили из опек за неплатеж в приказы; нередко они продавались и с молотка»[2].

Для 40-х годов и последующих десятилетий XIX века характерно поэтому увеличение продажи имений помещиками. Этими обстоятельствами воспользовался Департамент уделов, располагавший огромными капиталами.

В 1844 году графиня Орлова-Чесменская продала два своих имения в Симбирской и Орловской губерниях, площадью в 159.759 десятин земли за огромную сумму денег. В Симбирской губернии владения Орловой-Чесменской находились в Сенгилеевском и Самарском уездах с центром в с. Новодевичьем. В удел переходили пахотные земли, много барских построек, 24 мельницы, рыбные ловли и т. д. В одном только селе Новодевичьем находилось несколько тысяч ревизских душ крестьян, базар, гостиный двор с 24 каменными и 8-ю деревянными лавками. Из 19 селений, купленных у помещицы, 3 селения находились в Сенгилеевском и 15 селений — в Самарском уездах[3]. Из купленного имения были учреждены в Сенгилеевском уезде — Новодевиченский, а в Самарском — Екатерининский приказы[4].

За 1844 год удельным ведомством было куплено помещичьих вотчин в Симбирской, Орловской и Нижегородской губерниях в общей сложности до 9.700 душ крестьян обоего пола, более 170 тыс. десятин земли за 2.834.281 рубль серебром[5].

В 1846 году в Сенгилеевском уезде у графа Левашева уделом куплено 26.226 десятин земли и 2.591 ревизская душа крестьян, из них 30 дворовых[6].

В 1847 году царь согласился на покупку в удел принадлежавших помещице Новосильцевой 6 селений в Алатырском

---

1 «Положение Самарского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян и дворовых людей». Самара, 1859, стр. 150 — 151.

2 А. Романович-Словатинский, Дворянство в России, СПБ, 1870, стр. 337.

3 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 535, лл. 1, 7 — 8; ф. 322; оп. 1; д. 286. л. 267.

4 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 562, лл. 2 — 3.

5 Всеподданнейший отчет министра двора и уделов за 1844 г. стр. 25.

6 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 563, л. 6.

уезде и одного в Карсунском за два миллиона рублей ассигнациями[1]. Имение Новосильцевой состояло из 23.738 десятин земли и 1.667 ревизских душ.

В 1847 году граф Орлов предложил удельному ведомству продать свое имение в Самарской губернии, состоящее из 25 тыс. десятин земли вместе с рыбными ловлями по цене 20 руб. серебром за десятину. После длительных торгов помещик Орлов согласился продать десятину земли не за 20 руб. серебром, что составляло бы 500 тыс. рублей, а по 15 рублей, или за 450 тыс. рублей серебром. В 1848 году имение было куплено и все расходы по покупке его (до 20 тыс. рублей) Департамент уделов взял на себя[2].

Департамент уделов воспользовался и другими возможностями для расширения своих земельных богатств.

Во второй трети XIX века помещичье хозяйство подтачивалось и разлагалось, хозяйство удельного ведомства крепло и расширялось. Удельное хозяйство более решительно приспосабливалось к капиталистическим отношениям, максимально использовало все, что приносило ему доход. Так было не только с купленной землей, но и лесом, рыбным хозяйством, речными пристанями и торговыми местами.

О размере земель и количестве крестьян, купленных до 1864 года, говорят следующие данные[3].

Годы	Куплено земли (дес.)	Куплено крестьян (чел.)	Израсходовано на покупку (руб.)
1801—1820	414368	35290	7948 тыс. руб. асс.
1821—1840	32497	2281	2596 »
1841—1864	429365	20547	8673 тыс. руб. сереб.
Итого	876230	58118	11867 тыс. руб. сереб.

Всего, таким образом, было куплено за указанное время 876.230 десятин земельных угодий и 58.118 душ крестьян за 11.867 тыс. руб. серебром. На Самарскую и Симбирскую губернии приходилось 305.143 десятины купленной земли, что

[1] ГАУО, ф. 320, оп. 5, д. 69, л. 61.
[2] Куйбышевский Гос. архив. ф. 43, оп. 1, д. 5, л. 1, 2, 9, 50—52, 53. 180.
[3] История уделов, том 1, стр. 650.

составляло около 34 проц. всех приобретенных земельных угодий.

Покупки крупных и мелких дворянских имений в Среднем Поволжье были направлены к одной цели, к тому, чтобы сосредоточить земельные богатства удельного ведомства в плодородных районах, сосредоточить крестьян в одном месте для интенсивной их эксплуатации.

ВЫВОДЫ. Из всего сказанного можно сделать некоторые общие выводы.

Разряд удельных крестьян возник в период все усиливающегося капиталистического уклада и разложения феодально-крепостнической системы. Развитие товаро-денежных отношений сопровождалось лихорадочной погоней за землей со стороны господствующего класса—помещиков. Земельные наделы удельных, бывших дворцовых крестьян начали сокращаться в последней четверти XVIII века, когда помещики приспосабливались к новым отношениям, расширяли барскую запашку, увеличивали свои земельные владения за счет землепользования государственных и удельных крестьян.

Землепользование удельных крестьян в Среднем Поволжье еще больше сократилось в период генерального межевания, которое было проведено в интересах господствующего класса. Борьба удельных крестьян за землю в период генерального межевания достигла небывалого до этого напряжения. Однако, ни споры на меже, ни крестьянские ходоки в Петербург, ни заступничество Департамента уделов — ничто не могло приостановить помещичьего наступления на удельные и казенные земли потому, что помещиков защищали и охраняли крепостнические учреждения снизу доверху, от уездных судов до Правительствующего Сената.

Землепользование удельных крестьян еще больше сократилось в период раздачи Павлом 1 казенных и удельных земель вместе с крестьянами. Помещики получали не только лучшие земли, и притом в большом количестве, но, пользуясь законом о 15-десятинной пропорции земли на каждую полученную мужскую душу, они попутно сверх нормы захватывали удельные земли и удельных крестьян.

Стремление удельного ведомства разрешить земельный голод малоземельных крестьян за счет уравнительного распреде-

ления земельных угодий между приказами и селениями не дало положительных результатов.

Попытки Департамента уделов наделять своих крестьян 15-десятинной, а затем 8-десятинной нормой земли за счет казны также не дали желательных результатов. Все старания Департамента уделов наделить крестьян казенными землями разбились об упорное сопротивление Министерства финансов и Департамента Государственных имуществ, которые не хотели лишиться казенных земель — источника государственного дохода. В связи с этим и политика переселения в многоземельные губернии удельным ведомством практически не была осуществлена в широких размерах.

В 20-х годах XIX века земельный голод во многих удельных селениях так усилился, что никакие запреты удельного ведомства не могли приостановить самовольных переселений крестьян в Оренбургскую, Таврическую и другие губернии. За это время только из Пензенской и Тамбовской губерний самовольно переселилось в Оренбургскую губернию более 4 тыс. удельных крестьян.

Покупая помещичьи имения, удельное ведомство тем самым увеличивало в своем хозяйстве земельные богатства и число крестьян, а вместе с этим увеличивало удельные доходы, но не избавляло крестьян от малоземелья. Как правило, удельные крестьяне не получали купленных Департаментом земель.

В изучаемое время обостряются отношения между самими крестьянами. Сокращение земельных наделов вызвало острую борьбу удельных крестьян за землю. Борьба протекала между приказами, селениями и внутри самого сельского общества. С развитием товарно-денежных отношений увеличивалось количество зажиточных крестьян внутри удельной крестьянской общины, расслаивалась деревня, основная масса удельных крестьян выбивалась из колеи, обезземеливалась.

РАЗДЕЛ II.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН.

Предварительные замечания. В XVIII веке, и особенно во второй его половине, началось активное освоение новых земель, трехпольная система постепенно отодвигала границы перелога на юге и границы подсеки на севере. Трехпольная паровая си-

стема в начале XIX века занимала преобладающее место в Среднем Поволжье, за исключением северных районов Казанской губернии и юго-восточных окраин Симбирского края. Вместе с тем увеличился ассортимент сельскохозяйственных культур, происходила дальнейшая специализация отдельных экономических районов. Однако рутинная сельскохозяйственная техника и крепостное право тормозили развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Поля, главным образом, в Среднем Поволжье почти не удобрялись, использование плохих сельскохозяйственных орудий в виде двузубой и двуральной великороссийской перекладной сохи, украинского плута-сабана и еще более примитивных орудий на севере приводило к истощению земли, а следовательно, и к плохим урожаям.

Урожаи сельскохозяйственных культур в конце XVIII века по сравнению с первой четвертью этого столетия почти не увеличились. В Подмосковье первой четверти XVIII века урожаи ржи колебались от сам-4 до сам-1,5; в середине того же века и в том же районе урожаи были такими же. В конце XVIII века они не изменились[1].

Известно, что уже во второй половине XVIII века передовые русские люди и некоторые помещики пристально присматривались к сельскому хозяйству, пытаясь различными путями поднять культуру земледелия, уровень развития животноводства и внедрить рациональные приемы. Однако только немногие из дворян, — пишет К. В. Сивков, — «приходили к мысли, что нерациональна сама крепостническая основа этого хозяйства, и буквально единицы считали необходимым свержение самодержавно-крепостнического строя революционным путем. Громадное большинство помещиков думало, что можно ограничиться паллиативами, что надо только, так сказать, «подтянуть» вотчинную администрацию и крестьян, усилить административно-полицейскую власть управителей или приказчиков, наладить учет и отчетность в сельском хозяйстве»[2].

Еще в первой половине XVIII века появились многочисленные инструкции по управлению вотчинами, составленные

---

[1] Очерки по истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М. 1954. стр. 60; С. И. Волков. Подмосковные дворцовые крестьяне в середине XVIII в. «Исторические записки», № 53, стр. 231, А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 2, М-Л; 1941, стр. 182.

[2] К. В. Сивков. Наказы управителям XVIII в., как источник для истории сельского хозяйства в России. В книге «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 241.

помещиками для своих приказчиков. Большинство этих инструкций пронизано духом дворянского своевластия по отношению к своим крепостным, единым желанием повысить доходность своего хозяйства путем чрезмерной эксплуатации крестьянства. Однако в этих инструкциях, кроме духа полицейского надзора за крестьянами, имелись предложения направленные на улучшение агрокультурных мероприятий и рационального ведения хозяйства. Так, в «Инструкции» А. П. Волынского 1727 года предлагалось создавать новые отрасли хозяйства, использовать для этого все средства и возможности. А. П. Волынский предлагал своему дворецкому чистить пруды, в водоемах разводить рыбу, устраивать в имениях сады, заводить пасеки, улучшать животноводство. Главное внимание А. П. Волынский уделял полеводству, зерновым культурам. В своей инструкции он предлагал дворецкому расширять посевные площади сельскохозяйственных культур, а для посева отбирать добротный посевной материал. Больше того, он рекомендовал создавать опытные участки, которые могли бы служить одной цели — поднятию урожайности полей. Во всех его предложениях не последнее место принадлежало удобрению полей. Он предлагал удобрять поля не только навозом, но и древесною золою, после чего тщательно обрабатывать землю[1].

В отличие от А. П. Волынского, другой государственный деятель и крепостник В. Н. Татищев большое значение отводил крестьянскому хозяйству. Крестьянское хозяйство, по его мнению, должно обеспечить не только потребности дворянского государства и помещика, но и семью самого крестьянина. Для развития крестьянского хозяйства, полагал Татищев, для нормальной крестьянской жизни, необходимо определенное количество земли — минимум 2—3 десятины в каждом поле на тягло и достаточное число быков или рабочих лошадей. Только при этих условиях, по мнению Татищева, крестьянин сумеет выполнить «без тягости» все то, что требует помешик. Татищев, как и его предшественники — крепостники, в крестьянах видел ленивцев, которых все время нужно принуждать, поэтому и считая, что «во время работы с крестьянами старосте и приказ-

[1] А. Волынский. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях. «Памятники древней письменности», т. XV, СПБ, 1861; см. также: П. К. Алефиренко Русская общественная мысль первой половины XVIII в. о значении сельского хозяйства. В книге: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

чику с великою строгостью и прилежностью обращаться надлежит»[1].

В инструкциях крупных вотчинников — П. А. Румянцева, В. Г. Орлова, Г. И. Шипова и других — проглядывают те же крепостнические черты, та же административно-полицейская власть управителей и приказчиков, которые должны «подтягивать» крестьян и жестоко эксплуатировать их.

Гениальный русский ученый М. В. Ломоносов, выходец из народа, лучше всех понимал чаяния народных крестьянских масс. Он прилагал все усилия к тому, чтобы в стране развивались производительные силы, чтобы улучшалось сельскохозяйственное производство и вместе с этим поднималось материальное благосостояние народа. Ему принадлежат переводы иностранных книг по сельскому хозяйству, исследования о качестве почвы и др. Но главная его заслуга состоит в том, что он разработал широко задуманный план по созданию научного центра для оказания практической помощи развитию земледелия в стране. В проекте «Мнение о учреждении государственной коллегии земского домоводства» нашло отражение стремления Ломоносова создать прочную научную базу с широким проведением опытов по сельскому хозяйству, с привлечением широкой общественности для выполнения задуманного плана [2].

К этому времени необходимость поднятия производительных сил в сельском хозяйстве настолько назрела, что в 1765 году, ровно через 2 года после создания проекта Ломоносовым, было создано «Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства».

Возникшее в условиях крепостного строя и представляющее интересы господствующего класса дворянства Вольное экономическое общество выходило за рамки намеченной программы. Оно занималось теоретическими и практическими вопросами народного хозяйства, отдавая во всем предпочтение сельскому хозяйству.

В области сельского хозяйства общество ставило ряд злободневных вопросов — о разведении новых сельскохозяйственных культур, о пользе и разведении картофеля, о способах при-

---

[1] Татищев В. Краткая экономическая до деревнии следующая записка. «Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских», кн. 12, 1852, стр. 21.

[2] М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6. М-Л., 1952, стр. 409—413.

менения удобрений, о борьбе с вредителями сельского хозяйства. Общество объявляло также многочисленные конкурсы на решение различных задач, составляло и рассылало анкеты, касавшиеся сельского хозяйства и других вопросов. Такая активная деятельность членов общества объяснялась тем, что в среде русского дворянства в последней четверти XVIII века «чрезвычайно возрос интерес к различным вопросам сельского хозяйства в связи с явно определившимся тогда процессом разложения феодально-крепостнического способа производства и складывания капиталистических отношений»[1].

Среди видных членов общества первое место, пожалуй, следует отвести А. И. Болотову, первому русскому ученому-агроному, перу которого принадлежат многочисленные печатные работы.

Несмотря на то, что роль Вольного экономического общества в целом и его представителей Болотова, А. Я. Поленова, П. И. Рычкова и других в популяризации лучших агрокультурных приемов и рационализации отдельных отраслей хозяйства была положительная, производительные силы в сельском хозяйстве развивались крайне медленно. Основным тормозом развития производительных сил в земледелии являлось крепостное право. При существовании крепостного права и крепостнических условий невозможно было применить и осуществить на практике научных выводов агрономов, невозможно было добиться осуществления коренного улучшения сельского хозяйства.

Только А. Н. Радищев и немногие его современники понимали причины отставания сельского хозяйства, понимали, что лишь тогда, когда будет уничтожено крепостное право и земля будет достоянием народа, можно будет добиться высоких результатов в земледелии.

«Какая польза государству, — спрашивает Радищев, — что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, кто его производит, считаются наравне с волом, определенным тяжкую вздирати борозду?»[2].

Замечательную характеристику крестьянского хозяйства

---

[1] К. В. Сивков. Вопросы сельского хозяйства в русских журналах последней трети XVIII в. В книге «Материалы по истории земледелия СССР». Сборник, т. 1, 1952, стр. 611—612.

[2] А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Полное собрание сочинений, т. 1, АН СССР, М-Л, 1938, стр. 325—326.

на рубеже XIX века дал Радищев в его известном «Описании моего владения»[1].

Это было первое в русской экономической литературе произведение, в котором содержался глубокий анализ крестьянского производства. Прежде всего автор останавливается на причинах отсталости крестьянского хозяйства. Этими причинами по его мнению являются: малоземелье, чересполосица, низкая сельскохозяйственная техника и помещичья собственность на землю.

В своей работе Радищев раскрыл все содержание крестьянского хозяйства: размеры надела, сельскохозяйственные культуры на крестьянских полях, орудия и способы обработки, урожаи, крестьянские доходы и расходы. Интересно отметить, что перечисленные Радищевым сельскохозяйственные и огородние культуры, как-то: ячмень, овес, греча, рож, конопля, лен, репа, свекла, капуста, редька, огурцы, лук, морковь — были традиционными и для крестьян XIX века.

Переходя к разбору конкретной крестьянской экономики, автор спрашивает: что может получить крестьянин, если в его пользовании около 2 десятин пахотной земли? В результате «третичного», а иногда и меньшего урожая лошади худы, скотоводство низкопродуктивное. Отчего же урожаи будут высокими, если земледельческие орудия «самые простые, таковы, каковы были, может быть, за сто лет», если не применяется удобрение, если плохо возделывается земля?

Радищев подробно исчислял все крестьянские доходы и расходы и пришел к выводу, что денежные подати, оброки и повинности в крестьянском бюджете составляют около 30 процентов, что после изнурительного труда на протяжении всего года крестьянин получает чистого дохода около 2 рублей. «Сие исчисление, — пишет он, — конечно, не увеличено, но если найдется дворов десять, которые имеют капитала от 25 до 200 рублей, то у других нет в кладу ни копейки»[2].

Радищев в «Описании моего владения» показал, кроме сельского хозяйства, крестьянские промыслы, отходничество, неземледельческие занятия. Он показал крестьянское производство на помещичьей земле, типичное и для хозяйств других разрядов крестьянства.

---

[1] А. Н. Радищев, полное собрание сочинений, т. 2, М-Л, 1941, стр. 169—197.

[2] А. Н. Радищев, полное собрание соч., т. 2, М-Л., 1941, стр. 183.

Какие же изменения в сельском хозяйстве произошли в первой половине XIX века?

В первой четверти XIX века происходит подъем промышленности, рост городского населения, расширение внутреннего и внешнего рынка, что значительно подняло цены на сельскохозяйственные продукты.

Снова все настойчивее стали раздаваться голоса за подъем производительных сил в сельском хозяйстве, появляются сочинения по сельскому хозяйству, выпускаемые, главным образом, Вольным экономическим обществом, издаются сельскохозяйственные журналы и газеты, создаются различные общества — Московское общество сельского хозяйства, Общество сельского хозяйства Южной России, Казанское экономическое общество и др.

В 30-х годах XIX века в «Земледельческой газете», появляются статьи «О луговодстве», «О садоводстве и огородничестве», «Правила для получения от земли изобильных урожаев». В статье «О посевах и севооборотах» доказывается преимущество плодосмена над трехпольем и другими системами земледелия [1].

Сама жизнь также диктовала применение сложных сельскохозяйственных машин в земледелии.

Настроение прогрессивных помещиков и вообще передовых людей России выразил в 1842 году Д. Шелехов, писавший, что «не обширность пахотных полей и лугов, не огромные посевы зернового хлеба, не десятки миллионов рук, употребляемых на возделывание земель, доставляют богатые и неизменные урожаи отличного хлеба и сена, но искусство, наука, познания в сельском хозяйстве... Но урожаи не бывают обильнее, если хозяйство остается при том же прежнем полеводстве, при том же плохом скотоводстве и землеудобрении, при тех же дурных земледельческих орудиях и рабочих животных, при той же безотчетности и неустройстве домоводства» [2].

За три года до Шелехова более откровенно писал С. Чаплин. С. Чаплин говорил, что на одного помещика уповать не нужно, от помещика обычно ждут переворота в сель-

---

[1] Прибавление к листкам Общества сельского хозяйства Южной России, № 4, апрель, 1839.

[2] Д. Шелехов, О настоящем положении сельского хозяйства России и причинах прошлогодних неурожаев, статья III, СПБ, 1842, стр. 11.

ском хозяйстве, «а о крестьянине, если упоминают, то как об вещи, об орудии, а он то и есть главный действователь, представитель нашего земледелия. Дайте ему средства, свободу действовать, соедините собственные его выгоды с нововведением, покажите пример, и я вас уверяю, что он не только переймет, но и свое придумает к лучшему»[1].

Выше названные авторы, а также и другие писатели и специалисты сельского хозяйства, ратовавшие за прогресс в земледелии, не затрагивали главной причины, тормозившей развитие производительных сил — вопроса об отмене крепостного права. Подавляющее число помещиков увеличивало доходность своего хозяйства не за счет рационализации, новых агрокультурных приемов, а за счет усиленной эксплуатации крепостных крестьян. Один из крепостников, отражавший взгляды определенных кругов дворянства, так высказался по поводу применения машин в сельском хозяйстве: «Если весь хлеб обмолотится с осени, то что же будут делать крестьяне и их жены зимой? Молотильная машина стоит денег, требует ремонта и содержания лошадей, а работа крестьян ничего не стоит»[2].

Несмотря на консерватизм и косность значительного числа дворянства в стране, происходили положительные изменения в сельском хозяйстве. Передовые помещики и зажиточные крестьяне всех разрядов постепенно вводили новшества в своих хозяйствах, применяли усовершенствованные орудия и сельскохозяйственные машины, обильно удобряли свои поля. В отчете Симбирского губернатора за 1840 год указывалось: «Система земледелия в губернии приметным образом улучшается, вводятся в употребление удобрения и земледельческие орудия и начинают удобрять поля»[3]. Вместе с этим расширялся ассортимент сельскохозяйственных и технических культур. В таких губерниях, как Самарская и Симбирская, в которых в 40-х годах XIX века и понятия не было о посеве табака, в 50-х годах эта культура многим крестьянам давала уже значительные доходы. В Самарской губернии табаководством занималось в последнее десятилетие перед реформой в среднем до 6 тыс. крестьян, засевавших свыше

---

[1] С. Чаплин. Земледелие и земледелец в России. Отрывок из записок деревенского жителя. СПБ. 1839, стр. 4.

[2] Записки Лебедянского общества сельского хоз-ва за 1857 г., ч. 1, М. 1858, стр. 119.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 42; л. 15.

6 тыс. десятин табака и собиравших от 180 до 455 тыс. пудов готовой продукции в год. В Симбирской губернии в указанное время занималось разведением табака более 200 крестьян, которые, все вместе взятые, засевали площадь от 45 до 137 десятин и собирали табачной продукции до 4730 пудов в год [1].

Крестьяне постепенно отказывались от дедовских орудий земледелия и применяли на своих полях более усовершенствованные — плуг и борону с железными зубьями. «Крестьяне, — говорят современники 40-х годов XIX века, — в последнее время начали вводить у себя улучшенные орудия, замечать недостатки туземных, изыскивать способы их усовершенствования или принаравливания к своему хозяйству, подражая соседним помещикам и в некоторых местах колонистам» [2].

В XIX веке с каждым десятилетием увеличивался вывоз из-за границы сельскохозяйственных машин. Идя навстречу интересам дворянства, правительство Александра I в 1806 году разрешило беспошлинный ввоз сельскохозяйственных машин. Кроме того, стали появляться отечественные заводы усовершенствованных сельскохозяйственных машин — англичанина Вильсона в Москве в 1802 году, братьев Бутенапов в 1831 году в Одессе, Кременчуге, Ромнах и других местах России.

О появлении новых сельскохозяйственных орудий и машин говорят сельскохозяйственные выставки, организуемые Министерством государственных имуществ в разных городах страны. В 1844 году на Ярославской выставке появляются пароконные плуги с колесом. В 40-х годах были изобретены: особой системы плуг Бехтольда, получивший распространение в Херсонской губернии, появляются плуг для лесных плантаций, жатвенные машины разных назначений [3].

Однако сельскохозяйственные орудия и особенно машины по своей дороговизне были недоступны для крестьян. Ниже приводится перечень цен на сельскохозяйственные орудия

---

1 Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложения, IV. Общие статистические таблицы. СПб. 1873. стр. 2—9.

2 Обзор действий Департамента сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 г. СПб. 1850, стр. 181—182.

3 Обзор действий Департамента сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 г. СПб. 1850, стр. 184—188.

и машины, изготовлявшиеся в Марьинской практической школе земледелия в 1840 году[1]: плуги (в руб. серебром) — пароконный Смолля 20 руб.; легкий Полторацкого — 18 руб., легкий Шварца — 18 руб., бранденбургский с передком — 24 руб., плужок Мордвинова — 10 руб., плужок Павлова — 13 руб., сеялка ручная — 20 руб., ручная молотильная с веревчатым приводом — 90 руб., ручная молотильная Дорогова — 80 руб., веялка Бутенопа — 50 руб., веялка Вильсона — 60 руб. и т. д.

Представители Департамента сельского хозяйства правильно отмечали, что сельскохозяйственные машины «еще долго будут недоступны для крестьянского хозяйства: одно семейство не в состоянии иметь таких орудий, а для приобретения их на счет целого селения между крестьянами еще недостаточно развит в этом отношении дух общности»[2].

В отдельных местах улучшались породы лошадей, скота и овец.

Несмотря на ростки нового, в стране в целом в первой половине XIX века была распространена неусовершенствованная трехпольная система, следствием чего являлось истощение земли и низкие урожаи. При неусовершенствованной трехпольной системе по официальным данным 40-х годов прошлого века средний урожай хлеба в России «редко достигал четвертого зерна». В отдельных местах по-прежнему применялись перелог или подсека. В сельском хозяйстве отсутствовали заменители хлеба — овощи, которые могли бы стать большим подспорьем для крестьянина в поднятии животноводства.

Трехпольная система с низкими урожаями и неурожаями в отдельные годы сказывалась на развитии животноводства. Животноводство, в свою очередь, влияло на развитие земледелия. Представление об урожаях в последнее десятилетие перед реформой по Среднему Поволжью дают следующие данные (в тысячах четвертей хлеба)[3]:

---

[1] Приложение к всеподданнейшему отчету министра уделов за 1841 год.

[2] Обзор действий Департамента сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 г. СПб. 1850, стр. 181.

[3] Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложения. IV. Общие статистические таблицы, СПБ, 1873; стр. 2—9.

Губерния	Годы	Посеяно		Собрано		Урожай сам
		Озимого	Ярового	Озимого	Ярового	
Казанская	1851	735	1128	2288	4454	3,6
	1856	846	1141	3203	2486	2,8
	1861	850	1131	2028	3907	3
Самарская	1851	392	1662	717	8338	4,2
	1856	489	17[illegible]5	2237	5881	3,7
	1861	561	1679	1857	7464	4,1
Симбирская	1851	682	814	2174	3614	3,8
	1856	623	818	3270	2156	3,8
	1861	683	869	2392	2935	3,4

Цифры говорят сами за себя: посевные площади хотя и расширялись, но урожаи хлеба колебались от сам-2,8 (Казанская губерния) до сам-4,2 (Самарская губерния).

Скотоводство в этих губерниях также было не в цветущем состоянии. В Казанской губернии в 1842 году насчитывалось лошадей 310 тыс. голов, рогатого скота — 300 тысяч и овец — 589 тысяч голов [1]. За 10 лет число скота по этой губернии увеличилось: лошадей — на 134 тыс. голов, рогатого скота — на 76 тыс. и овец — на 361 тыс. голов. За последнее десятилетие перед реформой в развитии скотоводства в отдельных губерниях Среднего Поволжья наблюдался застой [2].

Губерния	Годы	Число скота в тыс. голов			
		Лошади	Рогатый скот	Овцы	Свиньи
Казанская	1851	444	376	950	107
	1856	403	379	987	148
	1861	454	318	1119	81
Самарская	1851	620	624	1577	193
	1856	7[illegible]7	438	1788	159
	1861	718	465	1632	236
Симбирская	1851	362	263	994	100
	1856	306	236	927	100
	1861	298	207	846	121

[1] Центральный архив Татарской АССР, ф. 1, оп. 2, д. 351; л. 218.

[2] Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложения, IV. Общие статистические таблицы. СПБ, 1873, стр. 2—9.

Из трех губерний только в одной Самарской коневодство развивалось удовлетворительно — за десять лет поголовье лошадей увеличилось почти на 200 тыс. голов, но число рогатого скота уменьшилось на 159 тыс. голов.

В Симбирской губернии количество лошадей за указанное время уменьшилось на 64 тыс. голов, рогатого скота на 56 тыс. и овец на 148 тыс. голов. В Казанской губернии количество рогатого скота за 10 лет уменьшилось почти на 60 тыс. голов. Несомненно, что на состояние скотоводства влияли не только периодические неурожаи, повальные болезни, но и небрежное содержание скота в зимнее время.

Таким образом, развитие производительных сил в сельском хозяйстве значительно отставало от развития промышленности, которая постепенно, но решительно освобождалась от оков крепостничества. Развитию производительных сил в сельском хозяйстве мешало, прежде всего, крепостное право. «Капиталистическая техника, — писал П. И. Лященко, — разбивалась здесь о крепостную экономику и крепостную организацию хозяйства. Для интенсивных плодопеременных систем, для скотоводческих и технических направлений требовались две производственные предпосылки — наличность основного и оборотного капитала и наличность свободного квалифицированного и высокопроизводительного труда» [1].

Развитие сельского хозяйства в удельной деревне

Сельское хозяйство удельных крестьян не было обособленным от социально-экономической жизни страны и развивалось в том же направлении, как и хозяйства крестьян других разрядов. Удельное ведомство своими феодально-попечительными мерами также пыталось в целях повышения дохода повысить производительность труда крестьян в их хозяйствах. В свое время еще дворцовое ведомство стремилось повысить урожайность своих полей, для чего пыталось внедрить некоторые новшества в сельское хозяйство. Стремления и желания дворцового ведомства в этом отношении отражены в многочисленных инструкциях своим управителям. Так, в «инструкции» 1731 года Главной дворцовой канцелярии были изложены требования к своим управителям, которые заключались в том, чтобы они постоянно наблюдали за десятинной пашней, за качеством удобрения и обработки земли, за свое-

---

[1] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, М., 1952, стр. 510.

временной уборкой хлеба. В соответствии с дворцовыми инструкциями требовалось «навозом землю пахать глубже и, перепахивая, скородить неоднократно и учредить к севу, как лучше, а пропусков и целин отнюдь бы не было и между десятинами б межники были б шириной до поларшина»[1]. От управителей требовалось, чтобы десятинную пашню дворцовые крестьяне сеяли отборным зерном, очищали бы поля от сорных трав путем прополки, тщательно занимались бы уборкой и обмолотом хлеба. «Несмотря на столь детальные и строгие требования к обработке земли, — пишет С. И. Волков, — на основании изучения документов слагается впечатление о посредственных урожаях, перемеживающих с частыми недородами»[2]. Так, автор указанного исследования установил, что средние урожаи по Хатунской волости (Подмосковье) в 40-х годах XVIII в. были: ржи меньше чем сам-3, урожаи овса ниже сам-2, урожаи ячменя за указанное время — сам-4[3].

Животноводство и птицеводство в дворцовом хозяйстве были также малопродуктивными и, по заключению С. И. Волкова, приходили в упадок. Все это и заставило Дворцовое ведомство перевести своих крестьян на оброк.

Мы не располагаем данными о том, какие меры предпринимало дворцовое ведомство для поднятия уровня непосредственно крестьянского хозяйства.

И если Дворцовое ведомство, как надо полагать, мало интересовалось крестьянским хозяйством, то удельное ведомство, напротив, обращало на него пристальное внимание. Удельное ведомство уже в первые годы своего существования завело «усадьбища», в 20-х годах XIX века ввело общественную запашку, при помощи которой пыталось научить крестьян лучше возделывать свои земли, а в 30-х годах с той же целью стало создавать «образцовые усадьбы». Но все эти и другие меры, о чем будет сказано в специальной главе, в условиях феодального строя и крепостнической опеки почти не достигали цели. Сельское хозяйство удельных крестьян развивалось в условиях разложения феодально-крепостнической системы и постепенно изменялось под воздействием развивающихся то-

---

[1] С. И. Волков. Подмосковные дворцовые крестьяне в середине XVIII в. «Исторические записки», № 53, стр. 229.

[2] Там же, стр. 230.

[3] Там же, стр. 231, смотри также статью того же автора: «Из истории управления дворцовыми крестьянами» в книге «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», М. 1952.

варно-денежных отношений. Несомненно, что «попечительные» меры удельного ведомства сыграли некоторую роль в развитии крестьянского хозяйства, главным образом, в хозяйстве зажиточной верхушки удельной деревни.

Некоторым современникам, которые часто судили о сельском хозяйстве удельных крестьян понаслышке, казалось, что удельные крестьяне живут в достатке и зажиточно, а их хозяйства находятся в образцовом порядке. «Кто имеет хотя бы самое поверхностное понятие о состоянии наших крестьян и нашего земледелия, — писал в 30-х годах XIX века В. Бурнашев, — тот, конечно, убежден в том, что едва ли можно найти, даже между помещичьими зажиточными крестьянами, крестьян лучше удельных, хозяйство которых несомненно представляет образец для прочих»[1]. Такое идиллическое представление о положении удельной деревни не соответствовало действительности.

Сельское хозяйство удельных крестьян Среднего Поволжья

В Среднем Поволжье все благоприятствовало развитию земледелия — климатические условия, плодородие и многое другое. Однако каждая местность имела свои почвенные, климатические и исторические особенности. Так, северные районы Казанской губернии резко отличались по климату и почве от районов Самарской губернии, северо-западные районы Симбирской губернии — от юго-восточных районов той же губернии. Поэтому для изучения сельского хозяйства удельных крестьян Среднего Поволжья лучше всего рассматривать не всю территорию, а отдельные губернии, иногда даже районы. Это обеспечит более конкретный анализ исследуемого вопроса. В. И. Ленин считал принципиально необходимым изучать историю земледелия только порайонно. «Массовые и огульные данные о производстве всяких хлебов, — писал В. И. Ленин, — могут дать (да и то не всегда) лишь самые общие указания на этот процесс, так как специфические особенности различных районов при этом исчезают»[2].

Однако на пути такого исследования стоит много препятствий, и главное из них — отсутствие точных статистических данных по удельным имениям, приказам и селениям. Мы

---

[1] В. Бурнашев. Описание удельного земледельческого училища СПБ, 1839, стр. 1.

[2] В. И. Ленин. Соч. т. 3, стр. 215—216.

не располагаем подворно-имущественными описями, на основании которых можно было бы судить о каждом крестьянском хозяйстве в отдельности, о бюджете отдельно взятой семьи и т. д. Экономические и статистические материалы, используемые нами в данной работе, составлялись чиновниками ведомства уделов с определенной целью — показать непременно рост доходности крестьянских хозяйств с целью повышения удельного оброка или поземельного сбора. Ясно, что эти материалы рисуют хозяйство удельных крестьян в приукрашенном виде. Отчеты губернаторов полностью не отражали экономического положения губернии. Приложения к этим отчетам неточны и часто противоречивы. Однако за неимением других, эти материалы, критически отобранные и по возможности проверенные путем сопоставления с другими документальными источниками, могут быть использованы для изучения темы.

Необходимо также оговориться, что сельскому хозяйству удельных крестьян Симбирской губернии, где находилось более 2-х сот тыс. ревизских душ и три удельные конторы, отведено значительно больше места, чем хозяйству удельных крестьян Казанской губернии, в которой насчитывалось около 16 тыс. ревизских душ. В Самарской губернии, образованной в 1850 году, было около 100 тыс. удельных крестьян, но они находились, главным образом, в Самарском и Ставропольском уездах, и поэтому этим уездам уделено сравнительно больше внимания, чем всем другим. Кроме того, удельное ведомство в годовых отчетах обычно выделяло удельное хозяйство Симбирской губернии, о других удельных имениях оно давало только суммарные данные.

Казанская губерния. В Казанской губернии селения удельных крестьян были разбросаны на огромной площади своеобразными островками. По данным 1842 года, в Казанском уезде удельных крестьян насчитывалось 5028 ревизских душ, в Царевококшайском — 2567, Тетюшском — 1013, Лаишевском — 4377, Мамадышском — 65, Чистопольском — 543, Спасском — 158 ревизских душ[1]. Совсем не было удельных крестьян в уездах Свияжском, Чебоксарском, Козмодемьянском, Цивильском и Ядринском.

25 проц. площади Казанской губернии занимали почвы, состоявшие из суглинка и супеси. Песчаные почвы имелись в Царевококшайском и глинистые — в Казанском уезде. В юж-

[1] Центральный архив Тат. АССР, ф. 1, оп. 2, д. 351, лл. 99—102.

ной части губернии — в Спасском, Чистопольском, Лаишевском, отчасти в Тетюшском и Свияжском уездах преобладал чернозем.

Почти все почвы Казанской губернии, за некоторым исключением, вполне были пригодны для земледелия. Удельные селения Вараксинского приказа Царевококшайского уезда были расположены по рекам Ноле, Ошле и Малой Кокчаге, впадавшей в Волгу. Окруженная лесами равнина, на которой находились крестьянские поля, представляла собою низменность, состоявшую из беловато-серого глинистого ила. Малоплодородная почва требовала хорошей обработки и обильного удобрения. Однако только неглубокий слой почвы поддавался обработке несложными орудиями того времени [1].

Десять удельных селений Сухорецкого приказа Казанского уезда (с. Сухая Река в 10 верс. от Казани) располагались севернее от Казани, по обе стороны речки Казанки. Окультивированная почва Сухорецкого приказа не отличалась высоким качеством, была «иловатая, смешанная со значительным количеством чернозема, который прибавляется по мере удаления от Казани». В другом документе сказано, что крестьяне Сухорецкого приказа «сидят на весьма средственном грунте» и «насчет земли дальних выгод не представляют» [2].

Что касается сенокоса, то он находился в низких и заболоченных местах, а на лесных полянах трава росла невысокого качества.

Земельные угодья Воскресенского приказа также начинались у г. Казани и простирались на восток и юго-восток от города, по луговой стороне и дальше, занимая часть Лаишевского уезда. Качество земли удельных крестьян Воскресенского приказа было обычным для той местности — почва «глинистоиловатая, смешанная с песком». Из 16 селений Воскресенского приказа, как значится в «Экономических примечаниях» за 1820 год, только в 4-х селениях показано, что грунт земли «плодородный», а в остальных «посредственный», требующий удобрения [3].

Северный Царевококшайский уезд изобиловал лесами: в 20-х гг. XIX в. здесь насчитывалось около 560 тыс. дес. леса.

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 230, л. 369; ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11; д. 51 (отчет казанск. губ. за 1826 г.); л. 110.

[2] ГАУО, ф. 342 оп. 1, д. 227, лл. 105 — 108. д. 230, лл. 363 — 387; д. 126; лл. 43—44.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 126, лл. 23 — 40.

На свободной от леса земле крестьяне занимались хлебопашеством, применяя обычную трехпольную, а в отдельных местах смешанную, или «пеструю», систему земледелия. В 50-х гг. XIX в. офицер Генерального штаба М. Лаптев, изучавший Казанскую губ., писал, что в лесных уездах этой губернии крестьяне выжигали лес и через два года на выжженном участке сеяли рожь, три года подряд собирали урожаи, а затем забрасывали его. Заброшенное поле превращалось в перелог, который через 6—7 лет снова засевался рожью [1].

При такой системе земледелия лес хищнически уничтожался. Уже в 20-х гг. XIX в., по свидетельству современников, лес ушел от селений на 15—20 верст. «Царевококшайский уезд, — писал в 1829 г. управляющий Казанской удельной конторой, — был некогда изобилен лучшей доброты лесом, который теперь в местах к ближайшим селениям и судоходным рекам истреблен и частично расчищен; но и от сего последнего труда произошло немного выгоды, ибо грунт земли (при красном лесе) вообще больше или меньше песчаный или белоиловатый, без удобрений весьма худо оплачивает труды земледельца» [2].

Ранее выжженные и вырубленные лесные участки постепенно превращались в поля, на которых крестьяне применяли смешанную, а затем обыкновенную трехпольную систему земледелия. «Разделение полей, — читаем в отчете казанского губернатора,— обыкновенное», т. е. трехпольное [3].

Трехпольная система земледелия применялась и во всех остальных селениях Казанского удельного имения. Трехпольная система земледелия, сыгравшая в определенную историческую эпоху свою прогрессивную роль, в середине XIX в. уже задерживала развитие производительных сил в сельском хозяйстве, истощала почву, понижала урожаи, приводила к сокращению лугов и ухудшению скотоводства. Выдающийся русский агроном А. В. Советов видел причины живучести трехпольной системы, когда в 1867 году писал: «Следовательно, крепостное состояние есть самый главный тормоз всякого прогресса в сельском хозяйстве. Падает это состояние, падает и его верная спутница — трехпольная система. Зародилась

---

[1] М. Лаптев. Материалы для географии и статистики России, Казанская губ. СПБ, 1861, стр. 264.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 227, л. 106.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1281, д. 37 (Отчет казан. губ. за 1851 г.) л. 56.

она в России в эпоху закрепления Руси и пасть должна с освобождением русского народа от крепостной зависимости»[1].

Многие современники, в том числе ученые агрономы и прогрессивные помещики, говорили о вреде, какой приносят сельскому хозяйству несовершенная трехпольная система земледелия. В середине XIX в. это стали понимать и некоторые губернаторы. Казанский губернатор в отчете за 1851 год писал: «Система эта (трехпольная — Н. Г.), образ удобрения и возделывания полей могли удовлетворять всем потребностям земледельца, пока плодородие земли было в полной силе; но теперь с истощением земель ощущаются значительные перемены. Обильные урожаи появляются после нескольких лет неурожаев»[2].

В то же время крестьянские и помещичьи поля обрабатывались несложными сельскохозяйственными орудиями. О сельскохозяйственных орудиях первой четверти XIX в. можно судить по экспонатам удельного земледельческого училища. Среди этих экспонатов находилась казанская соха, описание которой не сохранилось[3]. Знаток сельскохозяйственных орудий Среднего Поволжья Г. Фирстов писал о казанских сохах, что они «работают дурно, годятся только для некоторых почв и для известных приемов землевозделывания». В то же время «соха имеет самое простое устройство, не требует много хитрости, особых познаний». Главное из этих достоинств состоит в том, что соха «отличается дешевизною, а для крестьянина что дешево, то и сподручно»[4]. Другой знаток Казанского края М. Лаптев писал: «Самое употребительное орудие для пахания поля — обыкновенная соха, с двумя сошниками и с запряжкою в одну лошадь. Это дешевое и несложное орудие не удовлетворяет однако ж требованиям хорошей обработки: главный недостаток сохи состоит в том, что она не раздрабливает надлежащим образом земли»[5]. Помимо сохи, в Казанской губернии употребляли косулю, сабан, борону с железными или чаще с деревянными зубьями. Косуля, по утверждению В. Бурнашева, была хорошо известна в России уже в XVIII в. В первой четверти XIX в. этим земледельче-

---

1 А. В. Советов. Избранные сочинения, М. 1950 г. стр. 382.

2 ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 37 (Отчет казан. губ. за 1851 г.) л. 56.

3 В. Бурнащев. Описание удельного земледельческого училища. СПБ. 1839. стр. 71.

4 Г. Фирстов. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854, стр. 116, 117, 118,

5 М. Лаптев. Цит. Сочинение, стр. 376.

ским орудием в Казанской губернии пользовались удельные и других разрядов крестьяне. В 1829 г. чиновник удельного ведомства писал, что «во всем Царевококшайском уезде хлебопашество производится запряженною парою лошадей косулею»[1].

Косуля, по сравнению с сохою, являлась более усовершенствованным орудием, она как бы составляла переход от сохи к плугу. Этой косулей, часто при тощих и малосильных лошадях удельные крестьяне вспахивали землю на глубину в 3—4 вершка, через некоторое время боронили, после чего поле считалось готовым к севу. Засеяв ниву, крестьяне пахали ее уже сохою, а затем снова разравнивали бороною.

Такая обработка не обеспечивала сколько-нибудь высокой урожайности полей. В 1846 г. исправник Казанского уезда писал: «Сельское хозяйство находится в совершенно первобытном состоянии», «никаких улучшений нет, все держится на трехпольной системе». Он сетовал на то, что «соха и борона для пахания земли, серп для жнитва хлеба и цеп для обмолачивания оного есть инструменты, которыми начинаются и кончаются работы земледельца»[2].

В 30-х и особенно в 40-х гг. XIX в. в Казанскую губернию проникают более усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. В 1842 г. Департамент уделов прислал для подведомственных ему крестьян небольшое количество одноконных плугов. В 40-х гг. Казанское экономическое общество стремилось распространить в своем крае усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и новые машины. В 50-х гг. на полях удельной общественной запашки и у некоторых помещиков применялись уже молотильные машины, веялки, плуги и распашники[3].

Правда, таких орудий и машин было еще мало, они применялись в это время в виде опыта и не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на поднятие культуры земледелия в Казанском крае.

Удельные крестьяне Казанского и других уездов начали удобрять свои поля в конце XVIII века. В 1800 г. Казанская удельная экспедиция сообщала в Департамент уделов, что в Сухорецком приказе Казанского уезда «земля грунт имеет

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 230, л. 369.
[2] Центр. архив Тат. АССР, ф. 1, оп. 2, д. 562, л. 34.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 225, л. 53.

местами песчаной, серой и иловатой, крестьяне вспахивают оную по унавоживании сохами»[1].

Документы говорят о том, что удельные крестьяне Царевококшайского уезда для удобрения своих полей покупали навоз. В 1830 г. Казанская удельная контора отмечала, что «ежегодное удобрение составляет само по себе особенный труд и к тому же крестьяне при весьма малом скотоводстве, покупая навоз в городе (Царевококшайске — Н. Г.), употребляют для удобрения земли особые издержки»[2].

Удобрялись навозом прежде всего огороды, конопляники, а также участки для выращивания хмеля. Удобрением огородов и конопляников занимались не только царевококшайские, но и удельные крестьяне других уездов. Озимые и яровые поля плохо удобрялись, а там, где был чернозем, совсем не удобрялись. Удельные крестьяне плохо удобряли свои поля, если эти поля находились далеко от селения, а также потому, что значительная часть навоза шла на удобрение удельной общественной запашки[3]. Крестьяне других разрядов и помещики также плохо удобряли свои поля. В 1850 г. казанский губернатор писал, что удобрение полей «делается по большей части у помещиков, и то в местах близких к селениям и таких, кои по качеству почвы без того непроизводительны»[4]. В конце 50-х гг. М. Лаптев писал, что «удобрение земли производится не повсеместно: унаваживают паровые поля только крестьяне малоземельных селений» и только в тех случаях, «когда они близко к дворам». В тех местах, «где земли много и она состоит из чернозема, навоз большей частью выбрасывается в овраги»[5]. По-видимому удельные крестьяне лучше обрабатывали свои поля, чем государственные и помещичьи крестьяне. В 1842 г. казанский губернатор писал: «Крестьяне казенного ведомства трудно привыкают к нововведениям, и хозяйство их нисколько не поправляется, напротив удельные крестьяне, исключая некоторых помещичьих, служат в земледелии примером»[6]. Через четыре года

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 225, л. 53.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 2, д. 230, л. 373.

[3] См. нашу статью «Волнения удельных крестьян Среднего Поволжья в связи с общественной запашкой». Ученые зап. Ульяновского пединститута, вып. V, 1953.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 29 (Отчет Казанской губ. за 1850 г.) л. 47.

[5] М. Лаптев. Цит. произведен. стр. 262.

[6] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 38 (Отчет Казанской губ. за 1842 г.) л. 18.

в губернаторском отчете сказано: «Между крестьянами в хлебопашестве и вообще в хозяйстве занимают первое место удельные. На самой же низкой степени стоят чуваши и черемисы»[1]. Подобную оценку сельскому хозяйству удельных крестьян дают другие современники. В 50-х гг. Л. В. Тенгоборский писал: «В Казанской губернии рациональное земледелие представляется лишь в небольшом числе отдельных примеров. Впрочем обработка улучшается, видимо, даже на землях, принадлежащих крестьянам, преимущественно удельным, но у чуваш и черемис она находится в пренебрежении и, так сказать, в детстве»[2].

Сельское хозяйство удельных крестьян находилось в сравнительно лучшем положении по многим причинам. Прежде всего, удельные крестьяне хотя и испытывали на себе феодальное «попечительство» со стороны Департамента уделов и его многочисленных чиновников, но они пользовались большей хозяйственной самостоятельностью, чем помещичьи крестьяне. В то же время удельные крестьяне занимали сравнительно лучшие земли, чем государственные крестьяне, в массе своей состоявшие из нерусских народностей. Вследствие жестокой политики российского самодержавия, нерусские народности влачили жалкое существование. В 1847 году в своем отчете казанский губернатор вынужден был признаться, что «на самой низкой степени стоят чуваши и черемисы. Часто весь домашний быт заключается в одной ветхой избе, где он, крестьянин, укрывает вместе со всей семьей и домашних животных». В 1848 г. губернатор писал, что крестьянские избы топятся по-черному, в летнее время чуваши и черемисы живут в шалашах, не оборудованных трубами; дым ест глаза и вызывает заболевания. Татары в зимнее время держат в избах скот, что способствует эпидемическим заболеваниям жителей[3].

Отброшенные в глухие места и на плохую землю, мари, чуваши и другие крестьяне нерусской народности получали низкие урожаи со своих полей.

Однако было бы неправильно думать, что в сельском хозяйстве крестьян нерусских народностей не происходило

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 44 (Отчет Казанской губ. за 1846 г.) л. 57.

[2] Л. В. Тенгоборский. О производительных силах России, ч. I М. 1854. стр. 94.

[3] Центр. архив. Тат. АССР. ф. 1, оп. 2, д. 646, л. 17, ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 44 (Отчет за 1846 г.) л. 57.

улучшений. Эти улучшения были заметны уже в 30-х гг. XIX в.

И все же способы обработки земли не предполагали хороших урожаев для крестьян всех наименований. В. И. Ленин писал, что условием и следствием такой системы является «крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой» [1].

Сельскохозяйственные зерновые культуры в Казанской губернии были такими же, как и в других районах Среднего Поволжья. В начале XIX в. крестьяне всех разрядов на своих полях сеяли рожь, гречу, полбу, овес, ячмень, т. е. преимущественно серые хлеба, а в отдельных местах сеяли и пшеницу. Эти же сельскохозяйственные культуры крестьяне продолжали сеять и в середине XIX в. В 1851 г. казанский губернатор писал, что между зерновыми культурами, «разводимыми в Казанской губернии, первое место занимает озимая рожь сколько по возможности своей в здешнем крае для доходов помещиков и народного продовольствия, столько и потому, что этому роду хлеба более всего соответствует почва» [2]. Кроме озимой ржи, по луговой стороне Волги, на песчаных и сухих почвах, сеяли яровую рожь. Озимой пшеницы почти не сеяли потому, что она, как утверждал губернатор, «не родится, но для домашней надобности возделывают яровую пшеницу и яровую полбу». Овес и ячмень сеяли повсеместно, а последний особенно в северных уездах губернии, где его крестьяне употребляли в пищу [3].

Уже в 30-х гг. XIX в. на территории Казанской губ. выводили хорошие сорта так называемой «закамской» пшеницы. Об этом пишет директор удельного земледельческого училища М. А. Байков, посетивший в 1833 г. Среднее Поволжье. «Закамская пшеница, — говорит он, — получается из Казанской и Симбирской губерний» [4]. В 40-х гг. на полях удельных и государственных крестьян появляются другие высококачественные зерновые культуры [5]. Однако при плохой обработке

---

[1] В. И. Ленин. Соч. т. 3, стр. 159

[2] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 37 (Отчет каз. губернат. за 1851 г.) л. 56.

[3] Там же, лл. 56 — 57.

[4] М. А. Байков. Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 — 1833 годах, СПБ, 1836, стр. 71.

[5] Всеподданнейший отчет министра двора за 1846 г, стр. 30, ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 37 (Отчет Казанской губ. за 1851 г.), стр. 57.

полей высокосортные зерновые культуры утрачивали свои качества и давали низкие урожаи.

Наряду с зерновыми культурами крестьяне в Казанской губ. разводили картофель. Уже в 20-х гг. XIX в. картофель в жизни крестьян играл заметную роль. «Пособием к продовольствию, — читаем в отчете казанского губернатора за 1826 г., — служат огородные овощи, каких родится в изобилии, особенно картофелю, репы, огурцов, моркови, свеклы и капусты»[1]. В 30 — 40 годах посевы картофеля расширяются не только на огородах, но и на полях. Так называемые «картофельные бунты» удельных крестьян в 1834 году были направлены не против картофеля, значение которого понимали сами крестьяне, а против феодального гнета и жестокой эксплуатации удельного ведомства. Не только удельные, но и другие крестьяне охотно разводили картофель и на огородах и на своих полях. «Картофель, — писал казанский губернатор, — который известен в губернии повсюду и у инородцев, составлявший до сего времени огородное растение, появляется мало-помалу и на полях»[2].

В 40-х гг. со стороны Казанского экономического общества были сделаны попытки в распространении травосеяния[3], но положительных результатов оно не добилось.

Об урожаях в Казанской губернии в начале XIX века можно судить по следующим данным (в четверт.)[4].

Годы	Население обоего пола	Посеяно озим., яров.	Урожай озим., яров.	В самах
1801	817052	515648 / 802119	1453668 / 1871270	2,8 / 2,3
1804	805879	640749 / 753968	1517689 / 1758401	2,4 / 2,3
1806	816876	626778 / 785288	2219325 / 224373	3,5 / 2,6
1807	816893	639418 / 790172	539452 / 2516694	0 / 3,2

[1] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11, д. 51, л. 111.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 37 (отчет каз. губ. за 1851 г.) л. 57.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 4 (отчет каз. губ. за 1844 г.) л. 48.
[4] ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. 4, д. 359, л. 7, ф. 1281, оп. 11, д. 49, лл. 100, 177, 225, 276, 341, д. 50, лл. 14, 49, 86, 121, 158.

Годы	Население обоего пола	Посеяно озим., яров.	Урожай озим., яров.	В самах
1808	819514	517792 / 871680	2807749 / 2993929	5,4 / 3,4
18 9	819583	559314 / 791522	2580361 / 2143152	4,6 / 2,7
1810	827000	594617 / 758647	1360476 / 1784486	2,25 / 2,3
1811	833668	527172 / 832799	1628704 / 1483308	3,1 / 1,7
1812	833218	565613 / 725680	1367761 / 1395901	2,4 / 1,9
1813	92696	486099 / 597813	1590087 / 1269466	3,3 / 2,1
1814	936663	485604 / 592026	1462572 / 1101017	3 / 1,8
1815	947076	433974 / 587573	1568614 / 1169943	3,6 / 2

Таким образом, из 12 лет только 7 раз озимые хлеба дали урожай в среднем сам-3 4/5, а за все 12 лет около сам-3. Что касается урожая яровых хлебов за указанное время, то он равнялся в среднем не больше сам-2, 3/10. При этом необходимо заметить, что на территории губернии урожаи были неодинаковы: в одном уезде урожай был высокий, а в другом недород. Так, в 1807 г. в Казанском и Царевококшайском уездах озимого хлеба собрали меньше, чем затратили его на посев. В 1808 г. в Казанском уезде урожай озимых равнялся сам-6, в то время как в других уездах он не превышал сам-4. В 1809 г. по всей губернии урожай яровых хлебов равнялся сам-2, 7/10, а в Царевококшайском уезде он был сам-4. В 1811 году в губернии был недород яровых, а в Царевококшайском уезде он равнялся сам-3.

Мы не располагаем данными за это время об урожаях на полях удельных крестьян.

В начале XIX в. удельные крестьяне Казанского и Лаишевского уездов в урожайные годы собирали озимого хлеба сам-4, а ярового сам-5. Так, в 1800 г. Казанская экспедиция писала в Департамент уделов, что крестьяне Казанского уезда «высевают на десятину ржи по 1,1/2 четверти, ов-

са — по 3 четверти, а собирают по умолоту ржи — по 6 четв., овса по 15 четв.»[1]. Казанская удельная экспедиция сообщала своему ведомству об урожаях крестьянских полей в самые благоприятные годы. По-видимому, урожаи удельных крестьян в это время мало чем отличались от урожаев других крестьян. В неурожайные годы голодали не только помещичьи и государственные крестьяне, но и удельные. Так, в 1807 г. губернию постиг неурожай. В этом году почти все удельные селения Царевококшайского и Казанского уездов и многие удельные селения Лаишевского уезда остались без хлеба[2].

Более точные данные о посевах и урожаях удельных крестьян имеются за 20—50-е гг. XIX в. В 20-х гг. в землепользовании удельных крестьян Казанской губернии находилось всех угодий: пахотной — 35 380 дес., усадебной — 573 дес., под овощниками — 727 дес., коноплянинками — 201 дес., под сенокосами — 12 676 дес. и под выгонами — 408 дес., а всего — 49 976 дес. На 11 764 ревизские души удельных крестьян в это время приходилось по 4,25 десятины[3]. В 1859 году на 16 185 ревизских душ приходилось всех земельных угодий 52 502 дес., или на каждую душу по 3,24 дес. С 1820 по 1859 г., т. е. за 40 лет, площадь пахотной земли увеличилась на 2500 дес., выгон — на 600 дес., усадебная земля с садами увеличилась почти в 2 раза, а сенокосы сократились больше чем на 500 дес. .

В Казанской губернии площадь других пахотных земель в изучаемое время все время расширялась[4]. Вот некоторые данные для сравнения:

	1797 г.	%	185[illegible] г.	%
Усальба	60183	1,0	62208	1,1
Пашня	1883057	33,1	2477893	43,5
Леса	2976503	52,3	2276970	40,0
Луга и выгоны . .	486705	8,2	480783	8,5
Неудобные . .	298133	5,2	388[illegible]87	6,8
Всех удобных . . .	5388408	94,8	5297854	93,2

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 225, л. 53.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 230, л. 363.
[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 507, лл. 36 — 37.
[4] Е. И. Чернышев. Социально-экономические очерки по истории Казанского края в XIX в. (кандидатская диссертация) М., стр. 120—121.
ГАУО, д. 534, д. 229, лл. 891, 971; д. 325, л. 927, д. 326, лл. 150, 157, 305, 306, ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 106, лл. 87, 88.

Таким образом, если в начале XIX в. пахотные земли составляли 33,1 проц. всей площади, то в 1858 году они составляли уже 43,5 проц. Площадь пахотных земель росла за счет уничтожения лесов. В то же время луга и выгоны за указанное время почти не увеличились.

По подсчетам Центрального статистического комитета в Казанской губернии в 1837—1847 гг. ежегодно высевалось: озимого хлеба — 541 512 четвертей, ярового — 703 392 четверти, а снимали урожаи — озимого 1 841 056 и ярового 2 397 047 четвертей, что составляло в самах — озимого 3,2/5, ярового 3,2/5[1].

Проследим урожаи на полях удельных крестьян. В 30-х гг. удельные чиновники, определяя урожай ржи в десятилетней сложности, установили для удельных крестьян Казанского уезда сам — 3,1/2[2]. В 1835 году по всему казанскому имению крестьяне засеяли озимого хлеба 15 880 четвертей и ярового 21 586 четвертей, а получили урожай — озимого 64 265 четвертей и ярового 68 608 четвертей, или урожай соответственно равнялся в самах 4 и 3. В этом же году засеяно озимого хлеба на 13 274 дес., на которых более 9 тыс. десятин дали посредственные всходы и только 4220 дес. дали хорошие всходы[3]. Удельным крестьянам Казанской губернии вследствие плохих всходов часто приходилось перепахивать озимое поле и засевать яровыми хлебами. В 1839 г. не взошли озимые хлеба на 2336 десятинах; в 1844 году всходы на 658 десятинах ярового хлеба были плохие и на 834 десятинах хлеб погиб на корню от стихийного бедствия. В 1848 году был недород, через год неурожай был настолько сильным, что озимые собрали только сам-2½, а яровых только сам-2. В 1851 году на 9.304 десятинах были «худые всходы», а на 3 тыс. десятин земли всходы только посредственные. В 1855 году управляющий Казанскою конторою писал своему начальству, что урожай на крестьянских полях «был не совсем удовлетворительным, особенно ярового; причиною этому была почти постоянная засуха и ранние морозы». В 1856 году уничтожено на корню хлеба 1.637 десятин, или 7 процентов засеваемой площади[4]. Благоприятными годами были для удельных крестьян:

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 1, д. 71, л. 13.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 230, 376.
[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 299, лл. 12—15.
[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 407, лл. 25 — 26, д. 461, л. 20; д. 462, л. 32, д. 473, л. 40, д. 489, л. 42, д. 485, л. 54, д. 489, л. 42—43.

1850—1853 гг., отчасти 1854, 1857, из других годов—1863. В 1850 году посеяли на озимых полях 13246 четвертей хлеба, уродилось 71.891 четверть, или урожай озимых составлял $5,^{1}/_{2}$. В то же время яровых хлебов посеяно 18.785 четвертей и собрано 70.324 четверти или, иными словами, урожай приближался до сам-4. В 1851 году урожай озимых равнялся сам-$4,^{3}/_{4}$, ярового сам-4, в 1853 году урожай озими сам-$5,^{1}/_{2}$, урожай ярового сам-$4,^{1}/_{2}$[1].

По подсчетам казанских чиновников, даже в урожайные годы удельным крестьянам не хватало на посев и питание озимого хлеба. Так, в 1863 году на 32.622 души обоего пола удельных крестьян было посеяно и уродилось в четвертях хлеба [2].

	Посеяно хлеба			Собрано хлеба		
	озимого	ярового	картофеля	озимого	ярового	картофеля
Посеяно и собрано хлеба	14320	20728	459	60226	105626	1327
в самах	—	—	—	4,2	5	3
Расходы хлеба:						
а) на посев	—	—	—	14320	20728	459
б) на продовольствие	—	—	—	47516	33242	608
в) излишек или недостаток хлеба	—	—	—	недост. 510	излишек 51266	излишек 310

Таким образом, на посев и продовольствие удельным крестьянам Казанского имения в 1863 году не хватало озимого 510 четвертей хлеба. Казанские чиновники в вышеприведенных данных показали, что удельные крестьяне имели более 51 тыс. четвертей ярового хлеба в «излишке», не учитывая потребности хлеба для корма скота и хлебных долгов, всегда лежавших на плечах крестьянства. Необходимо отметить, что урожаи на полях удельных крестьян равнялись или иногда они были выше урожаев помещичьих крестьян, но постоянно они были выше урожаев государственных крестьян. Для примера возьмем данные за 50-е гг. XIX века [3]:

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 407, лл. 25 — 26; д. 461; л. 20; д. 473; л. 40. д. 489; л. 42.

[2] Центр. архив Тат. АССР, ф. I, оп. 1; д. 1830, лл. 16 — 17.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1281. Отчеты каз. губернатора за указанные годы.

Годы	Озимые в самах			Яровые в самах		
	помещ. кр-не	госуд. кр-не	удельн. кр-не	помещ. кр-не	госуд. кр-не	удельн. кр-не
1851	3,6	3	4,75	4,5	4	4
1852	5	3,5	4,5	4,5	3,5	4,75
1853	5,25	4	5,5	4	3,25	4,5
1854	3,75	3,5	4,75	3	2,5	3,75
1855	4,25	3,75	2	2	1,75	1,5
1856	4,75	3,5	3,25	3	1,5	2,5
1857	4,25	3,5	4	5	3,5	5,[illegible]5
1858	3,75	2,75	3,75	4,5	3	5,25
1859	3	1,75	3	2	1,25	1,5
1860	4,5	4	4,5	2	1,5	1,25

О причинах сравнительно высоких урожаев удельных крестьян было сказано ранее.

Скотоводство в Казанской губернии развито было слабо. Неудовлетворительное состояние скотоводства сдерживало развитие земледелия, а несовершенная система земледелия сдерживала развитие животноводства. Академик В. Р. Вильямс, отмечая взаимосвязь земледелия и животноводства, писал: «Уже в начале XIX столетия сельское хозяйство Европы знало одну из важнейших причин низкой урожайности полей и низкой доходности хозяйства — упадок животноводства»[1].

Трехпольная система земледелия постоянно требовала расширения посевных площадей за счет лугов и пастбищ. Природные луга, вследствие плохого ухода за ними, давали низкие урожаи сена. Выпас скота на паровом поле и жнивье разрушали структуру почвы, отчего понижалась урожайность яровых и озимых полей. За недостатком сена и зерна, отсутствием корнеплодов, скот в зимнее время кормили грубой соломой и мякиной. «Такого рода содержание скота, — продолжал В. Р. Вильямс, — прежде всего отразилось на качестве навоза и повлекло за собой дальнейшее снижение урожаев. Следующим, не так быстро наступившим ухудшением было сильнейшее падение продуктивности скота вследствие его вырождения под

---

[1] В. Р. Вильямс. Почвоведение. Земледелие с основами почвоведения, М., 1940, стр. 310.

влиянием авитаминоза. Продукции животноводства едва хватало на прокормление самого населения»[1].

В Казанском удельном имении скотоводство развивалось крайне медленно вследствие недостатка пастбищных лугов и выгонов, малого количества надельной земли, плохого ухода и содержания скота. В 1820 году у крестьян Казанского имения на 11.582 ревизские души насчитывалось: лошадей — 8.749, рогатого скота — 6.671 голова и овец — 26.219 штук.[2] Некоторые удельные крестьяне вовсе были безлошадными. Скотоводство в Казанской губернии было слабо развито не только среди удельных, но и среди крестьян других разрядов. О состоянии скотоводства в Казанской губ. говорят следующие данные[3]:

Годы	Лошадей	Рогатого скота	Овец простых	Овец тонкорунных	Свиней	Коз
1843	486805	430870	1174261	6939	163703	18317
1847	371544	361964	658919	2772	192485	77241
1853	383518	418659	862524	4124	141484	81564
1857	426200	356500	993490	4188	144660	89340
1860	433206	299525	1084251	5763	180829	79103

Как видно из вышеприведенной таблицы, количество лошадей за 16 лет уменьшилось на 53,6 тыс., рогатого скота на 131,1 тыс. и овец на 91,2 тыс. голов.

В 1848 г. К. Арсеньев писал, что «скотоводство в Казанской губернии незначительно ни по количеству, ни по качеству скота», нет даже попыток разводить племенной скот[4]. В отчетах казанского губернатора все время сообщаются неутешительные сведения о развитии скотоводства. Скотоводство «находится в губернии на самой низкой степени,— говорится в отчете за 1850 год, — и у каждой поселянки имеется скота только самое необходимое число для домашнего быта»[5]. В отчете за 1862 год говорится: «Скотоводство развито плохо: не хвата-

---

[1] В. Р. Вильямс. Почвоведение, стр. 310.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1; д. 126, лл. 58 — 59.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1281. Отчеты казан. губернатора за указанные годы.
[4] К. Арсеньев. Статистические очерки России. СПБ, 1848, стр. 468.
[5] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 29 (отчет каз. губернатора за 1850 г.) л. 47.

ет лугов и пастбищ и часты падежи скота из-за разных болезней»[1].

Не было такого года, в который не происходило бы падежа скота. Для 11—14 тыс. удельных крестьян даже сотни погибших коров и лошадей сказывались на экономике хозяйства. В 1838 году только в 4-х селениях — Воскресенском, Царицыне, Сапугах и Рождествене Казанского уезда пало 245 голов скота, или больше половины наличного поголовья; в 1843 году у крестьян удельного ведомства Казанской губ. палю лошадей 65, рогатого скота 251 голова и 397 овец; в 1844 году падеж повторился; в 1845 году пало 386 голов рогатого скота; в 1853 году пало 147 голов скота, в 1855 году пало 326 голов скота, а в 1856 году пало: скота — 628 голов, овец — 452, свиней — 55[2]. Только за указанные годы удельные крестьяне Казанского имения потеряли более 2 тыс. голов крупного рогатого скота.

В 1859 году у крестьян Казанского имения на 16.185 душ мужского пола находилось 9.316 лошадей, 7.926 голов рогатого скота, 33.475 голов овец, всего 50.717 голов лошадей и другого крупного и мелкого скота.

За 39 лет, с 1820 по 1859 год, число удельных крестьян по этому имению увеличилось на 40%. За тот же промежуток времени число лошадей увеличилось только на 6%, а число рогатого скота — на 18,7%[3].

Ясно, что при таком состоянии земледелия и скотоводства крестьяне материально жили плохо и с трудом отбывали повинности. О крестьянских доходах и расходах можно судить по таким данным. В 30-х гг. XIX в. удельные крестьяне Казанского имения ежегодно собирали 64.265 четв. озимого и 68.608 четв. ярового хлеба, а всего 132.873 четв.

Расходовали хлеба:

1. На посев ярового и озимого	37.466 четв.
2. На питание 28.765 душ обоего пола	57.520 четв.
3. Излишек на продажу	37.887 четв.

За проданный хлеб крестьяне могли получить 150—160 тыс. руб. ассигнациями. В то же время они выполняли основные повинности[4].

---

[1] Центр. архив Тат. АССР, ф. I оп. 2, д. 1721; л. 11.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 2, д. 361, лл. 20 — 24, д. 378, л. 17, д. 407, л. 18; д. 408; л. 14, д. 473, л. 40, д. 485, л. 16; д. 489, л. 20.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 507, лл 38 — 39.

[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 273, л. 71 — 72; д. 299 л. 4.

1.	Подушная подать	50.994 руб.
2.	Удельный оброк (поземельн. сбор)	175.735 «
3.	Мирские сборы	25.991 «
	ВСЕГО	252720 руб.

Эта сумма значительно увеличится, если сюда прибавить земские и другие денежные повинности. Для того, чтобы своевременно выполнять возложенные повинности, кроме денег за проданный хлеб, крестьянам не хватало около 100 тыс. руб. Значительную часть недостающих денег крестьяне получали от огородничества, садоводства, пчеловодства и промыслов.

Огородничество. Уже в конце XVIII века удельные крестьяне пригородных селений начали заниматься огородничеством, которое после земледелия являлось второй отраслью хозяйства. В экономических примечаниях генерального межевания конца XVIII в. сказано, что крестьяне Берисоглебской волости, главным образом, деревни Дербишек, торгуют в городе Казани огородными овощами: огурцами, капустой, а крестьяне д. Сапугол «в огородах сеют лук и продают оной в городе Казани». Крестьяне села Воскресенского, деревень Больших и Малых Атар, — говорится в том же «Примечании», — «сверх того занимаются огородными овощами, кои в городе Казани продают»[1].

В 20-х гг. XIX в. удельные крестьяне пригородных селений почти повсеместно занимались огородничеством. В 30—40-х гг. торговым огородничеством стали заниматься еще больше. В с. Царицыно и д. Сапугол крестьяне сеяли для продажи лук и капусту; в дд. Дальние и Малые Атары — занимались огородничеством; в д. Константиновка торговали семенами льна, конопли, сурепицы, мака; в д. Аки шла бойкая торговля капустой, огурцами, арбузами, хлебом, мясом. Многие крестьяне дд. Щербаковой и Больших Дербишек сеяли лук-сеянец и продавали в г. Казани[2]. Таким образом, крестьяне 8 пригородных удельных селений широко занимались огородничеством, продукция которого находила большой сбыт в губернском городе.

Огородничеством занимались не только удельные крестьяне, но и крестьяне других разрядов, жившие вблизи губернского и уездных городов. «Огородничество разведено лишь в той степени, — говорится в отчете казанского губернатора за 1850 год, — сколько нужно сего рода продуктов для домашне-

---

[1] ЦГАДА, Межевой архив, д. 8, лл. 13, 14, 30, 238.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515; оп. 10, д. 4303, лл. 75—120, ГАУО, ф. 342, оп. 1; д. 126, лл. 23—40.

го употребления, впрочем селения, ближайшие к Казани и уездным городам, получают некоторые выгоды от продажи огородных произведений» [1].

Значительным подспорьем в хозяйстве царевококшайских удельных крестьян было торговое хмелеводство. В «Примечаниях» описной книги Царевококшайского уезда конца XVIII в. сказано, что крестьяне «сверх хлебопашества имеют хмельные сады и с оных собираемой хмель употребляют в продажу» [2].

В 1829 году управляющий Казанской конторой писал в Департамент уделов об отдельных крестьянах Царевококшайского уезда, которые «весьма бедны ближайшие к городу количеством, а дальние качеством земли и почти только содержат себя хмелеводством — растением весьма непостоянным в своих ценах и еще более в урожаях» [3]. В статистическом описании Казанского удельного имения за 1830 год отмечалось: «Главный доход крестьян в отношении к хлебопашеству составляют хмелевые огороды или хмельники, разводимые как на усадьбах при селениях, так и в полях во всех без исключения селениях сего приказа (Вараксинского — Н. Г.), почему хмелеводство после лесной промышленности составляет предмет занятий тамошних крестьян, как в отношении к хлебопашеству, так и к торговле» [4].

Мы располагаем другими данными о том, что царевококшайские удельные крестьяне занимались хмелеводством, от которого кормились и выполняли денежные повинности. В 1832—1833 гг. удельные имения обследовал директор Удельного земледельческого училища М. А. Байков. «Казанские удельные крестьяне, — писал он, — по полям разводят хмель, хотя произведение это приносит значительный доход, но так как хмельники в беспорядке разбросаны между хлебом, то этот последний нередко совершенно пропадает. Огородов вовсе не возделывают» [5].

Статистические данные и высказывания удельных чиновников убеждают нас, что хмелеводство крестьян Царевококшайского уезда вытесняло не только огородничество, но в какой-то степени и зерновые культуры. Трудно сказать, что-либо определенное о земельной площади, занимаемой посевами хме-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 25, лл. 44 — 45 (отчет казанск. губернатора за 1850 г.)

[2] ГАУО, ф. 534, оп. 1, д. 354, лл. 36 — 40.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 227, л. 106.

[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 230, л. 375.

[5] М. А. Байков, цит. произведен. стр. 72.

ля. В начале 30-х гг. XIX в. посевы хмеля в огородах царевококшайских удельных крестьян составляли около 300 десятин или до 3% всех земельных угодий. В жизни немногих удельных крестьян некоторую роль играло садоводство и пчеловодство. Однако климатические условия не позволяли широкого развития садоводства не только в Казанском, но и в северных уездах губернии.

Симбирская губерния. Центром удельного хозяйства, располагавшего большими массивами земель и десятками тысяч удельных крестьян, являлась Симбирская губ. В начале XIX в. в Симбирской губ. насчитывалось более 20 тыс. ревизских душ удельных крестьян, в 1834 г. — 39 844 ревизских души, а после обменной операции государственных крестьян на удельных в 1835 г., в губернии насчитывалось 288 910 ревизских душ.[1] В 1860 г. по Алатырскому, Симбирскому и Сызранскому удельным имениям Симбирской губ. насчитывалось 238 636 ревизских душ удельных крестьян, или около 30% всех удельных крестьян России[2].

Удельные земельные владения на территории губернии были расположены почти равномерно. Владения удельного ведомства преобладали над другими помещичьими, городскими, церковными и монастырскими землями и представляли по сравнению с дворянскими поместьями следующее[3].

Уезды	Помещичьи владения (десятин)		Удельные владения (десятин)	
	всего земли	в том числе под лесом	всего земли	в том числе под лесом
Симбирский	263129	40992	260762	77054
Сенгилеевский . . .	328127	64225	237864	117324
Карсунский .	393536	163555	280314	146018
Сызранский . . .	353522	109189	328250	107381
Алатырский . .	145066	51568	245754	130154
Ардатовский .	147159	47043	441399	65443
Курмышский	148944	27010	123385	58984
Буинский	56924	15641	318923	134098
Итого:	1752707	5192237	2[illegible]73251	836456

[1] С 1851 г. Самарский и Ставропольский уезды, где находилось около 80 тыс. удельных крестьян, отошли в Самарскую губ.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 267, лл. 73 — 92; ЦГИАЛ. ф. 515; оп. 10, д. 1475; л. 130; Всеподданнейший отчет за 1860 г., приложение № 4.

[3] Липинский. Материалы для географии и статистики России. Симбирская губ. ч. 1, СПБ, 1868, стр. 344—345, 349.

Как видим из таблицы, только в Карсунском, Сызранском и Курмышском уездах помещичьих земель было немного больше, чем удельных земель, в остальных 5 уездах удельные земли или равнялись помещичьим землям, или преобладали над ними.

В Симбирской губернии почва земли была лучшего качества, сравнительно с Казанской губернией, хотя по уездам и имела свои отличия. На территории Симбирской губернии, пишет советский почвовед И. П. Копосов «Черноземные почвы представлены разнообразными вариациями, отличающимися друг от друга по содержанию гумуса, мощности гумусовых горизонтов, выщелоченности, механическому составу и другим признакам»[1].

Состояние земледелия, способы обработки земли. Крестьяне удельного ведомства Симбирской губернии имели земли хотя и больше, чем казанские крестьяне, но лугов, пастбищ и выгонов также было недостаточно. О землепользовании симбирских удельных крестьян можно судить по следующим данным[2]:

Название уезда	В десятинах						
	усадебной	пахотной	сенокос	выгон и пастбища	неудобной	под лесом	всего
Симбирский	3372	129174	18834	6528	25800	77054	260762
Сенгилеевский	3902	118617	7911	12513	13598	117324	273864
Сызранский	3205	163499	15953	10147	28066	107381	328250
Карсунский	4298	104434	10871	4711	10582	146018	280914
Алатырский	2753	85533	12041	3364	11909	130154	245754
Ардатовский	5211	140885	14103	3732	12025	65443	241399
Курмышский	1611	46491	9106	2253	4939	58984	123385
Буинский	3138	143525	14991	9364	13806	134098	318923
Итого:	27491	932158	103809	52612	120725	836456	2073251

Таким образом, из общего количества удельных земельных владений на лесные площади приходилось 836456 десятин, или около 40 проц., пахотные земли составляли 932.158 десятин, или до 45 проц. Остальная земля состояла из сенокосов—

---

1 И. П. Копосов. Черноземы Ульяновской области. Краеведческие записки, вып. 1., Ульяновск, 1953, стр. 13. О почвах Симбирской губернии. Памятная книжка Симбирской губернии на 1862 — 63 гг. Симбирск, 1863, ГАУО, ф. 322, оп. 1., д. 544, лл. 8—9, ф. 320, оп. 1, д. 46, л. 1.

2 Липинский. Цит. произв., часть 1, стр. 344 — 345.

103 809 десятин, или 5%, выгонов и пастбищ в 52 612 десятин, или 2,5%, под усадьбами 27 491 десятина, или 1,3%, и, наконец, неудобной земли числилось 120 725 десятин, или 5,5%.

Наиболее распространенной системой земледелия в Симбирской губернии было трехполье, а в некоторых местах даже перелог. Чиновники Департамента сельского хозяйства утверждали, что трехпольная система земледелия могла держаться там, «где на каждую десятину пашни есть по крайней мере десятина луга, дающего до 150 пуд. хорошего сена»[1].

Из вышеприведенной таблицы видно, что сенокосов в Симбирской губернии было мало, а способы обработки земли не оправдали себя. Из десятилетия в десятилетие земли истощались, а вместе с этим понижались урожаи в губернии. Об истощении земли в отдельных уездах говорили и современники. Карсунский помещик Родионов писал: «В период времени от 1790 по 1819 г. средний урожай с одной хозяйственной десятины (3200 кв. саж.) был ржи 114 пудов 20 ф., овса 169 пуд., гречи 116 пуд., пшеницы 40 пуд. С 1819 г. по 1861 г. средний урожай значительно уменьшился, так что ржи получалось 69 пуд., пшеницы, которая прежде занимала половину ярового поля, вовсе уже не сеялось»[2].

Трудно проверить качество урожаев в Карсунском уезде, о котором говорит Родионов. В 1811—1815 гг. в Симбирской губернии урожаи на крестьянских полях были[3]:

Годы	Население обоего пола	Посев (четв.) озим., яров.	Урожай (четв.) озим., яров.	В самах
1811	860321	617821 / 719882	2161392 / 1902585	3,4 / 2,6
1812	969327	662899 / 817868	2700257 / 1739185	4,2 / 2,1
1813	969328	663726 / 764957	1981880 / 2760716	3 / 3,6
1815	977728	563908 / 717921	923511 / 1473236	1,6 / 2

[1] Обзор действий Департамента сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 г., СПБ, 1850, стр. 34.

[2] Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Симбирск, 1868, разд. «Смесь», стр. 9.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11, д. 122, листы 61 — 63, 116, 242—243, За пер-

Приведенные данные говорят о том, что средний урожай озимых равнялся в среднем сам-3, а яровых — и того меньше.

Земля обрабатывалась плохо и несвоевременно. Директор удельного земледельческого училища Байков в начале 30-х годов XIX в. заметил, что «при всех полевых работах крестьяне не столько пекутся о хорошем удобрении и благовременном возделывании земли, как о том, чтобы все работы произвести к соответствующим праздникам». Он писал, что крестьяне обычно приурочивали окончание посева яровых ко дню Аграфены, к Петрову дню пахали пар, а к «спасу на воде» двоили пар. Посевы озимых хлебов также приурочивались к календарному расписанию «святых». Так, например, посевы ржи делились на три периода: первый период составлял «от спаса на воде до спаса на горе», второй период «от пречистой до Фролова дня»[1].

Эти и многие другие предрассудки не могли не влиять на качество обработки земли и на высокие урожаи. Больше того, крестьяне Среднего Поволжья верили, что «будто озимая пшеница может переродиться в рожь, овес в рожь»[2].

Руководствуясь «календарем святых» в полевых работах, крестьяне пропускали благоприятные условия погоды, начинали слишком рано или затягивали полевые работы, результатом чего были плохие итоги сельскохозяйственных работ.

Крестьянские поля часто находились в запущенном состоянии. В 1841 году чиновник Департамента уделов Полторацкий отмечал плохое состояние крестьянских полей. По Кейсаровскому приказу «крестьяне вообще жалуются на свою бедность, живут неопрятно, в курных избах; земли и огороды их дурно обработаны», по Беденьгинскому приказу «поля худо обработаны», о Бюргановском приказе — «крестьяне бедны от нерадения о хозяйстве»; о Старостуденецком приказе — «некоторые лашманы не имеют скота, ни лошадей и содержатся рабо-

---

вое десятилетие XIX в. мы не располагаем отчетами Симбирского губернатора, поэтому не можем судить об урожаях указанного времени. Несмотря на низкие урожаи, в 1811—1815 гг. было продано хлеба за пределы губернии: в 1811 г. — 50 тыс. четвертей и израсходовано на винокурение 130 тыс. четвертей; в 1812 г. продано хлеба и израсходовано на винокурение 175 тыс. четвертей; в 1814 г. продано хлеба в другие губернии до 250 тыс. четвертей и израсходовано на винокурение 133095 четвертей.

[1] Байков. Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах, СПБ, 1836, стр. 40 — 41.

[2] Там же, стр. 79.

тами по найму у других». В Туруновском участке, писал Полторацкий, поля не только плохо обработаны, «но в иных местах оставлены широкие межи, а посреди пашни есть много мест, заросших бобовником; огороды тоже не в должном порядке и худо обработаны»[1]. Чиновник Департамента уделов сделал один вывод, что крестьяне плохо обрабатывают свои земли.

Крестьяне обрабатывали земли не только плохо, но и плохими сельскохозяйственными орудиями.

В первой четверти XIX века симбирские крестьяне применяли соху обыкновенную и соху особой конструкции, «употребляемую в большей части Симбирского удельного имения». В. Бурнашев не оставил описания последней сохи. Кроме этих двух сох, применялась соха «на два сошника с деревянной палицей, употребляемая в Симбирском удельном имении»[2]. Правда, разнообразные конструкции сох, употребляемых крестьянами Симбирской губернии, свидетельствуют о некотором прогрессе в сельском хозяйстве: каждая соха соответствовала конкретным почвенно-климатическим условиям той или иной местности.

В Симбирской, Саратовской и Самарской губерниях применялся так называемый сабан. Сабан этих губерний во многом напоминал плуг и «отличался от него только меньшими размерами всех частей»[3]. Тяжелый в работе сабан требовал до 6 лошадей в упряжку. Многим крестьянам такое орудие было не под силу, а бедняки, как говорит Фирстов, «с горем пополам владеют одной лошаденкой, и для них употребление сабана, очевидно, невозможно»[4].

В Среднем Поволжье встречались разновидности сабана. В некоторых приказах Симбирского имения в 30-х годах XIX века употребляли облегченный сабан на три лошади. Но и этот сабан плохо обрабатывал почву. Симбирские крестьяне, писал Бурнашев, «сабаном выворачивают вдруг нови на 6-ть вершков, снимают несколько сильных урожаев, и хотя под этим пластом находится еще чернозем на один аршин, а в иных местах и более, но так как сабаном, да и никаким другим плугом, глубже 6 вершков взять нельзя, то невозобновляе-

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 557, лл. 35 — 42.

[2] В. Бурнашев. Описание удельного земледельческого училища, СПБ, 1839, стр. 71.

[3] Г. Фирстов. Земледельческие орудия восточной полосы России. Изд. Казанского эконом. общества. Казань, 1854, стр. 79.

[4] Там же.

мая почва становится меньше производительной»[1]. Директор удельного земледельческого училища Байков сам видел работу сабана на крестьянских полях и пришел к заключению, что это орудие не приносит пользу земледелию[2].

Таким образом, сабан не удовлетворял предъявляемым к орудиям обработки земли требованиям ни по устройству, ни по размерам, он был просто громоздок. Поэтому крестьяне, за неимением средств на покупку усовершенствованного плуга, за неимением лошадей для сабана, продолжали по-прежнему пользоваться сохой.

В 30-х годах XIX века на смену бороне с деревянными зубьями приходит более усовершенствованная, с железными зубьями[3].

В это же время в Симбирской губернии в помещичьих хозяйствах и у богатых крестьян появился плуг Полторацкого. Ученики удельного земледельческого училища Петров из Симбирского имения вместе с другими изобрели так называемый удельный плужок самого простого устройства[4]. В 40-х годах удельные крестьяне Симбирской губернии применяли на своих полях легкие американские плуги, которые распространились затем на Самарское, Владимирское, а с 1848 года и на другие удельные имения. В 1848 году было изготовлено до 350 таких плугов[5]. В 1851 году симбирские удельные крестьяне вспахали английскими плугами 7600 десятин земли, в других имениях в это же время вспахано не более тысячи десятин. Удельные крестьяне Симбирской губернии начали применять двуконный плуг с тремя лемехами[6].

В 40-х годах у крестьян удельного ведомства Симбирской губернии появились веялки, а в 50-х годах и молотильные машины[4].

Обычно усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины изготовлялись в то время на заводах или в специальных мастерских при сельскохозяйственных школах. В 40-х годах среди удельных крестьян появляются мастера-умельцы по изготовлению таких машин и орудий. В 1844 году

---

1 В. Бурнашев. Цит. произведение, стр. 76.
2 Байков. Цит. произведение, стр. 73.
3 Байков, цит. произведение, стр. 74.
4 В. Бурнашев, цит. произведение, стр. 89.
5 Всеподданнейшие отчеты. за 1844 г., стр. 18, за 1848 г., стр. 33.
6. Всеподданнейшие отчеты. за 1851 г., стр. 50, за 1854 г., стр. 21.
7 Всеподданнейшие отчеты. за 1844 г., стр. 19, за 1854 г., стр. 21.

удельный крестьянин Никита Санин из Архангельской образцовой усадьбы Вятского имения изобрел молотильную машину, которую направили на испытание в Удельное земледельческое училище. Специалисты училища дали высокую оценку этой машине и сделали вывод, «что молотильная Санина много превосходит новейшую Саксонскую молотильную... Саксонская молотильная силой 4-х волов обмолачивает в час 120 снопов и стоит до 1500 руб. асс., а Санина силой 2-х лошадей обмолачивает совершенно чисто 225 снопов в час и стоит до 250 руб. Вообще, судя по чертежу Санина, молотильная так проста, удобна и дешева, что превосходит имеющиеся доселе в России молотильни» [1]. Вольное экономическое общество также одобрило изобретенную удельным крестьянином Саниным молотильную машину. О дальнейшей судьбе этой машины мы ничего не знаем [2].

Большинство удельных крестьян-мастеров изготовляли обыкновенные сельскохозяйственные машины и орудия. Так, в 1847 году на Ключищенской усадьбе Симбирского имения было изготовлено 120 усовершенствованных плугов и несколько веяльных и сортировальных машин. В 1849 году в образцовых усадьбах Вятского и Симбирского имений удельные мастера изготовили для крестьян 113 двуконных и одноконных плугов [3].

В первой трети XIX века основным орудием при уборке хлебов являлся обыкновенный русский серп. В 1832—1833 годах Байков, объезжая удельные имения, заметил, что «крестьяне обозренных мною имений не употребляют кошения хлеба, а жнут обыкновенным серпом. Работа эта есть для них самая тяжелая, и потому, когда наступит время жатвы, говорят: «страда наступила» [4]. Через несколько лет после посещения Байковым крестьянских полей на смену серпу приходит коса. В 1836 году в Симбирском удельном имении несколько крестьян начали косить хлеб усовершенствованными косами, а в 1842 г. 3 тыс. удельных крестьян убирали рожь «более удобным и совершенным способом» [5].

Еще в первой четверти XIX века в России употребляли для работы косы иностранные — английские, австрийские, но

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 29, д. 346, лист 3.
[2] Там же, лист 19.
[3] Всеподданнейшие отчеты: за 1847 г., стр. 59, за 1849 г., стр. 49.
[4] Байков, цит. произведение, стр. 87.
[5] Всеподданнейшие отчеты за 1842 г., стр. 36.

«златоустовские при испытании оказались лучше иностранных»[1].

В 40-х годах XIX века косы стали широко применяться у крестьян многих удельных имений[2].

Однако было бы неправильно полагать, что усовершенствованные сельскохозяйственные орудия: одноконные, двуконные плуги, косы или сложные сельскохозяйственные машины — веяльные, сортировальные, молотильные агрегаты нашли широкое применение в хозяйстве удельных крестьян. Всеми этими новшествами воспользовалась зажиточная верхушка удельной деревни, располагавшая денежными средствами и рабочим скотом. Одноконная соха в бедном крестьянском хозяйстве Среднего Поволжья еще долгое время служила основным орудием обработки крестьянского надела.

Вместе с появлением усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин, стали применяться и более усовершенствованные приемы обработки почвы. До 30-х годов XIX в. у крестьян не было привычки готовить к посеву яровые поля с осени, что влияло на урожайность зерновых культур. Осенняя пахота ярового поля уничтожала сорняки и способствовала снегозадержанию.

В 30-х и особенно в 40-х годах XIX века удельные крестьяне, понимая важность осенней пахоты, начали готовить яровые поля к посеву с осени. В 1843 году министр двора в своем отчете писал: «Производимая уже теперь в большой части удельных имений обработка полей с осени под яровой посев следующего года; удобрение земли там, где прежде вовсе оного не знали, именно в Симбирской губернии, и даже между чувашами»[3]. В 1850 году в отчете указывалось: «Вспахивание яровых полей с осени, ныне повсеместно введенное по общественной запашке, между крестьянами применяется с особенным успехом в имениях Симбирском и Самарском: в первом таким образом вспахано более 36,5 тыс. десятин, а в последнем почти все яровые поля», до 300 тыс. десятин земли[4].

Трудно верить полностью этому отчету, потому что управляющие удельными конторами не всегда были объективны в оценке реального положения крестьянских хозяйств. Департамент уделов в свою очередь лакировал истинное положение

---

[1] В. Бурнашев, цит. произведение, стр. 91.
[2] Всеподданнейшие отчеты за 1842 г., стр. 35.
[3] Всеподданнейший отчет за 1843 г. стр. 25.
[4] Всеподданнейший отчет за 1850 г. стр. 19.

удельной деревни. Однако на основании других, правда, разрозненных и неполных по содержанию документов, можно утверждать, что за 25 лет до реформы в сельском хозяйстве удельных крестьян наметился перелом, который выражался в своевременной обработке земли, в применении усовершенствованных орудий и машин, в применении удобрений и т. д. О применении удобрений на крестьянских полях говорят следующие факты:

В начале XIX века крестьяне Симбирской губернии, по утверждению современников, не удобряли своих полей и только весною оставшуюся на полях солому выжигали, «что немало и удобрению земли служит» [1].

Постепенно крестьяне научились удобрять свои поля, особенно в тех местах, где земли было мало и она имела плохое качество. В 30-х гг. и особенно в 40-х гг. удобрение удельных крестьянских полей все более распространяется. В 1849 году крестьяне Симбирского удельного владения удобряли навозом до 43 000 десятин принадлежащих им полей, что составляло 4,6% удельных пахотных земель губернии. Крестьяне Алатырского имения также начали применять удобрения на своих полях [2]. В 50-х годах XIX века удобрение почвы навозом стало, по-видимому, обычным явлением в удельной деревне. «Убеждаясь очевидно пользою,— говорится в отчете за 1855 год,— какую удобрение приносит на общественной запашке, крестьяне и там, где еще недавно бросали навоз в овраги, вывозят его теперь на свои поля» [3].

Большой вред сельскому хозяйству наносило чересполосное владение землей и ежегодные переделы крестьянских полей. Департамент уделов предписывал своим чиновникам закрепить за крестьянами на длительное время определенные участки земли [4]. Но феодально-попечительные распоряжения удельного ведомства нарушались самим же Департаментом уделов. Из-за многочисленных переоценок земель в связи с ревизиями населения и поземельным сбором сокращались крестьянские наделы, а вместе с этим нарушалось качество обрабатываемых угодий.

---

[1] Е. Зябловский. Землеописание Российской империи. Ч. IV, СПБ, 1810, стр. 267.

[2] Всеподданнейшие отчеты: за 1848 г., стр. 33, за 1849 г., стр. 32, за 1851 г., стр. 18, Липинский, ч. 1, стр. 344 — 345.

[3] Всеподданнейший отчет за 1855 г., стр. 18.

[4] Всеподданнейший отчет за 1846 г., стр. 30.

Сельскохозяйственные культуры

В конце XVIII века крестьяне всех разрядов Симбирской губернии обычно сеяли традиционные для средней полосы России зерновые культуры: рожь, яровую пшеницу, гречиху, овес, полбу, ячмень, горох и др. Об этом говорят отчеты по губернии за 1799 г.[1].

Сельскохозяйственные культуры	Десят. земли	Сеяли	Урожай
		четв.	четв.
Ржи	302166	507981	1504116
Пшиницы	71805	133962	315647
Полбы	31318	77197	114620
Овса	107362	307283	556149
Гречи	37641	53739	106332
Проса	15474	4005	26734
Гороху	22259	25351	12390
Ячменю	6896	14728	19682
Конопли	13155	22508	36285
Льна	1969	3351	4898
	610405	1150105	2696853

К сожалению, мы взяли данные за неурожайный год. Других сведений об урожаях в Симбирской губернии за первое десятилетие XIX в. не найдено. Однако вышеприведенная таблица говорит, что крестьяне всех разрядов сеяли в то время, главным образом, рожь, посевная площадь под которой составляла 49,2% всех посевных земель губернии. Второе место занимали посевы овса и третье место по размеру посевных площадей принадлежало пшенице. Это подтверждают и современники. В 1810 г. Е. Зябловский писал: «Из хлебов более сеется рожь, за нею следует овес, потом гречиха, или дикуша; пшеница сеется в меньшем количестве, недостаток которой инде награждается полбою»[2].

Перечисленные культуры оставались традиционными и в последующее время, хотя посевы пшеницы в последнее десятилетие перед реформой значительно увеличиваются, и особенно в южных районах губернии.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. 2 д. 1770, лл. 268 — 278.

[2] Е. Зябловский. Землеописание Российской империи, ч. IV, СПБ, 1810, стр. 268.

Удельные крестьяне на своих полях выращивали те же сельскохозяйственные культуры, что и крестьяне других разрядов. Об этом говорят многие документы. Так, в Козловском приказе Ардатовского уезда в конце 30-х годов XIX века в яровых полях сеялись «овес, полба, греча, горох, ячмень и в малом количестве чечевица и просо» [1]. В Ардатовском и смежных уездах крестьяне сеяли рожь и пшеницу. В Буинском уезде — рожь, овес, пшеницу, гречиху, полбу, горох, чечевицу, просо и ячмень [2]. В Сенгилеевском уезде в начале 50-х годов XIX века «хлебопашество производится по общепринятому трехпольному разделению», и поля засеиваются озимой рожью, а яровое разного сорта яровым хлебом, «преимущественно же пшеницей русской и белотуркой» [3]. Пшеница «белотурка» появилась на полях Симбирской губернии еще в первой четверти XIX века.

В 40-х годах на крестьянских полях появились новые сорта сельскохозяйственных зерновых культур, такие как: рожь «ваза», кустовая и сирийская, английский ячмень и английский овес [4].

В 1846 году на крестьянских полях Симбирского имения стали сеять кукурузу, которая через два года дала отличные результаты. «Почва Симбирской губернии, — говорится в отчете за 1848 год, — оказалась при сем случае весьма способною для кукурузы, «которая дала огромный урожай — сам-190» [5]. Мы не знаем о дальнейшей судьбе кукурузы в Среднем Поволжье, так как в отчетах и других документах об этой культуре не упоминается.

В изучаемое время расширяются посевы картофеля. Однако по-настоящему стали удельные крестьяне разводить картофель только в 30-х гг. XIX века [6]. В 50-х гг. в Симбирской губернии площади посева картофеля с каждым годом все увеличивались не только в огородах, но и на крестьянских полях. Разведением картофеля стали заниматься не только крестьяне всех разрядов, но и помещики. Разведению картофеля помещиками способствовали различные правительственные льготы.

---

[1] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 46 лист 1—2.

[2] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, Симбирск, вып. II, стр. 85.

[3] ГАУО, ф. 322, оп. 1 д. 544, лист 2.

[4] Всеподданнейший отчет за 1843 г., стр. 26, за 1846 г., стр. 32, за 1847 г., стр. 33—38.

[5] Всеподданнейший отчет за 1846 г., стр. 32 за 1848., стр. 37.

[6] Всеподданнейший отчет за 1842 г. стр. 26.

Картофель для крестьян стал не только неотъемлемым продуктом питания, но для некоторых и источником наживы. Уже в 40-х годах в Симбирской губернии возникли картофельно-паточные заведения, принадлежавшие не только помещикам, но и крестьянам[1]. Нетребовательная культура, картофель, если не всегда, то часто давала высокие урожаи. В Симбирском и Алатырском удельных имениях урожаи картофеля часто были сам-4, сам-5, а иногда и больше[2].

О посевах и урожаях картофеля в 40-х гг. можно представить по следующим данным.

Посевы картофеля (в четв.)[3].

Годы	Посевы / урожаи: помещиков	помещ. кр-н	удельных кр-н	всего в губ.	В самах
1842	7374 / 32541	11492 / 55226	17427 / 48291	38022 / 141510	3,6
1843	6450 / 25899	10500 / 47250	17980 / 71920	36756 / 151756	4,1
1844	12286 / 65718	7242 / 34130	17977 / 62348	40481 / 170982	4,25
1845	12700 / 57150	7350 / 29400	22362 / 44924	44891 / 136175	3

Таблица показывает, что удельные крестьяне сеяли картофеля больше, чем помещики и их крестьяне.

С развитием производительных сил в сельском хозяйстве, с расширением внутреннего и внешнего рынка, с дальнейшим усилением эксплуатации крестьян, их хозяйства все больше и больше приспосабливаются к товарно-денежным отношениям. На крестьянских полях расширялись посевы льна, конопли и подсолнечника. Многие крестьяне возделывали на своих полях все то, что имело большой спрос на рынке. Так появилось зна-

[1] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 107, отчет симбирского губернатора за 1843 год, л. 100.

[2] Всеподданнейший отчет за 1851 г., стр. 16.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1281, отчеты симбирского губернатора за указанные годы. В графу таблицы «всего в губ.» вошли посевы картофеля горожан.

менитое сызранское пшено, известная далеко за пределами Симбирской губернии сурская пшеница [1].

Льноводством больше всего занимались крестьяне Алатырского удельного имения. Удельные крестьяне селения Кувай Алатырского уезда льноводством начали заниматься за 15—20 лет до реформы. «По словам крестьян,— пишет современник,— они засевают льном пшеничные поля, так как пшеница стала у них плохо родиться в последние годы. В самом Кувайкине его сеют почти в каждом доме от 5 до 30 пудов. При урожае сам-четверть только в этом селении получается приблизительно до 1500 пуд. семени, до 8000 пуд. льну»[2]. Алатырский лен расходится не только на территории уезда и губернии, но и далеко за пределами: его везли в Самару, Мелекесс, Нижний Новгород и другие города. С пристаней Алатырского и Корсунского уездов ежегодно отправлялось до 16 000 четвертей льняного семени [3].

В первом тридцатилетии XIX века крестьяне сеяли коноплю для себя, а с 40-х годов и для продажи. Накануне реформы удельные крестьяне Симбирской губернии засевали под коноплю до 32 тыс. десятин земли. Коноплю разводили, главным образом, в юго-западной части Симбирской губернии, за счет которой крестьяне жили и платили подати. Липинский писал, что в селе Попусе «и окрестных удельных селениях (Сызранского уезда-НГ) даже все подати уплачиваются коноплей, для осенних продают семя, а весной продают кудель для уплаты весенних податей. В Попусе на базаре весной нередко можно найти кудели до 3000 пудов» [4].

В 30-х годах XIX века удельные крестьяне Симбирской губернии разводили специально для продажи красильные растения «вайду» и «серпуху» [5].

Травосеяние, имевшее большое значение в улучшении полеводства и животноводства, также постепенно, хотя и в незначительных размерах, внедрялось в крестьянское хозяйство. О пользе травосеяния было известно передовым русским агро-

---

[1] Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симб. 1868 (смесь), стр. 23 — 24.

[2] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Выпуск первый. Симб. 1866, стр. 15—16, 85.

[3] Там же, стр. 85, 94.

[4] Липинский, часть I, стр. 427—428.

[5] Байков, цит. произведение, стр. 76.

номам и энтузиастам сельского хозяйства еще в конце XVIII в. В первой половине XIX века пропагандистами травосеяния были В. А. Левшин, Д. М Полторацкий, которого А. В. Советов называет **«основателем полевого травосеяния в России»** и другие [1].

В 1849 году травосеянием занималось уже до 10 тыс. удельных крестьян России. В Среднем Поволжье кормовые травы давали обильные урожаи, однако травосеяние не было распространено повсеместно. О размерах посевов кормовых трав можно судить по отчету министра двора за 1852 год; в этом году было засеяно крестьянами 423 десятины земли, с которой собрали 37 тыс. пудов сена и до 89 пудов семян [2].

Тем не менее, в крестьянском хозяйстве по-прежнему преобладало зерновое хозяйство. Трехпольная система земледелия тормозила развитие технических и иных культур, развитие травосеяния и корнеплодов.

Урожаи

Мы не располагаем точными сведениями о посевной площади удельных крестьян по имениям. Несомненно лишь, что в первой половине XIX века она расширялась за счет уничтожения леса, использования непригодных земель, за счет пастбищ и целинных земель. На рост посевной площади удельных крестьян всех имений указывают данные: в 1839 г. было засеяно озимых полей 615 тыс. дес., а в 1860 г. — 762 тыс. дес. Таким образом, за 20 лет посевная площадь озимых полей увеличилась на 147 тыс. дес., или на 23,7%. Соответственно расширялась посевная площадь и яровых культур [3].

За отсутствием точных цифр о посевной площади в Симбирской губернии, приходится говорить об урожаях только в самах.

Урожаи зерновых культур на крестьянских полях Симбирской губернии обычно были сам-3, в хорошие годы сам-4, и в урожайные сам-5.

Об урожаях Симбирской губернии свидетельствуют отчеты (в самах) [4].

---

[1] А. В. Советов. О разведении кормовых трав на полях. Избранные сочинения. М. 1950, стр. 29.

[2] Всеподданнейшие отчеты. за 1849 г., стр. 35, за 1852 г., стр. 18, 20.

[3] Отчеты Министра двора за указанные годы.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1281, Отчеты губернаторов за указанные годы.

Годы	Урожаи		Годы	Урожаи	
	озим.	яров.		озим.	яров.
1839	2,2	2,8	1850	3,75	1,75
1840	1,25	4,25	1851	3	4,25
1842	5	4,12	1852	4,25	4,25
1843	5,12	5,62	1853	5	3,25
1844	5	2,87	1854	3,75	3
1845	5	3,75	1856	5,5	2,5
1846	2,75	4	1858	4,12	3,37
1847	3,25	3,5	1859	2,5	1,12
1848	1	1,25	1860	5,87	2,87
1849	2,25	3			

Таким образом, из 19 указанных выше лет 3 года были полностью неурожайными и 7 лет частично неурожайными.

На полях удельных крестьян урожаи часто были выше урожаев помещичьих крестьян. Симбирский губернатор в отчете за 1847 год писал: «Удельные крестьяне в домоводстве и хозяйстве много преуспевают перед другими податными сословиями»[1]. Цифры, таблицы подтверждают это положение.

Годы	Озимые		Яровые		Годы	Озимые		Яровые	
	помещ. кр-н	удельн. кр-н	помещ. кр-н	удельн. кр-н		помещ. кр-н	удельн. кр-н	помещ. кр-н	удельн. кр-н
1847	3,25	3,5	3,25	3,5	1853	4,5	4,75	4,75	3,5
1848	1,25	1	1	1,25	1854	3,75	4	3	2,25
1849	2,25	2,5	2,75	3	1856	5	5,5	2,75	2,5
1850	3,75	4,25	2	1,75	1858	3,5	4,75	3,5	3,25
1851	2,5	3,5	4	4,5	1859	1,87	3,37	0	1,62
1852	4,5	5	3,5	4,75	1860	5,5	6,25	2,37	3,33

Пользуясь относительной свободой в хозяйственной деятельности, удельные крестьяне обрабатывали свои поля лучше, чем помещичьи крестьяне, которые были задавлены барщиной и крепостнической кабалой.

Приведем некоторые примеры о посевах и урожаях удель-

[1] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4., д. 83, л. 77 (Отчеты за 1847 г.),

ных крестьян Симбирского имения. Так, в 1829 году крестьяне Симбирского имения засеяли на своих полях озимого 38 357 четвертей и ярового 52 196 четвертей, а собрали озимого 127 474 четверти (сам-3, 1/3) и ярового 103 061 четверть зерна (сам-2), или средний урожай озимого и ярового вместе взятого равнялся сам-3 [1]. В 50-х годах XIX века крестьяне Симбирского удельного имения засевали озимыми культурами до 75 300 десятин и почти столько же земли отводили под яровые хлеба. В последнем десятилетии перед реформой наиболее урожайным годом был 1857 год. В этом году на крестьянских полях было засеяно 61 193 четверти озимого хлеба, 83 667 четвертей ярового хлеба и 4306 четвертей картофеля; собрали же урожай: озимого — 417 747 четвертей, ярового — 716 164 четверти и картофеля — 22 517 четвертей. Все это выражалось в самах — озимого сам — 4, 3/4, ярового — сам 5 и картофеля — сам-5, 1/4 [2].

Таких урожайных лет, каким был 1857 год в первой половине XIX века, навряд ли наберется до десятка. В первой половине XIX века часты были неурожаи, тяжело отражавшиеся на жизни всего народа, и особенно крестьянства. Специалисты сельского хозяйства уже в 40-х годах заметили, что «с начала нынешнего (XIX—НГ) столетия промежутки между неурожайными годами делаются у нас короче, тогда как в Западной Европе замечается противное» [3].

Почти не было такого года, чтобы страну в том или другом районе не постигло стихийное бедствие в виде неурожая, градобития, повального нашествия вредителей сельского хозяйства. В отчетах министра двора почти за каждый год отмечаются стихийные бедствия, постигшие удельных крестьян. По докладам за тридцатые годы можно составить представление о состоянии крестьянского сельского хозяйства. Так, в 1832 году: «В Пензенском же имении, в коем 35 536 душ, крестьяне не могли даже собрать семян для посева» [4]. В 1834 году по всем удельным имениям уничтожено на корню хлеба градом, морозами и червями на сумму в 934 тыс. рублей. В 1835 году стихийные бедствия принесли убытка удельным крестьянским хозяйствам больше, чем на миллион рублей. В 1836 году гра-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 305, л. 8.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 297, л. 261.

[3] Обзор действия Департамента сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 год. СПБ, 1850, стр. 81.

[4] Всеподданнейший отчет за 1832 г., стр. 10—11.

дом, червями и морозом было уничтожено 48295 десятин хлебов, что составило 837500 рублей убытков[1]. О размерах этих убытков можно судить хотя бы по тому, что удельные крестьяне страны в 30-х годах XIX века засевали озимых хлебов около 615 тыс. десятин, 48 тыс. десятин составляли почти 8 проц. всей засеваемой площади. Потеря хлеба на такой площади для крестьянских хозяйств была исключительно чувствительной.

Частые неурожаи были в Среднем Поволжье. В 1838 году в Буинском уезде и других местах Симбирской губернии в результате засухи, града и сельскохозяйственных вредителей озимые поля «были повреждены до такой степени, что в иных местах не возвращены и семена»[2]. В 1838 году плохой урожай был почти повсеместно. В шести удельных имениях — Архангельском, Вологодском, Вятском, Казанском, Пермском и Новгородском урожай считался посредственным, в остальных — плохой, а в губерниях Московской, Владимирской и Симбирской крестьяне не собрали и посеянного зерна.

Частые неурожаи повторялись в 40—50 годах XIX века. В 1841 году урожай озимого хлеба удельных крестьян страны определялся ниже посредственного: посеяли 705 тыс. четвертей хлеба, а собрали только 1409 тыс. четвертей зерна, или урожай равнялся сам-2[3]. После двух-трех урожайных лет снова наступали недороды. «В Симбирских имениях, — читаем в отчете за 1847 год, — в которых в предшествующем году был значительный недород, нынешний урожай оказался также весьма удовлетворительным»[4]. В 1848 году отмечен плохой урожай в Симбирском и Саратовском удельных имениях, в которых крестьяне не получили даже посеянных семян. В 1849 году в Симбирской губернии неурожай повторился [5]. Неурожайные годы 40-х годов так отразились на положении крестьян Симбирской и Саратовской губерниях, что правительство в 1849 году сочло необходимым выдавать всем уходившим на заработки крестьянам бесплатные паспорта [6]. В 1851, 1855 и 1856 годах в отдельных районах Среднего По-

---

[1] Всеподданнейший отчет за 1834 г., стр. 24, за 1835 г., стр 17—18, за 1836 г., стр. 14.

[2] Всеподданнейший отчет за 1838 г. стр. 8—9.

[3] Всеподданнейший отчет за 1839 г., стр. 18—19; за 1841 г., стр. 23.

[4] Всеподданнейший отчет за 1847 г., стр. 31.

[5] Всеподданнейший отчет за 1848 г., стр. 30; за 1849 г., стр. 29—30; ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 287, л. 7—18.

[6] Всеподданнейший отчет за 1849 г., стр. 15,

волжья неурожаи повторились[1]. Неурожаи или плохие урожаи являлись следствием не только засухи, суховеев, стихийных бедствий, но и результатом плохой обработки земли крестьянами.

Плохо обработанная и не во время засеянная земля давала и плохие всходы. Вот данные за 15 лет об осенних всходах крестьянских озимых полей удельного ведомства:

Посевы по всем удельным имениям[2].
(Озимые поля в тыс. дес.).

Годы	Всего посеяно	Всходы			% плохих всходов к общей площади
		хорошие и посредст.	плохие	совсем не было	
1839	615	130	?	?	—
1842	655	543	112	—	17,2
1843	666	646	20	—	3
1844	722	662	60	—	8,2
1846	722	581	141	—	19,5
1848	684	684	—	—	—
1851	655	370	192	93	43,5+
1853	700	628	70	—	10
1854	711	650	62	—	8,7
1855	736	660	71,5	—	9,7++
1856	738	661	76	—	10,3+++
1857	746	629	117	—	15,96
1858	761	672	82	—	11,6
1859	764	721,5	42,5	—	5,5
1860	762	648,8	113,2	—	14,8

[1] Всеподданнейший отчет за 1851 г., стр. 17; за 1855 г., стр. 17; за 1856 г., стр. 15.

[2] Всеподданнейшие отчеты: за 1839 г, стр. 18—19; за 1842 г., стр. 23; за 1843 г., стр. 25; за 1844 г., стр. 27; за 1846 г. стр. 23; за 1848 г., стр. 32; за 1851 г., стр. 17; за 1853 г., стр, 17; за 1854 г. стр. 18; за 1855 г., стр. 17; за 1856 г. стр. 15; за 1857 г. стр. 23; за 1858 г. стр. 20; за 1859 г., стр. 30; за 1860 г., стр. 30.

* В 1851 году плохие всходы были в Симбирском, Самарском, Казанском, Нижегородском и Оренбургском имениях.

** В 1855 году плохие всходы были в Вятском, Сызранском и Костромском удельных имениях.

*** В 1856 году плохие всходы были преимущественно в Вятском, Сызранском и Самарском имениях.

Таким образом, плохие осенние всходы за приведенные годы составляли от 3 проц. в 1842 году до 43,5 проц. в 1851 году по всем засеваемым площадям озимого поля. Почти каждый год десятки тысяч десятин земли приходилось пересевать под яровые, расходовать дополнительно десятки и сотни тысяч пудов отборного зерна. Поэтому официальные показатели урожаев бывали значительно выше того, что было в реальной действительности.

Животноводство

Представление о состоянии животноводства Симбирской губернии в 40-х годах XIX века дают следующие цифры[1]:

Годы	Лошадей	Рогатого скота	Овец		Свиней	Коз
			простых	тонкор.		
1843	447008	477170	1156603	77933	129310	5887
1844	805988	316202	3828298	66590	164959	12796
1845	855845	602222	3598914	56319	243428	15954
1846	863339	622820	204 334	71082	267208	15072
1847	858551	580867	2125669	68339	258769	12447
1848	839992	553 09	2174313	62404	262404	11476
1849	531582	363380	1016995	67698	152386	7886

Как видно из таблицы, два последних неурожайных года резко сказались на состоянии животноводства. По сравнению с 1847 годом, количество лошадей в 1849 году сократилось на 327 тыс. голов, рогатого скота — на 217,5 тыс. и овец — на 1109 тыс. штук.

В 50-х гг. (после выделения из Симбирской губернии Самарского и Ставропольского уездов) состояние животноводства не улучшилось[2]:

Годы	Лошадей	Рогатого скота	Овец		Свиней	Коз
			простых	тонкор.		
1851	362175	262565	965734	28287	100652	8520
1852	396466	285567	923926	26843	106151	9599
1853	370623	275137	959635	29866	121136	9371
1854	266147	248812	860007	30086	69586	4 96
1856	306189	2330 8	1676331	34178	99012	6057
1858	308252	234 01	884027	45572	131131	9524
1859	304201	227214	829823	49240	123207	10542

---

1 ЦГИАЛ, ф. 1281, отчеты губернаторов за указанные годы.

2 Там же.

На развитие животноводства, на его качество влияли многие причины.

Развитие животноводства зависит, прежде всего, от культуры земледелия. Низкие урожаи, отсутствие корнеплодов и травосеяния не обеспечили условий для развития животноводства, для улучшения пород скота. В Симбирской губернии сенокосы по отношению ко всей удельной земельной площади составляли только 5 проц., а пастбища и выгоны и того меньше — всего 2,5 проц. В результате низких урожаев зерновых культур, больших оброков и податей с крестьян домашнее животноводство находилось в плачевном состоянии. Уход за скотом и содержание его также были плохие. Крестьяне кормили животных в зимнее время соломой, в редких случаях сеном, содержали в холодных помещениях. В 1839 году И. Селиванов, наблюдавший быт мордовской деревни Пензенской губернии, подробно описал бедственное положение домашних животных. То, о чем писал Селиванов, в полной мере относится ко многим крестьянским хозяйствам Среднего Поволжья. В холодных, полуразрушенных конюшнях, писал он, «грязи лежало больше, нежели на дворе», скот кормили ржаной соломой в таком виде, в каком она выходила из-под цепа. «Солому набивали в кадку, наливали, несмотря ни на какой мороз, холодной водой, бросали на это горсть посыпки, то есть смолотого с шелухой овса, и кушанье было готово». Лошади, не ходившие в извоз, не получали и этой «посыпки», поэтому весной или даже поздней осенью, — едва передвигали ноги. Коровы тоже «великим постом не могли стоять на ногах — их поднимали веревками, приглашая к обеду. Остальное время они лежали, смотря по погоде, или на замерзших камлышках грязи и помета, или в жидкой грязи, или совсем в лужах»[1]. Из-за плохой пищи, плохого ухода и небрежного содержания в холодных помещениях лошади делались малосильными, коровы малоудойными, приплод вырождался. Слабое развитие скотоводства присуще не только симбирским удельным имениям, но и крестьянам всего удельного ведомства.

О медленном развитии крестьянского животноводства мы узнаем из тех же «всеподданнейших отчетов», которые в данном случае никак нельзя заподозрить в заниженных показа-

[1] Цитирую по сборнику «Документы и материалы Мордовской АССР», т. III, ч. 1, Саранск 1939, стр. 214 — 215.

телях крестьянского скота. Вот данные о крестьянском скотоводстве по всем удельным имениям России[1]:

(в тысячах голов)

Лошадей	Годы						
	1842	1846	1852	1854	1856	1858	1859
Лошадей	428	483,5	495,3	5 8,2	495,3	510,7	526,9
Рогатого скота	530	604,5	585,9	633,2	578,6	610,6	620,4
Овец	1050	1252	1305,2	1306,1	1167,3	1330	+
Мелкого скота	167	249,2	196,3	238,8	222,5	229,7	1521,6
Всего	2175	2589,0	2582,7	2706,3	2466,7	2681,0	2668,9

Как видно из таблицы, увеличение количества скота не шло по восходящей линии, оно то увеличивалось, то сокращалось. За 18 лет количество лошадей увеличилось только на 98,9 тыс. голов, коров — на 90 тыс. голов, а овцеводство вместе с козами и свиньями увеличилось на 430 тыс. штук.

Кроме неурожайных лет и плохого ухода за скотом, развитие животноводства резко тормозили часто повторяющиеся эпизоотии. Почти не было года, чтобы крестьяне не терпели убытков от падежа скота. Вот некоторые данные о массовом падеже крестьянского скота по удельным имениям России. В 1833 — 1836 года погибло по всем удельным имениям 19406 голов на сумму 563741 руб. В 1837 году по тем же имениям пало скота 19341 голова, что принесло крестьянам убытков на сумму 274 тыс. рублей. В этом, 1837 году, только у крестьян удельного ведомства Симбирской губернии пала 2151 лошадь, 4200 голов крупного рогатого скота и мелкого скота 10183 штуки, а всего 16534 головы[2].

Падеж скота был наиболее сильным в Среднем Поволжье. Одной из главных причин гибели скота была чума, которую обычно заносили во время прогона животных из других губерний. Скотопрогонные дороги являлись бичом для крестьянства. По подсчету чиновников Департамента уделов в 1838 году, удельные крестьяне Симбирской губернии «в последние четыре года лишились скота: крупного — 56000 и

[1] Всеподданнейшие отчеты: за 1842 г., стр. 27, за 1846 г. стр. 34, за 1852 г., стр. 21, за 1854 г., стр. 23, за 1856 г. стр. 18, за 1858 г, стр. 24, за 1859 г. стр. 34.

* За 1859 г. в отчете овцы показаны вместе с мелким скотом.

[2] Всеподданнейшие отчеты: за 1833 г., стр. 12, за 1834 г., стр. 24, за 1935 г. стр. 17—18, за 1836 г. стр. 14, за 1837 г. стр. 16.

мелкого — 50000 голов — по самой умеренной оценке 1332000 руб.»[1].

В 1839 году падеж скота в Симбирской губернии повторился, — в этом году пало скота только у крестьян удельного ведомства указанной губернии до 11 тыс. голов, что принесло убытка на 230 тыс. рублей[2].

Никакой борьбы с массовым заболеванием и падежом скота не велось, надлежащего врачебного и санитарного контроля не было, не ликвидировались причины, приносившие разорение крестьянским массам. «Скотолечение, — писал после осмотра удельных имений в 1832—33 годах Байков, — составляющее одну из важнейших потребностей хозяйства, почти вовсе неизвестно крестьянам»[3].

О плохой постановке ветеринарной и санитарной службы говорит такой разительный пример: на все удельные имения России в 1840 году было только 16 ветеринарных врачей, которые при всем их старании не могли надлежащим образом вести борьбу с эпизоотиями.

В неурожайные 40-е годы XIX века скотоводство в Симбирской губернии развивалось слабо, а в отдельных имениях даже сокращалось.

Помимо падежа скота, крестьян постигали другие стихийные бедствия, приносившие им не только горе, но и разорение. Во что обходились крестьянам стихийные бедствия, можно судить по данным об убытках удельных крестьян всех имений[4] (по отчетам министра двора) только за 7 лет.

Годы	Сгорело домов		Пало скота		Погибло хлеба в тыс. руб.	Всего с др. убытками в тыс. руб.
	к-во	в тыс. рублях	голов	в тыс. рублях		
1833	1691	603,3	3 80	87,7		1370,0
1834	1707	654,9	5087	195,0	293,9	1143.8
1835	1300	721,2	2106	135.8	1051,7	1298,8
1836	2273	1013,2	5833	145,3	837,7	1996,0
1837	1686	937,0	19341	273,9	403,7	1614,0
1839	2733	1275,0	11000	232,0	?	1507,0
Всего	11390	5204,6	46747	1069,7	2587,0	9539,6*

1 Всеподданнейший отчет за 1838 г. стр. 29.

2 Всеподданнейший отчет за 1839 г. стр 22.

3 Байков, цит. произведение, стр. 103.

4 Всеподданнейшие отчеты: за 1833 г стр. 12, за 1834 г. стр. 24, за 1835 г. стр. 17—18, за 1836 г. стр. 14, за 1837 г. стр. 29, за 1839 г. стр. 11, 22.

* Итоги не сходятся потому, что в отчеты, кроме пожаров и падежа скота за отдельные годы, не вошли другие убытки.

Несомненно, что убытков от стихийных бедствий крестьяне несли значительно больше, чем показано в официальных отчетах. Управляющие удельными конторами доносили только о крупных бедствиях и умалчивали о мелочах. В 1839 году только в одной Симбирской губернии сгорело 2733 крестьянских дома, десятки тысяч крестьян удельного ведомства остались без крова и имущества. Только за 7 лет удельные крестьяне понесли убытков свыше 9 млн. рублей (на одну ревизскую душу приходилось до 15 рублей).

Жизнь заставляла крестьян изыскивать средства для того, чтобы поддерживать свое хозяйство и своевременно выполнять повинности в пользу удельного ведомства и казны. Только этим можно объяснить, что многие крестьяне энергично принялись за развитие пчеловодства, садоводства и огородничества, за улучшенные методы земледелия. Многие крестьяне пытались также вырастить сильных и выносливых лошадей, высокопродуктивных коров и тонкорунных овец. Удельное ведомство не могло не видеть, в каком состоянии находилось крестьянское животноводство, и, преследуя свои цели в повышении удельного дохода, стремилось помочь крестьянам в выращивании хороших пород скота. Для этой цели были выделены из «крестьянского капитала» определенные суммы денег для покупки породистого скота.

Уже в 1836 году из удельного земледельческого училища отправили в Симбирскую губернию 49 голов рогатого скота, купленного за границей. Через год в Сенгилеевском уезде создали скотный двор, где содержался дорогостоящий племенной скот штеермаркской, тирольской, английской и холмогорской пород. В 1839 году из этого двора часть скота роздали как в образцовые усадьбы, так и в удельные селения. В это же время для улучшения конского поголовья удельное ведомство стало раздавать крестьянским обществам обвинских жеребцов[1].

В 1843 году управляющий сенгилеевского скотного двора снова роздал несколько быков, «оставшиеся затем в излишке (?-НГ) 20 быков холмогорской и штеермаркской пород проданы разным помещикам»[2].

Результаты «попечительной» деятельности удельного ведомства, по-видимому, были незначительны. К 1843 году у крестьян удельного ведомства Симбирской и Саратовской гу-

---

[1] Всеподданнейшие отчеты: за 1837 г., стр. 25, за 1840 г. стр. 34—35.
[2] Всеподданнейшие отчеты: за 1843 г. стр. 28.

берний было приплода от породистых жеребцов до тысячи голов и от быков почти столько же. В 1847 году во всех удельных имениях насчитывалось только 1800 племенных обвинских лошадей. То же самое можно сказать о племенном рогатом скоте: в 1851 году в Казанском, Симбирском, Сызранском, Алатырском, Саратовском и Архангельском имениях племенного рогатого скота насчитывалось только 1965 голов[1].

Затея Департамента уделов по разведению породистого скота закончилась печально. В 1837 году, как было сказано выше, в Сенгилее был создан скотный двор для племенных животных. Обошелся этот двор в 100 тыс. рублей серебром. В 1859 году весь скот, находившийся в этом дворе, пал от повальной болезни, и двор был ликвидирован[2].

Исполнители воли Департамента уделов, его чиновники на местах халатно относились к своим обязанностям. Удельные чиновники и приказные старшины не только не помогали крестьянам разводить породистых животных, но часто мешали этому. В 1841 году чиновник Департамента уделов во время ревизии Симбирского имения обнаружил много беспорядков и нарушений, в том числе и по части животноводства. Чиновник обнаружил, что в Шемалаковском приказе «из числа двух племенных жеребцов один слишком мал. Подобных жеребцов, и даже лучших, имеют и сами крестьяне». В Паркинском приказе «из числа трех племенных жеребцов, два слишком малорослы». То же самое было отмечено по другим приказам[3]. На покупке так называемых племенных жеребцов наживались удельные чиновники и их помощники — старшины.

Однако при помощи Департамента уделов и помимо воли его, животноводство улучшенных пород начало развиваться в хозяйствах зажиточных крестьян. Не повойники, которыми награждали крестьянок «за сбережение породистых телят», не армяки и шляпы, которыми награждали крестьян «за сбережение рогатого породистого скота», а развивающиеся товарно-денежные отношения способствовали развитию племенного животноводства в хозяйствах крестьян, располагавших достатками[4].

В 1851 году у богатых удельных крестьян Симбирской и Самарской губерний насчитывалось 2747 лошадей обвинской

---

[1] Всеподданнейшие отчеты: за 1847 г стр. 39 — 41, за 1851 г. стр. 21.
[2] Всеподданнейший отчет за 1859 г. стр. 26.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 557, лл. 35—42.
[4] ЦГИАЛ, ф. 515 оп. 12, д. 1255, лл. 5 — 6, 53.

породы[1]. Богатые крестьяне уже не довольствовались разведением племенного скота для себя, но создавали небольшие конные заводы. В Анкудиновском приказе Сызранского имения, — читаем в отчете за 1855 год, — «у многих крестьян есть уже небольшие конские заводы, с которых лошади продаются на Симбирской ярмарке по 80 и даже по 200 рублей»[2].

Таким образом, в развитии животноводства были некоторые сдвиги, но больше всего они были заметны в хозяйствах зажиточных крестьян.

Огородничество. В первой четверти XIX века огородные культуры удовлетворяли элементарные потребности крестьянской семьи, овощи сажали «для домашнего продовольствия». Только в селениях, расположенных около уездных, главным образом губернских городов, огородничество приобрело характер промысла. Во второй четверти XIX века огородничество в некоторых удельных селениях, расположенных недалеко от больших населенных пунктов, стало одним из главных источников существования. Большое значение огородничество приобрело в последнее десятилетие перед реформой.

Примером могут служить селения Козловского приказа Ардатовского уезда. В 1840 году удельные крестьяне этого приказа сажали в своих огородах капусту, свеклу, редьку, огурцы и картофель, — «все эти овощи и употребляются, собственно, для домашнего только продовольствия»[3]. Примечательно, что через каких-нибудь пять—семь лет крестьяне Козловского и Ардатовского приказов начали разводить огородные семена специально для продажи. «Не более как лет 25 тому назад, — писал в 1866 году один из авторов исторического и статистического сборника, — только несколько человек из 2-х деревень упомянутых волостей разводили семена огурцов, свеклы, редьки, моркови, лука и т. п. овощей, сбывая их в весеннее время на ближайших базарах или нося по деревням, огородники постепенно расширяли круг своих действий. К ним, один за другим, приставали соседи их и, таким образом, переходя из одной деревни в другую, эта отрасль промышленности в настоящее время достигла значительных размеров» [4].

---

[1] Всеподданнейший отчет за 1851 г. стр. 21.

[2] Всеподданнейший отчет за 1855 г., стр. 23.

[3] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 46, лл. 1—2.

[4] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Выпуск третий. Симбирск, 1866 г., стр. 105—106.

Мы не знаем, какое количество крестьян Козловского и Ардатовского приказов занималось до реформы разведением огородных семян. Известно, что в 1864 году, через год после реформы, разведением огородных семян в селениях указанных приказов занимались все крестьяне или значительное их большинство. Так, например, в Ардатовском приказе разведением огородных семян занималось сс. Каласево — 162 человека, Лунга — 558, Кочушева — 596, с. Безводное — 321 человек, дл. Канаклейка — 301, Монадыш — 257, Суродеевка — 266 и Турдакова — 196 человек. Всего по Ардатовскому приказу в период проведения реформы огородные семена разводили 2837 чел. В Козловском приказе этим промыслом занимались во многих селениях: только в двух деревнях, Санеевке и Пилясовой, — до 400 человек[1]. Отдельные огороды, засеянные семенами огородных культур, приносили крестьянам до ста и больше рублей серебром в год. Огородные семена крестьяне целыми обозами отправляли в Ростов Ярославский, Хвалынск, Вольск, Самару и другие города. Необходимо отметить взаимосвязь ростовского прославленного огородничества с ардатовским огородничеством. Ростовские огородники считали невыгодным выращивать семена простых огородных культур, так как они занимались разведением высокодоходных душистых трав: тмьяна, мяты, шафрана, мелисса и др.[2]. Поэтому для посева простых огородных культур они покупали ардатовские семена на рынке.

Крестьяне селений Козловского и Ардатовского приказов за проданные семена получали до 30 тыс. рублей серебром, а иногда и больше дохода в год.

О том, как много семян собирали крестьяне указанных приказов, говорят данные за 1864 год[3]:

Морковь красная . . .	— 400 пуд.	по	6 руб.	=	2400 руб
Морковь обыкновенная . .	— 1000	„	„ 1 р 50 к.	=	1500 руб.
Капуста кочанная . . .	— 50	„	„ 40 р.	=	2000 руб.
Огурцы	— 300	„	„ 35 р.	=	10500 руб.
Репа	— 300	„	„ 12 р.	=	3600 руб.
Свекла	— 400	„	„ 8 р.	=	3200 руб.
Лук репчатый	— 80	„	„ 40 р.	=	3200 руб.
Бобы обыкновенные . . .	— 1000	„	„ 2 р. 80 к.	=	2800 руб.
Итого	3530 пуд.		семян на	=	29200 руб.

[1] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Выпуск третий. Симбирск, 1866 г., стр. 105—106.

[2] А. В. Советов. О системах земледелия. Избранные сочинения. Москва. 1950, стр. 331.

[3] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Выпуск третий. Симбирск, 1866, стр. 106—107.

Не только в Присурском крае, но и в других местах удельные крестьяне охотно разводили огородные культуры. Многие крестьяне Ключищенского, Тушинского и Сельдинского приказов Симбирского уезда разводили овощи на своих огородах, и все это «приносит для крестьян существенные выгоды»[1]. Даже в отдаленном Буинском уезде некоторые удельные крестьяне занимались «большею частью огородничеством, уделяя из этого небольшое количество на продажу»[2]. Некоторые крестьяне не только кормились за счет огородов, но и отбывали за их счет повинности. «Только около больших промышленных сел, — писал Липинский, — как-то: Промзино, Усть-Урени, Порецкого, Березняков, Новодевичьего, Тагая, Костычей и других, особенно в Сызранском и Симбирском уездах, по Волге, разводят овощи с единственной целью продажи, частью с отправкой в города. В городах же и пригородных селах Симбирска, Сызрани и Ардатова огородничество принимает такие размеры, что составляет уже отрасль торговли и для многих исключительный предмет занятий. Из крестьянских огородов более разнообразны по овощам огороды в имениях удельных»[3].

Другие современники подтверждают сказанное Липинским. Удельные селения вблизи Симбирска расширяли площади огородных культур с одной целью — продажи на рынок. Овощами славилось подгороднее село Мостовое, жившее за счет огородничества и садоводства[4].

Расширению ассортимента огородных культур в некоторой степени способствовал Департамент уделов, рассылавший семена удельным крестьянам и выдававший поощрительные премии (армяки) «за наилучшую обработку полей и огородов»[5].

Садоводство. В начале XIX века садоводство удовлетворяло лишь несложные потребности крестьянской семьи. Более быстрыми темпами развивалось садоводство в 30-е годы, и особенно в 40—50 годы XIX века. Быстрое развитие садоводства происходило там, где были реки (Сура, Волга), или в селениях, расположенных вблизи городов.

В Засурье, главным образом в Алатырском удельном

---

1 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1151, л. 9.

2 ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 297, лл. 265—266.

3 Липинский, часть 1, стр. 423.

4 Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Выпуск III. Симбирск, 1866, стр. 85 — 88.

5 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 12, д. 1255, лл. 3—4.

имении, крестьяне с успехом разводили плодовые сады. Своими замечательными садами славились села Ратово и Алгаши[1].

Садоводство приобретало значение в крестьянской экономике Сызранского и Сенгилеевского приказов, оно распространялось в Потьминский, Борлинский и Анкудиновский приказы. В 1854 году удельные крестьяне указанных приказов имели 770 плодовых садов, занимавших площадь в 430 десятин земли и приносивших дохода до 15 тыс. рублей серебром в год. Через год площадь под садами увеличилась до 450 десятин, а самих садов насчитывалось уже 800. Накануне реформы площадь крестьянских садов Сызранского имения составляла 500 десятин[2].

В Симбирском удельном имении садоводство было развито в Ключищенском, Тушнинском и Сельдинском приказах, селения которых были расположены вблизи Волги и Симбирска. В начале 50-х годов XIX века фруктовые сады указанных приказов с 70189 фруктовыми деревьями были расположены на площади 270 десятин. Крестьяне, занимавшиеся садоводством, из года в год расширяли фруктовые сады. Только за один 1858 год в указанных приказах было посажено 8536 плодовых деревьев.

В некоторых приказах настолько увлеклись садоводством, что стали разводить фруктовые сады вокруг хлебных магазинов, школьных зданий и служебных помещений. В урожайные годы отдельные сады давали до 250 руб. серебром дохода в год.

В десяти удельных приказах, расположенных далеко от Волги, садоводство развивалось очень слабо и на многие крестьянские селения насчитывалось только до 5760 фруктовых деревьев. В шести лашманских приказах садов почти не было.

Одновременно с развитием фруктовых садов, крестьяне разводили ягодные растения — малину, смородину, крыжовник. В 1857 году в приказах Симбирского имения насчитывалось более 47 тыс. ягодных кустов[3].

В 1859 году в Сызранском и Симбирском удельных имениях крестьянские сады занимали площадь до 855 десятин[4]. Сады симбирских и сызранских удельных крестьян давали

---

1 Всеподданнейший отчет за 1854 г. стр. 22.

2 ГАУО, ф. 318, оп. 2 д. 297, л. 263; Всеподданнейшие отчеты: за 1854 г., стр. 22, за 1855 г., стр. 21, за 1859 г. стр. 31.

3 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1151, л. 9; Всеподдан. отчет за 1854 г. стр. 23.

4 Всеподданнейший отчет за 1859 г., стр. 31.

хорошие урожаи. Яблоки, груши и вишни имели большой спрос и на месте, и за пределами губернии. Только с одной Симбирской пристани ежегодно отправляли вверх по Волге до 5 тыс. пудов яблок. «Причем есть селения, — писал Липинский, — даже в западной части губернии, где яблоки составляют предмет сельской торговой промышленности»[1].

Однако садоводством занимались немногие и лишь зажиточные крестьяне. На 60 тыс. удельных крестьян Симбирского имения крестьян-садоводов было несколько сот человек, т. е. ничтожное меньшинство.

Пчеловодство. Еще в начале XIX века Департамент уделов стремился создать удельные пасеки, а пчеловодство превратить в одну из статей своего дохода. В 1801 году с этой целью удельное ведомство запросило мнение Казанской экспедиции о заведении удельных пасек. Казанская экспедиция, выполняя требование удельного ведомства, собрала достаточно полные сведения о пчеловодстве удельных крестьян Среднего Поволжья. Выяснилось, что пчеловодство в Среднем Поволжье было развито слабо. В Казанской губернии пчеловодством занимались больше всего в Анатышском приказе, где крестьян-пчеловодов насчитывалось 513, да в Воскресенском приказе, где пчеловодов было 26. В Сухорецком и Вараксинском приказах их было еще меньше. По всей Симбирской губернии насчитывалось более 1000 ульев. В Нижегородской губернии пчеловодство, как оказалось, было поставлено лучше, нежели в Симбирской и Казанской губерниях. Только в Семеновском приказе Нижегородской губернии у крестьян имелось 1160 ульев пчел, в Ревизенском приказе 960 ульев пчел. Всего удельные крестьяне Нижегородской губернии имели свыше 3-х тыс. ульев. Столько же или немногим меньше ульев было у крестьян Пензенской губернии.

По неполным данным, удельные крестьяне Симбирской, Казанской, Пензенской и Нижегородской губерний в начале XIX века имели до 8—10 тыс. ульев пчел[2].

Через 30—40 лет в Среднем Поволжье можно было наблюдать более отрадную картину. В отчетах управляющих контор говорилось о повсеместном распространении пчеловодства на указанной территории. Теперь крестьяне держали пасеки не только для личных нужд, но и с целью продажи воска и меда.

---

1 Липинский, я. 1, стр. 430.
2 ГАУО, ф. 534, оп. 1, д. 137 лл. 61—82.

В первой половине XIX века русский воск имел большой спрос за границей. Особенно интенсивно вывозился воск в 20-е — 30-е годы[1]. Средний вывоз воска в пудах из России составлял:

1800 — 1813 г. — 21753
1814 — 1823 г. — 37348
1824 — 1833 г. — 56388
1834 — 1843 г. — 18562
1844 — 1853 г. — 14767

Нам неизвестно, сколько воска и меда продавали удельные крестьяне Среднего Поволжья на внутреннем и внешнем рынке. На основании некоторых приведенных здесь данных, можно смело утверждать, что мед и воск удельных крестьян изучаемого района занимали видное место на внутреннем рынке страны.

Из всех удельных имений Среднего Поволжья пчеловодство наиболее было развито у крестьян Сызранского имения. «где им занимаются почти во всех селениях». В 1854 году там насчитывалось до 8,5 тыс. ульев пчел и, несмотря на плохое лето, было получено 4500 пуд. меда и 650 пуд. воску на общую сумму до 22 тыс. руб. серебром[2].

Через 6 лет, в 1860 году, в Сызранском имении уже насчитывалось 1473 удельных крестьянина-пчеловода и до 40 тыс. ульев пчел. Таким образом, с 1854 по 1860 год пчеловодство у Сызранских крестьян увеличилось почти в 5 раз[3].

Удельные крестьяне Симбирского имения занимались пчеловодством, главным образом, в лесной местности. В 1854 году там уже насчитывалось до 15 тыс. ульев пчел. Среди удельных крестьян Симбирской губернии появились опытные пчеловоды, окончившие известную в то время школу пчеловодства П. И. Прокоповича[4]. Перед реформой почти не было такого приказа, где крестьяне не занимались бы пчеловодством. В отчете Симбирской конторы за 1857 год сказано: «В Муратовском приказе крестьяне занимаются пчеловодством, каковая отрасль идет с успехом. Мед продают, и через то

[1] Обзор действий Департамента сельского хозяйства в очерках состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет (с 1844 по 1854 г.) СПБ, 1855, стр. 229.

[2] ГАУО, ф, 332, оп. 1, д. 575 лл. 225—226; Всеподданнейший отчет за 1854 г. стр. 27.

[3] Всеподданнейший отчет за 1860 г., стр. 35.

[4] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 951, лл. 12—13, Всеподданнейший отчет за 1854 г., стр. 27.

крестьяне получают хорошие средства к поддержанию дома, хозяйства». В Шаймурзинском приказе: «Многие занимаются пчеловодством, имеют довольно много пчел. Эта отрасль хозяйства развивается с успехом, мед продают на рынках, иногда очень ценно». По Шигалинскому приказу крестьяне «водят пчел и мед продают за выгодную цену». По Бездненскому, лашманскому приказу крестьяне «преимущественно занимаются пчеловодством и продажею меда и воска». То же самое сказано о крестьянах Ключенского удельного приказа, Старостуденецкого, Сугутского лашманских приказов. В однодворческих селениях пчеловодство было развито только в Уржумском приказе[1].

В 1860 году в Симбирском имении пчеловодством занималось 975 крестьян, в собственности которых находилось до 16 тыс. ульев пчел.[2]. Удельные крестьяне Симбирской губернии получали от пчеловодства до 60 тыс. руб. серебром в год[3].

В меньшей степени пчеловодством занимались в селениях Алатырского имения. Только в конце 50-х годов XIX века пчеловодство принимает торговый характер в селениях Кержеманы, Горках, Андреевке и других Курмышского приказа[4]

Таким образом, в начале XIX века пчеловодство являлось лишь дополнением к продуктам крестьянского хозяйства, оно удовлетворяло потребности крестьянской семьи. В редких случаях крестьяне, имевшие 10 — 15 ульев, продавали мед на рынке. В 40—50-х годах XIX века пчеловодство превратилось в товарное, продукцию которого (воск и мед) крестьяне продавали на рынке. При этом необходимо учесть, что заниматься пчеловодством могли не все крестьяне, а лишь зажиточные. Для того, чтобы иметь пасеку, нужны были не только деньги на приобретение ульев, на строительство омшанников и покупку инвентаря, но и участок для пасеки и свободные руки для ухода за пчелами. Средний, и особенно бедный крестьянин, не мог иметь пасеки.

Самарская губерния

Самарская губерния отличалась прекрасными почвами и обилием земель.

До 1835 года в Самарском и Ставропольском уездах удельных крестьян насчитывалось около 3,5 тыс. ревизских

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 287; лл. 259—287.

[2] Всеподданнейший отчет за 1860 г. стр. 35.

[3] Липинский, часть 1, стр. 491.

[4] Всеподданнейшие отчеты за 1854 г. стр. 27, за 1860 г., стр. 35.

душ. В результате обмена государственных крестьян на удельных в 1835 году, в этих уездах число удельных крестьян значительно возросло: в Ставропольском уезде их стало 32532, а в Самарском — 26067 ревизских душ. Удельные крестьяне Самарского имения, по данным 50-х годов XIX в., жили, главным образом, в Самарском (около 40 тыс. ревизских душ) и в Ставропольском (более 45 тыс. ревизских душ) уездах. В Бугурусланском, Николаевском и Бузулукском уездах удельных крестьян насчитывалось от 2 до 8 тыс. ревизских душ в каждом.

В почвенном отношении Самарский край относился к черноземной полосе. В северной части господствующей почвой являлся суглинистый чернозем, преобладавший в Ставропольском и Самарском уездах[1]. Суглинистый и супесчаный чернозем в южных уездах постепенно переходил из черного в бурый и серый. На прибрежной полосе Волги преобладал песок или суглинок. Однако «песчаные земли бедного малочерноземного свойства в Самарской губернии, — отмечали чиновники министерства государственных имуществ, — занимают весьма небольшое пространство»[2]. В южной части губернии почвы представляли собой степной суглинок, а солонцы, кроме севера Бугульминского уезда, представляли собой повсеместное явление. Благодаря плодородию почв и обилию земель, самарским крестьянам всех разрядов не приходилось заботиться об удобрении своих наделов. «В уездах Самарском, Ставропольском, Николаевском и Новоузенском, — читаем в отчете Самарского губернатора за 1853 год, — есть много незаселенных земель, принадлежащих разным ведомствам». Чиновники министерства государственных имуществ в 50-х годах XIX века заметили, что земли губернии «повсеместно обрабатываются без удобрения. Урожайность находится в прямом отношении к естественному плодородию почвы и климатическим условиям»[3].

В 40-х годах Департамент уделов требовал от Самарской конторы, чтобы она заставила крестьян удобрять навозом как свои поля, так и поля общественной запашки. Удельное ве-

---

[1] Материалы для оценки земель Самарской губернии. Естественно-историческая часть. т. У. Самарский уезд. Почвенно-географический очерк. Самара, 1911, стр. 123.

[2] Материалы для статистики России, собираемые по ведомству министерства гос. имуществ. Выпуск III, СПБ, 1861 г. стр. 5.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 43, лл. 11—12; Материалы для статистики России..., вып. III, СПБ, 1861, стр. 5.

домство рекомендовало собирать навоз на дорогах, улицах селений и вывозить его на поля под особые навесы. На требование и советы удельного ведомства Самарская контора ответила, что собирание навоза для полей общественной запашки «излишне». Крестьяне «не унаваживают своих полей, а навоз сваливают в овраги или другие неудобные места позади селений. По свойству здешнего грунта земли — не требуется много навоза».[1]. Однако на полях самарских крестьян встречалось много сорняков, а орудия труда были в такой степени несовершенны, что единственным способом борьбы с ними считался огонь. Обычно после уборки хлебов поля выжигались. От этого чернозем портился, а урожаи понижались. «Если продолжатся одно столетие пожоги, — писал современник 30-х годов XIX века о землях Оренбургской, Самарской и Саратовской губерний, — с целью истребления сорных трав на полях и жнива на пашнях, то можно надеяться, что степи, дающие ныне хотя и грубый корм, могут обратиться в степи, подобные Сахаре и Гоби, а ничем неудобряемые пашни сделаются совершенно бесплодными»[2]. Этот варварский метод борьбы с сорняками применялся почти повсюду. В северной части губернии наиболее распространенной была обычная трехпольная паровая система, в южной—перелог. О вреде перелога для земледелия немало писали ученые. Так, академик Вильямс о Самарском перелоге XIX века писал: «первым хлебом при переложной системе земледелия была твердая пшеница», дававшая до 400 пудов с десятины. На второй год урожай пшеницы оставался по-прежнему высоким. После второй обработки перелога, носившей название «оборота», вся масса почвы плотно прилегала к подпахотному горизонту. Устанавливалось сплошное волостное сообщение подпахотного горизонта с верхними слоями почвы. Понятно, что весь запас воды в почве ставился в полную зависимость от частоты выпадающих дождей. После третьей обработки поля, твердая пшеница заменялась мягкой, «урожай которой сразу принимал стихийный характер». Бессистемная обработка земли приводила к засоренности полей. «Возрастающая засоренность посевов, — продолжал академик Вильямс, — принуждала бросить поле пшеницы и перейти на культуру серых хле-

---

[1] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 11, д. д, 156, лл, 65—66,

[2] Земледельческая газета, 1840, № 19. Цитирую по А. В. Советову, Избранные сочинения. Москва, 1950, стр. 260.

бов». Через два года поле снова забрасывалось на продолжительное время.

«Таким образом, — писал академик Вильямс, — культура велась 5—7 лет, после чего почва признавалась **выпаханной,** и она забрасывалась в перелог»[1].

При земледельческой системе перелога почва превращалась в бесструктурную массу, что приводило к утрате плодородия.

Переложная система практиковалась там, где земли было в изобилии. Однако со временем сроки перелога сокращались, а качество почвы не восстанавливалось. «Утрата условий плодородия почвы выражалась прежде всего в том, — писал академик Вильямс, — что **урожаи культурных растений прогрессивно падали.** Вместе с тем **ухудшалось качество зерна и увеличивалась засоренность урожая.** Зерно, во-первых, становилось мельче, и содержание азота, а следовательно и белков в нем, падало, и, во-вторых, в общей массе **увеличивалось содержание как щуплых, морщенных, недоразвивавшихся зерен, так и семян сорняков»**[2].

В конце XVIII в. крестьяне всех разрядов Самарского уезда сеяли те же сельскохозяйственные культуры, что и в соседних северо-западных уездах Симбирской губернии. Об этом говорят данные за 1799 год[3].

Сельскохоз. культуры	Засев. десятин	Посев (четр.)	Урожай (четр.)	Сам
Ржи	46268	69402	421472	3,5
Пшеницы	29744	44616	138215	3, 5
Полбы	2852	4803	170084	3,5
Гречи	1500	750	2375	3,2
Ячменю	503	904	3061	3,4
Овса	13465	33662	95068	2,8
Проса	2484	340	9357	27 5
Гороха	864	919	3872	4,2
Конопли	948	1422	4555	3,2
Льна	451	902	1889	2,1
Всего	99079	157720	852948	3,4

[1] Академик Вильямс В. Р. Почвоведение. Земледелие с основами почвоведения. Москва, 1940, стр. 353 — 354.

[2] Там же, стр. 294 (подчеркнуто ак. Вильямсом).

[3] ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. 2, д. 1770; лл, 268, 275.

Таким образом, на рубеже XIX века посевы ржи в Самарском уезде занимали первое место, на втором месте была пшеница и на третьем — овес. В Ставропольском уезде в это же время сеяли[1].

Сельскохоз. культуры	Засев десятин	Посев (четр.)	Урожай (четр.)	Сам
Ржи	33962	50942	146896	2,8
Пшеницы	5978	11956	20313	1,6
Ячменю	118	236	327	1,7
Овса	8503	25510	42337	1,6
Проса	4084	1021	3759	3,6
Гречи	1715	1715	2681	1,5
Полбы	2246	4492	5378	1,2
Гороху	4163	4163	260	0
Конопли	872	2616	3712	1,4
Льна	507	1014	1312	1,3
	62148	103665	226975	2,2

За неимением других сведений о посевах и урожаях в начале XIX века мы взяли неурожайный 1799 год. Из данных этого года видно, что в Ставропольском уезде посевы ржи занимали 54,6 проц., посевы овса 12 проц. и посевы пшеницы только 9,6 проц. всех пахотных земель уезда.

В 50-х годах XIX века в южных уездах, Новоузенском и Николаевском, разводили преимущественно пшеницу различных сортов, «прочие хлеба только в количестве местного потребления». В Бугульминском, Бугурусланском, Ставропольском и отчасти Самарском уездах сеяли, главным образом, рожь, а из яровых разводили овес, гречу, просо, полбу. В Бузулукском и в южной части Самарского уезда сеяли пшеницу, в Ставропольском и Самарском уездах[2] — немного льняного семени.

Чтобы дать представление о том, какие культуры сеяли удельные крестьяне, следует привести высказывание современ-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. 2, д. 1770, лл. 268, 275,

[2] Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. Вып. III, СПБ, 1861: стр. 61—62; ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 43 (отчет самарского губернатора за 1853 год), лист 12.

ника о селе Дубовый Умет: «Главная деятельность крестьян, в больших размерах, сосредоточивается в хлебопашестве. Когда земли были новы, сеялись только яровые хлеба: пшеница, овес, ячмень, горох, просо; ныне стали сеять и рожь. Коноплю и лен сеют только для домашнего обихода»[1].

В некоторых удельных приказах Самарского имения озимые поля, главным образом рожь, сокращались за счет других зерновых культур. Так, в Калмаюрском приказе, в северной части Самарской губернии, на протяжении десяти лет, с 1840 по 1851 год посевы ржи все время сокращались. Подтверждением этому являются данные таблицы[2].

Название селений	В десятинах					
	1840	1842	1844	1846	1848	1850
с. Старая Кармала	300	209	340	315	110	98
д. Новая Кармала	301	290	450	350	125	110
д. Грачевка	191	301	289	265	100	90
д. Старая Юрьевка	310	301	350	270	153	120
д. Фейзуллова	85	65	70	55	38	27
д. Степная Шантала	400	429	729	450	215	210
д. Старая Тюгальбуга	300	330	455	395	320	210
д. Новая Тюгальбуга	301	490	465	322	255	165
д. Новый Салаван	79	110	145	88	68	35
д. Новый Калмаюр	200	210	376	222	170	144
д. Вороний Куст	200	180	210	162	170	144
д. Старый Салаван	110	120	160	95	125	55
Итого по приказу:	2777	3035	4039	2989	1949	1408

Таким образом, если принять посевы ржи по Калмаюрскому приказу в 1840 году за 100 процентов, то за 4 года посевы этой культуры расширились на 44 проц. С 1845 года посевы ржи ежегодно и стремительно уменьшались, и в 1850 году сократились против 1840 года на 50 проц. Подобное происходило и в соседних с Калмаюрским приказах.

Сокращение посевных площадей ржи в 40-х, и особенно в 50-х годах XIX века, проходило за счет расширения посевов высокопродуктивных или доходных зерновых культур, вроде

---

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР т. III, ч. 1, Саранск, 1939, стр. 256

[2] ГАУО, ф. 323, оп. 4, д. 4, лист 75.

пшеницы «белотурки», на которую был большой спрос на рынке. «Развитие капитализма в земледелии, — пишет Е. С. Карнаухова, — привело к росту сборов зерновых культур, имеющих большой спрос на внутреннем и внешнем рынках (пшеницы и ячменя), и снижению удельного веса потребительских культур (полбы, гречихи, ржи, овса)»[1]. Эти выводы Е.С. Карнауховой вполне применимы к Самарской губернии в последнее десятилетие перед реформой.

Система обработки крестьянских полей в северной и северо-восточной полосе губернии была почти такая же, как и в Симбирской и Казанской губерниях. В этом районе применялась обыкновенная русская соха, в отдельных местах с небольшими изменениями. При обработке земли употреблялся тяжелый плуг сабан с упряжкой в несколько пар лошадей или волов. Однако крестьяне больше всего пользовались косулей, которая в употреблении была значительно легче сабана.

В Николаевском и Новоузенском уездах в 50-х годах XIX века конный плуг постепенно вытесняет примитивные орудия, «соха почти совершенно исчезает из употребления»[2].

Удельные крестьяне Самарского имения, располагавшие достатками, имели больше усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин, чем крестьяне в северо-западных районах Симбирской губернии.

Самарский чернозем в благоприятные годы давал высокие урожаи. Средний из высоких урожаев на крестьянских полях доходил до сам-11,4, средний урожай по всем зерновым культурам равнялся сам-6,8. Но были годы, когда урожай ржи равнялся сам-2,8, сам-2, а иногда и того меньше. Средние урожаи на общественной запашке Самарского имения в благоприятные годы равнялись: озими сам-8,5, яровое сам-4,75. На полях удельных крестьян урожаи в хорошие годы достигали: озимь—сам-5, яровое—сам-4[3].

Представление об урожаях на полях помещичьих, государственных и удельных крестьян дают официальные отчеты Самарского губернатора. В таблице приведены урожаи по губернии в самах[4].

---

[1] Е. С. Карнаухова. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860 — 1914 гг.) М., 1951, стр. 81.

[2] Материалы для статистики России, собираемые подведомству министерства гос. имуществ. Выпуск III. СБП, 1861 г. стр: 103—104:

[3] Куйбышевский областной архив, ф. 43, д. 52, л. 168.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 43, лист 97 (отчет за 1853 год); оп. 5, д 73, лист 125 (отчет за 1856 год); оп. 6 д. 43, л. 190 (отчет за 1860 г.).

Разряды крестьян	1853			1856			1860		
	ози-мые	яро-вые	карт.	ози-мые	яро-вые	карт.	ози-мые	яро-вые	карт.
Помещичьи	3,5	5	10,25	5,25	4	4	3	1,75	4
Государственные	3	3	7,5	3,3	3	4,25	3,75	2,25	1,5
Удельные	5,5	4,25	3,25	5,75	3	1,5	6	4,5	2,25

Таблица показывает, что урожаи на полях удельных крестьян, за исключением картофеля, были выше урожаев помещичьих и государственных крестьян. «Между крестьян в порядке хозяйства, — читаем в отчете Самарского губернатора за 1851 г., — есть резкое различие: быт удельного крестьянина гораздо лучше быта других; причиною этого — строгость надзора властей, ими заведывающих, привычка к давно заведенному и постоянно поддерживаемому порядку, изобилие жизненных средств и возможность пользоваться всякого рода промыслами»[1].

Самарский губернатор не сказал о главных причинах, которые способствовали повышению урожаев на полях удельных крестьян: сравнительно хорошие земли в Самарском и Ставропольском уездах, относительная свобода хозяйственной инициативы удельных крестьян и выгодный сбыт хлеба на волжских пристанях. При этом необходимо заметить, что удельные чиновники, в целях повышения поземельного сбора, иногда показывали завышенные урожаи. Составители статистических сведений по Самарскому имению в 1851 году признали, что при определении степени урожая по некоторым селениям сообщались урожаи общественной запашки. Оценивая земельные угодья деревень Ботьмы и Ерзовки Ставропольского уезда, удельные чиновники показали урожай ржи сам-5,5. В действительности такого урожая при дд. Ботьмы и Ерзовки даже на общественной запашке в 40-х годах XIX века никогда не было. Только в 1842 году урожай на общественном поле приблизился к сам-5,5. В последующие годы с одной десятины земли собирали — в 1843, 1844 и в 1847 гг. от 37 до 40 четвериков, три раза—в 1846, 1849 и 1850 году—от 20 до 22 четвериков и в остальные три года —в 1845, 1848 и 1851 году — от 5 до 10 четвериков, или сам-2,75, а на крестьян-

1 ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 40 (отчет за 1851 г.) л. 54.

ских полях средний урожай в той же сложности составлял сам-2,5[1].

О степени урожаев на полях удельных крестьян Самарского имения можно судить по Крестово-Воздвиженскому и Верхне-Мелекесскому приказам Ставропольского уезда — району, где сосредоточено большинство удельных крестьян[2].

Годы	По Верхне-Мелекесс. приказу			По Крестово-Воздвиж. прик.		
	посеяно в четв.	собрано в четв.	сам	посеяно в четв.	собрано в четв.	сам
1841	3252	10107	3	?	?	?
1842	6479	38877	6	3331	14855	4,4
1843	4815	15145	3	3331	15858	4,7
1844	4815	21075	4,5	2730	11115	4
1845	4815	24075	5	8311	25080	3
1846	4815	16852	3,3	8311	29085	3,5
1847	4840	16941	3,5	7150	27962	3,9
1848	4862	504	0	6281	8180	1,3
1849	3627	2129	0	6232	15679	2,5
1850	?	?	?	8498	33992	4
За 9 лет	42640	145705	3,1	54175	1818[illegible]6	3,4

Проанализируем таблицу. Если отбросить 1848 и 1849 неурожайные годы, то средний урожай на полях удельных крестьян повысится до сам-4,3 по Верхне-Мелекесскому приказу и до сам-3,8 по Крестово-Воздвиженскому приказу. В то же время мы не располагаем точными данными о посевной площади крестьян указанных приказов. Судя по посевам в зерне, посевные площади за указанные 9 лет значительно расширились: по Верхне-Мелекесскому приказу — на 11 проц., а по Крестово-Воздвиженскому приказу — в два раза. Правда, такие данные условны, хотя и дают некоторое представление о расширении земледельческого производства, но не вскрывают истинного положения вещей. Из 9 лет два года были неурожайными. В эти два года крестьяне не собрали даже посеянного зерна. И если у крестьян не было хлебных излишков за прошлые годы (а у большинства таких излишков и вообще хлебных запасов не было), то крестьяне были обречены на голод. Два неурожайных года уничтожали труды всех предшест-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. IР, д. 4309, л. 103.

[2] ГАУО, ф. 323, оп. 4, д. 1, лл. 33—36, ЦГИАЛ, оп. 10, д. 4133, л: 28.

вующих 5—7 лет: крестьяне продавали свой скот на уплату податей и оброков, на покупку недостающего хлеба. Больше того, в последующий, неурожайный год, крестьяне, за неимением зерна, полностью не засевали своих полей, в результате чего подрывалась крестьянская экономика.

В Самарской губернии, как и во всем Среднем Поволжье часто бывали неурожаи. Причин неурожаев в XIX веке было много. Одной из них являлась засуха, с которой не вели никакой борьбы. Крупнейший ученый агроном П. А. Костычев при обсуждении вопроса о мерах борьбы с засухой заявил: «Если взять Самарскую губернию и посмотреть, как там ведется хозяйство, то приходится только удивляться тому, что там неурожаи не случаются чаще. Все хозяйство ведется там на риск до такой степени, что достаточно сколько-нибудь неблагоприятной весны, чтобы получился полный неурожай»[1].

Слова, сказанные П. А. Костычевым, относятся к концу XIX века, когда русская передовая сельскохозяйственная наука сделала много открытий. Для первой половины XIX века, при господстве феодально-крепостнического строя, положение в сельском хозяйстве было исключительно тяжелым. В отчетах и официальных сообщениях за первую половину XIX века о Самарской губернии, там часто упоминаются неурожайные годы. Так, в 1839 году на территории губернии был плохой урожай, в 1846 году урожай был посредственный. В 1848 — 1849 годах недород был настолько сильным, что крестьяне в отдельных уездах не собрали даже посеянного зерна. В 1851 году в Самарской губернии, наряду с другими удельными имениями, осенние всходы хлебов были плохие. Плохие всходы озимых повторились и в 1857 году[2].

Только непостоянными урожаями можно объяснить положение, при котором масса удельных крестьян все время арендовала казенные или удельные земли. Правда, аренда носила двоякий характер. В одном случае она способствовала обогащению, наживе, — как это было в меньшей мере. В другом же, как это было для большинства крестьян, аренда являлась жизненной необходимостью, способом исправно платить подати и оброки. Называлась она в народе «голодной» арендой.

Крестьяне арендовали землю обычно целыми селениями.

---

[1] И. и Л. Крупенниковы. Павел Андреевич Костычев. Москва. 1955, стр. 336.

[2] Всеподданнейшие отчеты за указанные годы.

В статистических примечаниях по Нижне-Санчелеевскому приказу Ставропольского уезда за 1851 год сказано: «Крестьяне описываемого приказа — вообще хлебопашцы; производят посевы хлеба как на тягловых и запасных землях, оплачиваемых поземельным сбором, так и на оброчных казенных и удельных землях, лежащих здесь и в смежном Новоеремкинском приказе, в весьма значительном количестве. По сведениям конторы в настоящее время состоит у крестьян Нижне-Санчелеевского приказа в содержании по контрактам с уделом 10 участков мерою в 9141 десятин»[1]. Удельные крестьяне д. Березовки Ново-Малыклинского приказа арендовали в это же время более 2-х тыс. десятин земли. В отдельных приказах крестьяне арендовали десятки тысяч десятин земли[2].

О голодной аренде удельных крестьян говорят многие факты. Так, в 40-х годах XIX века крестьяне села Новой Майны Верхнемелекесского приказа арендовали землю на самых тяжелых условиях — из-полу. Владелец предоставлял крестьянам землю и семена, а урожай, за возвращением семян, делился поровну между «содержателем и нанимателем; первому вместо платы за землю, а второму в вознаграждение за обработку оной и уборку хлеба»[3].

Самарские крестьяне всех разрядов главное внимание уделяли земледелию. «Применяясь к характеру почвы, — говорится в отчете самарского губернатора, — житель ищет почти в одной земле своих наличных доходов, старается как можно больше сеять хлеба и торопится продать его»[4]. В Самарской губернии ремесла и промыслы были менее развиты, чем в других губерниях. Самарские крестьяне почти не знали отходничества. Даже садоводство и огородничество в крестьянском хозяйстве играло самую незначительную роль. «Огородничество, — читаем в отчете самарского губернатора за 1856 год, — находится в здешнем крае на низкой ступени развития, и не только в лучших сортах овощей встречается большой недостаток, но даже — капуста, необходимый продукт в хозяйстве, привозится из Симбирской и Казанской губерний»[5]. Поэтому в неурожай-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 1, д. 4309, л. 149.

[2] ЦГИАЛ ф. 515, оп. 10, д. 4310 лл. 53—54, л. 413.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4309, л. 304 — 305.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5 д. 40 (отчет Самарского губернатора за 1851 г.), л. 45.

[5] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 73, лист 105 (отчет самарского губернатора за 1856 год).

ные годы самарские крестьяне терпели страшное бедствие. Они разорялись не только в дореформенное, но и в пореформенное время. Всем известны неурожаи 1873, 1891 и других годов.

Через десять лет после реформы управляющий Самарской удельной конторой, в 1873 году, доносил в Департамент уделов о том, что Самарскую губернию постиг страшный голод, «вследствие нескольких сряду неурожаев». Комиссия, возглавляемая управляющим конторой и изучавшая причины голода, установила, что при имеющихся достаточных посевах крестьянам не оставалось времени «заняться каким-либо посторонним промыслом; сравнительная с другими местностями обширность собственных его посевов поглощала все это время... Каких-либо фабрик и заводов в губернии почти не было, — нет их и теперь; отправляться во внутренние губернии за зимними заработками при отдаленности здешнего края от промышленных путей сообщений — было слишком далеко и потому невыгодно. Таким образом, в том строе жизни здешнего крестьянина, как он сложился по изложенным историческим и экономическим причинам, не было того элемента, который в других местах дает поддержку населению при неурожаях»[1].

Земледелие, как мы уже говорили, было тесно связано с животноводством. В Самарской губернии животноводство, за исключением овцеводства, почти ничем не отличалось от соседних северо-западных губерний.

О состоянии животноводства в Самарской губернии в 50-х годах XIX в. говорят отчеты губернатора[2].

Годы	Лошадей	Рогатого скота	Овец		Свиней	Коз
			простых	тонкор.		
1851	619708	624166	1462094	85367	193213	42516
1852	590458	595241	1426846	86624	190929	35866
1853	664787	500952	1365337	99926	203305	29487
1854	727616	555457	1571593	95366	204147	53227
1855	759890	576211	1592055	98595	213476	58981
1856	706574	437943	1675880	112011	158627	34550
1857	844252	476900	1124529	129223	252189	46590
1858	743607	411752	1419372	123423	179924	41994
1859	694092	381445	1518411	125373	240117	39060

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37, д. 117, лл. 1—2, 16—17.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1281, отчеты самарского губернатора за указанные годы.

Животноводство являлось своеобразным барометром состояния земледелия. Так, в 1851 году в Самарской губернии был неурожай хлеба; в результате, в 1852 году количество лошадей сократилось на 29250 голов, рогатого скота — на 28925 и овец на 35 тыс. голов. О причинах сокращения скота в 1859 году самарский губернатор писал: «уменьшение количества рогатого скота и лошадей следует приписать, с одной стороны, падежам, с другой, недостатку кормов, а также неимению излишнего хлеба для продажи на уплату податей; вследствие чего многие недостаточные крестьяне были вынуждены прибегнуть к крайнему средству — продаже домашнего скота»[1].

О состоянии животноводства в Самарском удельном имении говорят данные за 50-е годы XIX века[2].

Количество скота, голов	Годы		
	1853	1858	1859
Лошадей	89190	107108	88108
Рогатого скота	64523	66822	63822
Овец	237437	273437	257173
Всего	391150	447367	409103

Таким образом, за 5 лет (с 1853 по 1858 гг.) количество скота у крестьян Самарского имения увеличилось больше, чем на 55 тыс. голов, а в один 1859 год оно сократилось на 38 тыс. голов, причем это сокращение падает на лошадей (19 тыс. голов) и на рогатый скот (3 тыс. голов). Таким образом, шестилетние труды крестьян пропали даром. В 1859 году управляющий Самарской конторой писал в Департамент уделов: «Развитие домашнего скота, находящегося в тесном отношении с успехами земледелия, также пострадало от неблагоприятных климатических условий минувшего лета»[3].

Кроме неурожаев, на численность скота влияли эпизоотии. Чума и сибирская язва были главным бичом животноводства. Никаких предохранительных мер борьбы с массовыми заболеваниями скота не принималось. Только в 80-х годах XIX века во Франции Пастером, а в России Костычевым и Л. С. Ценков-

[1] ЦГИАЛ, ф. 1281 оп. 6, д. 44, л. 13 (отчет самарского губернатора за 1859 год).

[2] Куйбышевский обл. архив,. ф. 43, оп. 1, д. 62, л. 17; ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1182, лл. 118 — 128.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1182, л. 124.

ским были созданы специальные вакцины для предохранения домашних животных от сибирской язвы.

Породы скота в Самарской губернии были обыкновенные, простые. Один из современников 50-х годов XIX века писал о животноводстве удельного села Дубовый Умет Самарского уезда: «Порода лошадей обыкновенная; рогатый скот вообще мелкий, выродившийся малороссийский; овца русская, немного помесь с черкасской. Свиней почти не водят. Птицы домашней: гусей, уток—немного, кур, индеек—достаточно»[1].

Количество голов скота в хозяйствах удельных крестьян было самым разнообразным. В Самарском имении в этом отношении очень резко выделялись беднейшие слои крестьянства, составлявшие большинство населения, и зажиточная верхушка, составлявшая меньшинство населения.

Так, 99 крестьян Татарского Калмаюра владело 300 голов крупного рогатого и до 1400 мелкого скота[2]. В деревне Березовке Новомалыклинского приказа некоторые из удельных крестьян содержали в своем хозяйстве до 20 лошадей, до 15 голов рогатого скота и до 40 овец[3]. Зажиточные крестьяне наряду с простым держали племенной скот.

Выгодной отраслью животноводства для крестьян Самарской губернии являлось овцеводство. В начале 40-х годов XIX века удельные крестьяне покупали баранов волошской, «шленской», «шпанской», черкасской и других пород и через несколько лет имели уже значительный приплод. В 1855 году у крестьян Самарского имения насчитывалось более 10 тыс. голов породистых овец, а в 1859 году количество их увеличилось до 27500[4].

В некоторых крестьянских хозяйствах насчитывалось по 15 — 20 овец, а в других хозяйствах и больше. Так, одиннадцать крестьян села Студенец Самарского уезда имели 405 овец, села Тушницы 23 крестьянина—573 овцы; у 4 крестьян дер. Губашковой — 203; 90 крестьян пригорода Алексеевска владели отарой овец, насчитывавшей 1941 голову, 53 крестьянина д. Но-

---

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. III, ч. 1, Саранск, 1939, стр. 257.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4309, л. 114.

[3] Там же, д. 4310, л. 53 — 54.

[4] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 12, д. 1118, л. 2—6, 30—31, оп. 29 д. 238, л. 41; Всеподданнейшие отчеты за 1848 г., стр. 40 — 41, за 1849 г. стр. 37, за 1851 г., стр. 22, за 1855 г., стр. 23, за 1859 г. стр. 36.

вой Семейкиной имели 1215 овец, д. Тростянки 77 крестьян имели 1052 овцы, села Кошки 130 крестьян владело 3086 овцами, 48 крестьян деревни Васильевки имело 3159 овец. Овцеводство было развито у крестьян удельного ведомства и в других уездах. Так, крестьяне с. Мусорки Ставропольского уезда, в числе 32 человек, держали 825 овец [1].

Таким образом, самарские удельные крестьяне держали лошадей как тягловую силу для обработки полей и перевозки сельскохозяйственных продуктов. Крупный и мелкий скот крестьяне держали как для поддержания своего хозяйства, так и на продажу. Крестьяне всех разрядов выращивали и продавали скот, особенно в южной части губернии, где имелись обширные пастбища. «Там поселяне, — писал современник, — не ограничиваются содержанием скота для домашнего хозяйства, а разводят оный в большом количестве на продажу» [2]. В 1853 году на 202 тыс. удельных крестьян обоего пола приходилось 64523 головы рогатого скота, или на 3 человека— одна голова рогатого молочного или рабочего скота [3]. Овцеводство было развито, главным образом, у зажиточных удельных крестьян.

Садоводство и огородничество у крестьян Самарского имения было развито слабо. Крестьяне разводили огородные культуры для личного потребления, и только в тех селениях, которые были расположены ближе к городам, и на продажу. Кроме обыкновенных огородных культур, крестьяне имели бахчи, разводили арбузы как для себя, так и на рынок. В 40—50-х годах многие крестьяне Ставропольского уезда выгодно выращивали лук, который продавали в Самаре, Симбирске и в других приволжских городах [4].

Удельные крестьяне имели небольшие сады, занимавшие в 50-х годах всего 298 десятин земли. Для поощрения садоводства среди удельных крестьян и «для составления тамошним крестьянам возможности поступать садовниками и огородниками к частным лицам», т. е. помещикам, в конце 40 годов XIX века была создана Ново-Майнская опытная школа садоводства и огородничества. При школе имелись парники, оранжереи и теплицы. В питомнике посадили несколько сот яблонь, более 5 тыс. кустов малины, смородины, шиповника, орешника, акаций и других растений. В 1858 году в школе обучалось только 10

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515 оп. 12, д. 1118, л. 51—58.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 73, л. 106 (отчет самарского губ. за 1856 г.)

[3] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 1, д. 62, лл. 16—17.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 73, л. 106 (отчет самарского губ. за 1856 г.)

мальчиков, выполнявших обязанности рабочих в саду, огороде, оранжерее и т. д. Оканчивавшие школу поступали к помещикам садовниками и огородниками.

Организация школы садоводства и огородничества являлась очередным феодально-попечительным мероприятием удельного ведомства. При таком количестве учащихся школа не могла способствовать распространению лучшего опыта садоводства и огородничества, она, в конечном итоге, не служила интересам широких крестьянских масс[1].

Пчеловодство в Самарском имении получило значительное развитие, хотя во многом уступало пчеловодству Симбирской губернии. В 1850 году у 605 самарских и ставропольских удельных крестьян насчитывалось 20502 улья пчел[2].

Большинство пасек находилось в северной и северо-восточной части губернии. Пчеловодство было настолько выгодной статьей дохода, что уже в 1854 году в Самарском имении числилось 2450 пчеловодов и до 33 тыс. ульев пчел[3].

Уделяя главное внимание земледелию и скотоводству, удельные крестьяне в меньшей степени занимались ремеслами и отхожими промыслами. Правда, в отдельных приказах и селениях ремесла играли заметную роль в жизни удельных крестьян. Так, например, в с. Старой Майны Уренского приказа 21 крестьянский дом изготовлял глиняную посуду, 4 дома занимались сидкой смолы, немногие крестьяне содержали постоялые дворы, некоторые занимались извозом, часть крестьян в свободное время работала на пристани. В селе Тинарке Тиинского приказа крестьяне изготовляли колеса и гнули ободья, для чего покупали лесоматериал в удельных дачах. Крестьяне деревни Сахча занимались бочкарным мастерством. В селе Белый Яр Крестово-Городищенского приказа некоторые крестьяне уходили на Волгу бурлачить. Крестьяне селений, расположенных по берегам Волги и других рек, занимались рыболовством[4]. Большинство крестьян торговало хлебом или мясом. Зажиточные крестьяне селений, расположенных на больших трактах и пристанях, вели бойкую торговлю сельскохозяйствен-

---

[1] Всеподданнейшие отчеты: за 1858 г. стр. 22 — 23, за 1859 г., стр. 33, за 1860 г. стр. 33.

[2] ЦГИАЛ ф. 515 оп. 10, д. 4309, лл. 15—16, 53, 66, 76, 95, 107, 136, 189, 234, 241, 245, 265, 269, 276, 321, 391, 400, 456, 485, д. 4310, л. 12, 17, 140, 141, 335, 214.

[3] Всеподданнейший доклад за 1854 г. стр. 27.

[4] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4309, лл. 15 — 16, 50, 76, 137, 188.

ными продуктами и скотом. В отчете за 1856 год говорилось: «Не менее оживлены были промыслы крестьян в прочих удельных имениях, и особенно в приволжских. В двух этих последних имениях, Самарском и Сызранском, производится в обширных размерах торг скотом, мясом, салом и кожами.., равным образом торговля хлебом»[1].

Таким образом, самарские удельные крестьяне занимались главным образом земледелием, за счет которого они жили, платили оброки и подати. В отличие от других крестьян удельных имений, самарские крестьяне в большинстве своем арендовали казенные и удельные земли, что было для них дополнительным источником существования. Вместе с этим, большинство самарских крестьян полностью зависело от результатов урожая зерновых культур. В других удельных имениях, там, где крестьяне занимались неземледельческим трудом, в неурожайные годы они могли кое-как свести концы с концами. В Самарской губернии в неурожайные годы большинство крестьян полностью было обречено на голодное существование. Животноводство, зависевшее от земледелия, также развивалось слабо, увеличению количества скотоводства мешали феодально-крепостнические отношения, стоявшие на пути прогресса всего сельского хозяйства.

Выводы: В период разложения, а затем и кризиса феодально-крепостнической системы в стране развивались производительные силы как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, хотя и замедленными темпами. Это выразилось в улучшении способов обработки земли, в усовершенствовании орудий труда, в расширении трехпольной системы там, где до этого существовали подсека и перелог.

Но на пути развития производительных сил в сельском хозяйстве стояло крепостное право, которое удерживало старые формы земледелия, обрекало животноводство на застой, мешало применению сложных сельскохозяйственных машин и улучшению орудий земледелия.

Однако изменения в социально-экономической жизни страны сказывались и на хозяйстве удельных крестьян. Особенно заметно они проявились в 40-х гг. XIX в. Эти изменения выразились в применении улучшенных орудий труда в земледелии, в более тщательной обработке почвы, в удобрении крестьянских полей.

---

[1] Всеподданнейший отчет за 1856 г., стр. 24.

Удельные крестьяне Среднего Поволжья начали удобрять свои поля навозом даже там, где почвы были черноземными, повсеместно с осени готовить яровые поля, в сроки убирать хлеб.

На своих полях удельные крестьяне сеют высокопродуктивные зерновые культуры — пшеницу-белотурку (в симбирских и самарских имениях), улучшенные сорта овса, ячменя и др. Расширяются посевы картофеля, увеличивается ассортимент огородных культур. Отдельные отрасли сельского хозяйства все больше и больше приспосабливаются к развивающемуся рынку. Крестьяне начинают возделывать такие культуры, которые дают больше дохода их хозяйству: огородные семена и лён в Алатырском имении, конопля в Сызранском имении и т. д.

Удельные крестьяне Симбирской и Самарской губерний выращивали племенной скот, в Самарской губернии развивалось тонкорунное овцеводство. Садоводство, огородничество и пчеловодство у многих крестьян начало принимать торговый характер.

Однако было бы неправильно преувеличивать все то новое, что появилось в сельском хозяйстве удельных крестьян. Феодально-крепостнические порядки одинаково давили на помещичьих и удельных крестьян в виде непосильных оброков и повинностей, чиновничьей опеки и полицейского гнета. Крестьянская беднота в своем хозяйстве по старинке пользовалась сохой, держала малосильный, часто истощенный скот. Только крестьянская верхушка, располагавшая достаточными средствами, заводила в своем хозяйстве улучшенные орудия труда, сельскохозяйственные машины, держала племенной скот, извлекала доходы из садоводства и пчеловодства.

Вся масса крестьянства терпела страшные бедствия от неурожаев, массовых заболеваний и падежа скота. Все эти бедствия являлись неизбежными спутниками феодально-крепостнической системы, разорявшими крестьянское хозяйство. Низкие урожаи и малопродуктивное животноводство часто обрекали крестьян на голод и нищету. Для того, чтобы платить многочисленные денежные повинности, значительная часть удельного крестьянства вынуждена была обращаться к неземледельческим занятиям, развитию которых также мешало наличие крепостного права.

Развитие производительных сил в хозяйстве удельных крестьян, несомненно, сделало известные успехи даже в годы кри-

зиса феодально-крепостнической системы. Но, во-первых, это развитие сковывало крепостнические отношения в стране, и, во-вторых, само оно подрывало эти отношения, становилось в непримиримые противоречия с ними и требовало их ломки.

ГЛАВА III.

РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УДЕЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Развитие реемесел и промыслов среди удельных крестьян Среднего Поволжья; ремесла по обработке дерева; ремесла по обработке льна и конопли; развитие других ремесел; ремесло по обработке продуктов животноводства; отхожие промыслы; бурлачество; извоз; уход на сельскохозяйственные и другие работы; удельные крестьяне — арендаторы и землевладельцы; продажа крестьянами сельскохозяйственных продуктов; отношение Департамента уделов к торгующим крестьянам. Рост базаров и ярмарок; выход в мещанство и кулачество. Выводы.

* * *

Под тяжестью многочисленных повинностей и поборов, при хроническом сокращении земельных наделов крестьянство в своей массе разорялось и искало выхода в неземледельческих заработках. Уже в конце XVIII века увеличиваются крестьянские промыслы и отходничество в города. Удельные крестьяне Среднего Поволжья пополняют ряды бурлачества, а также сельскохозяйственных батраков на полях Заволжья. Вместе с ростом товарно-денежных отношений усиливается расслоение деревни, увеличивается число первостатейных крестьян—ростовщиков, скупщиков различных наименований, владельцев мануфактур, с одной стороны, и значительный рост беднейших разорявшихся крестьян, с другой. Чем больше увеличивалась связь крестьян с промышленностью и торговлей, тем больше усиливалось расслоение крестьянства на богатую верхушку и бедняков.

Процесс разложения патриархальной жизни крестьян на территории страны происходил неравномерно: в центральном промышленном районе страны он шел быстрее, а на периферии действовал замедленным темпом. Во второй половине XVIII

века появилось много промышленных сел в Московской губернии, в которых производились льняные, шелковые и бумажные ткани, а также изготовлялись сукна. Там развивалась полотняная промышленность. Изготовлением полотна занимались многие крестьяне Нижегородской, Казанской, Костромской, Тверской и других губерний. В отдельных районах страны развивались крестьянские металлообрабатывающие промыслы, промыслы по обработке кож, дерева и т. д. С каждым годом увеличивалось число людей, занимавшихся отхожими промыслами. Уже в начале XIX века многие удельные крестьяне страны жили не только за счет сельского хозяйства, но и промыслов. О том, что большое количество удельных крестьян страны было в это время втянуто в товарно-денежные отношения, свидетельствуют многие факты. Так в 1816 г. министр уделов Гурьев разослал всем управляющим конторами секретное письмо о предполагаемом повышении оброка с удельных крестьян. Большинство управляющих согласилось на повышение оброка, указывая на развитие промыслов и торговли в удельном имении. Управляющий московскою конторою писал о Коломенском приказе, что «по местоположению сего (приказа — Н. Г.) близ города Москвы и по выгодам угодьев легко может давать доходу в удел от 13 до 14 рублей с души». Село Царевоборисово и деревня Печатникова того же приказа «имеют собственные свои мельницы, приносящие более им дохода нежели платимые ими повинности».

О крестьянах Тайнинского приказа сказано: «По положению своему вблизи города и занятиям промышленностями как-то: тканьем шелковых и бумажных материй, извозом в Москве; а при том некоторые селения состоят при большой Троицкой дороге» и получают «немалые доходы». Об удельных крестьянах Гжельского приказа сказано более определенно: «Почти при всех селениях сего приказа имеется изобильная почва глинистой земли, из которой производится работа разной глиняной посуды, выделываемой в значительном количестве». В других приказах Московской удельной конторы, расположенных вблизи Москвы или на больших торговых трактах, также были развиты промыслы. В Карповском приказе «при немалом изобилии земель крестьяне сего приказа имеют свою промышленность торгом каменной гжельской посуды и прочими извозами»[1].

---

1 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 22, д. 9, л. 2.

В это же время развитие крестьянских промыслов отмечалось по другим имениям. Крестьяне Афанасьевского и Верхотоемского приказов Вологодского имения, жившие при судоходных реках, получают «прибыток от найма на суда в работники», а крестьяне Турдундаевского отделения находятся «не в дальнем расстоянии городов: Вологды, Грязовиц и Кадникова, в кои крестьяне всегда удобно могут доставлять и продавать свои продукты и изделия»[1].

Многие малоземельные пензенские удельные крестьяне летом обрабатывали свои или арендованные клочки земли, а зимою уходили на заработки. В 1816 году пензенский управляющий удельною конторою писал в Департамент уделов: «Здешние удельные крестьяне имеют во владении пашенных и сенокосных земель весьма недостаточно, и так, что немногие из них пользуются в угодьях сих более четырехдесятинною пропорцисю, но почти генерально упражнение их в хлебопашестве; для чего, нанимая у людей другого состояния землю, главные выгоды получают от оной, поддерживаясь в прочем работами в зимнее время, на казенном Сундоровском и ближайших частных винокуренных и чугуно-плавильных заводах, а весною на судах на реке Мокше; каковые способы и нынешнее возвышение цен на все произведния от земли и работы, и дают им возможность выплачивать оброк и подати бездоимочно»[2]. В соседней с Пензенской Симбирской губернии некоторые удельные крестьяне, «нанимаясь в работники на одну зиму», получают «до ста рублей»; другие крестьяне «ездят на Яик за рыбой, за икрой, за скотиною», некоторые торгуют гусями, от продажи которых берут «рубль на рубль барыша». Многие симбирские крестьяне в лесистой местности «промышляют изделиями, то есть делают телеги, сани, клещи, иные промышляют извозом»[3].

В письмах управляющих удельными конторами за 1816 год, к сожалению, нет цифровых данных о количестве крестьян, занимавшихся промыслами и торговлей. Можно с уверенностью сказать, что перечисленные крестьянские промыслы возникли задолго до образования удельных имений. Большинство удельных крестьян, живших в городах, было тесно связано с торговлей и промыслами. По данным 1807 года в городе Моршанске Тамбовской губернии числилось 1651 удельный крестьянин, 43 человека из которых «записалось в купечество»,

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 22 д. 9, л. 29.
[2] ЦГИАЛ, ф .515, оп. 22, д. 9, л. 70.
[3] Там же, оп. 25 д. 73, л. 2.

а остальные «кроме хлебопашества за крайним малоземельем промышляют хлебным извозом, а летом при сплаве стругов работают на барках»[1]. В городе Саратове из 178 удельных крестьян в начале XIX века 81 человек — «записавшихся в тамошнее и астраханское купечество», а остальные крестьяне «совсем не упражняются в хлебопашестве, но летом и зимой находятся по найму в рыбном промысле на реке Волге, а некоторые по пашпортам в сплаве судов к городу Астрахани».

К Астрахани было приписано 218 удельных крестьян, из которых 5 человек стали купцами. Об остальных астраханских удельных крестьянах сказано, что «неспособный к изделию грунт земель, вывел их совершенно из хлебопашцев; и так весь добыв их извлекается летом и зимою из разных промышленностей как в городе Астрахани мастерствами, так и в найме по Волге рыбною, а равно приморских островах на тюленьих промыслах. А по сим способам работ их, самая большая часть удельных крестьян не имеют почти нигде коренной оседлости, но, переходя из одного промысла в другой, переменяют ежегодно (свои) жилища»[2].

О степени развития промыслов среди удельных крестьян свидетельствует сельскохозяйственная выставка 1859 года, организованная Вольным экономическим обществом в Петербурге. На выставке экспонировались предметы кузнечного, слесарного мастерства, сельскохозяйственные орудия, модели и роговые изделия, изготовленные удельными крестьянами. Удельный крестьянин-кузнец д. Подветельной Большеписошнинского приказа Нижегородской губернии представил на выставку машину для нарезки винтов и машину для нарезки гаек; удельный крестьянин Чистяков Вологодской губернии представил модель скипидарного завода, дегтярного и сажекоптильного заводов; удельные крестьяне Тучин и Петров Тверской губернии изготовили для выставки веялку и сортировку; крестьянин Алексеев д. Шубиной той же губернии экспонировал самопрялку и прялку. 52 удельных крестьянина из разных губерний представили на выставку 149 предметов кузнечного, слесарного и другого ремесла. 84 женщины разных удельных имений на выставку прислали суровую и белую пряжу, бумажную и красную нестрядь, а также белый холст. Удельные крестьяне Московской губернии прислали шерстяные и шелковые ткани, шерстяной люстрин, шерстяной атлас, казимир красный, тафту, марселин

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 25, д. 73, л. 2.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 25, д. 73, л. 3.

и другое. 27 удельных крестьян из многих губерний экспонировали суконные изделия: валяльные пальто, армяки, шляпы, сапоги, войлоки и сукна; 46 удельных крестьян прислали кожи разных сортов, сапоги, башмаки, белые и черные дубленые и недубленные мерлушки, овчины. Почти из всех удельных имений были представлены сельскохозяйственные орудия, образцы зерновых культур. Удельные крестьяне Московской губернии изготовили для выставки аптекарские фарфоровые банки, чайники, сахарницы, чашки, белый кирпич, трубы, отливной кирпич, огнеупорные плавильные горшки и т. д.[1]. Нескольких удельных крестьян наградили золотыми и серебрянными медалями, многих — похвальными грамотами[2].

Таким образом, удельные крестьяне, исходя из местного положения, изготовляли такие предметы, которые имели наибольший спрос на рынке. Особенно это характерно для удельных крестьян Московской губернии. Крестьяне удельных селений, расположенных вблизи Москвы, приноравливались к потребностям растущего города. Специально для Москвы или Московского рынка удельные крестьяне изготовляли высококачественный белый и отливной кирпич, трубы различных назначений, аптекарскую и чайную посуду, высококачественные и дорогостоящие шелковые и шерстяные ткани, люстрин, атлас, марселин и другое. Петербургская выставка также показала ярко выраженную специализацию районов по отдельным видам ремесла: крестьяне Нижегородской губернии специализировались по изготовлению кузнечных и слесарных изделий, Московской губернии — шелковых и шерстяных тканей, а также керамических изделий, Новгородская и смежные губернии славились холстом и пряжей.

Различного рода промыслы и ремесла развивались усилиями крестьянских масс, а удельное ведомство, заинтересованное в получении доходов, только извлекало выгоды из неземледельческих занятий крестьян. Преследуя корыстные цели, Департамент уделов поощрял развитие крестьянских ремесел, что отражено в целом ряде законов правительства, инструкций и отдельных распоряжений самого удельного ведомства. Уже в законе «Учреждение об императорской фамилии» сказано, а удельным ведомством уточнено, что местное начальство «не только не стесняет торговли и промышленности удельных крестьян, законами не воспрещенных, но обязано стараться о раз-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 29, д. 550, лл. 139, 172 173, 182—184, 187; 188; 197.
[2] Там же.

множении всякого рода рукоделий и фабрик, приохочивая к тому крестьян для собственных выгод». В другом месте Свода удельных постановлений написано: «Удельным крестьянам позволяется свободно производить ремесло в селениях, где они имеют жительства и производят работу свою для продажи в город» [1].

В 1818 году удельные крестьяне вместе с государственными и помещичьими крестьянами получили право на «учреждение мануфактурных в России заведений» [2]. В 1824 году с ограничительными оговорками было издано специальное решение царского правительства о развитии крестьянской торговой и промышленной деятельности. В этом законе говорилось: «Казенным, удельным и помещичьим крестьянам дозволяется производить торговлю и промышленность, купечеству предоставленные, также заниматься разными торгами, промыслами и ремеслами, присвоенными торгующим мещанам и посадским» [3]. Правда, правительство проводило ряд мероприятий, направленных на ограничение мелких промыслов. Известная гильдийская реформа Канкрина пагубно отразилась на положении тех многочисленных крестьян, которые занимались городскими промыслами и для которых эти промыслы служили единственным источником существования и уплаты всевозможных денежных податей и оброков [4].

С целью распространения ремесла среди удельных крестьян по инициативе Департамента уделов в 40-х годах XIX в. были созданы по всем удельным имениям ремесленные училища.

Конечно, ни павловские и другие законы, ни удельные инструкции и распоряжения создавали и развивали крестьянскую промышленность, а сама жизнь порождала и развивала ремесла и промыслы. Законы и инструкции только фиксировали то, что уже существовало в удельной, государственной и помещичьей деревне. Все эти документы только отражали новые явления и сдвиги, происходившие в экономике страны, а следовательно, и среди крестьянства всех разрядов.

Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне ничем не отличалось от тех закономерных социально-эконо-

---

1 Свод удельных постановлений, ч. 3, стр. 432, 436.

2 ПСЗ, т. XXXV, 1818, № 27600.

3 ПСЗ, т. XXXIX, 1824, № 30115.

4 П. Г. Рындзюнский. Гильдейская реформа Канкрина, 1824 «Исторические записки» № 40, 1952.

мических процессов, которые происходили в государственной и помещичьей деревне и во всей стране. Удельные крестьяне Среднего Поволжья, составляющие значительную часть всего удельного крестьянства России, претерпевали под воздействием товарно-денежных отношений те же изменения.

Развитие ремесла и промыслов среди удельных крестьян Среднего Поволжья

В XVIII и в начале XIX века ведущее место в развитии капиталистических отношений занимали в основном центральные районы страны. Новые отношения постепенно распространяются на периферию и прежде всего на Среднее Поволжье. Волга и ее притоки способствовали этому. Среднее Поволжье уже в конце XVIII века превращается в крупного поставщика хлеба промышленным районам страны: с увеличением перевозок сельскохозяйственных и других продуктов по Волге и ее притокам растет количество судов и число людей, обслуживающих судоходство.

В 80-х годах XVIII века в Нижегородский порт заходило не менее 3000 судов в год, на которых работало до 80 тыс. человек. С развитием судоходства на Волге возникает судостроение, которое становится основным занятием для крестьян Казанского, Цивильского, Чебоксарского, Мамадышского, Лаишевского и Свияжского уездов и других районов Среднего Поволжья. Многие дворцовые — удельные крестьяне шли работать на судостроительные верфи и особенно обслуживать судоходство на Волге и ее притоках.

Наряду с общими неземледельческими занятиями крестьян, присущими всем районам страны, в отдельных частях Среднего Поволжья создавались районы с определенными ярко выраженными видами ремесла. Так, в районе, где было много леса, преобладало деревообделочное ремесле, в другом — специализация шла по обработке кож, в третьем — по изготовлению металлических изделий и т. д. [1].

Для более глубокого анализа истории крестьянских промыслов в Среднем Поволжье целесообразно проследить развитие по отдельным их видам.

---

[1] ЦГАДА, Центр, межевой архив СССР, д. 8, лл. 30, 243, ЦГИАЛ. ф. 515, оп. 22, д. 9, л. 6; ф. 1281, оп. 5, д. 29, л. 45.

При этом необходимо отметить, что архивные документы не дают полной картины развития промыслов по отдельным удельным имениям, т. к. цифровых материалов до 40-х годов почти нет, а в сводных отчетах удельных контор и Департамента уделов за 40—50-е годы имеются только разрозненные материалы.

Ремесла по обработке дерева

Во второй половине XVIII века Среднее Поволжье изобиловало лесами. Несмотря на то, что в первой половине XIX века леса хищнически уничтожались или выкорчевывались для расширения полей, их еще было много для того, чтобы процветали ремесла по обработке дерева.

В 1818 году в Казанской губернии из общего количества земельной площади в 5685 тыс. десятин под лесами находилось 2990 тыс. десятин, что составляло 52,5%, а в 1868 году под лесом находилось 2.278 тыс. десятин, или 40,4 проц. ко всем земельным угодьям. В Симбирской губернии в период генерального межевания на 6628 тыс. десятин всей земельной площади приходилось 2157 тыс. десятин лесов или 32,5%, а в 1868 году лесные массивы занимали 1.513 тыс. десятин [1]. В 30—50-х годах удельное ведомство имело в своей собственности 4665 тыс. десятин леса, из этого количества приходилось на Казанскую губернию — 7552 десятины, Симбирскую — 855 771 дес. и на Самарскую губернию — 211 669 десятин. Таким образом, на Среднее Поволжье приходилось 1074992 десятины удельного леса, или 23% ко всей удельной лесной площади [2].

Приведенные данные позволяют утверждать, что в Среднем Поволжье все благоприятствовало тому, чтобы крестьяне всех разрядов, в том числе и удельные, могли заниматься деревообрабатывающим ремеслом. В Казанской и в других губерниях Среднего Поволжья, в тех местах, где было мало земли и много леса, крестьяне и занимались деревообделочным ремеслом. Обработка дерева раньше всего началась в экономических, отчасти в удельных селениях, расположенных около Казани. В межевых экономических примечаниях конца XVIII в. по Казанскому уезду отмечается, что в селе Борисоглебском дворцовые крестьяне точат деревянную посуду, в селе Сухая

---

[1] К. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства, СПб, 1818, ч. II, стр. 500—501, М. А. Цветков. Изменение лесистости Европейской России с конца XVIII столетия по 1914 год, Москва, 1957, стр. 90, 92.

[2] Всеподданнейший отчет за 1859 г. Приложение № 6.

Река — делают бочки, кадки, лагуны для продажи в городе Казани[1]. Деревообделочное ремесло в жизни крестьян изучаемого края заняло одно из первых мест.

Для многих удельных крестьян Казанского уезда лес был одним из основных источников существования. Крестьяне многих селений готовили из поделочной древесины всевозможные изделия, валежник и сухостой пилили на дрова и продавали в Казани. О том, какую роль играл лес в жизни этих крестьян, свидетельствует жалоба 5 селений этого уезда в Казанскую удельную экспедицию на форшмейстера (лесничего). Крестьяне жаловались, что в период генерального межевания земли им в недостающую пропорцию выделили лесные угодья, и в неурожайный 1806 год они вынуждены были покупать хлеб, платить подати и оброки за счет продаваемых деревянных изделий и дров. Форшмейстер же запрещает крестьянам брать лес, отчего, не имея других ремесел, они не в состоянии платить подати и содержать свои семейства[2].

В 1805 году несколько крестьян с. Борисоглебского Казанского уезда писали своему начальству, что, за неимением достаточного количества земли, «имели они прежде всего пропитание от продажи в городе Казани делаемой ими разной деревянной посуды. Ныне же здешние мещане продавать оную на рынках желающим запрещают, и, тем опровергая данную законами вольность, производят их в стесненное разорение»[3].

Обработка дерева в удельной деревне развивалась все шире и шире, крестьяне отдельных селений, как и в XVIII веке, специализировались в одном каком-либо виде ремесла: одни делали колеса, другие станы для повозок, третьи изготовляли только дуги, иные — бочки, кадки. В дерени Караваево Казанского уезда делали колеса, сани, телеги; крестьяне деревни Кадышевой того же уезда изготовляли на продажу лапти; крестьяне селений Сухая Река и Осипов Починок гнули ободья и т. д.[4].

В 20-х гг. XIX в. для многих царевококшайских удельных крестьян одним из основных источников существования был лес. О лесных промыслах царевококшайских крестьян всех разрядов говорят многие документы. В 1829 году удельные чиновники в «Кратких статистических описаниях» подробно рассмо-

---

[1] ЦГАДА, Межевой архив, д. 8, лл. 240 — 283.
[2] ГАУО, ф. 534, д. 325, лл. 285 — 287.
[3] ГАУО, ф. 342, оп. 4, д. 41, лл. 211—219.
[4] ГАУО, ф. 534, д. 272, лл. 149 — 150.

трели лесные промыслы удельных крестьян. Например, в «Описании» мы читаем, что крестьяне «от липы получают лубья и в особенности мочалы, из которых ткут рогожи», или что они изготовляют «хлебные кули разных сортов и достоинств». Все эти предметы шли прежде всего на рынок, для продажи. «Торговля лубьем и мелочным изделием, — писали чиновники, — общая как удельным, так и казенным селениям Царевококшайского уезда доставляет одну из главных ветвей промышленности тамошних крестьян, которые отвозят сии товары в весьма значительном количестве в Казань и на Сундырскую пристань» [1]. Кроме всего прочего, крестьяне рубили лес, вязали его в плоты и ранней весной по рекам Малой Кокчаге и Волге сплавляли в Казань и другие места. Из 22-х удельных селений Царевококшайского уезда в 14-ти крестьяне были заняты деревообделочным ремеслом или лесными промыслами [2].

Таким образом, царевококшайские удельные крестьяне жили, платили оброки не только за счет земледелия, но и в значительной степени за счет неземледельческих занятий. Мы не можем определить сумму доходов от деревообделочного ремесла и лесных промыслов, но они, несомненно, занимали видное место в бюджете крестьянского хозяйства.

В 40—50-х годах XIX в. удельные крестьяне занимались деревообделочным ремеслом почти во всех уездах Казанской губернии: в деревнях Жуковой, Сидоровой, Марковой, Лапшиной, Мышкиной, Гомзовой, Кошкиной (Царевококшайского уезда), Ченчуриной, Нечасовой (Тетюшского уезда), Сухой Реке, Караваевой, Кадышевой, Осиновом Починке (Казанского уезда) и др.[3].

Ремесла по обработке дерева были сильно развиты у крестьян Симбирского, Сызранского и Алатырского удельных имений. Перед реформой обработка дерева широко развивалась, особенно в лесных местностях, там, где было достаточно леса. О степени развития этого ремесла в Симбирском имении можно судить по следующим примерам. В Паркинском приказе, состоявшем из 23 селений (куда входило два селения — село Кувай ид еревня Кувай, Алатырского уезда) накануне реформы находилось около 7 тыс. ревизских душ, имевших по

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 230, л. 374.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4303, лл. 34 — 52.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4303, лл. 3 — 124.

3 десятины земли на каждую душу. Этот приказ был заселен чувашами, мордвой, татарами и русскими. Из всех промыслов и ремесел первое место здесь занимала обработка дерева, чему способствовали близость леса и сбыт готовой продукции на Астрадамовском базаре. Большинство крестьян-ремесленников этого приказа занимались гнутьем ободьев, особенно в селе и деревне Куваях, где этим ремеслом занималось более 70 человек. Кроме того, в указанных селениях крестьяне занимались изготовлением колес, оконных рам, кадок и бочек; в селениях Сайгиной и Старых Чувашских Чукалах делали лопаты. Более 400 крестьян-ремесленников Паркинского приказа, кроме смолокуров и крестьян, занимавшихся производством поташа (на сумму до 12 тыс. руб. серебром в год), кормились за счет деревообделочного ремесла. Необходимо отметить, что в этом приказе появилось много торговцев лесом, которые держали в уезде простых товаропроизводителей. Только в селениях Куваях и Сайгиной насчитывалось 214 лесоторговцев, покупавших лес подесятинно из удельных дач и продававших его бревнами и срубами на месте и на Астрадамовском базаре. Около 10% всего населения Паркинского приказа занималось деревообделочным ремеслом, смолокурением и производством поташа [1].

В других селениях и приказах деревообделочное ремесло преобладало над другими ремеслами. Так, в селе Кильдюшеве и деревне Кирлятях Симбирского уезда 156 человек занималось изготовлением саней, в селениях Красной Сосне и Сюксюме Карсунского уезда изготовляли только телеги и т. д.[2].

В 1861 году по Симбирскому имению насчитывалось 399 человек, занимавшихся выделкой деревянной посуды, 682 человека — плотничным мастерством; сотни других крестьян-ремесленников делали гребни, приготовляли рогожи, кули и т. д. [3].

Многие крестьяне заготовляли кору для рыболовных снастей, плутков и балбер, находивших большой спрос на рынке. Особенно широко распространено было это занятие среди крестьян села Тушны Симбирского уезда. В 50-х годах XIX в. тушнинские удельные крестьяне изготовляли 25 — 35

---

[1] Материал для истории и статистики Симбирской губернии, вып. II, Симбирск, 1866, стр. 59.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1211, оп. 6, д. 26, л. 77

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1279, лл. 103—104; д. 1280, лл. 9—50, ЦГИАЛ ф. 515; оп 10; д. 4309, лл. 70—76, 245.

тыс. пудов ивовой и дубовой коры, до 0,5 мил. плутков и 2 млн. балбер в год и все это продавали в Саратове, Астрахани и других городах[1].

В отдельных селах Сызранского имения деревообделочным ремеслом занимались десятки и сотни удельных крестьян. Так в селе Аргаш Карсунского уезда из 1150 крестьян мужского пола более 200 человек занималось ремеслом или отхожими промыслами, в том числе только 60 человек — изготовлением саней. Аргашские крестьяне изготовляли до 1000 саней в год и продавали их в Самаре, Кузнецке, Саратове и в других местах от 80 коп. до 3 руб. серебром за штуку[2].

Деревообделочным ремеслом занимались крестьяне лашманских селений. Крестьяне лашманского селения Можаровский Майдан Алатырского имения изготовляли полозья, дуги, бочки и кадки, что составляло «почти всеобщее занятие жителей и доведено ими до совершенства, так что здешние жители считаются лучшими ремесленниками по этой части на далекую окрестность»[3]. Так как удельное ведомство продавало поделочную древесину по дорогой цене, крестьяне указанного селения стали разводить на своих усадьбах вяз и ветлу, которые шли на изготовление дуг и других изделий. Некоторые можаровские крестьяне приготовляли до 1000 дуг в год, получая за ремесленную продукцию до 2 тыс. рублей дохода[4].

Мы не можем привести абсолютных цифр по удельным имениям и губерниям о числе крестьян, занятых деревообделочным и другим мастерством в этот период. За первую половину XIX века не найдено точных данных ни в архивах Департамента уделов, ни в отчетах губернаторов. Отчеты последних особенно грешили неточностью. Так, в отчете Симбирского губернатора за 1850 год читаем: «Симбирскую губернию можно отнести к числу земледельческих, а потому поселяне, занятые обрабатыванием земли, ни в одном уезде не отличаются особенного рода промышленностью или ремеслами, кроме как в свободное время от полевых работ занимаются извозом, плотничной и пильной работами»[5]. За 1860 год, согласно отчету губернатора в Симбирской губернии, только 12888 чел.

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 497, лл. 259 — 281.

[2] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. II, Симбирск, 1866, стр. 62—65.

[3] Симбирский сборник, II, Симбирск, 1870, стр. 146.

[4] Там же.

[5] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 12, л. 30.

крестьян всех разрядов занимались ремеслами и промыслами, что далеко от действительности[1].

Подсчеты удельных контор о распространении ремесел и промыслов среди удельных крестьян более близки к истине, потому что удельные крестьяне платили поземельный сбор не только за пользование землей, но и за промыслы. Пользуясь данными Сызранской удельной конторы, можно представить распространение деревообделочного ремесла среди крестьян в 50-х годах XIX века. В 1854 — 1856 гг. крестьяне этого имения ежегодно изготовляли[2].

Число крестьян-ремесленников	Количество изготовляемых изделий	На сумму (в рублях)
980	16 тыс. саней	10000
453	10 тыс. телег	25000
2241	65 тыс. колес	82000
310	— бочек	10000
185	27 тыс. гребенок	—
465	58 тыс. дер посуды	8000
315	38 тыс. пар лаптей	2000

Кроме того, крестьяне Сызранского имения занимались мочальным производством. В 1854 году на 1713 станах было выткано кулей 604300, рогож—193500 и цыновок—25000 штук и продано мочалы 26500 пудов, всего на сумму 125500 рублей серебром[3]. Таким образом, крестьян Сызранского имения, занятых обработкой дерева, насчитывалось около 10100 человек, или 11,6% всех крестьян этого имения.

Часть крестьян Сызранского имения не ограничивалась продажей своей продукции на местных рынках, а реализовала ее в далеких краях. 75 крестьян ежегодно изготовляли в своем хозяйстве до 15 тыс. оконных рам, вставляли в них стекла и готовые рамы продавали в Оренбургской губернии, на Урале и даже в Сибири[4].

Одновременно с развитием ремесла по обработке дерева было сильно развито отходничество. В отход отправлялись пильщики и плотники, их было много среди крестьян Сызран-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 8, д. 26, л. 78.

[2] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 345 — 353.

[3] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 345 — 353; Всеподданнейший отчет за 1856 г., стр. 24.

[4] ГАУО, ф. 332, оп. 1, д. 575, лл. 345 — 353.

ского и Симбирского удельных имений. Отхожий промысел носил сезонный характер, им преимущественно занимались весной и летом. Обычно весной какой-либо крестьянин-подрядчик собирал артель из наиболее нуждавшихся своих односельчан, и такая артель уходила на заработки.

В 1854 году в таких артелях плотников и пильщиков по Сызранскому имению насчитывалось 1449 человек, а подрядчиков, эксплуатировавших артель, — 210 человек. В то время как плотник, «смотря по ловкости и прилежанию», зарабатывал за сезон в среднем 50 рублей за все время своей работы, подрядчик получал за то же время от 300 до 2000 руб[1]. Среди подрядчиков-пильщиков и плотников появлялись зажиточные крестьяне, которые уже прибегали к применению наемного труда.

В Самарском удельном имении деревообделочное ремесло было развито в меньшей степени, главным образом в северо-восточных уездах, где крестьяне изготовляли для продажи деревянную посуду, и в большем количестве лапти, сбыт которых «всегда успешен, особенно во время полевых работ»[2].

Изготовление в большом количестве лаптей для продажи в Самарской губернии объясняется простой причиной. В летнее время в Заволжье приходили на сельскохозяйственные работы тысячи крестьян из других губерний, которые за летнюю страду изнашивали по нескольку пар обуви.

Особое место занимали поташное производство и смолокурение, распространенные в Симбирской, Казанской, отчасти в северо-восточных районах Самарской губернии. Больше всего поташных заведений в 50-х гг. насчитывалось в Алатырском имении; в Ардатовском приказе — 34, Лобаскинском — 39, Урусовском—14, по остальным приказам 34 поташных «завода», а всего 121 поташное заведение[3]. О производственных мощностях этих «заводов» и стоимости выпускаемой продукции мы ничего не знаем. Можно только предполагать, что алатырские поташные заводы ежегодно давали продукции до 100 тыс. пудов на сумму до 120 тыс. руб. серебром[4]. В Симбирском и Сызранском имениях поташных заведений было

---

[1] ГАУО, ф. 332, оп. 1, д. 575, лл. 345 — 353.

[2] ЦГИАЛ. ф. 1281, оп. 5, д. 43, л. 107.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 31, д. 1191, лл. 2 — 273 (Оброчная книга Алатырской удельной конторы).

[4] См материалы для истории и статистики Симбирской губернии, вып. II, Симбирск, 1866, стр. 58.

меньше, а в Самарском имении еще меньше, они были главным образом в Пискальском приказе[1].

Смолокурение и сидка дегтя были распространены во всех удельных имениях, где рос лес. Устройство дегтярного стана было самое примитивное: землянка со срубами и трубы с глиняными горшками, стоимостью от 3 до 5 рублей серебром. В 40—50-х гг. из одной кубической сажени смолевых пней и корней добывалось от 18 до 25 пудов смолы по цене от 50 до 80 коп. за пуд[2].

Даже в таком имении, как Орловское, удельные крестьяне имели 79 печей-смолокурен, дававших дохода от 20 до 120 рублей каждая[3].

В удельных имениях Среднего Поволжья смолокурение существовало повсеместно. Сохраняя удельные леса, управляющий Симбирской конторой в 1849 году распорядился уничтожить дегтярные станы, сохранив этот промысел в Муратовском, Шаймурзинском, Паркинском, Верхнетемерсянском и Уржумском приказах, в которых насчитывалось 139 дегтярных станов, дававших до 10 руб. серебром дохода каждый[4]. В Алатырском имении добыванием смолы и дегтя занимались крестьяне в Алатырском, Урусовском, Моргинском, Ардатовском, Бузаевском и Красноостровском приказах, в которых насчитывалось в 50-х годах 256 станков[5]. В то же время в Сызранском имении смолокурением занималось 282 крестьянина, изготовлявших 9342 пуда дегтя и смолы на сумму 4384 рубля в год[6].

Много было крестьян-ремесленников, которые изготовляли решета, столы, стулья и другие предметы домашнего обихода.

Среди этой группы ремесленников появляются торгово-промышленники, которые покупали лес, нанимали рабочих для рубки его, у ремесленников собирали готовые изделия и на своих баржах готовую продукцию отвозили в другие города[7]

В изучаемое время роль скупщиков неуклонно возрастала. С развитием товарного хозяйства сельские ремесленники постепенно утрачивают свою экономическую самостоятельность,

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 31, д. 1296, л. 102.
[2] Там же, лл. 30 — 39.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 31, д. 1296, л. 30 — 39.
[4] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 31, д. 877, лл. 41 — 42.
[5] Там же, л. 13.
[6] ГАУО, ф. 322, оп. 5, д. 139, лл. 4—7; 13 — 16; 17 — 19.
[7] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 297, лл. 259 — 281.

попадают в кабалу к торговцу-скупщику. «Дальнейшее развитие товарного хозяйства, — пишет В. И. Ленин, — выражается расширением торговли, появлением специалистов торговцев-скупщиков»[1], выступавших представителями торгового капитала в мелких промыслах. Торговцы-скупщики выступали посредниками при обмене товаров между ремесленниками и потребителями, ставили в экономическую зависимость непосредственного производителя.

Ремесла, связанные с переработкой льна и конопли

Удельные крестьяне сеяли лен и коноплю главным образом для нужд своего хозяйства. С развитием товарно-денежных отношений крестьяне часть своих изделий из льна и конопли продавали на рынке, употребляя вырученные деньги для уплаты оброков и повинностей, для покупки хлеба в голодные месяцы и годы.

В 30-х гг. XIX в. крестьяне села Кувайкино и многих других Алатырского имения начали заниматься льноводством, на базе которого возникло ткачество так называемых «промзинок», по имени присурского села Промзино. Промзинки — это тончайшей работы холст, изготовленный мастерицами удельных и помещичьих имений, предназначавшийся специально на продажу. Промзинки выгодно сбывали не только на местном рынке, но и на Симбирской, Корсунской и других ярмарках[2]. В 50-х гг. XIX в. холстинок-промзинок изготовляли до 600 тыс. аршин, значительная часть которых продавалась на рынке. Ткачихи тончайшей работы по изготовлению холстинок из льна постепенно перешли на изготовление бумажных салфеток и платков из фабричной пряжи. Однако сельские ткачихи, не обладая средствами на покупку пряжи непосредственно на фабрике и за пределами своего селения были вынуждены обращаться за помощью к посредницам-торговкам. «Бумагу, — пишет современник, — ткачихи покупают не из первых рук», а из вторых и даже третьих рук, часто у торговок. Каждая торговка «берет барыш, отчего бумага идет уже к таким ткачихам на 30 и на 40 проц. дороже против фабричных цен»[3].

Торговки-скупщики, являясь представителями торгового

---

[1] В. И. Ленин, соч. т. 3, стр. 288.

[2] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, вып. I, Симбирск, 1866, стр. 10—12.

[3] Там же, стр. 13.

капитала, выполняли посредническую роль в покупке товара или сырья для их перепродажи в другие руки. «Как известно,— пишет В. И. Ленин, — мелкие крестьянские промыслы порождают в массе случаев особых скупщиков, специально занятых торговыми операциями по сбыту продуктов и закупке сырья и обыкновенно подчиняющих себе в той или другой форме мелких промышленников»[1].

Отрезанные от рынка сбыта, лишенные оборотных средств, присурские ткачихи попадали в кабалу к торговкам. «Ткачи, — по заявлению современника, — большей частью народ небогатый; на целый год, например, на Сборной Ярмарке им не на что купить бумаги; ткачиха берет бумагу в долг; выткет кусок, продаст его, отдаст деньги торговке и опять у нее кредитуется, за что, конечно, ей платит лишние деньги»[2].

Но и мелкие торговки среди присурских ткачих играли не первую роль. Торговки, в свою очередь, попали в зависимость от скупщиков-оптовиков, торговые операции которых простирались за пределами края. Такие скупщики-оптовики отпускали бумагу как самим ткачихам, так и мелким торговкам в удельные и помещичьи селения. Среди скупщиков выделялись Соколовы, которые покупали пряжу непосредственно у фабрикантов, а готовую продукцию продавали на Нижегородской и других ярмарках. Скупщики-торговки, обладая монопольными правами по доставке сырья и продаже готовой продукции, превращали мелких производителей в простых работниц, продающих свою рабочую силу на рынке. Торговки отдавали ткать из своей бумаги на дом ткачихам, «которые за известную плату, не дороже 5 коп. с аршина, ткут для них холстинки, платки, на иную торговку работают станах на 20»[3].

Подобно московским кружевницам, о которых говорит В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», присурские ткачихи работали не на себя, а на торговок. В. И. Ленин писал, что в обстановке товарного хозяйства «мелкий производитель неизбежно выделяет из своей среды не только более зажиточных промышленников, вообще, но и в частности— представителей торгового капитала»[4]

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т 3, стр. 312.

[2] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, вып. 1, Симбирск, 1866, стр. 13—14.

[3] Там же, стр. 14.

[4] В. И. Ленин, Соч. т. 3, стр. 316.

В некоторых приказах Самарского и Саратовского имений крестьянки занимались тканьем сарпинки, которая употреблялась на женские платья и мужские рубахи в зажиточных крестьянских семьях[1].

Расширение посевов конопли способствовало развитию промыслов по изготовлению веревок, рыболовецких снастей и др. В 50-х гг. XIX века удельные крестьяне Симбирской губернии засевали коноплей около 32 тыс. десятин земли. Из конопли изготовляли холст, веревки, рыболовецкие снасти. В Коптевском, Анкудиновском, Потьминском и Хомутерском приказах Сызранского удельного имения многие крестьяне изготовляли веревочные снасти как для себя, так и для продажи. У крестьян селений Ближние Атары и Медведевой Казанского имения имелись канатные заводы[2].

В связи с изготовлением холста, холстинок, сарпинок и платков, появляется еще одна отрасль крестьянской промышленности — красильное производство. Красильные заведения возникли во многих удельных селениях, некоторые крестьяне ходили красить холсты на сторону[3].

Многие крестьяне всех разрядов Карсунского уезда Симбирской губернии уходили красить материалы не только в соседние уезды, но далеко за пределы своего края: в Самарскую, Казанскую, Пензенскую и даже в Саратовскую губернии. Крестьяне, занимавшиеся этим ремеслом, обычно уходили на сторону в феврале, а возвращались домой для сельскохозяйственных работ в июле. Для крашения материала ремесленники употребляли обычно фабричную, так называемую кубовую краску. Однако крестьяне окрашивали материалы и такими красками, которые изготовлялись на месте. Так, женщины с. Напольного Карсунского уезда красили шерстяную пряжу в черный, зеленый и красный цвета красками собственного изготовления. На зеленую краску, писал современник, крестьяне села Напольного «употребляют травы: так называемые зеленику и серпуху, а на красную краску — марену; как первая, так и последняя сбираются по окрестным лугам и лесам»[4].

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 29, д. 555, лл. 26 — 27.

[2] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 345 — 353; ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10; д. 4303 лл. 44; 77.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1279, лл. 103 — 104, ф. 342, оп. 1; дд. 479; 489; 507.

[4] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. II. Симбирск, 1866, стр. 4, 44.

Синением пряжи, как видом ремесла, занимались русские и мордовские крестьяне Моргинского приказа Алатырского уезда[1].

Развитие других ремесел

В удельной деревне существовали другие неземледельческие занятия крестьян, многие из них трудно поддаются учету.

Много было ремесленников по обработке кож и шерсти животных: кожевников, овчинников, шорников, сапожников, ткачей, башмачников, валяльщиков, рукавишников, чесальщиков, шерстобитов и других.

Среди ремесленников по обработке металла первое место занимали кузнецы. Вокруг базаров в пригородах, в больших населенных пунктах или в самих городах работали слесари, медники, лудильщики, ведерники, кровельщики, серебряных дел мастера.

В удельных селениях, расположенных вблизи города Казани, Константиновке, Аки, Царицыне и многих других — было развито кузнечное ремесло. В 1820 году в д. Константиновке насчитывалось 12, а в Аках — 20 кузниц, которые удовлетворяли нужды крестьян окрестных селений, а также изготовляли кузнечные изделия на продажу в городе. Уже в это время многие крестьяне-ремесленники деревни Аки переселялись в Казань, где открывали свои мастерские и считались там «лучшими мастерами»[2]. Среди ремесленников—удельных крестьян встречались горшечники, кирпичники, каменщики, печники; много было портных, шапошников, картузников, красильщиков, живописцев, маляров, маслобойщиков, мукомолов, булочников, калачников, различного вида рукодельниц—по изготовлению холстинок, лент, поясов и другого. Волга и другие реки Среднего Поволжья способствовали развитию ремесла по изготовлению веревок и канатов, рыболовных снастей и других предметов, которые пользовались большим спросом у судовладельцев и рыбаков.

К неземледельческим занятиям удельных крестьян относились: бурлачество, извоз, рыболовство, торговля, поденная и другая работа в городах. Среди удельных крестьян Среднего Поволжья насчитывалось, по далеко не точным данным, свыше

---

[1] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, вып. 3, стр. 98.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 126, лл. 25 — 40.

70 видов ремесла, не считая более узких и менее распространенных специальностей.

О развитии отдельных видов ремесла говорят такие данные: 320 крестьян-гончаров Сызранского имения изготовляли до 87 тыс. штук горшков; только в двух селениях Шамалаковского приказа Симбирского имения 200 крестьян занималось портняжеством[1]. Некоторые удельные крестьяне, жившие в городах, сдавали землю в аренду, а сами занимались ремеслом и торговлей. В 1835 году в городе Сенгилее, например, насчитывалось 54 удельных крестьянина, получавших доход от неземледельческих занятий: 47 человек занималось бурлачеством, 2—кожевенным ремеслом, 2—рыболовством и один человек занимался подрядами и содержанием почтовых лошадей. По городу Сызрани таких крестьян было еще больше: 6 человек занималось скупкой хлеба, который они отправляли на своих судах до Рыбинска и Астрахани; 7 человек изготовляли шляпы, 145 занимались сапожным и шорным мастерством, 28 — кузнечным и слесарным делом, 23 — обработкой кожи, 12 — портняжным и многие крестьяне другими ремеслами. Всех торгующих удельных крестьян и крестьян-ремесленников по городу Сызрани насчитывалось 234 человека. По городу Ардатову, где в 1835 году насчитывалось 960 удельных крестьян, — 242 человека из них, или больше 25 проц., занималось ремеслом и торговлей[2].

Удельные крестьяне-ремесленники, жившие в городах, платили оброки и другие повинности, т. е. они были формально крестьянами, но уже втянулись в экономическую жизнь города, где ремесло являлось «составной частью городского быта»[3].

Ремесло по обработке продуктов животноводства

Особое место занимало ремесло по обработке шерсти и кож. Среди удельных крестьян Среднего Поволжья ремесло по обработке кож и шерсти существовало еще в XVIII веке. Развитию этого ремесла способствовали благоприятные условия. Обширные луга, степные пространства в южных и юго-восточных окраинах Среднего Поволжья обусловливали развитие скотоводства. Главным источником кожевенного сырья и шерсти

---

[1] ГАУО, ф. 322, оп. 1 д. 575, листы 345—354; Всеподданнейший отчет за 1860 г. стр. 50.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1475, лист 97, ГАУО, ф. 318; оп. 1, д. 401, л. 631—640; 569—585; ф. 540, оп. 1, д. 8, лл. 10—25.

[3] В. И. Ленин, Соч. т. 3, стр. 286.

были Оренбургские и Калмыцкие степи, нижне-волжские пространства, принадлежащие киргизам и калмыкам. Красная калмыцкая порода скота, разводимая по правому берегу Волги, отличалась своей скороспелостью, способностью к откорму и хорошим качеством мяса. По левому берегу Волги разводился киргизский скот. В низовьях Волги было развито овцеводство — основное занятие калмыков и киргизов, доставлявшее им все средства существования. Значительная часть скота из степей Нижней Волги поступала в Среднее Поволжье. По данным 1840 года только из Оренбургских степей по Московскому тракту на Москву через Симбирскую губернию ежегодно проходило до 70 тыс. голов скота, по Сызранскому уезду — до 35 тыс., по Самарскому уезду — до 18 тыс. голов скота, а всего в Симбирскую и через Симбирскую губернию ежегодно поступало скота до 120 — 130 тыс. голов[1].

Местное средневолжское животноводство, хотя и не отличалось особым развитием от других соседних губерний, все же поддерживало в значительной мере развитие указанных промыслов. В 1856 году в Среднем Поволжье насчитывалось скота[2]:

Губернии	Лошадей	Рогатого скота	Овец	Свиней	Коз
Казанской	402897	378962	987577	147704	92177
Самарской	706574	439943	4787891	158627	34550
Симбирской	303149	233018	1710509	99919	6057
	1415620	1051923	7485977	406250	132784

Таким образом, на базе местного, калмыцкого и киргизского животноводства развивались связанные с ним промыслы.

В 40—50 гг. XIX века среди удельных крестьян выделяются крупные скупщики скота, наживавшие большие капиталы. Богатые крестьяне-скотопромышленники, главным образом Сызранского, Самарского, отчасти Симбирского и Казанского имений, в летнее время отправлялись за Волгу, закупали гурты скота и стада овец, целое лето держали их на пастбище, с овец стригли шерсть, а осенью пригоняли скот домой и забивали его на мясо. Сало, шерсть, шкуры — все это шло на рынок. Ското-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 2389, лл. 326 — 328.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 36, листы 35; 36; 99; 100; 105, 106.

торговлей занимались крестьяне селений Шумково Анатышского приказа, Сапугол Воскресенского приказа, Борисоглебское Сухорецкого приказа Казанского имения[1]. Многие крестьяне села Канадея Сызранского имения «занимаются закупкою в городе Уральске киргизских овец в весьма значительном количестве, из коих добывают сало на своих салотопнях и продают оное в городе Кузнецке»[2]. Крестьяне с. Ягодного Нижне-Санчелеевского приказа специально занимались скототорговлей[3]. Только по Сызранскому имению 180 крестьян-скупщиков скота в 1854 году продали 79000 кож, 10350 пудов шерсти и 64000 пудов сала на сумму в 240 тыс. рублей[4]. Скототорговля была настолько прибыльным делом, что многие зажиточные удельные крестьяне считали самым выгодным заниматься ею. В Самарском и Сызранском имениях, читаем в отчете за 1856 год, «производится в обширных размерах торг скотом, мясом, салом и кожами; годовой оборот его в 1856 году составлял до 415000 руб. Промысел этот, вследствие высоких цен на сало, доставил от 25 до 30 проц. чистой прибыли»[5]. В другом отчете сказано, что «торговля скотом, мясом, салом и кожами, производящаяся в значительных размерах крестьянами приволжских имений, в 1857 году была выгодна не менее предшествовавшего года; по одному Самарскому имению продано скота, сала и кож на сумму до 300 тыс. руб»[6].

Необходимо отметить, что торговлей скотом, кожами и салом занимались крестьяне и других разрядов. О размере этой торговли можно судить по следующим данным. В начале 50-х годов XIX века из Букеевской орды и Оренбургской губернии ежегодно пригоняли в Самарскую или через Самарскую губернию до 200 тыс. голов скота на сумму около 1 млн. рублей[7]. На ярмарках Букеевской орды в 50-х гг. XIX в. ежегодно продавалось: верблюдов — 80, лошадей — до 1000 голов, крупного рогатого скота — 12500, овец и коз — 63950 голов. Кроме того, продавалось кож: верблюжьих и воловьих — около 11 тыс., овечьих и козьих — больше 25 тыс. штук; верблюжьей и овечь-

---

1 ЦГИАЛ, 515, оп. 10, д. 4303, лл. 6; 8б; 114.
2 Там же, д. 4312, лл. 81—82.
3 Там же, д. 4309, л. 188.
4 ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 576, лл. 345 — 346.
5 Всеподданнейший отчет за 1856 г., стр. 24.
6 Всеподданнейший отчет за 1857 г. стр. 24, 36 — 37.
7 ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 43, (Отчет самарского губернатора за 1853 г.) лл. 8—9.

ей шерсти — 17200 пуд., пуха козьего — до 900 пудов[2]. В 1858 — 1862 гг. ежегодно отправлялось сала, свечей и мыла с пристаней. Самарской — 788 тыс. пудов, Казанской — около 204 тыс. пудов, Саратовской — 118 тыс. пудов и Вольской — 45 тыс. пудов[2].

Большое количество скота, предназначенного на убой, создавало все условия для возникновения в большом числе салотопенных, мыловаренных, свечно-сальных и кожевенных заведений. Перед реформой в одной Самаре насчитывалось 13 салотопенных, 2 миловаренных, 4 свечно-сальных и 4 кожевенных завода, некоторые из них принадлежали удельным крестьянам. В 60-х гг. XIX века в Самаре «количество ежегодно добываемого на сало мелкого рогатого скота, по показанию промышленников, составляет около 350 тыс. голов»[3].

В Сызранском и Самарском имениях среди удельных крестьян развивались ремесла по обработке кож, шерсти, сапожное и шорное ремесло.

Выделкой сапожного и скорняжного изделий занимались крестьяне-ремесленники Сызранского и Тумкинского приказов. Это ремесло особенно было развито в городе Сызрани и в окрестных селениях, где около 80 удельных крестьян изготовляли сапожных и скорняжных изделий на сумму до 9 тыс. рублей в год. Почти в каждом селении Сызранского имения было по одному — два ремесленника, занимавшихся дублением и выделкой овчин. В 50-х гг. таких крестьян по этому имению насчитывалось до 100 человек, изготовлявших 77 тыс. овчин в год; 40 крестьян занимались изготовлением рукавиц и шорным делом; 68 крестьян из многих приказов того же имения занимались валяльным ремеслом и битьем шерсти[4].

Вышеперечисленные виды ремесла были распространены среди удельных крестьян других имений Среднего Поволжья. В Симбирском имении валяльным ремеслом и битьем шерсти занималось свыше 1300 человек. Все крестьяне села Теньковки Симбирского имения, в числе 600 человек, занимались шерстобитьем. Сотни крестьян-шерстобитов Верхнетимерсянского, Уржумского и Паркинского приказов Симбирского имения ходили

[1] Географическо-статистический словарь Российской Империи, т. I, СПБ, 1865, стр. 497.

[2] Сборник постановлений очередного Самарского губернского земского собрания, Самара, 1871, стр. 117.

[3] Там же.

[4] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 44—353.

из села в село бить шерсть[1]. Из среды крестьян-ремесленников выходили промышленники или купцы. Удельный крестьянин г. Сызрани имел свой кожевенный завод, на котором было установлено 2 чана, где изготовлялись кожи для подошв, материалы для красного и черного юфтового товара. На этом заводе выделывалось продукции на сумму до 3 тыс. рублей в год[2]. Удельный крестьянин д. Кадышевой Сухорецкого приказа Казанского имения владел небольшим кожевенным заводом[3]. В с. Ключищах Симбирского уезда имелось два кожевенных завода.

Таким образом, ремесло по обработке продуктов животноводства было распространено повсеместно, но развито оно было главным образом в Сызранском, Самарском и Симбирском удельных имениях.

Мы сомневаемся, чтобы удельные конторы вели тщательный учет всех неземледельческих занятий крестьян; естественно, что статистический материал по видам этих занятий далеко не полный. О неземледельческих занятиях крестьян Казанского имения говорят официальные данные конторы. На 15700 ревизских душ удельных крестьян Казанской губернии в 1857 году приходилось крестьян-ремесленников или торгующих крестьян.

по обработке дерева	283
кузнецов, медников, ведерников	108
овчинников	119
горшечников	47
специалистов по крашению холста	51
портных	96
сапожников	28
печников и кирпичных мастеров	32
мясников	16
разных специальностей	174
извозчиков	176
торгующих крестьян	344
Итого	1454

Таким образом, даже по этим приуменьшенным данным, 1454 удельных крестьянина (кроме отходников), что составляло

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 479, д. 1279, лл: 103—105; Всеподданнейший отчет за 1860 г., стр. 50.
[2] Липинский, ч. II, стр. 103.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4303, л. 116.
[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 479, 489, 507.

около 10 проц. всего удельного населения Казанской губернии, были тесно связаны с неземледельческими занятиями.

По неполным данным Симбирской конторы по всему Симбирскому имению в 1861 году насчитывалось крестьян-ремесленников и торгующих крестьян[1]:

1. Сапожников	104	10. Кирпичников	389
2. Портных	219	11. Торгующих крестьян:	
3. Шерстобитов	1307	хлебом	234
4. Кузнецов-медников	126	мясом и рыбой	438
5. Ремесленников по дереву	1549	хмелем	40
6. Маляров-красильщиков	77	лесом	278
7. Овчинников	49	красн. товаром	33
8. Печников	17	мелочн. товаром	291
9. Горшечников	27	Итого	5178

Вышеприведенные итоговые данные о развитии ремесла по Симбирскому имению значительно приуменьшены по сравнению с реальной действительностью. Так, шерстобитов по Симбирскому имению контора показала только 1307 человек, в то время, как в одном селе Теньковке этим промыслом занималось 600 человек. Один из современников писал, что бить шерсть и выделывать овчины крестьяне Паркинского приказа ходят в Казанскую и Симбирскую губернии из селений Старой Паркиной, Помаева, Атяшкина. Шамкина числом до 300 человек. Симбирская контора показала по всему имению 219 человек портных, в то время, как в Паркинском и Шемалаковском приказах их насчитывалось 255 человек[2].

Таким образом, степень развития ремесла среди удельных крестьян была значительно выше, чем об этом говорит официальная статистика.

Отхожие промыслы. Развитием товарно-денежных отношений и расслоением деревни обусловлено отходничество. Население все больше и больше отвлекалось от земледелия к торгово-промышленным занятиям, все больше подтачивалась типичная для феодализма неподвижность населения. Масса крестьян уходила в поисках заработка на земледельческие работы. Отходничество было одной из форм разложения натурально-хо-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1279, лл. 103—104, д. 1280, лл. 9—50.

[2] Всеподданнейший отчет за 1860 г., стр. 50; материалы для истории и статистики Симбирской губернии, вып. II. Симбирск, 1866, стр. 60.

зяйственной основы феодально-крепостнического строя, оно способствовало развитию капиталистических отношений в стране.

Капиталистическая система наемного труда постепенно внедрялась не только в промышленность, но и в сферу сельскохозяйственного производства. В рамках феодально-крепостнического строя создавалась купеческая и крестьянская мануфактура, основанная на вольнонаемном труде. На этих мануфактурах работала значительная часть отходников. Все эти отходники — феодально зависимые люди, имевшие в большинстве случаев наделы, за которые они отбывали те или иные феодальные повинности. Но, отправляясь на сторону, отходник действовал как «вольный», свободный человек, продавая свой труд «добровольно» предпринимателю.

Удельное ведомство не могло не видеть, что крестьяне, не имеющие своего хозяйства, за исключением избы и клочка земли, не способны при таких условиях не только платить подати и оброки, но даже кормить себя и свое семейство. Поэтому оно, естественно, поддерживало отходничество, существовавшее в дворцовой деревне и раньше. Но, отпуская крестьянина в отход, Департамент уделов не был уверен в том, что отходник будет вовремя платить подати и оброки, что он не забросит свой участок земли и возвратится домой.

В своих интересах удельное ведомство создало особую систему, разработало ограничительные условия отпуска крестьян работать на сторону. В основу всех инструкций и постановлений, регламентирующих отпуск, была положена круговая порука. Крестьянин, желающий выправить отпускной паспорт, должен был иметь согласие своего крестьянского общества, своих односельчан, что они за него будут обрабатывать его участок земли, а значит, платить за него все подати и отбывать повинности. Получив согласие своих крестьян, отходник представлял это согласие в приказ, а последний, если находил необходимым отпуск, представлял свое заключение конторе. Крестьянин-отходник на месте работы должен был обязательно заявить о себе и отметиться в удельных учреждениях — в удельных конторах (там, где они были), а в Петербурге — в Департаменте уделов. В противном случае, т. е. в случае неявки на отметку, отходник терял право отхода из своего селения в следующий раз. Приказам строжайше предписывалось неослабно следить за ушедшими на сторону крестьянами и, если крестьяне нару-

шали срок и другие правила отхода, впредь не выдавать паспортов[1].

Паспорта на отход выдавались не бесплатно, а за высокую по тому времени плату. В 1797 году была установлена следующая денежная такса за паспорта: годичный паспорт — рубль, двухгодичный — 5 рублей, трехгодичный — 10 рублей. В 1806 году паспортная такса была повышена: цена годичного паспорта — 2 рубля, двухгодичного — 6 рублей, трехгодичного — 12 рублей, четырехгодичного — 15 рублей и пятигодичного — 20 рублей. Высокие цены на паспорта говорят о стремлении Департамента уделов ограничить крестьянский отход на сторону и вместе с этим увеличить удельный доход.

В конце XVIII и в начале XIX века число выданных паспортов удельным крестьянам было незначительным. В 10 — 20 гг. XIX века наблюдался значительный рост выданных паспортов. Только за май 1810 г. Симбирская удельная контора выдала 165 паспортов. В 1815 — 1817 гг. Казанская контора выдавала сотни паспортов своим крестьянам. В 1823 году та же Казанская контора получила 1800 паспортных бланков, из которых больше половины роздано крестьянам[2].

Экономические связи в стране продолжали усиливаться. Росло, вопреки различным крепостническим ограничениям, передвижение людей из одного места в другое. Жизнь диктовала свои условия, с ними правительство не могло не считаться. Изданный в 1826 году царский указ о паспортах и билетах объективно способствовал дальнейшему развитию торговли, промышленности, неземледельческим занятиям крестьян. В этом указе юридически признавались те новые явления, которые происходили в стране и среди крестьянства. Именной указ 1826 года разрешал крестьянам всех разрядов, мещанам и дворовым людям, кроме паспортов, выдавать месячные, двух- и трехмесячные билеты. Кроме того, давался льготный месяц на случай непредвиденной задержки и по истечении льготного месяца «поступать с просрочившими на основании законов о бродягах»[3].

Департамент уделов по-прежнему не отпускал крестьян в

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 12, лл. 67—70; Свод удельных постановлений, ч. Ш, ст. ст. 448—476.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 88, лл. 51, 161, 270, 309, д. 93, л. 160, д. 109, л. 159, ф. 318, оп. 1, д. 47, л. 313.

[3] Там же, д. 194, л. 335.

отходничество на длительные сроки. В 1827 году удельное ведомство отправило в Казанскую контору 300 полугодичных и 500 годичных паспортов; двух-и трехгодичные паспорта не были присланы в контору, — Департамент уделов считал длительные паспорта для удельных крестьян ненужными[1]. Следуя своим принципам, Департамент уделов в 1828 году снова прислал Казанской конторе по ее запросу 600 полугодичных и 500 годичных паспортов, в присылке 2 и 3 годичных паспортов снова было отказано[2].

Крестьяне, уходившие в отход по паспортам, часто в срок обратно не являлись, иногда передавали свои паспорта в другие руки. Поэтому был установлен новый, более жесткий порядок оформления отхода. Крестьяне должны были давать подписки о том, что они в срок будут возвращаться в свои селения, использованные паспорта отдавать в приказы и конторы «под опасением наказания за неиспользование сего, и самого прекращения выдачи... увольнительных видов на будущее время»[3].

Мы не располагаем точными данными о выданных удельным крестьянам паспортах за первую четверть XIX века. За 30—50-е годы было выдано паспортов крестьянам всех удельных имений страны[4].

Год	Количество паспортов	На сумму рублей
1837	13655	21372
1847	17046	24678
1851	19737	23354
1858	18444	30063
1860	24245	

Таким образом, с 1837 по 1860 год или за 23 года число выданных паспортов удельным крестьянам увеличилось почти в два раза. Правда, количество выданных паспортов еще не говорит о степени развития отходничества среди удельных крестьян страны[1] и Среднего Поволжья в частности.

Количество выданных паспортов по отношению к обще-

[1] ГАУО, ф. 318, л. 250.
[2] Там же, д. 203, л. 396.
[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 203, л. 451.
[4] Всеподданнейшие отчеты за указанные годы.

му числу удельного населения России мизерно: в 1860 году на 836 тыс. ревизских душ выдано только 24 245 паспортов, что составляло около 3%. Процент отходников значительно увеличится, если мы возьмем в расчет следующие соображения. Во-первых, в отход уходили только взрослые крестьяне — от 18 до 55 лет, что составляло около 60% способного к отходу населения. Во-вторых, были такие губернии, в которых удельные крестьяне на месте находили заработки и не нуждались в паспортах. Например, в Самарской губернии малоземельные удельные крестьяне во время сельскохозяйственных работ отлучались на заработки за 10—15 и больше верст и надобности в паспортах и отпускных билетах не было[1]. Напротив, в Казанской губернии, где крестьяне не находили себе работы на месте, число выданных паспортов было значительным. Так, в 1845 году удельные крестьяне Казанского имения взяли 3755 паспортов и билетов, что составляло более 27% удельного населения губернии. Из этого следует, что в тех губерниях, где крестьяне в своем районе находили работу, число взятых паспортов было незначительным, а там, где крестьяне в поисках работы были вынуждены уходить за пределы губернии, число паспортов было великим. В-третьих, большинство крестьян считало невыгодным брать паспорта, за которые нужно было платить большие деньги и тратить много времени на их оформление. Крестьяне довольствовались отпускными билетами, которые их вполне устраивали для кратковременных зимних и летних заработков. И, в-четвертых, число отходников в Среднем Поволжье значительно увеличится, если учесть, что удельные крестьяне уходили на сельскохозяйственные и другие работы в Заволжье вовсе без паспортов и отпускных билетов.

Таким образом, число выданных удельным крестьянам паспортов еще не является мерилом для определения числа отходников.

С 30-х гг. XIX века число выдаваемых паспортов и отпускных билетов по отдельным удельным имениям из года в год стало значительно возрастать.

Так, например, Казанская удельная контора в 40-х годах XIX века выдала для своих крестьян билетов и паспортов[1]:

---

[1] В том же 1860 году на 110 тыс. ревизских душ самарских удельных крестьян было взято только 157 паспортов.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 378, лл. 1—6, д. 400, лл. 1—7; д. 407; лл. 1—9 д. 408, лл. 2—8.

Годы	Число крестьян по 8-й ревиз.	Выдано билетов			Всего	Выдано паспортов			Выдано билетов и пасп.	% % отходников
		1 мсс.	2 мес.	3 мес.		полу-годовых	годовых	всего		
1842	13750	1277	334	2	1613	99	339	438	2051	15,5
1843	13750	2669	504	34	3218	97	231	328	3541	25,1
1844	13750	2716	872	13	3301	126	290	416	3717	26,3
1845	13750	2653	632	9	3294	208	253	461	3755	27,2

Таким образом, только с 1842 по 1845 год, т. е. за 4 года, число паспортов, выданных по Казанскому имению, увеличилось более, чем на 10%.

Проследим дальнейший рост отходничества. В 1856 году удельным крестьянам Казанского имения было выдано билетов 4873, паспортов годичных и полугодичных — 284; в 1857 году было выдано билетов 5042, паспортов годичных и полугодичных 322 [1]. С 1842 по 1857 год, или за 15 лет, число отходников — удельных крестьян увеличилось с 15,5 до 34% ко всему удельному населению Казанского имения. В неурожайные годы, когда масса крестьян оставалась без куска хлеба, число выдаваемых билетов и паспортов значительно увеличивалось.

Данные только по одному Казанскому имению убеждают в постоянном росте отходничества. Аналогичное положение было и в других удельных имениях.

По Симбирской конторе в 1828 году было выдано крестьянам годичных паспортов 1166 и полугодичных 2209, а в 1830 году годичных 466 и полугодичных 859; в 1832 г. — годичных 739, полугодичных 1102. В 30-х гг. только по паспортам уходило крестьян Симбирского имения в отходничество 8—10% [2].

По Симбирскому, Сызранскому и Алатырскому удельным имениям в 1859 году было выдано крестьянам паспортов: полугодичных—2137, годичных—2322, духгодичных—29, а всего—4488 паспортов. В 1860 году крестьяне тех же удельных имений получили 5758 паспортов [3]. Казалось бы, что число удельных крестьян-отходников было незначительным,

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 489, л. 494;
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 285, л. 10, д. 309, л. 15.
[3] Всеподданнейший отчет за 1860 г., приложение № 5.

если учесть, что в Симбирской губернии в это время было 249.926 ревизских душ удельных крестьян. Многие крестьяне Симбирской губернии за исключением тех, кто уходил на длительные сроки, обычно паспортов не брали, и целыми группами уходили из своих селений на заработки в другие губернии. Об этом говорит современник Липинский: «Но при этом нельзя не заметить, что нередко отход рабочих за Волгу для полевых работ по уборке хлеба совершается без означенных формальностей и артели косцов и жнецов уходят на полтора и два месяца, не имея по большей части паспортов, в которых впрочем не встречается надобности»[1].

Сказанное Липинским подтверждают данные Сызранской удельной конторы. В отчете конторы за 1854 год говорится, что крестьяне ходили бурлачить ежегодно почти из всех селений до 4212 человек, а на полевые работы 6520 человек; занималось извозом 850 человек, уходило на сторону 1600 плотников и пильщиков, а всего уходило на заработки по Сызранскому имению 13182 человека, или 16% всего мужского населения[2].

Меньше всего уходили на сторону удельные крестьяне Самарского имения. В Самарской губернии было много оброчной земли, которую крестьяне арендовали или обрабатывали ее на кабальных условиях. В 1851 году самарским крестьянам было выдано паспортов двухгодичных — 2, годичных — 66, полугодичных — 22; в 1859 году выдали двухгодичных — 1, годичных — 105, полугодичных — 37 на все население самарского имения в числе 97 859 душ мужского пола (по 10 ревизии[3].

Необходимо сказать, что значительное число выданных Самарской конторой паспортов принадлежало торгующим удельным крестьянам. Об отсутствии отходничества среди удельных крестьян этого имения свидетельствуют отчеты конторы.

В 1861 году управляющий Самарской конторой писал, что все внимание крестьян обращено к земледелию, «которому с тем вместе способствует изобилие здесь лежащих ненаселенных земель. При этом, продолжал он, все другие ро-

---

[1] Липинский. Цит. пр., ч. II, стр. 334.

[2] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 352—353.

[3] Куйбышевский госархив, ф. 43, оп. 1, д. 49, л. 214, оп. 3, д. 52, лл. 168—170, ф. 3, оп. 5, д. 60 а; ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1182, лл. 118—128.

ды промышленности встречаются в весьма слабом развитии, так что земледелие не только занимает собой местных жителей, но дает способы к заработкам многим тысячам людей, приходящих в летнее время из губерний: Казанской, Симбирской, Нижегородской и других»[1].

Безусловно, что среди самарских крестьян были малоземельные, но им не было надобности уходить на сторону, они батрачили или работали поденно у своих же односельчан.

Таким образом, развитие отхожих промыслов в изучаемый период было несомненным признаком развивающихся капиталистических отношений. В. И. Ленин об этом писал: «Во всяком случае, как бы различно не относиться к этому явлению, не может подлежать никакому сомнению, что оно выражает отвлечение населения от земледелия торгово-промышленным занятиям». «Подобно отвлечению населения от земледелия в города, неземледельческий отход представляет из себя **явление** прогрессивное. Оно вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни»[2].

Из всех отхожих промыслов в удельной деревне Среднего Поволжья наиболее распространенными были бурлачество, извоз, сезонные работы на фабриках и заводах, а также батрачество, уход на полевые работы.

Бурлачество. В 1799 году советник Казанской удельной экспедиции, объезжая удельные селения Симбирской губернии, почти не нашел ни одного селения, где бы все крестьяне были налицо, 3—8 человек обязательно отсутствовали. Из одиннадцати селений только одного Моргинского приказа в 9 селениях насчитывалось 14 отходников, работающих на стороне по паспортам, главным образом, на Волге бурлаками[3].

Сколько всех удельных крестьян Среднего Поволжья занимались этим промыслом в начале XIX века, сказать, за неимением точных данных, трудно. Во всяком случае, крестьяне многих удельных селений, особенно расположенных по берегам Волги, Камы, Суры и других судоходных рек, занимались бурлачеством. Бурлачество до появления пароходов с каждым годом увеличивалось в связи с ростом по рекам перевозок.

---

[1] Куйбышевский госархив, ф. 43, оп. 11, д. 62, лл. 18—15.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 499—505.

[3] ГАУО, ф. 534, д. 7, лл. 47—52.

В 1806 году Краснослободское уездное казначейство Пензенской губернии сообщало в удельную экспедицию о взятых удельными крестьянами паспортах. О том, что многие крестьяне брали паспорта именно для бурлачества, свидетельствует время получения паспортов из Краснослободского казначейства[1].

Название селений	Когда взяты паспорта и кол-во их					Итого
	февраль	март	апрель	май	другие м-цы	
д. Парки . .	10	5	—	—	12	17
с. Кочыляй .	19	—	—	—	—	19
с. Дубровка .	—	39	13	20	2	74
с. Акса . .	—	27	14	2	—	43
с. Селищи . .	1	13	—	—	—	14
с. Курташки	—	—	16	—	3	19
с. Проказна	—	—	11	20	—	31
с. Перевесье .	—	2	4	—	1	7
с. Урей	—	4	4	—	—	8
Всего	3	90	62	42	18	242

Обычно в марте—апреле бурлаки собирались в артели и нанимались к судовладельцу с тем, чтобы пораньше отправиться в путь.

Средняя Волга, по наблюдениям современников, вскрывалась обычно в апреле. За 10 лет — в 30-х гг. XIX века Волга вскрывалась обычно в апреле 7 раз, в 40-х гг. — 8 раз, в 50-х гг. — 7 раз[2].

Взявшие паспорта в Краснослободском уездном казначействе удельные крестьяне указанных селений уходили, главным образом, бурлачить. Больше всего уходило бурлачить удельных крестьян Казанского имения. В 20-х гг. XIX века по одному только Сухорецкому приказу этого имения уходила бурлачить 20-я часть населения. То же самое говорят статистические данные за 1820 год и по Воскресенскому приказу[3].

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 274, лл. 465—467.

[2] Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии, Симбирск, 1868, стр. 34 (приложение).

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 126, лл. 23—40, 42—44.

Название селений	Колич-во крестьян муж. пола	Колич. отходников	Цель отхода	Процент ушедших
д. Константиновка . .	252	24	Не обозн.	9,5
д. Чебаксы	361	71	„	19
д. Аков	182	14	„	7,5
д. Царицыно	282	4	„	1,7
д. Сапугол	238	6	„	2,5
д. Лаишев . .	235	35	бурлач.	14,5
д. Мысов	332	34	„	10,2
с. Макарово . . .	323	43	„	8
д. Агибаш .	200	40	„	20
д. Тонеева	159	24	„	15
с. Рождественское . . .	285	61	„	21,4
с. Воскресенское . .	96	2	Не обозн.	2
д. Кукушкина . . .	69	1	„	1,4
д, Средние Атары . . .	24	2	„	8,3
д. Победилово . . .	75	4	„	5,3
д. Большие Атары . . .	50	3	„	6
Всего . .	3195	332		10,4

Таблица показывает, что по Воскресенскому приказу уходило на заработки более 10% удельных крестьян, причем, из 332 человек отходников 201 человек уходил бурлачить. Крестьяне этого приказа постоянно занимались бурлачеством. О многих селениях Воскресенского приказа в отчете Казанской конторы за 1851 год сказано: «Промышленность крестьян преимущественно состоит в бурлачестве по Волге и Каме» [1].

Крестьяне, несмотря на различные стеснения со стороны удельного ведомства и сельского приказа, уходили бурлачить нередко без паспортов. В 1808 году Веденский приказ доносил в Казанскую удельную экспедицию, что крестьяне селений Веденского, Дубровок, Перевесья и Парки в числе 7 человек без ведома приказа «и взятия от уездного казначейства пачпортов отлучились на немалое время в судовую работу».

В 1806 году Анатышский приказ писал экспедиции, что удельные крестьяне с. Чинчурина в числе 9 человек «просили

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 4, д. 41, лл. 171—189.

у мирских людей увольнительных писем для взятия плакатных годовых пачпортов, однако же им за несправление мирских повинностей оных не дано, но они за всем тем отлучились без пачпортов на волгскую работу»[1]. Другие крестьяне, получив паспорта для занятия бурлачеством, уходили надолго и не обращали внимания на увольнительные сроки возвращения домой[2].

В бурлачество уходили люди как среднего достатка, так и не имеющие никаких средств к существованию. Во многих случаях это были совершенно обедневшие крестьяне, сдавшие свои участки земли другим крестьянам за долги или всему миру в счет уплаты оброков и податей.

В 1829 году управляющий Симбирской удельной конторой писал в Департамент уделов, что крестьяне 6 приказов Алатырского и Ардатовского уездов «находятся в неимоверной бедности; кроме хлебопашества, вся промышленность их состоит в бурлачестве, где они с величайшим трудом при вскрытии Волги, вверх против течения реки тянут на себе суда и расшивы до г. Рыбинска, вырабатывая во все лето не более тридцати рублей, кои, проедая и пропивая, возвращаются с долгами и тяжкими болезнями, наиболее простудными и венерическими; через сие заставляя оставшихся в домах своих хлебопашцев платить за них государственные подати»[3]. В другом документе читаем: «В Ардатовском приказе находится **множество** (подчеркнуто нами — Н. Г.) крестьян, кои совсем не платят и никогда не платили оброка, который вносится за них миром, таковые большею частию суть из бурлаков»[4].

Хотя некоторые из крестьян и занимались, наряду с бурлачеством, обработкой земли, но земля, при плохом уходе за ней, давала низкие урожаи. «У крестьян, — писал в 1856 году В. Н. Сбоев, — живущих при судоходных реках, особливо при Волге, хлебопашество находится в положении не совсем удовлетворительном. Многие из них занимаются все лето работами на судах, ходят бурлачить на юг, до Дубовки и Астрахани, и на север, до Рыбинска»[5].

---

1 ГАУО, ф. 534, д. 167, л. 228, д. 344, л. 759.

2 Там же, д. 167, л. 228.

3 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 109, д. 984, л. 47.

4 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 985, л. 4.

5 В. Н. Сбоев. О быте крестьян в Казанской губернии, Казань, 1856, стр. 6—7.

В 50-х гг. XIX века более 4 тыс. удельных крестьян Сызранской конторы ежегодно ходили тянуть лямку на Волгу и Суру[1]. На реке Суре судоходство обслуживалось местными крестьянами, в том числе и удельными Алатырского, Ардатовского и Курмышского уездов.

В поисках куска хлеба, в поисках добавочных средств для уплаты податей, налогов удельные крестьяне тянули лямку бурлака. Труд бурлака исключительно тяжел. Бурлаку нужно иметь хорошее здоровье, чтобы вынести поистине каторжные условия труда. От чрезмерного напряжения у бурлаков расширялись на ногах вены, от постоянно сдавленной лямкой груди многие крестьяне болели туберкулезом, к тому же недоедание, простуда, — все это часто приводило бурлака к преждевременной смерти. Судохозяева не заботились о бурлаках; заболевших рабочих обычно высаживали на берег «и кидали там, как собаку, а в случае смерти, так и в воду без погребения».

О тяжелом положении бурлачества свидетельствуют многочисленные судебные разборы. В 1835 году судопромышленник из крестьян Маяменов из с. Нижнего Услона Свияжского уезда подал жалобу в суд на группу удельных крестьян Козловского и Лобаскинского приказов. Он обвинял крестьян-бурлаков в том, что они в 1834 году, поступив к нему на работу, взяли полный задаток, но всех условияй договора не выполнили. По договору бурлаки должны были доставить до г. Рыбинска расшиву Маяменова, груженную хлебом. Крестьяне показали, что на расшиве не было полного комплекта людей, необходимых снастей, к тому же сама расшива была худа, «для починки коей неоднократно по нескольку дней простаивали на одном месте».

Несмотря на это, говорили крестьяне, Маяменов торопился как можно скорее доставить на место хлеб, не щадил людей, избивал их. Крестьяне жаловались, что жестокое обращение судохозяина заставило их «разойтись по своим домам и тем самым избавиться от тяжкой и несносной работы»[2].

Издевательства над бурлаками — обычное явление для того времени. Удельные крестьяне села Сухой Реки Казанского уезда нанялись сопровождать судно казанского мещани-

---

[1] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 345—353; ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 396, л. 422.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 297, лл. 259—281.

на Матвеевского до города Рыбинска. Получив задаток в 1823 году, бурлаки отправились в путь и целый месяц простояли у Майны (выше Симбирска на 60 верст). За время стоянки у Майны они получили только за 9 дней по 50 копеек каждый. Матвеевский жестоко избивал бурлаков, «почему они ныне отлучась единственно для принесения своему начальству о том жалобы»[1].

Случалось иногда, что от скромных протестов бурлаки переходили к более решительным действиям, волновались и жестоко расправлялись со своими судохозяевами и их приказчиками[2].

Департамент уделов стремился к тому, чтобы крестьянские хозяйства не разрушались и были способны обеспечить оброк и повинности. В многочисленных циркулярах 30—40-х гг. Департамент уделов предлагал управляющим конторами, чтобы они изыскивали «все способы к отклонению крестьян от занятий судовым промыслом или бурлачеством, стараясь взамен того, обратить их к хлебопашеству или приискать для них выгодные работы на месте».

Удельное ведомство категорически запрещало отпускать крестьян-одиночек в бурлачество, а из многолюдных селений разрешалось отпускать крестьян только в том случае, когда начальство удостоверится, что участки земли, которыми владели крестьяне, в отсутствие их будут надлежащим образом обработаны и хозяйство не придет в упадок[3].

Вопреки предписаниям и запретам местного начальства, крестьяне продолжали заниматься бурлачеством до тех пор, пока это занятие не было вытеснено паровой тягой, силой пароходов.

Занимаясь бурлачеством, удельные крестьяне полностью или частично отрывались от сельского хозяйства. Впоследствии они пополняли кадры рабочих по обслуживанию пароходства.

С середины 50-х гг. XIX века в отчетах управляющих конторами говорилось, что крестьяне, ранее занимавшиеся на Волге бурлачеством, переходят обслуживать пароходы. Так, в отчете за 1857 год управляющий Симбирской конторой в разделе о промыслах писал, что некоторые крестьяне Тушнинского приказа «занимаются работами на судах и парохо-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 297, лл. 259—281.
[2] ГАУО, ф. 115, оп. 8, д. 18; ф. 124, оп. 3, д. 929, д. 566.
[3] Свод удельных постановлений ч. III, ст. ст. 453—454.

дах по реке Волге.., занимаются плотничным мастерством и в поденных работах при пароходах»[1].

Извоз. Рыночные связи все время развивались, развивалась торговля, резко возрастали перевозки товаров. Но средствами транспорта, за отсутствием железных дорог, были только водные пути или гужевой транспорт, причем последний являлся главным средством перевозок, так как реки были не везде судоходными и пользоваться ими можно было только сезонно.

Извоз в удельной деревне, как подспорье к земледельческим занятиям, известен был давно. Экономические межевые примечания Казанского уезда конца XVIII века говорят, что некоторые крестьяне перевозили на своих лошадях купеческие товары с одной ярмарки на другую, из одного города в другой, даже на большие расстояния. Были случаи, когда крестьяне отправлялись на лошадях в далекий и рискованный путь, в Сибирь или ездили в центральные районы России. В первой четверти XIX в. занимались извозом удельные крестьяне Казанского имения только пригородных селений. Впоследствии этот вид промысла распространяется на удельных крестьян других уездов. В 30—50-х гг. извозом занимались крестьяне села Шумково Анатышского приказа, селений Варакино, Жуково, Марково, Лапшиной, Мишиной, Коряковой, Гомзовой, Кошкиной, Медведевой, Большое Кузнецово, Княжна, Якимовой, Юшковой, Спасское Вараксинского приказа, с. Сухая Река, д. Короваево, с. Чепчуги Сухорецкого приказа Казанского удельного имения[2].

Извозом больше всего занимались удельные крестьяне Алатырского, Симбирского и Сызранского имений. «Промысел этот, — пишет Липинский, — весьма развит в губернии (Симбирской — Н. Г.) и вызывается, главным образом, перевозкой хлеба сухим путем на пристани и перевозкой товаров сухим путем на главные ярмарки губернии, Сборную и Троицкую[3]. Особенно развит был извоз в Борлинском, Коченяевском и Хомутерском приказах Сызранской конторы. В 1854 году в этих приказах крестьяне занимались извозом на 3600 подводах. 580 крестьян извозничали круглый год, остальные — только в зимнее время[4].

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 29, д. 297, лл. 259—281.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4303, лл. 3—124.

[3] Липинский. Цит. произв., т. 2, стр. 340.

[4] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, л. 353.

В Самарской степной губернии извоз в жизни крестьян всех разрядов также играл немаловажную роль. «Извозничество,— писал в 1856 году самарский губернатор, — постепенно получает здесь значительное развитие». Главными предметами перевозок являлись илецкая соль, хлеб и рыба. За илецкой солью отправлялись тысячи подвод, «частью русские на лошадях, а больше здешних малороссиян на волах; хлеб который скупается промышленниками в степных селениях и перевозится на волжские пристани; рыба уральская, за которой ко времени багрения отправляются ватаги извозчиков для отвоза потом в Москву, Казань и другие приволжские города»[1]. Другие обедневшие крестьяне не только возили соль, но и косили ковыль для продажи. «В Самарской губернии, — писал Флеровский, — за неимением подсобного промысла, крестьянин в рабочую пору бросал свои поля и свое семейство и отправлялся за несколько сот верст косить ковыль или с лошадью возить соль; он так беден, что не в состоянии кормить во время пути свою лошадь овсом, он останавливается в поле и кормит ее травою»[2]. В извоз обычно отправлялись зажиточные крестьяне, имевшие хороших лошадей, исправную сбрую, добротные сани или телегу. Они отправлялись в далекий путь не на одной, а на 2—5 подводах, используя в качестве работников или своих членов семьи, или батраков.

Часть удельных крестьян, занимавшихся извозом, отрывалась от сельского хозяйства только в свободное от полевых работ время, другие крестьяне извозом занимались круглый год и, следовательно, совершенно отрывались от земледелия.

Уход на сельскохозяйственные и другие работы

Многие удельные крестьяне уходили на сезонные сельскохозяйственные работы в Самарскую, Саратовскую и другие губернии, туда, где много было земли и мало рабочих рук. Уже в дореформенный период возникают своеобразные «биржи труда», где люди предлагают себя для работы в сельском хозяйстве. Такими «биржами» в Симбирской губернии были город Сызрань, с. Новодевичье, в Самарской губернии — слобода Покровская, которые в пореформенный

[1] ЦГИАЛ, ф. 1218, оп. 5, д. 43. Отчет самарского губ. за 1856 г. л. 107.
[2] К. Флеровский. Положение рабочего класса в России. 1938. стр. 236—237.

период приобрели большое значение как рынки купли и продажи рабочей силы [1].

Уже в XVIII веке отмечаются факты, когда в торговые, ярмарочные дни возникали своеобразные биржи труда. Во второй половине указанного столетия в город Сызрань, во время летней «батрацкой» ярмарки, приходило много людей с предложением своего труда на сельскохозяйственные работы. Само слово «батрак» всегда употреблялось в смысле наемного рабочего.

По-видимому «батрацкая ярмарка» была не в самом городе Сызрани, а в удельной деревне Батраки, расположенной в 12 верстах от города. О скоплении народа в деревне Батраках говорит современник начала 60-х годов XIX века. «Пришлого населения всего более сосредотачивается в деревне Батраках, куда в межень (во время разлива Волги.— **Н. Г.**) переходит грузка товаров с Сызранской пристани». В другом месте той же работы читаем: «Через Батраки проходит знаменитый Уральско-Московский тракт. По этому тракту летом и зимой провозится огромное количество разного рода товаров; из-за Волги везут по Уральскому тракту соль, рыбу, шерсть, из нашей губернии идут преимущественно разного рода лесные изделия... Говоря о Батраках, нельзя не упомянуть, что это селение очень древнее. Говорят, что оно было некогда местом мены русских с кочевыми народами, населявшими левый берег Волги»[2].

Таким образом, деревня Батраки, возможно, и являлась еще в XVIII веке таким местом, куда в летнее время приходили крестьяне из малоземельных губерний для предложения своего труда на сельскохозяйственных и других работах.

На сельскохозяйственные работы в Самарскую, Оренбургскую, Саратовскую и другие губернии уходили десятки тысяч удельных крестьян из Казанской и Симбирской губерний. Почти все трудоспособное население некоторых удельных селений уходило, главным образом, в Самарскую губернию. По свидетельству современников, из сел Приволжья, Тамышева, Большой и Малой Борлы Сызранской конторы «почти все население уходит на полевые работы в Самарскую губернию»[3].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 206.

[2] Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии, Симбирск, 1868, стр. 82—83.

[3] Там же, стр. 79.

В Сызранском удельном имении почти не было села, откуда бы ни уходили крестьяне в другие губернии на сельскохозяйственные работы. Даже по неточным подсчетам Сызранской конторы, в 1854 году ежегодно на полевые работы в Самарскую губернию уходило 6500 человек[1]. Если учесть, что в Самарскую и другие губернии удельные крестьяне шли не только без паспортов, но и без отпускных билетов, то статистика Сызранской конторы потребует существенных поправок. Как много уходило крестьян на сельскохозяйственные работы в Самарскую губернию, свидетельствуют данные за 30-е гг. XIX века. Только в один Николаевский уезд в это время приходило до 120 тыс. человек, тогда как в самом уезде было не больше 80 тыс. ревизских душ крестьянского населения[2].

При этом необходимо заметить, что ранней весной обычно уходили в Самарскую губернию батраки, не имевшие своего хозяйства. В апреле месяце они появлялись в Самарской губернии, где в зажиточных крестьянских хозяйствах выполняли все работы. В июле месяце «начинают двигаться разноплеменные, пестрые толпы народа обоего пола: русских, татар, мордвы, чуваш, собственно, уже для уборки хлеба. В это время все дороги к Заволжью и все переправы на реке представляют настоящую ярмарку или какое-то нашествие орд»[3].

Один из современников в первые пореформенные годы писал, что крестьяне Симбирской губернии уходят на промыслы большею частью в Самарскую, Оренбургскую и Саратовскую губернии, также на Дон, в Сибирь — на золотые прииски, в Киевскую губернию — на сахарные заводы, в Нижний Новгород. Московскую и С.-Петербургскую губернии. «Всего отправляется из губернии ежегодно для промыслов и работ не менее 80.000 обоего пола»[4].

Из Симбирской губернии в отдаленные районы уходило по паспортам до 10 тыс. человек; много крестьян без всяких письменных видов уходили на работы в другие соседние губернии.

---

[1] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 352—353.

[2] Журнал Министерства внутр. дел, 1840, т. XXXV (описание Саратовского Заволжья), стр. 391.

[3] Там же.

[4] Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии, стр. 26—27; ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 352—353.

О том, что значительная масса этого населения уходила на сельскохозяйственные работы, говорит Липинский: «Развитие этих (сельскохозяйственных — Н. Г.) промыслов зависит от малочисленности населения юго-восточных заволжских губерний. При большом количестве обрабатываемой земли, в этих губерниях недостает рук не только для ремесленной промышленности, но и для уборки хлеба. Симбирская же губерния населена гораздо гуще. Потому у нас не только зимой, но и летом всегда находятся свободные работники» [1].

Удельные крестьяне в отход уходили не только на полевые работы и бурлачить на Волгу, но и на многочисленные другие работы.

Были такие крестьяне, которые в свободное от полевых работ время уходили работать на фабрики и заводы. В 1861 году о крестьянах с. Воскресенского Казанского уезда сказано: «Крестьяне преимущественно занимаются работами в городе Казани». О крестьянах с. Царицыно, дд. Чебаксы и Аки того же уезда сказано, что многие из них работают в городе Казани. По Сухорецкому приказу за эти годы в отчетах значится, что многие крестьяне работают в г. Казани, а о крестьянах деревень Берляковой и Апайкина Гарь прямо сказано, что они работают на кожевенных заводах города Казани [2].

Крестьяне-отходники не ограничивались пределами Среднего Поволжья. Крестьяне Красно-Островского приказа Курмышского уезда работали на золотых приисках Сибири, уходили в Петербург, Москву и Нижний Новгород «для разной торговли для услуг купцам» [3]. Крестьяне-отходники Петряксинского приказа того же уезда работали на сахарных заводах Киевской губернии, на золотых приисках Сибири, занимались «разносной торговлей в Петербурге и Москве» [4]. При этом необходимо отметить, что основная часть отходников продавала свою рабочую силу, а другая, незначительная часть отходников-подрядчиков, владельцев трактиров, лавок и т. п., постепенно превращалась в эксплуататоров, в покупателей рабочей силы.

---

[1] Липинский, т. 2, стр. 340.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 4, д. 41, лл. 219—220, 171—189.

[3] Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. III. Симбирск, 1866, стр. 99.

[4] Там же.

Были случаи, когда некоторые крестьяне не только забрасывали сельское хозяйство, но покидали свои селения и переселялись в заводские поселки или в города. В 1809 году управляющий Пензенской удельной конторой писал в Департамент уделов, что «имеются удельные крестьяне, давно уже живущие своими домами в Сандоровском винокуренном заводе, кои, оставив свои селения и не имея в оных хозяйства, находятся в заводских работах»[1]. Перед самой реформой некоторые крестьяне навсегда покидали свои селения и уходили в отдаленные места. В 1860 году Департамент уделов писал управляющему Симбирской удельной конторой, что «крестьяне некоторых селений, под предлогом отправления на продолжительные заработки, распродали свои дома, скот и прочее имущество и целыми семействами ушли в низовые губернии и Сибирь, с намерением не возвращаться более на родину». Удельное ведомство специальным распоряжением запрещало выдавать паспорта целым семействам и приказывало строго следить за тем, чтобы подобных переселений не было[2].

Итак, неземледельческие занятия среди удельных крестьян Среднего Поволжья развивались повсеместно. Удельные крестьяне для улучшения своего материального положения прибегали к неземледельческим занятиям, и для многих неземледельческие доходы становились большим подспорьем в их существовании. Развитие неземледельческих занятий способствовало росту производительных сил, усилению рыночных связей и, в конечном итоге, разложению натурального хозяйства. Оно было одним из факторов развития новых капиталистических отношений. С ростом процесса разделения труда, с развитием ремесел и промыслов, развивались товарно-денежные отношения. Ремесленники—мелкие товаропроизводители представляли собой благоприятную среду для развития капиталистических отношений, а отходники на предприятия и сельскохозяйственные работы способствовали в рамках феодально-крепостнического строя развитию промышленности капиталистического типа (купеческой и крестьянской мануфактуры), способствовали развитию новых отношений в сельском хозяйстве.

---

[1] ЦГИАЛ,. ф. 515, оп. 2, д. 97, лл. 177.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1182, л. 144.

Удельные крестьяне — арендаторы и землевладельцы

Развитие ремесел, промыслов и торговли, сами поземельные отношения в удельной деревне — все это способствовало расслоению крестьянства. Исходным пунктом расслоения крестьянства было имущественное неравенство.

Неправильно было бы думать, что расслоение наблюдалось только среди крестьян, тесно связанных с промышленностью и торговлей. Процесс расслоения, правда в более замедленном темпе, шел и среди населения, занятого только земледелием, особенно в тех районах, где было много земель — на юге и в Поволжье с заволжскими районами, где зажиточная верхушка крестьян приобретала огромные массивы земель и обрабатывала их трудом батраков и вольнонаемных рабочих.

Проникновение товарно-денежных отношений в удельную деревню, как об этом было сказано выше, разрушало ее патриархальную замкнутость. Власть денег чувствовалась с каждым годом все больше и больше.

Крестьянину нужны были деньги для уплаты оброков и податей, для покупки недостающего хлеба, для приобретения инвентаря, которого крестьянин не мог изготовить в своем хозяйстве (кос, серпов, лемехов и т. д.); деньги нужны были и для взяток многочисленным приказным, удельным чиновникам и представителям местной власти[1].

Нуждой беднейших крестьян воспользовались зажиточные. Они, опираясь на власть удельного головы, старосты или сборщика податей, вносили за неимущих оброки, подати, за что брали земельные участки бедняков в «аренду», часто принуждая односельчан работать на себя. Используя власть в своих интересах, они пускали в оборот, отдавали в рост за проценты собранные с крестьян оброчные и подушные деньги. Из таких зажиточных крестьян вырастали ростовщики, которые держали весь крестьянский мир в своих руках.

В 1806 году крестьяне Сыресевского приказа Ардатовско уезда жаловались удельной экспедиции на казенного старшину Алексея Пименова. Пименов во время сбора оброчных податей не принимал от крестьян медных денег, принуждал платить ему за обмен меди на ассигнации по 2 копейки и 3 деньги с рубля, а кто противился, того гнал вон. Старшина Пименов таким путем накопил медных денег до 2,5 тыс. руб-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 984, л. 49.

лей, менял купцам на ассигнации «с получением себе немалой прибыли». Остальные деньги в сумме 5 тыс. рублей, собранные с крестьян, он пустил в торговые обороты, получая от этой операции большие доходы[1].

Подобных Пименову было немало в удельной деревне. В селе Старые Костычи Сызранской удельной конторы жил крестьянин Серебряков, державший сельское общество в своих руках. Он захватил землю бедных крестьян, забрал крестьянские луга в «аренду» под тем предлогом, что вносил оброчные и подушные подати за несостоятельных людей. Редкий крестьянин не был должен Серебрякову. Когда у его соседки вдовы Егоровой сгорел двор, Серебряков часть соседского двора присоединил к своему, обнеся забором. Сам Серебряков податей не платил. Когда местный приказ в 1836 году во время расчета с Серебряковым вычел с него подушные деньги, он подал жалобу в Сызранскую контору на притеснения местного начальства. На вопросы удельного чиновника крестьяне показали, что они действительно занимали у Серебрякова деньги, «причем присовокупили, что занимаемые у него деньги уплачены по временам частию ему самому, а частию он же сам предоставил замещать их за некоторых несостоятельных крестьян в подати, которые и получены уже с них». Крестьянское общество, чтобы расплатиться с Серебряковым, заняло деньги у четырех богатых крестьян, отдав последним луга, которые были у Серебрякова[2]. Подобных примеров было много.

Ростовщичество также способствовало расслоению крестьянства, концентрации земли в одних руках и обезземеливанию других. Земля постепенно изменяла свое прежнее назначение. Если для основной массы крестьян она оставалась, как и всегда, только «кормилицей», то для других она теперь стала источником наживы и эксплуатации. Зажиточные крестьяне, имея свободные деньги, уже не довольствовались надельной землей, а скупали или арендовали земли, превращаясь в земельных собственников.

Прямых данных, подворно характеризующих удельную деревню конца XVIII века и первых двух десятилетий XIX века, ее расслоение, экономическую силу одних дворов, зажиточность или маломощность других и бедность третьих, в документах удельных учреждений мы не нашли. Но косвенным

[1] ГАУО, ф. 534, д. 274, л. 84—86.
[2] ГАУО, ф. 534, д. 229, лл. 309—310.

путем, путем анализа, например, тех или иных юридических актов частного быта и связанных с этими актами документов, некоторые показатели экономики зажиточных хозяйств устанавливаются документально.

Так, в прошении удельного крестьянина села Налитова Алатырского уезда Ивана Алексеева в 1805 году на имя Казанской удельной экспедиции о разрешении семейно-имущественного раздела со своим старшим сыном, значится следующее имущество: 9 лошадей, 12 голов крупного рогатого скота, 20 овец, 9 свиней, «хорошего строения и хлебопашества имеет довольно»[1]. В 1806 году приказной старшина с. Сыреси Алатырского уезда Пимен Филимонов отделяет своему старшему сыну половину своего имущества, состоявшего из 7 лошадей, 10 коров, 50 овец, 20 свиней, 50 ульев пчел, двух мукомольных мельниц (водяная и ветряная) и обязуется построить жилые и хозяйственные постройки выделенному сыну. По твердому убеждению Пимена Филимонова его сын «по своему родительскому награждению по отделе может быть исправным поселянином и в состоянии платить государственные подати и прочия в мирском обществе работы»[2]. Ничего не сказано в филимоновском прошении о земле, но ясно и без слов, что в малоземельном Сыресевском приказе Филимонов не мог бы держать много скота на обычном земельном наделе, если бы у него не было других земельных угодий, арендованных оброчных статей и расчищенных земель.

Зажиточные крестьяне имели не только хорошее хозяйство, но и некоторые денежные сбережения. Когда в 1807 году Александр 1 специальным манифестом объявил о создании ополчений в борьбе с наполеоновской Францией, удельные зажиточные крестьяне Казанской губернии «на строение ратного дела» жертвовали большие для того времени деньги. Только из деревни Княжна Вараксинского приказа 6 удельных крестьян пожертвовали для снаряжения ополчения 185 рублей. Некоторые крестьяне этого приказа жертвовали по 25—50 рублей и даже по 100 рублей каждый[3].

В 30—50 гг. XIX века среди удельных зажиточных крестьян встречаем людей с большим достатком, которые располагали значительными капиталами, богатыми постройками,

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 309, л. 727.
[2] ГАУО, ф. 543, д. 325, лл. 44—48, 139; 206.
[3] ГАУО, ф. 534, д. 325, лл. 44—48, 139—206.

просторными домами, имевшими свои суда на Суре и Волге[1]. Для некоторых удельных крестьян ничего не стоило построить церковь или придел к ней. Удельный крестьянин села Сухая Река Казанского имения Михаил Платонов в 1842 году построил за свой счет в своем селе церковь, стоимость которой нам неизвестна. Другой крестьянин села Игнатова Алатырской конторы Павел Дмитриев в 1850 году пожертвовал на церковь колокол стоимостью 2 тыс. рублей, купил иконостас за 228 рублей, заплатил за церковные поделочные работы 850 рублей и за свой счет перевез колокола[2].

Зажиточная верхушка удельной деревни создавала богатства за счет как торговой и промышленной деятельности, так и аренды и приобретения в собственность земель.

Дворцовые крестьяне арендовали землю уже во второй половине XVIII века у казны и помещиков. В первой половине XIX века удельные крестьяне арендовали земельные угодья преимущественно у своего ведомства.

Больше всего арендаторов удельных крестьян было в Самарском имении. Следует привести некоторые хотя и неполные данные, чтобы представить размеры аренды земельных угодий в 30-х, 50-х годах XIX века, причем мы берем только крупные аренды земли в 100—500 и больше десятин, т. к. более мелкие аренды не поддаются никакому учету, потому, что они часто переходили из одних рук в другие.

Данные по аренде земли в Самарском имении приведены в таблице.

Название приказа, селения	Число крестьян арендаторов	Количество арендуемой земли в дес
Екатерининский приказ:		
с. Кандеевка	27	500
с. Владимировка	38	1500
с. Федоровка	6	500
с. Екатериновка	12	500
с. Переволоки	1	500
с. Никольское	10	500
с. Екатериновка	1	500
с. Никольское	1	500

[1] ГАУО, ф. 340, оп. 4, д. 15, лл. 1—157; ф. 322; оп. 3; д. 234; 235.
[2] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 92, лл. 12—14; ф: 342; оп: 1; 467; л. 15:
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 31, д. 1294, лл. 4—49, д. 1299, лл. 1—16.

Название приказа, селения	Число крестьян арендаторов	Количество арендуемой земли в дес.
Съезжий и Воздвиженский приказы		
д. Михайловка	все общ.	2282
с. Съезжее	„ „	419
д. Дергановка	2	1142
с. Утевка	2	1972
д. Лаврентьевка	все общ.	1995
д. Антоновка	„ „	452
д. Костина	„ „	2479
д. Троицкая	„ „	358
д. Ивановка	„ „	641
д. Александровка	„ „	750
д. Пронькина	„ „	186
д. Александровка-Грачевка	1	2516
с. Воловатое	1	64

Из данных таблицы видно, что 102 крестьянина арендовали 11270 десятин земли, а 9 крестьянских обществ, в которых насчитывались тысячи крестьян, только 9562 десятины. В отдельных приказах Самарского имения удельные крестьяне арендовали до 40 и больше тыс. десятин земли [1].

Меньше всего крестьян-арендаторов было в Алатырском удельном малоземельном имении. Только малоземельем этого имения можно объяснить высокие цены на землю: если в Самарском имении арендная плата равнялась в среднем 50 коп. за десятину, то в Алатырском она доходила до 3 рублей и больше [2].

Среди земельных арендаторов были зажиточные и бедные крестьяне. Во что обходилась крестьянам арендованная земля, говорят сами современники. «Здесь необходимо упомянуть, — писали в 1851 году чиновники Самарской конторы, — о вредной промышленности некоторых частных людей, кои, удерживая за собой по торгам необходимые для крестьян земли, раздают оные потом по дорогим ценам и постепенно возвышали последнее до того, что умеренный урожай хлеба не вознаграждал трудов и издержек земледельца».

В Самарском и Ставропольском уездах, — продолжали

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4310, л. 413.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, д. 1195, л. 171.

они, — «существует, можно сказать, совершенная монополия частных промышленников», которые прилагали все усилия для возвышения цен на раздаваемые ими казенные и удельные земли и удерживали за собой такие участки, которые по «местному положению наиболее необходимы крестьянам ближайших к тем землям селений» [1].

Так, от Дубового Умета и других селений Самарского уезда в 1841 году удельное ведомство отрезало более 3 тыс. десятин земли и отдало ее в частные руки арендаторам. Арендаторы, рассчитывая на получение больших барышей с удельных крестьян окружных селений, для которых земельные участки были очень необходимы, — «возвышали на торгах оброчные цены в 5 и 10 раз более прежнего оброка», отчего удельные крестьяне «потерпели большие убытки»[2].

Арендаторами-оптовиками обычно были или зажиточные удельные и другие крестьяне или купечество, иногда мещане и помещики. Посевами пшеницы в Самарской губернии, по утверждению самарского губернатора, «занимаются не только поселяне, но и многие из городских обывателей употребляют на нее значительные капиталы, снимая для того в разных ведомствах участки земли»[3].

Располагая деньгами, зажиточный крестьянин арендовал сотни, а иногда и тысячи десятин земли, отдавая ее мелкими участками другим крестьянам. Оброчную статью в 11.418 десятин земли, отрезанную в свое время от земельных угодий Ставропольского калмыцкого войска, с 1841 года арендовал удельный крестьянин села Кириловки Нижнесанчелеевского приказа Денис Никитин. Он арендовал по сотне и тысяче десятин земли и в других приказах и даже имениях [4]. Удельный крестьянин Селихов из деревни Моисеевки Ставропольского уезда в 50-х гг. арендовал в удельном ведомстве 1883 десятины земли за 432 рубля серебром в год, а отдавал ее по высоким ценам крестьянам деревень Андреевой, Лабитиной и Елхова Куста [5].

Ставропольский купец Пантелеев в то же время в своем уезде имел до 15 тыс. дес. арендованной земли, которую затем

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4309, лл. 304—305.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, д. 1195, лл. 358—359.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 43 (Отчет самарского губернатора за 1856 год), л. 105.

[4] ЦГИАЛ, ф. 551, оп. 31, д. 1296, л. 8.

[5] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4309, лл. 312—313.

отдавал крестьянам втридорога[1]. Крестьянин села Новой Майны Верхнемелекесского приказа Богатов арендовал в своем приказе 1107 десятин за 1306 рублей, при деревне Высоком Колке Новомалыклинского приказа 782 десятины за 190 рублей, при селе Лебяжьем Пискальского приказа 1163 десятины за 454 рубля в год[2].

Большой список крупных арендаторов из удельных крестьян можно привести по Сызранскому удельному имению. Только по Сызранскому уезду такими арендаторами были[3].

Фамилия удельного крестьянина	Количество арендуемой земли в дес.	Стоимость аренды (в руб.)	Срок аренды
А. Прокофов	1570	1061	1844—1850 г.
И. Корчагин	1566	1057	1844—1848 г.
Ф. Землянсков	184	60	»
В. Захаров	1890	857	1844—1850 г.
А. Рачейсков	6261	3544	»
Афанасьев и Юдин	2235	300	на 1848 г.
Зернов	2185	324	на 1849 г.
Варламов	1088	406	1846—1852 г.
Н. Князев	536	577	1842—1848 г.
В. Нумдин	551	103	»
Е. Епанешников	2135	876	1843—1849 г.
Всего	20201	9.165	»

Таким образом, 12 удельных крестьян Сызранского уезда арендовали более 20 тыс. десятин земли за 9165 рублей серебром.

Аренда земли удельными крестьянами свидетельствовала о дальнейшем расслоении крестьянства: с одной стороны увеличилась группа крестьян, которые постепенно лишались средств производства, не могли обеспечить свое существование иначе, чем продажей рабочей силы; с другой стороны, появляются крупные арендаторы земли, в руках которых со-

---

3 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4309, лл. 149—152—221.
2 Там же, оп. 31, д. 1301, лл. 4, 23, 24.
3 Там же, д. 1208, лл. 2—23; 90—97.

сосредоточиваются средства производства в больших размерах.

О процессе расслоения и дифференциации удельных крестьян говорят факты мобилизации земель у зажиточной верхушки деревни. Зажиточные крестьяне уже не довольствовались своими земельными наделами, расчищенными или осушенными участками или арендной землей, а располагая деньгами, покупали землю на стороне, у помещиков или у казны.

Покупка земель дворцовыми — удельными крестьянами наблюдалась уже во второй половине XVIII века. Так, в 1765 году дворцовый крестьянин д. Новочекурской Буинского уезда Артихов купил 165 четвертей земли, которая перешла по наследству его потомкам[1]. Но таких покупок, по-видимому, было еще мало, они были еще редким явлением в удельной деревне.

В статье К. В. Сивкова «Важный этап в переходе от феодального к буржуазному землевладению в России»[2] анализируется процесс разложения монопольного права светских и церковных феодалов на владение землей и крестьянами. К. В. Сивков пишет, «что вызревание капиталистических отношений в недрах феодального строя подтачивало один из самых главных устоев феодализма: монопольное право дворянства на владение землей и людьми»[3]. Более подробно автор останавливается на указе 12 декабря 1801 года и его последствиях. К сожалению, в ведомости за 1805 год «О количестве приобретенных земель от помещиков по значущимся в крепостях ценам людьми разного звания» не выделены удельные крестьяне, они по-видимому, значатся вместе с казенными крестьянами. Поэтому трудно сказать, как удельные крестьяне воспользовались этим указом в первые годы его реализации.

Обращает на себя внимание другой указ, изданный раньше вышеназванного и предназначенный исключительно для удельных крестьян. Именной указ 1800 года «О дозволении крестьянам удельного ведомства покупать земли у частных владельцев» прямо гласил, что «крестьянам удельного ведомства, упражняющимся в хлебопашестве, у частных владельцев земли покупать дозволять, но чтоб купчие на основании § 14 Высочайшего императорской фамилии учрежде-

---

1 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 119 л. 12.

2 Вопросы истории, № 3, 1958.

3 Там же, стр. 26.

ния совершаемы были на имя Департамента, чтобы купленные крестьянами земли приписаны были к селению, в коем считается покупщик» [1].

Таким образом, удельные крестьяне юридически воспользовались правом покупки земель у частных лиц наравне с другими крестьянами, купечеством и мещанством. Однако, если государственное крестьянство при наличии денег покупало земли без всяких ограничений, то удельное крестьянство могло покупать землю только на имя своего владельца, в частности на имя Департамента уделов. Помещичье право довлело над удельными крестьянами.

Несмотря на вышеуказанные ограничения, удельные крестьяне покупали в собственность землю, хотя и записывали ее на имя Департамента.

В начале XIX века размеры купленных земельных участков были сравнительно небольшие. В 1804 году удельный крестьянин с. Иванькова Алатырского уезда Гавриил Иванов купил у помещика Жилина землю «8 четвертей в поле, а в дву потому ж со всеми принадлежащими к той земле угодья и примерною землею за девятьсот рублей» [2].

В 1805 году удельный крестьянин села Ковыляй Краснослободской округи Степан Родионов купил у татарина Акманеева «крепостную его пашенную землю. Три четверти с третником в поле, а в дву потому ж, с лесы, сенными покосами, с рыбными ловлями, с усадебными, огородными и гумными местами, с животным выпуском и со всеми принадлежащими к этой земле угодиями»[3].

Крестьянин Герасим Бабин д. Медведевой Царевококшайского уезда Казанской губернии имел собственной земли 271 десятину[4].

Число купчих на землю увеличивается во второй четверти XIX века и особенно в последние годы перед реформой. О размерах крестьянских земельных приобретений и стоимости этих приобретений говорит много фактов. Возьмем только несколько из них.

В 1840 году крестьянин Козловского приказа Симбирской конторы Налейкин купил у помещика Саврасова находившиеся при селе Сосновке Ардатовского уезда 52 десяти-

1 ПСЗ, т. XXVI, 1800, № 19334.

2 ГАУО, ф. 534, д. 229, л. 843, д. 320, л. 1166, ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1162, л. 1.

3 ГАУО, ф. 534, д. 274, лл. 510—511.

4 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 128, лл. 10—11.

ны земли за 1680 рублей. В 1843 году крестьяне Степанов и Калитенко из деревни Малых Отар купили 60 десятин помещичьей земли в Казанском уезде за 1714 рублей[1].

Некоторые крестьяне покупали землю не только в своем приказе, уезде, но и в других губерниях. Удельный крестьянин Курмышского уезда Стрелецкой слободы Разуваев купил у помещицы Львовой 53 десятины земли близ села Шахматова Княгининского уезда, Нижегородской губернии за 1512 рублей[2].

Если в 40-х годах удельные крестьяне покупали 50—60-десятинные земельные участки, то через каких-нибудь 10 лет размеры покупаемой земли значительно увеличиваются. Некоторые зажиточные крестьяне, несмотря на обеспеченность землею в своем селе, покупали на стороне земельные участки в сотни десятин. Крестьяне Самарского имения, обеспеченные землей лучше крестьян других имений, не довольствуясь надельною землею, покупали ее в больших размерах и за большие суммы денег, о чем достаточно убедительно свидетельствуют данные по Самарскому удельному имению[3]:

Название селения, приказа, имя и фамилия крестьян	Размеры куплен. земли (в десят).	Стоимость ее в руб.
Воздвиженский приказ с. Андросовка		
Фил. Вьюнков . . .	250	2471
Назар Васюхин	62	
Вас. Трубников	62	
Клим Мартыненко . . .	100	
Лука Гвоздев	100	
Петр Родин	100	
Тим. Котельников . . .	100	
Фил. Веников . . .	100	
Иван Куприянов . . .	150	
Андрей Квасов . .	100	
Евсей Неверов	100	
Авдотья Гвоздева . . .	50	

1 ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 241, л. 1, ф. 342, оп. 1, д. 377, л. 494.
2 ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 299, л. 1.
3 Куйбышевский госархив, ф. 43, оп. 6, д. 65, л. 118, оп. 4, д. 42, л. 48.

Название селения, приказа, имя и фамилия крестьян	Размеры куплен. земли (в десят.)	Стоимость ее в руб.
Студенецкий приказ д. Русские Липяги		
Ник. Кольцовский .	150,5	6000
Съезжего приказа		
Братья Смеющевы . .	122	1520
д. Сулеевка		
Сид. Пивоваров . . .	200	
Фил. Неверов	500	
Фед Неверова . . .	150	
Степ. Пивоваров . .	150	
Егор Пивоваров . . .	190	
Мих. Квасов . . .	120	
Сем. Квасов	90	
Бр. Ждановы	200	
Селитбинский приказ		
109 крестьян	1369	2781
Безулукск. уезд		
с. Сергеевка 8 крестьян	1600	

По далеко не полным данным, только по Казанскому, Сызранскому и Самарскому имениям было куплено удельными крестьянами земли: до 1825 года — 1907 десятин, с 1826 по 1860 год — 3696 десятин [1].

По сведениям 1862 года удельные крестьяне имели собственной земли [2].

Имения	Колич. кр-ян	Колич. земли, дес.
Сызранское . .	148	2273
Алатырское . .	770	2378
Симбирское . .	98	654
Самарское . . .	261	6885
Казанское . . .	1228	1637
Всего . .	25 8	13827

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 144, лл. 2—12, д. 119, л. 6, 19—20, д. 98, лл. 5—15, 20—21, оп. 10, д. 1162, л. 1.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4271 лл. 29, 39, 42, 44, 65.

По всем удельным имениям России в 1862 году насчитывалось 17.653 крестьянина-собственника, имевшего 156,777 десятин собственных земель. Наибольшее количество собственных земель находилось в следующих имениях[1].

Имения	Колич. кр-ян	Колич. земли, дес.
Пермское . . .	2402	34925
Оренбургское . .	2882	26922
Новгородское .	1567	20909
Старорусское . .	492	16658
Костромское . .	616	11977
Московское . .	59	1225

По другим удельным имениям таких крестьян-собственников земли было меньше, а размеры их земельных угодий, кроме Орловского имения, по-видимому, не достигали больших размеров. Так, например[2]:

Имения	Колич. кр-ян	Колич. земли, дес.
Владимирское . .	342	1943
Вологодское . .	66	992
Нижегородское . .	310	1430
Тверское . . .	1475	8931
Орловское . . .	3	469

В Сарапульском удельном имении насчитывалось 2569 крестьян-собственников, в распоряжении которых было 38407 десятин земли. Однако, сколько было собственной земли у сарапульских крестьян определить трудно, потому что в примечании к «Ведомости» об этих крестьянах сказано, что они владели «собственными и кортомными у башкирцев землями»[3].

Удельные крестьяне, имевшие в личной собственности 100—200 и больше десятин земли, вели хозяйство с помощью батраков и поденщиков.

Основной целью производства являлось стремление получить как можно больше дохода, прибыли. Такой крестьянин выступал уже как эксплуататор, потому что он жил за счет

[1] Там же, лл. 27, 33, 53, 60, 65.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4271, листы 15, 31, 46, 72.
[3] Там же, листы 79—90.

батраков — односельчан, за деньги, ссуды и другую «помощь» попавших к нему в кабалу. Самарские удельные крестьяне-собственники прибегали к найму пришлых сельскохозяйственных рабочих из других губерний. Только за счет труда местных и пришлых сельскохозяйственных рабочих и батраков могло жить зажиточное крестьянство.

Таким образом, концентрация земель в руках небольшой группы зажиточного крестьянства предполагала наличие контингента батраков, сельскохозяйственных поденщиков, без которых не могла существовать зажиточная крестьянская верхушка.

Продажа крестьянами сельскохозяйственных продуктов

По мере общественного разделения труда происходила дальнейшая специализация не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. «Само собой разумеется, — писал В. И. Ленин, — что указанное отделение промышленности обрабатывающей от добывающей, мануфактуры от земледелия, превращает и само земледелие в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую **товары.** Тот процесс специализации, который отделяет один от другого различные виды обработки продуктов, создавая все большее и большее число отраслей промышленности, — проявляется и в земледелии, создавая специализирующиеся районы земледелия (и системы земледельческого хозяйства), вызывая обмен не только между продуктами земледелия и промышленности, но и между различными продуктами сельского хозяйства»[1].

Сказанное В. И. Лениным относится к пореформенному периоду. Однако в изучаемое время уже намечается специализация земледельческих районов, между которыми происходил обмен различными сельскохозяйственными продуктами. Среднее Поволжье было для других районов страны одним из главных поставщиков хлеба.

Во второй главе говорилось об отдельных отраслях сельского хозяйства, о развитии наряду с земледелием и скотоводством огородничества, садоводства и пчеловодства. Все эти отрасли сельского хозяйства играли вспомогательную роль в хозяйстве крестьян. Только в отдельных хозяйствах огородничество, садоводство и пчеловодство принимало торговый характер, принося немалый доход крестьянину.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 16—17.

Основным продуктом, который продавали все удельные и других разрядов крестьяне Среднего Поволжья, был хлеб. О росте хлебной торговли в Среднем Поволжье можно судить по Симбирской губернии. В 1810 году за пределы губернии было продано 50 тыс. четвертей и израсходовано на винокурение 130 тыс. четвертей хлеба. В 1814 году продано хлеба 250 тыс. четвертей и на винокурение 133 тыс. четвертей. В 1846 году было продано за пределы губернии 700 тыс. четвертей хлеба. Таким образом, вывоз хлеба за пределы губернии за 30 лет увеличился в 3—4 раза [1].

Хлеб продавали, главным образом, помещики, меньше — удельные крестьяне, а еще меньше — помещичьи крестьяне. Накануне реформы Симбирская губерния давала товарного хлеба [2].

Помещики на	3.350	тыс. руб. серебром
Удельные крестьяне—	1.760	„
Помещичьи „	360	„

В 50-х гг. с Сурских пристаней ежегодно отгружали в среднем 3.655 тыс. пудов хлеба, ценностью до 1.725 тыс. руб. серебром, что составляло относительно ценности всех продуктов, вывозимых с Сурских пристаней, 63%. С волжских пристаней Симбирской губернии вывоз хлеба равнялся 4.340 тыс. пудов, ценностью в 2.146 тыс. руб. серебром, что составляло 86% всей вывозимой продукции [3].

О размерах купли—продажи хлеба можно судить по удельным пристаням на Волге и ее притоках, на которые свозился как помещичий, так и хлеб крестьян всех разрядов, На Новодевичьей пристани Сызранской конторы было построено 6 деревянных амбаров и 2 каменных лабаза, вмещавших до 100 тыс. четвертей хлеба. В 50-х гг. с этой пристани отправляли хлеба на 120—160 тыс. руб.[4]. Ярким примером роста вывоза хлеба и других сельскохозяйственных продуктов за пределы Самарской губернии является пристань в удельном селении Балаково Николаевского уезда. В 1840 году на Балаковскую пристань свозилось до 140 тыс. четвертей хлеба, с 1848 по 1852 год—по 250 тыс. четвертей ежегодно, а в 1854 году — до 350 тыс. четвертей хлеба. В 1856 году на этой пристани грузилось 121 судно, на которых отправлено

---

1 ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11, д. 122; лл. 3145; оп. 4; д. 42 (Отчет симбирского губернатора за 1846 г.) л. 46.

2 Липинский, ч. I, стр. 413—416.

3 Липинский, ч. II, стр. 182.

4 ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 544, лл. 61—62, 64.

2.502 тыс. пудов пшеницы, 33 670 пудов сала, много пшена, подсолнечного масла и других сельскохозяйственных продуктов на сумму свыше одного млн. руб. серебром. В 1859 году на Балаковской пристани было погружено только одной пшеницы 4.800 тыс. пудов. То же самое можно сказать об удельных пристанях с. Хрящевки Ставропольского уезда и с. Екатериновки Самарского уезда[1].

Большинство крестьян продавало хлеб по необходимости, по нужде для уплаты податей, долгов, для поддержания своего хозяйства. Зажиточные крестьяне продавали большими партиями хлеб с целью обогащения. Зажиточные крестьяне превращались в то же время в скупщиков хлеба.

Только мелким характером крестьянского производства, только узостью внутреннего рынка и несовершенностью путей сообщения можно объяснить появление большого числа скупщиков, закабалявших крестьян, вынужденных продавать продукты своего труда.

Скупщики проникали в самые глухие селения, расположенные вдалеке от городов и торговых пунктов. Здесь они втридорога продавали свои товары и за бесценок покупали крестьянские изделия и продукты крестьянского хозяйства. «Подобно тому, — пишет В. И. Ленин, — как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же немыслима докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков»[2].

Пользуясь безденежьем крестьян, скупщики давали товары в долг, а после уборки урожая появлялись в селениях и все для себя выгодное — лен, пеньку, кожи, хлеб и др. — забирали у крестьян за полцены. В отчете Симбирской удельной конторы за 1857 год только по одному Сугутскому приказу Симбирского имения указывалось: много крестьян этого приказа занимаются торговлею салом, медом, воском, пухом, кожами и хлебом, «приобретая это покупкою у разных лиц и сбывая на фабрики, заводы и базары с успехом. Некоторые торгуют красным и другим мелочным товаром». В 1862 году по Симбирскому имению торгующих крестьян на-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 31, д. 168, лл. 1, 12; Географическо-статистический словарь Российской империи, т. 3, СПб, 1865, стр. 195—196. т. 2. стр. 169—170; т. 5, стр. 541.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 333.

считывалось: хлебом — 234, мясом и рыбою — 438, хмелем — 40, летом—278, красным товаром — 33, разными мелочными предметами—291, всего—1314 человек[1].

По Сызранскому имению в 1854 году 25 крестьян сс. Проломиха, Чумакино и Ново-Резадеево Чумакинского и Коптевского приказов развозили по селениям товары и обменивали их на тряпье и коноплю. За год они скупали у крестьян тряпья до 10 тыс. пудов и конопли до 1700 пудов. 49 крестьян разных приказов того же имения торговали красным товаром и около 600 человек мелочным товаром[2].

По Казанскому имению в начале 50-х гг. торговлею оптом занималось 42 человека, продажею кузнечных изделий—12 человек, маслоторговцев было 13, торговлей сеном и огородными овощами занималось 112 человек, мелочной торговлей — 69 человек. В конце 50-х годов удельных крестьян скупщиков и торговцев по Казанскому имению насчитывалось уже 300—325 человек[3].

Главным продуктом, который крестьяне продавали на местном рынке, был хлеб. В 1850 году 65 удельных крестьян — скупщиков хлеба Сызранской удельной конторы продали хлеба на сумму до 60 тыс. рублей. В Самарском удельном имении скупщиков хлеба было еще больше, особенно в сс. Старой Майне, Екатериновке, Хрящевке, Балакове, Новодевичьем и др.[4].

В начале XIX века богатые удельные крестьяне Казанского имения вели крупную торговлю преимущественно хлебом. Так, удельный крестьянин Иван Чураев из деревни Задних Атар Казанского уезда скупал хлеб у крестьян и партиями перепродавал в Казани[5].

Крестьяне селений Сухой Реки, Борисоглебского, Царицына, Караваевой и других, расположенных вблизи Казани, скупали хлеб не только на рынке, но и по дорогам, при самом въезде крестьян-продавцов хлеба в город[6].

Во второй четверти XIX века появились более крупные дельцы по закупке и продаже хлеба. Удельный крестьянин Михаил Платонов села Сухой Реки Казанского уезда — ти-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 297, лл. 259—281; оп. 1; д. 1280; л. 9—50.

[2] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 345—353.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 479, 489, 497, 507.

[4] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 575, л. 345; ф. 318; оп. 1; д. 1182; лл. 118—128. д. 1279, лл. 103—104; д. 1280, лл. 120—121.

[5] ГАУО, ф. 534, д. 191, лл. 100—101.

[6] ГАУО, ф. 534, д. 167, лл. 777—779.

пичный скупщик и ростовщик. Только в 1841 году Платонов скупил у удельных крестьян Казанского уезда 2201 четверть ржаного хлеба и овса на сумму 5471 рубль[1]. Но Платонов был не только скупщиком хлеба. Он арендовал Анатышскую и Кадышевскую мельницы, на которых перерабатывал купленный хлеб в муку и продавал ее по выгодным ценам

Торговля хлебом была развита в Казанской, Симбирской и, главным образом, в Самарской губернии. Выгодный сбыт хлеба по Волге, Каме, Суре и другим рекам, дешевая перевозка хлеба по водным путям способствовали развитию хлеботорговли в Среднем Поволжье.

* * *

Среднее Поволжье являлось не только поставщиком зерна, но и готовой продукции в виде муки, подсолнечного масла, пшена и многого другого.

Для переработки сельскохозяйственных продуктов в удельных селениях создавались мукомольные мельницы, маслобойки, обдирки и другие мелкие крестьянские заведения. Эти заведения в большинстве случаев имели самую примитивную технику. Если просмотреть оброчные книги удельных контор, то можно установить, что число крестьянских заведений по обработке сельскохозяйственных продуктов на местах возрастает из года в год. В 50-х гг. крестьяне только трех приказов Алатырской конторы — Лобаскинского, Бузаевского и Начинальского — имели 589 водяных и ветряных мельниц, маслобоен и обдирок[2]. В Симбирском имении накануне реформы насчитывалось 635 мельниц и обдирок и 39 маслобоен. По Сызранскому имению 560 крестьян имели 118 маслобойных конных «заводов», на которых ежегодно вырабатывали 26.265 пудов растительного масла[3]. В удельной деревне Константиновке Казанского уезда насчитывалось 35 маслобойных «заводов»[4].

О мощности водяных мукомольных мельниц можно судить по такому примеру. На реке Свияге Симбирского уезда в 1861 году насчитывалось 15 мельниц с 70 поставами, которые перерабатывали до одного миллиона пудов хлеба в

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 372, лл. 5—33.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 31, д. 1194, лл. 2—235.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1279, лл. 103—104; ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 345—353.

[4] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4303, л. 82.

год. На небольшой речке Сельди находилось 18 мельниц на 43 поставках, которые перерабатывали до 500 тыс. пудов хлеба в год. 182 ветряные мельницы перерабатывали свыше 500 тыс. пудов ржи. На всех мельницах Симбирского уезда перерабатывалось свыше 3 млн. пудов хлеба в год. Из этого количества хлеба приходится на ветряные и водяные мельницы: помещичьи — до 1560 тыс. пудов, удельные — до 1180 тыс. пудов, купеческие — до 280 тыс. пудов. Остальной хлеб, в количестве свыше 100 тыс. пудов перерабатывался на мельницах, принадлежавших крепостным крестьянам[1].

Владельцы мельниц, маслобоен и других подобных заведений могли за счет отходов своих предприятий держать дополнительный скот, лучше обрабатывать землю, за счет «сбережений» прикупать новые земельные участки и, в конечном счете, обогащаться — сильнее втягиваться в торговлю и предпринимательство.

* * *

Развитие товарно-денежных отношений способствовало выделению из рядовых деревень торгово-промышленных сел, пригородных слобод, которые приспосабливались к растущим потребностям города.

Среди торгово-промышленных сел необходимо отметить с. Балаково Николаевского уезда Самарской губернии. Это село располагалось у большой дороги в Вольск, в одной версте от Волги, на речках Балаковке и Линевке. Основано оно было в 1762 году. Уже через 12 лет в селе числилось 540 ревизских душ, а в 1860 году 2715 душ обоего пола. В 50-х годах XIX века в этом селе насчитывалось несколько предприятий кустарного типа, в том числе кирпичный завод, изготовлявший кирпича до 150 тыс. штук, и салотопенный завод, дававший до 65 тыс. пудов сала в год. Занимая выгодное географическое положение, Балаково уже в 20-х годах превращается из обыкновенного селения в торгово-промышленное село. В 50-х годах там насчитывалось 250 лавок; в селе происходили еженедельные базары и одна ярмарка в год. Две пристани ежегодно принимали до сотни волжских судов, которые вывозили миллионы пудов хлеба, десятки тысяч пудов сала и много других сельскохозяйственных продуктов. В Балакове было открыто 2 сельских училища для мальчиков и

[1] Памятная книжка Симбирской губернии на 1862—63 гг., Симбирск, 1863, стр. 67—70.

девочек и одно ремесленное училище, что было редким явлением в ту пору среди сел.

К торгово-промышленным селениям относились села: Хрящевка Ставропольского уезда, Екатериновка Самарского уезда, Новодевичье Сенгилеевского уезда, Коржовка Карсунского уезда и многие другие.

Некоторые дворцовые-удельные села превращались в города. Так, в 1780 году дворцовое село Новотроицкое превратилось в город Ардатов, который впоследствии стал уездным городом Симбирской губернии. В 1835 году удельную слободу Мечетную переименовали в город Николаевск, ставший уездным центром Самарской губернии.

Удельные селения, расположенные вблизи больших городов, постепенно превращаются в пригородные слободы. Крестьяне этих слобод приспосабливают свои хозяйства к растущим потребностям города, выращивают на своих огородах и полях все необходимое для горожан. Например, удельное село Мостовое, расположенное рядом с губернским городом Симбирском, наиболее типично в этом отношении. Крестьяне этого села, при небольшом количестве пахотной земли, имели более 40 десятин садов, «а огороды, — говорит современник, — в Мостовой обширны». Под одними огородами и конопляниками находилось 133 десятины земли. Расположенное у реки Свияги село Мостовое выращивало ранние овощи, которые с успехом продавались в Симбирске[1].

Удельные крестьяне села Сухая Река, деревень Щербаковой, Больших Дербишек и др., расположенных вблизи Казани, уже в 20-х годах XIX века специально занимались разведением овощей и лука для продажи в городе. То же самое можно сказать об удельных крестьянах Воскресенского приказа, того же, Казанского имения. «Крестьяне сих ближних к городу селений — говорится в одном из документов за 1830 год, — имеют вообще промышленность подгороднюю», они занимаются «мелочною торговлею, разведением в огородах овощей», рыбными ловлями, а в некоторых селениях «извозничеством и маслобойнями, коих в деревне Константиновке находится до 30»[2].

Разведение овощей, картофеля, лука и др. на продажу, представляло собой определенный вид торгового земледелия.

[1] Материалы для истории и статистики Симбирской губ. Выпуск 3, 1866, стр. 85—88.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 230, лл. 363—387.

Отношение Департамента уделов к торгово-промышленным занятиям крестьян.

Департамент уделов был не безучастен к торговой и промышленной деятельности подведомственных ему крестьян. Поощряя хлебную торговлю, он давал богатым крестьянам денежные ссуды за определенные проценты и под залог имущества. Так, в 1859 году крестьянка с. Старой Майны Ставропольского уезда Домна Бадылина получила ссуду в 2.247 руб. серебром, а крестьянин с. Екатериновки Самарского уезда Гробоздин получил денежную ссуду в 2.000 руб. [1].

Для поощрения крестьянской хлебной торговли в 40-х гг. были созданы с ведома удельного ведомства крестьянские хлебные компании: Нижегородская, Сызранская, Алатырская.

Во главе хлебной компании стояло несколько человек богатых удельных крестьян, которые, по представлению удельных контор, утверждались Департаментом уделов. Функции хлебных торговых компаний были определены удельными инструкциями и наставлениями, в основе которых лежали благие намерения удельного ведомства — способность удельным крестьянам в выгодной продаже хлеба. Однако хлебные компании не соблюдали удельных наставлений, а руководители их, часто управляющие конторами, превращали эти компании в орудие личной наживы.

Хлебные компании закупали и продавали хлеб в большом количестве. Только одна Сызранская компания в 1847 году закупила у 3172 удельных крестьян хлеба: ржи — 16637 четвертей, овса — 3296 четвертей, пшеницы — 15800 пудов, гречневой крупы — 1118 пудов и пшена — 2000 пудов на общую сумму 33820 рублей серебром. Весь закупленный хлеб погрузили на Сызранской, Климовской, Новодевиченской, Сенгилеевской и Промзинской пристанях и отправили на продажу в г. Рыбинск. По предположению Департамента уделов Нижегородская, Сызранская и Алатырская хлебные компании закупали хлеба в год на сумму до 200 тыс. рублей серебром, продавали за 250 тыс. рублей, получая чистой прибыли до 50 тыс. рублей [2].

Поощряя предпринимательскую деятельность удельных крестьян, Департамент уделов в 1837 году учредил во мно-

---

[1] ГАУО, ф. 319, оп. 1, д. 1182, лл. 118—128.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 29, д. 358, л. 4—48.

гих сельских приказах банки. Назначение банков — способствовать промышленной и торговой деятельности крестьян, при помощи этих банков увеличивать «поземельный сбор» с крестьян, под которым понимались не только доходы от земли, но и неземледельческие доходы от ремесла и торговли [1]. Удельное ведомство, создавая сельские банки, объективно способствовало развивающимся товарно-денежным отношениям в удельной деревне. С другой стороны, само удельное ведомство получало некоторые выгоды от банковских операций, потому что удельные сельские банки действовали по-коммерчески: получатели ссуд платили банку 6% годовых, а вкладчики получали только 5% годовых. Мало этого: «при возвращении капитала, — говорится в Своде удельных постановлений, — проценты уплачиваются только за целые годы, в течение которых капитал обращался в банке; время менее года ни в коем случае в расчет не принимается» [2].

Департамент уделов при помощи сельских банков концентрировал крестьянские деньги в своих руках, используя крестьянские деньги в качестве выгодного средства для приращения своих капиталов через столичные кредитные учреждения. «Вклады, — говорится в Своде удельных постановлений, — вносимые в сельский банк, обращаются преимущественно в ссуду крестьянам, по особо установленным на сей предмет правилам; но если количество вкладов превышает потребность в займах, то излишек высылается из приказа в удельную контору, а из оной в Департамент уделов для внесения в одно из кредитных учреждений в С.—Петербурге» [3].

Услугами сельских банков пользовалась крестьянская верхушка, зажиточная часть деревни, имевшая деньги и перспективы роста их. На эту верхушку, собственно, и были рассчитаны банки. Средний крестьянин, не говоря уже о бедняке, не мог воспользоваться денежной ссудой. Для получения денежной ссуды из сельского банка удельный крестьянин должен был представить мирской приговор о своем хорошем поведении, исправной уплате податей и оброков, а также «благонадежных» поручителей по 2 на каждые 15 рублей ссуды [4]. Эти и другие статьи Свода Удельных постановлений от-

---

[1] ГАУО. ф. 322, оп. 1, д. 575, лл. 345—353.
[2] Свод удельных постановлений, ч. 3, стр. 578.
[3] Там же, стр. 584.
[4] Там же, стр. 546.

страняли беднейших крестьян от получения денежной ссуды. Что же касается зажиточных крестьян, то они могли пользоваться услугами не одного, а нескольких банков. «Кроме крестьян тех приказов, где учрежден заемный капитал, ссудою из оного могут пользоваться и крестьяне, состоящие в ведомстве других приказов, преимущественно в таком случае, если за удовлетворением надобностей крестьян первых приказов, будет оставаться часть заемного капитала без обращения»[1].

С учреждением сельских банков зажиточные крестьяне перестали прятать деньги в кубышки; теперь они сдавали свои сбережения в безопасное место не только для хранения, но и в рост. Правда, с учреждением сельских банков крестьяне не сразу поверили этим учреждениям и неохотно отдавали туда свои деньги. В 1842 году от крестьян всех удельных имений поступило вкладов только 1430 рублей; в 1843 году эта сумма значительно увеличилась — до 5723 рублей; в 1844 году — до 12354 руб., в 1854 г. — до 187658 руб., а в 1861 году сумма крестьянских вкладов равнялась 277.978 руб.[2].

То же самое можно сказать об использовании крестьянами банковских ссуд. В 1843 году услугами сельских банков воспользовались 5965 удельных крестьян. В 1847 году крестьяне получили уже в ссуду более 267 тыс. руб., в 1850 году было выдано в ссуду 401 тыс. руб., а в 1861 году крестьянам выдано ссуды около 700 тыс. рублей[3].

О росте сельских банков и их капитала можно судить по данным следующей таблицы[4]:

Годы	Число банков	Основной капитал банка (в руб.)	Выдано кр-янам в ссуду (руб.)	Поступило от кр-ян вкладов (руб.)
1837	52	85000	?	?
1846	70	?	246974	37979
1847	70	283000	267717	39260
1849	82	377552	318681	64353

[1] Свод удельных постановлений, ч. 3, стр. 546.

[2] Всеподданнейшие отчеты: за 1842 г., стр. 33; за 1843 г., стр. 37 — 38; за 1844 г., стр. 44; за 1854 г., стр. 55 — 56, ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 23, д. 431, лл. 6 — 8.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 23, д. 431, л. 14. Всеподданнейшие отчеты за указанные годы.

[4] Всеподданнейшие отчеты за указанные годы.

Годы	Число бан-ков	Основной капитал банка (руб.)	Выдано кр-янам в ссуду (руб.)	Поступило от кр-ян вкладов (руб.)
1852	88	527401	481660	136199
1853	92	579437	540807	164530
1854	95	621274	595573	187658
1855	111	680228	628288	204738
1859	120	793219	686741	200414
1860	122	798524	657014	175298
1861	129	808929	699122	277978

Таким образом, за 25 лет существования удельных сельских банков число их увеличилось с 52 в 1837 году до 129 — в 1861 году, или в 2,5 раза. Основные капиталы за это время увеличились с 85 тыс. руб. серебром до 809 тыс. руб. серебром, или в 9,5 раза. Выдача ссуд крестьянам увеличилась с 247 тыс. рублей в 1846 году до 700 тыс. рублей в 1861 году, или более чем в 2,5 раза. Крестьянские вклады в сельские банки выросли с 38 тыс. в 1846 году до 278 тыс. в 1861 году, или больше чем в 7 раз.

В Среднем Поволжье в 1837 году были учреждены сельские банки при тех приказах, где были развиты ремесло и торговля. В 1838 году в 7 сельских банках Алатырского имения находилось основного капитала только 8.570 рублей при незначительном числе вкладчиков[1]. В Сызранском имении накануне реформы насчитывалось 12 сельских банков, в Казанском — 4, в Симбирском — 6 и в Самарском — около 10. О деятельности сельских банков Среднего Поволжья можно судить по данным об оборотах капиталов по сельским банкам Среднего Поволжья в 1861 году[3].

Название контор	Основной капитал в руб.	В 1861 г. поступило		В расходе	
		вкладов в руб	процентов в руб.	выдано вклад. в руб.	выдано кр-янам в ссуду в руб.
Алатырская	8571	11009	25876	1374	41631
Самарская	16857	8061	11321	150	34353
Симбирская	11556	31618	3[illegible]378	11400	63769
Сызранская	22803	16[illegible]09	38261	1578	61369
Итого	59787	69697	108831	145[illegible]2	201[illegible]27

[1] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 159, л. 10; д. 160, л. 33; ф. 322, оп. 1, д. 575, л. 226; д. 899, л. 81.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 23, д. 431, лл. 6 — 8.

Сельские банки, учрежденные Департаментом уделов, напоминали собой ссудно-сберегательные товарищества, созданные в последней четверти XIX века для таврических крестьян, о которых писал в свое время Постников. Разбирая работу Постникова, В. И. Ленин сказал по поводу этих товариществ: «Такая монополизация кредита не представляет из себя ничего неожиданного: кредитная сделка есть не что иное, как купля — продажа с отстроченным платежом. Очень естественно, что произвести платеж может только тот, кто имеет средства, а таковыми среди южно-русских крестьян обладает только зажиточное меньшинство»[1].

Департамент уделов не ограничился созданием сельских банков. В 1860 году при Вятской и Самарской удельных конторах были созданы «Торгово-промышленные банки», которым разрешалось выдавать ссуды не только крестьянам, имеющим промышленные заведения, но и тем, которые, не имея таких заведений, заявят «намерение учредить вновь или начать какое-либо торговое предприятие»[2].

В отличие от удельных сельских банков, которые выдавали крестьянам небольшие денежные ссуды, торгово-промышленные банки должны были способствовать крупной торговой деятельности удельных крестьян, способствовать торговому земледелию и скотоводству.

Рост базаров и ярмарок в удельных селениях Среднего Поволжья. Появление новых ярмарок, расширение базаров и мелких торжков в удельной деревне явились одним из ярких показателей проникновения товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство. Мелкие торжки, базары и ярмарки были местом сбыта не только сельскохозяйственных продуктов, но и ремесленных изделий крестьян. В. И. Ленин говорил, что переход от случайной продажи своих изделий к постоянному сбыту на рынке «совершается постепенно, сначала в виде опыта: продаются продукты, случайно оставшиеся на руках или изготовленные в свободное время. Постепенность перехода усиливается еще тем, что рынок для сбыта изделий бывает первоначально крайне узким, так что расстояние между производителем и потребителем увеличивается весьма незначительно, продукт по-прежнему переходит непосредственно из рук производителя в руки потребителя, причем продаже про-

---

[1] В. И. Ленин, Соч. т. 1, стр. 52.
[2] Всеподданнейший отчет за 1860 г. стр. 81.

дукта предшествует иногда обмен его на сельскохозяйственные продукты»[1].

Для такой формы обмена ремесленных изделий было вполне достаточно местных базаров и периодических ярмарок местного значения. Удельные крестьяне, занимавшиеся ремеслами, довольствовались базарами и ярмарками своих или соседних сел, местечек и городов.

В первой четверти XIX века было мало ярмарок и базаров в удельных селениях Среднего Поволжья. В 1828 году в статистическом описании Казанского имения указывается ярмарка только в одном Воскресенском приказе.

В 30—50-х гг. XIX века в удельных селениях число базаров и ярмарок с каждым годом все время увеличивалось[2]. Теперь уже удельные крестьяне не довольствовались соседними базарами и ярмарками, а требовали, чтобы местные торги были у них в селении. Просьбами крестьян об открытии базаров и ярмарок заполнены различные канцелярские дела удельных контор того времени. Удельные крестьяне села Пиловальный завод Алатырского имения просили контору разрешить открыть в их селе базар и трехдневную ярмарку для сбыта своих продуктов и предметов ремесла. Крестьянам в их просьбе отказали на том основании, что в соседнем селе Жданове существовал такой базар. Однако по настоянию крестьян в 40-х г. были открыты базары в селениях Лобаски, Козловке, Вторые Яндары и других местах.

В отчетах Симбирского губернатора почти за каждый год отмечались открытия новых базаров и ярмарок. С 1843 по 1847 год было открыто 5 ярмарок в удельных и столько же в помещичьих селениях. В 1848 году было вновь открыто 9 ярмарок в Самарском и Симбирском уездах. В том же году в удельных селениях были открыты базары: Крестовые Городищи Ставропольского уезда, Студенец, Дубовый Умет, Кладбищи, Васильевка и Новой Кармале, Самарского уезда[3].

В 1855 году в селениях Алатырского удельного имения насчитывалось уже одиннадцать хорошо оборудованных базаров[4]. В этом имении большие базары существовали в се-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 288.

[2] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 159, л. 20; д. 73, л. 8, д. 13, л. 14, д. 56, лл. 1—64, д. 8, л. 1 — 41.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1281, отчеты симбирского губернатора за указанные годы.

[4] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 159, л. 20; д. 73, л. 8, д. 13, л. 14, д. 56, лл. 1—64, д. 8, л. 1 — 41.

лениях Гулюшево, Иваньково, и Сыреси Алатырского уезда и в селе Тарханах Ардатовского уезда[1].

В Симбирском имении крупные базары существовали в селе Ясашная Ташла (базар и ярмарка), Кременах (базар и ярмарка) Симбирского уезда. В селе Тагае того же уезда издавна существовал большой базар, где в 1841 году построили 24 деревянные лавки. В селе Покровской-Копышевке базар существовал уже в первой четверти XIX в. В пригороде Базарном Урене в 1841 году расширили базар и построили новых 24 лавки[2].

В Сызранском имении большие базары существовали с 30-х годов XIX в. — в селе Старой Рачейке с 16 деревянными лавками; в селе Новодевичьем с гостиным двором, 24 каменными и 8 деревянными лавками, с «куренем, заключающимся в двух отделениях, из коих одно для печения хлебов, а другое калачей, пряников и варенья медового сбитня». Ясно, что этот «курень» готовил съестные припасы не только в ярмарочные, но и в базарные дни. Базар в селе Большая Борла имел 11 лавок и 1 курень[3]. В 50-х гг. XIX века в Сызранском имении существовали базары в 14 удельных селениях, а в 6 из них проходили трехдневные ярмарки. В 1854 году на 14 базарах этого имения было привезено разных изделий и товаров на 528 тыс. рублей серебром и продано на 279 тыс. рублей серебром. Главными статьями привоза были хлеб, щепные товары, предметы домашнего и хозяйственного обихода[4].

По Самарскому имению за 20—30 лет до реформы старые базары расширялись и создавались новые. В 1841 году в селе Екатериновке на базаре отстроили новые лавки и учредили при этом селе две ярмарки. В селе Большой Кандале базар существовал уже в начале XIX века. В 40-х гг. на этом базаре отстроили новые помещения для 10 лавок. В 1842 году в селе Утевке Бузулукского уезда удельный крестьянин Лобачев построил 10 лавок за 286 рублей серебром. В то же время крестьяне села Съезжего построили на своем базаре 16 деревянных лавок и 10 балаганов для торговли. В 1839 году был открыт базар в селе Басовка, а через два года в селе Хрящевке Ставропольского уезда. Хрящевский базар был оборудован не толь-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 32, д. 639, лл. 3 — 6, д. 650, лл. 4 — 5.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 31, д. 1286, лл. 147, 148 — 149.

[3] Там же, д. 1208, лл. 71, 180, 242.

[4] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 515, л. 226.

ко специальными помещениями, но и 2 тридцатипудовыми весами[1].

Удельное ведомство, поощряя открытие ярмарок и базаров в селениях, преследовало свои узковедомственные цели. Открывая базары и ярмарки, оно превращало торговые места (базарные, ярмарочные площади, лавки, амбары, весы и меры) в источник дохода, именуя его «оброчной статьей».

Таким образом, постоянное увеличение базаров и ярмарок в первой половине XIX века являлось выражением развития товарно-денежных отношений в удельной деревне Среднего Поволжья.

Выход в мещанство и купечество. Развитие товарно-денежных отношений в условиях сохранения крепостного строя способствовало созданию особой разновидности торгующего населения России — торгующего крестьянства. Вначале торгующие крестьяне, обладая небольшими деньгами, занимались мелкой розничной торговлей, а с увеличением капиталов, они расширяют торговые операции, распространяют свою деятельность не только на сельские базары и ярмарки, но и на городской рынок.

Торгующие крестьяне постепенно пополняли ряды мещанства и купечества. Кроме того, ряды купечества пополнялись за счет мещан, бывших военнослужащих, разночинцев и отпущенных на волю крестьян.

Ряды купечества и мещанства пополнялись крестьянами, непосредственно жившими в городах и занимавшимися, кроме земледелия, ремеслом или торговлей. В начале XIX века часть городских удельных крестьян наряду с земледелием, уже занималась ремеслом, для другой части основным источником существования становилось ремесло.

В 1805 году Департамент уделов запрашивал Казанскую экспедицию о количестве крестьян, живущих в городах, об их занятиях и о том, не пожелают ли они перейти в мещанство или купечество. В тех городах, где крестьяне занимались ремеслом и торговлею, они охотно соглашались на предложения удельного ведомства. Так, из 87 удельных крестьян, живших в г. Семенове Нижегородской губернии, 84 согласились перейти в мещанство, остальные 3 семейства просили переселить их в сель-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 31, д. 1294, л. 135; д. 1296, л. 32, 145, 234; д. 1299, лл. 46, 47.

скую местность. Удельные крестьяне г. Тетюш заявили, что «они приобыкли более к гражданскому, нежели к крестьянскому обзаведению» и просили удельное ведомство перечислить их в тетюшское мещанство; 200 удельных крестьян г. Краснослободска, 85 крестьян того же ведомства г. Наровчата, несколько крестьян г. Лаишева охотно согласились перейти в новое сословие[1].

Факт этот сам по себе знаменателен. Он свидетельствовал о том, что многие крестьяне, жившие в городах, постепенно отрывались от земледелия, втягивались в городскую жизнь, а затем порывали с крестьянством и переходили в мещанство, а при достатках — и в купечество.

Правда, такой переход был стеснен и ограничен правилами Департамента уделов. В законе «Учреждение об императорской фамилии» вопрос о переходе удельных крестьян в другие сословия вообще был обойден. В самом Департаменте уделов в первое время его существования была тенденция запретить всякий переход удельных крестьян в мещанство и купечество. Но в 1798 году по именному указу разрешалось увольнять удельных крестьян в другие сословия, «на праве помещичьем», т. е. за определенную сумму денег в пользу удельного ведомства.

В начале XIX века размер выходного взноса в мещанство определялся в 350 рублей с каждого человека мужского пола, в 20-х гг. этот взнос дошел до 700 рублей и за каждую незамужнюю дочь 100 рублей; стоимость выхода в купечество исчислялась от суммы предъявленного капитала, соответственно которому уплачивались выходные деньги. В 30-х и в начале 40-х годов стоимость выхода увеличилась: переходившие в купечество платили 1500 руб. серебром за каждую мужскую душу, в мещанство — 600 руб. серебром, «не исключая и рожденных после ревизии». Впоследствии стоимость выхода в купечество была определена в 2 тыс. рублей серебром.

Но и при наличии денег крестьяне не всегда могли перейти в другое сословие. Удельные крестьяне отпускались в купечество или мещанство только из селений, не имеющих недоимок, денежных штрафов, причем в мещанство отпускали из селений преимущественно малоземельных[2].

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 344, лл. 349—353.
[2] Свод удельных постановлений, ч. 3, ст. ст. 88, 92.

Несмотря на все эти запреты и стеснения, удельные крестьяне, имевшие деньги и желание перейти в купечество и мещанство, порывали с крестьянством и уходили в новое сословие. В прошениях на имя своих крестьянских обществ обычно их односельчане писали, что они «приобвыкли к купечеству» или в городе завели свой дом и торговлю, что «рукоделие сие обратило их более на коммерческие обороты и торговлю, нежели к крестьянскому упражнению». Так, Иван Яковлев села Шумкова Лаишевского уезда в 1807 году просил Казанскую экспедицию отпустить его в мещанство, потому что он давно живет в г. Чистополе, где обзавелся своим домом и семейством, «устроил кожевенный завод, на коем производит выделку разных званий кож»[1].

Крестьянин Алексей Максимов д. Караваевой Казанского уезда в 1823 году обратился к своему обществу с просьбой, чтобы его сына отпустили в мещанство за 700 руб., причем отец отдавал своему сыну «для будущего торговопроизводства» разного платья, лошадей и «домашнего обзаведения на 1500 рублей, да товару разного мелочного на 1500 рублей»[2]. Пять удельных крестьян с. Чекалина и Раковки Самарского уезда в 1840 году просили, чтобы их отпустили в Самарское мещанство за 2000 рублей ассигнациями каждого, потому что они с давнего времени проживают в г. Самаре, где «обзавелись домашнею оседлостью и всем хозяйством и привыкшие более к торговой промышленности, нежели к хлебопашеству»[3].

Мы не располагаем данными о числе удельных крестьян, вышедших в первой половине XIX века в мещанство и купечество. Однако на основе косвенных данных можно сделать вывод, что количество крестьян, вышедших из крестьянского сословия, было сравнительно большим. В 1798 году, как только удельным крестьянам разрешили уходить в другие сословия, 26 крестьян Казанской экспедиции просили разрешить им уйти в мещанство и купечество[4].

В 1798—1800 гг. 252 удельных крестьянина Московской губернии ушли в купечество; 105 человек Петербургского имения «записалось в купечество и мещанство»; 902 крестьянина Новгород-Северского Повета Малороссийской губер-

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 326, лл. 1079 — 1080.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 7, д. 455, л. 1, 14.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 7, д. 1674, л. 6.
[4] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 7, д. 384, л. 28.

нии перечислилось в купечество и мещанство[1]. Таким образом, только по 3 губерниям в указанные годы ушло в мещанство и купечество 1.259 человек удельных крестьян. За первые шесть лет XIX века 138 удельных крестьян, проживавших в Моршанске, Саратове, Балашове и Астрахани, перешли, как говорят документы, в купечество[2].

Крестьяне, переходившие в мещанство и купечество, имели большие капиталы. Удельный крестьянин с. Сухой Реки Казанского уезда Афанасьев в 1806 году, уходя в купечество, заплатил удельному ведомству за себя и свое семейство 2.160 рублей ассигнациями[3].

Некоторые крестьяне еще до перечисления в другое сословие накапливали большие капиталы. Удельный крестьянин Пензенского имения Александр Сергеев после смерти своего отца в 1819 году получил капитал почти в 20 тыс. рублей и на значительную сумму движимого имущества[4].

Были и такие крестьяне, которые по выходе в купечество сразу же становились крупными фабрикантами. В 1840 году удельный крестьянин д. Алексеевки Сенгилеевского уезда Курамша Абдулов Акчурин за выход в Симбирское купечество уплатил удельному ведомству за себя, троих сыновей и двух дочерей 8.200 руб. серебром. Через 8 лет Акчурин построил суконную фабрику в с. Старо-Тимошкино Сенгилеевского уезда, став опасным конкурентом многих помещичьих мануфактур Симбирской губернии. На его фабрике уже в первые годы работало 215 постоянных рабочих, а сама фабрика была оснащена современной техникой с паровым двигателем. В 50-х гг. на фабрике Акчурина вырабатывалось на 60—80 тыс. рублей сукна в год[5].

Чем ближе к реформе, тем все больше уходило удельных крестьян в купечество и мещанство, и прежде всего в тех районах, где товарно-денежные отношения проникали во все области хозяйственной деятельности удельной деревни. В 1858—1859 годах из всех удельных имений России ушло в мещанство и купечество 1.264 человека. В отчете министра дво-

---

[1] История уделов, т. 3, СПБ, 1902, стр. 70; 80; 94.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 25, д. 73, лл. 2—3.

[3] ГАУО, ф. 534, д. 324, л. 2.

[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 123, лл. 5—6.

[5] Н. П. Гриценко. Волнение рабочих на фабрике Акчурина. Ученые записки Ульяновского пединститута. Вып. IV, 1951 г., ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 99, л. 111, ф. 763, оп. 1, д. 92, л. 42; Липинский, цит. произв, т. II, стр. 87,

ра и уделов говорилось, что количество крестьян, перечислившихся в купечество, учетверилось, а поступивших в мещанство удесятерилось[1].

Выводы: Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне ничем не отличалось от тех закономерных социально-экономических процессов, которые происходили в государственной и помещичьей деревне, а в целом и во всей стране. Удельные крестьяне Среднего Поволжья также не были изолированы от окружающей жизни, удельная деревня претерпевала те же изменения под воздействием товарно-денежных отношений.

Товарно-денежные отношения способствовали развитию ремесла, а изделия крестьянской промышленности получали широкое обращение на внутреннем рынке.

Наряду с общими неземледельческими занятиями крестьян, характерными почти для всех районов страны, вследствие дальнейшего и закономерного отделения домашней промышленности от земледелия, в отдельных частях Среднего Поволжья складывались районы с определенными ярко выраженными видами ремесла. В северо-западных и западных уездах Симбирской губернии, в отдельных уездах Казанской губернии, там, где было много леса, преобладали деревообделочные промыслы.

В отдельных удельных имениях (Сызранское) было занято деревообделочным ремеслом более 10% всего удельного крестьянства. В некоторых приказах и селениях деревообделочное ремесло преобладало над другими видами ремесла (Вараксинский приказ Царевококшайского уезда, село Кильдюшево и деревня Кирляти Симбирского уезда, село Аргаш Карсунского уезда, село Можаровый Майдан Алатырского имения и др.).

Ремесло по обработке продуктов животноводства было распространено повсеместно, но развито оно было, главным образом, в Самарском, Сызранском и Симбирском удельных имениях. Развитию этого вида ремесла способствовало наличие большого количества скота в Среднем Поволжье, но главным образом оно обязано своим развитием калмыцкому и киргизскому скотоводству.

Среди удельных крестьян Среднего Поволжья насчитывалось свыше 70 видов ремесла, не считая более узких и менее

[1] Всеподданнейший отчет за 1859 год, стр. 9.

распространенных специальностей. По отдельным удельным имениям число крестьян, занятых неземледельческим трудом, составляло 20—25 процентов всего удельного населения (Казанское).

Среди отхожих промыслов важную роль играли бурлачество, извоз, уход на сельскохозяйственные работы в Заволжье и в другие районы страны. Только по одному Казанскому имению число отходников возросло с 15,5 процентов в 1842 году до 34 процентов в 1857 году. В 50-х годах по Сызранскому имению число отходников составило 16 процентов всего мужского населения. Для многих удельных крестьян Среднего Поволжья неземледельческие доходы становились большим подспорьем в их существовании.

Развитие ремесла, промыслов и торговли, сами поземельные отношения в удельной деревне — способствовали расслоению крестьянства. Ростовщичество также содействовало расслоению крестьянства, концентрации земли в руках одних и обезземеливанию других. В 1862 году земельных собственников — удельных крестьян в Среднем Поволжье насчитывалось 2508 человек, т. е. 0,7 проц. всего удельного населения Среднего Поволжья. Концентрация земель в руках зажиточного крестьянства предполагала наличие контингента батраков, сельскохозяйственных поденщиков, без которых не могла существовать сельская буржуазия.

Среднее Поволжье являлось одним из главных поставщиков хлеба для других районов страны. Большинство удельных крестьян продавало хлеб по необходимости, по нужде, для уплаты податей, долгов, для поддержания своего хозяйства. Зажиточные крестьяне продавали свой хлеб ради наживы. Зажиточные крестьяне превращались в скупщиков хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Они кабалили крестьян, ставили в экономическую зависимость непосредственного производителя.

Удельное ведомство, преследуя свои узковедомственные цели и поощряя торгово-промышленную деятельность зажиточных крестьян, выдавало последним денежные ссуды, создавало хлебные компании, учреждало сельские банки. Эти действия Департамента уделов объективно способствовали развитию товарно-денежных отношений в удельной деревне.

Товарно-денежные отношения способствуют появлению нового типа удельных селений — торгово-промышленных сел и пригородных слобод.

Открытия новых ярмарок, расширение сельских базаров в удельной деревне свидетельствовало о проникновении товарно-денежных отношений в сельское хозяйство крестьян. Базары и ярмарки служили местом сбыта сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий крестьян.

Разбогатевшие крестьяне порывали с земледелием, переходили в другие сословия —мещанское и купеческое, создавали в городах торгово-промышленные предприятия.

ГЛАВА IV

ПОВИННОСТИ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН

Раздел I — Предварительные замечания; удельный оброк и подушная подать; рост удельных доходов за счет усиления эксплуатации крестьян; «земские» повинности крестьян; другие повинности крестьян; квартирный постой; рекрутская повинность; общественные или «мирские» повинности. Выводы.

Раздел II — Общественная запашка и ее крепостническое содержание; проект Волконского о введении общественной запашки; практика введения общественной запашки; расширение общественной запашки; волнения крестьян в связи с запашкой. Выводы.

Предварительные замечания. Основные разряды крестьянства находились в полной зависимости от феодального собственника земли: помещичьи — от помещика, удельные — от императорской фамилии дома Романовых, государственные — от дворянского государства.

Феодал — помещик наделял непосредственного производителя землей для отбывания последним многочисленных повинностей в пользу как владельца земли, так и дворянского государства. Производственные отношения эпохи крепостного права, по определению В. И. Ленина, «состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»[1].

Однако для того, чтобы обеспечить свою семью необходимым прожиточным минимумом, исправно платить оброки и выполнять повинности, крестьянин должен был иметь хотя бы

---

[1] В. И. Ленин, соч., т. 1, стр. 172.

минимальный земельный надел. По вычислению экономистов XIX века, в нечерноземной полосе минимальный надел вместе с усадьбой должен был равняться 8 десятинам земли, в черноземной полосе — до 5 десятин на одну ревизскую душу[1]. Как было показано в предшествующей главе, большинство удельных, значительная часть государственных крестьян Среднего Поволжья не обладали такими наделами земли и поэтому были вынуждены искать других источников существования. «На истощенных суглинках и супесках нечерноземного района, — пишет Н. М. Дружинин, — сельское хозяйство переставало обеспечивать прожиточный минимум сельского населения; возрастание денежных расходов полностью или частично разоряло мелких сельских производителей, заставляя их искать дополнительных заработков в отхожих и местных промыслах»[2]. Это положение полностью относится ко многим крестьянам Казанской и Симбирской губерний.

В помещичьем хозяйстве в изучаемый период времени существовали все виды феодальной ренты: отработочная, или барщина, натуральная, или рента продуктами, и, наконец, денежная рента. В вотчинном хозяйстве часто существовал смешанный вид ренты, когда отработочная рента сочеталась с натуральной или денежной рентой и т. д. Натуральный оброк или рента продуктами была более прогрессивной по сравнению с барщиной. «Производитель становится здесь (т. е. при натуральном оброке — **Н. Г.**, — указывал В. И. Ленин, — более самостоятельным и получает возможность приобретать своим трудом некоторый излишек сверх того количества продуктов, которое удовлетворяет его необходимые потребности»[3]. Переход от барщины к натуральному оброку являлся, по утверждению Ленина, первым расширением «самостоятельности зависимых крестьян»[4]. Поэтому при натуральном оброке крестьянин мог более рационально использовать свое время, более интенсивно обрабатывать свою землю и развивать те отрасли хозяйства, которые давали бы наилучшие результаты.

Денежная рента, которую платили все разряды крестьянства, по сравнению с продуктовой рентой, являлась новым шагом по пути экономического развития страны. Она являлась не

---

[1] Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах: СПБ, 1877, стр. 25, 67.

[2] Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. М. 1955, стр. 21.

[3] В. И. Ленин, соч., т. 3, стр. 142—143.

[4] В. И. Ленин, т. 3, стр. 143.

только наиболее прогрессивной формой докапиталистической ренты, но в то же время и предвестником разложения, а затем и кризиса феодально-крепостнического строя. Такая форма докапиталистической ренты «предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»[1].

Чем больше развивались товарно-денежные отношения, тем выше поднималась денежная рента для всех разрядов крестьян. Вместе с этим для помещичьих крестьян в определенных районах увеличивалась барщина, в результате чего положение крестьянских масс ухудшалось.

О систематическом повышении оброков в помещичьей деревне говорят исследования наших советских историков. К. В. Сивков исследовал положение крестьян в Юсуповских вотчинах и на богатом фактическом материале показал рост крестьянских оброков в период разложения крепостного строя. Так, денежный оброк помещичьих крестьян деревни Настасьино Тульской губернии с 60-х гг. XVIII в. до 1840 г. увеличился с 2 руб. 50 коп. до 27 руб. с копейками, или больше чем в одиннадцать раз[2].

И. М. Катаев на примере Усольской вотчины показывает рост оброков помещичьих крестьян Среднего Поволжья. В 1812 году крестьяне Усольской вотчины платили 10 руб. оброка с ревизской души, в 1820 году уже 25 рублей с души, а в период кризиса феодально-крепостнической системы усольские крестьяне на одно тягло выполняли до 80 рублей денежных повинностей, кроме натуральных в виде столовых запасов и холста с «крестьянских женок»[3].

Повышение оброков наблюдалось не только в крупных вотчинах, но и в остальных помещичьих хозяйствах. В конце XVIII века, пишет Я. И. Линков, средний оброк составлял 7 руб. 50 коп. серебром с души, а накануне реформы сумма среднего оброка колебалась в пределах 12—27 рублей, доходя в промышленных районах до 400—500 рублей с души[4]. Положе-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. М. 1949, стр. 810.

[2] К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века по материалам архива степных вотчин Юсуповых. М. 1951, стр. 148.

[3] И. М. Катаев. На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых. Челябгиз, 1948, стр. 13, 14, 32.

[4] Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М. 1952, стр. 14—15.

ние помещичьих крестьян было самым тяжелым по сравнению с другими разрядами крестьян.

Денежные оброки государственных крестьян с каждым десятилетием также увеличивались. Н. М. Дружинин в своем капитальном труде «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» показал рост оброков в казенной деревне на протяжении XVIII и первой трети XIX века. Если в 1768 году государственные крестьяне платили 2 руб. с ревизской души, то в 1812 году они платили уже до 10 руб., или оброк за указанное время увеличился до 5 раз. В период кризиса крепостного строя оброки еще больше возросли [1].

Государственные крестьяне Вятской губернии в 1839 году платили подушных и оброчных податей вместе с другими денежными повинностями свыше 15 рублей, а в 1859 году до 16 рублей с каждой ревизской души [2]. Государственные крестьяне Казанской губернии в 1830—1831 гг. платили всех денежных сборов 13 руб. 35 коп., а через 10 лет до 14 рублей с каждой ревизской души [3]. Государственные крестьяне Самарской губернии в 40-х годах платили всех денежных повинностей до 16 руб. 48 коп. ассигнациями с каждой ревизской души [4]. Рост оброков в 30—50 гг. XIX века являлся выражением кризиса крепостнической системы.

Крестьяне всех разрядов выполняли другие многочисленные повинности в пользу как дворянского государства, так и феодального владельца земли. Кроме подушной подати, крестьяне платили деньги на содержание земской полиции, местного управления, на почтовую, дорожную, ссыльно-этапную, воинскую и другие повинности. В 1815 г. все эти повинности, кроме подушной подати, исчислялись в 7401 тыс. руб., а в 1860 г. — в 23900 тыс. руб. или больше, чем в три раза [5].

Сумма перечисленных повинностей значительно возрастет, если добавить расходы на подводную, квартирную и дорожную

---

[1] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: М. 1946, стр. 376.

[2] Б. Г. Плющевский. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX века. Кандидатская диссертация, стр. 156, 236.

[3] П. Г. Григорьев. Крестьянское движение среди чуваш во второй четверти XIX века. Кандидатская диссертация. Чебоксары, 1948, стр. 219.

[4] А. Гакстгаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Москва, 1870, стр. 360, 362.

[5] Труды комиссии высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Том IV, ч. 1—2, СПБ, 1866, стр. 190—198.

натуральные повинности. Даже по официальным данным натуральные повинности в 40-х годах ежегодно оценивались в 2736 тыс. рублей, а через десять лет почти в 5 млн. рублей [1].

Не поддаются определению те суммы, которые, сверх официальных разрешений, собирались местной властью на необходимые, а часто и на личные нужды многочисленного чиновничества царской России.

Приведенные данные о повинностях помещичьих и государственных крестьян можно сопоставить с повинностями крестьян удельного ведомства.

* * *

Основная масса удельных крестьян жила под тройным гнетом. Во-первых, удельные крестьяне должны были активно участвовать в обеспечении доходов всему феодально-крепостническому государству вместе с другими разрядами крестьян: платить подушные подати, отбывать рекрутскую, дорожную и другие многочисленные повинности. Во-вторых, им приходилось обеспечивать доходами императорскую фамилию царствовавшего дома Романовых. В-третьих, основная масса удельных крестьян эксплуатировалась различными путями своими же односельчанами-мироедами, зажиточной верхушкой удельной деревни.

Таким образом, удельные крестьяне, как и другие разряды крестьян, выполняли государственные и феодальные повинности. Феодальные повинности в пользу владельца земли для дворцовых крестьян состояли из натурального и денежного оброка в XVIII веке, для удельных крестьян XIX века — из денежного оброка.

Так же, как и дворцовые, удельные крестьяне продолжали выполнять, но еще в больших размерах, феодально-крепостнические повинности, регламентированные удельными постановлениями. По мере развития товарно-денежных отношений удельные крестьяне постепенно заменяли многочисленные натуральные повинности денежным наймом.

Повинности удельных крестьян были разнообразны и многочисленны: крестьяне платили удельный оброк и подушную подать, отбывали государственные и земские повинности, платили деньги на общественные надобности. О других повин-

[1] Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Том IV, ч. 1—2, СПБ, 1866.

ностях, лежавших на крестьянах, в Своде Удельных Постановлений не говорится, хотя в действительности было их гораздо больше.

Удельный оброк и подушная подать. При переходе в удел дворцовые-удельные крестьяне платили казенную подать по одному рублю с ревизской души и удельного оброка по 3 руб. с души. В целях максимального обложения и удобства сбора оброков, в конце XVIII века удельные имения разделялись на 4 класса, и, вместо единого для всех губерний оброка, вводились различные оброки в соответствии «с свойствами земли, изобилием в ней и способами для обитателей к работам и с промыслами их».

По новому положению сумма оброка зависела не только от количества земли, но и от ее качества, а если земли не доставало, то от промыслов и других занятий населения. Департамент уделов считался с дифференциацией земледельческих и промысловых губерний и для наиболее развитых в экономическом отношении устанавливался 5-рублевый оброк с души, для других 4 руб. 50 коп., для менее развитых -- 4 рубля, а для тех губерний, где обмен и промышленность находились в зачаточном состоянии, оброк устанавливался по 3 руб. 50 коп. с души.

Распоряжением удельного ведомства к первому классу отнесены Симбирская и Казанская губернии, Саранский, Инсарский, Краснослободский уезды вновь образованной Пензенской губернии. По новому положению, удельные крестьяне вместо 3 руб. прежнего оклада, платили 5 руб. с ревизской души и 10 копеек накладных, всего 5 руб. 10 коп. Оброчная надбавка оказалась весьма чувствительной для крестьян, в чем можно убедиться, проанализировав данную таблицу.

Губернии	Число удельных крестьян по 5-й ревизии	Общая сумма оброка		Увеличение в процентах
		до 1796 года	с 1798 года	
Казанская . . .	10942	35826	60804	70
Симбирская . .	23188	69564	118257	70
Пензенская . . .	26095	78285	138084	75
Итого . .	60225	183675	317145	71,6

Таким образом, если до 1796 года дворцовые — удельные крестьяне Среднего Поволжья платили 183675 рублей, то с 1798 года они стали платить 317145 рублей в год, другими словами — оброк возрос до 72%.

С ростом оброков и повинностей увеличилась недоимочность удельных крестьян. В 1801 году за удельными крестьянами страны числилось 36400 руб. недоимок и за 1800 год 768 тыс. руб. «недоборов». По одной Казанской удельной экспедиции числилось за крестьянами недоимок и «недоборов» около 170 тыс. руб[1].

Удельные экспедиции, а затем и удельные конторы несли полную ответственность за исправные платежи оброка и выполнение казенных повинностей удельными крестьянами[2]. Для сбора оброков и податей в приказах был создан целый штат различного рода сборщиков, начиная от казенного заседателя в приказе и кончая сельскими участковыми сборщиками[3].

Сборы податей и отбывания повинностей гарантировались крестьянской круговой порукой, т. е. общественной ответственностью каждого удельного селения за своевременную и исправную уплату денежных сумм. «Внутренняя раскладка податей в каждом селении, — говорилось в Своде удельных постановлений, — предоставляется всему мирскому обществу, и за всякую недоимку ответствует весь мир. Полная сумма следующих с селений сборов должна быть внесена непременно, несмотря на неисправность некоторых крестьян или убыль окладных душ в иных семействах» [4].

Удельным управлением была глубоко продумана и до мелочей разработана вся система сбора податей и оброков с удельных крестьян. Если, например, в удельном селении оказывались неплательщики (один или несколько крестьян), туда немедленно отправлялись удельный голова или казенный заседатель, которые собирали всех крестьян на сходку, не исключая и тех («лучших»), кто уплатил подати, и требовали, чтобы они, «лучшие» крестьяне, внесли за неплательщиков недоимку. При несогласии голова или заседатель описывал имущество не неплательщиков, а несогласных платить за них. После взыскания платежей уже с «лучших» людей приказной голова или казен-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. 4, д. 386, л. 1.

[2] Свод удельных постановлений, ч. 2, стр. 3, изд. 1843 г.

[3] Там же, ст. ст. 4, 5, 8, 14.

[4] Свод удельных постановлений, ч. 2, стр. 10.

ный заседатель снова собирали этих «лучших» и совместно с ними обсуждали, каким путем взыскать недоимки с неплательщиков и возвратить уплаченное за них «лучшими» крестьянами. Если неплательщик имел движимое имущество, то часть его оставляли неплательщику для поддержания хозяйства, а остальное продавали в уплату недоимок. Те, кто не имел имущества, должны были отработать недоимку в своем селении, если такие работы найдутся, или в городе, «где признано будет выгоднее». У неплательщиков, имеющих деньги, но не желающих платить подати «по своему упрямству», голова и «лучшие люди» имели право произвести как личный обыск, так и обыск жилища, а самых упорствующих «выдержать под караулом», наказать плетьми, а затем отдать в смирительный дом или применить другие меры наказания. Если же на крестьянском сходе встречались разногласия о мерах взыскания недоимки с неплательщиков, «приговор пишется по словам большей части лучших людей, а прочие на сходке бывшие несогласные с большинством означаются по именам особо».

Те же из крестьян, которые стали неплательщиками оброков и других повинностей «по нерадению или дурному поведению, назначаются к отдаче в рекруты или ссылке на поселение».

Приговор об отдаче таких крестьян в рекруты или в ссылку на поселение составлялся не всем крестьянским обществом, а только головою с «лучшими» людьми и исправными плательщиками того селения, к которому неисправный принадлежит. Больше того, неплательщиков податей можно было отдавать в рекруты без очереди и без всяких приговоров, по распоряжению удельного начальства.

На основании удельных постановлений, неплательщики податей не допускались на мирские сходы, не избирались на сельские выборные должности. И, наконец, если крестьяне «по беспечности своей и дурному поведению накопят на себе недоимку, то в обуздание прочих, обращаются на пашню, по образцу помещичьих имений, ни в частности, а целыми селениями, где окажутся неплательщики, поелику все мирское общество должно ответствовать за несостоятельного обывателя» [1].

Все эти меры по взысканию податей с крестьян были введены не сразу, а совершенствовались по мере роста феодально-крепостнической эксплуатации крестьян.

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. II, 1843 г., ст. ст. 73—81, 85, 87, 89, 93.

Составители удельных постановлений использовали многочисленные инструкции крупных вотчинников своим управителям, взяли некоторые положения из старого дворцового управления, почерпнули многое из практики повседневной жизни.

Таким образом, круговая порука являлась средством закабаления крестьян, она насаждалась и укреплялась феодальным собственником земли и поддерживалась помещичьим государством. От круговой поруки больше всего страдали бедняки, которые были объектом экплуатации не только феодала и государства, но и зажиточного крестьянства.

Несмотря на круговую поруку, установленную в фискальных и иных целях, несмотря на крутые крепостнические меры, удельные крестьяне в начале XIX века были не в состоянии полностью выплачивать оброки. Даже после жестоких мер удельных властей в 1801 году недоимки удельных крестьян Казанской экспедиции не были ликвидированы [1].

Не только отдельные крестьяне, но и селения в целом не всегда могли своевременно платить оброки. Основная причина недоимочности заключалась, прежде всего, в многочисленных денежных и натуральных повинностях, в необеспеченности крестьян землей, в отсутствии неземледельческих доходов. Основу экономики удельной деревни Среднего Поволжья в изучаемый период по-прежнему составляло земледелие. Обычно удельные селения, расположенные вдали от больших рек, торговых дорог и городов, к тому же плохо обеспеченные землей, всегда числились неисправными плательщиками государственных податей и феодальных оброков [2].

Крестьян судили, выдерживали в тюрьмах и смирительных домах, наказывали розгами, в удельные деревни на помощь начальству направлялись военные команды, а недоимки не уменьшались. Удельные крестьяне с. Антыка Анатышского приказа по своей бедности не могли уплатить оброчных и подушных денег, за что выборного Петрова по приказанию Лаишевского земского суда в 1804 году посадили в тюрьму. Когда же разобрались в существе дела, то установили, что крестьяне почти «не имели в посеве хлеба, а оттого и в состоянии своем до того расстроились, что не имели даже и свободного себе пропитания, во уважение каковой их бедности экспедиция снабжала оных крестьян троекратно на пропитание хлебом из

---

[1] ГАУО, ф 534, д. 164, л. 276.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 191, лл. 191, 220, 521.

магазейна, да и ныне определила выдать им на посев аржаного хлеба на каждую душу по три с половиной ботмана»[1].

Сверхрешительные меры удельного управления не дали ожидаемых результатов: удельные крестьяне Казанской экспедиции и в 1804—1805 годах не сумели уплатить недоимочные деньги[2].

Особенно быстро возрастала недоимочность по оброкам и податям среди удельных крестьян Пензенской губернии. Недоимки крестьян этой губернии в пользу удельного ведомства (без подушной подати) стремительно возрастали с каждым годом: в 1805 году они составляли 52 коп., в 1806 — 58 коп., в 1807 — 1 руб. 08 коп. с каждой мужской души[3].

Недоимки по отдельным селениям иногда достигали больших сумм. 49 удельных крестьян с. Ремезенок Старо-Федоровского приказа Пензенской губернии по своему малоземелью переселились в д. Григорьевку Бугульминской округи Оренбургской губернии. В 1807 году Вятская экспедиция уведомила Казанскую, что за бывшими ремезенковскими крестьянами числится недоимки 2357 рублей,[4] или по 48 рублей на каждом человеке.

Стихийные бедствия, градобития, пожары, падеж скота — все это было постоянным бичом для крестьянства. Однако ничто не останавливало удельного начальства в получении оброков с крестьян. Если крестьяне какого-либо селения были не в состоянии уплатить подати и оброки, за них платили крестьяне соседних селений или весь приказ. Так, село Покровское Краснослободского уезда Пензенской губернии в 1806 и 1807 гг. дважды горело, крестьяне пришли в совершенную бедность. Даже Казанская удельная экспедиция стала втупик, не зная, каким путем взыскать с покровских крестьян оброчные деньги. Запросили Департамент уделов, и он обязал всех крестьян приказа уплатить недоимку за покровских крестьян [5].

Подобные случаи раскладки недоимок или уплаты оброков за крестьян отдельных селений всем приказом встречались и в более позднее время.

Таким образом, для бездоимочного получения оброчных денег Департамент уделов прибегал к неравномерному распре-

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 229, лл. 209—210.
[2] Там же, д. 272, л. 195.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 1002, лл. 41—42; д. 257, лл. 35—36, 375—376.
[4] ГАУО, ф. 534, д. 325, л. 474.
[5] ГАУО, ф. 534, д. 342, л. 160.

делению податей и оброков. К тому же, если учесть, что зажиточная верхушка деревни перекладывала всю тяжесть повинностей на плечи беднейших слоев крестьянства, то эта неравномерность в уплате оброчных и подушных денег станет еще рельефней.

В начале XIX века Департамент уделов снова повысил феодальный оброк для подведомственных ему крестьян. В 1808 году министр уделов Гурьев в специальном письме рекомендовал управляющим удельными конторами произвести повышение оброка с таким расчетом, чтобы крестьяне одного приказа платили с ревизской души 5—6 рублей, крестьяне другого приказа 7—8 руб., беря «в соображение нынешнее состояние изделий и промышленности, цены на все произведения от рук крестьян, все способы, какие оне по оборотам своим имеют». Подкрепляя свои рассуждения, министр уделов писал управляющим, что бывшие дворцовые крестьяне, в свое время пожалованные в частные руки, «нигде менее не платят десяти рублей с души и притом находятся в самом изобильном и лучшем положении». Кроме того, Гурьев наставлял чиновников, чтобы они через «лучших» крестьян уговорили крестьянский мир согласиться с повышением оброка, при этом «действуя кротостью и увещаниями»[1].

Письмо графа Гурьева — весьма ценное свидетельство данной эпохи. Оно отражало те сдвиги, которые произошли в экономике страны в первом десятилетии XIX века. Оно свидетельствовало о дальнейшем развитии товарно-денежных отношений, о возрастающей связи сельского хозяйства с рынком. Крепостник Гурьев, возглавлявший огромное хозяйство царской фамилии, разделял взгляды и тех дворян, которые по словам Ю. Самарина «почувствовали необходимость пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы, обеспечить на будущее время верное их поступление»[2].

Финансово-экономические соображения графа Гурьева были направлены к тому, чтобы приспособить удельное хозяйство к новым отношениям, к товарно-денежному обмену, повысить доходность удельного хозяйства, чтобы крестьяне «часть своих избытков уделяли в доход Департамента». Однако умный

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 34, лл. 3—4.

[2] Ю. Самарин. О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе Соч., т. II, М. 1878.

слуга своего класса и своих непосредственных хозяев, граф Гурьев и действует по-умному, не прибегая к администрированию. Он не шумит, а наставляет местных управляющих в необходимости осторожного, умелого, тактически-гибкого подхода к крестьянам: во-первых, надо учесть все способы крестьянского хозяйства, во-вторых, пропагандировать правительственное попечение «к устроению благосостояния крестьян», в третьих, кротко увещевать крестьян, опираясь при этом на «лучших» из них, довести до их сознания необходимость повышения оброка в связи с повышением цен «на все произведения от рук крестьян».

Министр уделов прекрасно знал о малоземелье многих удельных крестьян и о растущей недоимочности их, но вместе с этим полагал, что новые формы получения оброка улучшат положение последних. К тому же крестьяне, по мнению Гурьева, были защищены по их делам в присутственных местах удельными стряпчими, «о них печется управляющий конторой, и... им ничего не остается, как работать», добывать деньги, значительную часть которых отдавать в пользу царской фамилии.

Управляющие удельными конторами немедленно начали действовать по указанию своего министра, советуясь и беседуя сначала с «лучшими» крестьянами о введении повышенных оброков.

Удельные чиновники Симбирской конторы работали инициативно, энергично убеждая крестьян в необходимости повышения оброка. Летом 1809 года управляющий конторою доносил министру уделов, что ему удалось склонить крестьян к повышенному оброку: вместо 5 рублей они согласились платить 7 рублевый оброк.

Новый оброк не затрагивал крестьян, купленных у помещиков; кроме оброчного платежа они погашали уплаченную Департаментом уделов сумму за купленное у вотчинника имение. Эти крестьяне в общей сложности платили 8 и больше рублей с ревизской души. Например, 227 крестьян села Чиркова Сыресевского приказа платили с 1804 года в течение 13 лет восьмирублевый оброк.

От повышенного оброка освобождались крестьяне, совершенно не имеющие удельной земли.

Управляющий Казанской удельной конторой склонял крестьян увеличить удельный оброк с 5 рублей до 8 рублей с каждой ревизской души, но безуспешно: большинство крестьян зая-

вило, что такой оброк для них разорительный. Управляющий «был принужден понизить предполагаемый оклад до 7 руб.»[1].

В некоторых приказах и удельных селениях крестьяне встретили известие о повышении оброчных сумм неповиновением начальству и даже «буйствами».

24 декабря 1809 года министр уделов Гурьев получил новое повеление царя о повышении оброка с удельных крестьян, «сообразно положению местных выгод и способов их состояния от промыслов» и других крестьянских занятий. Повышенный оброк удельные крестьяне должны были платить с первой половины 1810 года[2]. С этого года и государственные крестьяне стали платить повышенный оброк в размере от 5 руб. 50 коп. до 8 рублей с ревизской души «в зависимости от принадлежности крестьян к одному из указанных 4-х классов губернии»[3]. Не успели удельные крестьяне «привыкнуть» к новому оброку, как уже 5 июля 1811 года Государственный Совет утвердил представленную министром уделов новую надбавку к удельному оброку — по одному рублю с каждой ревизской души. Постановление о новом удельном оброке вступило в силу со второй половины 1811 года. Освобождались от повышенного оброка только те крестьяне, на которых состояла недоимка в размере более рубля на каждую ревизскую душу, а также арендные и купленные в удел имения, крестьяне которых платят до десяти рублей с души[4].

К удельному оброку 1798 года прибавлялись новые оброки, и в течение 13 лет, т. е. по 1811 год, они повышались следующим образом[5].

Губернии	Годы			
	1783	1798	1810	1811
	рублей			
По Казанской губ.	3	5	7	8
По Симбирской губ.	3	5	7	8
По Пензенской губ.	3	5	6,30	7,50

[1] История уделов, т. 2, стр. 84.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 13, л. 38.
[3] Н. М. Дружинин — указанное сочинение, стр. 49.
[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 69, л. 193.
[5] ГАУО, ф. 534, д. 226, лл. 36—38, д. 324, лл. 16—18; ф. 318, оп. 1, д. 34, л. 15.

Кроме стремительного роста удельных оброков повышалась государственная подушная подать. В конце XУIII века удельные крестьяне, наряду с крестьянами других разрядов, платили подушную подать в размере 1 рубля с ревизской души. Павел I повысил подушную подать до 1 руб. 26 коп. с ревизской души.

С ростом государственного долга Александр I увеличивает подушную подать до 2 рублей, а в 1812 году в связи с войной был добавлен еще 1 рубль на каждую ревизскую душу [1].

Из-за возрастающих оброков и подушной подати крестьяне все чаще обращались к рынку, чтобы продать хлеб и своевременно уплатить подати. «Мелкому же производителю в первую очередь нужны деньги для платежа. (Превращение натуральных повинностей и оброков, идущих в пользу землевладельца и государства, в денежную ренту и денежные налоги играет здесь крупную роль)» [2].

К продаже продуктов своего труда для уплаты оброков и подушной подати крестьяне прибегали и ранее. Когда же многие крестьянские повинности были заменены деньгами, крестьяне волей-неволей должны были прибегать к рынку, к продаже хлеба, и в таком количестве, что часто у них не оставалось зерна даже для посева.

Несмотря на постепенное обеднение удельных крестьян, сокращение земельных наделов, частые стихийные бедствия, податное бремя удельных крестьян все увеличивалось.

В 1824 году Департамент уделов снова повысил удельный оброк. Поводом для повышения служило то, что казенные крестьяне платили оброка больше, и что только часть удельных крестьян уравнена в оброке с государственными крестьянами, а другая платит значительно меньше [3]. Хотя в новом распоряжении и указывалось об уравнении оброков удельных крестьян с государственными, однако оброчная прибавка не должна была превышать 2 руб. на ревизскую душу.

Новый оброк устанавливался с 1 января 1824 года. Если в 1798 году оброк вводился и взимался по классам губерний, в 1810 году — по конторам (с учетом их особенностей), то в 1824 году оброк вводился дифференцированно по каждому приказу.

В приказе, где крестьяне платили по 8 рублей с ревизской души, теперь должны платить по 10 рублей, где платили по 9

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 106, л. 337.

[2] К. Маркс, капитал, т. III, кн. III, М. 1949, стр. 612.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 160, лл. 87—88.

рублей — добавлялся рубль, и такой оброк устанавливался для удельных крестьян Казанской и Симбирской губерний. Для крестьян Пензенской губернии, учитывая их бедность, был установлен единый 9-рублевый оброк[1].

По некоторым имениям удельные крестьяне, в зависимости от их занятий и достатка, платили оброки больше установленной нормы. Так, в Новгородской губернии 1155 удельных крестьян платило оброк от 12 до 20 рублей, во Владимирской губернии более 100 удельных крестьян — до 15 рублей, а некоторые крестьяне С. Петербургской губернии платили до 17 рублей и больше с одной ревизской души[2].

Тяжесть оброков усугублялась тем, что учет по сбору их поставлен был крайне плохо. Иногда с крестьян по нескольку раз требовали податные деньги, хотя они давно их уплатили. Сборщики оброков и податей не всегда выдавали крестьянам платежные квитанции. Значительно позже, в 1857 году, ревизией было установлено, что почти во всех приказах Самарского имения «платежные ярлыки выдаются каждому крестьянину не прежде, как он очистит уплатою весь с него следующий оклад за половину года, так что если крестьянину случится уплатить полугодичный оброк в три раза, то ярлык от сборщика получается лишь при третьем, окончательном взносе, а первые два отмечаются только в книге сборщика»[3].

Подобный учет оброков и повинностей порождал много злоупотреблений.

Многочисленные денежные и натуральные повинности при небогатых земельных наделах буквально разоряли крестьян.

О бедственном положении многих удельных крестьян Симбирской губернии, о тяжелом бремени оброков писал в 1829 году управляющий конторой Бестужев министру двора князю Волконскому. Автора письма нельзя заподозрить в либеральных идеях. Его взгляды по крестьянскому вопросу ничем не отличались от взглядов крепостников-современников. Тем не менее Бестужев вынужден был нарисовать реальную картину жизни крестьян удельной деревни 20-х годов XIX века.

Письмо Бестужева представляет для нас большой интерес, в нем вскрываются причины бедственного положения удельных крестьян.

Как явствует из письма, крестьяне 6 приказов Алатырско-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 203, л. 794, ф. 342, оп. 1, д. 160, л. 89—90.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 22. д. 9, лл. 104—109.
[3] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 1, д. 133, л. 305.

го и Ардатовского уездов жили в крайней бедности. Кроме земледения, некоторые занимались бурлачеством, «они с величайшим трудом при вскрытии Волги, вверх против течения реки тянут на себе суда и расшивы до города Рыбинска, вырабатывая во все лето не более тридцати рублей, кои проедая и пропивая, возвращаются с долгами и тяжкими болезнями, наиболее простудными и венерическими».

Сказанное Бестужевым подтверждается другим документом того времени. В этом документе говорится: «В Ардатовском приказе находится множество крестьян, кои совсем не платят и никогда не платили оброка, который вносится за них миром, таковые большею частью суть из бурлаков»[1].

Небольшие земельные наделы, — продолжает Бестужев,— не могут обеспечить крестьян необходимым прожиточным минимумом. На каждую десятину пашни высевается 1, 1/2 четверти ржи, но при низком плодородии земли, которую крестьяне не могут удобрять за неимением скотоводства, вследствие частых падежей, урожаи бывают сам-4. «Следственно, крестьянину с одной десятины пашенной земли в поле за исключением на семена 1,5 четверти остается 4,5 четверти на уплату податей за ревизскую душу, на прокормление целого семейства, на содержание дома и на все расходы». Если ко всему сказанному присоединить «недозволенные сборы, неизвестные расходы, то крестьяне в весьма короткое время должны придти в нищету, что и есть, а потому государственные подати должны немедленно остановиться, не взирая на всю исправность управления». Далее Бестужев подсчитывает доходы и расходы крестьянского хозяйства. Если взять селение из 100 душ, имеющее 500 десятин земельных угодий, из которых 200 десятин под лесом, 100 десятин под селением, гумнами, огородами, дорогами, речками, озерами, сенокосом, болотом и выгоном, то в таком случае только 200 десятин остается под пашней. Следовательно, на каждую душу приходится только по 2 десятины во всех трех полях, из которых 1/3 находится под паром и не приносит никакого дохода крестьянину. Если оценить собранную рожь с десятины 4,5 четверти по 3 рубля за четверть, столько же ярового, то все это составит только 27 рублей. Для того, чтобы прокормить себя, крестьянину нужно по крайней мере 2 четверти ржи в год, на уплату податей и оброков 16 руб. 20 коп. ассигн., а с выбывшими душами до 20 рублей. Кроме того, на содержание одной рабочей лошади потребу-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д.985, л. 4.

ется в зиму 10 четвертей овса, чтобы она была пригодна к работе. К этому надо прибавить расходы на ремонт сбруи и земледельческих орудий, расходы на содержание и ремонт избы и двора, расходы на покупку соли, одежды и на другие домашние нужды «и все сие должен он взять с двух казенных десятин во всех трех полях». В заключение Бестужев пишет, что крестьяне в указанных уездах находятся в «беднейшем положении, коих половина едва имеет насущный хлеб, и с трудом добывают подати, занимая, платя большие проценты»[1].

В письме Бестужева речь шла не об одном удельном селении, а о селениях 6 приказов, в которых числилось около 30 тыс. крестьян обоего пола.

Приведенное выше письмо Бестужева было написано в связи с требованием удельного ведомства выделить для своих крестьян казенные земли. Поэтому автор не сказал о многом другом из крестьянской жизни — об отсутствии во многих крестьянских дворах коров, свиней, а порой и рабочей лошади.

В условиях разложения, а затем в период общего кризиса феодально-крепостнической системы, податное обложение во всех формах и названиях постоянно повышалось. В конце XVIII века удельные крестьяне платили 3-рублевый оброк, а 1824 году 9—10-рублевый оброк, в 30—50 годах, в связи с введением поземельного сбора, удельный оброк с каждым десятилетием прибавлялся.

Путем поземельного сбора с удельных крестьян выколачивали оброков больше, чем с государственных крестьян. А. Гакстгаузен писал об удельных и государственных крестьянах Николаевского уезда Самарской губернии. Так, деревня Березово в 1843 году состояла из 423 удельных и 640 государственных крестьян, владевших сообща землею. «Но подати их, — писал он, — совершенно различны. Удельные крестьяне платят 29 руб. 20 коп. асс., а государственные 16 руб. 48 коп. асс., следовательно, первые вносят почти вдвое больше вторых»[2]. Неравенство повинностей удельных и государственных крестьян отмечено в д. Кучуме того же уезда. В этой деревне удельные крестьяне платили различных денежных сборов 34 руб. 91 коп. асс., а государственные крестьяне за все вместе платили только 16 руб. 48 коп. с души[3].

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 984, лл. 47—49.

[2] А. Гакстгаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М. 1870, ст. 360.

[3] Там же, стр. 362.

Некоторые крестьяне годами не могли внести оброчных и других повинностей. В 1835 году за крестьянами Пензенского Тамбовского, Воронежского, Псковского и Смоленского удельных имений числилось недоимок по оброкам и податям больше 210 тыс. рублей[1].

В отношении неплательщиков податей и оброков чиновники принимали строгие меры, вплоть до продажи крестьянского скота. В 1831 году министр внутренних дел сообщал в Департамент уделов, что во время его пребывания в Казани и в других городах, «являлись ко мне крестьяне удельного ведомства с жалобами на действия удельного начальства и строгое взыскание следующих с них податей, для уплаты коих продавался даже крестьянский скот»[2].

С введением поземельного сбора (чему посвящена специальная глава) формы феодальной денежной ренты изменились. До 1830 года удельное ведомство получало с крестьян денежную ренту в виде подушного оброка независимо от качества и количества земли, находившейся в распоряжении удельных крестьян. С 1830 года вместо подушного оброка был введен так называемый поземельный сбор, сущность которого состояла в том, чтобы обложению подвергались не ревизские души, а качество и количество земли. Обложение земельных участков определенным налогом являлось, по определению Н. М. Дружинина, «новым и важным этапом в процессе перерастания феодально-оброчного обязательства в форму свободного арендного договора»[3]. Полное воплощение идеи поземельного сбора значительно смягчало бы внеэкономическое принуждение, тяготевшее над удельными крестьянами. Однако Департамент уделов прогрессивную идею облекал в крепостническое содержание. Вместо равномерного обложения земельных наделов денежной рентой, удельное ведомство под видом поземельного сбора сумело извлекать доходы из неземледельческих занятий подведомственных ему крестьян. Больше того, за тридцать лет до реформы несколько раз производилась переоценка земель, что вело к дальнейшему сокращению земельных наделов и повышению денежных оброков. Земли, отрезанные от крестьянских наделов превращались в оброчные статьи, которые сдавались в аренду тем же крестьянам за особую плату.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4256, лл. 69 — 70.
[2] Там же, оп. 25, д. 77, л. 1.
[3] Н. М. Дружинин, указанное сочинение. М. 1946, стр. 501:

Рост удельных доходов за счет усиления эксплуатации крестьян. О степени эксплуатации удельных крестьян и все возрастающих доходов удельного ведомства красноречиво говорят данные прихода и расхода по удельному ведомству за 1827—1836 гг. (в руб.)[1].

Доход по смете		Расходы		Остаток к январю 1837 г.
с ревиз. душ крестьян	с оброчных статей	по смете	сверх сметы	
53719509	3130514	42287097	10003205	4559721
56850023		52290302		

Таким образом, за 10 лет удельное ведомство получило с крестьян оброков 53.719 тыс. рублей, или свыше 5 млн. рублей в год.

О том, как усиливалась феодальная эксплуатация удельных крестьян, свидетельствует таблица, в которой приведены 2 крайние даты за десятилетие: оброки с крестьян и доходы с оброчных статей за 1826 и 1836 годы[2].

В 1826 году		В 1836 году		
		Доход с 679778 душ по 8 ревизии		
доход с 569886 душ крестьян по 7 ревизии	Доход с оброчных статей	с 241963 душ, оставшихся на подушном сборе	с 437815 душ, платящих позем. сбор	с оброчных статей
5105823 руб.	248190 руб.	2226208 руб.	5175071 руб.	528576 руб.

Таким образом, только за 10 лет, с 1826 по 1836 год, по официальным данным, оброк удельных крестьян увеличился с 9 руб. до 12 руб. 10 коп., или больше, чем на 30 процентов.

Кроме прямых официальных оброков, Департамент уделов получал дополнительные доходы с тех же крестьян за оброчные статьи, за капиталы, находившиеся в кредитных учреждениях и т. д. Всех таких доходов за указанное десятилетие удельное ведомство получило свыше 9 млн. рублей.

Сверх указанных выше сумм Департамент уделов создавал специальные денежные фонды, или «капиталы», проценты от

[1] Всеподданнейший отчет за 1836 г., стр. 29.
[2] Там же, стр. 30.

которых шли в пользу удельного ведомства. Был создан «крестьянский капитал», состоявший из штрафного, вспомогательного и хлебного капиталов. Штрафной капитал увеличивался за счет штрафов крестьян, которых штрафовали буквально за все: за неявку на сход, за «буйное» поведение на сходе, за оскорбление должностных лиц и т. д. К январю 1837 года штрафной капитал составлял значительную сумму — больше 675 тыс. рублей. В 1836 году вся сумма крестьянского капитала составляла 6807 тыс. рублей. За 10 лет из этой суммы израсходовано: на покупку хлеба голодающим крестьянам в неурожайные годы более 2 млн. рублей, крестьянам, потерпевшим убытки от пожаров — около 326 тыс. рублей, на организацию и содержание земледельческого училища — свыше I млн. рублей, на содержание сельских училищ, больниц, на строительство церквей — около 440 тыс. рублей. Всего израсходовано из крестьянских капиталов 3867 тыс. рублей, остальные 3,5 млн. рублей остались в Департаменте уделов для увеличения удельных доходов. В 1836 году министр двора Волконский об итогах за десятилетие не без удовольствия писал в отчете царю: «Соображение двух предыдущих табелей открывает, **что с удельных крестьян сверх определенного оклада по расписаниям, получено с лишком 15.346.000 рублей»**[1].

В последующие 25 лет удельные доходы прогрессирующе возрастали. Рост удельных доходов характеризуется данными таблицы[2].

Виды денежных поступлений	Годы				
	1837	1843	1848	1853	1860
	руб. асс.	руб. сер.	руб. сер.	руб. сер.	руб. сер
Сброки с крестьян . .	7766498	2403798	2480754	2776569	2921783
За оброчные статьи	583621	385959	507096	549301	709761
Разных нескладных доходов	1175386	568461	478414	497123	559678
Всего . .	9425505	3358218	3466264	3822996	4191222

Из таблицы видно, что оброки с крестьян за последние 25 лет перед реформой увеличились больше, чем на 30 проц. Уве-

[1] Всеподданнейший отчет, стр. 29 (подчеркнуто нами — **Н. Г.**).

[2] Таблица составлена на основании всеподданнейших отчетов за указанные годы.

личивались не только подушные оброки и поземельный сбор, но и доходы с оброчных статей. За последние 25 лет перед реформой удельное ведомство в 4 раза увеличило доходы с оброчных статей, из которых 60 проц. приходилось на Среднее Поволжье.

Путем чрезмерной эксплуатации крестьян, увеличения количества оброчных статей, при помощи предпринимательской деятельности Департамент уделов сколачивал огромные суммы денег. Так, на 1-е января 1837 года наличного капитала и в банке насчитывалось свыше 33 млн. рублей ассигнациями, или 9,5 млн. рублей серебром[1]. В 50-х годах XIX века удельный капитал возрастал следующим образом (в рублях серебром)[2].

на 1-е января	1853 года —	10251498
«	1854 —	10831268
«	1855 —	11908276
«	1856 —	12981105
«	1857 —	13445518.

Таким образом, только за 5 лет удельный капитал вырос с 10251 тыс. руб. до 13.445 тыс. руб., или на 31 проц. Из приведенных данных видно, из каких источников состоял и за счет чего постоянно увеличивался удельный капитал. Все доходы, в каких бы формах они ни поступали, создавались трудом удельных крестьян. Можно с уверенностью сказать, что в период кризиса феодальной формации удельное ведомство выколачивало с крестьян оброков больше, чем об этом говорится в официальных документах. Подушная подать возрастала постепенно, удельный оброк — резкими скачками. Об эксплуатации удельных крестьян можно сказать словами Н. М. Дружинина: «Феодальная эксплуатация государственных крестьян росла интенсивнее и быстрее, чем налоговое обложение»[3].

«Земские» повинности удельных крестьян наряду с оброком и подушной податью удельные крестьяне выполняли многочисленные, так называемые «земские» и «общественные» повинности, значительная часть которых была регламентирована удельными постановлениями и правительственными законами, другая же часть (здесь было особенно много злоупотреблений) вводилась местными властями.

---

[1] Всеподданнейший отчет за 1836 год.

[2] Там же, за 1853—1857 гг.

[3] Н. М. Дружинин, указанное сочинение, стр. 50.

К «земским» повинностям относились: дорожные (содержание в порядке почтовых дорог и трактов), устройство водных сообщений, содержание почтовых лошадей, содержание рассыльщиков для земской полиции, содержание этапов, рекрутская и подводная повинности, а также повинность по военному постою и другие.

Отбывание земских повинностей возлагалось на все сельское общество, а распределение их между крестьянами входило в компетенцию самих крестьян, которые обязаны были составлять мирские приговоры на выполнение той или другой повинности[1].

Дорожная повинность. В первой четверти XIX века дорожную повинность отбывали не везде одинаково: в одних губерниях она распространялась только на крестьян, живших вблизи больших дорог, в других эта повинность возлагалась на все податные сословия уезда; в одних местах дорожную повинность отбывали наймом, в других натурою и т. д.[2].

Дорожную повинность удельные крестьяне отбывали вместе с другими разрядами крестьян. Крестьяне обязаны были содержать в порядке мосты, гати, дороги, а на «устроение и содержание мостов и гатей, требующих некоторое искусство и больших усилий», крестьяне платили деньги[3]. Дорожная повинность, даже по удельным постановлениям, считалась одной из обременительных, требующей больших физических сил и больших денежных затрат. Крестьяне, занимавшиеся ремонтом дорог, освобождались от подводной и другой повинности. Чтобы не обременять крестьян этой повинностью, Департамент рекомендовал посылать крестьян на эти работы в свободное от сельских работ время, «то есть осенью по уборке хлеба, или весною после сева ярового, но прежде сенокоса». Во время полевых работ посылались на исправление дорог только те крестьяне, которые «виновны в разных поступках». Крестьяне должны были не только ремонтировать дороги, но и покупать на свои деньги лесоматериал для мостов и гатей, возить этот материал из лесных дач, иногда на большие расстояния. Если учесть, что почтовые дороги в конце XVIII века и первой половине XIX века (да и в последующее время) находились в весьма запущенном состоянии, контроль за содержанием их возлагался на земскую полицию,

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 2, ст. ст. 273 — 276, 278.

[2] Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Том IV, часть 1 — 2, СПб, 1866, стр. 37.

[3] Там же, ст. 282.

то можно представить себе, сколько самоуправства проявляли местные власти и как дорого обходилась эта повинность крестьянам.

Что собой представляла эта повинность, говорят следующие факты. От 100 крестьян назначалось на ремонт дорог: в мае — 5 работников, в июне — 12, в сентябре — 5, или почти ¼ часть крестьянского населения отвлекалась на выполнение этой повинности. Кроме того, крестьяне должны были выставлять для ремонтных работ крайне нужных в своем хозяйстве лошадей. Кроме того, местные чиновники допускали очень много злоупотреблений, заставляли удельных крестьян без всяких оснований чинить мосты, дороги и выполнять другие повинности[1].

Все существовавшие указные табели, перечни, нормы сборов и повинностей нарушались. Безграмотное, беспомощное удельное крестьянство не только не могло разобраться в перечнях, табелях и нормах удельных сборов и повинностей, но нередко и не подозревало о их существовании. Поэтому губернской или уездной администрации—губернаторам, правлениям, палатам, городничим, стряпчим, земской полиции, земскому суду и его чинам — исправнику, заседателям, секретарям и прочим — было очень легко устанавливать для удельных крестьян внетабельные повинности и сборы и попросту брать с них взятки.

Удельное ведомство, устранив «всякое влияние на крестьян местных властей» и взяв на себя значительную часть функций государственной власти, все время понуждало своих крестьян к выполнению дорожной повинности. Для того, чтобы крестьяне уделяли главное внимание сельскому хозяйству, Департамент уделов разрешил отправлять земские повинности, в том числе и дорожную, наймом за деньги. «Если общество крестьян, — говорилось в Своде удельных постановлений, — пожелает передать выполнение лежащей на нем повинности кому-либо из среды себя или посторонним, с платою денег, то сие дозволяется в том случае, когда выполнение повинностей натурою для крестьян стеснительно или сопряжено с затруднениями»[2].

Денежные расходы на выполнение дорожной повинности также неуклонно росли. В 1828 году 31287 удельных крестьян Симбирской губернии израсходовали на ремонт государствен-

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 124, лл. 971—972; д. 167, л. 226; д. 273, л. 227.

[2] Свод удельных постановлений, ч. 2, ст. 297.

ных дорог и «на устройство водяных сообщений» 9386 рублей, или по 33 копейки с каждой ревизской души[1].

В 30—50 гг. XIX века в стране в целом и в Среднем Поволжье, в частности, наряду со старыми трактами, появились новые дороги, идущие в различных направлениях. В 1833 году были изданы новые постановления о дорогах, которые имели силу до самой реформы. В соответствии с новыми правилами дороги были разделены на 5 классов, из которых в ведение Главного управления путей сообщения поступали дороги первого класса, содержавшиеся за счет казны, дороги второго класса, соединявшие губернские города, относились на содержание земского сбора и дороги всех остальных классов «натуральною повинностью местных обывателей»[2]. Прокладывание новых дорог и поддержание старых, строительство и ремонт дорожных мостов по-прежнему лежали на обязанности крестьян всех разрядов. Строительство мостов крестьянам было не под силу, поэтому они нанимали подрядчиков и платили им огромные суммы денег. В 1837 году крестьяне Анатышского приказа на строительство мостов Оренбургской дороги израсходовали 2300 рублей, или по 94 коп. серебром с одной ревизской души. 1990 крестьян нескольких сел Сухорецкого приказа заплатили за ремонт мостов по Московскому тракту 1280 рублей[3].

Дорожная повинность усложнялась еще тем, что деньги, собираемые с крестьян на строительство мостов или ремонт дорог, не всегда использовались по назначению: часть денег оставалась у сборщиков, приказных голов и подрядчиков, а дороги и мосты по-прежнему оставались в плачевном состоянии. Губернские власти часто напоминали удельному ведомству о плохом состоянии дорог, за исправность которых отвечали удельные крестьяне. Весною 1839 года в «Симбирских губернских ведомостях» сообщалось, что мосты на почтовых трактах, подлежавшие ремонту удельных крестьян Буинского уезда, пришли от времени в ветхость до такой степени, что к ним при вскрытии весны «едва ли можно будет иметь проезд»[4].

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 267, л. 73 — 92.

[2] Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра податей и сборов, т. IV, ч. I — II, СПб, 1866, стр. 26.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 375, лл. 197, 281.

[4] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 500, л. 169.

Однако, помимо денег, крестьяне и перед реформой тратили много времени на отбывание дорожной повинности. Ежегодно в течение апреля и сентября крестьян отрывали от сельскохозяйственных работ. В 1847 году 900 крестьян (в том числе 300 человек с лошадьми) Вараксинского приказа, что составляло 40 проц. всего мужского населения, работали по ремонту дорог. В 1853 году по Самарскому имению ремонтировали мосты, исправляли дороги и гати 4704 пеших и 4847 конных удельных крестьян, или больше 10 процентов удельного населения губернии[1].

Нередко удельным крестьянам выделяли дорожные участки за десятки верст от их селений. Так, удельных крестьян г. Сенгилея обязали содержать в порядке участок на Симбирской дороге в 72 верстах от города, а крестьян д. Мурашки заставили отвечать за исправность моста, находившегося в 20 верстах от селения. Эти же крестьяне отвечали за гати и мосты по Саратовскому, Московскому и Оренбургскому трактам, находившимся в 100—130 верстах от их селений[2].

Подводная повинность. Тяжелым бременем для крестьян всех разрядов являлась подводная повинность. Как и другие, эта повинность была регламентирована законами и удельными постановлениями. Прежде всего, в обязанность крестьян входило предоставлять подводы для разъезда удельных чиновников: управляющему конторой—четыре, его помощнику-три лошади, а прочим чиновникам — «на основании существующих постановлений». Кроме того, крестьяне обязаны были бесплатно предоставлять подводы секретарям, канцелярским служителям и рассыльным земской полиции «в определенных законом случаях, и при проводе арестантов или провождении военных команд для больных и немощных»[3].

Крестьяне обязаны были также представлять подводы для разъездов приказных старшин или содержать для этой цели специальных лошадей. Расходы на содержание приказных лошадей для разъезда старшин составляли большие суммы. В 1814 году 30694 удельных крестьянина Симбирского имения платили для этой цели 4683 рубля, а через 14 лет, в 1828 году, те же крестьяне, в числе 31.287 ревизских душ,

[1] Куйбышевский обл. архив. ф. 43, оп. 1, д. 62, л. 19; ГАУО, ф. 342, оп: 1, д. 444, лл. 5—6; ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 625, л. 2.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 908, л. 25.

[3] Свод удельных постановлений, ч. 2, стр. 293

платили уже 11.961 рубль, т. е. расходы на содержание лошадей для приказных старшин только за 14 лет увеличились в 2,5 раза[1].

В 30—50 гг. XIX века расходы на содержание приказных лошадей не сокращались. Эти расходы обусловливались не реальной потребностью приказов, а произволом старшин и их помощников. В 1829 году в Бобровском приказе Воронежского имения Перовский обнаружил, что из пяти троек лошадей — две тройки находились в непосредственном распоряжении писаря этого приказа «для разъездов собственно его и его семейства»[2]. В 1850 году по Сызранскому имению на этот вид повинности крестьяне уплатили 5980 рублей, а через год более 6 тыс. рублей; в 1853 году по Самарскому имению было израсходовано 7215 рублей, а через 4 года — 18680 рублей, или больше чем в 2,5 раза[3].

Помимо денежных затрат на наем разъездных лошадей для приказов, крестьяне по первому требованию удельного чиновника выставляли подводы. Только по одному Самарскому имению в 1853 году для удельных чиновников выставлено было 68890 крестьянских подвод[4]. Чиновник удельного ведомства, ревизовавший Самарское имение, отмечал, что сельским начальникам «лошади даются бесплатно, и притом, большею частью, без требования открытого предписания, которое удостоверило бы действительную потребность в подводах по делам службы»[5].

Уже в начале XIX века крестьяне жаловались на тяжесть этой повинности и на многочисленные злоупотребления местных чинов. Несмотря на многочисленные распоряжения удельного ведомства, местные власти не считались даже со страдной порой — крестьяне отрывались от работ и давали подводы и коронным и земским чинам, особенно последним»[6].

О произволе местных властей свидетельствуют документы удельных приказов Пензенской губернии. В июле 1804 года по Краснослободскому приказу Пензенской губернии

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 106, лл. 337—338; д. 267, лл. 73—92:
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 116, лист 1.
[3] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 1, д. 62, л. 18—19, д. 133.
[4] Куйбышевский обл. архив. ф. 43, д. 62, л. 18, л. 280; ЦГИАЛ: ф. 515; оп. 9, д. 908, л. 18.
[5] ГАУО, ф. 322, оп. 2, д. 103, л. 4.
[6] Свод удельных постановлений, ч. 2 ст. 293.

уездные чиновники произвольно взяли более 50 крестьянских подвод в самый разгар сельскохозяйственных работ[1].

Уездные чиновники пользовались не только случайными подводами. Для тех же уездных чинов удельные крестьяне Краснослободского приказа нанимали ежегодно три пары лошадей, уплачивая по 60 копеек с каждой ревизской души. Даже удельное начальство признало, что это ни что иное, как «чрезмерное отягощение» для крестьян[2].

Подводная повинность, несмотря на то, что крестьяне ее заменяли деньгами, все возрастала. Удельные крестьяне города Лаишева платили деньги за подводную повинность, но городничий, невзирая на это, постоянно требовал с крестьян подводы на разъезды канцелярских служителей, рассыльных, для проходящих команд и т. д. Только за полтора месяца 1822 года удельные крестьяне города Лаишева выставили 117 лошадей[3].

Очень дорого обходились крестьянам разъезды земской полиции, перевозка арестантов, пересыльных и сопровождение войск. В 1853 году крестьяне Самарского имения выставили для этой надобности 101467 подвод[4].

Кроме обыкновенных разъездов, были экстренные во время переездов царя, наследника, иностранных послов и других высокопоставленных лиц. В 1815 году Казанский земский суд потребовал у Сухорецкого приказа 35 крестьянских подвод для сопровождения казенных лошадей. Вскоре последовало распоряжение земского исправника тому же приказу снарядить сорок лошадей для свиты бухарского посланника. Крестьяне, выполняя распоряжение, наняли лошадей и сопровождали упомянутую свиту до города Свияжска[5]. В 1834 году крестьяне Казанского имения заплатили за наем лошадей для проезда царя 2746 рублей, а в 1836 году для наследника — 1083 рубля[6]. Особенно страдали от подводной повинности крестьяне тех селений, которые были расположены по большим дорогам. Так, удельные крестьяне села

---

1 ГАУО, ф. 534, д. 273, лл. 469 — 470.

2 Там же.

3 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 160, л. 46.

4 Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 1, д. 62, л. 18

5 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 73, л. 150.

6 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 345, л. 200; д. 275, л. 15.

Смышляевки Преображенского приказа Самарской губернии в отдельные дни выставляли от 5 до 100 подвод[1].

Подводная повинность была настолько тяжелой, что даже симбирское дворянство на выборах 1852 года признало, что крестьяне губернии «чрезвычайно отягощены подводной повинностью, особенно в рабочее время, так, что многие из них, чтобы избавиться от оной делают наем, обходившийся до 30 коп. серебром с души»[2].

Департамент уделов пытался ограничить подводную повинность своих крестьян путем распоряжений или посылки специальных чиновников на места. Один из чиновников, ревизовавших удельные имения Среднего Поволжья в 1854 году установил, что по Алатырскому имению на наем лошадей приходилось 28 коп., по Сызранскому — до 65 коп., а по Самарскому имению — 1 рубль 19 копеек в год с каждой крестьянской души. Особенно отличалось в этом отношении Самарское удельное имение: «Разгон лошадей здесь так велик, что подобного я не встречал нигде», — писал ревизор Департамента уделов[3].

Через 3 года Департамент уделов снова напоминал Самарской конторе, что во многих ее приказах наблюдаются «частые и вовсе ненужные разъезды приказных чинов и других лиц на обывательских лошадях, при наличии большого числа наемных троек»[4].

Однако ни распоряжения удельного ведомства, ни решения других учреждений не способствовали уменьшению крестьянской подводной повинности. Она существовала и увеличивалась в условиях крепостничества, росту ее не в малой степени способствовал чиновниче-бюрократический аппарат царской России.

Квартирный постой. Как ни отягощали крестьян сборы на содержание этапов, становых квартир и присутственных мест, но они переносились значительно легче, чем натуральная квартирная повинность. Бичом для крестьян являлся солдатский постой. Больше всего от постоя команд и арестантов терпели селения, лежавшие на путях в Сибирь или расположенные вблизи больших городов. Одни крестьяне жалова-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 241, л. 55, 57 — 58, 75 — 78.
[2] ГАУО, ф. 322, оп. 2, д. 103, л. 4.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 241, лл. 53—55.
[4] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 1, д. 183, л. 310.

лись начальству на то, что «они терпят в провожании без всякой очереди через их селения колодников», другие — на то, что «несут они немалое отягощение»[1] от многолетнего солдатского постоя. В деревнях Кокушкино и Победилово, в селе Рождественском Казанского уезда из года в год стояли воинские команды, особенно артиллеристы с лошадьми, которые приносили крестьянам много бед. В 1807 году Казанский уездный суд был вынужден стать на защиту крестьян всех разрядов. Он объяснял губернскому правлению, что партии рекрут и воинские команды «располагаются на квартиры поблизости города Казани в Казанском уезде, и посему обывателям ближайших селений от беспрестанных постоев и от гонения колодников чрезвычайно тяготно». Казанский уездный суд просил губернское правление, чтобы воинские команды «свести на квартиры в другой какой-либо уезд»[2].

Случалось, что постояльцы, жившие у крестьян и на их снабжении, оказывались очень буйного нрава и причиняли много беспокойства крестьянам[3].

О тяжести квартирного постоя знало правительство. В 1841 году Государственный Совет признал, что квартирный постой «не только удерживает обывателей от улучшения жилищ или построения оных вновь, но заставляет многих запускать оные, а иногда даже совсем оставлять города, продавая свои дома за бесценок»[4]. Царское правительство дальше констатации фактов не пошло. Постой разорял не только горожан, но и крестьян.

Десятилетиями удельные крестьяне города Карсуна содержали на постое 400 человек солдат этапной и инвалидной команды, а также солдат Бутырского пехотного полка. Горожане, купцы и дворяне от этой повинности были освобождены. В 1850 году карсунские удельные крестьяне жаловались, что на один крестьянский дом приходится два солдата, «так что некоторые обыватели до того стеснились в помещении, что в зимнее время нельзя им ничем заняться в теплом углу своем, а многие не в состоянии дать даже солдатам привар-

---

1 ГАУО, ф. 534, д. 127, лл. 838 — 839; д. 167, лл. 278, 587 — 588.

2 Там же, д. 167, л. 643.

3 Там же, д. 167, л. 643; д. 191, л. 146; д. 228, лл. 321—322.

4 Труды комиссии высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Том IV. Земские повинности. Часть IV, о постоянной повинности, СПб, 1867, ст. 3.

ка, обремененные сами семействами, при малом числе работников»[1]. Чтобы дать представление о размерах крестьянской квартирной повинности, можно привести данные только по Самарскому удельному имению. В 1853 году было отведено для постоя домов в удельных селениях: для арестантов и воинских команд 116097, для проезжающих чиновников 73000, а всего 189097 крестьянских квартир[2].

Рекрутская повинность. В числе особо обременительных государственных повинностей для удельных и других разрядов крестьян немаловажное место занимала рекрутская повинность. Повинность эта выполнялась по общеустановленным правилам[3], но характера общей обязанности, как это будет показано ниже, она не имела.

С образованием удельного ведомства отбывание рекрутской повинности возлагалось на сельские общества и приказы, и «всякое разбирательство внутреннего сельского дела, выбор начальников, поставка рекрут и подобное оному, от управления и распоряжения сих экспедиций должно быть чуждо»[4]. Этим законодатели устраняли контроль старших удельных чиновников за правильностью рекрутской очередности, чем и дали широкую возможность для злоупотреблений и насилий со стороны имущей части удельной деревни. Кроме того, согласно многим удельным постановлениям, от рекрутской повинности освобождалось сельское удельное начальство. Впоследствии этим правом воспользовались и другие.

От рекрутской повинности в начале XIX века освобождались приказные головы, заседатели приказов, писари из удельных крестьян, «доколе в сих званиях пребывают». Неотделенные дети приказного головы до тех пор, пока он состоит в этой должности, также освобождались от этой повинности.

Позднее (по времени) от рекрутской повинности освобождались лесные сторожа, сельские учителя и их помощники, «доколе оставались в сих званиях, будут совершенно одобряемы в способностях, усердии и поведении»; воспитанники земледельческого училища, «если учение и поведение воспитанников вполне одобрительны»; хозяева образцовых усадеб,

---

1 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 908, лл. 2, 4 — 5.

2 Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 1, д. 62, лл. 18 — 19.

3 Свод удельных постановлений, часть II, ст. 219.

4 ПСЗ, т. XXIV, 1797, № 17906, § 168.

«доколе занимаются своим хозяйством рачительно, честно и подают собою пример хорошего поведения прочим крестьянам». Смотрители общественной запашки на тех же правах, как и хозяева образцовых хозяйств, тоже освобождались от рекрутской повинности. Эти права распространялись также на крестьян, обучаемых фельдшерскому и ветеринарному искусству «как во время учения, так и по окончании оного, когда исполняют свою должность рачительно, честно и с надлежащим успехом»[1].

Для остальных удельных крестьян устанавливалась очередность в пятисотенных, а затем в тысячных участках в такой последовательности: в первую очередь набирали в рекруты из больших по составу семей, где было 4, 3, 2 человека, способных нести военную службу.

В рекруты брали людей физических здоровых и в большом числе. Департамент уделов в связи с рекрутской повинностью ежегодно терял много трудоспособных крестьян Поэтому в первые годы он пытался изменить способы отбывания рекрутской повинности для своих крестьян. Еще в 1798 году он обратился к царю с просьбой разрешить удельным крестьянам покупать у помещиков крепостных людей для отдачи их вместо себя в рекруты[2].

Официального согласия не последовало, но в практике Департамент уделов поощрял покупку крепостных людей для отдачи их вместо удельных крестьян в армию.

Однако вскоре выяснилось, что во время рекрутских наборов часто возникали споры между покупщиком рекрута и помещиком. Помещики обычно продавали таких крестьян, которые были непригодны к военной службе. Кроме возникавших недоразумений между покупщиками и помещиками, выявлялись различного рода злоупотребления, на что обращали внимание удельные экспедиции.

В 1803 г. советник Казанской экспедиции сообщал в Департамент уделов о злоупотреблениях при найме рекрут из числа помещичьих крестьян. Покупщик, обычно зажиточный крестьянин, приписывал купленного крепостного к своему селению и затем отдавал его в рекруты. Но нередко бывало,—писал советник экспедиции, — что при самом приеме открывались в купленном крестьянине такие болезни, «коих нанявший его

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 2, ст. ст. 219, 261 — 271.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 1353, л. 11.

крестьянин не мог отнюдь предвидеть, или не указанные лета, и отпущенник сей отмечался негодным». Купленного, но непригодного в рекруты человека, крестьяне должны принимать в свое хозяйство, платить за него подати и иметь в нем самого безнадежного работника. Вместо него крестьянам приходилось посылать своего члена семьи, «от чего многие из лучших домов, расстроясь, погружаются в нищету»[1].

По-видимому, подобные жалобы поступали в Департамент уделов и со стороны других удельных экспедиций. В том же 1803 году Департамент распорядился о том, чтобы экспедиции приняли все меры к пресечению покупки помещичьих крестьян для отдачи их в рекруты.

Кроме того, удельное ведомство, не желая в фискальных целях подрывать экономическое состояние беднейших хозяйств, запрещало местным властям без разбора отдавать бедных крестьян в рекруты.

Пользуясь бесконтрольностью со стороны местных властей, зажиточные крестьяне всякими путями освобождались от этой повинности и вместо себя в рекруты отправляли бедняков. Для отдачи бедняков в рекруты придумывались различные поводы. Основным мотивом для отдачи бедных крестьян в армию служила «распутная жизнь», под которой надо понимать уход такого крестьянина на заработки (бурлачество, работа в городе). В 1803 году богатеи города Ардатова требовали отдать в рекруты 7 человек; в 1804 году крестьяне д. Падовки и с. Ключищ Ключищенского приказа постановили отправить в армию вне очереди 6 человек. В экспедицию посылалось много других требований отдать в рекруты вне очереди беднейших крестьян, потому что они, «не имея хлебопашества и по крестьянству должного домоводства, обращаются всегда в пьянстве и распутном поведении, государственных податей в срочное время не выплачивают, часто самовольно отлучаются в неизвестные приказу места»[2].

Стремление богатых крестьян избавиться от бедняков и захватить их землю всегда поддерживало местное удельное начальство. Ему нужны были «статейные» крестьяне, регулярно платящие оброки и повинности, приумножающие доходы удельного ведомства. Сельские удельные власти чинили всякие наси-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 1325, лл. 2—4.
[2] ГАУО, ф. 534, д. 191, л. 511, д. 228, л. 321,

лия над беднейшими крестьянами, любым путем рекрутируя бедняков в очередные и внеочередные наборы. Они не останавливались ни перед чем: пускали в ход угрозы, насилие, издевательства. Вдова Иванова города Краснослободска Пензенской губернии имела двух сыновей — кормильцев на большое свое семейство. В 1806 году богатые крестьяне решили отдать одного ее сына в рекруты, хотя на очереди было много других, имевших в хозяйстве по 3 — 5 работников. Удельная крестьянка Иванова резонно отказалась отдать сына в рекруты. Голова приказа за отказ Ивановой отдать сына в рекруты заковал ее в железа и посадил под караул. На четвертые сутки в глухую ночь Иванову вывели на мороз, совершенно раздетую и необутую, и начали поливать водою «без всякого милосердия, требуя от двух ее сыновей одного в рекруты»[1]. О вдовах, бедных крестьянках, у которых забирали единственных сыновей в рекруты, рассказывают многие документы прошлого[2].

Были случаи, когда некоторые бедняки, стремясь избавить свое семейство от постоянной нужды, «добровольно» шли за богатых служить в армию[3].

Борьба удельных крестьян во время рекрутских наборов в некоторых селениях достигала наивысшего напряжения, часто она превращалась в открытую борьбу между большесемейными и малосемейными крестьянами, при этом пускались в ход рогатины и ружья[4].

Постоянно нуждаясь в деньгах на оплату оброков, податей и повинностей, беднейшие крестьяне волей-неволей обращались к ростовщику и этим самым становились в зависимость от богатых крестьян. Пользуясь этой зависимостью, богатеи заставляли беднейших крестьян выполнять за них все казенные и удельные повинности. Используя свое положение, богатые крестьяне требовали от мира, чтобы за взятые на общественные и другие нужды деньги крестьянское общество освобождало ростовщиков или их детей от рекрутской очереди. Удельные крестьяне с. Горок Урусовского приказа в 1805 году дали своему односельчанину Никифорову заемное письмо на кабальном условии: за взятые у него обществом деньги освобождались от ре-

---

1 ГАУО, ф. 534, д. 303, л. 503.

2 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 47, л. 17.

3 ГАУО, ф. 534, д. 303, л. 1; д. 325, л. 15.

4 ГАУО, ф. 534, д. 274, лл. 166 — 167; д. 229, лл. 132 — 133; д. 303 лл. 399 — 400.

кручины два его сына и «в двойную очередь не полагать и к отдаче рекрута не понуждать»[1].

Злоупотреблениям рекрутской очередью со стороны богатых крестьян не было конца. Об этом знали приказы, экспедиции. Местные власти не могли бороться с этим злом и многократно обращались за помощью в Департамент уделов. Так, Тамбовская удельная экспедиция доносила в Департамент о злоупотреблениях сельского начальства при поставке рекрут. Так как эти злоупотребления были повсеместны, Департамент уделов в 1808 году разослал всем экспедициям специальный циркуляр о рекрутской повинности.

Удельному ведомству были известны пути, какими бедняки попадали к рекруты. Поэтому оно предлагало экспедициям осмотрительно подходить к тем крестьянам, которых местные власти пытались без очереди отдать в рекруты.

Пытаясь пресечь злоупотребления, Департамент уделов предлагал, чтобы в рекруты за «праздную и в пороках замеченную» жизнь крестьянина отдавали не сразу, а после того, когда общество убедится, что такой крестьянин неисправим, «но с тем, однакож, чтоб оный не зачитался за богатого и большесемейного, но за весь пятисотенный участок». Если очередь падает на семью, где один работник, имеющий престарелых родителей и малолетних детей, такого общество может не отдавать в рекруты «до возрасту детей, дабы через сие семейство не оставить в нищете». Однако в этом циркуляре оставалась лазейка и для богатых крестьян. Если в пятисотенном участке «развратной жизни людей», отдающихся вне очереди два и больше, «а в следующие наборы досталась бы поставка из большесемейных поведения доброго и трудолюбивых поселян..., в таком случае отдавать и за оные с взнесением по добровольному ими с миром условию положенного числа денег»[2].

Циркуляр, ограничивая богатеев, в то же время предоставлял им широкие возможности для эксплуатации бедняков. Подобное распоряжение не могло изменить положения в удельной деревне: всегда и очень легко находился повод обвинить бедняка в дурном поведении, бедняки по-прежнему шли в рекруты, и в первую очередь[3].

Отдача крестьян в армию за провинность соответствовала духу времени. Одной из мер наказания для крестьян в царское

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 272, л. 181; ф. 534, д. 228, л. 183.

[2] ГАУО, ф. 534, д. 326. лл. 861 — 866.

[3] Центр. Гос. архив Тат. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 14, л. 89.

время была отдача в рекруты. «Поколения три тому назад, — писал в 1901 году В. И. Ленин, — во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества... Крестьянина отдавали в солдаты, как в долголетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки «зеленой улицы» и т. д.»[1].

С обнародованием царского указа в 1811 году зажиточные крестьяне получили еще больше возможностей уклоняться от рекрутской повинности. По этому указу мещанским обществам, казенным и удельным селениям разрешалось «ставить за семейства свои рекрут по добровольным условиям из людей к тем же обществам и волостям принадлежащие», а также из приписавшихся вновь к селениям.

Этот указ открыл широкие возможности для продажи людей в солдаты.

В 20-х годах XIX века развиваются товарно-денежные отношения в удельной деревне, усиливается расслоение среди удельных крестьян. Зажиточные крестьяне рекрутскую повинность в прямом смысле слова уже почти не отбывали. Имея деньги, они покупали рекрутские квитанции у помещиков или в других местах. И если в первом десятилетии XIX века купля рекрутских квитанций удельными крестьянами была сравнительно редким явлением , то в 20-х годах она приобретает широкие размеры.

Богатые крестьяне широко воспользовались новым правом покупки рекрутских квитанций через удельные конторы в Петербургском приказе общественного призрения. Только в 1821 году 17 удельных крестьян-богатеев Воскресенского, Анатышского и Сухорецкого приказов Казанской губернии внесли в приказ общественного призрения 40951 рубль за рекрутские квитанции[2]. По 79 набору удельные крестьяне Казанского уезда должны были поставить 40 человек в рекруты, отдали же только 27 человек, на остальных были представлены квитанции[3]. Рекрутские квитанции приносили немалый доход и помещичьему государству. В 1823 году последовал царский указ о раздаче из казенных палат в 1824 году желающим 3500 квитанций «для зачета рекрут при будущих наборах, с принятием за каждую 2000 руб-

---

[1] В. И. Ленин соч. т. 4, стр. 389 — 390.
[2] ГАУО, ф. 342; оп. 1, д. 12; лл. 139, 142, 145, д. 123, лл. 317, 319.
[3] Там же, д. 194, л. 121, д. 160, л. 145.

лей». Операции по продаже квитанций давали царскому правительству 7 млн. рублей дохода.

В 1824 году зажиточные удельные крестьяне Симбирской губернии приобрели квитанций на 16 тыс. рублей[1].

Положение первостатейных крестьян еще больше укрепилось с выходом указа 1823 года, по которому можно было нанимать людей в рекруты[2]. Воспользовавшись этим указом, зажиточные крестьяне просили отдавать в рекруты нанятых людей немедленно, потому что такие «охотники», забрав значительные суммы денег, не занимаются земледелием, «отзываясь при всяком случае, что они готовы идти в рекруты, нередко производят беспорядки, отчего нанявшие могут потерпеть значительные убытки». Доводы зажиточных крестьян казались удельному ведомству настолько уважительными, что в 1827 году было высочайше утверждено и разрешено нанятых в рекруты людей отдавать в зачет будущих рекрутских наборов без всякой очереди[3].

В 1828 году на основании всеподданнейшего доклада министра императорского двора были изданы дополнительные правила о рекрутских наборах, которые затем вошли в Свод удельных постановлений[4]. На основании этих правил очередные семейства, состоящие из трех и более работников, но не имеющие ни одного годного к военной службе человека, могли нанять рекрута из крестьян своего селения или купить зачетную квитанцию[5].

Воспользовавшись удельными постановлениями, зажиточные крестьяне покупали рекрутские квитанции или посылали за себя «охотников». Только в 1833 — 1834 гг. крестьянами всего удельного ведомства было куплено 363 рекрутских квитанций на сумму 913740 рублей. За 10 лет, с 1840 по 1850 год, зажиточные крестьяне купили до 2 тыс. рекрутских квитанций и послали за себя более 3 тыс. «охотников». Как велик был процент купленных квитанций и количество посланных в армию «охотников» по сравнению с натуральною рекрутскою повинностью, можно судить по таким данным: в период Крымской войны крестьяне всего удельного ведомства должны были послать в

---

[1] ГАУО, ф. 318; оп. 1, д. 220, лл: 2, 3, 8, 20; 28; 42; 46, 50, 62, 66; ЦГИАЛ, ф: 515, оп. 9, д. 131, л. 41.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 194, л. 121.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 44 — 45, лл. 15 — 17.

армию путем рекрутского набора 33136 человек, фактически же послали 29.178 человек, зачтено было 2.820 рекрутских квитанций и послано «охотников» за богатых крестьян 1147 человек. Таким образом, около 14 проц. составили рекрутские квитанции и «охотники» по отношению всего количества удельных рекрут[1].

Законы и дополнительные правила о рекрутских наборах, изданные в 20 — 30 гг. XIX века и вошедшие в Свод удельных постановлений, давали широкий простор для злоупотреблений. В 1829 году чиновники Департамента уделов, ревизовавшие Симбирское имение, в особом донесении начальству приводили многочисленные факты преступлений, подкупов и взяток во время рекрутских наборов. В заключение они сообщали, что «таковые примеры неисчислимы и требуют для приведения в порядок особенного занятия, устройства, совершенной строгости и взыскания. Крестьяне приносят жалобы на голову, голова — на чиновников конторы, и подобные жалобы беспрестанны; но точного о том исследования едва ли можно сделать, ибо подарки сии были сделаны без свидетелей[2].

Удельным крестьянам дорого обходилась рекрутская повинность. Для крестьян всего удельного ведомства отправка рекрут обошлась: в 1833 году — в 135.272 рубля; в 1836 году — в 208 тыс. рублей; в 1855 году—в 273.580 рублей и т. д. Отправка одного рекрута обходилась в 60 — 75 рублей[3]. Так, крестьяне Казанского имения в 1836 году отправили в рекруты 69 человек, на что израсходовали 3760 рублей денег[4]. Только осенью 1853 года крестьяне Самарского имения израсходовали на эти цели 11.862 рубля[5].

Общественные, или «мирские», повинности. В изучаемый период было много так называемых «общественных», или «мирских», повинностей.

Крестьяне должны были давать деньги на жалование старшинам, писарям, платить деньги почтовые и страховые на пересылку денежных сумм, деньги на канцелярские расходы, на жа-

---

[1] Всеподданнейшие отчеты: за 1833 г., стр. 11; за 1834 г. стр. 22; за 1840 г. стр. 14; за 1842 г. стр. 16 — 17; за 1843 г. стр. 14 — 15; за 1844 г. стр. 15; за 1846 г. стр. 13 — 14; за 1847 г. стр. 17; за 1848 г. стр. 14 — 15; за 1849 г. стр. 14; за 1850 г. стр. 16; за 1853 г. стр. 14; за 1854 г. стр. 16; за 1855 г. стр. 13; за 1856 г. стр. 13.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 985, лл. 3 — 4.

[3] Всеподданнейшие отчеты: за 1833 г. стр. 11; за 1836 г. стр. 13; за 1855 г. стр. 15.

[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 320, л. 515.

[5] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 1, д. 94, лл. 474.

лование помощникам писарей и сторожам, на наем квартир для старшин в городе во время их служебных поездок, деньги на содержание приказных лошадей, деньги на ремонт приказных зданий и церквей, на содержание приходских училищ.

За счет крестьянских денег содержали учеников в удельном земледельческом училище и учеников, обучающихся писарскому делу в приказах; с крестьян требовали деньги на жалование оспопрививателей и сельских писцов, на содержание девушек, изучающих «повивальное искусство», с крестьян брали деньги на приобретение пожарных инструментов, на изготовление приказным головам форменных кафтанов и т. д. и т. д.

Крестьяне платили подати и отбывали повинности за сельское приказное начальство; за приказных голов, пока они находятся в этой должности, за лесных сторожей, за сельских учителей и их помощников из удельных крестьян, за крестьянских мальчиков, обучаемых в фельдшерской школе, за «хозяев» образцовых усадеб и за многих других. Крестьяне должны были строить и ремонтировать на свои деньги магазины, богодельни, платить за отопление и освещение приказных домов и т. д. и т. п. Все это было узаконено Департаментом уделов[1].

Все общественные сборы разделялись на ежегодные и единовременные. К первым принадлежали денежные сборы на жалование старшинам, на содержание приказов, канцелярские расходы, содержание лошадей при приказах, сборы на содержание сельских училищ. К единовременным сборам относились расходы на отдачу рекрут, на постройку и ремонт служебных зданий[2]. Удельными постановлениями было определено: «Представления об общественных сборах и повинностях делаются приказом не иначе, как по желанию самого крестьянского общества и по предварительному мирскому приговору»[3]. На практике так называемые «добровольные» раскладки сборов на «мирские» — общественные надобности производились и утверждались не по воле мира, общества, а по воле удельного ведомства. О том, что собою представляли денежные сборы на общественные нужды по так называемым «мирским приговорам», говорят приведенные ниже факты.

В 1802 г. по Рызедеевскому приказу Нижегородской губернии было ассигновано по мирским приговорам и санкционирова-

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 2, ст. ст. 36 — 47.
[2] Свод удельных постановлений, ч. 2, ст. 94.
[3] Там же, стр. 95.

но удельным ведомством 396 руб., а израсходовано сверх утвержденной суммы 2518 руб.[1].

Только за один 1803 год по приказам Казанской удельной экспедиции было произведено не позволенных удельным ведомствам расходов: по Смольковскому — 1036 руб.; Семеновскому — 174 руб., Большепесошнинскому—929 руб., Ревезенскому — 200 руб., Княгининскому — 310 руб., Воскресенскому — 40 руб., Анатышскому — 170 руб., Атяшевскому — 149 руб., Сыресевскому — 202 руб., Моргинскому — 22 руб., Лобаскинскому — 100 руб.,[2] а всего по экспедиции 33320 руб.

Удельное управление боролось против непозволенных сборов и расходов, но они продолжали увеличиваться. Слабый контроль со стороны экспедиции и удельных контор, а затем взяточничество удельных чиновников способствовали тому, что приказные старшины, злоупотребляя своей властью, брали с крестьян в свою пользу большие суммы денег[3].

В 20-х годах XIX века расходы на мирские нужды по сравнению с первым десятилетием этого века значительно увеличились. В 1827 году в Казанской губернии числилось 11586 душ удельных крестьян, на каждую приходилось «общественного сбора» 1 руб. 20 коп. С крестьян Казанской удельной конторы собирали рекрутские деньги с каждой ревизской души по 45 — 50 коп. или с каждого рекрутского участка в 500 человек 225 рублей. Вводились денежные сборы «на непредвиденные надобности» от 50 до 160 руб. по каждому приказу: на содержание церковных ктиторов и церковных сторожей, на снаряжение конвоя для охраны отправляемых в удельную контору или в уездное казначейство оброчных денег[4].

Санкционированные и указные денежные сборы дополнялись неуказанными поборами, устанавливаемыми приказным начальством, поборами по «мирским» приговорам, по «добровольной» складке. По «мирским» приговорам удельных селений Казанской конторы за 1827 год были определены следующие нерегламентированные взносы на мирские нужды: по Сухорецкому приказу — 2060 руб. 61 коп., или на одну ревизскую душу 75,5 коп.; Воскресенскому — 2643 руб. 26 коп., — 82 коп. на душу; Анатышскому — 2622 руб. 33 коп. — 1 руб.

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 191, лл. 417 — 418.
[2] Там же, л. 424 — 428.
[3] Там же, д. 190, лл. 119, 469—471, д. 191 лл. 519—520; д. 272, л: 222.
[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 160, лл. 276—279.

06 коп. на душу; Вараксинскому — 2953 руб. 04 коп. — 1 руб. 03 коп. на душу; Чинчуринскому отделению—828 руб. 37 коп. — 93 коп. на душу[1].

В конечном итоге все оброки, подушные деньги, сборы на «мирские» нужды составляли большие суммы. О том, как возрастали денежные повинности, свидетельствуют данные по Симбирскому имению. В 1814 году в Симбирской губернии удельных крестьян числилось 30694 ревизских души, в 1828 году — 31287 ревизских душ, т. е. удельное население за это время увеличилось на 583 ревизских души. Денежные взносы за указанное время постоянно возрастали и выражались в следующих цифрах:[2]

Виды денежных сборов	В 1814 году (руб.)	В 1828 году (в руб.)
Подушная подать	92082	93516
Удельный оброк	250016	402640
Жалование голове, заседателю, писарю, на кафтаны голове	5820	5944
Почтовые расходы за отправление денег	1217	1520
Жалование пом. писарей, сторожам	985	3883
Наем лошадей для старшины	4683	11967
Наем в городе квартир для старшин	670	1005
Подати за голову	106	147
Канцелярские расходы	830	4204
Почтовые расходы уездному казначейству	4759	—
На устройство гос. дорог	—	7823
На устройство водяных сообщений	—	—
Земские повинности на содержание почтовых лошадей	—	9950
На содержание при земском суде лошадей	—	2262
Содержание приходских училищ	—	625
На ремонт приказов	—	1311
На содержание тюремных изб	—	2036
ИТОГО	361168	550345

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 2, д. 10, лл. 267—268.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 106, лл. 337—353, д. 267, лл. 73—92.

Таким образом, оброки, подушные подати и другие крестьянские денежные взносы возросли за 14 лет более, чем на 52 процента.

Небезынтересно сопоставить денежные расходы: в 1823 году крестьяне заплатили на содержание квартир в городе для приказного головы (при служебных поездках) 1005 рублей в год, на содержание тюремных изб — 2036 рублей, на канцелярские расходы — 4204 рубля, а на содержание училищ только 625 рублей в год.

Данные о размерах сборов на общественные нужды по всем удельным имениям содержатся во «всеподданнейших отчетах». В 1834 г. для этих целей крестьяне собрали 1273 тыс. руб., а в 1839 году уже 1763 тыс. руб. В 30-х годах XIX века на общественные надобности с крестьян собрали свыше 15 млн. руб. ассигнациями, а в 50-х гг. 9.263 тыс. руб. серебром[1].

В 1860 году 836 тыс. рев. душ удельных крестьян всех имений на общественные нужды платили 1135,8 тыс. рублей, в том числе 354220 человек удельных крестьян Среднего Поволжья — 478,5 тыс. рублей, или на одну ревизскую душу 1 руб. 35 коп[2]. Если в 20-х годах удельные крестьяне платили на общественные нужды около одного рубля асс., то в 50-х годах эта повинность возросла больше, чем в три раза.

Департамент уделов вел борьбу с излишествами мирских расходов, он пытался свести их до минимума. В 1834 году Департамент уделов при рассмотрении крестьянских приговоров о сборе денег на общественные потребности, указывал управляющим конторами, что «таковые сборы назначаются в слишком увеличенном количестве, и, очевидно, несоразмерны с действительной потребностью, а иногда даже на такие предметы, на какие вовсе не следует делать сборов»[2].

Несмотря на предупреждения удельного ведомства, в 30—50-х годах XIX века так называемые «мирские приговоры» с каждым годом увеличивались и утверждались конторами и Департаментом уделов. Часто сами крестьяне не знали о таких приговорах потому, что в составлении их принимало участие не все крестьянское общество, а лишь зажиточная верхушка, которая всю тяжесть сборов перекладывала на остальные крестьянские массы[3].

---

1 Всеподданнейшие отчеты за указанные годы.

2 Всеподданнейший отчет за 1860 г. Приложение № 4.

3 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 272, л. 258.

Мирскими приговорами больше всего злоупотребляли приказные старшины, которым покровительствовали удельные чиновники, получавшие от последних взятки.

Лихоимство голов в удельных имениях доходило до чудовищных размеров. За лихоимство голову Петропавловского отделения Воронежской конторы Шульженко в октябре 1828 года отдали в рекруты. О наказании Шульженко Департамент уделов распорядился, чтобы управляющие конторами довели «до сведения приказных голов и сельских старшин и в предостережение их от подобных поступков»[1].

Предостережение существенного действия на приказных и удельных чиновников не оказало. В 1828 году во многих удельных конторах и сельских приказах были вскрыты большие злоупотребления. В этом отношении показательна Пензенская контора. Управляющий Челищев, его сын, канцелярист той же конторы, стряпчий Волков, чиновник Левицкий вместе со старшинами Краснослободского, Веденского, Рыбкинского, Ефаевского, Троицкого, Покровского приказов — 16 человек во главе с управляющим были отстранены от должностей и отданы под суд за лихоимство[2]. То же самое происходило в Вятском имении. Крестьяне Ершовского и Кукарского приказов той конторы написали жалобу в Департамент уделов на произвольные с них денежные сборы. На запрос Департамента управляющий конторой Бирюков ответил, что подобных сборов никогда не производилось. Удельное ведомство направило в Вятку чиновников-следователей. Следствие установило, что «непозволительные сборы, действительно, производились, а крестьяне Кукарского приказа, между прочим, показали, что в 1825 и 1826 годах они дарили управляющему Бирюкову по 1.000 рублей; крестьяне же Ершовского приказа подносили ему в 1826 году в подарок 500 рублей»[3]. Все эти взятки также оформлялись мирскими приговорами, которые затем уничтожались в приказах.

Дела о взятках чиновников удельных контор часто доходили до Сената. В 1828 и 1829 годах ревизоры Департамента уделов производили ревизию удельного имения Симбирской конторы, где нашли много злоупотреблений со стороны удельных чиновников и приказных старшин. Были установлены

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 210, л. 427.
[2] Там же, д. 203, л. 561.
[3] ГАУО, ф. 342, д. 203, л. 279.

чрезмерные поборы с крестьян. Крестьяне Ставропольского и Самарского уездов по удельному расписанию должны были в 1828 году платить 14 руб. 55 коп., на самом же деле они платили с души по 20 рублей, «но к кому оные излишние деньги от сборщика поступали, им, крестьянам неизвестно»[1]. Крестьяне Алатырского и Ардатовского уездов,—сообщили ревизоры, — «находятся в посредственном состоянии, почти все крестьяне единогласно показывают, что сбор с них производился через старост приказных по 17 и 18 рублей с каждой ревизской души, тогда когда оный на казенную, удельную и общественную повинности установлен был на 1827 год с души по 14 руб. 64,5 коп... Кому же старосты или сборщики отдавали излишние, взятые с них деньги, крестьянам неизвестно»[2].

Чрезмерные поборы по мирским приговорам, лихоимство и взятки вводили удельных крестьян в неоплатные долги. Многие удельные селения на протяжении десятилетий не в состоянии были расплатиться с кредиторами. Ревизоры справедливо считали, что эта задолженность крестьян объясняется чрезмерными поборами удельных чиновников[3].

Оброки, подати, многочисленные повинности и недозволенные сборы были настолько тяжелыми, что многие крестьяне при самых благоприятных условиях не могли их своевременно выполнить. В 1826 году удельное ведомство должно было получить со всех своих крестьян дохода 5.354 тыс. рублей, а получило только 3691,5 тыс. рублей. В недоимке за крестьянами осталось 1662,5 тыс. рублей, а вместе с недоимочностью за прошлые годы всех недоимок за крестьянами числилось 3280,8 тыс. рублей. «Подобный переход значительной части доходов, — читаем во «всеподданнейшем» отчете за 1832 год, — бывал во все прежние годы и составлял, так сказать, беспрерывную цепь недоимок»[4]. В 1826 году за смоленскими и псковскими удельными крестьянами числилось недоимки 1.450 тыс. рублей[5].

Недоимочность, несвоевременную уплату денежных взносов удельное ведомство часто объясняло ленностью, беспеч-

---

[1] ЦГАДА, ф. 264 (Департамент уголовный). Правит. Сената., оп. 6 д. 18317, лл. 4 — 5.

[2] Там же, л. 6 — 7.

[3] Там же, лл. 39, 304.

[4] Всеподданнейший отчет за 1832 г. ст. 15.

[5] Там же, ст. 16 — 17.

ностью и дурным поведением самих крестьян. В 1827 году Департамент уделов писал своим управляющим, что крестьяне многих удельных имений «беспечностью своею и дурным поведением накопили значительные недоимки, которые год от года на них возрастают без всякой надежды ко взысканию. В отвращение сего на будущее время и в обуздание неплательщиков оброка, Департамент уделов признал за лучшее обращать их на пашню, но не в частности, а целыми селениями»[1]. Это распоряжение вскоре было реализовано; крестьяне двух деревень Качаревой и Каменки Тверской губернии, в которых оказалось много неплательщиков оброков и повинностей, перевели на самую настоящую барщину, названную в циркуляре «пашней».

Не в лучшем положении находились лашманы и другие разряды крестьян, входившие в заведование удельного ведомства.

Тяжелое положение удельных крестьян отмечали современники-крестьяне других разрядов. Так, государственные крестьяне Аксентовской волости Каргопольского уезда, боясь попасть в разряд удельных крестьян, в 40-х гг. XIX века писали: «Распоряжения волостного правления и окружного управления, очевидно, клонятся в тому, чтобы ввести между государственными крестьянами систему удельного управления, но мы, опасаясь бедственного положения соседственных удельных крестьян, желаем быть навсегда государственными крестьянами, на прежних о них основаниях»[2].

Выводы: Таким образом, денежные и натуральные повинности удельных крестьян все время и неуклонно увеличивались. Феодально-крепостнический гнет все больше ложился на плечи крестьянских масс.

В изучаемый период времени прежде всего увеличивалась денежная рента. В абсолютных цифрах рост денежной ренты выражался в следующих суммах: для дворцовых крестьян — в 1732 году — 40 коп., в 1762 году — 1 руб. 25 коп., в 1768 году—2 руб., в 1783 г.—3 руб., для удельных крестьян в 1798 году—4—5 руб., в 1811 году 7—8 рублей, в 1824 году 9—10 рублей с каждой ревизской души. За 92 года денежная рента

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 227, л. 358; ф. 342, оп. 1, д. 194, л. 232.

[2] С. В. Токарев. Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939, стр. 29.

для дворцовых — удельных крестьян возросла с 40 копеек до 10 рублей, или в 22 — 25 раз.

Оброки и повинности значительно возросли в период кризиса феодально-крепостнической системы. С 1830 по 1863 год денежная рента в связи с введением поземельного сбора несколько раз повышалась, а крестьянские земельные наделы постоянно сокращались.

Повышение денежной ренты и сокращение крестьянских земельных наделов свидетельствовали о дальнейшем усилении эксплуатации удельных крестьян, о кризисе феодально-крепостнической формации. Только с 1826 по 1836 год, по официальным данным, оброк удельных крестьян увеличился больше, чем на 30 процентов.

Кроме прямых, установленных оброков, Департамент уделов получал дополнительные доходы с тех же крестьян за оброчные статьи, проценты с капиталов, созданных трудом тех же крестьян. За счет крестьян создавались специальные денежные фонды (крестьянский капитал и др.), проценты от которых также шли в пользу удельного ведомства. Путем чрезмерной эксплуатации крестьян, предприимчивости за счет оброчных статей, Департамент уделов сколачивал огромные суммы денег для императорской фамилии царствовавшего дома Романовых. В период кризиса феодально-крепостнической системы удельное ведомство получало с крестьян оброков и других доходов больше, чем показано в официальных документах.

В это же время подушная подать увеличилась более, чем в три раза, отставая в своем росте от феодальной ренты. С усилением эксплуатации податных сословий возрастают не только денежные, но и натуральные повинности как для удельных, так и для других разрядов крестьян.

Повинности постоянно росли с увеличением бюрократического аппарата как в центре, так и на местах, они росли с увеличением армии, необходимой для многочисленных войн и подавления восстаний.

Рекрутская повинность и связанные с ней денежные расходы очень дорого обходились крестьянам. Крестьянские повинности (например, подводная) все время возрастали с ростом многочисленного чиновничества, с усложнением аппарата государственной власти. Дорожная повинность, тесно связанная с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений в стране, с дальнейшим расширением как внутренней, так и внешней торговли, в страдную пору отрывала много рабочих рук, мешала сельскохозяйственным работам.

С усилением классовой борьбы увеличивался аппарат полицейской власти и ее учреждения: тюрьмы, этапы, смирительные дома. На содержание полиции, строительство тюремных и этапных зданий крестьяне всех разрядов, в том числе и удельные, расходовали огромные суммы денег.

Квартирный постой, рекрутская, подводная, дорожная и другие повинности в пользу государства, подрывали экономику крестьянских хозяйств, подрывали платежеспособность самих крестьян.

Денежные и натуральные повинности увеличивались и в пользу удельного ведомства. В последние 30 лет перед реформой значительно возросли денежные расходы на общественные нужды: содержание лошадей для разъезда удельного начальства, строительство приказных зданий и их содержание, содержание многочисленного аппарата приказов, уплата податей, отбывание повинностей не только за себя, но и приказных голов и многих других; сбор денег на непредвиденные нужды. За последние 35 лет перед реформой денежные расходы на общественные нужды увеличились больше, чем в три раза, а натуральные повинности не сокращались.

РАЗДЕЛ II

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАПАШКА И ЕЕ КРЕПОСТНИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Меры обеспечения крестьян хлебом на случай неурожаев в первой четверти XIX в. В удельной деревне, как и во всякой другой, в период феодально-крепостнического строя часто бывали голод, эпидемии, неурожаи и другие бедствия, от которых очень страдало все крестьянство. Царское правительство и непосредственные владельцы крестьян, хотя и признавали голод и неурожаи бедствием, но обычно не принимали реальных мер по борьбе с ними. «Ближайшая причина голода, — писал В. И. Ленин, — неурожай — бедствие, в глазах массы, чисто стихийное, божье попущение. А так как эти сопровождаемые голодовками неурожаи тянутся с незапамятных времен, то и законодательство давно уже вынуждено считаться с ним. Давно уже существуют (главным образом на бумаге) целые уставы народного продовольствия, предписывающие целую систему «мероприятий»[1].

---

[1] В. И. Ленин, соч. т. 5, стр. 252.

Это положение В. И. Ленина относится не только к голоду 1901 года, но и к дореформенному периоду. Законы и уставы о народном продовольствии на случай голода издавались и в XVIII и в XIX веках, но практически они оставались на бумаге, редко и в незначительной мере претворяясь в жизнь.

Выполняя общие постановления правительства о создании хлебных магазинов на случай неурожайных лет, Департамент уделов, ведавший удельными крестьянами, в начале XIX века распорядился пополнить магазины крестьянским хлебом: по 20 фунтов озимого и столько же ярового хлеба с каждой десятины земли, находившейся в распоряжении крестьян.

С ликвидацией удельных экспедиций и образованием удельных контор в 1808 году сбор крестьянского хлеба для запасных магазинов пополнялся уже не от количества земли, а по числу ревизских душ, «по получетверику ржаного и по полугарнцу ярового хлеба с каждой»[1].

На основании предписаний Департамента удельные крестьяне Казанской, Симбирской, Нижегородской и Пензенской губерний, в числе более 80 тыс. ревизских душ, должны были к 1800 году построить 261 магазин и собрать хлеба: ржи—242346 четвертей и ярового — 30293 четверти[2]. Крестьяне же не имели хлеба для пополнения хлебозапасных амбаров, что подтверждала и Казанская удельная экспедиция[3].

Положение не изменилось и в следующие годы. Хлебные магазины не пополнялись, а тот хлеб, который был ссыпан в амбары крестьянами, весной разбирался[4].

Крестьяне не только не могли создать продовольственного фонда на случай неурожая, но многим из них не хватало хлеба для себя, так как значительную часть его они продавали на рынке для уплаты оброков, податей и т. д. Старые меры борьбы с голодом оказались нереальными.

В 1822 году по распоряжению правительства во всех губерниях были созданы «Комиссии народного продовольствия», которые должны были открыть во всех селениях постоянные хлебные магазины. В тех селениях, где таких магазинов открыть было нельзя, предлагалось собирать с каждой души по 25 коп. для создания хлебного капитала. На основании правительст-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 194, л. 187.
[2] ГАУО, ф. 534, д. 38, лл. 42 — 68.
[3] ГАУО, д. 534, д. 124, лл. 361 — 362; д. 191, л. 494; д. 326, лл. 156 — 157; д. 325 л. 927.
[4] ГАУО, ф. 534, д. 64, л. 370.

венного распоряжения Департамент уделов предписал всем своим конторам, чтобы сельские магазины с 1822 года наполнялись крестьянским хлебом по 3 гарнца озимого и по одному гарнцу ярового хлеба с каждой ревизской души.

Но все меры по борьбе с голодом, предпринимаемые царским правительством и Департаментом уделов, при феодально-крепостническом строе не имели успеха. Даже в тех случаях, когда правительство выдавало деньги для голодающих крестьян, последние ни денег, ни хлеба обычно не получали. В декабре 1833 года А. С. Пушкин писал в своем дневнике: «Кочубей и Нессельроде получили по 200.000 на прокорм своих голодных крестьян, — эти четыреста тысяч останутся в их карманах»[1].

Крестьяне постоянно голодали, а низкие урожаи, большие налоги и подати заставляли крестьян не только продавать хлеб, скот и домашнюю утварь, но идти на заработки, что, естественно, подрывало их платежеспособность по отношению удела и казны и разоряло удельную деревню в целом.

Удельному ведомству такое разорение крестьянских хозяйств было невыгодно, так как оно лишало возможности не только увеличивать оброки и другие денежные повинности для крестьян, но и грозило потерей прежних доходов. Наполнить хлебные магазины установленным порядком было несбыточной мечтой для удельного ведомства при таком состоянии крестьянского хозяйства.

Проект Волконского о введении общественной запашки. Министр императорского двора Волконский в 1827 году в докладе царю писал, что, несмотря на все принятые меры, «наличное количество запасного хлеба нигде почти не соответствует определенному назначению; а поселяне некоторых губерний по причине неурожаев обременены неоплатными хлебными долгами». Основная причина хлебного недобора, по мнению министра двора, заключалась в несоответствии вносимого крестьянами хлеба с предполагаемыми запасами в общественных магазинах. Чтобы в селении примерно в 1.000 душ наполнить общественный магазин необходимым количеством хлеба (2 тыс. четвертей), потребуется не менее 32 лет, при условии исправного взноса и постоянного на все это время урожая. Если хлебный сбор заменить деньгами и создать капитал, способный обеспечить крестьян в голодные годы, то и на это потребуется не менее 48 лет[2].

---

[1] А. С. Пушкин, соч. V, 1933, стр. 825.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 194, лл. 187 — 188.

Чтобы обеспечить крестьян хлебом в неурожайные годы, министр двора и удельное ведомство предлагали отменить сбор хлеба и денег с удельных крестьян и вместо этого ввести так называемую **общественную запашку.** Для этой цели предлагалось отрезать от крестьянских земель на каждую ревизскую душу по 1/16 части десятины в каждом поле многоземельных селений и по 1/32 части десятины в каждом поле малоземельных селений.

Такие земли, отрезанные от крестьянских полей и сгруппированные в лучшем месте, и притом рядом с селением, предлагалось назвать общественными. Они должны быть «удобряемы, обрабатываемы и убираемы всем миром по наряду». Для наблюдения за полевыми работами и хранением хлеба предлагалось назначить особых приказчиков, избираемых крестьянами в каждом селении на определенное время. Такой приказчик, или, как он впоследствии стал именоваться, смотритель, назначался на участок, состоявший из 500 — 1.000 крестьян. При каждом участке должен быть учрежден и хлебный магазин. Весь хлеб, собранный крестьянами с таких участков поступал в общественный магазин под ответственность приказчика. Департамент уделов большое место в организации общественной запашки отводил приказчику — центральной фигуре нового хозяйственного предприятия. Он наделялся большими полномочиями и неограниченной властью над крестьянами. В помощь ему назначались многочисленные десятские для контроля и наблюдения за работой крестьян на общественной запашке.

Удельное ведомство, рекомендуя царю утвердить положение об общественной запашке, указывало на то, что подобные поля уже заведены некоторыми «благоразумными хозяевами» и для уделов обещают большие выгоды.

Говоря о выгодах удельного ведомства, учредители общественной запашки считали, что когда будут общественные поля, тогда «лежащие на крестьянах обременительные хлебные недоимки уничтожатся, магазейны всех удельных имений в самое короткое время пополнятся определенным количеством хлеба». Удельное ведомство учреждением запашки предусматривало и другую пользу: оно полагало, что при таком способе пополнения хлебных магазинов будут оставаться хлебные излишки, которые могут идти на продажу, а вырученные от продажи хлеба деньги «составят со временем немаловажный капитал, назначаемый преимущественно на предмет продо-

вольствия крестьян в голодные годы и на полезные для них же заведения».

С учреждением запашки, как полагало удельное начальство, «земледелие во всех казенных или оброчных селениях, непременно будет совершенствоваться и распространяться к общей пользе, к улучшению самой нравственности поселян». Доказывая пользу общественной запашки, учредители не забыли и о хлебных магазинах, для пополнения хлебных запасов которых они предлагали «взыскивать оный с небольшими процентами» с крестьян.

Создавая общественную запашку, Департамент уделов преследовал благородные цели: ликвидировать хронический голод удельной деревни во время неурожайных лет и научить крестьян правильно обрабатывать свои поля. Однако в условиях крепостнического строя положительное начинание удельного ведомства вскоре превратилось в свою противоположность — общественная запашка стала настоящей барщиной для удельных крестьян.

Анализируя предложения удельного ведомства о введении запашки, нетрудно убедиться, что под покровом попечительства о крестьянах, всю тяжесть и заботу о них в голодные годы перекладывали на плечи самих же крестьян и, более того, стремились при помощи общественной запашки создать капитал, который использовался впоследствии в интересах Департамента уделов, в интересах дома Романовых.

В сентябре месяце 1827 года царь утвердил доклад министра двора о введении запашки в удельных селениях, а в октябре того же года последовало распоряжение на имя управляющих конторами о создании общественных полей и выборе приказчиков[1]. Уже весной 1828 года общественные поля были засеяны яровым хлебом, а к осени приготовлена земля для посева озимых хлебов.

Учреждая общественную запашку, удельное ведомство беспокоилось прежде всего о создании аппарата принуждения в лице приказчиков, десятских, которые неослабно должны были смотреть за работой крестьян на общественных полях. В полицейских мерах наказания удельных крестьян Департамент уделов видел залог успеха нового предприятия.

Практика введения общественной запашки. После разъяснительной работы, издания многочисленных инструкций и настав-

---

[1] ПСЗ. т. II, 1827, № 1406.

лений удельного ведомства приступили к организации на местах общественной запашки. В 1828 году управляющие конторами приняли самые энергичные меры по введению общественной запашки в удельных селениях. Крестьяне вскоре поняли сущность запашки, когда у них начали отбирать лучшую и расположенную рядом с селением пашню; еще сильнее они почувствовали сущность новой повинности, когда их заставили обрабатывать и унаваживать эту землю под запашку прежде, чем свои поля. Им приходилось в лучшие дни страдной поры производить общественную запашку, отдавать туда навоз, приготовленный для своего поля, а свой труд и хозяйственный инвентарь подчинить распоряжениям приказчика. К тому же, с введением общественной запашки крестьянские поля еще более сократились.

Плохо обеспеченные землей удельные крестьяне Казанского имения в результате запашки потеряли 2097,5 десятин лучшей земли. Удельные крестьяне Буинского, Симбирского, Карсунского, Ставропольского и Самарского уездов Симбирской губернии только в начале введения запашки потеряли 8589 десятин земли[1].

В таблице приводятся данные по некоторым приказам Симбирского имения за 1828 год[2], по которым можно судить о том, насколько значительны были отрезки в пользу запашки.

Название приказа	Число душ по 7 ревизии	Земли в 3 полях (в десятинах)	Взяли земли для запашки (в десят.)	% уменьшения крестьянских полей
Урусовский . .	2640	631[illegible],5	249,5	3,9
Ардатовский	2920	5211	163	3,1
Козловский . .	3702	8[illegible]38	257	3,1
Лобаскинский .	3935	8268	258	3,1
Сыресевский . . .	4076	9521	297	3,1
Моргинский . .	4655	11162	342	3,1
Нижнесанчелеевский	2673	10330	591	5,7
Анатышский . .	3974	102[illegible]5	321	3,1
Кержаманское отделение . .	1820	5585	246	4,4
Итого .	3[illegible]395	74892,5	2731,5	3,6

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 401, лл. 492, 514, 524.
[2] Там же, д. 267, л. 113.

В среднем крестьянские земли, с введением запашки, уменьшались от 3 до 4 проц., а вместе с поземельным сбором крестьянское землепользование значительно сократилось.

Общественная запашка, вопреки ожиданиям удельного ведомства, в первые годы не принесла положительных результатов. Удельные чиновники, не получая личной выгоды от общественной запашки, не уделяли должного внимания ее организации. Поэтому поля плохо обрабатывались, а бывало и так, что вместо хлеба жали лебеду. Характерно в этом отношении донесение Урусовского приказа в 1832 году Симбирской конторе. Урусовский приказ сообщал конторе, что смотритель общественной запашки Филиппов «явился в сей приказ, представил вырученные им через посредство продажи уродившейся на общественных полях состоящих: в селе Урусове и деревне Жабиной травы лебеды; ибо на оных урожай хлеба был весьма соломою изреженный, так что и семена не вышли, а по местам только и была одна лебеда». Деньги в сумме двадцати одного рубля приказ вместе с донесением представил в контору[1].

Удельные крестьяне не видели для себя никаких выгод от общественной запашки. Они смотрели на нее как на новую для них обязанность, как на выдумку удельного начальства, не дающую им ничего полезного. Новую повинность они назвали «казенною пашнею», т. е. созданной для пополнения доходов казны.

Подобная оценка запашки крестьянами дошла до Петербурга, и глава удельного ведомства Перовский, обращаясь к управляющим конторами, предлагал непременно внушить крестьянам, что «запашка учреждена не для чего иного, как для обеспечения продовольствием удельных крестьян в неурожайные годы..., почему и следует назвать ту запашку общественною, а не казенною»[2].

Несмотря на разъяснения и внушения со стороны удельного ведомства, крестьяне по-прежнему рассматривали запашку как барщину. Враждебно относясь к запашке, крестьяне старались не засевать ее полей, всячески уклонялись от работ, связанных с нею.

В некоторых местах крестьяне открыто выступали против нее. Крестьяне многих селений Качкинского приказа Вятской удельной конторы в 1828 году при введении общественной за-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 41, л. 77.

[2] Там же, д. 356, л. 70.

пашки оказали неповиновение начальству «и продолжали упорствовать, доколе не были усмирены воинскою командою». Комитет министров вынес решение по поводу волнения качкинских крестьян. На докладе комитета царь наложил резолюцию: двоих прогнать сквозь тысячу человек два раза и отдать в крепостные навсегда, четырех прогнать через пятьсот человек по одному разу, отдать в арестантские роты; сельских выборных десяти селений батожьем наказать и оставить в жительстве. Все расходы, понесенные казной на усмирение восстания, «равно убытки откупщика питейных сборов от закрытия в селе Качках на несколько дней винной продажи, отнести за счет крестьян»[1]. Какое число крестьян выпороли батожьем без «решения», об этом документы умалчивают. Волнения крестьян в связи с общественной запашкой вспыхнули в Смоленском и других имениях.

Удельное начальство, напуганное волнением крестьян в Качкинском приказе Вятской конторы и неповиновением крестьян Писковского приказа Смоленского имения, строго приказало управляющим конторами впредь доносить о чрезвычайных происшествиях путем эстафеты и раньше, чем об этом донесет губернатор. На тех людей, говорилось в распоряжении, которые имеют влияние на крестьян и ведут себя непочтительно к начальству, завести в конторе специальные книги, а приказному начальству неослабно наблюдать за их поведением. В числе чрезвычайных происшествий управляющие должны считать прежде всего возмущение удельных крестьян и «открытие важнейших государственных преступников»[2].

Это распоряжение свидетельствовало об усилении классовой борьбы удельных крестьян. Приведенные выше факты говорят о том, что крестьяне многих селений или всего приказа одновременно и активно выступали против эксплуатации и угнетения, против чрезмерных поборов и общественной запашки.

Убедившись, что крестьяне враждебно относятся к запашке, удельное ведомство решило силою заставить их выполнять возложенную на них обязанность. Крестьян принуждали составлять мирские приговоры с обозначением персонально, кто и что будет делать на запашке. Тяжелые и обременительные обязанности возмущали крестьян. Они неохотно подписывали кабальные приговоры, а некоторые селения просто отказывались со-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 203, лл. 508—509.

[2] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 1, л. 1; ф. 342, оп. 1, д. 203, л. 511, 521.

ставлять их. Так, в 1834 году Анатышский приказ сообщал в Казанскую контору, что крестьяне селений Шумковой и Ошняка «за многократными требованиями приговоров своих и поныне не представили, говоря, что мы работаем и будем работать как прежде без приговоров, и если сделаем приговоры для обрабатывания общественных полей, то тогда еще прибавят работ, а посему от составления сих приговоров совершенно отказались»[1].

Там же, где крестьяне составляли такие приговоры, все работы на запашке расписывались очень подробно. По этим приговорам можно убедиться в том, что запашка, имея явный крепостнический характер, была в действительности барщиной для удельных крестьян. Удельные крестьяне д. Ермаковой Чистопольского уезда записали в приговор, что общественную запашку в шесть десятин, в трех полях состоящую, должны обрабатывать одну десятину три сохи и две бороны, а так как людей в этой деревне было мало, то на каждые две ревизские души приходилась или соха или борона. Далее в приговоре указано было поименно, кто и что должен делать. Для пахоты, жатвы и возки с полей хлеба назначали поименно 15 тягол; для обмолота хлеба и засыпки в магазины назначалось 26 пеших и 14 конных работников. «Что же касается до удобрения земли навозом, — говорится в приговоре, — то обязуемся все мы, вышеозначенные крестьяне, вывезти на каждую десятину по 800 возов»[2].

Мы привели пример из жизни небольшой деревни Ермаковой, где по 7-й ревизии числилось только 34 ревизских души[3], которые ежегодно должны были работать на запашке: 18 человек — пахать, 12 человек — боронить, 40 человек — убирать, молотить, веять, ссыпать в магазины и вывезти сообща 2400 возов навоза. В приговоре не указывалось, что они должны за десятки верст возить на продажу собранный хлеб «в наполнение хлебного капитала».

В начале 30-х годов XIX века положение с общественной запашкой не улучшилось, поэтому цель, поставленная Департаментом уделов, не была достигнута.

Удельное ведомство видело, что при наличии большого количества земли, отведенной под общественную запашку, хлебные магазины пополняются медленно, Департамент особых до-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 276, л. 83.
[2] Там же, л. 85.
[3] Там же, д. 94, л. 19.

ходов не получает, что в организации запашки наблюдаются многие упущения. Поэтому удельное ведомство нашло более радикальные меры, которые сразу же дали желаемые результаты. В 1834 году из Петербурга последовало новое распоряжение, коренным образом изменявшее отношение удельных чиновников к запашке. Новым циркуляром разрешалось платить особое «вознаграждение лицам, участвующим в надзоре» за запашкой, причем размеры «вознаграждения» зависели от степени урожая. Новое распоряжение было рассчитано на то, чтобы в обработке запашки и получении с нее доходов было бы заинтересовано все удельное начальство — снизу доверху.

Если до этого распоряжения в общественной запашке был заинтересован один смотритель, получавший за это деньги, то теперь за счет излишков урожая могли кормиться смотритель участка, приказной голова, чиновники конторы, ее управляющий. Большая сумма денег отчислялась в пользу Департамента уделов[1].

Распоряжение Департамента уделов о «вознаграждении лицам, участвующим в надзоре за запашкой», сразу же изменило отношение к ней местного начальства. Больше того, многие управляющие конторами обратились со встречными предложениями по улучшению способов обработки и повышению доходности запашки. Управляющие конторами соглашались обрабатывать такие поля шестипольной системой, предлагали «ввести на пару посев картофеля, кормовых трав и других хозяйственных растений». Они предлагали заранее в конторе распределять работы по запашке и через приказы извещать об этом мирские общества.

Управляющий Симбирской конторою Бестужев в 1834 году выступил с проектом улучшения обработки общественной запашки. Этот проект впоследствии, за некоторым исключением, был воплощен в жизнь удельными имениями.

Анализируя этот проект, мы видим, как в его положениях отражается лицо заядлого крепостника-помещика, имеющего богатый опыт в эксплуатации крестьян, готового для достижения цели на все, не считаясь ни с трудом, ни даже с жизнью крестьян.

Бестужев считал, что в запашке должно принимать участие все крестьянское население: мужчины, женщины, старики и дети, от нее никто не должен освобождаться. Для того, чтобы

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 272, л. 85.

никто не уклонялся от запашки, он рекомендовал иметь тягловые именные списки удельных крестьян обоего пола по разрядам: 1 и 2 разряды — крестьяне и крестьянки от 18 до 50 лет, 3 и 4 разряды —крестьянские мальчики и девочки, первые—от 12 до 18-летнего возраста, а последние—от 12-летнего возраста.

На примере с. Ключищи, расположенного вблизи Симбирска, Бестужев предлагал организовать работы на общественной запашке следующим образом. В этом селе было 412 душ или 250 тягол. По удельным законам тягол должно быть (412 разделить на 2) 206, но Бестужев пояснил, что тягловыми следует считать всех крестьян от 18 до 50 лет. У них было общественной запашки в 3 полях 77 десятин 700 сажен, по 25 дес. 1800 саж. в каждом поле. В его проекте содержалось подробное календарное расписание полевых работ, с указанием количества крестьян и рабочих лошадей на том или другом виде работы. По расчетам Бестужева, крестьяне должны работать на общественной запашке с апреля по декабрь месяцы: 525 крестьян с лошадьми должны были пахать и бороновать поле, 375 — сушить, молотить, ссыпать в амбары хлеб и возить его на продажу. На всем этом должно быть занято 900 крестьян. Но Бестужев не указывает, за сколько же дней могут сделать всю эту работу 900 мужчин с лошадьми. Лучшее время страды Бестужев отводил для запашки. Он определил на работы и девушек и женщин. «Женщины и девки... должны быть разделены также на две половины, коих 250, из них 125 человек обязаны жать яровое, а другие 125 ржаное...; женщины все без изъятия должны чистить общественное гумно». Таким образом, 250 женщин должны жать хлеб. Срок уборки также не указывался. Бестужев нашел работу даже для девочек и мальчиков, предписав им полоть яровое поле, «примерно по шесть человек на десятину», т. е. в среднем по 150 человек на участок.

Кроме того, крестьяне без всякой нормы должны обрабатывать землю под картофель, «а посев и уборка оного производится женщинами, полотье же — крестьянскими мальчиками и девочками».

Даже ремонт гуменников и овинов предлагалось производить хозяйственным способом, т. е. силами и средствами тех же крестьян. Крестьяне обрабатывали общественное поле в присутствии приказчика и целого штата десятников: один десятник наблюдал за вспашкой поля, другой находился на гумне, третий — на прополке хлеба и т. д. Трудно сказать, сколько дней

должны тратить крестьяне на запашку, если на всех главных объектах работы должно быть занято на протяжении года 1500 человек, 525 лошадей, не считая доставки навоза в поле, уборки и прополки картофеля и т. п. В с. Ключищах всех взрослых и трудоспособных мужчин и женщин насчитывалось не более 350—400 человек, которые должны были обрабатывать свое поле[1].

Этот проект был написан в 1834 году, когда передовые русские люди начали высказываться за освобождение крепостных крестьян от рабства, когда в стране начало развертываться общественное движение.

Всем этим инструкциям и положениям по общественной запашке мог позавидовать самый закоренелый крепостник. От взора Бестужева не ускользнул никто: ни дети, ни девушки, ни даже предполагаемые по инструкции «неблагонамеренные» люди, которые могли бы выступить против новой и самой жестокой формы барщины в удельной деревне.

Крепостнические предложения Бестужева были полностью приняты Департаментом уделов, их считали образцовыми, отвечающими целям общественной запашки. Инструкция эта отражала крепостнические взгляды всего удельного ведомства, возглавляемого помещиком-царем.

Удельные крестьяне по новой инструкции должны были более половины самого ценного времени отдавать запашке, остальное — своим полям.

Вскоре все почувствовали результаты новой системы: крестьяне, подвергавшиеся жесточайшей эксплуатации и все более бедневшие, и чиновники, получавшие сотни и тысячи рублей дохода. Материально заинтересованные в общественной запашке, чиновники контор все внимание сосредоточили на том, чтобы получать с общественных полей высокие урожаи.

О тяжести общественной запашки свидетельствуют многочисленные крестьянские жалобы, которые не прекращались вплоть до 1861 года. Большинство крестьян убедительно упрашивало свое начальство отменить запашку и заменить ее денежным сбором[2]. Но подобные просьбы оставались тщетными. Удельное ведомство уже не довольствовалось тем урожаем, какой был на запашке, а требовало дальнейшего его повышения. Начальство не беспокоилось тем, что крестьяне не удобряли

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 371, лл. 9 — 12.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 401, л. 21.

своих полей, отдавая навоз на общественное поле, оно заботилось лишь о том, чтобы запашка была в порядке.

Целый ряд распоряжений говорит об этом. В 1836 году Департамент уделов распорядился, чтобы крестьяне свозили на запашку весь навоз не только со своих дворов, но и собирали его на улице села и в других местах. Через несколько лет поступило новое приказание, чтобы стойбища для скота в летнее время устраивались только на запашке[1].

Чрезмерная эксплуатация крестьян сопровождалась насилиями и издевательствами над ними. Били крестьян все: чиновники, старшины, приказчики. Больше всего били за запашку[2]. И запашка удельному ведомству давала хорошие доходы. В 30—50 гг. средний урожай запашки обычно равнялся сам-6—8, на крестьянских полях не больше сам-3,5. Даже в неурожайные годы, когда крестьяне со своих полей не собирали и 1/9 части затраченного на посев зерна, на запашке в эти годы урожай равнялся сам-3—4[3].

Получая хорошие урожаи с общественных полей, удельные конторы выбрасывали на рынок большие партии хлеба и выручали за это огромные суммы денег.

В 1835 году из 20 удельных имений в 13 — урожай на общественных полях превосходил нормы, установленные удельным ведомством. Уже в этом году общественная запашка дала чистой прибыли по всем имениям 268 тыс. четвертей хлеба. «Прибыль сия, — писал министр двора, — превышает среднюю сложность ежегодного урожая прежних лет до 1834 года 119 т. четвертей, по самым умеренным ценам на 716 т. рублей». Причины высокого урожая на общественных полях министр двора видел не в чрезмерной эксплуатации крестьян, а в старании удельных чиновников. «Поощрение лицам, участвующим в надзоре за общественною запашкою, — утверждал он, — будет служить и впредь надежным средством к постепенному усовершенствованию обработки полей общественных»[4].

В 1835 году удельное ведомство продало хлеба общественной запашки на сумму в один млн. рублей[5]. Только за 1850 —

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 345, л. 189; Куйбышевский обл. архив; ф. 43; оп. 11 д. 456, л. 65.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 292, лл. 47 — 49.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4133, л. 28; ГАУО, ф. 323, оп. 4, д. 1, лл. 33 — 34; 36 — 38.

[4] Всеподданнейший отчет за 1835 г, стр. 20 — 21.

[5] Всеподданнейший отчет за 1835 год, стр. 22.

1854 гг. Самарская контора продала до 100 тыс. четвертей хлеба[1]. В отдельные годы Симбирская контора продавала хлеб очень большими партиями. Так, в 1843 году было продано 70 тыс. четвертей хлеба на 138709 рублей, из которых 97913 рублей контора переслала в Департамент уделов. За первые 12 лет существования общественной запашки она дала удельному ведомству 9278 тыс. рублей дохода, за последующие годы сумма значительно увеличилась. Только с 1851 года по 1854 год включительно с общественной запашки по всем удельным имениям продано 1600 тыс. четвертей хлеба на 2320 тыс. рублей серебром[2]. Уже в 1836 году удельное начальство получило за «излишний» урожай по конторам (в руб.)[3].

Наименование контор	Чиновникам, командир. по обществ. запашке	Пом. столоначальников по обществ. запашке	Столоначальникам по обществ. запашке	Помощникам удел. контор	Управляющим удельн. конторами	ИТОГО
Симбирская	503	201	302	670	6223	7899
Алатырская	1100	440	660	1467	7309	10976
Самарская	496	198	298	662	7300	8954
Сызранская	532	213	319	709	7306	9079

В 1836 году по всем удельным имениям чиновники контор получили вознаграждений за «излишний» урожай 135.741 руб.

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, кому больше всего нужна была запашка — чиновникам и управляющим удельных контор.

Даже по такой конторе, как Казанская, которая по числу крестьян уступала другим имениям Среднего Поволжья, чиновники от запашки получали большие суммы денег[4]. Так, с 1850 по 1859 гг., т.е. за 10 лет, удельные чиновники Казанского имения получили от общественной запашки около 40 тыс. рублей серебром. В 1841 году чиновники всех имений получили от

[1] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 13, д. 3, л. 335.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 617, л. 67; Всеподданнейший отчет за 1839 г., стр. 42; за 1851 г., стр. 43; за 1852 г., стр. 46; за 1853 г., стр. 39; за 1834 г. стр. 49.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 345, л. 317.

[4] ГАУО, ф. 538, оп. 1, д. 22, лл. 115—116.

запашки 28397 руб., в 1843 г. — 70.000 руб., в 1845 г. — 88950 руб., в 1847 г. — 86298 руб. в 1849 г. — 78628 руб. серебром[1]. Больше всего официальных вознаграждений получали от общественной запашки чиновники Вятской, Саратовской, Самарской и Симбирской контор.

Запашка превратилась в источник обогащения не только чиновников, смотрителей и голов приказов. Всех злоупотреблений, связанных с запашкой, не перечесть, их было слишком много. Остановимся на тех из них, которые никак нельзя было скрыть от общественного мнения. Эти злоупотребления разбирались следственным порядком и фиксировались в документах удельного ведомства. Надо заметить, что злоупотребления вокруг общественной запашки начались сразу же с введением ее в удельной деревне.

Один из активных деятелей в области введения поземельного сбора, управляющий Казанскою удельною конторою Коваленский, как и многие другие, превратил запашку в источник личной наживы. Став в 1830 году управляющим, он развернул кипучую деятельность по обиранию крестьян. Он сразу же отобрал у смотрителей запашки тетради по учету хлеба и повел этот учет сам. Как правило, он вызывал в Казань смотрителей с бирками о приходе и расходе хлеба, отбирал эти бирки и при помощи вызванных из приказов писарей сам составлял хлебные ведомости. Как выяснилось при следствии, многих документов по учету хлеба и многих хлебных ведомостей и письменных распоряжений по запашке не оказалось. Естественно, что при таком состоянии дел нельзя было установить точных данных о сборе хлеба с общественной запашки, нельзя было определить количество проданного хлеба и полученную за него сумму денег. По приблизительным подсчетам, Коваленский только за 3 года продал купцам до 20 тыс. пудов хлеба, а деньги в сумме 16576 руб. присвоил себе.

Коваленский получал большие доходы путем прямого обмана крестьян, спекулируя на их нищенском положении и голоде. Крестьяне Воскресенского приказа в 1831 году в результате голода обратились к управляющему с просьбой продать им хлеб из общественных магазинов. Известно, что и запашка и хлебные магазины существовали для того, чтобы в голодные годы помогать крестьянам. Коваленский донес в Департамент уделов, что

---

[1] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 11, д. 256, лл. 21, 28, 43, 59, 101, 119, 137, 168, 242.

он продал крестьянам 1067 четвертей хлеба по 3 руб. 64,5 коп. за четверть. На самом же деле крестьяне купили 1708 четвертей овса по 4 руб. 50 коп. за четверть.

Летом 1831 года управляющий сообщал в Петербург, что для засева общественной запашки куплено ярового хлеба на 12560 руб. Крестьяне Вараксинского и Анатышского приказов показывали на следствии, что они покупного хлеба не видели, а запашку засеяли крестьянским хлебом[1].

Преступления по запашке не единичны, они глубоко укоренились в практике контор и приказов. Вот несколько ярких примеров того, как запашку превращали в источник обогащения. Алатырскую удельную контору с 1838 по 1851 год возглавлял некто Бороздин, безраздельно господствовавший там до 1850 года.

При следствии выяснилось, что собственные поля Бороздина как помещика на протяжении многих лет удобрялись и обрабатывались удельными крестьянами по наряду, что крестьяне убирали хлеб с его полей, подвозили из дальних мест материалы для сооружения дома Бороздина. Все эти работы совершались бесплатно[2]. Чтобы удержать удельных крестьян в повиновении и эксплуатировать их не только на запашке, но и в своем имении, Бороздин подбирал для себя таких приказных старшин, которые беспрекословно выполняли все его распоряжения и во всем повиновались ему[3].

В целях выгодного сбыта хлеба Бороздин, с разрешения удельного ведомства создал специальную торговую хлебную компанию. Разрешая такую компанию, Департамент уделов указывал, что она должна способствовать удельным крестьянам сбывать по выгодным ценам их собственный хлеб за пределы Симбирской губернии. Компания существовала только юридически, так как всеми хлебными операциями ведали подставные лица Бороздина — головы приказов.

В период деятельности «компании» Бороздин доносил в Департамент уделов, что хлеб компания покупала только у богатых удельных крестьян и партиями отправляла судами для продажи в Рыбинск и другие места. Следствием было установлено, что донесения управляющего Алатырской конторою являлись вымыслом, хлеб не покупали у крестьян, а брали его из магазинов запашки. Так, например, из 28788 кулей хлеба, предназна-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 272, лл. 463—470.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 272, лл. 145—360.
[3] Там же, л. 649.

ченных для продажи в 1849 году, толькко 4590 куплены у крестьян, а остальные были взяты из общественных магазинов.

По скромному заключению комиссии, Бороздин принес убытков Департаменту уделов на 29839 руб., а его помощник Пылаев на 16375 рублей. Какой убыток они принесли крестьянам, об этом комиссия умолчала[1].

Колоритной фигурой среди взяточников, лихоимцев, эксплуататоров удельных крестьян, корыстолюбцев, любителей поживиться за счет общественной запашки и крестьянского хлеба был управляющий Сызранской удельной конторой Каблуков. Данные о двенадцатилетней (1840—1852 гг.) деятельности Каблукова содержатся в двух томах следственного дела в Департаменте уделов[2].

Следственные материалы в нескольких томах говорят о злоупотреблениях по общественной запашке Сызранского управляющего Хвостова, его помощника Штенгера, головы Коченяевского приказа Дрондина и многих других[3].

Департамент уделов был материально заинтересован в общественной запашке. С 1830 года из доходов общественной запашки 10 проц. ежегодно отчислялось в пользу удельного ведомства. Только в 1830 году удельное ведомство получило от общественной запашки 78 тыс. рублей чистого дохода[4].

Не менее заинтересованы в общественной запашке были и чиновники Департамента. За 1856 год чиновники Департамента уделов получили из доходов общественной запашки 34 тыс. рублей. Из этой суммы досталось: товарищу министра уделов 28816 руб., четырем членам Департамента уделов 11264 руб., трем начальникам отделений 6034 руб. и трем чиновникам особых поручений 5431 рубль[5].

Из доходов общественной запашки выдавали пособия чиновникам удельного ведомства: «по случаю болезни жены», «пособие по случаю вступления в брак», «по случаю стесненных семейных обстоятельств» и т. д.

В период проведения крестьянской реформы в удельной деревне, из сумм общественной запашки выдавали деньги чле-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 272, л. 650.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37, д. 79.
[3] ГАУО, ф. 322, оп. 3, д. 234, лл. 412—415, д. 235, лл. 124—126, 129—131, 134—136, 139—140, 142—143, ф. 340, оп. 4, д. 15, лл. 1—157, оп. 3, д. 15, лл. 21, 23—25, 267—269.
[4] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 22, д. 98, лл. 2, 6, 8—9.
[5] Там же, оп. 23, д. 46, лл. 3—5.

нам губернских по крестьянским делам присутствий, мировым посредникам и многим другим, которые выполняли социальный заказ удельного ведомства[1].

Расширение общественной запашки. Заинтересованное в деньгах удельное начальство энергично расширяло общественную запашку. Не считаясь ни с количеством, ни с качеством крестьянской земли, удельные чины отрезали, где только можно, лучшие земли, превращая их в запашку. Ее заводили даже там, где крестьяне не занимались земледелием. Запашка распространилась и на тех крестьян, которые, по существу, не были собственностью удела.

В 1835 году удельные крестьяне гг. Сенгилея, Сызрани и Алатыря в числе 6 тыс. душ, обратились к начальству с просьбой заменить запашку сорокакопеечным сбором с ревизской души на том основании, что они занимаются «более промышленностью, нежели земледелием». Департамент уделов на эту просьбу крестьян ответил отказом[2].

Удельное ведомство не отменяло запашки даже в тех селениях, где крестьяне имели не более 2 десятин на ревизскую душу[3].

Запашка приняла особенно широкие размеры после 1835 года, когда все казенные крестьяне Симбирской губернии стали удельными. Запашка распространилась не только на этих крестьян, но и на тех, которые попали только в заведование удельного ведомства: лашман, пахотных солдат, ямщиков[4].

Хотя лашманы и переходили в подчинение Симбирской удельной конторы «для единообразного в губернии управления», но удельное ведомство стремилось распространить на них все удельные порядки, в том числе и общественную запашку. В 1836 году, как говорится дальше, лашманы ответили на новые порядки массовым волнением.

В связи с распространением запашки у лашман и крестьян всех категорий, входивших в управление удела, отбирали тысячи десятин лучшей земли. Только по 14 лашманским приказам в 1836 году отрезали для запашки до 2 тысяч десятин, сотни десятин земли отрезали у ямщиков и пахотных солдат[5].

---

1 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 23, д. 252, лл. 2, 8, 17.
2 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 401, лл. 682.
3 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 271, лл. 994—995.
4 Там же, д. 170, лл. 434—435.
5 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 402, лл. 302—329.

Кроме того, у лашман под запашку отобрали их собственные земли, не считаясь с их старинными правами[1].

Несмотря на сопротивление и даже восстание крестьян всех категорий против удельного управления с его ненавистною запашкою, управляющий Симбирскою конторою требовал от своих подчиненных «внушать» крестьянам, «что сие делается не для какой-либо прибыли или приращения удельных доходов, а единственно в отвращение голода, как то было в прошедших годах»[2].

Несмотря на подобные словесные и физические «внушения», на аресты, отправление в смирительные дома и ссылку в Сибирь, крестьян не удалось убедить в том, что так называемые «общественные поля» не «помещичья запашка».

Удельное ведомство, невзирая на запутанность земельных отношений в лашманской деревне, не считаясь даже с тем, что лашманы находились только в их управлении, не обращая внимания на то, что сами лашманы упорно и настойчиво отказывались от подобного попечительства, все же ввело у них запашку. Больше того, в 1840 году лашман уравняли в размерах запашки с коренными удельными крестьянами[3].

Запашку пытались распространить и на однодворцев, положение которых отличалось от положения других категорий крестьян как формой владения земли, так и другими, исторически сложившимися условиями. Департаменту уделов удалось распространить запашку на тех однодворцев, которые были переселены из других мест и оказались на казенной земле. В 1836 году однодворцы с. Батрацкого Сызранского приказа просили удельное ведомство освободить их от запашки. Департамент уделов, исходя из того, что у крестьян Симбирской губернии, попавших в заведование удельного ведомства, повсеместно введена запашка и считая, что и однодворцы с. Батрацкого не могут быть освобождены от запашки, тем более, что они земли собственной не имеют, а пользуются удельною, решил «с утверждения г. министра» «отказать в удовлетворении их просьбы»[4].

Таким образом, запашку навязали всем удельным крестьянам, лашманам, пахотным солдатам, ямщикам и однодворцам. Многие крестьяне, как удельные, так и входившие в уп-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 318, оп. 12, д. 796, лл. 8—9.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 396, л. 263.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 402, лл. 172—177.
[4] Там же, л. 185.

равление удела, готовы были платить любые деньги, лишь бы избавиться от запашки[1].

Волнения удельных крестьян и лашман в связи с общественной запашкой. Общественная запашка была введена в удельной деревне с 1827 года и существовала в период кризиса феодально-крепостнической системы. В 30—50-х гг. XIX века происходит новый подъем крестьянского движения. В этом движении принимают активное участие помещичьи, государственные и удельные крестьяне. Крестьянские выступления приобретают всеобщий характер, что грозило существованию крепостного права.

Крестьянские волнения второй трети XIX века явились прямым проявлением кризиса феодально-крепостнического строя.

В 30-х годах крестьянские волнения происходили на огромной территории страны. Крупные крестьянские волнения отмечались в 1830—1835 гг. в связи с эпидемией холеры.

В 1836 году поводом для крестьянских выступлений послужила Симбирская «обменная операция».

В 1839 году крестьянскими волнениями было охвачено 12 губерний, в том числе и Среднее Поволжье.

Следует особо остановиться на крестьянских волнениях, связанных с общественной запашкой. Хищение хлеба общественной запашки происходило у крестьян на глазах. Они знали, кто брал хлеб и наживался, и выражали свой протест против общественной запашки. Протест удельных крестьян выражался разными формами: плохой обработкой земли, отказом возить на поля навоз, возить на продажу хлеб общественных магазинов. Иногда этот протест выливался в массовое неповиновение крестьян, охватывавшее многие уезды и даже губернии.

Крестьянские волнения, поводом которых послужила общественная запашка, вспыхивали то тут, то там одно за другим. В 1828 году заволновались крестьяне Кочкинского приказа Вятской удельной конторы, вскоре поднялись крестьяне Писковского приказа Смоленского имения.

Наиболее крупное выступление удельных крестьян произошло в 1834 г. в Сарапульском уезде Вятской губернии.

Одной из основных причин крестьянского волнения была общественная запашка и принудительное разведение карто-

[1] Там же, д. 401, л. 21.

феля. Весною 1834 года крестьянское движение в Сарапульском уезде достигло наивысшего предела. В селениях Семеновском, Ново-Спасском, Песочном и других крестьяне на сходах избивали представителей удельной администрации. В селе Ново-Спасском крестьяне убили ненавистного им старосту. Вскоре в это село явился управляющий удельною конторою, но его крестьяне встретили бранью и угрозами. Управляющий конторою, опасаясь за свою жизнь, тайно бежал из селения. Волнения удельных крестьян стали настолько угрожающими, что вятский губернатор вынужден был обратиться к Оренбургскому губернатору Перовскому за военной помощью. Перовский не замедлил направить против взбунтовавшихся крестьян 600 конных башкирцев. Царь в то же время приказал местным властям учинить расправу в кратчайший срок, «причем главных виновников, в пример другим, предать военному суду, который кончить без малейшего промедления». Состоялся военный суд, который вынес суровый приговор крестьянским вожакам: многих крестьян наказали, некоторых сослали в далекую Сибирь[1].

В 1840 году вспыхнуло волнение лашман в Алатырском уезде, которое было отзвуком крестьянских волнений 1839 года. Весною 1840 года у лашман силою отрезали лучшую землю, силою заставили их обрабатывать новые земли запашки. Лашманы глухо роптали, но приказания удельных властей выполняли. Когда же дело дошло до составления мирских приговоров для распределения работ на запашке, крестьяне многих лашманских селений от составления приговоров наотрез отказались.

Сопротивление лашман удельному начальству произошло в селениях Красноостровского и Петрякинского приказа Алатырской удельной конторы[2]. В селениях Старых и Новых Мочалей, Большой и Малой Рыбушкиных, Медяны, Чембилей, Пиловального завода и Можаровского Майдана лашманы не только отказались от составления мирских приговоров, но и заявили управляющему конторой, что они на будущее время отказываются и от обработки запашки. Управляющий пригласил на помощь курмынского земского исправника и вместе с ним отправился в с. Пиловальный завод Петряксинского

---

[1] Б. Г. Плющевский. Государственные крестьяне Вяткой губернии в первой половине и середине XIX века. Кандидатская диссертация, стр. 150—151.

[2] ЦГАДА, 6 Департамент Сената, д. 21692, л. 16—59.

приказа. Исправник прочитал на лашманском сходе распоряжение удельного ведомства об увеличении запашки, но лашманы и в его присутствии отказались составлять мирской приговор[1].

24 мая 1840 года в лашманские селения управляющий отправился с новыми силами — чиновниками конторы, исправником, полицией для того, чтобы сломить сопротивление крестьян и заставить их подписать мирские приговоры. В с. Пиловальный завод снова был созван сход крестьян различных селений, куда помимо приглашенных старшин прибыли многие крестьяне, которые сделали на сходе буйство, произнося громогласно слова: «не давай приговора». Руководителей лашман Алексеева и Андрианова арестовали и отправили в тюрьму, после чего старшины подписали желаемый для начальства приговор[2]. В Красноостровском лашманском прикаве крестьяне, «собравшись в своих деревнях на улице во множестве, с озорством и дерзостью кричали, что они приговоров на обрабатывание общественной запашки не дают и старшин на волостной сход не отпускают». Вследствие такого поведения лашман в деревни отправились полицейские — арестовывать и отправлять зачинщиков в тюрьму. Больше двух месяцев лашманы оказывали упорное сопротивление властям.

В Алатырском имении 25 зачинщиков сопротивления были преданы суду, многим грозила ссылка в Сибирь, отдача в рекруты. Однако после долгой судебной волокиты Сенат в 1841 году вынес определение: «данных лашман (25 человек) взять под строгий сельский надзор, но с места жительства не удалять»[3].

Удельные крестьяне Сызрани и с. Горенок Сенгилеевского уезда также оказали сопротивление властям при отрезке у них земель под запашку. Руководители крестьянского неповиновения «по высочайшему повелению отданы: годные в рекруты, а неспособные в арестантские роты»[1].

Крупные волнения государственных крестьян в Вятской и Казанской губерниях произошли в 1841—1842 годах. Волнение крестьян Казанской губернии передалось в соседнюю Симбирскую губернию.

---

[1] ГАУО, ф. 320, оп. 3, д. 22, лл. 49—53.
[2] Там же.
[3] ЦГАДА, 6 Департамент Сената, д. 21692, л. 59.
[4] ГАУО, ф 320 оп. 3, д. 22, лл. 314—315; ф. 318, оп. 1, д. 392, л. 49.

Уже в первой половине 1843 года от удельных крестьян и лашман многих уездов и приказов Симбирской губернии в Петербург стало поступать большое количество жалоб на тяжесть общественной запашки. В столицу отправились крестьяне-ходоки и поверенные с тем, чтобы просить об отмене запашки. Удельный крестьянин Ильин, избранный крестьянами Бюргановского приказа поверенным, в мае месяце подал просьбу царю, в которой обрисовал тяжелое положение крестьян.

В этой жалобе крестьяне писали, что запашка была создана только для пользы удела, но не для крестьян. «Эта обязанность, — говорили крестьяне, — в течение времени дошла до того, что 30 и потом 16 душ должны были обрабатывать одну десятину. Ныне же местное удельное начальство, не объявляя нам никакого распоряжения правительства, требует, чтобы им дали подписку обрабатывать одну десятину земли в каждом поле только 8 душами»[1].

Такие же или им подобные мотивы, излагают в своих жалобах и русские крестьяне, и татары, чуваши[2].

В прошении лашман с. Старого Студенца Буинского уезда на имя министра императорского двора отражены чаяния всех лашман, находившихся в ведении удельного ведомства. В этом прошении настолько глубоко раскрывается их положение, что целесообразно привести его более полно. Поверенный с. Старого Студенца писал, что «от постоянных в Буинском уезде неурожаев с 1838 года лашманы стесняют в исполнении повинности этой подобным образом, по тем причинам, что терпя неурожай и будучи обязаны исполнять прочие свои повинности, они во избежание недоимок должны были, взамен предполагаемой выручки денег через продажу хлеба, продавать в числе прочего скота лошадей, изнуренных работой и голодом, за совершенный бесценок, а за неимением хлеба, употреблять их по своему обычаю в пищу, в большом противу прежнего количества». Следовательно, — продолжал поверенный, — «с уменьшением, или можно сказать, с изводом большой части лошадей, способы к пашне сделались совершенно трудными, особенно в настоящее время, потому, что распродав лошадей, они оставили их малейшую часть для исправления собственно лашманской только повинности, а

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 277, л. 3.

[2] Там же, д. 289, лл. 22—23.

истощив через это источник к приобретению денег для своего пропитания, продавали дома».

«Продажа домов, — говорит поверенный, — так же, как и продажа лошадей, производилась по цене самой низкой», а все это «до того расстроило лашман, что они, лишаясь необходимого, должны были войти еще как в казенные, так и в частные долги, а продавши и употребивши в пищу лошадей, не в состоянии теперь выполнять собственной своей обязанности, также обеспечивать продовольствие через запашку иначе как наймом и наймом обременительным для их состояния, даже таким, который со временем доведет их до совершенной нищеты, а с нищетою будут оставаться без исполнения все их повинности». Доверитель, говоря о других трудностях, с которыми сопряжено исполнение запашки, просил от имени всех селений Старостуденецкого приказа отменить ее и заменить запашку натуральным сбором хлеба или деньгами потому, что оставшимися лошадьми едва ли сумеют обработать свою горсть земли для собственного существования[1].

Просьба поверенного являлась своего рода зеркалом, в котором были отражены нищета и бесправие лашман. Многочисленные жалобы и просьбы раскрывают тяжелое положение удельных крестьян и лашман. Тяжесть налогов, неурожаи, продажа скота, домов для уплаты налогов и оброков, снятие с крыш соломы для корма скота, голод, нищета, барщина в виде запашки — такова картина удельной деревни 40-х годов XIX века.

Многочисленные просьбы и жалобы из разных приказов и разных удельных имений, переход крестьян отдельных селений от просьб к действиям напугали Департамент уделов. Удельное ведомство запросило управляющего Симбирскою конторою о причинах и мотивах поданных в Петербург многочисленных просьб и жалоб[2].

На вопросы Министра и Удельного ведомства о причинах возбуждения крестьян и о том, кто подал мысль крестьянам о подаче жалоб в Петербург, управляющий Симбирским имением Глинка, отвечал: «Я полагаю, что корень сего зла должен находиться в лашманских селениях, и основываю предположение мое на следующем: лашманы с первого введения в селениях их общественной запашки показали неповиновение,

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 290, лл. 2—5.

[2] ГАУО, ф. 318, д. 274, лл. 13—16.

впоследствии времени, хотя оное миновалось, но негодование на сие полезное дело, введенное у них, осталось. При всяком случае, когда входя в положение их быта, я расспрашивал об оном и оне, говоря о бедности от неурожаев, всегда вмешивали в причины и работу на запашке, и в настоящее время, несмотря ни на какое вразумление, оне желают уничтожения оной».

Слухи же об отмене запашки, доносил управляющий, дошли из Казанской губернии, где государственных крестьян освободили от ее выполнения. Узнав об этом, удельные крестьяне многих селений уже весною 1843 года отказались составлять приговоры на обработку общественных полей. Вначале от составления таких приговоров отказались три лашманских приказа, за ними вскоре стали отказываться и другие[1].

Хотя тон ответа управляющего Симбирскою конторою Департаменту был довольно спокойный, истинное положение дел было иным. Уже в мае-июне месяцах многие удельные и лашманские селения открыто выступили против запашки. Удельное начальство, не будучи в состоянии само справиться с крестьянами, вынуждено было обратиться за помощью к губернатору. Особенно грозных размеров крестьянское неповиновение достигло во многих приказах Буинского уезда. Туда направились чиновники конторы, следователи, полицейские чины. Симбирский губернатор, выполняя приказ министра внутренних дел, предписал Буинскому земскому суду оказать всемерное содействие удельному начальству[2].

Выехавшие в Буинский уезд чиновники стали разыскивать зачинщиков волнений, арестовывать и допрашивать их. Допрашивали прежде всего ходоков в Петербург, а также тех, кто распространял слухи об отмене общественной запашки среди государственных крестьян Казанской губернии[3].

Но слух об отмене запашки все ширился и распространялся по другим уездам. Удельные крестьяне тайно передавали друг другу об этом, также тайно собираясь небольшими группами. После тайных совещаний крестьяне открыто, на сходах, стали выносить свои решения об отмене общественной запашки[4].

---

[1] ГАУО, ф. 318, д. 274, лл. 13—16.

[2] Там же, л. 41.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 283, лл. 52—53.

[4] Там же, л. 38.

Чиновники конторы и полицейские власти отобрали десятки крестьянских прошений и приговоров[1].

Против запашки выступали единым фронтом русские крестьяне, мордва, татары и чуваши. Крестьяне Паркинского приказа посылали крестьян д. Чикуриной Антона Никитина и Искандера Лоти в Симбирск для подыскания писца прошения. Вместе они диктовали писцу требования крестьян, затем написанное прошение также вместе отправили в Петербург[2].

В других селениях крестьяне выступали не только против запашки, но и за выход из удельного ведомства. На крестьянском сходе деревни Кадышевой Кайсаровского приказа выступил Петр Родионов, склонявший присутствовавших на сходе крестьян составить мирской приговор «о выборе поверенного на подачу просьбы царю с принесением жалобы на местное начальство в том, что оное... не объявляет указа об уничтожении удела, уверив крестьян, что им будет хорошо, свободно, будут рубить лес и освободят от обработки общественной запашки»[3].

Вначале крестьяне ограничивались сходами только своего села, своей деревни. Вскоре стали созываться крестьянскими вожаками общеприказные сходы, куда приходили представители всех селений. На этих сходах крестьяне обсуждали пути избавления от общественной запашки[4].

Несмотря на аресты и допросы крестьянских ходоков, начали распространяться более настойчивые слухи о ликвидации удела, об освобождении крестьян из удельного ведомства. Эти слухи выражали стремления и чаяния удельных крестьян и лашман освободиться от удельного начальства, а главное, от поземельного сбора и запашки. И, естественно, что крестьяне и лашманы пытались эти слухи превратить в действительность.

В начале июня 1843 года Кайсаровский приказ сообщал управляющему Симбирской удельной конторой о том, что в деревню Стямышево пришли на сход многие крестьяне как русские, так и татары деревень Верхних Тархан, Починок, Толбы, Баушевой, Вожей, Утямышевой, Бессоновой, с. Киль-

---

[1] ГАУО, ф. 318, д. 277, лл. 39—42, 50—51

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 289, л. 20.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 274, л. 3.

[4] Там же, лл. 27—28.

дюшева. На сходе крестьянские вожаки утверждали, что от царя «последовал указ об исключении крестьян из удельного ведомства, но скрывают сие местное начальство, и склоняли бывших на объясненном сборище крестьян к подаче просьбы к государю императору об уничтожении удела». В том же донесении сообщалось, что крестьяне собираются не только из селений данного приказа, но и других приказов, что они сообща посылают своих ходоков в Симбирск[1].

Управляющий Буинским удельным отделением в июле месяце доносил в Симбирскую контору, что в приказах Батыревском, Шаймурзинском «доныне крестьяне собираются секретно на сходки: на дворах, в лесах и полях, а для чего открыть не возможно»[2].

Летом 1843 года удельные крестьяне Буинского и Симбирского уездов перешли от многочисленных сходок к открытому неповиновению властям. Симбирское начальство, узнав о волнении крестьян, растерялось. Симбирский губернатор 14 июля писал управляющему конторой, что крестьяне Муратовского и Шаймурзинского приказов, «всего до десяти деревень, решительно отказались от двоения земли для общественной запашки», что все убеждения Буинского земского исправника остались тщетными и что крестьяне «с упорностью отвечали, что не только они, но и все крестьяне Буинского уезда засевать землю общественной запашки не будут». Губернатор сообщал, также и о том, что замеченных в неповиновении крестьян «для отсылки к вам, они ни ему, исправнику, и никому не дадут».

В помощь уездным властям губернатор направил в Буинский уезд чиновника особых поручений «для вразумления удельных крестьян»[3].

Но меры, принятые губернскими властями, не дали желаемых результатов, 17 июля губернатор сообщал в Петербург о том, что удельные крестьяне Верхних Темерсян вышли совершенно из повиновения «до такой степени, что помощнику (управляющего Пузыревскому — **Н. Г.**) оказали грубость и хотели даже тащить за волосы, а голову своего Андрея Иванова и добросовестного Михайлова захватив, продержали всю ночь привязанными к изгороди»[4].

---

1 ГАУО, ф. 318, д. 274, лл. 1—2.

2 Там же, лл. 45—46.

3 ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 274, лл. 55—59.

4 Там же, д. 273, л. 142.

Силой и жестокими наказаниями заставляли крестьян идти на барщину — запашку, руководителей сопротивления ловили и отправляли в Симбирск. Но крестьяне не выдавали своих односельчан. Хотя чиновник особых поручений и доносил губернатору об успокоении крестьян, то сам губернатор вынужден был сообщить министру внутренних дел, что крестьяне Буинского уезда, Муратовского и Шаймурзинского приказов отказались работать на общественной запашке, что они «оправдывают свое упорство тем, что не получили разрешений по данным просьбам на высочайшее имя»[1].

В сентябре 1843 года лашманы 8 селений Сугутского приказа противодействовали чиновнику конторы и отказались составлять приговоры для работы на запашке[2].

Слухи об отмене запашки проникли на территорию Самарского имения. Удельные крестьяне Верхнемелекесского, Ново-Еремкинского, Уренского, Селидбинского, Калмаюрского, Ново-Малыклинского и других приказов отказывались от работ по запашке. Из удельных селений Самарского имения стало поступать много прошений, жалоб царю, министру двора, наследнику. В Петербург пошли ходоки, в селениях начали собираться сходы, скрытые и явные, на которых требовали отмены запашки. Вслед за удельными крестьянами выступили пахотные солдаты Тинарского приказа Ставропольского уезда[3].

Министр двора и Департамент уделов полагали, что крестьянами кто-то руководит извне. Начали разыскивать тех чиновников, писцов, которые писали крестьянам просьбы и жалобы. В Симбирске нашли несколько таких человек. Министр двора приказал управляющему Симбирскою удельною конторою «наблюсти, чтобы открытые сочинители таковых жалоб, о коих вы сообщали гражданскому губернатору, не остались без наказания и чтобы они были удалены из губернии»[4].

Кто были люди, писавшие крестьянские жалобы, указывавшие на их тяжелое положение, неизвестно, но по отрывочным сведениям, можно прямо сказать, что это были люди, разделявшие требования крестьян, пытавшиеся посредством жалоб показать царившие беззакония на местах и тяжелое положение крестьянских масс.

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 274, л. 149.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 273, л. 231.
[3] ГАУО; ф. 342, оп. 1, д. 377, л. 459.
[4] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 273, л. 158.

В нашем распоряжении имеется пространное «Объяснение» чиновника 14 класса Григория Алексеева, адресованное Симбирской гражданской полиции.

Управляющий Симбирской удельной конторой обвинял Алексеева в подстрекательстве крестьян, в ложных жалобах, писанных им от имени крестьян в Петербург и другие места.

На все эти обвинения Алексеев отвечал, что действительно, он писал такие прошения, писал прошения крестьянам об уничтожении чересполосного владения после того, когда они не получили ответа от губернских властей; писал крестьянам и другие прошения, но «они едва ли заключают в себе какую недельность, а тем паче ябедничество». В ответе Алексеева с тонким сарказмом показаны все язвы удельной деревни, бесправие удельных крестьян, задавленность их. «Один просит, — продолжал Алексеев — об освобождении от рекрутства, другой из ремесленной школы детей, третий о заключенных безвинно в рабочий дом; иные — об обмерах волостными начальниками». Отвергая обвинение в ябедничестве и защищая крестьян, Алексеев писал: «Если кто жаловался на стеснение и обиды, то сего нельзя еще назвать ябедою и недельным... Это не есть недельность, а от власти того лица, или места, к которому поступило прошение, зависело уважать оное». На конкретных примерах Алексеев показывал, как писари и старшины обирали крестьян, избивали и даже увечили их[1].

На следствии крестьяне показывали, что неизвестные им люди в городе Симбирске писали им жалобы и оказывали помощь в отправлении прошений по назначению[2].

Неизвестные люди, имена которых не дошли до нас, пытались помочь крестьянам, защитить их от произвола и насилий.

В крестьянских волнениях принимали участие отставные солдаты и унтер-офицеры. Обычно это были люди, испытавшие на своей спине произвол властей, видевшие незавидную крестьянскую жизнь во многих местах России. Отставной унтер-офицер Скрыпкин в 1843 году возглавил возмущение крестьян деревни Сиушевой Буинского уезда. После подавления сопротивления крестьян Скрыпкин два года находился под следствием и, по распоряжению Департамента уделов, был удален из удельных селений. Скрыпкин не угодил в Сибирь лишь потому, что был награжден орденами Георгия и Анны, серебряной ме-

---

1 ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 259, лл. 60—63.
2 Там же, лл. 50—60.

далью за русско-персидскую войну и польским знаком отличия.

Целое лето и осень 1843 года губернские и уездные полицейские власти подавляли сопротивление удельных крестьян и лашман. В первой половине 1844 года продолжалась расправа над удельными крестьянами и лашманами. Из Петербурга в удельные конторы поступали распоряжения о наказаниях крестьян: одних ссылали в Сибирь на поселение, других — в арестантские роты, третьих — в смирительные дома.

По неполным подсчетам по Симбирскому и Самарскому удельным имениям было сослано в Сибирь — 16 человек, отдано в рекруты — 9 человек, в арестантские роты — 3 человека, в смирительные дома — 17 человек, выпорото розгами — 56 человек, оштрафовано (от одного рубля до 6 рублей каждого) — до 200 человек[1]. В Сибирь многие отправлялись с женами и детьми, некоторые томились в тюрьмах по 2 года и больше.

Так Департамент уделов, с ведома и утверждения царя, расправился с крестьянами, которые выступили против барщины-запашки. Кроме отмены общественной запашки, они требовали отменить принудительную посадку картофеля в поле, посадку овощей, рекомендованных уделом; выступали против постройки кирпичных сараев. Крестьяне требовали отменить долги за розданных лошадей, которые были так стары, что вскоре все почти подохли. Они пытались избавиться от излишней опеки начальства по планировке улиц, строительству домов, колодцев и другого. Крестьяне выступали против неслыханного произвола удельного чиновничества, против кабалы и угнетения.

Лашманы, выступая против удельного начальства, требовали уничтожить запашку, отменить излишнюю опеку, стеснявшую крестьян. Они более решительно настаивали на том, чтобы освободиться от удельного ведомства[2].

Волнения крестьян и лашман показали их солидарность против общего врага — удельного ведомства. Буинский уезд, где сопротивления крестьян и лашман были наиболее упорными, был пестрым по национальному составу[3].

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 377, лл. 449; 455; 459; 466; 472; 443; 438; 451; 453; 457; д. 398; лл. 321, 326, 328, 314, 316; 318; 330; 332; 335; 347; 354; 311; ф. 318; оп. 3; д. 289, л. 103, оп. 1, д. 615, лл. 116, 73; оп. 3; д. 277; лл. 79. 171; оп. 3, д. 273, лл. 207, 201, 210; 219; 295.

[2] ГАУО, ф. 318. оп. 3, д. 274, лл. 19—20.

[3] ГАУО, ф. 536, оп. 1, д. 60, лл. 4—46.

Однако, несмотря на то, что люди говорили на разных языках, они понимали друг друга, поддерживали связь не только селение с селением, но и с приказами. Правда, они не могли сплотиться, так как их выступления не носили определенных, ярко выраженных классовых целей. «Когда было крепостное право, —писал В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли[1].

Запашка в удельной деревне существовала до 1861 года. Опасаясь, чтобы удельные крестьяне после обнародования манифеста 19 февраля 1861 года не взбунтовались, Департамент уделов в том же году распорядился, чтобы все земли, находившиеся под запашкою, передать в оброчные статьи по таким ценам, какие существуют на земли самого лучшего качества у частных владельцев. Земли бывшей запашки предлагалось передать в оброчное содержание удельным крестьянам, если же они откажутся, — передать с торгов в другие руки.

По неполным архивным данным, в распоряжение Департамента уделов отошло следующее количество земли бывшей общественной запашки:[2]

по Казанскому имению	—	1825	дес.	1579	сажен
по Симбирскому имению	—	11736	дес.	1700	сажен
по Самарскому имению	—	16822	дес.	467	сажен
по Алатырскому имению	—	7861	дес.	—	
по Сызранскому имению	—	20625	дес.	—	
ВСЕГО:	—	58870	дес.	1346	сажен

Таким образом, почти 59 тыс. десятин лучшей земли было отрезано у крестьян. Отрезка земли, бывшей запашки, была первым шагом Департамента уделов к подготовке реформы в удельной деревне. До 5 проц. крестьянских земель было отрезано под видом общественной запашки в пользу Департамен-

[1] В. И. Ленин, соч., т. 6, стр. 384.

[2] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 13, д. 35, лл. 211—215; ГАУО, ф. 538, оп. 1, д. 21, лл. 52—59; ф. 318; оп. 1; д. 1248; лл 154—157; 198—200; ф. 322 оп. 1, д. 471 лл. 87—88; ф. 318, оп. 1; д. 406; л. 131; ЦГИАЛ; ф. 515, оп. 9; д. 471, лл. 59—71.

та уделов. Отрезав землю, конторы рекламировали в печатных объявлениях о сдаче ее в аренду.

Крестьяне считали такую отрезку неправильной, они не брали этих земель в оброчное содержание, надеясь, что она останется за ними. Казанская удельная контора не скрывала этого, когда писала: «Крестьяне же других селений от этих земель отказались, несмотря на необходимость в оных, тем более, что они расположены почти при самых сельских околицах и в самых лучших местах»[1].

Таким образом, земли, отрезанные у крестьян под запашку, им уже не возвращались, а переходили в собственность удела. Это был ничем не прикрытый грабеж крестьян. Если раньше земли, сдаваемые в аренду, находились вдали от крестьянских полей, то теперь, с передачей земель бывшей запашки в оброчные статьи, образовывалось для крестьян чересполосное землепользование. В связи с этим начался новый этап борьбы крестьянства за землю.

Выводы. Удельным ведомством предполагалось, что общественная запашка сыграет решающую роль в жизни удельных крестьян в тяжелые, неурожайные годы. Предполагалось, что хлеб, собираемый с общественных полей, будет семенным и продовольственным фондом на время стихийных бедствий, постигавших удельных крестьян.

Однако главная цель организации общественной запашки — оказывать помощь крестьянам в неурожайные годы — не была достигнута. Крестьяне по-прежнему голодали, в неурожайные годы в том же удельном ведомстве покупали по рыночным ценам хлеб или брали зерно взаймы за высокие проценты. Беднейшим крестьянам, которые больше всего нуждались в помощи, хлеб из общественных магазинов не был доступен: для получения его нужно было поручительство всего крестьянского общества об исправном возврате хлеба. Богатые крестьяне, не желая отвечать за бедняков, обычно от поручительства отказывались.

В целом, продовольственная помощь крестьянам за счет общественной запашки была ничтожной по сравнению с затратой времени и труда. Общественная запашка, как и следовало ожидать, в условиях крепостного строя превратилась для крестьян в особый вид тяжелой барщины. Все силы и лучшее время в году крестьяне тратили на запашку, а свои поля обрабатывали

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 349; л. 198.

кое-как и в плохую пору. За невыполнение работ по общественной запашке, крестьяне подвергались порке, отдавались в рекруты и арестантские роты, ссылались в Сибирь на поселение.

Общественная запашка приносила большие доходы удельному ведомству, чиновникам контор и сельскому удельному начальству. На протяжении более тридцати лет запашка служила источником обогащения для удельных чиновников. Путем обмана и различных махинаций многие чиновники и удельные старшины за счет общественной запашки присваивали десятки тысяч рублей. Во «всеподданнейшем» отчете за 1857 год министр двора и уделов сделал следующую оценку общественной запашке: «Впрочем, с откровенностью должно сказать, что запашка там хороша, где за порядком оной внимательно наблюдают сами управляющие, ибо сельское начальство, без ближайшего над ним надзора, нередко допускает в сем отношении значительные беспорядки и злоупотребления. К сожалению, бывали случаи, что и сами управляющие давали этому повод».[1] О ненадобности общественной запашки более определенно было сказано через год: «Вообще удельное начальство, имея в виду неудобства, происходящие в некоторых случаях при исполнении общественной запашки... делают соображения о постепенной замене этой натуральной повинности иным порядком исполнения»[2]. Запашка, по признанию самого удельного начальства, превращалась в тяжелую натуральную повинность для крестьян. Вот почему ее отменили за 3 года до реформы в удельной деревне.

Тяжелое положение крестьянских масс толкало их на путь борьбы. Удельные крестьяне вместе со всем крестьянством с каждым годом усиливали борьбу с феодальными порядками и крепостниками. Если в первой четверти XIX века, до введения общественной запашки, положение удельных крестьян было несколько лучше помещичьих, то в период кризиса феодально-крепостнической системы оно с каждым годом все более и более ухудшалось.

Одной из причин тяжелого положения удельных крестьян была обременительная работа на общественной запашке.

Усиление феодального гнета вызывало неповиновение крестьянских масс в удельной деревне. Они протестовали против общественной запашки различными путями: плохой обработкой

---

[1] Всеподданнейший отчет за 1857 г., стр. 56.
[2] Всеподданнейший отчет за 1858 г., стр. 55.

земли, отказом возить на поля навоз, отказом выполнять другие распоряжения по общественной запашке. Глухие и пассивные протесты часто выливались в открытые волнения крестьян.

В ответ на введение запашки удельные крестьяне Вятского и Смоленского имений в 1828 году активно выступали против удельных властей. В 1834 году крупные выступления крестьян, связанные с общественной запашкой, отмечены в Сарапульском уезде. В 1840 году лашманы Алатырского имения в категорической форме отказались составлять приговоры по обработке общественных полей. За лашманами последовали однодворцы и другие крестьяне. Волнение удельных крестьян и лашман Симбирской губернии в 1843—44 гг. против общественной запашки явилось продолжением классовой борьбы государственных крестьян Вятской и Казанской губерний. Жестокая расправа, порка, рекрутчина и ссылка в Сибирь не сломили воли крестьянских масс за освобождение от пут крепостничества.

ГЛАВА V

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА КРЕПОСТНОГО СТРОЯ

Раздел I. Попытка удельного ведомства объединить свое хозяйство в центральных районах страны; проекты Перовского и Волконского по обменной операции и их осуществление; передача государственных земель и крестьян Симбирской губернии в удельное ведомство; другие крестьяне, попавшие в подчинение департамента уделов; волнения крестьян Симбирской губернии в связи с передачей их в удельное ведомство. Выводы.

Раздел II. Общие замечания: проекты введения поземельного сбора; «Правила» и «Рассуждение» по введению поземельного сбора; практика введения поземельного сбора; отношение крестьян к поземельному сбору; оброчные статьи и их использование; переоценка удельных земель в связи с 9-й ревизией; ухудшение материального положения удельных крестьян. Выводы.

РАЗДЕЛ I.

Попытка удельного ведомства объединить свое хозяйство в центральных районах страны

Удельное имение, первоначально, после его образования, состояло из разбросанных по 36 губерниям России отдельных хозяйств, рознящихся и по количеству земли и по числу крестьян. В Ярославской, например, губернии насчитывалось толь-

ко 1914 удельных крестьян с очень небольшим удельным земельным наделом, плохим по качеству почвы, а в Сибири находилось всего лишь 6 душ крестьян удельного ведомства. Вскоре после образования уделов в удельном Департаменте наметилась тенденция к концентрации разбросанных удельных хозяйств в большие массивы и с большим количеством крестьян. Опыт десятилетней удельной системы окончательно утвердил удельное начальство в мысли, что разбросанное удельное хозяйство, к тому же находящееся в отдаленных концах России, и не экономично, и мало продуктивно, и требует громоздкого аппарата чиновников для действительного контроля за удельными крестьянами в целях их интенсивной эксплуатации.

Для более активной эксплуатации удельных крестьян, для увеличения удельного дохода, для сокращения управленческих расходов и надо было Департаменту уделов сосредоточить удельные земли и удельных крестьян в наименьшем числе губерний, изобилующих хорошими земельными угодьями и оброчными статьями. Перед удельным начальством встал вопрос о том, каким образом провести концентрацию удельных хозяйств и наделить малоземельных удельных крестьян землею. Единственным путем для решения этого вопроса, по мнению удельного управления, являлся обмен разбросанных удельных крестьян и земель на государственных крестьян и государственные земли.

Концентрация удельного хозяйства началась уже в первые годы XIX века с незначительных обменов удельных земель и крестьян на казенные земли с крестьянами. Так, в Кавказской и Астраханской губерниях числилось 1561 душа удельных крестьян, но по их чрезмерному отдалению, а также и потому, что за ними со стороны Департамента «надзор весьма затруднителен», решили передать в казенное ведомство, а взамен их взять в удел казенных крестьян, в других, главным образом центральных губерниях России. В 1808 году по царскому распоряжению удельные крестьяне Кавказской губернии перешли в казну, такое же количество казенных крестьян Московского и Можайского уездов было передано в удельное ведомство[1]. В Иркутской губернии числилось пять душ удельных крестьян, по сведениям, давно умерших, которые в 1808 году исключили

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 93; лл. 495—496; д. 96; л. 519.

из оброчного и подушного оклада, а их семейства передали в казенное ведомство[1]. В 1810 году 197 душ удельных крестьян Екатеринославской и Таврической губерний перевели в разряд государственных крестьян, а в Воронежской губернии такое же количество государственных крестьян было перечислено в удельное ведомство. Однако Департамент уделов вскоре понял, что обмен незначительного числа удельных крестьян отдаленных губерний является паллиативным мероприятием, не имеет существенного значения. Решить этот вопрос можно было лишь путем широкого обмена и притом только в центральных губерниях, где имелось много и хорошего качества земель и зажиточных государственных крестьян. Только такая концентрация земель и крестьян могла дать удельному Департаменту то, что нужно — сокращение управленческого аппарата, хорошие земли, обеспечивающие регулярное поступление удельных оброков, а главное — надлежащий контроль за удельными крестьянами.

В 1812 году обменные операции Департаментом уделов намечались в широких размерах. Наиболее подходящей губернией, в которой можно было сосредоточить наибольшее число удельных крестьян, являлась, по мнению удельного ведомства, Казанская губерния. В ней насчитывалось свыше миллиона государственных крестьян, 5685 тыс. десятин земли, в том числе $^{3}/_{4}$ принадлежало казне[2]. Поэтому удельное ведомство и решило обменять своих крестьян Пермской и Ярославской губерний на государственных крестьян Казанской губернии. Летом 1812 года министр уделов в специальном письме управляющему Казанской удельной конторой изложил свой план обменной операции и предложил конкретную программу действий. Управляющему Казанской конторой вменялось в обязанность тщательно изучить состояние хозяйства государственных крестьян, расположенных рядом с удельными селениями, обратить особое внимание на их благосостояние. Получив желаемые сведения о государственных крестьянах, управляющий конторою не замедлил написать по этому предмету Казанской казенной палате. Казанская палата, по-видимому, отнеслась к предлагаемому обмену крестьян недоброжелательно. В результате длительной переписки удельная контора получила из казенной палаты сведения, но не о государственных, а только об экономических

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 23; л. 496.
[2] Гос. архив Тат. АССР, ф. 1, оп. 2, д. 1721, лл. 2, 8.

крестьянах, обеспеченных землею хуже, чем государственные крестьяне в целом. Такие данные не удовлетворили Казанскую удельную контору. Она снова затребовала дополнительные сведения об оброчных статьях и о спорных землях экономических крестьян с крестьянами других разрядов и помещиками. Наконец, удельная контора остановила свой выбор на 39 селениях с 9303 душами мужского пола экономических крестьян. Однако обмен крестьян Ярославской и Пермской губерний на экономических крестьян Казанской губернии был невыгодным для Департамента уделов и поэтому многолетняя междуведомственная переписка была передана в архив[1]. Мысль об обмене продолжала жить и вскоре была осуществлена практически.

Проекты Перовского и Волконского по обменной операции и их осуществление

В истории удельного крестьянства, его эксплуатации видную роль сыграл вице-президент Департамента уделов Л. А. Перовский. Не за страх, а за совесть служил он Николаю I и уже без всякой совести в течение своей тридцатилетней службы по удельному ведомству при помощи многочисленного аппарата чиновников эксплуатировал удельных крестьян в целях увеличения дохода императорского дома. Ловкий царедворец, ретивый служитель трона, идеолог реакционного дворянства, заядлый крепостник, Перовский особенно пришелся по душе Николаю I. Деятельность Перовского не ограничивалась рамками удельного ведомства, он был одним из столпов всей вообще политики царя Николая. В то время на западе происходили революции. В самой России нарастало революционное движение, и Николаю I нужны были преданные люди, беспрекословные исполнители, которые могли бы полностью осуществлять царскую волю, осуществлять политику как на западе, так и в самой России. Среди таких исполнителей Перовский занимал одно из первых мест. Перовский, став приближенным к царю, все время повышался по служебной линии: в 1826—1828 годах—член присутствия Департамента уделов, с 1828 по 1840 год—вице-президент Департамента, с 1840 по 1852 год—товарищ министра уделов, с 1852 года по день смерти (1855)—министр уделов. Перовский со службой в удельном ведомстве совмещал службу по министерству внутренних дел, в 1849 году он был назначен ми-

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 73, лл. 14 — 15; д. 74, лл. 1, 26 — 39, 100

нистром внутренних дел. За свое усердие и преданность царскому трону Перовский получил графское достоинство и заслужил особую благосклонность самого царя. Современники нелестно отзывались о Перовском, как о человеке. Начальник Симбирской жандармерии Стогов в своих воспоминаниях нарисовал яркий портрет этого царедворца: «Первое впечатление делает Перовский неприятное — весьма! При среднем росте, сухощавости, движения вялы, походка деланная, продолговатое лицо кажется изношенным, цвет кожи без жизни, с желтоватым отливом, выражение лица кажется застывшим. Глаза, обращенные куда-то, но никогда на человека, с кем говорит,—производит полное недоверие. Вообще, после разговора с Перовским, переполненного льстивых похвал мне, я вынес тяжелое впечатление, как о человеке недобром, и избегал случая увидеть его другой раз»[1].

Хотя Департамент уделов и являлся составной частью министерства императорского двора, всеми делами удельного ведомства вершил Перовский. Все новшества в удельном хозяйстве, вводимые с целью усиления эксплуатации крестьян, принадлежали Перовскому. Крестьяне являлись главной рабочей силой, а следовательно, основным источником дохода для удельного ведомства. Из всей суммы доходов Департамента уделов 80 проц. составляли крестьянские оброки. Прекрасно понимая роль оброков, Перовский всю свою энергию, весь свой ум сосредоточил на «заботах и опеке» удельного крестьянства. «Поэтому, — отмечается в «Истории уделов», — и важнейшие мероприятия Л. А. Перовского относятся именно до хозяйства крестьянского. Действуя как образцовый помещик той эпохи, Л. А. Перовский при нововведениях своих постоянно имел в виду двоякую цель: поднять настолько благосостояние удельных крестьян, чтобы этим путем достигнуть возможности повысить оброк с них и увеличить доходы ведомства без обременения крестьян»[2]. Что касается первой цели повышения оброков, то Перовский добивался ее достижения самым последовательным образом. Вторая цель — поднятие благосостояния крестьян являлась второстепенной, подчиненной первой цели, и носила сугубо декларативный, показной характер. С приходом Перовского в удельное ведомство благосостояние основной массы крестьянства с каждым годом ухудшалось, по отдельным

---

[1] Русская Старина, 1878, декабрь, стр. 700.

[2] История уделов, т. I, стр. 69 — 70.

удельным имениям недоимчивость крестьян возрастала. За первые шесть лет управления удельным хозяйством Перовский увеличил доход императорской фамилии на 7 млн. рублей ассигнациями, «более, чем при прежних порядках»[1].

Перовскому принадлежит инициатива введения поземельного сбора, а вместе с ним и осуществление обмена удельных земель на казенные. Остановившись на мысли о введении поземельного сбора вместо подушного оброка, Перовский лично осмотрел и изучил удельное хозяйство в 16 губерниях. Управляющим конторами Перовский приказал подготовиться к введению поземельного сбора и дать свои предложения по вопросу сосредоточения удельных имений. Побывав в Среднем Поволжье, Перовский еще в Казани поручил управляющему конторой осмотреть Казанскую губернию и дать свое мнение по поводу обмена казенных крестьян на удельных. В 1830 году управляющий Казанскою конторою сообщал в Департамент уделов о выполненном им поручении. В пространной записке управляющий конторою обращал внимание вице-президента на казенные земли между реками Волгой и Камой, на их плодородие, говорил, что он неоднократно слыхал «о сих истинно благословенных местах». Останавливаясь на селениях удельных крестьян, управляющий конторою констатировал бедное их состояние и предлагал многие из этих селений передать в казну[2].

Предложение казанского управляющего, по-видимому, не соответствовало задачам Перовского и он, как увидим ниже, обратил внимание на Симбирскую губернию.

После изучения удельного хозяйства Перовский в 1829 году представил министру двора Волконскому проект об обмене малодоходных удельных имений на казенные. Министр двора не замедлил представить царю всеподданнейший доклад в разрезе мнений Перовского о необходимости введения поземельного сбора и обменной операции. В своем докладе авторы утверждают, что существующий оброк на число душ удельных крестьян «неуравнительный» потому, что при взимании оброка не учитывается ни количество, ни качество земли, которая составляет главный и во многих губерниях «почти единственный источник дохода». Авторов доклада мало волновало то, что часть крестьян плохо была обеспечена землей, голодала, продавала скот и имущество для уплаты оброка и податей. Волкон-

[1] История уделов, т. 1, стр. 69—70.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 227, лл. 105 — 108.

ского и Перовского тревожило прежде всего то, что при подушном оброке удел, а в целом и правительство (имея ввиду государственных крестьян) многое теряют. «С другой стороны, — писали авторы доклада, — и само правительство лишается своих доходов от того, что подать, лежащая на малоземельных селениях, должна оставаться в недоимке, в то время, когда селения, богатые землями, платят оброк несоразмерный с выгодами, коими они пользуются»[1].

В основе министерского доклада лежали фискальные интересы, им в свое время уделял много внимания другой министр уделов, он же и министр финансов — Гурьев, который еще в 1823 году предложил ввести в казенной деревне поземельный сбор[2]. Как бы перекликаясь с Гурьевым, считавшим земли государственных крестьян «собственностью казны», Перовский и Волконский, в свою очередь, также считали, что крестьяне «при нынешнем образе взимания оброка с числа душ, а не с количества земли, утверждаются в ложном и для государства вредном понятии, будто бы земля удельная, казенная или помещичья, составляет собственность крестьян»[3]. Но на пути осуществления поземельного сбора в удельной деревне стояло существеннейшее препятствие: разбросанность удельных имений по 36 губерниям, отдаленность некоторых из них от руководящего центра, малоземелье удельных крестьян и малочисленность их в отдельных хозяйствах. Все это тормозило выполнение поставленных задач. Поэтому, — утверждали авторы доклада — «ближайшее средство к отвращению сего неудобства есть размен некоторой части удельных имений на казенный и наделение малоземельных удельных крестьян землею из казенного ведомства». Подобный обмен, по мнению докладчиков, принес бы несомненную пользу удельному ведомству еще и потому, что, во-первых, удельные имения будут сосредоточены в одном месте, а следовательно, расходы на управление ими сократятся, и во-вторых, обменная операция ликвидирует соседство с казенными и помещичьими землями, а вместе с этим прекратятся споры о границах владений.

Перовский и Волконский пытались показать и те выгоды, которые казне принесет обменная операция. Главная выгода для казны, по их мнению, состояла в том, что при введении для

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 229, лл. 134 — 135.

[2] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М. 1946, стр. 160.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1; д. 229; лл. 124—125.

государственных крестьян управления, подобно удельному, «весьма бы выгодно было для министерства финансов принять в свое ведение, в разных губерниях крестьян, уже приобыкших к предполагаемому порядку, приобрести имения совершенно устроенные»[1].

Волконский и Перовский хорошо понимали, что основой удельного хозяйства всегда была, есть и будет земля — богатство и важнейший источник дохода. Чем лучше будут обеспечены землею удельные крестьяне, тем исправнее они будут платить оброки; чем больше будет оброчных статей, тем выгодней можно их эксплуатировать. Большие надежды Перовский возлагал на удельные леса, и леса, действительно, оправдали мечты царедворца. Авторы всеподданнейшего доклада предлагали для «справедливого» размена удельных имений на казенные, взять за основу не число крестьян, а сумму платимого ими оброка. В заключение они настаивали на том, чтобы удельное хозяйство сосредоточено было преимущественно в низовых губерниях, «в коих находится уже значительная часть удельных имений»[2]. Низовой областью было принято называть при исчислении поземельной собственности в статистике губерний—Симбирскую, Саратовскую, а позднее и Самарскую. Выбор удельного начальства для концентрации своего хозяйства в Поволжье объяснялся тем, что там находилось сравнительно много свободных земель и большие массивы лесов. Только в Симбирской губернии в ведении казенной палаты насчитывалось свыше миллиона десятин оброчных статей и лесов. Государственные крестьяне Заволжья лучше других были обеспечены землей.

Ознакомившись с докладом Волконского и Перовского, царь согласился с введением поземельного сбора и обменной операцией[3]. Ни министр финансов, ни Государственный совет — не могли противиться воле царя тем более и потому особенно, что обменная операция служила выгодам императорского дома.

В ноябре 1829 года Департамент Государственной экономии, а в декабре того же года Государственный совет, рассмотрели проект министра императорского двора и объяснение по этому предмету Министра финансов и одобрили введение поземельного сбора и обменную операцию, в отношении которой говорилось, что «министр финансов не только не находит ника-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1; д. 229; лл. 124—125.

[2] Там же.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1; д. 299; л. 16;

кого со стороны казны препятствия, но руководствуясь общею пользою, изъявляет готовность споспешествовать всеми зависящими от него способами»[1]. Государственный совет, считая, что от такого обмена министерства двора и финансов получат взаимные выгоды, признал необходимым наделить удельных крестьян землею уравнительно с государственными крестьянами за счет государственных земель. Размен по решению Государственного Совета должен был произойти на основании следующих правил: удельное ведомство и казна получают один вид доходов, т. е. оброк, и, следовательно, при размене удельных имений на казенные, нужно принять за основание не число душ, а сумму платимого оброка. Государственный совет санкционировал то, чего добивались Перовский и Волконский.

Государственный Совет согласился с тем, что в удельном ведомстве остаются имения в Петербургской, Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Вятской, Пермской, Казанской, Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерниях—в губерниях близко расположенных к центру и экономически развитых, или там, где было наибольшее число земли и земли, притом, хорошего качества. В казну должны были перейти малодоходные или совершенно убыточные удельные имения: Пензенское, Тамбовское, Харьковское, Екатеринославское, Воронежское, Таврическое, Курское, Полтавское, Черниговское, Смоленское, Могилевское, Витебское, Псковское, Тульское, Калужское, Рязанское и Ярославское. Большинство перечисленных губерний были вообще малоземельными, в них крестьяне испытывали хронический земельный голод. О малоземелье государственных крестьян, в разряд которых впоследствии влились и бывшие удельные крестьяне, свидетельствуют данные таблицы, составленные Н. М. Дружининым на основании материалов ревизий 1836—1840 гг.[2].

Мы берем те губернии, в которых находились удельные крестьяне и предназначались к передаче в казну.

Средние размеры наделов на одну ревизскую душу (десятин)	Название губерний
2–3	Витебская, Курская, Тульская, Черниговская, Ярославская.

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1; д. 299; л. 16.
[2] Н. М. Дружинин; цит. работа; стр. 318.

Средние размеры наделов на одну ревизскую душу (десятин)	Название губерний
3—5	Воронежская, Могилевская, Калужская, Псковская, Рязанская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Тамбовская, Харьковская
5—8	Екатеринославская, Пензенская.

Таким образом, большинство государственных крестьян указанных губерний, как видно из приведенных данных, имели небольшие земельные наделы. Такие же примерно наделы в этих губерниях имели и удельные крестьяне.

Решением Государственного Совета в 1829 году Удельному ведомству предоставлялось право самому определять передачу в казну своих удельных имений и выбирать по своему усмотрению, с согласия министра финансов, казенные селения. При этом оговаривалось, что крестьяне, остающиеся в казенном ведомстве, не должны иметь жительства в одних селениях с удельными крестьянами, а также общей межи и границ. Государственный совет также санкционировал, чтобы селения, поступающие из одного ведомства в другое, переходили «со всеми теми землями, лесами, оброчными статьями и прочими угодьями, какими каждое из них владеет, в каком бы количестве те и другие не заключались». Удельное ведомство впоследствии очень широко реализовало на практике данную ему Государственным Советом привилегию — оно отобрало себе все то, о чем мечтало: плодородные земли, большие массивы леса, хорошие оброчные статьи[1].

Получив привилегию Государственного Совета, Департамент уделов не замедлил разослать управляющим контор распоряжение о доставлении предложений по реорганизации удельного хозяйства, указания, в каких именно уездах лучше всего сосредоточить удельные имения, в каких именно губерниях произвести обмен удельных крестьян на государственных крестьян[2].

Пока управляющие конторами собирали необходимые сведения, между министрами двора и финансов возникли некото-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1; д. 229; лл. 129—130.
[2] Там же; л. 131.

рые трения. Министр финансов кроме других требований ставил условием, чтобы при обмене имений, в губернии оставалось не менее ста тысяч государственных крестьян. Он предлагал также передать в удельное ведомство государственных крестьян Нижегородской губернии. Департамент уделов не согласился взять государственных крестьян Нижегородского удельного имения, потому, что оно являлось малодоходным, «почти все заволжские удельные крестьяне, по малому у них количеству земли нанимают оную у графа Орлова или занимаются промыслами, а некоторые, хотя и владеют большим количеством земли, но дурного качества и к плодородию неспособную». Возникли затруднения в разграничении лесов, находящихся в общем владении с казною и заводами в таких губерниях, как Костромская, Оренбургская, Вятская и Пермская, где находились удельные крестьяне и где предполагалось часть государственных крестьян передать уделам[1]. Возникли междуведомственные споры и по другим вопросам обменной операции. Эти споры между Департаментом уделов и Министерством финансов имели глубокие корни. Хотя министр финансов и заявил Государственному Совету о готовности «споспешествовать» обменной операции, однако на практике он продолжал прежнюю политику защиты «казенных интересов», так как государственный бюджет был крайне расстроен, недоимочность государственных крестьян все время возрастала. В 1828 году податные недоимки государственных крестьян составляли свыше 44 млн. рублей, а в 1831 году они увеличились до 52 млн. рублей[2].

Во время переговоров о способах обменной операции, Министерство финансов прилагало много усилий, чтобы поднять благосостояние государственных крестьян и этим самым улучшить государственный бюджет. Департамент уделов, защищая интересы императорской фамилии, не считался с затруднительным положением министерства финансов, он стремился получить в свое ведомство не только многоземельных крестьян, но и принадлежавшие казне леса и оброчные статьи.

Возникшие затруднения по обменной операции заставили удельное ведомство известить своих управляющих, что «предполагаемый размен удельных имений на казенные отлагается впредь до времени»[3].

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1; дело 227; л. 15.
[2] Н. М. Дружинин; цит. произв., стр. 100.
[3] ГАУО, ф. 342; оп. 1, д. 250; л. 188.

Передача государственных земель и крестьян Симбирской губернии в удельное ведомство.

Более 5 лет шли переговоры о способах обменной операции между удельным ведомством и Министерством финансов. Пока шли споры о том, какие казенные имения должны перейти в Удельное ведомство и как совершить самую обменную операцию, Департамент уделов тщательно изучал Симбирскую губернию, находившуюся в выгодных географических и климатических условиях, связанную с другими губерниями крупнейшим водным путем — Волгой. Здесь в Симбирской губернии, все способствовало концентрации удельного хозяйства в одном месте. Сама Симбирская губерния располагалась как бы в центре удельных имений: Казанского, Саратовского, Нижегородского и Оренбургского.

Изучив экономическое положение Симбирской губернии, министр императорского двора в 1834 году настойчиво просил соответствующие инстанции о передаче в удел всех казенных земель и крестьян Симбирской губернии, но уже без всякой замены со стороны удельного ведомства. Необходимость безвозмездной передачи казенных имений министр двора мотивировал тем, что общее количество удельных крестьян не доходило до нормы, определенной «Учреждением об императорской фамилии», в размере одного миллиона ревизских душ. Перед министром финансов встала диллема: или категорически возражать против передачи и сохранить в казне сотни тысяч крестьян, но не угодить царю, или, наоборот — поступиться интересами государственной казны в угоду венценосному помещику и сохранить свое положение в правительстве. Министр финансов предпочел второе, стал более сговорчивым и согласился передать государственных крестьян в удельное ведомство на условиях решения Государственного Совета.

25 января 1835 года последовал царский указ Правительствующему Сенату, в котором признавалось за благо произвести обменную операцию, а также утверждалось решение Государственного Совета об обмене государственных крестьян Симбирской губернии на крестьян малодоходных удельных имений. По этому указу всех государственных крестьян Симбирской губернии предлагалось передать в удельное ведомство со всеми землями, лесами, корабельными рощами, оброчными статьями и со всем делопроизводством, относящимся к этому предмету. В этом же указе говорилось, что хотя в Симбирской

губернии передаче в уделы не подлежат однодворцы, свободные хлебопашцы, лашманы и другие разряды крестьян, но всех их «для однообразного в губернии управления» также подчинить заведыванию удельного начальства. Взамен государственных крестьян Симбирской губернии, поступающих в удельное ведомство, указом предусматривалось передать удельных крестьян других губерний в казенное ведомство со всеми землями, лесами и оброчными статьями и так, «чтобы выгоды обоих сторон уравнены были уступкою надлежащего числа душ в других местах и чтобы казна от удельных крестьян по классам губернии, также от казенных оброчных статей и лесов получила тот же доход, какого лишится она с уступкою казенных имений»[1].

Итак, обменная операция состоялась, изменив как территориально, так и экономически положение удельных имений. Хотя Департамент уделов, при всей его настойчивости, не сумел отдать в казну всех непригодных для него удельных имений, находившихся в 25 губерниях, все же ему удалось отдать их в 18 губерниях: Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Курской, Палтавской, Черниговской, Смоленской, Могилевской, Витебской, Псковской, Тульской, Калужской, Рязанской, Ярославской, С. Петербургской (кроме Красносельского удельного имения).

В таблице приводятся данные об удельных крестьянах, перешедших в казну[2].

Наименование губерний	Количество крестьян, поступивших из удела в казну	Сумма оброков, платимая крестьянами в удел (руб.)	Следовало бы по окладам казенного ведомства (руб.)	Бывший удельный оброк меньше казенного (руб.)
Псковская	27395	174145	219160	45015
С. Петербургская . .	2827	26857	28270	1413
Воронежская . . .	20182	201568	201820	252
Харьковская . . .	1847	14947	18470	35522
Таврическая . . .	243	1944	2187	243
Екатеринославская .	1739	13912	15651	1739
Полтавская	555	4440	4440	—
Курская	7772	76311	77720	1409

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 451, лл. 9—10, ГАУО, ф. 322; оп. 1; д. 824. лл. 10—12.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4256, лл. 51—53.

Наименование губерний	Количество крестьян, поступивших из удела в казну	Сумма оброков, платимая крестьянами в удел (руб.)	Следовало бы по окладам казенного ведомства (руб.)	Бывший удельный оброк меньше казенного (руб.)
Черниговская	1341	6705	10728	4023
Пензенская	40217	361958	402170	40212
Ярославская	2096	25296	20950	—
Смоленская	60141	377764	541269	163505
Витебская	2163	16612	16222	—
Могилевская . . .	944	8557	7555	—
Калужская	36271	62930	62710	—
Тамбовская	35961	346390	359610	13220
Тульская	1343	18943	13430	—
Рязанская	2870	27040	28700	1660
Итого . .	215907	1765321	2031069	246749

Только в пяти губерниях — Ярославской, Витебской, Могилевской, Калужской и Тульской бывшие удельные крестьяне платили оброков больше, чем государственные крестьяне, но эти суммы были незначительны и составляли по всем указанным губерниям всего 11464 рубля. В остальных 13 губерниях удельные крестьяне, перешедшие в казну, платили оброков меньше, чем государственные крестьяне.

Передав в казну убыточные или малодоходные хозяйства, удельное ведомство избавилось от многих хлопот по выколачиванию недоимок и недоборов. Достаточно сказать, что удельные крестьяне Псковской и Смоленской губерний настолько обеднели, что за ними ежегодно числились сотни тысяч рублей задолженности.

Крестьяне многих других губерний, переданных в казну, находились не в лучшем положении: для малоземельных крестьян Черниговской губернии Департамент уделов ввел 3 — 5-рублевый оброк, вдвое — втрое меньший против десятирублевого душевого оклада в других губерниях. Департаменту уделов удалось передать в казну не только малоземельных крестьян, но и плохие земли.

При обменной операции удельное ведомство стремилось получить как можно больше земель, лесов и оброчных статей.

Приобретая огромные земельные богатства, оно не остановилось перед потерей 17 тыс. удельных крестьян, правда, экономически маломощных и малопригодных для эсплуатации. В конечном итоге обменная операция завершилась весьма удачно для Департамента уделов: в Симбирской губернии он получил 199.049 ревизских душ крестьян (по данным 1835 года), пахотной, сенокосной и под селениями земли 1.783.000 десятин, лесов и оброчных статей 1.092.000 десятин, а всего 2.875.000 десятин земельных и лесных угодий. Казна получила в 18 губерниях 215.907 душ удельных крестьян (по данным 1835 года), удобной и неудобной земли, единственного и общего владения 1.618.000 десятин земельных и лесных угодий. Суммарные данные свидетельствуют о том, кому была выгодна обменная операция. Департамент уделов от обмена получил на 1257 тыс. десятин различных угодий больше, чем отдал в казенное ведомство. На обменной операции было точно выполнено постановление Государственного Совета о том, чтобы принимать в расчет не количество и качество земли, а лишь доходы с крестьян, оброчных статей и лесов. Удельное ведомство передало в казну 213 тыс. десятин лесов, а получило из казны 1092 тыс. десятин лесов и оброчных статей, или на этой операции оно увеличило лесные угодья и оброчные статьи почти в 5 раз. Авторы «Истории уделов» писали, что при обмене «доход с лесов почти вовсе не был принят в расчет, так как казенные палаты, ведавшие тогда и казенными и удельными лесами, не могли дать определенных сведений о лесных доходах, да кроме того, во многих случаях дохода с лесов почти не поступало» [1]. Действительно, до 1835 года доходы с лесов в отчетах Департамента уделов совсем не упоминались. В 1835 году удельное ведомство получило лесного дохода 33 тыс. рублей, а с 1836 года по 1840 год около миллиона рублей [2]. Значительная часть лесных доходов падала на Симбирскую губернию.

В результате обменной операции удельное ведомство избавилось, наконец, от земель общего владения, а, следовательно, и от бесконечных споров, судебных тяжб, тянувшихся десятками лет.

В ежегодных денежных доходах от крестьянских оброков,

---

1 История уделов, т. 1, стр. 220.

2 Всеподданнейший отчет за 1839 г. стр. 41, Л. Яшнов, Исторический очерк лесного хозяйства и устройства межевой части в удельных лесах. Лесной журнал, выпуск IV, СПБ, 1905, стр. 980.

лесных угодий и оброчных статей также выиграло Удельное ведомство. Уже в 1835 году Удельное ведомство получило от вновь принятых крестьян и оброчных статей Симбирской губернии 2.206.130 рублей, в то время, как казна получила с бывших удельных крестьян и земель только 1856093 руб. или на 350 тыс. рублей меньше, чем получала раньше[1]. Кроме того, Министерство финансов ежегодно расходовало 150 тыс. рублей на управление бывшими удельными крестьянами и терпело убытков от такого обмена до 500 тыс. рублей в год. В действительности убытков было значительно больше, если учесть, что удельное ведомство передало в наследство Департаменту государственных имуществ 3280 тыс. рублей крестьянских недоимок [2]. Обменная операция 1835 года достигала своей цели, отвечала интересам царствовавшего дома в ущерб казне и государству.

В результате обменной операции удельные земли оказались сосредоточенными, главным образом, в Среднем Поволжье, число удельных крестьян в Симбирской губернии значительно возросло. По 8-й ревизии собственно удельных крестьян в губернии насчитывалось только 39844 души мужского пола и вновь было принято 199311 душ мужского пола, а всего, таким образом, оказалось 239155 душ удельных крестьян. Кроме того, поступило «в одно только удельное управление» лашман, свободных хлебопашцев, пахотных солдат, ямщиков, однодворцев и их крестьян 49645 душ мужского пола. Следовательно, в управлении Симбирской конторы оказалось удельных и других разрядов крестьян 288700 ревизских душ[3].

Теперь удельные крестьяне оказались во всех уездах Симбирской губернии, там, где их до этого или не было, или было, но очень мало. Об этом можно судить по данным таблицы:

Название уезда	Коренных удельных крестьян	Вновь поступивших в удел	ИТОГО
Симбирский	765	23731	24496
Карсунский	258	24248	24506
Буинский	39	20667	20706
Ардатовский	21678	12444	34122

[1] ЦГИАЛ ф. 515, оп. 10, д. 4256, л. 2.

[2] Там же, л. 2, 152, оп. 22, д. 181, л. 49.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 451, лл. 16—19, ГАУО, ф. 318; оп. 2; д. 81; оп. 1, д. 418, лл. 126—127, 262—263, 430, 346, 349; 458.

Название уезда	Коренных удельных крестьян	Вновь поступивших в удел	ИТОГО
Алатырский	12995	8087	21082
Курмышский	567	12402	12969
Сызранский	—	18343	18343
Сенгилеевский . .	123	18140	18263
Ставропольский . . .	2468	30730	33248
Самарский . . .	951	25069	26020
По всей губернии	39844	199311	239155

Обменная операция принесла уделу много оброчных земель, что давало полную возможность без ущерба для удельного ведомства уничтожить малоземелье отдельных селений, или повысить размеры душевых земельных наделов. Однако Удельное ведомство предпочло распределять те земли, которые уже находились в пользовании крестьян, но не оброчные статьи, приносившие немалые доходы императорской фамилии. Малоземелье крестьян особенно сильно сказывалось в северной части Симбирской губернии по Симбирскому, Буинскому, Карсунскому и Алатырскому уездам. В 30-х годах XIX века из 29 удельных селений Симбирского уезда 8 селений имело до 2 десятин земли, 7 селений—до 3 десятин, 5 селений—до 4 десятин и остальные 9 селений—от 5 до 6 десятин земли на одну ревизскую душу. Из 30 селений Буинского уезда 15 селений имели от 1 до 2 десятин земли, 8 селений по 3 десятины, остальные от 4 до 5 десятин земли на одну ревизскую душу. В лучшем положении находились удельные крестьяне Сызранского, Ставропольского и Самарского уездов, где крестьянские наделы в среднем равнялись 4—6 десятинам на одну ревизскую душу. Обменная операция для коренных удельных крестьян Симбирской губернии не принесла облегчения, они по-прежнему оставались на старых клочках земли, за которые платили высокие оброки. Государственные крестьяне, ставшие удельными, сразу же почувствовали всю тяжесть новой системы управления с многочисленными феодально-попечительными мерами удельного ведомства.

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 215, лл. 39—54.

* * *

В связи с обменной операцией в Симбирской губернии оказались сотни тысяч удельных крестьян и крестьян, попавших в административное подчинение удельного Департамента. Управляющий Симбирскою конторою получил власть над массой людей, которые подчинялись только удельным чиновникам. Скопление громадных крестьянских масс под руководством удельной конторы ставило ее в особое положение, придавало особый вес ее управляющему среди губернских чиновников. Управляющий удельной конторой считал свою власть чуть ли не выше губернаторской. На этой почве между губернатором и управляющим конторою стали происходить трения. Во избежание этого в 1835 году была выработана специальная инструкция — «Проект дополнительных статей о взаимных отношениях гражданского и удельного ведомства по Симбирской губернии»[1]. По этой инструкции гражданский губернатор должен был управлять вверенной губернией на общих основаниях, но не принимать участия «ни в каком случае в распоряжениях внутреннего сих имений (удельных — **Н. Г.**) управлений и устройства». По всем делам, касающимся удельных имений, губернатор мог сноситься с Департаментом уделов таким же порядком, как и с другими министерствами. Все действия представителей местной власти по отношению удельного управления должны были производиться с ведома и разрешения удельного начальства. При обозрении губернии губернатор осматривал удельные селения и свои замечания сообщал управляющему удельной конторой. Жалобы удельных крестьян на сельские удельные власти губернатор передавал тому же управляющему. Если жалоба поступала на самого управляющего, губернатор пересылал ее в Департамент уделов или министру императорского двора. Таким образом, удельные имения и их чиновники не подчинялись губернаторской власти; губернатор не вмешивался в распоряжения удельных контор, не приказывал управляющему и его чиновникам, а лишь докладывал по необходимости старшему начальству. Но там, где нужно было воспользоваться властью губернатора, когда нужно подавить крестьянские беспорядки и волнения, удельное ведомство всегда прибегало к его помощи. Венценосный помещик, защищая интересы удельного хо-

---

[1] ПСЗ, т. 11, 1836, № 9776; ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 451, лл. 21—24.

зяйства, вопреки законам, пошел на ограничение губернаторской власти.

Численно небольшой аппарат Симбирской удельной конторы не обеспечивал действенного контроля за большим количеством крестьян. Для усиления власти над удельными крестьянами весной 1835 года в помощь Симбирской конторе организовали 3 отделения — Сызранское, Алатырское и Буинское. Через несколько месяцев по докладу министра двора Николай I распорядился создать независимо от существующей Симбирской удельной конторы еще три: Алатырскую, Самарскую и Сызранскую[1]. В силу этого распоряжения Алатырское и Сызранское отделения переименовали в конторы и вновь учредили Самарскую контору. В результате реорганизации удельного хозяйства и создания 4 удельных имений, в ведении Симбирской конторы оказались удельные крестьяне Симбирского и Буинского уездов в количестве 54822 души мужского пола, Алатырской — крестьяне Алатырского, Ардатовского и Курмышского уездов в количестве 71942 душ мужского пола, Сызранской конторы — крестьяне Сызранского, Карсунского и Сенгилеевского уезда в количестве 64730 ревизских душ и, наконец, Самарской — крестьяне Самарского и Ставропольского уездов в количестве 62391 души мужского пола[2]. Лашманы, однодворцы, пахотные солдаты, свободные хлебопашцы и другие категории крестьян, попавшие в подчинение удельного ведомства, так же были распределены по конторам. С увеличением числа удельных контор, сельских приказов и удельных чиновников усилился контроль за всей хозяйственной деятельностью и бытом удельных крестьян, а следовательно усилилась их эксплуатация.

Крестьяне других наименований, попавшие в подчинение удельного ведомства

Именным указом 1835 года государственные крестьяне Симбирской губернии, не попавшие в разряд удельных крестьян, передавались только в административное подчинение местных удельных контор. Среди них насчитывалось 39553 ревизские души лашман, 672 ревизские души свободных хлебопашцев, 4117 душ пахотных солдат, 727 душ ямщиков, 4576

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 271, лл. 46—50, оп. 9, д. 45; л: 20,

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 437, л. 1.

душ однодворцев и их крестьян[1]. Как только Департамент уделов получил в свое подчинение перечисленных крестьян, перед ним возник существенный вопрос: «следует ли распространять на сих поселян все удельные постановления или ограничиться только сельским управлением, одинаковым с удельным, и вообще в чем должно заключаться управление **единообразное в губернии** — в указе не объяснено». Действительно, именной указ, составленный наспех, по своему содержанию во многих местах не согласовался с предыдущими законоположениями и, естественно, у чиновников удельного ведомства вызвал ряд недоуменных вопросов. Хотя в этом указе и говорилось, что перечисленные крестьяне передаются в одно лишь заведывание удельного ведомства для единообразного управления в губернии, но вместе с тем указывалось, что все спорные дела указанных крестьян с другими лицами должны проходить через казенную палату. Однако подобная практика только затрудняла бы действия удельной конторы и казенной палаты, которые не могли определить границы своей власти над этими крестьянами. Министр финансов рекомендовал удельному ведомству исходотайствовать высочайшее соизволение на то, чтобы все государственные крестьяне, за исключением однодворцев и их крестьян, по-прежнему выполняли возложенные на них повинности, а по хозяйственному управлению полностью подчинялись бы удельному начальству «с распространением на них всех удельных постановлений без исключения, наравне с удельными крестьянами»[2]. Этим разъяснением воспользовалось удельное ведомство и применило свои методы управления в отношении крестьян, вошедших в одно лишь заведывание удела. Однако крестьяне всех указанных выше категорий имели свои специфические особенности, с чем Департамент уделов вынужден впоследствии считаться.

Лашманы. Разряд крестьян — лашман образовался еще в первой четверти XVIII века в период бурного строительства русского флота в царствование Петра I. Лашманы, согласно указам, освобождались от некоторых повинностей, но были обязаны заготовлять для адмиралтейства корабельный лес, а во всем остальном подчинялись казенным палатам. В 30-х годах XIX века в Среднем Поволжье лашман насчитывалось более 160 тыс. душ мужского пола. После указа о передаче всех государствен-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 451, лл. 16—19.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1475, л. 52.

ных крестьян Симбирской губернии в удельное ведомство, министр двора обратился к морскому министерству с предложением оставить лашман в прежнем положении, т. е., чтобы они по корабельной части подчинялись адмиралтейству, во всем остальном казенной палате. Министр морского ведомства считал целесообразным переход лашман в полное распоряжение морского министерства соединив «в одном начальстве и полное ими распоряжение»[1]. Вскоре между министерствами завязалась оживленная переписка об определении ведомственной принадлежности лашман.

Департамент уделов не желал брать на себя обременительной обязанности по контролю за лашманской повинностью и попытался отказаться от лашман. Еще при подготовке проекта указа Правительствующему Сенату о передаче всех крестьян Симбирской губернии в удельное ведомство, министр двора Волконский предлагал статью о лашманах изложить следующим образом: «Находящихся в Симбирской губернии лашман оставить во всем, без исключения, на нынешнем положении в ведении морского министерства». Однако, против этого предложения возражал министр финансов Канкрин. Хотя мнением государственного Совета, — говорил он, — и признано полезным передать лашман в полное распоряжение морского министерства, но этим же мнением представлено тому же министерству составить особое положение о лашманах. Не имея утвержденного положения о лашманах, — продолжал Канкрин, — последние должны подчиняться морскому ведомству только по исправлению лашманской повинности. Все эти мнения о лашманах нашли отражение в именном указе Правительствующему Сенату 25 января 1835 года: лашман Симбирской губернии «впредь до нового их устройства» подчинить удельному управлению, оставив «во всем, без исключения, по исправлению лашманской повинности на нынешнем положении морского министерства»[2]. В 1835 году лашманы, таким образом, перешли в удельное управление.

В 30-х годах XIX века правительство в лашманской повинности в прежних размерах, по-видимому, уже не нуждалось и в 1837 году распорядилось сократить число лашман до 120 тыс. ревизских душ, а остальных 40 тыс. душ превратить в обыкновенных государственных крестьян. Более 11 тыс. лаш-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 659, лл. 2—5.
[2] Там же.

ман, находившихся в Симбирской губернии причислялись к удельному ведомству, остальные 28 тысяч лашман Тамбовской, Нижегородской и Пензенской губерний стали выполнять обыкновенные повинности наряду с другими государственными крестьянами[1].

До 1835 года лашманы выполняли только свою определенную повинность и платили государственные подати, теперь же, попав в новое управление, они должны были выполнить новые повинности, дополнительно к прежним. Для лашман, перешедших в удельное ведомство, вместо прежних волостей, были созданы сельские приказы, подобные удельным, с теми же функциями и правами. По распоряжению министра двора и с ведома царя, лашманы и крестьяне других категорий Симбирской губернии, подчиненные удельному начальству, все земельные споры, имущественные иски и тяжбы должны были производить обыкновенным порядком, установленным для удельных крестьян. Спорящим лашманам или однодворцам, не согласившимся с решением сельского приказа, разрешалось обращаться в суд без всякой санкции удельного начальства[2]. Однако распоряжения министра двора местное удельное начальство толковало по-своему и без всяких ограничений вводило среди крестьян всех разрядов удельное управление. Без разрешения удельного ведомства ни один крестьянин не мог отлучиться из селения. Жизнь лашмана была опутана удельным «попечительством».

Лашманы, перешедшие в удел, оказались под тройным гнетом — удельного начальства, морского министерства, местных административно-крепостнических органов и суда. Не было более бесправной категории крестьян, чем лашманы. Удельные чиновники требовали от лашман беспрекословного подчинения, вводили для них общественную запашку, поземельный сбор, дополнительные сборы на общественные и другие расходы. Уездные чиновники вкупе с удельными обманывали и обирали их. Лашманское начальство, в свою очередь, предъявляло к ним жесткие требования.

Лашманской повинностью непосредственно ведало Правление Низового округа корабельных лесов, которое действовало в лашманских селах совершенно самостоятельно, без ведома удельного начальства. Правление посылало в лашманские селения своих чиновников для раскладки повинностей, ревизии

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 458, лл. 2—9.
[2] Там же, д. 382, л. 325.

приказов, установления дополнительных повинностей и т. д. Оно требовало от лашманских приказов заводить особый учет и отчетность по лашманской повинности, устанавливать очередность крестьян по отбыванию ее, определять денежные расходы и производить сбор денег на содержание пеших и конных лашман[1]. Кабальные требования Правления Низового округа по отбыванию лашманской повинности разоряли многие лашманские хозяйства.

Круг обязанностей лашман определялся морским министерством. Последним положением о лашманах, изданном в 1817 году[2], лашманы обязаны были рубить лес, «сколько когда потребуется», вывозить деревья к пристаням и на большие поляны. Всем лашманам (130 тыс. ревизских душ) определялась средняя годовая норма: срубить 28 тыс. деревьев весом до 1,5 млн. пудов «сверх мачтовых и нужных для портовых и адмиралтейских строений». Представление о лашманской повинности дают следующие примеры. В 1835 году лашманы южного Сызранского уезда Симбирской губернии ездили в Казанский, Цивильский, Царевококшайский и Чебоксарский уезды Казанской губернии, где возили корабельный лес на Свияжскую, Соболевскую, Козловскую и другие пристани. Сотни людей, пешие и конные, ежегодно ходили и ездили из южных уездов Симбирской губернии в северные уезды Казанской губернии. В 30-х годах XIX века лашманы обычно от каждых 25 человек посылали одного конного или пешего работника. Так, в 1834 году 27900 лашман Симбирской губернии послали для работы в корабельные рощи 1100 конных и пеших рабочих[3]. Лашманы отправлялись на работу в корабельные леса в сопровождении сотских и десятских, которые наблюдали за работой своих односельчан. Если лашман самовольно уходил с работы, его штрафовали, если он плохо работал, то на его место чиновники могли нанять другого человека со стороны за счет той волости, откуда был прислан лашман. Отбывание лашманской повинности начиналось в октябре месяце и продолжалось в течение 60 последующих дней. Однако лашманская повинность была строго регламентирована: каждый из конных или пеших рабочих должен отработать определенный урок и только тогда мог возвратиться домой. Если же рабочие не укладывались в срок, корабель-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 659, лл. 8—9.
[2] Там же, оп. 10, д. 1475, л. 181.
[3] Там же, лл. 165—166, 170.

ное начальство могло задержать их и на более продолжительное время. При этом со стороны корабельного начальства было много злоупотреблений. Лашманская повинность являлась изнуряющей и обременительной для крестьян. Отправляясь в корабельный лес, каждый пеший крестьянин должен был иметь добротную одежду и обувь, два исправных топора, 34 рубля денег, кроме денег, следующих на проходы. Конный работник, кроме лошади, одежды, обуви и топоров, должен был иметь 85 рублей денег, кроме денег, нужных во время проезда на сборное место. Деньги эти собирались с крестьян тех приказов, откуда посылались лашманы. Таким образом, если лашманы Симбирской губернии в 1834 году послали 1100 человек крестьян на заготовку корабельной древесины, то они на 366 конных работников должны были собрать по крайней мере 31410 рублей и на 734 пеших работников 24956 рублей, что в итоге составляло 56360 рублей[1].

Вместо рекрутской повинности 120 тыс. лашман ежегодно посылали в корабельные леса 200 человек квалифицированных плотников и «показателей», способных определять качество поделочной древесины для кораблестроения. Все другие повинности за плотников и «показателей» круговой порукой отбывали крестьяне тех волостей, откуда они были назначены. Кроме плотников и «показателей» лашманы выделяли 1.200 человек сторожами корабельных рощ. Для этих сторожей крестьяне-лашманы строили дома и другие хозяйственные постройки; за сторожей лашманские волости и приказы отбывали как денежные, так и натуральные повинности[2].

Кроме перечисленных выше повинностей, лашманы платили оброки, казенные подати и отбывали остальные повинности наряду с удельными крестьянами[3].

К многочисленным и обременительным повинностям лашман присоединялся национально-колониальный гнет. Лашманы, в основном татары, веками эксплуатировались русскими и местными феодалами, царскими чиновниками, попами-миссионерами. Русский царизм во всем покровительствовал и способствовал этому. Царское правительство сознательно сеяло рознь между народами Поволжья, боялось их объединения против общего врага. В документах удельных контор и Департамента

---

1 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1475, лл. 182—195.
2 Там же.
3 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 920, лл. 48—49.

уделов содержится немало фактов бесчеловечного отношения к татарам, мордве и чувашам.

Положение лашман еще более ухудшалось запутанностью их землепользования. Дело в том, что еще в XVII веке предкам татар-лашман, служилым татарам, за их цареву службу давались казенные земли, именуемые в отводных актовых документах — **отводными.** Эти земли, как говорится в документах, отводились «четвертою мерою», кому «сто, кому более или менее, смотря, как видно, по возможности, с означением тех селений, при коих состояли отводимые земли» и «число лиц, наделяемых, коих иногда было человек до 50-ти и более»[1]. Но проходили годы и десятилетия, а население лашман все увеличивалось. Отдельные роды настолько разрослись, что из них образовались большие сельские общества. Но так как земля, отданная из казны предкам, переходила по наследству от отца к детям и все время дробилась, и там, где наследников по мужской линии было мало, образовалась категория крестьян **большеземельных,** а там, где наследников было много, и они получили небольшие земельные участки, из них образовалась категория **малоземельных** крестьян.

Татарские селения не были, конечно, каким-то исключением из общей закономерности общественного развития. Лашманская деревня не представляла чего-то единого. В ней в первой половине XIX века по мере развития товарно-денежных отношений происходило расслоение. Уже в XVIII веке богатые лашманы не довольствовались своими жалованными их предками землями, покупали земельные участки у бедняков-односельчан или у других владельцев. Малоземельные крестьяне, постоянно испытывая нужду, продавали свои участки не только односельчанам, но и татарам, живущим в других селениях. В начале XIX века поземельные отношения в лашманской деревне были так запутаны, что не всегда можно было найти действительного владельца земли. На запутанность земельных отношений в лашманских селениях обратило внимание удельное начальство, которому пришлось разбирать земельные тяжбы. В 30-х годах XIX века Симбирская удельная контора сообщала в Департамент уделов, что еще в начале XVIII века предки татары теперешних лашманов «стали перепродавать земли друг другу и людям посторонних селений, а из сего можно предвидеть, что кто более имел возможностей к покупке, тот становился еще

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 166, л. 598.

больше земельнее, а кто не имел возможности и продавал какую-либо часть из своего жребия, тот делался малоземельным». Чиновники удельной конторы пришли к заключению, что «из некоторых купчих видно, что продажи производили такие люди, коих предки в тех дачах никогда наделяемы не были, но значатся совсем других деревень, следовательно, такие продажи допускаемые были тогда без всякой разборчивости»[1].

В изучаемый период, когда земля с каждым годом приобретала все большую ценность, зажиточные татары пытались сохранить свои старые права на землю, а при удобном случае захватить участки и малоземельных крестьян. Все это и послужило причиной ожесточенной борьбы между большеземельными и малоземельными крестьянами. Земельные тяжбы обычно начинались с ссор и драк, затем эти тяжбы переходили в уездные, губернские суды и, наконец, в соответствующий Департамент Правительствующего сената. Как большеземельные, так и малоземельные татары представляли в суд свои земельные документы: первые просили суд утвердить записи на земли, жалованные их предкам, малоземельные отвергали документы большеземельных крестьян и доказывали, что «земля лашман есть общественная», а поэтому требовали разделить ее на число ревизских душ. Уездные и губернские суды обычно не удовлетворяли иска той или другой стороны крестьян. Центральные судебные инстанции, в свою очередь, дела часто пересылали обратно для уточнения существа земельного спора[2].

Вся эта, судебно-бюрократическая процедура обременяла большеземельных крестьян. Немало времени требовалось для того, чтобы снять спорные земли на план, указать на плане каждый загон как большеземельного, так и малоземельного крестьянина особо. Любой план земельных владений лашман говорит о раздробленности, чересполосности этих владений. Так, план на дачу деревни Татарской Бездны свидетельствует, что указанная дача «раздробилась более, нежели на 700 полевых участков, каждый же участок заключается во многом числе загонов»[3].

Когда лашманы перешли в ведение удельного ведомства, удельным конторам и Департаменту уделов пришлось заниматься разбором земельных тяжб между ними. Уже в 1835—

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 166, л. 599.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 166.
[3] Там же, д. 305.

1836 гг. посыпались жалобы большеземельных и малоземельных лашман на имя Департамента уделов и министра двора на неправильные решения уездных судов и Симбирской палаты гражданского суда об их землях. Чтобы прекратить долголетние земельные тяжбы между лашманами, для «введения обоюдного между ними спокойствия», управляющий Симбирской удельной конторы предложил радикальное средство: разделить земельные угодья между большеземельными и малоземельными крестьянами по числу душ, для чего «надобно при сильном и основательном убеждении разъяснить им силу законов, уничтожающих притязания на земли лашманские в личную собственность»[1]. Департамент уделов согласился с этим мнением и предложил управляющему объявить татарам, что земля «есть собственность казны, данная первоначально от правительства для поселения и исправления» повинности, и лашманы «не имеют лично права располагать ею, а должны пользоваться по назначению начальства». После подобного разъяснения последовали угрозы, чтобы лашманы, «как не имеющие права собственности на землю, не обременяли никого по сему предмету просьбами начальства, под опасением личной ответственности»[2].

Во исполнение распоряжения удельного ведомства в некоторых лашманских селениях произвели раздел земли на число наличных душ по добровольному между крестьянами согласию или по решению суда и высших инстанций[3]. В некоторых лашманских селениях и после вмешательства удельного ведомства, земельные споры не прекращались. Ни Департамент уделов, ни местное начальство не в силах были примирить малоземельных с большеземельными крестьянами[4].

Двумя царскими распоряжениями 1858 и 1859 годов лашман обратили в общий разряд государственных крестьян, «с оставлением тех из них, которые проживают в Симбирской губернии, где нет управления государственных имуществ, в заведывание удельного ведомства»[5]. Только реформа освободила симбирских лашман от удельного ведомства.

Однодворцы. Н. М. Дружинин в своей работе «Государ-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 166, лл. 602—604.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 251, л. 40.
[3] Там же, д. 262, л. 248.
[4] Там же, д. 765.
[5] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 930, лл. 1—2; ГАУО, ф 318, оп 1, д. 1180, л. 103.

ственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» раскрыл положение однодворцев-потомков «мелких служилых людей, поселенных когда-то на южной украинской границе, чтобы охранять ее от постоянных набегов астраханских и крымских татар. Однодворцы занимали промежуточное положение между дворянами и крестьянами: они получали от государства земельные участки под титулом служилого поместья, некоторые из них имели у себя одного или несколько крепостных, но большинство совсем не имело крепостных и жили всего-навсего одним двором» (отсюда название «однодворцы»). После образования регулярной армии, однодворцы влились в разряд государственных крестьян, сохранив свои особенности. Однодворцы Симбирской губернии по своему положению ничем не отличались от однодворцев, находившихся в других губерниях. Значительная часть однодворцев находилась в южной и юго-восточной части Симбирской губернии — Сызранском, Сенгилеевском, Ставропольском и Самарском уездах[2].

Землепользование однодворцев было крайне неравномерным. Пользуясь землею по наследственному праву, однодворцы, в связи с увеличением населения, все время ощущали острую нужду в земле. Только немногим однодворцам удалось удержать в своих руках значительные земельные угодья, остальные довольствовались незначительными клочками земли. Материальное благосостояние их ничем почти не отличалось от положения рядовых крестьян других категорий.

В тяжелом положении находились те однодворцы, которые имели чересполосное владение с помещиками. Помещики силой своей власти или другими путями все время старались прибрать к своим рукам однодворческие земли. В 1839 году законом о полюбовном размежевании был создан специальный институт посредников полюбовного специального размежевания земель. Однако, в большинстве случаев от полюбовного размежевания выигрывали одни помещики. Так, в 1844 году во время размежевания земель между помещиком Ознобишиным и однодворцами села Китовки Карсунского уезда, межевщики отрезали в пользу помещика много земельных угодий. Однодворцы оказали сопротивление помещику и посредникам, за что их осудили и некоторых сослали в Сибирь.

Некоторые однодворцы пользовались земельными угодьями совместно с удельными крестьянами уравнительно на число ре-

---

[1] Н. М. Дружинин, цит. произв., стр. 30.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1475, л. 4.

визских душ, хотя между самими однодворцами отсутствовало уравнительное землепользование потому, что большинство владело землею или на основании крепостных или купчих документов. Однодворцы вместе с другими разрядами крестьян, попавших в заведывание удельного ведомства, разделили участь основной массы удельных крестьян.

Пахотные солдаты и ямщики мало чем отличались от основной массы крестьянства. В положении пахотных солдат Казанской и Симбирской губернии происходил ряд изменений. Пахотные солдаты до 1816 года, по-видимому, пользовались некоторыми привилегиями в податном отношении. Это видно из решения Государственного Совета в 1816 году, по которому дети пахотных солдат с их семействами зачислялись как в подушный оклад, так и в рекрутскую очередь. Эта мера не была сразу осуществлена и через 2 года царским указом было отменено прежнее решение и повелевалось «впредь до особого о тех солдатах положения, сбор с них податей остановить». Пахотные солдаты, или гвардейские поселенцы, как они именовались в южных уездах Симбирской губернии, освобождались от этой повинности в течение ряда последующих лет. 15 апреля 1831 года на имя Правительствующего Сената последовал новый указ, по которому пахотные солдаты и пушкарские дети, за исключением унтер-офицеров из этого сословия, перечислялись в разряд государственных крестьян со всеми вытекающими отсюда последствиями. В 1832 году последовало новое распоряжение казенным палатам об освобождении от податей и повинностей семейств так называемых «малолетков» (детей отставных солдат) Казанской и Симбирской губерний в случае добровольного их поступления в военную службу. При этом оговаривалось, что уходивший на военную службу должен был пробыть в армии не менее 15 лет, за что две ревизские души, в виде льготы, освобождались в течение 15 лет от податей и других денежных повинностей. Когда в армию уходило два охотника из семьи малолетка, то в этом случае вся семья, независимо от ее числа, освобождалась от всех повинностей, за исключением земской. На основании указа все другие малолетки с 1832 года перечислялись в разряд пахотных солдат,[2], а следовательно вливались в число государственных крестьян.

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 81, л. 28; оп. 4, д. 39, лл. 12—15; ф. 325, оп. 1, д; 378; л, 113—124.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 1, д. 1475, л. 99—102.

Ямщиков насчитывалось в стране по 7-й ревизии 62227 душ. Они отбывали ямскую повинность натурою, поставляли рекрут наравне с другими крестьянами и освобождались от других денежных повинностей. Обременительная ямская повинность строго не регламентировалась, но в отношении ямщиков царил неслыханный произвол со стороны любого чиновника. По данным 1814—1816 гг. содержание почтовых станций обходилось ямщикам от 7 до 86 рублей ассигнациями на одну ревизскую душу. В первой четверти XIX века натуральная ямская повинность утратила прежнее значение и в 1824 году Положением Комитета Министров ямщикам разрешалось целыми обществами или отдельными семействами при определенных условиях перечисляться в разряд государственных крестьян[2]. Однако ямщики Симбирской губернии этим правом воспользовались только через 20 лет. Изведав прелести удельного управления, ямщики села Ямской Слободы обратились к властям с просьбой о перечислении их в мещанское сословие города Алатыря. В 1845 году Департамент уделов дал согласие на уход ямщиков в мещанское сословие, но однако с тем условием, чтобы их пахотная земля осталась в удельном ведомстве. Департамент государственных имуществ согласился с этим требованием и в 1847 году крестьяне Ямской Слободы освободились от Удела и стали алатырскими мещанами[3].

•

ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В СВЯЗИ С ПЕРЕДАЧЕЙ ИХ В УДЕЛЬНОЕ ВЕДОМСТВО

Государственным крестьянам и крестьянам других разрядов переход в удельное ведомство ничего хорошего не сулил. Стать удельным крестьянином — значит стать совершенно бесправным, навсегда потерять свои прежние, хотя тоже ничтожные права. Правительство прекрасно понимало всю важность передачи сотен тысяч государственных крестьян в удельное ведомство, оно боялось крестьянских выступлений в связи с этим актом. После обнародования указа в 1835 году о передаче государственных крестьян в удельное ведомство Николай I и его

---

[1] Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и оброков, т. IV, ч. I—II. СПБ, 1866. стр. 2 (примечание).

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1475, л. 102.

[3] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 48, лл. 36—37, 65, 108.

приближенные приняли все меры к тому, чтобы в Среднем Поволжье не повторилась пугачевщина.

В это время в Симбирскую губернию назначался губернатором Жиркевич. Министр внутренних дел Блудов, инструктируя Жиркевича перед его отправлением в Симбирскую губернию, дал, между прочим, такое наставление: в Симбирской губернии, «вследствие высочайшего повеления, все казенные крестьяне обращены в удельное ведомство. Это дело весьма важное и требует особенного и большого внимания». На приеме у товарища министра внутренних дел Строганова снова предупредили будущего Симбирского губернатора «о важности случая обращения казенных крестьян в удельные» и предложили,— по прибытии в Симбирск, — пишет сам Жиркевич, — чтобы «я даже не затруднял себя бы подробностями приема губернии, прежде, нежели вникну подробно и совершенно в ход сего важнейшего государственного дела, окончанием которого я успокою государя и их всех». Наконец, сам царь, напутствуя Жиркевича, сказал ему: «Теперь о другом: в Симбирске около 300.000 казенных крестьян по воле моей обращаются в удел. Дело новое и обширное. Это делается к собственному их благополучию, но как в деле новом, конечно, могут встретиться разные недоразумения, а более всего толки, несообразные с делом. Мне остается присовокупить, что я вверяю вам спокойствие более, чем миллиона людей, а на этом спокойствии основано и мое собственное» [1].

Приведенные цитаты из воспоминаний Жиркевича говорят о настроении правящих кругов Петербурга. Министрам и царю ясно было, что государственные крестьяне неохотно наденут хомут, именуемый уделом. В словах царя и его министров чувствовалась тревога и опасение за спокойствие Средневолжского края. На случай беспорядков в Симбирск направили чиновников, облеченных большими полномочиями.

В первые дни обменной операции крестьяне держали себя как будто бы спокойно. Губернатор Жиркевич сообщал министру внутренних дел, что крестьяне «таковое распоряжение правительства принимают с должным благоговением», что они принимают «сие за особенную к ним милость, высшего начальства». Однако государственные крестьяне, передаваемые в удельное ведомство, понимали, какое будущее их ждет. Управляющий

---

[1] Записки И. О. Жиркевича «Русская старина», 1878, июль, стр 412—418.

Симбирскою удельною конторю А. В. Бестужев, который по отзыву Жиркевича «не только пожертвует своими родными, женою, детьми и, ежели вера есть в нем, даже самим богом» — энергично принялся за осуществление обменной операции. В марте месяце 1835 года управляющий конторою отправился осматривать казенные селения Симбирского, Сенгилеевского, Сызранского и Буинского уездов, переходивших в удел. В свойственном ему стиле Бестужев нарисовал удельному Департаменту мрачную картину управления государственными крестьянами. В казенных селениях, — сообщил он, имеются «въезжие избы, куда земские суды и прочие чиновники полиции и судов собирались», что чиновники «снабжаются подводами без прогонов», что в волостных правлениях «канцелярский беспорядок в высочайшей степени», что волостные головы и писари получают несоразмерное числу душ жалование. Отметив много других недостатков в управлении государственными крестьянами, Бестужев заключил, что «виною тому бывшее безначалие», царившее в казенной деревне. Все эти беспорядки,— хвастливо доносил он своему начальству, — не согласные с удельным управлением «при проезде моем совершенно мною уничтожены»[1]. У Бестужева расчет был прост: он намеревался в своем донесении начальству показать бедственное положение государственных крестьян, а через несколько месяцев донести Департаменту уделов о благосостоянии и довольстве удельных, бывших казенных крестьян. Бестужев сообщал также Перовскому, что он «нашел в волостях Уржумской, Тумкинской, Рачейской, Томышевской и Благовещенской, коими проезжал, общую радость о перемене управления и надежду на лучшее»[2].

Радость вскоре сменяется разочарованием. В другом донесении Бестужев уже не был так оптимистичен, как в первом, он был вынужден сказать о тревоге, об отношении государственных крестьян к удельному ведомству. «Крестьяне Буинского уезда, — писал он, — вообще приметно грубее и необразованнее прочих и о обязанностях удельного управления не имеют никакого сведения». Крестьяне указанного уезда, — продолжал он, — «тому не имеют почти никакого понятия о новом своем положениии, и **коих еще немного тревожат слухи о трехдневной работе»**[3]. Бестужев в это время не

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 451, л. 13; ГАУО, ф. 318 оп. 1; д. 418. лл; 198—199.

[2] ГАУО, ф.318, оп. 1, д. 418, лл. 198—199.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 451, л. 14 (подчеркнуто нами — **Н. Г.**).

предполагал даже, что ему через несколько месяцев придется усмирять тысячи крестьян силою оружия.

Из писем Бестужева Перовскому видно, что удельное начальство стало быстро перестраивать бывшие казенные селения на удельный лад, вмешиваясь в личную и хозяйственную жизнь крестьян[1]. Государственные крестьяне, имеющие минимум хозяйственной и правовой самостоятельности, с переходом в новое управление теряли и эти, весьма малые преимущества. Вместо волости в бывших казенных селениях ввели сложную систему административно-чиновничьей опеки, начиная с чиновников удельной конторы, сельского удельного приказа и кончая целым штатом сельского управления. И если раньше крестьяне знали волостного голову-мироеда, капитан-исправника взяточника, то теперь им пришлось познакомиться с десятком удельных чиновников, приказных старшин, писарей, добросовестных, сельских старост, которые контролировали всю деятельность крестьян, драли с них шкуры в пользу удела, не забывая при этом и о себе. Будучи как-то в одной удельной, бывшей казенной деревне, жандармский подполковник Стогов спросил у крестьян, лучше ли им теперь. Один из крестьян ответил: «Теперь не в пример легче. Бывало, раз в год наедет исправник, выберешь жирного барана, взвалишь на плечи, да и прешь, ажно лоб не раз взопреет. А теперь наедут эти господа удельные, то и возьмешь хворостину, да и сгонишь, что есть на дворе, легко и споро. Теперь нам несравненно легче. Мы скоро и одежонки лишимся, какая была»[2]. В этой яркой характеристике прошлого и настоящего положения казенной — удельной деревни, данной крестьянином, было выражено общее мнение широчайших слоев трудящихся об удельном управлении, о его жестокой эксплуатации.

Получив приказ о переводе крестьян в удельное ведомство, губернские и уездные власти весною 1835 года решили довести его до сведения крестьян. И когда до государственных крестьян и лашман дошел указ о распространении на них обязанностей удельных крестьян, они насторожились, поняв, что удельное начальство их судьбу не облегчит. Настороженность перешла в протест, а затем в открытое неповиновение. Во многих селениях государственные крестьяне сурово встретили новое положение, «из чего произошли зловредные толки

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 418, лл. 197—199; ЦГИАЛ, ф. 515. оп. 9; д. 415, л. 9.

[2] Русская старина, 1878, декабрь ст. 697.

и суждения». В отдельных местах крестьяне встречали чиновников угрозами и даже кольями. Так, жандарма, сопровождавшего уполномоченного правительством для наблюдения за обменной операцией, государственные крестьяне Старого Мелекеса Ставропольского уезда сильно помяли и даже «хотели бить кольями»[1].

Крестьяне были настолько раздражены своим новым положением, что достаточно было малейшего повода, чтобы они отказывались повиноваться удельным властям. В апреле 1835 года дворянский заседатель Сызранского земского суда и чиновник удельного ведомства отправились в перешедшие в удел селения Сайман и Езикееву, где жили татары и чуваши. Чиновники вместе с землемером и воинской командой должны были по решению Сената отрезать у крестьян указанных селений 900 десятин земли в пользу помещицы Нефедьевой. На сельском сходе чиновники потребовали от крестьян, чтобы в поле, кроме поверенного, никто из крестьян не выходил. Несмотря на приказание начальства, 700 крестьян пешие и конные с домашним скотом отправились на межу, чтобы отстоять свою землю. Как только землемер начал вести межевую линию, крестьяне набросились на чиновников, затем на солдат, и последних сбросили в речку, понятых избили. Не довольствуясь этой победой, крестьяне окружили и обезоружили солдат, а чиновников погнали в деревню Пискаловку «верхом с имеющимися в руках нагайками» и «били их беспощадно»[2]. Только при помощи новой военной команды сопротивление крестьян было подавлено. Решением Сената 10 человек наказали плетьми, а руководителя крестьянского бунта Хамбека Баязытова сослали в Сибирь на поселение.

Не только на бывших государственных крестьян, но и на лашман стало распространяться удельное управление. Удельные чиновники вмешивались в личную жизнь лашман, стремились искоренить старые обычаи и привычки, упразднить многоженство, даже лишить их старой магометанской веры и навязать лашманам православие. Но удельное начальство пошло еще дальше. В 1835 году управляющий Симбирскою удельною конторою распорядился ввести общественную запашку для бывших государственных крестьян и лашман. Департамент утвердил это распоряжение с одним дополнением, чтобы в быв-

[1] ЦГАДА, Сенатский архив, опись 6 департамента, д. 18 176, лл. 5—6.
[2] Там же д. 20262, лл. 207—441.

ших казенных селениях отрезать для общественной запашки по одной десятине земли на 100 душ, отменив существовавший хлебный сбор натурою на случай неурожая[1].

Общественная запашка и явилась поводом к восстанию лашман весною 1836 года. Удельные чиновники, извлекавшие большие доходы для себя от общественной запашки, энергично взялись за введение ее в лашманских селениях. Лашманы, недовольные новым положением и этой тяжелой повинностью, восстали. В волнении приняло участие до 40 тыс. крестьян-лашман Симбирского, Буинского и Курмышского уездов. Центром восстания стало село Бездна, Буинского уезда. В это село из других селений начали съезжаться татары для обсуждения своего настоящего и будущего положения. В это же время в село Бездну приехал управляющий Симбирскою конторою со своими чиновниками для наблюдения за введением запашки. Взвинченные и без того татары не только отказались разговаривать с начальством, но быстро сели на коней и с гиканьем, загнав чиновников вместе с управляющим в пустую избу, заколотили ее.

Перепуганное губернское начальство попыталось подавить волнение крестьян силою, но войск в Симбирске было мало. Тогда прибегли к излюбленному методу обмана. Жандармский подполковник Стогов тайно пробрался в село Бездну, также тайно снесся с муллой, а последний ночью тайком созвал у себя богатых татар. Стогов на негласном совещании нарисовал татарам страшную картину расправы над ними, пригрозил им ссылкой в Сибирь, отдачей в рекруты. Несмотря на энергичные меры со стороны губернских властей, управляющий Симбирскою удельною конторою доносил в Департамент уделов о недостаточных мерах борьбы с лашманами со стороны губернатора Жиркевича и жандармского офицера Стогова. Вскоре Бестужев сам поспешил в Петербург за помощью.

Правительство встревожилось. В Симбирск направился с неограниченными полномочиями генерал-адъютант Лобанов-Ростовский. В Симбирске он узнал, что татары не желают подчиняться удельным чиновникам и немедленно выехал в лашманские селения. После безуспешной попытки заставить лашман обрабатывать общественную запашку, в лашманские селения были направлены войска, которые подавили сопротивление восставших татар. Без суда многих участников крестьянского

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 271, л. 695.

восстания наказали, 30 человек отдали в рекруты, 4 сослали в Сибирь на поселение[1].

Весною 1836 года против удельного управления и общественной запашки выступили лашманы двух селений — Тимошкиной и Калды Сенгилеевского уезда. Крестьяне на одной из самовольных сходок сменили неугодного голову Старо-Тимошкинского приказа и избрали себе нового старшину. Сопротивление и этих крестьян было сломлено, а виновные в беспорядках наказаны[2].

Несмотря на жестокую расправу, лашманы не успокоились. Они неоднократно группами селений обращались в Петербург с просьбой оставить их в прежнем состоянии, в числе государственных крестьян. Лашманы селений Можарова Майдана и Цыльны Симбирского уезда в 1836 году послали через своего поверенного министру финансов просьбу об освобождении их от удельного ведомства. В том же году с такой же просьбой лашманы 5 селений Буинского уезда обратились в Департамент уделов, а затем к царю[3]. Ответ на все просьбы крестьян-лашман был один — во всем подчиняться новому удельному начальству, а бунтовщиков наказывать.

Государственные крестьяне, переведенные в разряд удельных крестьян, в 1837 году снова бурно восстали против удельного управления. Волнения крестьян начались уже ранней весной 1837 года в Тумкинском, Сызранском, Сенгилеевском и других приказах. Зачинщиками беспорядков были крестьяне Тумкинского приказа, в котором насчитывалось до 4 тыс. ревизских душ. Центром крестьянского сопротивления стало село Горюшки. В начале апреля 1837 г. крестьяне оказали неповиновение местным удельным властям. Местные власти в течение 2 месяцев не сумели привести крестьян к повиновению. 14 июня туда выехал губернатор и жандармский офицер Стогов. Губернатор пытался убедить крестьян добровольно подчиниться удельным властям и приступить к выполнению обязанностей в пользу удела. На слова губернатора крестьяне ответили громкими криками. Стогов впоследствии доносил своему на-

---

[1] Материалы для истории крепостного права в России. Извлечения из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836—56 гг. Берлин, 1872 (на обложке 1873), стр. 2; Записки И. С. Жиркевича. Русская старина, 1878, июль, стр. 412—422: сентябрь, стр. 33—54. Э: Стогов. Очерки, рассказы и воспоминания. Русская старина, декабрь, стр. 658—687, 697—703.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 1475, л. 2.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 12, д. 796, л. 1; ГАУО, ф. 318 оп. 1; д. 392; лл. 91—99.

чальнику, что в общем шуме только и «слышалось, что лучше в солдаты, в Сибирь и на смерть, чем повиноваться уделу». Увещевания не помогли, и губернские власти прибегли к силе. Военная команда численностью в 150 человек при 15 жандармах применила к крестьянам жестокие меры экзекуции, перепорола массу людей, но крестьяне не раскаялись в своих поступках. Крестьяне, по их словам, предпочитали лучше смерть, чем подчинение удельному ведомству[1].

Неповиновение бывших государственных крестьян произошло в мае 1837 года в селениях Рачейка, Студенец, Алешкиной и Смолькиной. На почве недовольства удельным управлением разыгрались крупные события в нескольких селениях Сызранского уезда среди бывших государственных крестьян[2]. Губернские власти почти ежедневно получали сообщения из мест о волнении крестьян то в одном, то в другом, или сразу в нескольких селениях. Узнав об одном из крестьянских волнений, жандармский офицер Стогов писал: «Мы опять на войну! Опять ослушание удельных крестьян. Грустно видеть народ, доведенный до крайности»[3]. Массовые крестьянские волнения весною и летом 1837 года, направленные против удельного ведомства, настолько напугали местные и губернские власти, что жандармский офицер Стогов слезно просил Бенкендорфа «хотя бы на два года поставить в Симбирской губернии дивизию войск»[4].

Обмен государственных крестьян на удельных явился причиной крестьянских выступлений не только в Симбирской губернии. «Симбирский обмен» явился поводом мощного волнения государственных крестьян и угнетенных национальностей Пермской и Оренбургской губерний в 1834—1835 гг. «Огромная территория, — писал Н. М. Дружинин, — состоящая из 3 уездов Пермской губернии и из 5 уездов Оренбургской, с десятками тысяч башкир и государственных крестьян была охвачена массовым нарастающим возмущением»[5].

В 1836—1837 гг. волнения государственных крестьян вспыхнули во многих уездах Саратовской губернии. Наиболь-

---

[1] Г. И. Богатикова, Реформа удельных крестьян, 1863 г. Канд. диссертация. М., 1956 г., стр. 134—135.

[2] Там же, стр. 135; Э. Стогов, цит. работа, стр. 692—695.

[3] Г. И. Богатикова. Цит. работа, стр. 135.

[4] Там же, стр. 136.

[5] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1. М., 1946, стр 243.

шей остроты достигли они в Шалкинской волости соседнего с Симбирскою губернией Хвалынского уезда. Основная причина этих волнений — нежелание государственных крестьян попасть в удельное ведомство[1].

«Симбирский обмен» способствовал обострению классовой борьбы в стране. Крестьяне Среднего Поволжья, Саратовской, Пермской и Оренбургской губерний путем открытых выступлений протестовали против произвола царского правительства и его исполнителей, против превращения сотен тысяч государственных крестьян в крепостные императорской фамилии дома Романовых.

Выводы: Департамент уделов уже в первое десятилетие своего существования понял нерентабельность отдельных удельных имений, разбросанных далеко от центра управления и не приносивших существенного дохода удельному ведомству. Мелкие обменные операции в первой четверти XIX века не способствовали концентрации удельного хозяйства и удельных крестьян. Малодоходные, а в отдельных случаях убыточные удельные имения (Смоленское, Псковское и другие), кроме забот по выколачиванию крестьянских недоимок, ничего другого не давали.

С другой стороны, в условиях кризиса социально-экономической системы сама жизнь диктовала удельному ведомству необходимость концентрации удельных крестьян и всего удельного хозяйства в целях более интенсивной их эксплуатации. Поэтому обменная операция 216 тыс. удельных крестьян в 18 губерниях страны на 199 тыс. государственных крестьян одной Симбирской губернии — достигала цели, отвечала интересам царствовавшего дома в ущерб казне и государству. В результате обмена Департамент уделов приобрел сотни тысяч десятин лучших земельных угодий, отдав в казну малодоходные удельные имения и малоземельных удельных крестьян.

Обменная операция способствовала сокращению управленческого аппарата, а следовательно и управленческих расходов. Вместо 15—17 удельных имений, переданных в казну, в которых числились сотни чиновников, удельное ведомство в Симбирской губернии создало только три новых конторы.

С концентрацией удельных имений в Среднем Поволжье значительно повысился хозяйственный контроль за ними со сто-

---

[1] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М., 1946, стр. 234.

роны центрального аппарата удельного ведомства, а следовательно повысились и доходы от удельного хозяйства.

Обменная операция 1835 года нанесла огромный ущерб дворянскому государству: только на оброках с крестьян и оброчных статьях казна потеряла сотни тысяч рублей в год. Однако, против этого обмена никто не мог возражать — ни Государственный Совет, ни министр финансов, по той простой причине, что это делалось в угоду первому помещику России — Романову. По воле царя двести тысяч государственных крестьян попало в феодальную зависимость от императорской фамилии, десятки тысяч лашман, пахотных солдат, однодворцев и ямщиков оказались в кабале удельного ведомства.

Обменная операция способствовала введению и расширению поземельного сбора в удельной деревне и дальнейшему ухудшению материального положения народных масс.

Как только государственные крестьяне попали во власть удельного ведомства, они высказали свое отношение к новым порядкам беспрерывными волнениями. С крестьянами Симбирской губернии солидарны были крестьяне соседних губерний. В знак протеста и боясь попасть в разряд удельных крестьян, десятки тысяч государственных крестьян Саратовской, Пермской и Оренбургской губерний восстали, в отдельных местах месяцами они оказывали сопротивление царским властям. Крестьянские волнения 30-х годов XIX века все более расшатывали и ослабляли устои феодально-крепостнической системы, они расчищали пути новому капиталистическому укладу.

РАЗДЕЛ II

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ СБОР В УДЕЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ — ОДНА ИЗ ФОРМ УКРЕПЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ.

Общие замечания. Поземельный сбор, как своеобразная форма феодальной ренты, существовал с 1830 по 1863 год и был отменен вместе с отменой крепостного права в удельной деревне. Поземельный сбор ввели тогда, когда появились явные признаки кризиса феодально-крепостнического уклада самодержавной России, когда назрел конфликт между развивавшимися производительными силами и феодальными производственными отношениями.

30—50 годы XIX века отличаются от предшествующего периода глубокими противоречиями в развитии экономики страны, напряженной борьбы нового капиталистического уклада с изживавшей себя крепостной системой. В это время в промышленности происходят не только количественные, но и качественные изменения. В обрабатывающей промышленности принудительный труд вытесняется вольнонаемным трудом. В 1825 году процент принудительного труда на предприятиях обрабатывающей промышленности равнялся почти 47, а к 1860 году он сократился до 18 . В то же время происходит интенсивный процесс превращения мануфактуры в механизированную фабрику. Академик С. Г. Струмилин писал, «что российская промышленность еще в крепостной период — в особенности с 30-х годов, а еще заметнее с половины 40х- годов — вступила в ту полосу весьма радикальной своей перестройки и бурного роста, которые в Англии известны под названием промышленного переворота»[1].

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве, хотя по темпам оно во много раз отставало от развития промышленности, все же характеризовалось заметными сдвигами, вызванными экономическим развитием страны. «30 — 50 годы XIX века,—пишет Н. М. Дружинин,—были временем не только роста сельскохозяйственных обществ и агрономической прессы, но и прогрессирующего применения усовершенствованных орудий и земледельческих машин — сеялок, молотилок, веялок, жаток и пр. Передовые помещики и зажиточные крестьяне приобретали как импортные, так и русские машины, заменяли трехполье плодопеременом, переходили к травосеянию и усиленному удобрению пашни, расширяли посевы сахарной свеклы, картофеля, масличных и технических растений»[2].

В это время еще больше усиливается феодальная эксплуатация крестьянских масс, обостряются антагонистические противоречия между феодальными собственниками земли и производителями материальных благ. Помещики, повышая оброки, увеличивая барщину, постепенно сокращали крестьянские наделы, увеличивали свою запашку. Если в конце XVIII века в чер-

---

1 С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. Госполитиздат, 1944 г., стр. 36.

2 Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. М., 1955 стр. 26.

ноземных губерниях помещичья запашка составляла 28,0 проц., а крестьянская—72 проц., то в середине XIX века помещичья запашка увеличилась до 49 проц., а крестьянская запашка сократилась до 51 проц. Подобное сокращение крестьянских наделов и увеличение помещичьей запашки, хотя и в меньшей степени, происходило и в губерниях нечерноземной полосы[1].

Обезземеливание крестьян, увеличение дворовых и крестьян — месячников — также свидетельствовало о нарастании кризиса крепостной системы. «Рост числа месячников и числа дворовых доводит этот процесс до своего логического предела, ликвидирует одно из условий феодального производства — наличие у непосредственного производителя средств труда и заинтересованность в труде»[2].

Те же процессы обезземеливания крестьянства, но другими путями, происходили в это время и в удельной деревне. Поземельный сбор не только сократил крестьянские наделы до 20—30 проц., но и увеличил до 40—50 проц. феодальную ренту.

Увеличение податного и оброчного бремени, дальнейшее обезземеливание крестьян всех разрядов, усиление внеэкономического принуждения — все это привело к дальнейшему обострению классовой борьбы между крестьянскими массами, с одной стороны, помещиками и дворянским государством, с другой.

Проекты введения поземельного сбора

Помещики-крепостники и Департамент уделов, созданный для эксплуатации удельных крестьян, прекрасно понимали, какое значение имели земли для укрепления своей власти над крестьянскими массами. Они смотрели на землю как на безраздельную и неотъемлемую дворянскую собственность, а на крестьян — как на своеобразных арендаторов, которые землю только в «найме содержат». Русский экономист, видный государственный деятель конца XVIII и первой половины XIX века Н. С. Мордвинов писал, что земля является главнейшим источником доходов как помещика, так и всего государства. Поэто-

---

[1] Н. П. Огановский. Наделение землей помещичьих крестьян. М.; 1913; стр. 31.

[2] Н. А. Цаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, М., 1956, стр 55.

му, — рассуждал крепостник Мордвинов, — следует создать такую систему податного обложения крестьян за пользование помещичьей землей, чтобы она давала максимальные выгоды[1].

Из этого принципа в 1797 году исходили и авторы закона «Учреждение об императорской фамилии», проектируя введение поземельного сбора в удельной деревне вместо подушного оброка. Однако удельному ведомству не удалось сразу отменить оброк и ввести поземельный сбор, во-первых, потому, что Департамент уделов, созданный в год издания названного закона, не знал, сколько в распоряжении удельных крестьян имеется земли и какого она качества, во-вторых, поземельный сбор в России был делом совершенно новым (в том смысле, как он проводился позднее).

Вскоре идея о поземельном сборе заинтересовала не только удельных чиновников, но и все царское правительство. Введение поземельного сбора в широких размерах не только в удельной, но и казенной деревне — вот средство для оздоровления государственной казны, для улучшения помещичьего благополучия — рассуждали крепостники. Ярыми и последовательными защитниками поземельного сбора были министры уделов, они же иногда и министры финансов, они же крупные сановники других государственных учреждений.

В 20-х годах XIX века особенно остро встал вопрос о повышении доходности расшатанной государственной казны, а следовательно, и повышения податного обложения государственных крестьян, о преобразовании в этих целях казенной деревни. Посыпались проекты по преобразованию быта казенной деревни. В проектотворчестве не последнее место занимала идея введения поземельного налога. Являясь последовательными защитниками удельного управления некоторые проектирующие предлагали ввести в казенной деревне то же управление, регламентировать жизнь государственных крестьян, подобно жизни удельных, и таким образом, ликвидировать минимальную юридическую самостоятельность государственных крестьян. Министр финансов Гурьев, бывший в то же время и министром уделов, в своих проектах по преобразованию казенной деревни особое внимание уделял порядку землепользования удельных и государственных крестьян. Все эти проекты глубоко проанализированы Н. М. Дружининым в его работе «Госу-

[1] Архив гр. Мордвиновых, т. 3, стр. 144.

дарственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». Мы возьмем из этих проектов лишь то, что касалось поземельного сбора.

Наряду с другими предложениями, изложенными в гурьевском проекте, было предложение о введении поземельного сбора, что вскоре и осуществилось в удельной деревне. «Пятым и очень важным принципом гурьевского проекта, — писал Н. М. Дружинин, — была коренная реорганизация оброчной системы: взамен неуравнительного подушного сбора проектировалось ввести поземельное обложение, соответствующее количеству и качеству земли, находящейся в пользовании каждого домохозяина»[1]. Гурьевский проект, — замечает Н. М. Дружинин,—«представляет особое своеобразное сочетание буржуазных и феодально-крепостнических наслоений. Разрушая поземельную общину и насаждая индивидуальное землепользование, он создавал благоприятные условия для развития хозяйственной предприимчивости и капиталистического накопления. Санкционируя классовое расслоение деревни и ставя в привилегированное положение имущую верхушку, проект форсировал процесс развития буржуазных отношений[2].

На смену неосуществленному в казенной деревне проекту Гурьева был выдвинут новый проект переустройства казенной деревни, составленный министром финансов Канкриным, который приравнивал казенные имущества к удельным. Иными словами, он хотел поставить государственных крестьян на положение удельных, — частнособственнических крестьян императорской фамилии. Однако и этот проект не был проведен в жизнь. В январе 1826 года против проекта Канкрина выступили члены Департамента экономии Государственного Совета. Удельное управление, даже в понятии членов Департамента экономии, было несовместимо с основными принципами управления казенной деревней. Оппоненты проекта не видели «никакой гарантии улучшения быта казенных крестьян в результате введения удельного управления»[3].

Пользуясь поддержкой Николая I, Канкрин все же ввел удельное управление в казенной деревне Петербургской и Псковской губерниях. Канкрин настаивал на том, чтобы ввести такое управление в других губерниях. По воле самодержца

---

[1] Н. М. Дружинин Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946, стр. 160.

[2] Там же, стр. 161.

[3] Там же, стр. 167.

проект Канкрина прошел в Государственном Совете и появилось «Положение 24 июня 1826 года». На основании этого «Положения» удельное управление вводилось постепенно, «в первый раз в виде опыта, на казенных крестьянах в губерниях Санкт-Петербургской и Псковской», а впоследствии «и в прочих губерниях по особым каждый раз высочайшим разрешениям»[1]. Полностью этот закон в жизни не был осуществлен.

Вслед за проектами Гурьева и Канкрина появляются проекты о преобразовании казенной деревни князя Куранина, а затем Сперанского. Князь Куранин многое заимствовал из гурьевского проекта и пытался, как и Гурьев, ввести в казенной деревне индивидуальное землепользование и поземельный сбор вместо подушного оброка. Этот проект был рассмотрен 6 декабря 1826 года и не принят. Сперанский проектировал сохранить в казенной деревне общинное землепользование, но «постепенно» преобразовать его в институт семейного наследственного землепользования[2]. Сперанский выступал за прекращение переделов земли и принудительное переселение крестьян.

Сперанский, а за ним граф Кочубей и другие, предлагали ввести в казенной деревне поземельный сбор. Долго спорили сановники — вводить или не вводить поземельный сбор в казенной деревне. Споры сановников во время обсуждения многочисленных проектов по преобразованию казенной деревни не прошли даром для удельных чиновников. Департамент уделов вынашивал планы по введению поземельного сбора в удельной деревне, жадно прислушивался к этим спорам, тщательно изучал проекты. В разгар этих дебатов он приступил к подготовительной работе по введению поземельного сбора. Апологеты поземельного сбора в удельной деревне и, главным образом Перовский, много заимствовали из этих проектов.

Известно, что основная цель введения поземельного сбора в удельном хозяйстве заключалась в повышении дохода Департамента уделов для материального обеспечения царской фамилии. Подготовляя введение поземельного сбора, удельное начальство настойчиво добивалось у правительства концентрации удельных имений в черноземных и многоземельных губерниях. Удельный Департамент добился своего: в 1835 году вместо 34 губерний, удельные крестьяне были сосредоточены только в 18.

---

[1] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М., 1946, стр. 168.

[2] Там же, стр 183.

Размещение удельных крестьян в стране до и после Симбирского обмена[1]

Размещение удельных крестьян до 1835 года по губерниям	Число душ кр-ян по 8 ревизии	Размещение удельных крестьян после 1835 года	По 10 ревизии
Астраханская, Архангельская, Владимирская, Вятская, Вологодская, Казанская Костромская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Орловская, Пермская, Саратовская, Тверская, Симбирская, **Псковская, С. Петербургская, Воронежская, Харьковская, Таврическая, Екатеринославская, Полтавская, Курская, Черниговская, Пензенская, Ярославская, Смоленская, Витебская, Могилевская, Калужская, Тамбовская, Тульская, Рязанская.**		Астраханская, Архангельская, Владимирская, Вологодская, Казанская, Костромская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Саратовская, Орловская, Пермская, Симбирская, Тверская, С. Петербургская (Красно - сельское имение) Уфимская.	
Всего удельных крестьян по 34 губерниям	798834 рев. души	Всего удельных крестьян по 18 губерниям	841500 рев. душ

Не ожидая окончания обмена, Департамент уделов в 1828—1829 гг. готовился к замене подушного оброка поземельным сбором. Инициатором и исполнителем оброчной системы стал Перовский. Хорошо зная проекты о введении поземельного сбора, будучи в курсе споров и мнений за и против проектов, а главное, ознакомившись непосредственно на месте с экономическим состоянием и бытом удельной деревни, Перовский пришел к выводу о необходимости усиления эксплуатации удельных крестьян — об обязательном введении в удельной деревне поземельного сбора. Стремясь таким путем увеличить доходы удельного ведомства, умный крепостник и карьерист Перов-

[1] Удельные крестьяне выделенных губерний перешли в казну.

ский переходит к активным действиям, причем действует очень тонко.

В 1830 году министр двора Волконский представил царю доклад о преобразовании податного обложения в удельной деревне. Автором этого доклада, несомненно, был Перовский. В докладе Волконский утверждал, что критерием уравнительного сбора оброков с крестьян должна служить земля, как основной источник крестьянских доходов; сумма оброка должна повышаться или понижаться в зависимости не только от количества, но и качества земли. Волконский утверждал, что претворение в жизнь 116 параграфа «Учреждения об императорской фамилии» принесло бы несомненную пользу как отдельным имениям, так и вообще всему государству. В докладе царю доказывались и другие преимущества поземельного сбора, в частности указывалось на то, что сбор уравнял бы «крестьян в платеже оброка, увеличил бы доход без отягощения и на самом справедливом основании послужил бы даже полезным примером для частных владельцев, имеющих оброчные поместья»[1].

Поземельный сбор, как мы увидим ниже, определял заранее долю прибавочного труда, присвояемого владельцем земли, а вместе с этим предоставлял крестьянам относительную свободу хозяйственной деятельности. Поэтому вся деятельность удельного начальства имела определенную направленность: увеличить денежную ренту при помощи поземельного сбора, и на его основе повысить производительность труда путем улучшенной обработки земли, путем применения образцовых усадеб, разведения племенного скота и тонкорунного овцеводства, наконец, путем развития сельских ремесел и промыслов.

Доклад Волконского-Перовского о введении поземельного сбора, гарантирующего увеличение удельного дохода, незамедлительно получил одобрительный отзыв и санкцию Николая I.

Государственный Совет в 1829 году, соглашаясь на обменную операцию казенных имений на удельные, в то же время считал, что введение поземельного сбора является благодеянием для удельных крестьян. «Убеждаясь в той истине, — говорится в этом постановлении, — что всякая подать, как выдел известных процентов из выгод частных на пользу общую, тогда только может быть уравнительною в раскладке и надежную в сборе, когда она проистекает из самого существа облагаемого податью предмета и соразмеряется с выгодами от того при-

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 229, лл. 134—135.

обретенными, Государственный Совет не может не одобрить мнение министра императорского двора о введении полезной для государства и благодетельной для удельных крестьян меры обложения их податями не по числу душ, но по количеству и доброте земель, — меры, в древние времена в России существовавшей». Государственный Совет имел в виду практику взимания оброков с земли в России до первой половины XVII века, — до введения подворной подати. Главным объектом обложения в это время являлась земля, и все, пользующиеся тягловыми землями, отбывали за нее государственные повинности и платили соответствующие налоги.

«Правила» и «рассуждения» по введению поземельного сбора

Получив санкцию Николая I и постановление Государственного Совета на введение поземельного сбора, Департамент уделов 24 января 1830 года разослал всем управляющим конторами соответствующий царский указ для всеобщего уведомления. В мае 1830 года управляющие получили инструкцию и наставления о практических мерах по введению поземельного сбора. Наставления, выраженные в инструкции, изменяли прежнее отношение крестьян к земле, происходило изменение в самом крестьянском землепользовании; наставления способствовали большим изменениям в самом крестьянском мире. Прежде всего, новые распоряжения уничтожали извечные крестьянские споры, ежегодные переделы земельных угодий, а главное, сокращали крестьянское землепользование и повышали денежную ренту за землю.

Удельное ведомство предлагало в первую очередь произвести учет всех земельных угодий каждого селения при помощи выборных сельских мерщиков из «благонадежных» крестьян соседних селений, а также разделить число ревизских душ на тягла и полутягла, составив на них особые списки. Однако тягла в удельном и помещичьем хозяйствах были неравнозначны. Обычно в помещичьем хозяйстве тягло составляли взрослые мужчина и женщина. При введении поземельного сбора в удельном хозяйстве под тяглом понимались две ревизские души в определенном возрастном составе лиц, входивших в тягло: «В тяглы вписывать крестьян от 17 до 55 лет, причисляя к ним всех женатых, хотя бы они имели и менее 17 лет, а в полутяглы от 15 до 17 лет и от 55 до 60 лет, не возбра-

ляя желающим как поступать в тяглы ранее, так и оставаться в оных позднее назначенных лет».

Землю, находившуюся в пользовании крестьян, немедленно после приведения ее в известность, предлагалось разделить на участки, не свыше 10 десятин удобной земли на тягло, без включения в тягло земель огородных, усадебных, гуменников и выгонов. Эти угодья должны быть разделены особо. В тех же удельных селениях, где земель окажется недостаточно, участки предлагалось определять в размере от 5 до 1 десятины «и менее». «А дабы достичь некоторой в достоинстве оных уравнительности, — требовала инструкция,—то составить их таким образом, чтобы в каждом находилось равное по возможности, количество лучшей, средней и худшей, ближайшей и отдаленной земли. В случае же решительной к тому невозможности и худшие участки удабривать всем миром».

По инструкции удельным чиновникам предлагалось разделить земельные угодья на коренные участки и так называемую излишнюю (запасную) землю. Под коренными участками понималась та земля, которая определялась на число наличных тягол, а запасной считалась остальная земля, сверх числа наличных тягол. Коренные участки земли, оставаясь постоянными в определенных своих размерах, можно было делить на две равные части для наделения землей полутягол.

Каждому тяглу, состоящему из двух ревизских душ, давался коренной участок земли, за который крестьяне должны платить оброчные, подушные и другие деньги в сложности двух душ, составляющих тягло. «Если бы случилось — наставляет инструкция, — что по какому-либо селению, число тягол не составляло равной половины числа ревизских душ, а было бы менее, то и в сем случае назначить на коренные участки такую плату, которая в общей сложности соответствовала всей сумме, взносимой тем селением в оброк, в подать, на земские и общественные повинности».

Правило это не относится к тем селениям, которые пользуются большим количеством земли, лучшими угодьями или другими выгодами, «зависящими от местного положения». В этих селениях «оброчная плата справедливо должна быть возвышаема, ибо введение поземельного сбора направлено существенно к уравнительности оной между селениями».

Однако уплата казенных податей и на земские повинности должна производиться по числу ревизских душ, а не по числу тягол, потому, что общественные повинности не каж-

дый год бывают одинаковы, а земские «по истечении трех лет подвержены так же изменению».

В инструкции был подробно изложен порядок определения так называемых излишних земель. Излишние земли предлагалось отдавать желающим за установленную плату или с торгов, а полученные суммы за сданные излишние земли включать в общий удельный доход. Для определения ценности так называемой излишней земли, учитывалась общая коньюктура стоимости арендной земли в той или другой местности. Плата за излишние участки в местах, где земли было в изобилии и, где она, была, следовательно, дешевле, могла быть и ниже вносимой за коренные участки, а в местах малоземельных, где она имеет большую ценность, — повышена.

Для улучшения качества земли путем обработки и удобрения, Департамент уделов запрещал существовавший ежегодный передел земли, «оставлял участки в постоянном владении тягла до 12 и более лет». Это правило, обычно, нарушалось.

Тягло не имело права отказаться от принятия коренного участка, а, следовательно, и от положенной платы. Правда, можно было передать участок другому тяглу, но без раздробления. Для передачи земельного участка в другие руки требовалось во-первых, получить согласие мирского общества, во-вторых уведомить в течение трех первых месяцев года приказное начальство и, в третьих, получить разрешение конторы. Крестьянин, пропустивший указанный трехмесячный срок, лишался возможности передавать землю в другие руки до следующего года, а следовательно, полностью отвечал за свой участок и своевременную плату оброков и повинностей.

Новым правилом разрешалось, за неимением достаточного количества земли, переселять крестьян в другие места, но при одном условии — при согласии самих переселяемых крестьян. «Ибо добровольное пребывание их на теперешних местах жительства, само собою уже означает, что несмотря на малоземелье, они могут выплачивать следующую с них за участки сумму. К тому же при добровольном переселении, удел не несет никаких издержек».

Большое внимание по новым правилам уделяется **«крестьянам-промышленникам»**, т. е. тем, кто занимался промыслами, ремеслами, торговлею, предпринимательством. Крестьян этой категории Департамент уделов делил на две группы: к первой относились малоземельные или те, кто издавна

покинул земледелие и целыми селениями занимался исключительно ремеслами, огородничеством и т. д.; ко второй группе относились такие крестьяне, которые хотя и имели достаточное количество земли, оставляли свои селения и промышляли на стороне. Обе эти группы крестьян также облагались поземельным сбором. Первая группа, занимавшаяся в своих селениях ремеслами, делилась на тягла, их земля также делилась на тягловые участки, «как бы впрочем оные малы ни были, и оценить их сообразно выгодам местного положения, или тем, какие доставляет самая промышленность, но отнюдь не менее суммы, платимой ныне по всем родам сборов двумя ревизскими душами, всякое превышение оной обращать в доход удельный». Короче говоря, для первой группы крестьян во внимание принималось не только количество земли, но и те доходы, которые крестьяне получали от своего ремесла. Крестьяне второй группы, занимающиеся промыслами на стороне, облагались поземельным сбором на особых основаниях, независимо от того — передавали они свои коренные участки в другие руки или нет. «Общество с разрешения начальства может наложить или ¼, или ½, или 1,5 или, наконец, двойную плату коренного участка, смотря по выгодам промысла, ибо добровольное пренебрежение землею показывает, что крестьянин, промышляющий на стороне, или получает гораздо большие выгоды, в сравнении с проживающим в своем селении, или, что он склонен к праздношатательству; в первом случае его не обременяет надбавочная плата, во втором — послужит средством к его обузданию и привяжет к земле». Управляющим «попечительно» предписывалось, всемерно отвращать крестьян «от вредных для здоровья и нравственности промыслов», и, в частности, от бурлачества, которое отрицательно влияло и на других крестьян.

Кроме земельного дохода, который выколачивался с крестьян, удельное ведомство пыталось привязать крестьян к селу, земле, наложить на них патриархально-опекаемую крепостническую узду.

Департамент уделов требовал особой платы от тех крестьян, которые хотя и жили безотлучно в своих селениях, но занимались торговлею или подрядами.

Таким образом, для удельных крестьян (за исключением ремесленников-неотходников), занимающихся промыслами, объектами поземельного обложения была не земля, не ее количество и качество, а неземледельческие занятия, доходы от не-

земледельческих занятий, соразмерно которым определялся и размер поземельного сбора.

Все это свидетельствует, что удельное управление приравнивало удельных крестьян-промышленников к оброчным помещичьим крестьянам, которых помещики отпускали на сторону на заработки.

Пункты инструкции о «промышленных крестьянах» говорили о развитии товарно-денежных отношений как в удельной деревне, так и в стране, авторы ее учитывали конкретную историческую действительность 30-х годов XIX века, которая со всей очевидностью говорила о неминуемой гибели старых порядков. В то же время над авторами ее довлели крепостнические устои, старые правовые нормы и понятия «заботливого» помещика для своих крестьян.

Круговая порука при уплате податей и отбывании повинностей оставалась для крестьянского общества прежней: «Постановления и предписания Департамента, по коим мирские общества обязаны ответствовать за неисправных плательщиков, остаются в прежней своей силе». Сельское общество с ведома удельного начальства имело право лишить участка земли того крестьянина, «который по нерадению о своем хозяйстве или дурному поведению сделался несостоятельным», но независимо от числа неплательщиков, оно должно полностью вносить причитающуюся сумму бездоимочно[1].

Значение введения поземельного сбора было необычайно велико. Введением поземельного сбора наносился удар патриархальному землепользованию, что, с одной стороны, ускоряло расслоение деревни, способствовало развитию предпринимательства богатых удельных крестьян, будущих промышленников, крупных торговцев, с другой стороны — способствовало дальнейшему разорению значительной части удельной деревни, жители которой со временем должны были искать в городе источники существования, работать на предприятиях, продавать свою рабочую силу.

Поднимая доходность своего хозяйства, Департамент уделов закономерно приспосабливал свое хозяйство к новым капиталистическим отношениям и тем самым как бы смягчал феодальные отношения в удельной деревне, хотя они по-прежнему опутывали удельного крестьянина с ног до головы. Акт поземельного сбора явился компромиссом между крепостническими

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 229, лл. 200—201.

и буржуазными тенденциями, хотя первая предпочиталась второй. В этой реформе отразились все экономические и идейные противоречия, свойственные периоду кризиса феодально-крепостнической системы.

Некоторые управляющие удельными конторами вначале поняли все наставления о введении поземельного сбора как простое повышение душевого оброка. Управляющий Нижегородской конторою, не имея прямого разрешения на введение поземельного сбора, уже 12 апреля 1830 года доносил Департаменту уделов, что крестьяне одного из приказов его конторы «одобрили» введение поземельного сбора, т. е. изъявили согласие увеличить подушный оброк, но с условием, чтобы в их распоряжении остались все находившиеся до нового обложения земли. К 14 мая нижегородский чиновник доставил в Департамент уделов сведения об увеличении подушного оброка на 28,5 тыс. рублей против прежнего.

Перовского такое усердие управляющего не на шутку взволновало, он забил тревогу и в Петербурге и на местах. В письме к приближенному Николая I, Протасову в мае 1830 года вице-президент Удельного Департамента объяснял ошибки нижегородского управляющего. Эти ошибки заключались в том, что нижегородский управляющий не разделил крестьян на тягла, а землю — на участки, не определил стоимость земли сообразно количеству, качеству и другим местным обстоятельствам, а механически увеличил оброк по числу ревизских душ.

Разъяснение Перовского было разослано как нижегородскому, так и всем управляющим удельными конторами в предотвращение их заблуждений. Но в первый год введения поземельного сбора, несмотря на разъяснения, было немало трудностей и недоразумений[1]. Новизна дела, сложные расчеты оценки земли, урожайности, деление селений на разряды в зависимости от их положения, неясности и противоречия в тех или иных указаниях в кратких инструкциях, внесли путаницу в мероприятия по введению поземельного сбора.

В разгар многочисленных распоряжений по введению поземельного сбора появляется «Рассуждение», составленное управляющим Казанской конторой Коваленским. «Рассуждение», по мнению Перовского, было основано «на истинных началах и зрелом соображении» и предложено в качестве руководства

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 229, л. 227; ЦГИАЛ, ф. 515; оп. 2. д. 170; лл. 454—455.

по введению поземельного сбора для других управляющих удельными конторами. «Рассуждение» вошло в Свод удельных постановлений и в дальнейшем стало основным руководством для местного удельного начальства. «Рассуждение» заслуживает того, чтобы подробнее остановиться на нем. Оно раскрывает всю хитрую механику оценки земель, дает очень ценные, показательные данные о путях усиления эксплуатации крестьян, о тяжести нового оброка.

Во введении «Рассуждения» повторялось то, что говорилось в инструкциях и наставлениях Департамента уделов о превосходстве поземельного сбора над подушным оброком. С учреждением поземельного сбора уравнивались платежи крестьян «сообразно способам каждого селения», действия поземельного сбора распространялись только на производителей работ, т. е. тягло, причем от этой повинности освобождались младенцы и дряхлые старики.

Новое в «Рассуждении» состояло в том, что автор его предлагал измерять земли с математической точностью, а все земельные угодья снимать на планы. В этом разделе бросается в глаза стремление удельного начальства, чтобы ни одна пядь земли не ускользнула от оценки, чтобы из каждого клочка земли трудом крестьян извлекать доход. Оценку земли предлагалось производить сложным способом, причем, должны были учитываться степень урожаев и цен на хлеб, расположение селений относительно торговых мест и многое другое. Средний урожай хлеба определялся десятилетней сложностью с учетом цен на хлеб за это время. Основанием для расчета должна была служить только рожь, «как главная потребность жизни», все остальные сельскохозяйственные культуры имеют только «относительную степень ценности». При определении качества земли и урожаев, автор обращал серьезное внимание на местонахождение селения. Автор «Рассуждения» учитывал развивавшиеся товарно-денежные отношения и способы сбыта крестьянами своих сельскохозяйственных продуктов: «Близость или отдаленность селения от городов, пристаней и вообще от мест торговли, удобство или неудобство сообщений имеют также влияние на цены сельских произведений, т. е. возвышают или понижают оные».

Бралась за основу рожь, все остальные культуры приравнивались только к ней. Так, например, десятина ярового хлеба равнялась 3/4 дохода с десятины ржи, десятина сенокоса рав-

нялась доходу десятины ярового хлеба. Но это относилось к местам, близко расположенным к городам или пристаням. В селениях, удаленных от торговых мест, доход с десятин ярового хлеба или десятины лугов равнялся половине дохода с десятины ржи.

Автор «Рассуждения» по-новому оценивал крестьянские сады, огороды и конопляники. Он понимал, что многие удельные крестьяне, имея недостаточное количество земли, но будучи тесно связанными с городом (автор имел в виду удельные селения, расположенные в Казанском уезде), расширяли приусадебную площадь, засевали ее коноплею, овощами, хмелем, разводили на этой площади сады, и собранную продукцию продавали городскому населению. Поэтому доход с приусадебных участков, засеянных коноплею, считался вдвое дороже по отношению дохода с одной десятины ржи, доход с огородов, занятых овощами, хмелем или фруктовыми садами, оценивался вчетверо по отношению к десятине ржи. Земельные участки, отведенные под выгон скота, также подлежали оценке. Доход с десятины выгона в подгородних селениях равнялся 3/4 дохода десятины ржи, в местах степных и малонаселенных — 1/4 дохода с десятины ржи.

Определив доходность земельного участка, автор делил доход с земли между собственником ее и арендатором на пять частей: одна пятая часть предоставлялась арендатору как процент с капитала, затраченного им на обзаведение хозяйством, покупку рабочего скота и земледельческих орудий; две другие пятые части дохода отдавались ему же, как плата за его труд и на содержание семьи, остальные две пятые части составляли доход владельца земли. Так как в удельных правилах определен полный доход с тяглового участка в 75 рублей, то и автор «Рассуждения», исходя из этой суммы, делает такой расчет: 2/5 дохода или 30 рублей с тяглового участка должны идти в пользу владельца земли, а остальные 3/5 части дохода, составляющие 45 рублей, должны оставаться у арендатора земли — крестьянина. Поскольку все государственные и земские повинности относятся к владельцу земли, а общественные, как личный расход самих крестьян, то казенные подати уплачиваются из 2/5 дохода тяглового участка, а общественные из 3/5 дохода, остающегося у крестьянина. Однако, через 5 лет этот пункт «Рассуждения» был коренным образом изменен, о чем будет сказано ниже.

75-рублевый участок, по утверждению автора «Рассуждения», также являлся средством отделения запасных земель от тягловых участков. «Излишняя» или запасная земля, отрезанная от крестьянских полей, отдавалась тем же крестьянам за особую плату или превращалась в оброчную статью. Наделяя крестьян землею, владелец ее требовал, чтобы крестьяне платили ему не меньше, чем это было до введения поземельного сбора, хотя бы земля оказалась и меньшей ценности. В этом месте как автор «Рассуждения», так и Департамент уделов отступали от принципа поземельного сбора. Такое отступление носило явно крепостнический характер: крестьяне, хотя и не имели тяглового участка, равного 75-рублевому доходу, все же они не должны платить меньше, чем они платили до введения поземельного сбора.

Утверждая свое владельческое право на землю, Департамент уделов как хозяин земли мог так называемые излишние земли отрезать от крестьянских тягловых участков по своему усмотрению, причем лучшую и главным образом пахотную землю. Таким образом явный крепостнический произвол был утвержден начальством и зафиксирован в удельных постановлениях.

При определении поземельного сбора рекомендовалось принимать в расчет не только землю, но и «молочный скот, масло, птицу, яйца, и все, что относится к доходу с земли». В помещичьем хозяйстве крестьяне наряду с барщиной или денежным оброком давали барину продукты своего хозяйства, удельное ведомство, под соусом поземельного сбора, все переводило на деньги.

Автор «Рассуждения» не обошел вниманием и будущего поземельного сбора в связи с новыми ревизиями. При новой ревизии, рассуждал автор, произойдет и новая переоценка земель, стоимость которой значительно повысится. С умножением народонаселения значительно повысится ценность предметов потребления, и вся выгода от этого останется на стороне крестьян, которые используют для этой цели как удобные, так и неудобные земли.

Особое место в «Рассуждении» отводилось тяглу, под которым понимался участок пахотной земли с дастаточным количеством угодий, «обрабатываемый крестьянином с помощью его семейства, собственными его лошадьми и земледельческими орудиями». Но для того, чтобы владеть тяглом и

исправно платить поземельный сбор, крестьянин должен обладать всеми элементами крестьянской самостоятельности: в крестьянском хозяйстве должны быть трудоспособные члены семьи, достаточное количество рабочего скота и сельскохозяйственных орудий. Если у крестьянина отсутствовало одно из этих условий, могла оказаться недоимка, за которую всегда и во всех селениях отвечало общество. В соответствии с этим мирское общество и должно определить, кому из крестьян можно дать на двор или семейство несколько тягол, кому одно, а кому только половину тягла. Таким образом, «Рассуждение» санкционировало дальнейшее расслоение в удельной деревне: богатеи в силу своей экономической самостоятельности могли брать несколько участков земли, беднякам оставалось столько, сколько он мог ее обработать. Удельного чиновника не интересовала судьба бедного крестьянина, а преследовалась единая цель максимального использования всех земель, дающих доход удельному ведомству.

Автор «Рассуждения», развивая основные положения удельной инструкции о промышленных крестьянах, считал безубыточным для владельца земли, когда ремесленник-крестьянин отдает свою землю односельчанину, а последний выполняет все обязанности первого по отношению удела. Автор мирится и с тем, когда промышленный крестьянин отдает свою землю обществу, и последнее несет полную ответственность за него. «Таким образом, промышленные крестьяне, не делая ни малейшего ущерба собственнику земли, т. е. уделу, помогают мирскому обществу своего селения уступкою в мир своего участка, не избавляясь лично от тягловых окладов». По-другому автор подходит к промышленным селениям, которые, по его мнению, приносили собственнику земли значительные убытки. Крестьяне промышленных селений, не имея собственного хозяйства, отдавали свою землю арендаторам, жившим в других селениях, отчего последние плохо ее обрабатывают. Часто такие земли приходили в запустение, зарастали сорными травами и кустарниками. Поэтому при исчислении поземельного сбора с промышленных селений необходимо, по мнению автора, урожай с крестьянских полей удваивать: если урожай в данной местности будет сам-3, для промышленных селений устанавливать сам-6, «ибо таковым он мог бы быть при рачительном и постоянно правильном возделывании земли». Пахотные земли, луга, выгоны и огороды промыш-

ленных селений оценивались в два раза дороже, чем земли обыкновенных селений. Как бы автор ни скрывался за ширмой поземельного сбора, при исчислении доходов промышленных крестьян от «земли», он брал во внимание не их участки, не качество и количество земельных угодий, а доходы от промыслов и других неземледельческих занятий крестьян.

В заключение автор «Рассуждения» подводил итоги сказанному, еще раз напоминал о пользе поземельного сбора для собственника земли, Департамента уделов и его арендаторов — удельных крестьян [1].

Для введения поземельного сбора, кроме пространных инструкций и «Рассуждения», на места были разосланы «Краткие правила», которыми пользовались в последующее время. На основании этих правил удельные селения разделялись на земледельческие и промышленные. Кроме того, они делились и по месту их нахождения относительно торговых пунктов — на подгородние, дальние и степные. Земледельческими селениями назывались такие, крестьяне которых занимались преимущественно земледелием; промышленными селениями назывались такие, где все удельные крестьяне занимались ремеслами, промыслами и торговлею; к подгородним селениям относились те, которые находились вблизи больших городов, торговых мест или пристаней. Наконец, дальними и степными селениями назывались такие, которые находились вдали от городов, торговых мест и не имели с ними свободного сообщения [2].

Поскольку земля являлась основным критерием денежного сбора, удельные селения делились на многоземельные достаточные и малоземельные. При определении доходности тяглового участка, за основу брали десятину ржи, причем учитывались урожайность и стоимость ее в десятилетней сложности. В земледельческих подгорных селениях одну десятину ярового поля, сенокоса и выгона приравнивали к 3/4 десятины озимого поля. В дальних и степных селениях сенокос ценился в половину против озимого, а выгон равнялся 1/4 озимого поля, коноплянники оценивались в два раза, а усадьбы и сады во всех земледельческих селениях оценивались в четыре раза против озимого поля. В промышленных подгородных селениях одна десятина ярового поля, сенокоса и выгона равнялись доходу одной десятины ржи; в промышленных, дальних и степных се-

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. II, стр. 28—52 (приложение).

[2] Там же, ст. ст. 124—29, приложение, стр. 19—26.

лениях все другие угодья приравнивались 3/4 озимого поля; конопляники, усадьбы и сады во всех промышленных селениях оценивались в 8 раз против озимого поля.

Для определения селений многоземельных, достаточных и малоземельных—руководствовались следующими положениями: для того, чтобы определить полный доход со всей земли, находившейся при селении, предварительно определяли порознь доход одной десятины каждого поля и угодий и умножали на число всех десятин поля и угодий и полученное складывали. Затем полный доход с земли всех видов селения делили на число тягол и если частное превышало 21 руб. 50 коп. серебром или 75 рублей ассигнациями (полный доход тяглового участка), то такое селение называли многоземельным. Такое селение должно иметь и излишнюю землю. Достаточным селением считалось то, где тягло равнялось 21 руб. 50 коп. (75 руб. ассигнациями), или немного меньше указанной суммы. Малоземельным селением считалось такое, если «полный доход селения разделить таким образом на число тягол и частное будет не более сложности подушных окладов по казенному и удельному сборам»[1]. Что же касается запасных земель, то их могли взять сами крестьяне за особую плату, т. е. уплачивая 2/5 полного дохода. Если же крестьяне отказывались от запасной земли, ее отделяли от крестьянской и отдавали с торгов в оброчное содержание[2].

Малоземельные крестьяне, доход которых был меньше подушного оброка, оставались на подушном оброке[3].

В расчет поземельного сбора не входили леса, земли, лично принадлежавшие удельным крестьянам, позже общественная запашка[4].

Было много других деталей в «Кратких правилах», которые уточняли предыдущие инструкции и наставления удельного ведомства.

Таково в основных чертах содержание «Рассуждения», таковы «Краткие правила». Как «Правила», так и «Рассуждения» появились в период дальнейшего развития внутреннего рынка, роста капиталистических отношений в промышленности и в сельском хозяйстве, в период дальнейшего обострения кризиса в крепостном хозяйстве.

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 2, прил. стр. 19—26.

[2] Там же, стр 167.

[3] Там же, стр. 171.

[4] Там же, стр. 119.

В этих документах нашли отражение усиливающиеся товарно-денежные отношения. Вместе с их интенсивным развитием усиливалось и внеэкономическое принуждение как неотъемлемое свойство феодальной системы и производственных отношений. Собственник земли — Департамент уделов — наделял земельными участками своих крестьян, которые самостоятельно вели свое хозяйство. Но для получения с крестьян ренты необходимо было прямое внеэкономическое принуждение. «При таких условиях, — писал К. Маркс, — прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них (т. е. непосредственных производителей—**Н. Г.**), только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее»[1].

Эти документы появились тогда, когда товарное производство, обслуживающее феодализм, подготавливало условия для капиталистического развития. Не случайно, поэтому, авторы наставлений в своих рассуждениях с одной стороны, основывались на старых устоях крепостничества, с другой стороны, не могли не учитывать новых отношений, развивавшихся в стране. В одном случае авторы инструкций еще сохраняли общину и круговую поруку как средство для отбывания повинностей и платы оброков, в другом — они разрушали ее и давали дорогу предпринимательству, наживе, обнищанию и разорению удельных крестьянских масс; в одном случае помещичья «опека» над удельными крестьянами, в другом случае— безразличное отношение к ним — лишь бы выжать больше дохода с них.

Таково существо этих документов, изданных для введения поземельного сбора.

Практика введения поземельного сбора

Департамент уделов понимал значение нового оброка для крестьян, поэтому он не решился ввести повсеместно поземельный сбор, опасаясь крестьянских выступлений. Первоначально поземельный сбор был введен только в тех имениях, где крестьяне лучше других были обеспечены землей. В 1830 году поземельный сбор ввели в 7 имениях — Владимирском, Нижегородском, Оренбургском, Пермском, Саратовском, Казанском и Симбирском.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 803.

Непосредственными исполнителями введения поземельного сбора являлись местные удельные чиновники. Пользуясь инструкциями и наставлениями, они были обязаны детально изучить экономику удельных селений, глубоко вникнуть в крестьянскую жизнь, собрать большой статистический материал и на основании собранных многочисленных данных составить «Краткое статистическое описание» удельного имения. В фондах областных архивов сохранились дела таких описаний. Насколько правильно отражают суммарные статистические описания действительное положение удельной деревни — трудно судить, потому что первичных документов в архивах не сохранилось.

Департамент уделов считал, что образцовое введение поземельного сбора произошло в Казанском удельном имении. На примере этого имения можно проследить, как вводился поземельный сбор в удельной деревне.

Чиновники Казанской конторы, изучив экономику своих селений, составили «Краткое статистическое описание Казанского удельного имения». В это описание вошли сведения о количестве и качестве земли каждого селения, урожаях крестьянских полей, занятиях и благосостоянии крестьян, местах сбыта хлеба и др. Чтобы представить практику введения поземельного сбора, возьмем для примера Вараксинский приказ. Приказ, расположенный в Царевококшайском уезде Казанской губернии, состоял из 22 селений, в которых насчитывалось 2278 ревизских душ. Земельные угодья находились в общем пользовании с государственными крестьянами Ноленской и Ежевской волостей. Из общего количества земли удельным крестьянам принадлежало: пахотной земли 5647 десятин, усадебной и под огородами 394 десятины, под сенокосами и выгоном 3261 десятина, а всего удобной земли 9402 десятины. Тягловых участков насчитывалось 1139.

Установив общее количество земли и тягол, удельные чиновники изучили и местное положение селений. Земли Вараксинского приказа были окружены с трех сторон обширными лесами: на запад до Козьмодемьянского уезда и Нижегородской губернии более 100 верст, на юг до Чебоксарского уезда до 60 верст, и к востоку в направлении к Казанскому уезду, более 70 верст. С северной стороны по рекам Ошле и Малой Кокшаге до границ Вятской губернии находилось меньше лесов, но больше селений, в которых жили государственные крестьяне, главным образом марийцы. Описав пространство и качество лесов, чиновники обратили серьезное внимание на лесные промыслы

Вараксинского приказа. Удельные и государственные крестьяне изготовляли в большом количестве мочалы, из которых делали рогожи и хлебные кули разных сортов и качества. Торговля лубьем, рогожами и кулями являлась главным подспорьем в жизни крестьян. Все эти изделия обычно отвозились на продажу в Казань или на Сундровскую пристань. Часть удельных крестьян находилась в кабале у предпринимателей, которые эксплуатировали крестьян на лесных разработках.

Чиновники сетовали на то, что в лесах много дикого зверя и дичи, но удельные крестьяне «совершенно не обращают внимания на зверей и дичь, так что во всем Вараксинском приказе нет ни одного зверолова или стрельца по промыслу, тогда как леса наполнены в особенности медведями, белками, оленями, лисицами и зайцами, а из птиц—перепелами, рябчиками и тетеревами». Чиновники не случайно остановились на промыслах крестьян, на возможностях охоты на зверя и птицу, они стремились настоящие и будущие промыслы зачислить в доходы крестьян для увеличения поземельного сбора.

Перечислив крестьянские промыслы и описав леса, чиновники перешли к земле, что должно было стоять на первом месте. Земля, по определению чиновников, состоит в основном из беловатого грунта или смешанного с серою глиною. О плодородии земли сказано, что «на таковом грунте твердом и низменном, где из яровых хлебов без навоза кроме овса ничего не родит, а проса и гречи нигде не сеют». Поэтому главным доходом крестьян являлись хмелевые огороды или так называемые хмельники. Крестьяне разводили хмель не только в приусадебных местах, но и в поле, «во всех без исключения селениях этого приказа, почему хмелеводство после лесной промышленности составляет главный предмет занятий тамошних крестьян как в отношении к хлебопашеству, так и к торговле». Но даже разведение хмеля было сопряжено с трудностями из-за недостатка навоза, «происходящего от малого количества имеющегося у крестьян скота». Для развития скотоводства у крестьян не было достаточного количества выгонов и «только для молодых телят при каждом дворе возле гумен имеются небольшие загороженные места, которые при порядочном устройстве сельского хозяйства должны бы быть заняты огородами». Не имея развитого скотоводства, крестьяне вынуждены были для удобрения полей покупать навоз в городе по дорогой цене.

Однако, боясь понизить прежний доход удела, удельные чиновники взяли десятилетние сведения об урожаях ржи на

крестьянских полях и трехлетние урожаи общественной запашки и таким образом вывели среднегодовой урожай ржи, а следовательно, и яровых культур. Известно, что общественная запашка унавоживалась и обрабатывалась лучше, чем крестьянские поля, и давала сравнительно высокие урожаи. Учитывая урожай общественной запашки, чиновники искусственным путем устанавливали урожаи крестьянских полей сам-3,5, что в действительности было очень редко. Для определения доходности озимого поля цена ржи исчислялась по пятилетней сложности. Среднюю цену одной четверти ржи определили в 3 руб. 90 коп. асс., и брали стоимость ее не осеннюю, а зимнюю, когда сами крестьяне покупали для себя хлеб.

Определив доходность крестьянских полей, чиновники разделили все селения Вараксинского приказа на два разряда: подгородние и дальние. Но такое деление селений было условное, потому что все они располагались в радиусе до 14 верст от городского базара, что утверждают и сами составители «Описания». «Селения Вараксинского приказа, — писали чиновники, — не столько по своему местному положению (ибо все они расположены кругом города), сколько по количеству земли, больше или меньше удобряемой, разделяются на селения подгородние и дальние, коих различие состоит в означенном отношении ценности ярового поля к озимому».

Представление об экономическом состоянии 13 подгородних селений этого приказа можно составить на таких примерах. Эти селения располагались вокруг города Царевококшайска от одной до шести верст. Крестьяне этих селений, по утверждению удельных чиновников, были малоземельные, земля плохого качества «от чего в яровых по большею частью сеют пшеницу (так называемую красную, весьма мелкую и худой доброты, которая от невозобновления семян ежегодно заражается головнею)». Для того, чтобы кормить семью и выполнять многочисленные повинности, крестьяне пытались повысить урожайность путем удобрения, покупая для этой цели навоз у городских жителей. Но и это не помогало. Тогда часть крестьян начала искать других источников существования. Одни принялись за извоз, другие рубили для сплава лес, а в деревнях Кожиной и Марковой занялись «горшечным делом из глины весьма низкого достоинства». Так как эти селения значились подгородними, то и поземельный сбор должен был уплачиваться не обыкновенный, а повышенный. Такое увеличение поземельного сбора, как говорилось выше, происходило не за счет хорошего

качества и большого количества земли, а за счет крестьянских промыслов и ремесел.

Не в лучшем положении находились и 9 дальних селений, находившихся в 7—14 верстах от города. Хотя земли здесь было больше, но и она была плохого качества. Удельные чиновники сами признали, что крестьяне Вараксинского приказа были малоземельные и, несмотря на их малоземелье, у них отрезали 850 десятин земли, как излишнюю. За эту «излишнюю» землю крестьяне платили дополнительный сбор.

Что собою в действительности представлял поземельный сбор по Вараксинскому приказу, видно из приведенной ниже таблицы:[1]

Прежний подушный оброк		С введением поземельного сбора			Итого
число душ	сумма (руб.)	число тягол	доход с них в руб.	за излишнюю землю в руб.	
2278	22780	1139	26060	2196	28256

Больше против подушного оброка на 5476 % увеличения оброка 24

Деревня Нечасовая Ченчуринского отделения Казанского имения является весьма показательной с точки зрения механики образования «излишних» земель и выколачивания за них дополнительных доходов с крестьянства. Чиновники конторы определили, что земля нечасовских крестьян плодородная, дающая урожаи ржи сам-5 (что было очень редко в Казанской губернии), а цену ржи за одну четверть установили в 3 р. 20 коп. В соответствии с плодородием земли и ценами на рожь чиновники определили и соответствующий доход — 16 рублей с десятины озимого поля. Поэтому, чтобы получить 75-рублевый доход с земельного участка, для каждого тягла установили: пахотной земли в 3 полях 6 десятин 2145 сажен, усадебной земли — 527 кв. саж., столько же выгона и 1213 сажен сенокоса[2]. Всего, таким образом, приходилось на 91 тягло деревни Нечасовой: пахотной земли 627 десятин 795 сажен, усадебной 20 десятин, выгона

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 232, лл. 363—387.

[2] Каждое тягло из своего участка должно получить дохода: от озимого поля—36 р. 71 коп., ярового поля 18 р. 39 коп., с усадебного места 14 руб. 10 коп., с сенокосов 4 р. 4 коп., с выгона 1 руб. 76 коп., всего 75 рублей.

20 дес. и сенокоса 46 дес., или 713 десятин всех земельных угодий. До поземельного сбора в крестьянском землепользовании д. Нечасовой находилось 1012 десятин земли, по новому положению у них отрезали 299 десятин, к тому же лучшую землю и расположенную рядом с селением[1].

Таким же путем определяли поземельный сбор во всех других удельных селениях России.

В целом, по Казанскому имению с введением поземельного сбора, количество земли, которой владели ранее удельные крестьяне, уменьшалось, крестьянские денежные взносы увеличивались, что видно из следующих данных:

Название приказа	Подушный оброк, платим. крестьян до введения поземельного сбора		Поземельный сбор			
	душ	Сумма (руб.)	число тягол	сумма (руб.)	за излишнюю землю (руб.)	итого (руб.)
Вараксинский	2278	22780	1139	26060	2197	28257
Сухорецкий	2739	27390	1369,5	31334	3690	35024
Воскресенский . . .	3220	32200	1610	37828	6526	43363
Анатышский	2643	26430	1321,5	30236	2876	33112
Ченчуринск. отд.	884	8840	442	10113	2278	12391
Со всех крестьян подушной подати и земских повинностей . . .						41880
Всего . .	11764	117640	5882	134571	17567	194027

Получив 194027 рублей поземельного сбора с крестьян Казанского имения, удельное ведомство перечисляло в казну 41880 рублей подушных податей, земских и других повинностей, ранее платимых самими крестьянами. Остальные 152147 рублей поступали в доход Департамента уделов, что было больше на 34507 рублей против подушного оброка.

Итак, в результате поземельного сбора землепользование удельных крестьян Казанского имения сократилось на 6298 десятин, или на 12,6 проц., а денежные взносы в пользу удела увеличились на 34507 рублей, или на 29 процентов.

Тяжесть поземельного сбора усугублялась неравномерностью его раскладки между крестьянами. В удельных селениях

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 251, лл. 54—56.

было много таких крестьян, которые пользовались землею на равных основаниях со своими односельчанами, но все повинности с их тягловых участков платило крестьянское общество. От поземельного сбора освобождались головы приказов, лесные сторожа, сельские учителя и многие другие. За приказного голову и лесных сторожей поземельный сбор платили сами крестьянские общества; за учителей, удельных мальчиков, обучающихся в учебных заведениях, за хозяев образцовых усадеб и других поземельный сбор выплачивался из общего крестьянского вспомогательного и общего крестьянского хлебного капиталов[1].

Подобные исключения из правил поземельного сбора увеличивали для крестьян размеры денежной ренты. Методы введения поземельного сбора, способы сокращения крестьянского землепользования и повышения крестьянских платежей, неравномерность раскладки поземельного сбора между крестьянами мы наблюдаем и по другим удельным имениям. С каждой новой ревизией и новой переоценкой земли крестьянские наделы сокращались, а поземельный сбор и другие повинности все возрастали.

С 1830 по 1833 год по 7 удельным имениям на поземельный сбор было переведено 220 тыс. душ мужского пола, что составляло 33 проц. всех удельных крестьян России[2].

Уже в первый год введения поземельного сбора он дал для удельного ведомства положительные результаты. Об этом свидетельствуют данные хотя бы по 5 удельным имениям, расположенным в Поволжье и в Пермском крае:

Название удельных контор	Подушный оброк, ранее платимый кр-нами (руб)	Поземельн. сбор с крян в 1830 году (руб)	Повышение поземельного сбора	
			в рублях	в процент.
Казанская	117640	152147	34507	29
Нижегородская . . .	18004	175804	27800	18,7
Пермская	30307	39509	9202	30
Саратовская	118189	137664	19475	16
Симбирская . . .	156400	198400	42000	33,8
Итого . .	570540	703524	132984	25,5

[1] Свод удельных постановлений, ч. 2, ст. ст. 192—200.

[2] Всеподданнейший отчет за 1833 г., стр. 16—17.

Только для крестьян пяти удельных контор денежная рента в связи с поземельным сбором увеличилась на 132984 рубля, или на 25,3 проц. В эту сумму не входят деньги, вносимые крестьянами на земские и государственные нужды. Через два года сумма от поземельного сбора возросла в несколько раз. В отчете министра двора за 1832 год читаем: «От введения поземельного сбора по некоторым конторам получено сверх расписания 671046 руб., и сие тем более заслуживает внимания, что повсеместный неурожай прошедшего года не обещал столь выгодных последствий»[1].

Кроме поземельного сбора, удельное ведомство получило десятки тысяч рублей дохода за так называемые излишние земли, отрезанные от крестьянских полей. Во что обходился удельным крестьянам поземельный сбор, можно судить по следующим данным. В 1829 году удельное ведомство получало с крестьян всех удельных имений 4.543.410 рублей оброка, а в 1833 году в связи с введением поземельного сбора было получено уже 5.805.256 рублей, или на 28 проц. больше по сравнению с 1829 годом[2].

Используя феодальные права на землю и пользуясь внеэкономическим принуждением, удельное ведомство достигло своей цели: оно повысило доходность своего хозяйства за счет разорения и тяжелой эксплуатации крестьянских масс. Однако, Департамент уделов не остановился на тех нормах поземельного сбора, которые были установлены инструкциями и распоряжениями 1830 — 1831 гг. Изыскивались новые формы и способы выколачивания с крестьян дополнительных средств. Для увеличения поземельного сбора удельное ведомство воспользовалось 8-й ревизией населения. В связи с этой ревизией населения в 1834 году Департамент уделов распорядился не производить нового измерения крестьянских земель на том основании, что такая работа была недавно выполнена и существенных изменений в крестьянском землепользовании за это время не произошло[3]. Но для того, чтобы наделить землею новые ревизские души, предлагалось равномерно сократить старые крестьянские наделы и за счет этого сокращения наделить крестьян, вошедших в новую ревизию. По новой инструкции наделение крестьян

---

[1] Всеподданнейший отчет за 1832 г., стр. 4 — 5.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 22, д. 85, лл. 2 — 4; Всеподданнейший отчет за 1833 г., стр. 4, 16—17.

[3] Свод удельных постановлений, ч. 2, приложение № 10.

запасной землею категорически запрещалось. Запасные земли можно было разделить на тягла только в том случае, если крестьяне данного селения платили за них поземельный сбор; запасные земли, ранее сдававшиеся в аренду, по-прежнему оставались отделенными от крестьянских полей.

Для того, чтобы повысить доходность удельного хозяйства, сохранить запасные земли и наделить новых крестьян наделом, предлагалось сократить крестьянское землепользование и произвольно повысить цену на рожь, а следовательно, и на другие зерновые культуры. Мы повторяем пример, приведенный в удельной инструкции для чиновников контор. Для того, чтобы оценить землю по-новому, предлагалось «прежнюю цену ржи умножить на прибавку народонаселения, и полученное число приложить к прежней цене ржи». Так, прежняя цена четверти ржи была установлена в 4 рубля; к прежним 100 душам крестьян 7-й ревизии прибавилось 20 человек 8-й ревизии, а всего 120 ревизских душ, следовательно, 400 коп. (прежняя цена четверти ржи) умножается на 20 (прибавочные ревиз. души), в итоге получается 8000; этот итог делится на 100 (прежние рев. души), дающий 80 копеек, которые вместе с прежнею ценою, 4 рубля, составляют новую цену ржи — 4 руб. 80 коп. Короче говоря, поземельный сбор увеличивался не за счет наделения новых крестьянских душ запасною землею, а путем искусственного повышения цен на рожь[1].

Задача управляющих конторами состояла в том, чтобы наличную крестьянскую землю разделить равномерно между старыми и прибавочными ревизскими душами. Новые правила для крестьян означали дальнейшее сокращение крестьянского землепользования. О том, как повышался поземельный сбор в связи с 8-й ревизией, свидетельствуют те же примеры, которые были даны Департаментом уделов для чиновников удельных контор, для их практического руководства. Так, например, в селе «Н» размеры поземельного сбора по 7-й ревизии были установлены следующим образом: в 1831 году в этом селе находилось 840 душ или 420 тягол, урожай хлеба определялся сам-3, цена четверти ржи — 4 рубля. Исходя из этих данных, доход с одной десятины ржи устанавливался в 10 руб., из которых $^{2}/_{5}$ или 4 рубля шло в пользу удела. Приравнивая рожь к другим культурам — получали дохода от 840 душ крестьян всего селения[2]:

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 2, приложение 10.

[2] Там же, таблица.

Количество земли при селении	Десятин	Доходы		2/5 в пользу удела (руб.)
		с одной десятины (руб.)	всего	
Озимого	1701	10	17010	6804
Ярового	1701	5	8505	3402
Пару	1701	—	—	—
Усадьба, овощники	112	40	4520	1808
Конопляники . .	42	20	840	336
Сенокос, выгон степь	252	2,5	630	252
Всего . .	5509	—	31505	12602

Таким образом, 5509 десятин земли для 840 крестьян, по определению чиновников, давали 31505 рублей дохода, из которого $^{2}/_{5}$, или 12602 руб., платили в пользу удельного ведомства.

В связи с 8-й ревизией в том же селе население увеличилось с 840 до 1260; урожай хлеба определили сам-3, цену четверти ржи установили в 6 рублей (420 × 400 : 840 = 2 руб.) Теперь полный земельный доход с одной десятины ржи устанавливался в 15 руб., вместо 10 рублей, как это было определено 2 — 3 года тому назад. При условии, что доход с одной десятины ржи составлял 15 рублей, $^{2}/_{5}$ или 6 рублей, шло в пользу Департамента уделов. Хотя количество земли оставалось прежнее и урожаи те же, но от механического повышения цен на хлеб, искусственно повышались доходы с земельных угодий[1].

Количество земли при селении	Десятин	Доходы		2/5 в пользу удела (руб.)
		с одной десятины (руб.)	всего (руб.)	
Озимого	1701	15	25515	10202
Ярового	1701	7,5	12757	5103
Пару	1701	—	—	—
Усадьба, овощники	112	60	6780	2712
Конопляники . . .	42	30	1260	504
Сенокос, выгон, степь	252	3,75	945	379
Всего	5509	—	47257	18900

[1] Свод удельных постановлений, ч. 2, приложение 10.

Анализируя данные двух приведенных выше таблиц, нетрудно убедиться в произволе, царившем при определении поземельного сбора: через два—три года после введения поземельного сбора, при том же количестве земли, крестьяне вынуждены были платить вместо 12602 рублей, 18900 рублей или поземельный сбор в связи с 8-й ревизией увеличился на 50 проц.

Чтобы глубже понять сущность поземельного сбора, целесообразно раскрыть механику увеличения денежной ренты на каждое тягло из следующих примеров. Так, размеры земельных участков и поземельный сбор с одного тягла (2 рев. души) по 7-й ревизии определялись[1]:

Земля на одно тягло	Дес.	Саж.	Рента с 1 дес. земли в пользу удела (руб.)	Поземельный сбор			
				с одного тягла		со всего селения	
				руб.	коп.	тягол	руб.
Озимого	4	120	4	16	20	420	6804
Ярового	4	120	2	8	10	420	3402
Пару	4	120	—	—	—	—	—
Усадьба, овощники	—	645	16	4	30	420	1808
Конопляники	—	240	8	—	80	420	336
Сенокос, выгон, степь	—	1410	1	—	60	420	256
ВСЕГО:	13	285	—	30	—	420	12602

В связи с 8 ревизией размеры земельных участков для каждого тягла сократились, а поземельный сбор фактически увеличился на 50 проц. Так, например[2].

Земля на одно тягло	Дес.	Саж.	Денежная рента с 1 дес. в пользу удела	Поземельный сбор			
				с одного тягла		со всего селения	
				руб.	коп.	число тягол	руб.
Озимого	2	1680	6,02	16	20	630	10206
Ярового	2	1680	3	8	10	630	5103
Пару	2	1680	—	—	—	—	—

[1] Свод удельных постановлений, ч. 2, приложение 10.
[2] Там же.

Земля на одно тягло	Дес.	Саж.	Денежная рента с 1 дес. в пользу удела	Поземельный сбор			
				с одного тягла		со всего селения	
				руб.	коп.	число тягол	руб.
Усадьба, овощники	—	430	24	4	30	630	2709
Конопляники	—	160	12	—	80	630	504
Сенокос, выгон	—	960	1,50	—	60	630	378
ВСЕГО:	8	1790	—	30	—	630	18900

Приведенные в двух таблицах данные о размерах земельных наделов по 7-й и 8-й ревизиям наглядно убеждают нас в том, как удельное ведомство искусственно, в ущерб экономическому состоянию крестьянских хозяйств, повышало доходность с крестьянских полей, при сокращении крестьянского землепользования. Из первой таблицы видно, что две ревизские души (тягло) за 13 десятин всех земельных угодий платило 30 рублей в пользу удельного ведомства, а 420 тягол всего селения — 12600 рублей. Вторая таблица не менее ярко показывает сокращение крестьянских земельных участков и значительное повышение поземельного сбора. В связи с прибавлением душ по 8 ревизии, крестьянский надел сокращался с 13 до 8,5 десятины земли, а удельный доход увеличивался с 12600 руб. до 18900 рублей, или на 50 процентов.

В таком же соотношении повышался доход и с запасных земель.

Переоценка земли в 1834 году увеличила на много процентов поземельный сбор. Возьмем для примера ту же Казанскую удельную контору.

Поземельный сбор казанского имения по 7-й и 8-й ревизиям[1].

Ревизии	Число душ	Коренная земля в десятин.	Сумма оброка за коренную землю	Запасная земля в десятин.	Сумма оброка за запасную землю	Всего рублей дохода
7-я рев. . . .	13577	43299	176460	6470	17527	193987
8-я рев. . . .	13745	43299	206175	6470	20554	226729
Увеличение по сравнению с 7-й ревизией . . .	168	—	29715	—	3027	32742

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 230, лл. 363 — 387; д. 273, лл. 71 — 72.

Таким образом, 8-я ревизия населения только по Казанскому удельному имению принесла значительное повышение поземельного сбора: 194 тыс. рублей было по 7-й ревизии, 226,7 тыс. рублей было получено по 8-й ревизии, или поземельный сбор увеличился больше, чем на 16 процентов.

Поземельный сбор повышался не только в период ревизий, но и между ревизиями. Сравним табели поземельного сбора за 1835 и 1836 год по той же Казанской удельной конторе[1].

	Число рев. душ	Платежи поземельного сбора (в руб.)			
		в казну	в удел за коренные участки	в удел за излишние земли	Всего
По табели 1835 г. . .	13744	57189	153119	15936	226236
По табели 1836 г. . . .	13748	58498	151847	39561	249906
Больше против 1835 года	4	13 9	—	23625	23672

В 1836 году площадь земли оставалась прежней, количество ревизских душ увеличилось за год только на 4 человека, а поземельный сбор по сравнению с 1835 годом возрос на 23672 рубля, или за один год больше, чем на 10 проц. Управляющий Казанской конторою, представляя подробные сведения о поземельном сборе, писал в Департамент уделов, что «удельный доход возвышен против 1835 года на весьма значительную сумму, которую... едва ли крестьяне в состоянии будут уплачивать»[2]. В секретном рапорте на имя Перовского управляющий Казанской конторою высказал свои сомнения по поводу систематического повышения поземельного сбора. Он сомневался в том, что возьмут ли крестьяне запасные земли в аренду, потому что платежи за них значительно возвысились, в некоторых селениях почти равняются, «а во многих превосходят тягловые оклады».

Наиболее эффективных результатов по введению поземельного сбора Департамент уделов достиг в Симбирской губернии. Усилия и ухищрения по обменной операции государственных крестьян на удельные оправдали все надежды удельного ведомства уже в 1836 году. Для примера достаточно взять 3 уезда Симбирской губернии: Самарский, Симбирский и Ставропольский. По 8-й ревизии в этих уездах числи-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 273, л. 274.
[2] Там же, л. 276.

лось 74328 ревизских душ удельных крестьян, плативших до поземельного сбора 743290 руб. подушного оброка. В 1836 году те же крестьяне платили поземельный сбор[1]:

Число крестьян	Тягол	Поземельный сбор в (руб.)			Казенные подати за крестьян	Чистый доход в пользу удела
		на корен. участки	за запашную землю	всего за землю (руб.)		
74329	37164,5	1114915	91978	1206893	266393	940500

Таким образом, поземельный сбор против подушного оброка только по 3 уездам Симбирской губернии увеличился на 197,2 тыс. рублей или на 26,7 прсц. Уже в 1837 году большая часть крестьян Симбирской губернии, перечисленных в удел, была обложена поземельным сбором[2].

Из года в год поземельный сбор все увеличивался. Сверх сметы, или так называемого расписания, удельное ведомство от поземельного сбора дополнительно получало сотни тысяч рублей ежегодного дохода. В течение 10 лет, с 1830 по 1839 год, поземельный сбор дал чистого дохода 9.977.655 рублей. В 1838 году поземельный сбор, по утверждению министра двора «уже превышал четвертую долю прежнего подушного оклада». Доходы с оброчных статей за счет излишних статей за то же время дали чистой прибыли 2.263.129 рублей, или по сравнению с 1826 годом, доход с оброчных статей увеличился почти вдвое. Удельное ведомство определило: «Если бы удельные доходы оставались поныне в том же виде, в каком были в 1826 году, то удельный капитал не только не получил бы выше показанного приращения в 13.245.266 рублей, но еще должен бы по необходимости принять на свой счет и те издержки в 6.505.317 рублей, кои были произведены к поддержанию благосостояния крестьян, потому что другого источника для покрытия сих издержек в то время не было, и тогда в кассе министерства уделов к 1 января 1840 года вместо нынешних 23.570.372 рублей, состояло бы налицо только 3.819.829 рублей»[3]. Удельное ведомство делало так называемые благодеяния крестьянам за счет общественной запашки.

Таким образом, Департамент уделов в результате позе-

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 432, л. 89; д. 392, л. 438.
[2] Всеподданнейший отчет за 1837 г., стр. 19.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 22, д. 244, лл. 5 — 8, 27.

мельного сбора и сдачи оброчных статей в аренду получал большие доходы. В 1840 году он планировал получить дохода от удельного хозяйства 7.664.595 рублей ассигнациями. На долю крестьян Среднего Поволжья приходилась большая оброчная сумма (в ассигнациях), что видно из приведенных ниже данных[1].

Названия удельных контор	Число душ крестьян	В пользу удела		
		оброки с крестьян (руб.)	с оброчных статей (руб.)	всего (руб.)
Алатырская	63803	6304 0	32585	663015
Казанская . . .	13864	137530	16903	154433
Самарская . . .	64298	636730	150988	787718
Симбирская . .	52861	524720	32300	557020
Сызранская . . .	67804	671880	100905	772785
ИТОГО .	262630	2.601.300	333 81	2.934.971

Таким образом, только удельные крестьяне Среднего Поволжья отдавали более 38 проц. общего дохода в пользу удельного ведомства — в кассу дома Романовых.

Поземельный сбор возрос за счет увеличения числа крестьян, переводимых с подушного оброка на новую форму феодальной ренты. В 1833 году на поземельный оброк было переведено 220 тыс. ревизских душ, в 1840 году уже 502 тыс. душ, а в 1843 году — 587 тыс. душ. В 1843 году на подушном оброке осталось только 98 тыс. душ, или 16,6 проц.[2]. В 1845 году реформа по введению поземельного сбора, в основном, закончилась[3]. Только в малоземельных селениях крестьяне остались на прежнем подушном оброке, хотя в последующее время таких крестьян оставалось с каждым годом все меньше и меньше. Тех крестьян, которые оставались на подушном оброке, по распоряжению Департамента уделов, в 1840 году уравняли с оброчными окладами государственных крестьян[4]. Основная масса удель-

---

[1] Всеподданнейший отчет за 1839 г. стр. 42.

[2] Всеподданнейший отчет: за 1833 г. стр. 16—17; за 1840 г. стр. 27; за 1843 г. стр. 32.

[3] Всеподданнейший отчет за 1848 г. стр. 40.

[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 366. л. 488. Распоряжение Департамента уделов в 1840 г. об уравнении в оброках удельных крестьян с государственными — некоторых исследователей завело в заблуждение. Богатикова — в частности, в своей кандидатской диссертации пишет, что удельные крестьяне до 1840 года платили подушных оброков меньше, чем государственные крестьяне. Это относится не ко всем, а только к некоторым крестьянам, состоящим на подушном оброке и не во всех, а только в малоземельных губерниях.

ных крестьян, переведенных на поземельный сбор, тяжесть оброка ощущала значительно больше, чем государственные крестьяне.

О степени возвышения поземельного сбора можно судить по следующим данным[1]:

Годы	Сумма поземельного сбора (руб.)	Сумма подушного оброка (руб.)	Всего
1840	1.794.906	488.513	2.283.419
1843	2.131.871	271.927	2.403.798

В 1843 году поземельный сбор возрос по сравнению с 1840 годом на 336.965 рублей серебр., или на 18 проц., а подушный оброк уменьшился почти в два раза. Таким образом, поземельный сбор рос как относительно, так и абсолютно по сравнению с подушным оброком.

Тяжесть поземельного оброка для удельных крестьян еще больше увеличилась, когда в 1836 году произошли новые изменения в исчислении денежной ренты. По правилам поземельного сбора 1831 г. казенные и земские повинности за удельных крестьян уплачивались из удельного дохода, составляющего $^2/_5$ части ценности земли. Основанием этому, как утверждал Департамент уделов, в 1836 году служило соображение, что земская повинность в то время была «весьма умеренна» и ежегодное ее увеличение происходило не рублями, а копейками. Так было в течение 10 — 20 последних лет. Удельное ведомство поэтому и предполагало, что уплата казенных податей из суммы поземельного сбора не уменьшит удельного дохода. Однако жизнь показала, что казенные сборы все время возрастали и по отдельным губерниям достигали больших размеров. Исходя из вышеизложенного, Департамент уделов распорядился, чтобы с 1836 года из сумм поземельного сбора подушную подать и казенные повинности за одну ревизскую душу платить до одного рубля, остальные суммы выплачивать за счет дохода от общественной запашки[2].

Отступая от правил поземельного сбора, Департамент уделов снова все тяжести денежных повинностей перекладывал на крестьянские плечи. Крестьяне платили из своего бюджета

---

[1] Всеподданнейшие отчеты: за 1840 г. стр. 8, за 1843 г. стр. 8—10.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 320, л. 485.

деньги на общественные нужды, размер которых устанавливал сам Департамент уделов. По утверждению удельного ведомства, крестьяне должны давать деньги на общественные расходы независимо от земли, потому, что они «как жители селения имеют нужду в личном охранении себя и своего семейства, в охранении целости имущества, дома, скота, полей и угодий по средствам, избранных из среды их начальников, которые необходимы для содержания порядка в селении и разбирательства на месте споров и жалоб»[1].

По воле удельного ведомства крестьяне расходовали огромные суммы денег на общественные нужды. Как это видно было из предыдущей главы, размеры общественных расходов устанавливались не крестьянами, а удельным ведомством путем внеэкономического принуждения. Поэтому рассуждения чиновников о том, что деньги на общественные нужды должны добровольно платить сами крестьяне — простая уловка для одурачивания крестьян. В результате, казенные и общественные повинности вместе с поземельным сбором были значительно больше тех доходов, которые крестьяне получали от своей земли.

Уже накануне реформы, в 1859 году, апологеты самодержавия и крепостничества дали нелестный отзыв о поземельном сборе. В 1859 году царь приказал отменить обязательные работы в государственных и дворцовых имениях и вместо этих работ ввести поземельный сбор. Особый комитет, состоявший из представителей министерства государственных имуществ и удельного ведомства, не согласился с предложением царя. Комитет по этому поводу отметил: «Способ определения поземельного сбора по правилам, установленным тридцать лет назад, был основан на исчислениях не вполне точных, но только приблизительных... Но так как опыт указал, что оценки земель, исполненные по этому способу, не с достаточною точностью обнаруживают действительную ценность земель, то было признано неудобным руководствоваться этим способом при предстоящей оценке земель, находящихся в пользовании государственных и дворцовых крестьян»[2].

Из всего сказанного можно заключить, что сам принцип поземельного сбора со дня его введения, вплоть до самой реформы, нарушался, и за его прогрессивной оболочкой скрывалось феодальное содержание.

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 2, приложение, стр. 39.

[2] Всеподданнейший отчет за 1859 г, стр. 16—17.

Отношение удельных крестьян к поземельному сбору

Введение поземельного сбора в удельной деревне явилось мерой повышения доходности для императорской фамилии царствующего дома Романовых. Усиление феодальной эксплуатации вызвало сопротивление крестьянства, которое использовало все средства борьбы, направленной против удельного ведомства. Против усиливающегося феодального гнета в стране выступали вместе с удельными крестьянами другие разряды крестьян. Все это в конечном итоге еще больше обостряло кризис феодально-крепостнической системы.

Как только был введен поземельный сбор, крестьяне сразу же поняли его сущность и значение для себя и для удельного ведомства. Большое озлобление у крестьян вызвали действия удельных чиновников по отрезке «излишних» земель, которыми крестьяне пользовались веками. Управляющий Казанскою удельною конторою сообщал в Департамент уделов, что во всех селениях, где оказалась излишняя земля, крестьяне настоятельно просили оставить ее в распоряжении их общества за особую плату, установленную удельным ведомством[1].

В отдельных селениях земельные «излишки» достигали больших размеров. Так, 267 крестьян города Лаишева и деревни Лазаревой Воскресенского приказа до введения поземельного сбора владели сообща 3279 десятинами земли, в том числе находилось 2357 десятин лугов. На основании правил поземельного сбора на 235 ревизских душ крестьян города Лаишева выделили 596 десятин пахотной земли, или по 2,5 десятины на каждую душу. 32 ревизских души лазаревских крестьян получили 76 десятин пахотной земли и 26 десятин лугов. Остальную землю, 254 десятины пахотной и 2144 десятины лугов, отрезали у лаишевских и лазаревских крестьян, оценили ее в 11.472 рубля и передали в другие руки. Если бы этим крестьянам удалось взять ранее им принадлежавшую «излишнюю» землю, то они платили бы вместо 10 рублей подушного оброка 58 рублей с каждой ревизской души. До поземельного сбора крестьяне этих селений платили 2670 рублей оброка в год, теперь же они должны отдавать удельному ведомству 3505 рублей за основные участки земли и 11472 рубля за «излишнюю» землю.

Оценка земель лаишевских и лазаревских крестьян наглядно свидетельствует, как Департамент уделов путем поземельного

---

1 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д: 229, л: 375; д. 230, лл: 344 — 347, 376 и др:

сбора выколачивал из крестьянских масс дополнительные доходы.

Даже чиновники понимали, что лаишевским и лазаревским крестьянам нельзя отдавать всю «излишнюю» землю, иначе они попадут в неоплатные долги. Уже осенью 1830 года управляющий Казанской конторы сообщил своему ведомству, что крестьяне не желают расстаться с отрезанными у них землями и готовы за любую цену оставить их в своих руках, а это, естественно, приведет к недоимкам, «ничем не обеспеченным». Опасаясь за крестьянские недоимки, управляющий просил Департамент уделов отрезанную у лаишевских крестьян землю разделить на небольшие участки и ежегодно продавать их с торгов.

Лаишевские и лазаревские крестьяне увидели, что их обобрали, как липку, что у них отрезали землю, которой пользовались их деды и прадеды. Они не раз упрашивали местное начальство отдать им отрезанные земли. Не добившись желаемых результатов на месте, крестьяне через несколько месяцев обратились к царю, а в 1836 году к наследнику, но им так и не возвратили отрезанных земель[1].

Удельные чиновники понимали, что отрезанные земли могут остаться необработанными, поэтому они стремились передать эти земли в другие руки или отдать за особую плату тем же крестьянам. Пользуясь правом внеэкономического принуждения, Департамент уделов обязал подведомственных ему крестьян брать излишние земли всем обществом, а не в одиночку, в противном случае предлагал сдавать их в другие руки и с торгов. Однако цены на отрезанные земли были так высоки, что не все крестьяне могли ими пользоваться. Когда крестьянам села Ченчурино Казанского имения предложили взять такие земли, то из всего общества нашлось только 70 человек, которые согласились на это. Других арендаторов на землю, по-видимому, не было. Поэтому Казанская контора и принуждала крестьян этого селения взять излишнюю землю всем обществом. Внушения удельных чиновников ни к чему не привели, ченчуринские крестьяне отказались принять эту землю и по «крайней своей бедности не желают и платить за нее». В 1831 году удельный землемер отрезал «излишнюю» землю у ченчуринских крестьян, которая и была передана в оброчную статью[2].

Крестьянам приходилось не только платить за пахотную

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 229, л. 378; д. 230, лл. 256 — 257, д. 273 л. 513.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 251, лл. 45—56; д. 228, л. 104.

землю, луга и выгоны, но и платить в три—четыре раза дороже, по сравнению с полевой землей, за сады, огороды и конопляники, чего раньше не было.

Материальное положение удельных крестьян после введения поземельного сбора сразу же ухудшилось. Крестьяне многих селений и даже приказов уже в первый год введения поземельного сбора оказали сопротивление удельным чиновникам. Большинство крестьян возмущалось тем, что удельное начальство нашло много излишних земель, в то время, как их для крестьян не хватало.

Известно, что со дня образования удельного ведомства и до введения поземельного сбора многие удельные имения считались малоземельными, крестьяне все время искали новых земель для переселения. Сам Департамент уделов много раз поднимал вопрос перед правительством о наделении удельных крестьян угодьями за счет казенных земель, о переселении малоземельных крестьян в другие губернии на государственные земли. Теперь же, с введением поземельного сбора и оценкой земель, вдруг нашли излишние площади, которые отбирали у крестьян и превращали в оброчные статьи.

При введении поземельного сбора тысячи крестьян Вятской конторы заявили удельным чиновникам, что им, крестьянам, даш мало земли, что лучшую и в большом количестве землю у них отрезали. Недовольство крестьян усиливалось тем, что их заставили брать излишние земли за особую плату в пользу удельного ведомства. Крестьяне многих приказов Вятского имения восстали, они потребовали не только упразднения поземельного сбора, но и передачи их в разряд государственных крестьян. Только при помощи военной силы восстание вятских крестьян было подавлено[1].

Против введения поземельного сбора в 1830 году выступили крестьяне Золотовского приказа Саратовской удельной конторы. С восставшими крестьянами местные власти не могли справиться, и только военная команда привела крестьян в повиновение. Восстание было подавлено, участников его предали военному суду. Военный суд вынес суровый приговор: 4 крестьян села Банновки как руководителей восстания постановили прогнать сквозь строй через тысячу человек по одному разу и отправить их в арестантские роты. Мещанина Попова, писавшего от имени крестьян жалобу и 10 крестьян, ходатайствовав-

[1] История уделов, т. II, стр. 141.

ших об отмене поземельного сбора, было решено прогнать сквозь строй через 200 человек один раз и годных отдать в солдаты. Расходы, связанные с выездом губернатора, военной команды и чиновников, в сумме 1350 рублей—суд постановил взыскать с крестьян. Этот приговор был утвержден царем и приведен в исполнение[1].

Против поземельного сбора и за возврат «излишних» земель крестьяне выступали не только в 1830 году, но и позже.

Крестьяне деревень Добриной, Сходневой и Михайловки Оренбургского имения в 1834 году оказали сопротивление местным властям при взыскании денег за излишние земли, которыми они пользовались до поземельного сбора и после введения его платили дополнительные деньги. Над крестьянами учинили жестокую расправу. Одного из руководителей сопротивления отдали в рекруты, другого сослали в Сибирь на поселение, четырех — в смирительный дом. Для предотвращения подобных волнений Департамент уделов предписал всем конторам объявить крестьян и во всех приказных и сборных избах вывесить по одному экземпляру решения «для сведения и предостережения других крестьян от подобных поступков»[2].

Однако распоряжение удельного ведомства не повлияло на крестьян, они требовали возврата отрезанных у них земель.

Крестьяне с. Ченчурина и деревни Нечасовой Казанского имения в 1836 году отказались платить деньги за «излишние» земли. За ослушание и непокорность властям, как говорится в предписании министра двора, крестьян Василия Степанова и Платона Акимова, как главных руководителей сопротивления «и оказавших дерзость» приказано наказать: первого отдать в рекруты в счет будущих наборов, а квитанцию, полученную за него, продать, если же он окажется непригодным к военной службе — наказать розгами и оставить на месте жительства; второго — Платона Акимова, как более виновного приказано сослать в Сибирь на поселение. Другим крестьянам предлагалось внушить, «чтобы впредь не дерзали ни на малейшее ослушание против власти, под опасением строгой и неизбежной ответственности по законам»[3]. Все расходы, связанные с успокоением крестьян, отнесли на их счет. Жестокие меры не успокоили крестьян, они использовали любые средства для борьбы с удельным ведомством.

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 250, л. 10.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 272, л. 308; ф. 318, оп. 3; д. 136; л. 5.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 345, л. 384.

Для предотвращения волнений и успокоения самих крестьян, удельное ведомство решило изменить термины в инструкциях поземельного сбора. Так как термин «излишние земли» возмущал крестьян, Департамент уделов в 1833 году распорядился: «Для отвращения недоразумения крестьян в сем отношении и предупреждения неосновательных с их стороны отзывов, к которым отчасти дает повод самое наименование земель излишних, Департамент уделов... предписывает: именовать впредь сии земли не излишними, а запасными, каковое название вполне соответствует самому назначению сих земель»[1]. Но от изменения термина материальное положение крестьян, конечно, не улучшилось.

С введением поземельного сбора произвол над крестьянами еще более увеличился. Почти сплошь неграмотные крестьяне не понимали всей механики вычислений и оценок земли, урожая и цен на хлеб. Они все это рассматривали как простое увеличение подушного оброка. В отношении непонятливости крестьян Департамент уделов в 1838 году писал своим управляющим: «крестьяне, по ограниченным своим понятиям, не могут еще доселе вразумиться в цель и сущность поземельного сбора, вообще и в особенности, относительно земель излишних». Крестьяне, говорилось в этом письме, до сих пор рассчитывают землю на число душ, исходя из 15- или 8-десятинной нормы. Поэтому они «делают неосновательные отзывы, что не только так называемой излишней земли у них нет, но если бы всех угодий при селении было более, то и тогда не было бы в земле излишка, и что будто бы с них взыскивается излишняя плата»[2]. Удельные чиновники понимали, что письмом Департамента уделов нельзя изменить отношение крестьян к поземельному сбору, что заявление крестьян — «если бы всех угодий при селении было более, то и тогда не было бы в земле излишка» — было также правильным.

Сокращение крестьянского землепользования, частые неурожаи, повышенные денежные оброки — все это отражалось на благосостоянии основной массы удельных крестьян. Значительную часть своего хлеба крестьяне должны были продавать на рынке для уплаты оброков и податей, часто оставляя свою семью без куска хлеба. Но так как и хлеба не хватало, крестьяне прибегали за помощью к ростовщикам, надеясь в будущем кое-как извернуться. Деньги обычно занимали всем крестьян-

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 349, л. 382.
[2] Там же, л. 384.

ским обществом, потому что для ростовщика это было более верное средство получить со всего мира, чем с отдельного крестьянина. Многочисленные денежные повинности и оброки вынуждали многих крестьян брать за большие проценты деньги у своих богатых односельчан, соседних помещиков или священников. Показательны в этом отношении денежные долги удельных крестьян Алатырского и Ардатовского уездов Симбирской губернии. Удельные крестьяне указанных уездов до 1831 года задолжали разным кредиторам десятки тысяч рублей. Только крестьяне 14 селений Сыресевского и Атяшевского приказов должны были кредиторам около 20 тыс. рублей[1]. Обычно расчеты крестьян с кредиторами были запутаны, последние предъявляли крестьянам огромные суммы денег, «брали притом несоразмерные проценты, потом получая денежную сумму, контракты не возвращали и требовали вновь» долги[2]. Отдельные крестьянские общества были настолько бедными, что денежные долги вместе с высокими процентами выплачивали на протяжении многих лет.

Обеднение крестьян порождало их недоимочность. За первую половину 1831 года крестьяне одиннадцати удельных имений должны были заплатить 1514 тыс. руб. удельных оброков, внесли же только 1217 тыс. рублей, и осталось за ними в недоимке 297 тыс. руб.[3]. За вторую половину 1833 года поземельный сбор поступил в Казанскую удельную контору только по Вараксинскому и Анатышскому приказам и по Чинчуринскому отделению. По Воскресенскому и Сухорецкому приказам осталось в недоимке за указанное время по первому приказу 8423 руб. и по второму — 6306 руб. Причины крестьянской задолженности контора объясняла бедностью крестьян, неурожаями и падежом скота[4].

Произвольная оценка земель возмущала крестьян, многие из них пытались доказать своим властям несправедливость оброчного обложения. Так, удельные крестьяне деревни Дальней Кузнецовой Царевококшайского уезда в 1836 году писали царю, что их деревня состоит рядом с деревнею Юшковой и селом Кузнецовым. Замля в трех селениях одинакового качества и равна по тягловым участкам. Однако крестьяне села Кузнецова платят по 8 руб. 73 коп., деревни Юшковой—по 9 руб. 28 коп., а

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 324, л. л. 641—658.
[2] Там же, л. 394.
[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 250, л. л. 107—108.
[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 277, л. л. 11—12; д. 272, л. 398

они по 11 руб. 28 коп. с души, «каковой неуравнительной денежной с нас сбор против означенных села Кузнецова и деревни Юшковой обывателей есть крайне отяготительный и приводящий нас в несостояние и к самому разорению»[1].

Крестьяне деревни Андреевки Кержимановского приказа Симбирской конторы в 1835 году жаловались начальству, что у них отрезали 240 десятин земли, а поэтому они «претерпевают крайнее разорение»[2]. В 1839 году крестьяне д. Малой Качаевой Алатырской конторы писали в Департамент уделов о том, что они имеют на ревизскую душу по одной десятине земли и «претерпевают по такому малоземелью совершенный недостаток в содержании себя с семействами и едва могут уплачивать казенные подати». Указывая, что соседние удельные селения имели несравненно больше земли и угодий, просили уравнять их в земле с соседними селениями. Однако Департамент решил «оставить их в настоящем положении относительно владения землею»[3].

Крестьяне д. Озерок Красно-Островского удельного приказа Алатырской конторы жаловались на то, что они имеют на одну ревизскую душу по 1052,5 саж., в числе которой часть во время весеннего разлива заливается водою, выходящею из берегов р. Суры. Такая земля, «не принося никогда почти урожая и обывателей ввергает в напрасные труды и потерю семян», поэтому они испытывают большие затруднения не только в исправном платеже поземельного сбора и податей, но и в содержании своих семейств, многие хозяйства разорились, а крестьяне впали в бедность[4].

Крестьяне д. Русских Чукал Симбирской конторы в 1842 году составили мирской приговор о том, что их селение замежевано в одну окружную межу с соседними деревнями Старых и Новых Чукал, «поземельный сбор платят с ними одинаковый, но владеют землею скудной по урожаю хлеба, грунт ее песчаный и гористый, напротив того крестьяне Старых и Новых Чукал имеют во владении землю хлебородную и лугов в излишестве, из коих половинное количество отдают в наймы частным лицам». Паркинский приказ подтвердил требование крестьян, но из переписки не видно, чем закончилось это дело[5].

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 273, л. 303.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 79, л. 162.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 488, л. 54.
[4] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 31, лл. 1—5, 21—22.
[5] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 559, л. 243.

Многочисленные жалобы крестьян обычно оставались без последствия, на них слабо реагировало удельное ведомство. От глухого ропота крестьяне часто переходили к открытым выступлениям. Поземельный сбор и общественная запашка настолько ухудшили экономическое положение удельных крестьян и лашман, что они в 1839 году вместе с помещичьими крестьянами выступили против удела и помещичьей власти.

В 1839 году весна и лето в Среднем Поволжье оказались засушливыми, и в селах часто стали возникать пожары. В это лето удельные крестьяне Симбирской губернии в результате пожаров потеряли 2733 дома[1]. Среди крестьян прошел слух, что деревни жгут удельные чиновники и помещики «для разорения крестьян, которые назначены быть вольными или отданы в приданное ее императорскому высочеству великой княжне Марии Николаевне». Эти слухи вскоре дополнились другими: что «его высочество» — наместник женится на дочери турецкого султана и в честь этих торжеств «сожгут три губернии» в качестве свадебной иллюминации[2]. Симбирский губернатор доносил в министерство внутренних дел, что по базарам и кабакам распространяются слухи о том, что «удельные чиновники будут жечь, чтобы ввести желаемую правильность усадеб, а помещики потому, что не хотят лишиться своих имений, которые возьмут за долги в удел за наследника престола»[3].

Волнения крестьян начались в мае 1839 года и продолжались около двух месяцев.

Наиболее бурно происходили волнения удельных крестьян в Сызранском и Сенгилеевском уездах. В удельной деревне Старо-Тимошкиной татары не допустили тушить пожара голову Анкудиновского приказа, а двух писарей, сопровождавших его, жестоко избили, связали им ноги и руки и в таком виде представили становому приставу. Удельные крестьяне грозили убить не только приказного голову, но и управляющего Сызранской конторы. Удельные крестьяне деревни Ахматлеи Сызранского уезда арестовали по подозрению в поджоге голову Больше-Сайманского приказа и двух писарей и, продержав их под караулом двое суток, отправили к становому приставу.

Крестьяне расправлялись не только с удельными чиновниками, но и с представителями полицейской власти. Удельные

---

[1] Всеподданнейший отчет за 1839 г., стр. 11.

[2] Мороховец Крестьянская реформа 1861 г., М. 1937, стр. 66.

[3] Е. Мороховец. Крестьянское движение в Поволжье в 1839 г. Труды института истории. Сборник статей, вып. I, 1926, стр 438.

крестьяне села Троицкий Сунгур, Сызранского уезда не пустили земского исправника в свое селение, «переменили ему лошадей у околицы, говоря, что ему там нечего делать без удельного депутата»[1].

Помещичьи крестьяне убивали помещиков, бурмистров, управляющих. Утром 31 мая 1839 года загорелось село Шигоны, Сенгилеевского уезда. На пожар сбежались крестьяне, работавшие на суконной мануфактуре помещика Кроткова. Пришел и сам помещик Кротков. Его вместе с камердинером убили и бросили в огонь[2]. В селе Репьевка, Карсунского уезда, крестьянское возмущение началось потому, что помещик, якобы, приказал сжечь контору и все селение. Вскоре на самом деле в селе Репьевке вспыхнул пожар и во время его «бунтовщики привязали к хвосту лошади бургомистра и мучили жестоко его сына; священник, увещевая с управителем, едва успел спастись в церкви»[3].

Волнения удельных и помещичьих крестьян грозили распространиться и на другие уезды. Симбирский губернатор настолько перепуган стихийными крестьянскими волнениями, что готов был сделать вывод об организованном заговоре. Он утверждал, что пожары вспыхнули в результате обширного заговора, «основанного на предварительной подготовке и тонком расчете». Пожары, по его мнению, производились злонамеренными лицами умышленно, «с целью вызвать волнения и подготовить гибель заранее намеченных жертв». Перепуганный губернатор просил правительство прислать в Симбирскую губернию для подавления крестьянских волнений казаков и калмыков, пехотную бригаду или в крайнем случае полк с конной ротой на случай «продолжения беспорядков и для успокоения помещиков, «пришедших в необыкновенный страх»[4].

Царское правительство, получив тревожные известия из Симбирской губернии, немедленно приняло экстренные меры. По распоряжению царя туда были посланы войска, флигель-адъютант князь Васильчиков и начальник 2-го округа корпуса жандармов генерал Перфильев.

Департамент уделов извещал управляющего Симбирской удельной конторы, что генерал Перфильев отправляется в Симбирскую губернию «для принятия самых решительных и скорых

---

[1] Е. Мороховец. Крестьянское движение в Поволжье, стр. 439, 441.

[2] Н. П. Гриценко. Очерки по истории города Симбирска—Ульяновска и Ульяновской области, ч I, Ульяновск, 1948, стр 134.

[3] Е. Мороховец. Крестьянская реформа 1861 г. стр. 67.

[4] Там же, стр. 444.

мер против буйства и беспорядков, возникших между жителями некоторых селений». Удельное ведомство приказало управляющему «все требования и распоряжения г. генерал-майора Перфильева исполнять в точности и немедленно»[1].

Для подавления крестьянских волнений Перфильев был наделен неограниченными полномочиями: он мог требовать любое количество войск из местных гарнизонов, создавать военно-полевые суды, чинить расправу над крестьянами. Военно-полевому суду были переданы многие крестьяне-«зачинщики беспорядков». Суд признал их всех виновными и приговорил к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь, с предварительным, до ссылки, наказанием шпицрутенами, кнутом, плетьми и розгами[2].

Подавив волнение крестьян, удельное ведомство еще больше усилило эксплуатацию подведомственных ему крестьян путем поземельного сбора и общественной запашки.

Оброчные статьи и их использование. С каждым годом Департамент уделов придумывал все новые и новые способы увеличения удельных доходов. Большинство «излишних», а позднее «запасных» земель, отрезанных от крестьянских полей, превращались в оброчные статьи, которыми крестьяне пользовались еще до введения поземельного сбора. Те оброчные статьи, которыми крестьяне пользовались до поземельного сбора, также облагались новым оброком. Так, в 1839 году Симбирская удельная контора открыла, что удельные крестьяне Уржумской слободы с 1819 года владели оброчной статьею в 292 десятины различных земельных угодий. Удельная контора указанную статью привела в соответствие с поземельным сбором, и уржумские крестьяне вместо 205 рублей, платимых ранее, стали платить с 1839 года 753 рубля — или более, чем в 3 раза[3]. Удельные крестьяне других приказов также стали платить за оброчные земли поземельный сбор.

Не доверяя сельским мерщикам и желая определить точное количество удельных земель, Департамент уделов с 1828 года приступил к инструментальной съемке земельных угодий в Пензенском, Симбирском, Нижегородском, Костромском и Архангельском имениях. Главное внимание было уделено имениям Симбирской губернии. В 30-х гг. XIX века производи-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 500, л. 267.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 22 (о состоянии Симбирской губ. за 1839 год), лл. 21—22.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 502, л. 32.

лась инструментальная съемка лесов, а с 1842 года межевые партии занимались преимущественно съемкой и разделением на участки оброчных статей, съемкой удельных селений.

На основании инструментальных измерений обнаружилось, что во многих селениях земли оказалось больше, чем значилось по данным сельских мерщиков. С увеличением земельных площадей, находившихся у крестьян, увеличивался, естественно, и размер платы за нее. Достаточно привести несколько примеров, чтобы убедиться в этом. Только по Ключищенскому приказу Симбирской губернии после инструментального измерения земли сумма поземельного сбора для крестьян значительно увеличилась[1].

Название селения	Десятин земли по измерен. сельск. мерщик.	Десятин земли по инструмент. измер.	Разница (в дес. больше)	Дополнит. сумма поземельн. сбора
Ключищи	7340	8508	1168	980 руб.
Кременки . . .	3332	5026	1688	1436 „
Солдат. Ташла . . .	6697	7729	1032	619 „
Ясашная Ташла . . .	3954	4348	394	361 „
ИТОГО .	21329	25611	4282	3396 руб.

Таким образом, только по 4 селениям обнаружено путем инструментального измерения 3.282 десятины земли, за которую крестьяне должны платить дополнительно 3.396 руб.

Часто малоземельные крестьяне просили отдать им в бесплатное владение отрезанную от них землю, но обычно им отказывали. Так, управляющий Алатырской удельной конторой в 1838 году писал своему начальству, что село Луньганский Майдан Козловского приказа состоит в числе малоземельных, и крестьяне имеют земли по 3 десятины на ревизскую душу, хотя при указанном селе есть запасная земля, которую желательно отдать им. На это Перовский ответил, что просьба крестьян о предоставлении им оброчной земли удовлетворена быть не может. Если же крестьяне, писал Перовский, «считают для себя выгодным иметь оную у себя по-прежнему в оброчном содержании, то могут участвовать в торгах на общих правилах»[2].

[1] ГАУО, ф. 328, оп. 1, д. 142, лл. 34—35.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 488, л. 27.

Департамент уделов иногда, правда, отдавал крестьянам оброчные статьи, но такие, которые никому не были нужны. В 1835 году Департамент предписал Симбирской конторе отдать в надел малоземельным крестьянам 16 оброчных земельных статей, «кои с торгов бывших в казенной палате с начала года по неявке желающих остаются неотданными в содержание».

И, если удельное начальство отдавало в пользу малоземельных крестьян бросовые оброчные статьи, то в отношении остальных оброчных статей оно проявляло особый интерес с целью повышения их доходности.

В 1835 году удельное ведомство в числе других казенных имуществ Симбирской губернии получило много оброчных земель, дававших значительный доход уделу.

Вскоре оброчные статьи, состоявшие из пахотных, сенокосных и других земельных угодий были переведены на поземельный сбор, отчего доходы резко увеличились. Так, в 1832 году доходы с оброчных статей всех удельных имений, составляли 306.725 рублей, а в 1838 году они достигли уже 609.600 рублей, т. е. за 6 лет доходы с оброчных статей увеличились вдвое[1]. Получая большие доходы с оброчных статей, Департамент уделов стремился упорядочить сдаваемые в аренду земли, повысить ответственность арендаторов за обработку почвы. Уже в 1836 году, когда казенные земли перешли в удел, управляющие конторами получили директиву о том, чтобы оброчные земли отдавать арендатору при условии «обрабатывать пашенную землю непременно с разделением оной на три поля, а отнюдь не засевать хлебом всей земли ежегодно, дабы она, после нескольких лет, не могла придти в истощение». По-видимому арендаторы не выполняли требований удельного ведомства, и землю доводили до полного истощения. В 1839 году в специальном письме управляющему Симбирскою удельною конторою было сказано, что арендаторы получив участки в 500—1000 десятин земли с правом неограниченного пользования, заботились лишь о том, чтобы получить как можно больше прибыли с большим ущербом для оброчной статьи. Разработав землю, арендаторы сеяли хлеб, не соблюдая никаких правил севооборота. При таком способе обработки, земля быстро истощалась и теряла свою «плодородную силу». Следовательно, говорилось в письме, «при переоброчке некоторых статей, оброк на них не только не возвысился, но напротив того уменьшился, собственно потому, что земля истощена или выпахана». В этом

[1] Всеподданнейшие отчеты за 1832 г., стр. 4—5; за 1838 г., стр. 5—6.

письме Департамент уделов потребовал от управляющего Симбирской удельной конторою, чтобы он придерживался основных правил при отдаче земли в оброчное содержание. Участки земли в 500 и больше десятин должны быть арендатором разделены на три части по указанию землемера или другого представителя удельной конторы. При сдаче земли арендатору должно быть поставлено условие, чтобы только 1/3 оброчной статьи находилась под посевом, а 2/3 под пастбищем или сенокосом с тем, чтобы в будущем происходил правильный севооборот полей. Если же съемщик нарушит это правило, то за каждую незаконно засеянную десятину он должен уплатить по 20 рублей ассигнациями, «с оставлением в пользу удела и всего того, что излишне посеяно будет, без всякого вознаграждения». Арендаторам предоставлялось право заводить на этих участках временные хутора, копать колодцы, делать пруды и копанки. После окончания аренды, все, кроме строений, должно переходить в собственность удела. Большие участки земли в 500—1000 десятин предлагалось отдавать в аренду сроком не менее 4—6 лет. Что же касалось земельных участков менее 500 десятин, то Департамент уделов предлагал отдавать их в аренду, сроком менее, чем на 4 года, но также с трехпольным севооборотом. Съемщики оброчных статей в местах безводных должны обеспечить эти земли водою, для чего предлагалось устраивать колодцы, пруды, в оврагах запруды для удержания весенних вод[1].

Оброчные статьи все время расширялись, а в отдельных конторах достигали значительных размеров. По Сызранскому удельному имению всех оброчных участков числилось 55.292 десятины[2].

По Самарскому имению оброчные земли доходили до больших размеров. Так, при сс. Хрящевка и Ягодное, Ставропольского уезда, находилось оброчной земли 6537 десятин, при д. Ботьма того же уезда 1729 дес., при с. Кондобулак Самарского уезда — 2.438 дес., при с. Андреевке Николаевского уезда — 8.827 дес. Всего по Самарскому имению было 143.009 десятин такой земли[3].

Департамент уделов в широких размерах проводил осушку болот, расчистку кустарников, превращая эти земли в об-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 500, лл. 51—54.
[2] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 471, л. 85.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 741, лл. 59 — 72.

рочные статьи. Обычно расчистку кустарников и осушку болот производили сами крестьяне с выплатой оброчных денег за пользование ими. Больше всего таких работ проводилось в Алатырском имении. В 40—50-х гг. XIX века по неполным данным алатырские крестьяне расчистили кустарников и осушили болот 859 десятин, за пользование которых крестьяне платили ежегодно 1012 руб.[1]. В 1859 году в Кержеманском приказе таких расчисток числилось 2589 десятин. Удельные крестьяне с. Ченчурино Казанского имения также занимались осушкою болот[2]. Значительная часть оброчных статей находилась у зажиточных крестьян, горожан или купцов, о чем было сказано выше.

За счет увеличения оброчных статей сокращалось крестьянское землепользование, а тяжесть феодальных повинностей все время возрастала.

Переоценка удельных земель в связи с 9-ой ревизией

Последнее десятилетие перед крестьянской реформой являлось бурным для страны и тревожным для самодержавия. В стране еще больше обострились классовые противоречия, повсюду вспыхивали крестьянские волнения, все громче раздавались голоса передовых людей России, призывавших уничтожить крепостное право. Крымская война обнаружила всю гнилость существующего феодально-крепостнического строя.

В напряженной обстановке происходила последняя переоценка удельных земель и повышение поземельного сбора.

Удельными правилами определялось, что с новой ревизией должны устанавливаться и новые нормы поземельного сбора. Так было в 1834 году, так должно было быть и в 1851 году в связи с 9-й ревизией населения[3].

С опубликованием манифеста о ревизии появились циркуляры и наставления удельного ведомства о новом поземельном сборе. В циркуляре Департамента уделов за 1850 год управляющим удельными конторами предписывалось составить новые табели поземельного сбора, руководствуясь старыми общими правилами, изданными по переоценке земель по 8-й ревизии.

Некоторые управляющие конторами, по мнению удельного ведомства, допустили ошибку в том, что поземельным сбором

---

[1] ГАУО, ф. 320, оп. 5, д. 67, лл. 35 — 46; оп. 1, д. 183, л. 26.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 12, д. 2109, л. 1.

[3] Манифесты о ревизиях населения были опубликованы; для 8 — в 1833 г., для 9 — в 1850 г.

облагали не все селение, а отдельные семейства, чем нарушали Свод удельных постановлений. Поэтому новым циркуляром 1850 года предлагалось всех удельных крестьян наделять участками земли по числу тягол, понимая под ними две ревизские души.

После 8-й ревизии произошло дальнейшее сокращение крестьянских земель, в связи с чем большеземельные селения должны называться достаточными, а достаточные — малоземельными.

По старым правилам поземельного сбора в малоземельных селениях обычно сохраняли подушную подать. Департаменту уделов теперь было невыгодно оставлять таких крестьян на подушном оброке, поэтому в новой инструкции предлагалось мелкие селения, земли которых смежны между собою, объединить в одно целое для платежа поземельного сбора «или присоединять к другим, более значительным селениям, с замежеванием состоящей при них ныне земли в одну общую окружную межу». По этой инструкции предлагалось также по всем правилам определить поземельный налог с одной десятины озимого, а также 2/5 дохода со всей удобной земли по угодиям, отделить тягловую крестьянам, а запасную землю предоставить в качестве оброчной статьи.

В тех селениях, в которых по расчету поземельного сбора окажется недостаточно тягловой земли, предполагалось пополнить ее за счет запасных земель соседних селений, а если не окажется таких земель и в соседних селениях, а крестьяне не были обложены поземельным сбором, предусматривалось оставить их на подушном оброке. В соответствии с новой инструкцией крестьянам, если они пожелают изменить свое положение, разрешалось переселяться на запасные и пустопорожние земли.

По новой инструкции изменялись также и названия селений: если ранее удельные селения делились на подгородные, дальние и степные, то теперь они должны именоваться селениями 1-го, 2-го и 3-го разрядов[1].

Задача удельного ведомства состояла в том, чтобы всех крестьян постепенно перевести на поземельный сбор. Правда, еще в момент введения поземельного сбора на подушном оброке оставалось немного крестьян, но с каждым десятилетием количество их сокращалось.

Для того, чтобы повысить поземельный сбор, необходимо

[1] ГАУО ф. 318, оп. 2, д. 208, лл. 2 — 8.

было во всех селениях с математической точностью выяснить количество крестьянских земель. Поэтому удельное ведомство не довольствовалось данными сельских мерщиков, которые измеряли землю дедовскими способами и к тому же в пользу своих или соседних крестьян. Для переоценки крестьянских земель в связи с 9-й ревизией в Среднее Поволжье была отправлена землемерная партия в количестве 40 человек. В Симбирском и Самарском имениях инструментальным измерением было обнаружено, что во многих селениях количество земли не соответствует табелям поземельного сбора, в документах показано земли меньше, налицо ее было значительно больше[1].

Результаты работ землемеров вскоре почувствовали сами крестьяне.

По Самарскому имению не было ни одного села и деревни, где бы не нашли «запасную» землю. В результате измерений земель в 1856 году по Самарскому имению установили[2]:

Название приказов	Число душ по 9-й ревизии	Тягловой земли (дес.)	Запасной земли (дес.)
Ставропольского уезда			
Гиськальский	6583	38839	11098
Новоеремкинский	5838	36882	10007
Нижнесангелеевский . . .	5695	37402	10181
Крестововоздвиженский . .	5052	26726	11099
Староеремкинский . .	3262	16299	3196
Уренский	7163	32251	4037
Верхнемелекесский . . .	5745	42648	7474
Новомалыклинский . . .	5795	37235	8036
Самарского уезда			
Калмаюрский	2987	18191	2448
Тонеевский	3122	19822	4133
Селитьбенский	3955	22718	8310
Тростянский	5924	34986	7524
Преображенский . . .	4985	35010	6471
Чернореченский	5582	33655	9710
Студенецкий	4240	25347	7600
Екатерининский	4832	21661	2455
Новокостычевский	2539	16212	3376

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 208, лл. 5—6.

[2] Таблица составлена на основании ведомости, ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 741; лл. 59—73.

Название приказов	Число душ по 9-й ревизии	Тягловой земли (дес.)	Запасной земли (дес.)
Николаевского уезда			
Воздвиженский	3041	11595	12066
Бузулукский, Бугурусланский, Оренбургский уезды			
Съезжий	7491	50912	5245
ВСЕГО	93832	558529	134472

Из запасных земель создавались новые оброчные статьи, дававшие большие доходы удельному ведомству. Так, в 1852 году в Самарском имении создали оброчную статью в размере 34 тыс. десятин земли, давшей 54 проц. дохода против прежнего. За выгодную сдачу земельных угодий, царь награждал чиновников и землемеров сверх окладов годовым жалованием [1].

Много отрезали земельных угодий и по другим удельным имениям Среднего Поволжья.

Несмотря на дальнейшее сокращение крестьянских угодий, поземельный сбор в 50-х гг. повысился. В том, как повышался поземельный сбор в указанное время, можно убедиться только по 9 приказам Симбирского удельного имения [2].

Приказы	По 8-й ревизии		По 9-й ревизии		Больше по земельного сбора против 8-й ревизии в руб.
	число душ	сумма поземельн. сбора за тягл. и зап. земли в руб	число душ	сумма поземельн. сбора за тягл. и зап. земли в руб.	
Шемалаковский	3235	14367	3899	16805	2438
Сельдинский	3081	14658	3464	21087	6429
Верхнетемерсянский . . .	4788	21705	5052	26935	5230
Бюргановский	3847	17103	3834	22757	5654
Паркинский .	5048	20970	5687	24772	3802

[1] ГАУО, инвентар. опись № 3875, Общие циркуляры по удельному ведомству за 1852 год.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4313, лл. 31—32; 42; 52; 58; 64; 77, 83, 92, 100, 109, 119.

Приказы	По 8-й ревизии		По 9-й ревизии		Больше поземельного сбора против 8-й ревизии в руб.
	число душ	сумма поземельн. сбора за тягл. и зап. земли в руб.	число душ	сумма поземельн. сбора за тягл. и зап. земли в руб.	
Кайсаровский	4427	18507	4555	21692	3185
Уржумский .	3948	17350	4588	21999	4649
Муратовский .	3954	14995	4254	18437	3442
Шаймурзинский	3741	14951	3990	17389	2438
ИТОГО	36069	154606	39323	191873	37267

Таблица убеждает нас, что население после 8-й ревизии по 9 приказам Симбирского имения увеличилось на 8,3 проц., а поземельный сбор увеличился на 24,1 проц., или поземельный сбор возрос в три раза по сравнению с ростом населения.

В 1858 году для 220150 удельных крестьян Симбирской губернии были утверждены табели поземельного сбора на сумму 942150 рублей, без запасных земель, которые оценивались в 121800 рублей. Из запасных земель крестьяне взяли различных угодий на 90824 рубля, что вместе с поземельным сбором составляло 1.032.974 рубля [1].

Чиновники удельных контор при определении поземельного сбора часто искусственно завышали урожай с крестьянских полей, завышали цены на хлеб, на что жаловались крестьяне и о чем были вынуждены говорить представители Департамента уделов. Обычно при определении урожая чиновники, как правило, ставили урожай общественной запашки. Даже сами составители статистических описаний Самарского имения вынуждены были признать, что в табели поземельного сбора урожай ржи по некоторым деревням Ставропольского уезда принят сам-5½. «Между тем, по сведениям, за последнее пятилетие видно, что на общественной запашке урожай ржи только один раз приближался к означенной степени..., а на крестьянских полях средний урожай в той же сложности составлял сам-2½» [2].

Урожай хлеба с крестьянских полей повышался механически во время составления табелей в приказах, а затем в конто-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4316, лл. 4—70; д. 4329, л. 1—68; д. 4332; л. 1—57

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4309, л. 103.

рах. Так у крестьян г. Алатыря урожай ржи 10-летней сложности был сам-$1^3/_4$. Алатырский приказ при составлении табели принял урожай общественной запашки и поставил урожай сам-$2^3/_4$. Алатырская контора сделала свои коррективы: «к $2^3/_4$ урожаю прибавила сама, уже как видно для круглого счета, ¼, то уже и составило полный урожай сам-3»[1].

Подобная практика определения урожайности крестьянских полей проводилась во всех удельных имениях, о чем не могли умолчать даже составители «Истории уделов».

В 1860 году Департамент уделов по-видимому не довольствовался старой формой определения поземельного сбора и решил ввести кадастровую оценку земель. Кадастровые чиновники там, где они провели свою работу, пришли к следующим результатам оценки земель по удельным имениям Среднего Поволжья[2].

Название имения	Число ревиз. душ	Десятин земли	Плата по новой оценке (руб.)	По табелям поземельн. сбора (руб.)	По новой оценке должно прибавиться (руб.)
Симбирское	58807	296972	386782	214393	172386
Сызранское	54689	260320	389399	201894	187504
Самарское	30191	213591	122958	117815	5143
ИТОГО	143687	770883	889139	534102	365033

Таким образом, если бы удельное ведомство ввело кадастровую оценку земель, крестьяне должны были бы платить вместо 534 тыс. рублей поземельного сбора около 900 тыс. руб., или на 365 тыс. рублей больше. Департамент уделов не осмелился осуществить кадастровую оценку земель на практике. Такое повышение денежной ренты могло бы привести к волнениям крестьян, тем более, что в это время правительство готовило крестьянскую реформу.

Чем ближе к реформе, тем более ярко выражается стремление удельного начальства как можно больше выжать денег с крестьянских масс. Достаточно привести несколько примеров, чтобы убедиться в этом. В 1857 году доходы Симбирской удельной конторы состояли из следующих статей: 46155 кре-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 3845, лл. 38—41

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4283, лл. 245—249.

стьян, состоявших на поземельном сборе, платили за пользование землею 160383 руб., 10368 крестьян, состоявших на подушном окладе, платили 29652 руб.; оброчные статьи составляли 29120 руб. всего таким образом Симбирская удельная контора получила: в 1857 г. 219156 руб., через год в 1858 г. контора получила: с 54725 удельных крестьян, состоявших на поземельном сборе 201595 рублей, с 1851 крестьян, состоящих на подушном оброке 5294 руб., с оброчных статей 36595 рублей, а всего 243484 рубля. Только с одних крестьян в количестве 8517 душ, переведенных в 1858 году на поземельный сбор, контора получила до 20 тыс. рублей, а всего увеличился доход только за один год на 24328 рублей[1].

Если в 30-х гг. XIX в. удельные имения Среднего Поволжья приносили свыше 2,5 млн. рублей ассигнациями, то через 25 лет эта сумма значительно возросла.

За три—четыре года до реформы в удельной деревне конторы Среднего Поволжья ежегодно получали дохода (серебром)[2].

Название контор	Число ревизских душ	Поземельн. сбор и подушн. оброк (в руб.)	За оброчные статьи (в руб.)	Итого (в руб.)
Самарская	105300	366808	164614	531122
Симбирская Казанская	81676	265913	47400	313512
Сызранская	87882	318162	116220	434382
Алатырская	84056	277403	27032	304436
ВСЕГО	358914	1228286	355266	1583552

Таким образом, с крестьян Среднего Поволжья накануне реформы удельные конторы получали дохода за поземельный сбор 1.583.552 руб. серебром, кроме других поборов. За 30 лет доходы Департамента уделов увеличились почти в два раза, а положение крестьянских масс значительно ухудшилось.

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1057, л. 7; д. 1102, л. 486.

[2] Таблица составлена на основании данных: Самарская контора — ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1182, лл. 118—128. Куйбышевский обл. архив; ф. 43, оп. 1, д. 151, л. 7; 39; Симбирская контора куда вошло Казанское имение в 1860 году; ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1219, л. 1; Сызранская контора ф. 322, оп. 1, д. 834, лл, 3—32; Алатырская контора — ф. 320; оп. 1, д. 172; л. 17

Ухудшение материального положения удельных крестьян

В 50-х годах XIX века кризис крепостного хозяйства еще больше обострился. Положение крестьянских масс значительно ухудшилось в связи с усилением внеэкономического принуждения со стороны помещиков. Помещики увеличивали барщину, оброк, уменьшали крестьянские наделы, а иногда крестьян и совсем лишали земли. Ухудшалось положение не только помещичьих, но государственных и удельных крестьян. Департамент уделов усиливал общественную запашку, увеличивал другие повинности.

Поземельный сбор, введенный в связи с 9-й ревизией населения, оказался более тяжелым, чем все предыдущие. В результате проверки земель оказалось, что многие удельные селения с 1851 по 1858 год не доплачивали денег за пользование земельными угодьями. Столоначальник Симбирской конторы докладывал своему управляющему, что недоплаты, по некоторым приказам и селениям составляют весьма значительную сумму, достигающую 27 рублей с души, как например, по селу Волосниковке Сельдинского приказа[1].

О тяжести поземельного сбора говорит хроническая задолженность удельных крестьян. Только по одному Алатырскому имению недоимочность крестьян с 1851 по 1859 гг. составляла 71500 руб.[2].

В 1862 г. больше всего недоимок числилось за крестьянами Симбирской губернии — около 180 тыс. рублей.

После переоценки земель и введения нового поземельного сбора, снова и в большом количестве стали поступать жалобы крестьян на малоземелье, тяжесть налогов, на неправильное измерение земель.

В 1859 году крестьяне пригорода Юшанска жаловались управляющему Симбирской удельной конторы, что при составлении новых табелей поземельного сбора и переоценке крестьянских земель при некоторых деревнях удельного ведомства оказалось земли не то количество и не такое качество, как оплачивалась она по прежним поземельным окладам, вследствие чего по распоряжению Департамента уделов должен произойти новый пересчет с крестьянами. Расчет этот, утверждали юшанские крестьяне, в некоторых приказах Сим-

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 281, л. 110

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 3845, лл. 88—92

бирского удельного имения давно уже рассмотрен и утвержден, и крестьяне при деревнях, в которых оказался недостаток земли, пользуются в настоящее время по тем расчетам надлежащим зачетом в поземельном сборе. По Уржумскому же приказу, где находится пригород Юшанск, расчет, как им объявлено, «хотя составлен и представлен еще в прошлом году на утверждение, но до сего времени о зачетах нет еще никакого распоряжения и даже неизвестно нам и обществу нашему, в каком положении и где именно находится это дело»[1].

Крестьяне жаловались на то, что они переплачивают деньги за поземельный сбор, а в связи с неурожаем многие из них «пришли в бедность, и не только что не в состоянии платить податей, но с трудом пропитывать свое семейство»[2].

Крестьяне деревни Больших Тархан Кайсаровского приказа в 1860 году писали в Симбирскую контору, что во время измерения земель и составления табелей поземельного сбора по числу душ 9-й ревизии у них не хватало 736 десятин земли. Симбирская контора обещала тархановским крестьянам недостающую землю выделить за счет расчищенных земель, но на протяжении 9 лет они обещанного не получили, хотя со второй половины 1851 года они вносили и за 736 десятин полный поземельный сбор[3]. В таком же положении оказались крестьяне деревень Ктямышевой и Киртылей той же конторы.

Не решив спорных вопросов о землях с местным удельным начальством, крестьяне писали жалобы и посылали ходоков в Петербург.

Крестьяне многих селений Алатырского имения в 1860 году жаловались министру двора Адлербергу на тяжесть поземельного сбора, на то, что они напрасно переплачивают большие деньги за несуществующее количество земель. Крестьяне села Алтышева за 9 лет переплатили до 6 тыс. рублей, крестьяне села Пичкас ежегодно переплачивали до 800 рублей, села Явлей — свыше 500 рублей. Крестьяне города Алатыря жаловались министру, что платили они по 8-й ревизии 4.309 рублей, после переоценки земель в связи с 9-й ревизией стали платить 4941 рубль, в то время, когда у них отрезали часть земли в пользу соседних селений — Баевой и Стемась. Алатырские крестьяне жаловались министру и на то, как местные удельные чиновники неправильно показывают высокие урожаи с

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 281, л. 216.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 228.

крестьянских полей, как завышенно показывают цены на хлеб, как искусственно повышают поземельный сбор[1].

Крестьяне с. Налитова и д. Ардатовой Алатырского уезда, доведенные до отчаяния, в 1857 году жаловались председателю Департамента уделов Муравьеву. Они писали, что много раз обращались к местному начальству с просьбой наделить их землею. Ожидая обещанной земли, «а между прочим поземельный сбор платим наравне с другими, и поэтому доведены до такой точки, что даже не в силах не только что платить и исправлять крестьянскую повинность, но и звания крестьянина лишиться. По этим обстоятельствам вынужденными находились обращаться к вашему высокопревосходительству с прошением, во время бытия в г. Алатыре, но сее оставлено будто бы без последствий, как объявила нам словесно контора. Видя, наконец, себя совершенно стесненными и **угнетенными** (подчеркнуто мною—**Н. Г.**), а потому и бедствующими от своего собственного начальства, решились еще обратиться с сим нашим последним покорнейшим прошением»[2].

Иногда крестьяне группами селений высказывали свое негодование на действия местного удельного начальства. Крестьяне с. Шемурши с остальными десятью селениями Шегалинского приказа Симбирской конторы жаловались в 1851 году министру уделов на то, что у них отрезали 2.903 десятины земли. Как видно из дела, у них не первый раз производили подобную отрезку. Когда еще они были государственными крестьянами, в 1831 году у них по распоряжению Симбирской казенной палаты отрезали 661 десятину. В 1841 году, когда они были уже удельными, при составлении новой табели поземельного сбора в деревнях Новой Шемурше и Андреевке оказалось «излишней» земли 438 десятин. Но так как крестьяне указанных деревень взяли только половину запасной земли в оброчное содержание, то вторую половину отрезали от крестьянских полей и образовали новую оброчную статью. В 1843 году при инструментальном измерении у пяти деревень снова оказалось излишней земли 690 десятин, которую также отрезали в оброчную статью. Наконец, в 1851 году при новой расценке земли у этих крестьян отрезали 1330 десятин земли и им оставили только 2934,5 десятины. Отрезанную землю удельное начальство предложило крестьянам взять с уплатою дополнительного поземельного сбора. Однако, «при всех убеждениях

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 3845, л. 1 — 4, 9 — 15, 20, 22, 27 — 28, 38 — 41.

[2] ГАУО, ф. 340, оп. 3, д. 20, л. 25.

о пользе крестьян взять оную, — писали чиновники в Департамент уделов, — они составили приговор о нежелании владеть ею». Крестьяне, несмотря на все убеждения, считали, что начальство незаконно отрезало землю, отказались брать ее как запасную и написали жалобу министру уделов.

Департамент уделов нашел, однако, действия конторы правильными, предписал сообщить крестьянам, «что участки, отрезанные в оброчные статьи, равно как и оказавшиеся по новой переоценке запасные земли, могут быть предоставлены им в таком случае, когда они согласятся платить за них поземельные деньги на точном основании существующих правил».

Недовольные таким ответом, крестьяне одиннадцати селений снова написали жалобу симбирскому губернатору и министру уделов, а в 1852 году царю о том, что у них отрезали землю и на их жалобы и просьбы «не получили даже сведений, чем просьбы их разрешены». После многочисленных жалоб крестьяне не получили земли, но были жестоко наказаны за сопротивление удельным властям[1].

В связи с новой оценкой земель удельное ведомство потребовало от крестьянских обществ выделять представителей для участия в измерении крестьянских угодий. Крестьяне многих селений в знак протеста категорически отказывались выполнять приказание начальства.

Летом 1860 года крестьяне семи чувашских деревень Шигалинского приказа оказали сопротивление удельным властям. Срочно были приняты меры, и крестьянское сопротивление было сломлено.

Получив известие о волнении крестьян, царь приказал главных руководителей Хасяна Ахмидеева и Фрола Григорьева сослать в Сибирь на поселение, разрешив их семействам следовать за ними. Остальных 14 человек, уже наказанных на сходках розгами «выдержать сверх того в смирительном доме, на собственный их счет, каждого по 2 месяца»[2].

Массовый протест крестьян против поземельного сбора свидетельствовал о том, что они не хотели и далее подвергаться эксплуатации со стороны удельного начальства, которое сокращало их тягловые участки, постоянно увеличивая денежные поборы.

Большие денежные оброки и повинности порождали большую недоимочность крестьян. Накануне реформы удель-

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 486, лл. 130, 177 — 178.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 696, л. 84.

ные крестьяне еще больше оказались опутанными денежными и хлебными долгами. Продавая хлеб на уплату денежных повинностей в начале зимы, сами они втридорога покупали хлеб ранней весной для своего семейства.

Хлебные долги крестьян были постоянными и все время увеличивались. В 1843 году Департамент уделов потребовал, чтобы Воскресенский, Анатышский и Сухорецкий приказы Казанского имения ускорили сбор долгового хлеба с крестьян. На это требование контора ответила, что «за всеми деятельными мерами приказов, крестьяне вносить долговой хлеб более не могут, а некоторые не имеют даже такового и для собственного своего продовольствия»[1].

В 50-х гг. XIX в. по Казанскому имению крестьянские хлебные долги по сравнению с 30-ми годами возросли в несколько раз. На сентябрь 1850 года задолженность крестьян в хлебе составляла: озимого 7.939 четвертей, ярового—5.609 четвертей, или на каждую ревизскую душу приходилось по 10 пудов хлебного долга[2]. О том, как велики были эти долги, можно убедиться на примере крестьян села Мансурова и деревни Мысов Казанского имения. Оба эти селения на протяжении многих лет должны были уделам 1.484 четверти озимого хлеба и 226 четвертей ярового, или на каждую ревизскую душу приходилось 10 пудов. Департамент уделов неотступно требовал, чтобы крестьяне указанных селений внесли хлеб и погасили хлебный долг. В 1855 году Казанская контора доносила, что крестьяне такового хлеба внести не в состоянии потому, что они имеют мало пахотной земли и «терпят от затопления весеннею водой». Удельное ведомство ответом конторы не удовлетворилось и в 1856 году сообщило о том, что по его сведениям «эти селения изобилуют лучшими качествами лугами, торгуют сеном и имеют рыбные ловли, о чем вы (контора — **Н. Г.**) не упоминаете». Поэтому было предложено, чтобы крестьяне, за взятый из запасного магазина хлеб, уплатили деньгами. Контора снова дала справку, что у крестьян с. Мансурова на 733 ревизские души приходится 806 десятин земли и 1.947 десятин сенокоса; у д. Мысов на 513 ревизских душ — 781 десятина пахотной земли и 791 десятина сенокосов. Что же касается рыбных ловель, находящихся при этих селениях, то они, утверждала контора, составляют оброчные статьи и отдаются

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 377, л. 158.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 459, л. 51.

с торгов. В отношении лугов, с которых крестьяне собирают сено, то «за оставлением на домашнее продовольствие, поступает в продажу, на получаемые за то деньги покрывают только издержки на покупку хлеба для их продовольствия в течение 8 месяцев, а также на уплату податей и прочих повинностей». Поэтому «крестьяне села Мансурова и деревни Мысов, не имея возможности взнести натурою накопившегося на них с давнего времени, от независящих от них причин хлебного долга, не могут уплатить оный деньгами, тем более, что крестьяне и без того уже имеют денежный долг» в сумме 1.435 руб. по случаю большого пожара в селе[1].

Такое положение было и в других удельных имениях Среднего Поволжья. По Алатырской конторе хлебные крестьянские долги в 1851 году составляли 200 тыс. четвертей озимого и ярового хлеба, в 1856 году — 145 тысяч четвертей хлеба. Только за два первых месяца 1860 года крестьяне Алатырского имения получили в долг 59.134 четверти озимого в 74.577 четвертей ярового хлеба[2].

По Самарскому имению, где крестьяне были лучше других обеспечены землею, в 1855 году должны были конторе 78 тыс. четвертей хлеба, а на январь 1855 года—128 тыс. четвертей озимого и ярового хлеба[3].

Многие крестьяне по своей бедности годами не могли уплатить хлебного долга. Департамент уделов в 1859 году предписал Алатырской конторе взыскивать хлебные долги со всего крестьянского общества за тех, кто был сдан в рекруты за умерших и бежавших, за всех несостоятельных крестьян. Распоряжение Департамента было выполнено[4].

Таким образом, удельное начальство снизу доверху жестоко эксплуатировало крестьян с одной целью — чтобы увеличить доходы императорской фамилии.

Выводы: Удельное ведомство, приспосабливая свое хозяйство к новым отношениям, решительно пошло на коренную ломку всей оброчной системы, заменило подушный оброк поземельным сбором. Поземельный сбор введен в период дальнейшего развития внутреннего рынка, роста капиталистических элементов как в промышленности, так и в сельском хо-

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 487, лл. 102 — 103, д. 495. л. 14.

[2] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 126, л. 14; д. 159, л. 27, д. 192, л. 35 — 36.

[3] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 1, д. 125, л. 80.

[4] ГАУО, ф 320, оп. 1, д. 183, л. 48, 132; ф. 318, оп. 1, д 1182, лл. 118 — 128.

зяйстве, в период дальнейшего обострения кризиса в крепостном хозяйстве.

Акт введения поземельного сбора являлся компромиссом между крепостническими и буржуазными тенденциями, хотя первая подчинялась второй. В этой реформе отразились все экономические и идейные противоречия, свойственные периоду кризиса всей феодально-крепостнической системы.

Поземельный сбор для удельного ведомства являлся в то же время формой укрепления феодальной собственности на землю и средством, при помощи которого усиливалась эксплуатация удельных крестьян. Введением поземельного сбора Департамент уделов стремился доказать, что крестьяне являются не собственниками, а лишь арендаторами земли и, что подлинным хозяином всех земельных владений является удельное ведомство, т. е. императорская фамилия дома Романовых.

С введением поземельного сбора удельные доходы с каждым десятилетием все возрастали и накануне реформы достигли огромных сумм. В 1832 году Департамент уделов получил с 181.777 ревизских душ удельных крестьян, переведенных на поземельный сбор, чистого дохода 671 тыс. рублей; в 1843 году было получено поземельного сбора 2.131.870 руб. серебром с 587 тыс. удельных крестьян. В то же время получено подушного оброка с малоземельных крестьян 271.900 рублей серебром. В 1861 году удельное ведомство с подведомственных ему крестьян 651.965 ревизских душ получило поземельного сбора 2.325.902 руб. серебром, и с 173.588 ревизских душ малоземельных крестьян оно получило 472.763 руб. серебром подушного оброка. В 1832 году все оброчные статьи давали удельному ведомству 306 тыс. рублей асс. дохода; в 1861 году оно получило доходов от оброчных статей (главным образом за «излишние»земли) 508.165 рублей и лесного дохода 346.620 рублей серебром. В 1832 году Департамент уделов получил всех доходов от своего хозяйства в сумме 3.468.091 рублей ассигнациями, в 1861 году он получил от поземельного сбора оброчных статей и подушного оброка 3.653.454 руб. серебром дохода. За 30 лет существования поземельного сбора доходы удельного ведомства увеличились больше, чем в 3,8 раза[1].

С введением поземельного сбора сократились крестьян-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 23, д. 672, л. 62; д. 431, лл. 2, 17, 32, 50; Всеподданнейшие отчеты за указанные годы.

ские наделы до 20—30%, а феодальная рента увеличилась до 40—50%. Поземельный сбор еще более ухудшил положение трудящихся масс: крестьяне получали мизерные наделы, они лишались лучших земель, крестьяне платили деньги не только за коренные наделы, но и за так называемые запасные земли, которыми они пользовались до 1830 года.

Введение поземельного сбора помимо воли его инициаторов, имело далеко идущие последствия. Этим актом наносился удар патриархальному землепользованию, в результате чего, с одной стороны, ускорялось расслоение деревни, развивалось предпринимательство богатых удельных крестьян, с другой стороны, происходило дальнейшее разорение значительной части удельной деревни, жители которой со временем должны были искать на стороне источник существования, работать на предприятиях, в других местах, продавать свою рабочую силу.

Увеличение податного и оброчного бремени, дальнейшее обезземеливание крестьян, усиление внеэкономического принуждения — все это привело к дальнейшему обострению классовой борьбы между крестьянскими массами, с одной стороны, и феодальным собственником земли, с другой. Поземельный сбор и другие многочисленные повинности являлись причиной крестьянских волнений в 30—50-х гг. XIX в.

ГЛАВА VI

ПОЛИТИКА ФЕОДАЛЬНОГО «ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА» УДЕЛЬНОГО ВЕДОМСТВА НАД ПРИНАДЛЕЖАВШИМИ ЕМУ КРЕСТЬЯНАМИ

Предварительные замечания; «попечительные» меры для поднятия крестьянского сельского хозяйства; сельские училища; ремесленные училища; женские училища; удельные больницы; насильственные меры христианизации нерусского населения; другие «попечительные» меры. Выводы.

Предварительные замечания. Удельное ведомство в организации управления своими крестьянами и их эксплуатации много заимствовало из инструкций и наставлений по управлению вотчинами крупных землевладельцев XVIII и первой четверти XIX веков. Феодально-крепостническая опека удельного

ведомства над своими крестьянами не была новой, обособленной от той практики, которая проводилась в помещичьей и казенной деревне.

Крупные землевладельцы, исходя из своих экономических интересов, стремились максимально использовать труд крепостных, выжать из них все возможное для поднятия доходности своего хозяйства. Для того, чтобы эксплуатировать крепостных крестьян, получать от них постоянные доходы, помещики заботились о том, чтобы крестьянские хозяйства не разорялись. Однако, если за крестьянами, по мнению крепостника М. М. Щербатова, не будет помещичьего присмотра, то они «предадутся лени» и забросят свое хозяйство[1]. Другой крепостник и талантливый представитель своего класса В. Н. Татищев требовал от помещичьей администрации повседневной опеки над деятельностью и жизнью крепостного крестьянина. Он писал: «доброму старосте и приказчику всего того смотреть надлежит, ибо за хорошее смотрение должны получить хорошую плату, а за нерадение — штраф или наказание»[2]. Феодально-крепостническая опека предполагала суровые наказания не только помещичьей администрации, но главным образом тех крестьян, кто плохо относился к своим обязанностям или оказывал неповиновение. Практика «попечительства» нашла широкое отражение и в других вотчинных инструкциях и наставлениях управителям и приказчикам[3].

Практику вотчинного «попечительства» над помещичьими крестьянами царское правительство постепенно переносило в государственную деревню. «Идея казенного «попечительства, — пишет Н. М. Дружинин, — возникла не самостоятельно: она была заимствована из сложившейся практики крупного частновладельческого хозяйства»[4]. Однако такая политика рус-

---

[1] История русской экономической мысли, т. I, Москва, 1955, стр. 471.

[2] Татищев В. «Краткая экономическая до деревни следующая записка». Временник императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 12, М. 1852, стр. 21.

[3] Многие инструкции крупных вотчинников были в свое время опубликованы и известны нашим историкам-специалистам. За последнее время на страницах «Исторического архива» АН СССР были опубликованы подобные инструкции вотчинников: Б. П. Шереметева, Д. А. Шепелева, А. М. Черкасского, Н. Г. Строганова («Исторический архив» № IV 1949, № VIII, 1953»), см. статью К. В. Сивкова «Наказы управителям как источник для истории сельского хозяйства России». В кн. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952.

[4] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I, М., 1946, стр. 57.

ского самодержавия по отношению к государственным крестьянам сводилась к одному — «обеспечить исправное доставление крестьянского оброка упрочением и развитием крестьянского хозяйства»[1]. Исходя из этих целей и задач, царское правительство уделяло главное внимание следующим вопросам: обеспечению государственных крестьян землею, которая являлась основанием для исправного отбывания всевозможных повинностей; борьбе со стихийными бедствиями в казенной деревне; вопросам, преследовавшим узко практические цели: открытие начальных училищ для подготовки сельских и волостных писарей, пропаганда агрономических знаний среди крестьян и т. д. «Однако, — пишет Н. М. Дружинин, — эта программа казенного «попечительства» носила в значительной степени декларативно-бумажный характер»[2]. Вся административно-полицейская власть, стоявшая над государственными крестьянами, заботилась «прежде всего о взыскании податей и недоимок, об отбывании крестьянами натуральных повинностей и поставке рекрутов во время наборов. Выколачивание податей шло беспощадным образом и нередко сопровождалось продажей последнего крестьянского имущества»[3].

Политика феодального попечительства со стороны удельного ведомства превзошла по своим масштабам вотчинное хозяйство и управление казенными крестьянами. В ярко выраженной форме программа феодальной опеки была определена уже в законе «Учреждение об императорской фамилии»[4]. На основании этого закона Департамент уделов разработал подробные инструкции и наставления для своих чиновников по «опеке» удельных крестьян. Удельное ведомство рассматривало крестьян как носителей «дурных наклонностей», почему считало необходимым заботливыми наставлениями направить их по правильному, намеченному высшим начальством, пути. Чиновникам Департамента и царскому правительству в целом, казалось, что «степень образования и свойство всех наших крестьян еще таковы, что необходимо неослабное и близкое попечение обо всем, что имеет влияние на судьбу земледельца». Удельные чиновники полагали, что крестьяне не всегда понимают собственную пользу и не в состоянии оценить начальственных мер, направленных на благо под-

---

[1] Там же, стр. 61.
[2] Там же, стр. 61.
[3] Там же, стр. 66.
[4] ПСЗ, т. XXIV, № 17906.

чиненных. Поэтому, считали чиновники, и «нужна рука попечительная, которая бы вела их к предназначенной цели с верным пониманием местных способов и потребностей. Такая заботливость должна неослабно действовать во всех случаях внутреннего и внешнего быта крестьянина, не оставляя его на произвол в делах всего сельского распорядка, в котором нередко желает он простора для дурных наклонностей». По мнению того же начальства, только «заботливые наставления открывают крестьянину новые источники обогащения»[1].

Руководствуясь такими принципами, удельное ведомство в первые же дни своей деятельности вводит «попечительные» меры в удельной деревне. Общие и частные распоряжения по опеке удельных крестьян впоследствии были кодифицированы и вошли в четвертую часть Свода удельных постановлений. В Своде удельных постановлений до мельчайших подробностей расписан регламент жизни удельных крестьян. В разделе «Охранение веры и нравственности» удельное ведомство наставляет своих чиновников, чтобы они наблюдали за религиозно-нравственным воспитанием крестьян, «дабы крестьяне посвящали воскресные и праздничные дни на службу божию, ежегодно в пост исповедовались и, по удостоении, приобщались св. тайн»[2]. Вмешиваясь в семейную жизнь удельных крестьян, Департамент уделов требовал, чтобы младшие члены семейства оказывали «старшим, а особенно родителям, почтение и послушание, заботясь о пользе в доме общей, как о своей собственной»[3]. Крестьянам повелевалось, чтобы они жили между собою мирно, «с соседями ласково и дружески, а с приезжающими вежливо и гостеприимно»[4].

В разделе «Охранение общего порядка и спокойного владения имущества» изложены правила поведения сельской власти по отношению к подчиненным, правила поддержания порядка и чистоты в селениях. В одной из статей читаем: «В селениях предписывается соблюдать чистоту и порядок; по улицам ничего нечистого не бросать, но всякую нечистоту относить или отвозить в назначенное место»[5]. Отклоняя крестьян от пьянства, удельное ведомство строжайше предписывало, чтобы крестьяне не собирались в питейных домах, не закладывали бы в долг за вино своего имущества, чтобы сам при-

---

[1] История уделов, т. 2, стр. 182 — 183.
[2] Свод удельных постановлений, ч. IV, стр 1.
[3] Там же, ст. 10.
[4] Там же, ст. 11.
[5] Там же, ст. 40.

казной голова «ни под каким предлогом» не ходил «в питейные дома и подобные неприличные и соблазнительные места»[1].

В Своде удельных постановлений почти любой вопрос расчленяли на несколько статей. Так, для охраны строений от огня, охраны спокойствия и порядка в селении удельное ведомство предложило учредить специальную ночную стражу из крестьян. О том, кого и когда наряжать в сторожа, какие функции должна выполнять ночная и дневная стража, как должна происходить смена сторожей — об этом написано со всеми подробностями 8 статей[2].

Департамент уделов касался почти всех сторон хозяйственной деятельности и личной жизни удельных крестьян. Нет необходимости излагать подробно, как «опекало» и «заботилось» о своих крестьянах удельное ведомство. Мы остановимся на главных вопросах феодально-попечительной деятельности Департамента уделов по отношению к своим крестьянам и увидим, как феодальная «опека» усиливала эксплуатацию удельных крестьян.

«Попечительные» меры для поднятия крестьянского сельского хозяйства

Постоянно увеличивая феодально-крепостнические повинности, увеличивая размеры поземельного сбора, расширяя общественную запашку и сокращая крестьянские наделы, удельное ведомство понимало, что такие меры могут привести к упадку хозяйства основной массы крестьян, что в свою очередь повлечет недоимки и другие нежелательные для Департамента уделов последствия. Поэтому удельное ведомство одновременно принимало энергичные «попечительные» меры для поднятия сельского хозяйства крестьян, предлагало им различные рационализаторские приемы, настаивая на их беспрекословном выполнении.

Основным занятием удельных крестьян было земледелие, поэтому этой отрасли хозяйства удельные чиновники уделяли главное внимание. Уже в 1799 году в распоряжение Департамента уделов правительство передало Практическую школу земледелия, которая должна была готовить «наставников, должен-

---

[1] Там же, стр., стр. 14 — 16, 45.
[2] Там же, стр. 51—58.

ствующих со временем ввести повсюду изученные ими правила хлебопашества». Удельное ведомство предполагало, что в школу будут направлять из различных мест крестьян, которые после обучения возвратятся домой и укажут своим примером пути для поднятия уровня земледелия другим крестьянам. Кроме этой меры, Департамент уделов предполагал во многих удельных имениях открыть образцовые «усадьбища» для наглядного убеждения крестьян в пользе правильных севооборотов и агрокультурных приемов. Для более убедительной наглядности, предлагалось такие усадьбища разделять на две части, в одной из них вести обыкновенное хозяйство, а во второй — по всем правилам агрономии; в первой части обработка земли должна производиться обыкновенными, а во второй — усовершенствованными орудиями.

Для опыта подобное усадьбище создали в деревне Полянках Смоленского имения. В это усадьбище назначили одного из окончивших школу земледелия для организации хозяйства и проведения опытов. На хозяйственное обзаведение усадьбища израсходовали 6 тыс. рублей, оторвали от основной работы 16 мужчин и 13 женщин, но эта затея окончилась печально. Урожаи усадьбища в 1802—1803 годах мало чем отличались от урожаев крестьянских полей, и опытное поле было упразднено. В 1803 году закрыли и Практическую школу земледелия [1].

Через 30 лет, когда ввели поземельный сбор, перед удельным начальством снова возник вопрос об интенсификации сельского хозяйства в удельной деревне, о повышении его доходности для бездоимочного получения с крестьян денежных оброков. С этой целью в 1833 году было открыто Удельное земледельческое училище. Задача этого училища состояла в том, чтобы готовить кадры специалистов сельского хозяйства и при помощи этих специалистов улучшать хозяйство крестьян. Для организации училища Департамент уделов ассигновал 2,300 тыс. рублей из капитала, накопленного от продажи хлеба общественной запашки. Возле Петербурга, по Выборгскому тракту, для училища выделили большой земельный участок, на котором разместили учебные здания, подсобные помещения и опытные поля. Училище комплектовалось за счет крестьянских юношей удельного ведомства со сроком

---

[1] История уделов, т. 2, стр. 180—181.

обучения в 2—4 года и должно было готовить «хозяев» для т. н. образцовых усадеб[1].

Образцовые усадьбы должны были привести крестьян к убеждению, что «обширность угодий и естественное их плодородие не составляют исключительной необходимости в сельском хозяйстве; что при науке, умении и трудолюбии пески и болота обращаются в пашни и луга, а улучшенные способы земледелия обеспечивают быт поселянина»[2].

В конце 30-х годов XIX века управляющим удельными конторами было предложено, чтобы они подыскали определенные места для образцовых усадеб. Участок должен быть заболоченный или песчаный, такой «от которого крестьяне не извлекают теперь для себя никакой пользы». В образцовые усадьбы направлять хозяевами 3—4 человека, окончивших земледельческое училище[3].

В 1839 году такие усадьбы появляются в Симбирском, Алатырском, Сызранском и других удельных имениях. Во все усадьбы послали «хозяевами» окончивших земледельческое училище. Прибыв на место, хозяева сразу же оказались в тяжелых условиях. Хотя для них крестьяне заранее построили избы, сараи, а удельное ведомство в рассрочку отпустило инвентарь, лошадей и скот, но земля усадеб была настолько плохого качества, что многие из хозяев надорвали силы и впоследствии превратились в инвалидов. Для усадеб отводились сравнительно большие заболоченные или песчаные участки, обработка которых была не под силу 2—3 хозяевам. Так, например, Шугуровская образцовая усадьба Ардатовского уезда в 1842 году имела 46 десятин земли, «большая часть которой при водворении воспитанников была неудобна к пашне, в некоторых местах суглинистый грунт, смешанный с мелким камнем». Четыре хозяина этой усадьбы не только не могли окультивировать весь участок земли, но и то поле, которое считалось уже освоенным. Урожаи ржи образцовой усадьбы равнялись сам-3[4]. Такие же примерно урожаи были характерны и для всех других образцовых усадеб Среднего Поволжья. Хозяева Ардатовской образцовой усадьбы в

---

[1] Всеподданнейший отчет за 1832 год, стр. 6; В. Бурнашев. «Описание удельного земледельческого училища». СПБ, 1839, стр. 20.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 345, л. 582.

[3] Там же.

[4] ГАУО, ф. 320, оп. 4, д. 17, л. 9.

1843 году дали обязательство управляющему Алатырской удельной конторы, что они увеличат урожай за 10 последующих лет от сам-2,5 в 1843 году до сам-7 в 1852 году[1]. Но эти обещания были нереальными, не было ни средств, ни возможностей для их осуществления. Да и сама система опеки удельного ведомства над хозяевами мешала этому.

Удельное ведомство больше всего заботилось о показной стороне образцовых усадеб, на что обращало внимание и самих хозяев. В инструкции, составленной для ревизоров на предмет обследования образцовых усадеб, преобладает именно показная сторона. Вопросник инструкции состоял из 185 статей, которые меньше всего касались существа дела. В первом разделе «О состоянии образцовой усадьбы» мы читаем такие вопросы. «Каков вообще наружный вид усадебных строений и усадебного участка, и заметна ли с первого взгляда попечительность хозяев»; «посажены ли по крайней мере перед лицевым фасадом, деревья»; «приставлена ли к крыше избы лестница, и есть ли сверх того, запасная лестница». В разделе «Усадебные строения» имеются такие вопросы, «не развалились ли дымовые трубы»; «хорошо ли притворяются оконные рамы и не сорваны ли с петель». В разделе «Домашнее хозяйство», наряду с другими многочисленными вопросами, имеются такие; «не запачкана ли образная кивота мухами», «в порядке ли белье и разные вещи в сундуках», «в исправности ли и на своем ли месте ухваты, кочерга, лопаты и помело» и т. д.

В инструкции встречаются и более нелепые вопросы, не имеющие никакого значения для правильной организации хозяйства образцовой усадьбы. На последнем месте инструкции, в 4 и 5 разделах, были помещены вопросы, касающиеся земледелия и скотоводства. Большинство этих вопросов не были направлены на глубокое изучение сельского хозяйства, они не вскрывали положительных и отрицательных сторон образцовой усадьбы. Формально-казенное попечительство легло в основу этой инструкции, составленной чиновниками, далеко стоявшими от жизни и быта крестьян, совершенно не знавшими крестьянского сельского хозяйства[2].

На хозяев образцовых усадеб возлагалось много обязанностей: пропагандировать среди крестьян новые приемы ве-

---

[1] ГАУО, ф. 320, оп. 4, д. 17, л. 9.

[2] Свод удельных постановлений, ч. III, прилож. № 46, стр. 69—74.

дения сельского хозяйства, разводить племенной скот, новые сорта сельскохозяйственных культур, изготовлять улучшенные сельскохозяйственные орудия, заниматься различного рода ремеслами, учить молитвам крестьянских жен и грамоте мальчиков. Много других обязанностей возлагалось на молодых людей в 19—22 года, которые не имели ни практического, ни жизненного опыта.

Департамент уделов в начале организации образцовых усадеб поощрял хозяев в их работе. В 1840 году некоторым из них он выдал мизерные подарки, но не за агротехнические приемы и разведение племенного скота, а совершенно за другое. Так, 4-х хозяев Алатырского имения наградили розовыми рубахами за обучение крестьянских жен молитвам, 11 человек Симбирской конторы наградили кушаками за обучение крестьянских мальчиков грамоте и за «приохочение» крестьян употреблять железные плуги[1]. Однако вскоре отношение удельного ведомства к хозяевам образцовых усадеб изменилось. Воспитанники не оправдали надежд Департамента уделов, образцовые усадьбы, находившиеся в тяжелом состоянии, не могли явиться проводниками передовых агрокультурных приемов в удельной деревне. Вскоре посыпались на хозяев розги, наказания, отдача их в рекруты. В 1840 году на Чапчуговской усадьбе Казанского имения пал бык холмогорской породы, за что 4-х хозяев наказали каждого по 50 ударов розгами[2]. В 1849 году хозяина Тростянской усадьбы Самарского имения Самойлова «за леность, нерадение к хозяйству и самовольные отлучки» решили «отдать в рекруты с зачетом за его семейство, а в случае непринятия с зачетом, отдать и без оного»[3].

В то же время для крестьян и сельских приказов образцовые усадьбы стали просто обузой. Крестьяне должны оказывать помощь хозяевам, искусственно поддерживать видимое «благосостояние» образцовых усадеб, ремонтировать постройки, даже пахать землю. Многие помещения, построенные наспех, в скором времени приходили в ветхость. В 1839 году Перовский выговаривал управляющему Симбирскою удельною конторою за то, что все три образцовые усадьбы

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 366, л. 194.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 367, л. 19.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 394, л. 86.

этого имения «построены весьма дурно» по вине управляющего и его чиновников[1].

В середине 50-х годов XIX века во всех удельных имениях России насчитывалось 202 образцовых усадьбы с 266 хозяевами, среди которых были «слабосильны», или «за дряхлостью лет вовсе неспособны управлять хозяйством»[2].

Некоторые хозяева усадеб имели в это время от 1 до 5 десятин земельных угодий, другие, хотя и имели ее до 20 и больше десятин, но весьма плохого качества. У некоторых хозяев Костромского и Орловского имений не было не только рогатого скота, но даже лошадей для обработки земли. На 10 образцовых усадеб Вологодского имения приходилось только 18 лошадей, на 9 усадеб Новгородского имения — 11 лошадей. В это же время 67 усадеб имели по одной лошади и 64 усадьбы по 2 лошади, что не способствовало своевременной обработке земли и уборке урожая. Все это ставило хозяев образцовых усадеб в тяжелое материальное положение. Хозяева, по утверждению директора Удельного земледельческого училища, «при первом вступлении в отправление своей обязанности, встречают не вознаграждение и поощрение своим усиленным трудам, а постоянную, почти безотрадную борьбу с препятствиями улучшения своего быта; долг денежный постоянно его тяготит, не получая вознаграждения своим трудом от земли, поневоле вынужден делать займы хлеба из общественных магазинов для продовольствия себя и своего семейства, без надежды когда-либо возвратить занятое и впоследствии прожить без займа»[3]. О тяжелом положении усадебников говорили другие современники. В 1853 году чиновник Департамента осматривал удельные имения Симбирской и Самарской губерний, где нашел, что образцовые усадьбы всех контор в таком состоянии, что их следовало бы совсем закрыть. «Осмотренные мною усадьбы, — доносил чиновник в Департамент уделов, — найдены чистыми и опрятными, но, к сожалению, этим только и ограничивается все их достоинство; закрома и амбары пусты, обработка полей не превосходит крестьянской, урожаи не обильные и далеко хуже урожаев общественной запашки. Усадебник едва имеет необходимую пропорцию хлеба для годового своего пропита-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 500, лл. 451—452.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 29, д. 508, лист 6.
[3] Там же, лист 10.

ния, запасного же зерна нет почти ни у кого... По моему убеждению, образцовые усадьбы в таком виде, как они находятся ныне, должны быть везде упразднены, бесполезность их доказана четырнадцатилетним опытом»[1].

Мнение чиновника о бесполезности существования образцовых усадеб подтвердила сама жизнь. Многие усадьбы уже в 50-х годах оказались без хозяев. В 1857 году Тушнинский приказ докладывал Симбирской конторе, что Шиловская образцовая усадьба с 1851 года, после смерти хозяина Тарасова, осталась безнадзорной, постройки ее разрушались и «в настоящее время служит для крестьян села Шиловки одним обременением»[2].

О том, что образцовые усадьбы никакой пользы не приносили, свидетельствуют многочисленные донесения приказов Сызранской конторы. Сунгурский приказ в 1859 году сообщал, что хозяин Канадейской усадьбы особых улучшений в своей усадьбе не делал. Другой приказ доносил своему начальству, что хозяин Горюшенской усадьбы Осипов жизнь вел трезвую и в никаких дурных поступках замечаем не был; особых же улучшений по хозяйству в течение полугодия никаких он по своей бедности не сделал. О том же самом сообщали Сенгилеевский, Карсунский, Коптевский и другие приказы[3].

Новомайская образцовая усадьба Самарского имения, основанная в 1842 году, на которую удельное ведомство возлагало большие надежды, также не оправдала себя. Два хозяина этой усадьбы занимались выделкой овчин, валянием из шерсти теплой обуви, изготовлением деревянной посуды, отчасти кузнечным и столярным мастерством. За 9 лет существования усадьбы хозяйство пришло в упадок, «состояние хозяев недостаточное — без сомнения от недостатка рабочих сил, так что хозяева эти не имели собственных средств для перестройки своей усадьбы, пришедшей в ветхость от непрочности прежней постройки»[4].

Однако Департамент уделов не ограничился созданием одних образцовых усадеб. Он распорядился создать и образцовое удельное село. В 1845 году удельное ведомство предложило

---

[1] История уделов, т. 2, стр. 212—213.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 4, д. 227, лл. 8—13, 17, 23, 28.

[3] ГАУО, ф. 322, оп. 4, д. 249, лл. 8—13, 17, 23, 28.

[4] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4309, лл. 308 — 309.

устроить образцовое селение вблизи города Сызрани по большому Саратовскому тракту. На создание образцового селения Царево-Никольское израсходовали 65 тыс. рублей денег и затратили без всякой оплаты много крестьянского труда. Во что обошлось образцовое село удельным крестьянам, говорят следующие данные: на вырубке леса работало до 4-х тыс. крестьян, перевозило лес 25.709 крестьянских подвод и 12.848 рабочих. Причем, на перевозку леса крестьяне сгонялись за десятки и сотни верст, многие крестьяне не только обломали свои телеги, но и лишились лошадей. Сотни крестьян работали на заводах по изготовлению черепицы, тысячи крестьянских подвод подвозили черепицу, щебень и другой материал для строительства образцового села. На постройке села управляющий Сызранской конторой Каблуков и его приближенные нажили капиталы. Однако и эта «попечительная» затея удельного ведомства окончилась печально: через 5—7 лет «образцовое» село стало разваливаться, а вскоре оно ничем не отличалось от других удельных селений[1].

Потерпев неудачу в создании образцового села, Департамент уделов убедился и в бесплодности образцовых усадеб.

С 1854 года удельное ведомство начало постепенно упразднять некоторые усадьбы. В этом году последовало распоряжение закрыть в Самарском имении Андросовскую, Нижне-санчелеевскую и Красноярскую усадьбы, а их строения продать прежним хозяевам, или с торгов в другие руки. Строения были проданы за 80—160 руб. каждое, а бывшие их хозяева оказались должниками на сумму 1.154 руб[2]. Получив санкцию на сокращение усадеб, Самарская контора в 1855 году просила разрешения закрыть еще 4 усадьбы, «потому, что все эти воспитанники земледельческого училища по неспособности своей, испытанной временем, образцовыми хозяевами быть не могут»[3]. Через несколько месяцев Самарская контора вновь требовала закрыть некоторые усадьбы, ссылаясь на неспособность их хозяев: «Образцовых хозяев Елховской усадьбы — Кононова, Тростянской — Сафонова, Красноярской — Князева и Сосновской — Прохорова, по совершенной неспособности, временем уже доказанной, согласно § 102 новых правил об устройстве образцовых усадеб, необходимо уволить и усадьбы их упразднить, так как они не только не в состоянии

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37, д. 79, лл. 217 — 240.

[2] Куйбышевский облархив, ф. 43, оп. 4, д. 21, лл. 157 — 159.

[3] Там же, л. 169.

распространить между крестьянами что-нибудь полезно-образцовое, но даже собственное свое хозяйство не могут поддерживать в требуемом порядке, несмотря на самые деятельные меры, предпринимаемые с нашей стороны к улучшению оных, тем более, что кроме Прохорова, все другия — весьма слабого здоровья, так что от расстройства их здоровья в последние полтора года, совершенно расстроилось и их хозяйство»[1].

Обвиняя хозяев в их неспособности управлять усадьбой, Самарская контора забыла о той аттестации, которую давала им в прошлом. В 1850 г. она доносила в Петербург о том, что Яков Князев «ревностен и с хорошими способностями, в домохозяйстве исправен»; Максим Сафонов «очень рачителен к хозяйству, хорошей нравственности и способностей»; Михаил Кононов «весьма рачительный к хозяйству и земледелию, с порядочными способностями и очень хорошей нравственности»[2]. Конечно, хозяева за пять лет не могли из «рачительных» стать ленивыми. Тут дело было совершенно в другом: нужно побыстрее избавиться от «образцовых усадеб» и назойливых наставлений удельного ведомства.

В 1857 году требование Самарской конторы удовлетворили: пять образцовых усадеб закрыли, хозяев возвратили в родительские дома с долгами уделу: Кононов — 166 рублей, Сафонов — 166 рублей, Прохоров — 360 рублей, Князев — 100 рублей[3].

Образцовые усадьбы потерпели полную неудачу. Главная причина этого — их искусственность, нереальность в условиях крепостничества. На пути улучшения обработки крестьянских полей и правильного севооборота стояли феодально-крепостнические отношения, общинное землепользование с постоянным переделом земли и многие другие препятствия. Образцовые усадьбы потерпели неудачу еще и потому, что хозяев «опекали», все их действия регламентировали, сковывали всякую инициативу. Без ведома удельного начальства усадебник не мог вести по своему усмотрению хозяйства, без разрешения старшин он не мог отлучиться на сторону свыше суток, не мог заниматься тем, что ему казалось более полезным. Усадебник без разрешения удельного ведомства не мог даже жениться[4]. Таким образом, хозяином образцовой

[1] Куйбышевский облархив ф. 43, оп. 4. д. 21, л, 169.

[2] Там же, оп. 11, д. 279, л. 215.

[3] Там же, оп. 4, д. 21, лл. 188, 240.

[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 377, л. 50.

усадьбы такой человек был только по названию, на самом же деле он являлся феодально-зависимым от удельного ведомства, как и сотни тысяч других удельных крестьян.

Удельное земледельческое училище, так же как и образцовые усадьбы, не достигло своей цели. Оно не стало рассадником агрономических знаний среди удельных крестьян. На содержание училища расходовали большие суммы денег, а выпускали небольшое количество специалистов с недостаточной подготовкой. За десять лет работы училища, в его стены было принято 700 молодых удельных крестьян, а окончило курс обучения только 157 человек. За это же время 300 человек были исключены из училища как «оказавшиеся менее способными» и возвращены в удельные селения[1].

Департамент уделов поощрял инициативу крестьян, которые занимались разведением улучшенных пород скота и птицы. Но это относилось к верхушке удельной деревни, которая имела возможности для этого[2]. Удельное ведомство пыталось улучшить породу крестьянских лошадей и для этой цели покупало в 30-х годах племенных производителей. Для них создавали конюшни, держали специальный штат людей, а результаты были незначительны. Вскоре племенных лошадей передали зажиточным крестьянам, а с 1844 года прекратили покупать лошадей на стороне, на том основании, «что хороших племенных лошадей можно найти у местных крестьян»[3].

Однако меры Департамента уделов по разведению лошадей и скота в крестьянском хозяйстве сыграли некоторую роль в развитии животноводства среди зажиточных крестьян.

Попечительные меры удельного ведомства для беднейших крестьян часто оказывались печальными. Известно, что безлошадные крестьяне — обычное явление того времени. Удельное ведомство в борьбе с безлошадностью приняло свои «попечительные» меры. В 1839—1840 годах для беднейших крестьянских семейств Симбирской губернии чиновниками удельного ведомства было куплено 694 лошади, за которые многие крестьяне не в состоянии были расплатиться даже в рассрочку. Но и купленные лошади недолго работали в хозяйстве бедняков. В 1841 году из общего количества розданных лошадей пало 248, украдено 45, продано и променяно 198, а налицо осталось только 373 лошади. Причины большого

[1] Всеподданнейший отчет за 1842 г., стр. 17—19.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 12, д. 1255, лл.3—7, 33, 53.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 307, л. 1—3; История уделов, т. 2, стр. 236.

падежа и продажи лошадей выяснял чиновник Департамента уделов. На расспросы чиновника крестьяне показали, а удельные старшины подтвердили, что «пали лошади, проданы и променяны вообще по старости и неспособности к работам». Ревизор также установил, что крестьянам давали таких лошадей, которые по старости, крайнему истощению совершенно не могли не только работать, но и ходить. Удельному крестьянину д. Вышки Сельдинского приказа «дана была лошадь столь старая, что пала не дойдя до селения, взять же ее голова принудил», — показывали чиновнику крестьяне. Другому крестьянину дали лошадь хромую, трем крестьянам «даны лошади особенно старые, которые вскоре и пали». За старых и совершенно не пригодных к работе лошадей с крестьян брали по 45 руб. за каждую, значительно дороже, чем стоила в то время хорошая лошадь. Тех крестьян, кто не брал купленных уделом лошадей, жестоко наказывали розгами. Вместо помощи крестьянам, их ввели в неоплатные долги, превратили в нищих, а чиновники на этой операции погрели себе руки [1].

Ни образцовые усадьбы, ни другие «попечительные» начинания Департамента уделов радикально не изменяли крестьянского хозяйства, скованного со всех сторон крепостническими узами. Сельское хозяйство в отдельных своих отраслях прогрессировало, улучшалось, но не вследствие феодальной опеки удельного ведомства, а в силу экономического развития страны, развития товарно-денежных отношений, к которым приспосабливалось крестьянство.

Сельские училища. Феодально-крепостническая опека проникала во все поры жизни и быта удельного крестьянства. Удельное ведомство, озабоченное созданием собственных кадров грамотных писарей, писцов и сборщиков податей в приказах, еще в начале XIX века посылало крестьянских детей в школы или в канцелярии удельных экспедиций для обучения грамоте. В школах крестьянских детей обычно обучали кое-как, а в канцеляриях экспедиций они были на посылках. Так, например, из удельного села Гулюшева отдали в Алатырское малое народное училище крестьянского мальчика Никитина. Мальчик жаловался отцу, что в училище «много господских детей и ему от учителя правописание преподается нерадиво и без показания»; учитель заставляет его работать в

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 500, лл. 148, 269; д. 557, лл. 35—48.

летнее время на пашне, а зимою посылает в лес за дровами для школы[1]. Крестьянских детей вместо обучения письму и грамоте изнуряли непосильным трудом и они рады были всякими путями освободиться от школы. Многие ученики бежали, но их наказывали и снова возвращали в училище. Сами родители часто смотрели на подростка-мальчика как на работника в хозяйстве и не всегда охотно отдавали его в школу.

Еще в 1802 году удельное ведомство в тех же узко практических целях пыталось открыть собственные школы в некоторых удельных селениях. Но так как это требовало дополнительных расходов по строительству и содержанию школ, то пожелание Департамента уделов осталось невыполненным. В 1804 году чиновник Вятской удельной экспедиции представил Департаменту уделов обширную записку, в которой рекомендовал открыть сельские школы или на крестьянский счет посылать мальчиков в народные училища. По окончании училища или сельской школы, мальчики должны пройти практику писарского дела в удельной экспедиции, после чего отправлять их писарями в приказы. Но и эта мера не помогла. С автором записки удельное ведомство согласилось, но экспедиции не открыли таких школ. На требование Казанской экспедиции Воскресенский приказ отвечал, что в его приказе грамотных крестьянских детей нет, «касательно ж до выбора 3-х мальчиков к обучению — крестьянам указ объявлен со внушением»[2]. Сельские училища и после 1804 года не были открыты.

С образованием большого числа удельных контор и приказов потребность в грамотных людях еще больше увеличилась. Однако в удельных селениях начальных училищ по-прежнему не было, а приказное делопроизводство хромало. Преследуя сугубо удельные интересы, а не ради просвещения народных масс, управляющий Смоленскою удельною конторою в 1826 году распорядился, чтобы во всех приказах открыть сельские школы. В эти школы крестьяне обязаны посылать от тысячи человек двух учеников, преимущественно сирот или детей из беднейших семейств. Обучение детей поручалось писарям приказов или их помощникам, а содержание школ относилось за счет самих крестьян[3]. Департамент уделов утвердил распоряжение Смоленского управляющего и предложил другим конто-

---

[1] ГАУО. ф. 534, д. 344, лл. 60—61.
[2] ГАУО, ф. 534, ф. 226, лл. 117—118.
[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 203, л. 142,

рам последовать такому примеру. Вскоре подобные школы создаются и в других удельных имениях, обучалось в них по 5—6 мальчиков. Программа обучения в этих школах была до чрезвычайности скудной; детей обучали гражданской и церковной азбуке, письму и сообщали некоторые сведения из священной истории[1].

В 1828 году удельное ведомство утвердило устав сельских училищ. Главная цель, определенная уставом, заключалась в том, чтобы готовить писарей в приказы и писцов в удельные конторы, а также дать необходимые «для каждого христианина понятия о вере»[2]. Училища создавались при каждом приказе, комплектовались крестьянскими мальчиками, число которых определял управляющий конторою. В училище назначался один учитель, во всех отношениях зависимый от приказного головы. Родители, отдающие своих детей в училище, снабжали их одеждой точно установленной формы, сирот — учеников одевало по такой же форме крестьянское общество.

В 1828 году был также утвержден устав Главных удельных училищ, которые должны готовить учителей для сельских школ. Главные училища создавались — одно в Красном селе на 30 человек, второе под Москвой на 50 человек и во всей своей деятельности подчинялись только Департаменту уделов. Штат каждого Главного училища состоял из учителя, его помощника и надзирателя. В этих училищах создавалось по два класса: нижний, где преподавалось чтение, письмо, четыре арифметических правила и краткий катехизис, и высший класс, где преподавалась краткая грамматика «преимущественно практически, с сочинением легких деловых бумаг», а также чистописание, арифметика, дроби и пространный катехизис[3].

В сельских удельных училищах обучение было несложное: чтение церковных книг, закон божий, чистописание, четыре действия арифметики. Срок обучения детей уставом не определялся. Удельное ведомство сельские училища снабжало учебной литературой, «и никакая другая под строгой ответственностью управляющих конторами и учителей не должна быть употребляема в сих заведениях»[4]. Обучение в сельских училищах было настолько казенным и формальным, что многие

---

1 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 203, л. 149.

2 Свод удельных постановлений, ч. V, стр. 102; ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 191, л. 109.

3 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 203, лл. 485—486.

4 Там же, л. 490—491.

ученики за много месяцев и даже лет не постигали книжной премудрости, не говоря уже о письме[1].

Ученики посещали сельские училища нерегулярно, особенно в весеннее время в период полевых работ. Учитель Гулюшевского училища Кудрявцев сообщал в Симбирскую контору, что из 7 человек в школу ходят только 2—3 человека. «Все мои старания, — писал он, — не могут иметь отличного успеха, мальчики по домашним своим занятиям делают очень частые отлучки» и в разговоре с родителями, последние отвечают, «что мальчикам необходимо нужно приспособить себя к крестьянским занятиям, которые со временем будут доставлять ему пищу, других путей они избрать не могут кроме земледелия и, чтобы сверх того могли кое-как что нужно записать»[2].

Такое отношение крестьян к училищу объясняется многими причинами. В сельские училища, как правило, отправляли учиться по принуждению, по решению сельского общества, или по настоянию удельного начальства. Богатые крестьяне рассматривали школу как пустую трату времени, как затею, не приносящую им никакой пользы. В 1840 году голову Ключищенского приказа порицали в том, что он «имея собственных детей, под разными видами отклонил их от сей благодетельной цели, а как голова по званию своему должен служить примером для крестьян своего ведомства, то он первый, при назначении мальчиков в училища, должен назначить своего сына»[3]. В училища силой посылали детей вдов, сирот или из малоимущих семей. В 40-х годах XIX века сельское училище Сухорецкого приказа Казанской конторы комплектовалось или за счет детей вдов, или престарелых родителей[4].

Так как в сельские училища отправляли детей бедняков, то многие туда являлись совершенно раздетыми. В 1850 году Верхнетемерсяновское училище Симбирской конторы не могло принять двух мальчиков потому, что «по бедности отца так худо одеты, что не в состоянии явиться в училище». Управляющий Симбирской удельной конторой во время посещения одного из таких училищ заметил, что «в классе несколько мальчиков были в тулупах, тогда как время года требовало самой легкой одежды»[5].

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 191, л. 117.
[2] ГАУО, ф. 318, оп.1, д. 320, лл. 94—95, 182—183.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 502, л. 251.
[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 191, л. 20.
[5] ГАУО, ф. 541, оп. 1, д. 26, от. 103, д. 20, л. 73.

Все, кто контролировал и посещал сельские училища, рисовали самую безотрадную картину. Сами училища часто имели неблагоприятный вид, там обучались дети различных возрастов — от 8 до 17 лет, учителями являлись люди, не имеющие специальной подготовки. Все это сказывалось на подготовке учащихся. В 1847 году управляющий Симбирской удельной конторой отметил вопиющую безграмотность школьников. «При посещении моем, — писал он, — в одном из сельских училищ ученики на вопрос мой: который ныне год, месяц и число, не могли ответить». Руководствуясь правилами своей педагогики, управляющий предписал учителям «каждодневно при начале учения толковать ученикам, который ныне год, месяц, и сколько в году месяцев, недель и сколько каждый месяц имеет в себе дней». В другом училище тот же управляющий нашел, что там преподавание поставлено крайне плохо, «ученики делают несообразные ответы на задаваемые вопросы и весьма дурно читают»[1]. Директор Главного земледельческого училища Байков в 1845 году посетил Чинчуринское сельское училище и на его вопросы ученикам, что они усвоили из пройденного материала, каковы их познания в изучаемых предметах, никто из учащихся ничего вразумительного не ответил[2].

Подбор учителей был совершенно случайный, многие из них не имели элементарных понятий о долге учителя. В большинстве случаев это были малограмотные священники, которые к своим обязанностям относились плохо, часто не посещали школ и, естественно, даже куцую учебную программу, начертанную Департаментом уделов, не выполняли. На священников жаловались ученики, родители, жаловалось и удельное начальство.

Обучение крестьянских детей улучшилось, когда в удельные училища стали направлять выпускников из Главных училищ. Однако их было мало, и те пытались всеми способами уйти оттуда. Один из таких учителей просил Симбирского управляющего перевести его канцеляристом в контору, где он надеялся получить значительное жалование и повышение по службе[3].

Такое отношение учителей к своей специальности объясняется незавидным положением их в обществе. Они не доро-

---

1 ГАУО, ф. 541, оп. 1, д. 20, лл. 18, 69.
2 ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 405, л. 131.
3 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 320, лл. 94—95, 182—183.

жили своей специальностью потому, что роль сельских учителей в то время была ничтожной, на них смотрели как на самый низший сорт людей, с ними никто из представителей местной власти не считался. Еще в 1818 году К. Арсеньев писал: «Совершенство народных училищ также много зависит от достоинства народных учителей. К сожалению, учитель нижних школ России почитается принадлежащим к самой низшей степени граждан, недостаточное и даже бедное его состояние делает его зависимым от каждого»[1]. Удельный учитель зависел от приказного старшины, управляющего, Департамента уделов. За один и тот же труд в сельском училище учитель получал меньше жалования по сравнению со священником[2].

Феодально-крепостническая политика Департамента уделов по отношению к школьному делу слишком дорого обходилась крестьянству. Строительство школьных зданий, содержание училищ при незначительном числе учащихся стоило больших денег. В Казанском удельном имении строительство одного школьного здания обходилось в 4.634 руб., оборудование его в 1.100 руб. и на ежегодное содержание его расходовалось 1064 рубля. Только по этому имению на строительство и оборудование 5 сельских училищ израсходовано до 29 тыс. рублей. Некоторые удельные конторы распоряжение удельного ведомства о строительстве школьных зданий выполняли формально, непосредственные исполнители львиную долю денежных сумм присваивали себе. Школьные здания строили кое-как, в результате чего здания оказывались недолговечными. В 1839 году ревизор Департамента уделов обнаружил, что во многих приказах Симбирского имения здания построены непрочно, «потолочные балки в них так тонки, что погнулись и хотя они креплены железными болтами и утверждены поставами, но за всем тем ненадежны, в дверях оказались большие щели и оконные рамы по косякам не плотны»[3].

Многие старшины от школьного дела извлекали большие доходы, в том числе за счет взяток за освобождение детей от училища. Казенный заседатель Каменского приказа Саратовской конторы за подобные взятки угодил в солдаты[4]. Другие

---

[1] К. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства, СПБ, 1818, ч. 1. стр. 211.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 7, д. 1753, лл. 307—308; ГАУО, оп. 1, д. 500, л. 210.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 500, л. 580.

[4] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 488, л. 218.

старшины присваивали школьные деньги, третьи обирали тех же сирот. Голова Каченяевского приказа Сызранской конторы Дрондин в 1856 году для 10 школьников пошил 5 новых и отремонтировал 5 старых полушубков, для чего как будто бы купил 35 овчин и уплатил за пошивку полушубков 56 руб. На эти деньги, по замечанию ревизора, «можно сделать 10 новых хороших полушубков для мальчиков от 10 до 13 лет»[1].

При больших денежных затратах результаты обучения грамоте крестьянских детей были весьма скромные. В 1834 году в Московском, Владимирском, Нижегородском, Казанском, Симбирском и Саратовском удельных имениях открыли по 5 сельских училищ, в каждом по 20 мальчиков. В 1845 году во всех удельных имениях России насчитывалось 200 сельских училищ, в которых обучалось только 6430 человек. На содержание этих училищ крестьяне ежегодно расходовали 78.500 рублей серебром. Накануне реформы таких училищ насчитывалось 228, в них обучалось 7.114 человек; на Среднее Поволжье приходилось 93 училища с 3173 учениками[2]. Удельное ведомство и сами училища не вели борьбы за сохранение контингента учащихся, многие ученики, как правило, не выдерживали сроков обучения. В 1860 году в 33 сельских училищах Казанского и Симбирского удельных имений обучалось 1232 мальчика, из которых только 296 человек окончило школу[3].

При такой системе обучения и колоссальных крестьянских денежных затратах за все время существования удельных сельских училищ (1830—1863) в Среднем Поволжье едва ли окончило их 10 тыс. человек, научившихся лишь читать и разбираться в элементарных правилах счета. Мелочная опека удельного ведомства, злоупотребления местного начальства, низкий уровень знаний учителей и скудная учебная программа не способствовали распространению грамотности среди удельного крестьянства.

Ремесленные училища. Чиновники удельного ведомства понимали роль ремесла для жизни многих малоземельных крестьян и для тех, кто издавна им занимался. Поощряя развитие ремесла, удельное ведомство облегчало податное бремя для крестьян и гарантировало для себя своевременное поступление об-

---

[1] ГАУО, ф. 322, оп. 3, д. 235, лл. 3—8.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 569, лл. 4—6, Всеподданнейший отчет за 1859 г., приложение № 8.

[3] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 126, л. 18, ф. 318, оп. 1; д. 1182; лл. 118—128; д. 1219, л. 32.

роков. В 1839 году последовало распоряжение о создании ремесленных училищ, «чтобы доставить удельным крестьянам новые способы к улучшению быта». Главная задача ремесленных училищ заключалась «в усовершенствовании тех ремесел, которые уже существуют среди удельных крестьян». В ремесленные училища удельное ведомство предлагало направлять юношей не моложе 18 лет, непригодных к военной службе и преимущественно из малоземельных селений, где крестьяне занимались бурлачеством, с тем, чтобы отучить их от этого промысла.

Создавая ремесленные училища, Департамент уделов все организационные расходы перекладывал на плечи крестьян, а в дальнейшем предполагал училища перевести на самоокупаемость. «Расходы на устройство и содержание ремесленных училищ, — говорилось в циркуляре, — производить за счет крестьянских капиталов, которые в дальнейшем будут окупаться продажей тех изделий, которые будут изготовляться в училищах»[1].

Программа этих училищ исключала общеобразовательные предметы и носила строго практический характер. В ремесленных училищах обучали кузнечному, слесарному, плотничному, столярному, тележному, бочарному, кожевенному и другим ремеслам, готовя, таким образом, ремесленников-универсалов. Вне программы приглашали священников, которые с 6 до 8 часов утра обучали воспитанников молитвам, счетоводству и чтению.

Из числа 16 ремесленных училищ, предположенных к открытию, в 1840 году открыли такие училища только в Тверском и Симбирском имениях[2]. В 50-х годах XIX века в каждом удельном имении насчитывалось 1—2 ремесленных училища. Численный состав этих училищ был незначительный. В 1859 году в Самарском ремесленном училище обучалось 35 человек, из которых 9 человек окончило курс учения, 6 человек по разным причинам выбыло, а 20 учеников оставили на следующий год. Такое количество учащихся было и в других ремесленных училищах[3].

Учебный год в ремесленных училищах распределялся следующим образом: 60 дней отводилось для выделки овчин; 42

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 500, л. 418.

[2] Всеподданнейший отчет за 1840 г., стр. 34—35.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1182, лл. 118—128; ф. 320, оп. 1 д. 159, лл. 27—35.

дня кузнечному мастерству; 24 дня отводилось для изучения слесарного дела; 30 дней определялось столярному, 36 дней бочарному и тележному мастерствам; 18 дней отводилось колесному и 25 плотничному мастерствам; 15 дней печному мастерству, а всего таким образом, отводилось на обучение 250 дней в году[1]. Ученики не только обучались ремеслам, но своим трудом приносили доход уделу. Так, Самарское ремесленное училище только за 1859 год изготовило и продало изделий до 10 тыс. рублей[2].

Ученики изготовляли ремесленные изделия для продажи и обрабатывали училищные огороды, продукция которых шла на питание. При отсутствии огородов учеников посылали для заработка в другие места. «Во время покоса или так называемой страды, — говорилось в одном из распоряжений Департамента уделов, — косить сено на крестьянских и господских полях по найму ученикам заведения, которые должны отправляться на сенокос под надзором мастеров и быть в повиновении хозяина покоса»[3].

В ремесленные училища назначали учеников принудительно и по решению мирского общества: туда отправляли сирот, детей бедняков, часто отбирая у родителей последнего сына. Крестьянка с. Тушны Егорова просила управляющего Симбирской конторой возвратить из ремесленного училища ее единственного сына по той причине, что «нахожусь в глубокой уже старости и после его сделалась нездоровою и теперь не только призреть моей старости, но даже бываю нередко без куска хлеба. Воззрите горестную на мою жизнь, не заставьте меня болезненную валяться непризренною, увольте для призрения моей старости моего сына Андриана». С такой же просьбой в 1848 году обращались к управляющему Сызранской конторой крестьянин д. Шлемас Нагаевского приказа Амиров и многие другие[4].

Окончивший ремесленное училище крестьянский юноша возвращался в свое село, поселялся отдельным двором и занимался там ремеслом и земледелием. Для обзаведения хозяйством ученик по личному желанию получал от удельного ведомства небольшую денежную ссуду. Однако такой ремес-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 370, лл. 557—558.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1182, лл. 118—128.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 752, лл. 1—2.
[4] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 505, л. 310, ф. 322, оп. 1, д. 390, л. 49.

ленник не распоряжался собою. Та же опека, какую испытывали на себе хозяева образцовых усадеб, распространялась и на ремесленников. Ремесленники должны жить только в своем селении, заниматься предписанным свыше ремеслом и могли отлучаться на сторону только на один месяц в году[1].

Ремесленные училища с небольшим числом учеников вряд ли оказали заметное влияние на развитие ремесла в удельных селениях. За 20 лет существования ремесленных училищ они подготовили не более 3 тыс. ремесленников. Нам известно, что в тех селениях, где издавна существовало ремесло, оно ширилось и развивалось, вовлекая широкие слои крестьянства.

Женские училища. Узко практические цели преследовало удельное ведомство при организации учебных заведений для девочек удельных крестьян.

В 1845 году было утверждено положение для хозяйственного училища крестьянских девочек в гор. Алатыре. Оно учреждалось с целью «обучения дочерей удельных крестьян необходимым и полезным в их быту сведениям и ремеслам». В хозяйственное училище ежегодно принималось 20 воспитанниц 12-13 летнего возраста, «здорового телосложения, без важных телесных недостатков, преимущественно из семейств известных хорошим поведением».

Срок обучения определялся в 4 года. Программа обучения была также самой ограниченной: девочек обучали закону божьему, чтению, счету, прививали практические навыки садоводства, огородничества, умение оберегать плоды и овощи и «делать из них разные приготовления». За время обучения в училище девушки должны научиться ухаживать за скотом и птицей, сбережению съестных припасов, готовить хорошую и простую крестьянскую пищу, уметь обрабатывать лен, пеньку и шерсть, ткать, вязать, окрашивать нитки, лить сальные и восковые свечи и т. д.[2].

Какие же практические цели преследовало удельное начальство, создавая такие училища? Алатырское училище комплектовалось из девушек богатых крестьян и должно было готовить жен для приказных старшин и хозяев образцовых усадеб. Одним словом, это было привилегированное учебное заведение для верхушки удельной деревни. Для девушек,

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 752, лл. 1—2.
[2] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 50, лл. 2—3, 176.

оканчивающих училище, подыскивали женихов и прямо из этого заведения выдавали замуж[1].

В Буинском уезде для чувашских девушек создали училище в целях распространения среди чуваш христианства. Подлинные цели организации чувашского училища высказал в 1854 г. управляющий Симбирской удельной конторой: из чувашских девушек подготовить верных проводников православия, которые должны воспитать новое поколение в духе покорности существующему строю и самодержавию[2].

Определяя цели и задачи чувашского училища для девочек, управляющий удельной конторой стремился создать и соответствующие учебные и вспомогательные помещения по типу Алатырского училища. Однако, на все это по-иному посмотрело удельное ведомство. В Алатырском училище воспитывались русские девушки из семей зажиточных крестьян, их готовили невестами для удельных старшин и усадебников. В этом училище допускалась некоторая роскошь в обстановке, одежде и питании. Не то должно быть в Чувашском училище.

На предложение управляющего построить для женского Чувашского училища удобные и просторные здания, Департамент уделов в 1857 году предложил план построек сократить до минимума, потому что чувашским девушкам «нужно дать такое образование, которое, не отрешая их от крестьянского быта, познакомило бы их с истинами христианского учения, приучило бы к чистоте и опрятности и исполнению тех работ, которые ожидают их родители и будущие мужья». Давая понять управляющему, чтобы он не переносил порядков из Алатырского русского в Буинское чувашское училище, удельное ведомство писало: «Дети по выходе из училища должны снова поступать в родительский дом, и из него уже выходить, впоследствии, замуж, а не прямо из заведения. Посему целью заведения должно поставить воспитание жен не для писарей, и не для усадебников, а для крестьян». В этом циркуляре Департамент уделов высказал свое пренебрежение к чувашскому народу, призвание которого только работать на царя, русских помещиков, чиновников и на сельскую верхушку богатеев. «Главное же, — писало удельное ведомство, — образовать из воспитанниц настоящих работниц...

[1] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 50, лл. 218, 220.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 956, л. 1.

чтобы образование это отнюдь не пробудило в них потребностей, которых удовлетворение было бы невозможно».

Училище отличалось от Алатырского как программой обучения, так и самим отношением к учащимся девушкам. В Буинском училище все должно было быть приспособлено к труду девушек и «составляло... не забаву для них, а действительный, и притом довольно тяжкий труд». Так как в училище должны заниматься только физическим трудом, то девочек принимали в возрасте 14—18 лет, «для того, чтобы с самого начала могли участвовать во всех полевых работах». За четыре года обучения в училище девушки не должны забывать, кто они: ходить в такой же одежде, как и дома («носить точно ту же одежду, как и ходить в лаптях, которые они могут себе приготовить сами; употребление кожаных башмаков или котов можно допустить только по праздникам»). Даже обстановка в училище ничем не должна отличаться от простой домашней, кроме как чистотой и опрятностью. В пище и помещении должна быть соблюдена строгая простота: полы, лавки, столы и кровати «лучше иметь некрашенные, чтобы содержание их в чистоте лежало на воспитанницах»[1].

Удельные больницы. Периодические эпидемии и многочисленные болезни уносили много крестьянских жизней. Департамент уделов принимал меры к тому, чтобы сократить смертность среди удельного крестьянства и сохранить рабочие руки. С этой целью проводили оспопрививание, открывали больницы, держали штат врачей, готовили фельдшеров и оспопрививателей. Все это проводилось в мизерных размерах и действенного эффекта не имело. Смертность среди удельного крестьянства была огромна. В 1838 году по Казанскому имению родилось обоего пола душ 1.443, а умерло 1.077. Через десять лет по тому же имению родилось 1878, умерло 2380. В 1859 году по Самарскому имению родилось 11712 душ, умерло 8028, по Симбирскому имению в 1860 году родилось 8254 души, умерло 5997[2]. Как видим, прирост населения в удельной деревне был совсем незначительный. Во многих селениях удельного ведомства, как и вообще в селениях того времени, медицинская помощь совершенно отсутствовала. В 1845 году на 1.686.904 души обоего пола удель-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1101, лл. 68—71.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 361, л. 31; д. 444, л. 18; ф. 318, оп. 1, д. 1182, лл. 118, д. 1219, л. 1.

ных крестьян России было 17 врачей и насчитывалось только 5 удельных больниц: С. Петербургская — 50 мест; Симбирская — 20 мест; Кукарская Вятского имения — 24 места, Алатырская — 24 места, Красносельский госпиталь на 30 мест[1].

При наличии одного врача на все удельное имение и при отсутствии больниц, удельные крестьяне оставались без медицинской помощи. Штат больниц был также небольшой: один врач, несколько фельдшеров и прислуга. Только в Красносельском удельном госпитале штат обслуживающего персонала состоял из 16 человек, куда входили: один врач, два фельдшера, 4 женщины, ухаживающие за больными, 2 прачки, повар, аптекарский ученик и 4 инвалида. На содержание Красносельского удельного госпиталя отпускалось 2749 руб. в год[2]

Аптек с лекарствами также было мало. На все удельное имение при конторе создавалась одна аптека с небольшим запасом лекарств, которыми пользовались, главным образом, удельные чиновники.

При удельных приказах имелись фельдшера, готовившиеся из тех же удельных крестьян. Фельдшерскому искусству удельные крестьяне обучались или при Петербургской обуховской больнице, или у врачей удельного ведомства. Крестьянские мальчики в 16—18 лет без достаточной общей подготовки должны были научиться у удельного врача, как собирать и хранить лекарственные растения; распознавать болезни, составлять лекарства, лечить почти от всех болезней и оказывать неотложную помощь при несчастных случаях[3]. Срок обучения определялся в 2—4 года. В основе обучения лежала практика почти без теоретических познаний. Часто удельные врачи использовали своих учеников простыми работниками в своем хозяйстве. После окончания срока обучения и экзамена в местной врачебной управе, фельдшер назначался в сельский приказ и содержался за счет крестьянских общественных сборов. Однако печать плебея должна все время лежать на крестьянине, получившем медицинское образование. «Фельдшера из удельных крестьян, — гласил свод удельных постановлений, — поступившие в имение для

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 565, лл. 13—14; Всеподданнейший отчет за 1840 г. стр. 16.

[2] Свод удельных постановлений, ч. IV, приложение, стр. 18.

[3] Там же, стр. 179.

исполнения своих обязанностей, носят одежду обыкновенную, крестьянскую[1].

Таким же путем готовились ветеринарные ученики, которые, кроме всего прочего, должны знать «о хитростях барышников при продаже лошадей», «о подковании здоровых лошадей».

Политика «попечительства» удельного ведомства о здравии удельных крестьян определена в многочисленных наставлениях, выраженных в декларативной форме. На практике же они существенного значения не имели. Сотни тысяч удельных крестьян лечились первобытным способом, обращались за помощью к знахаркам и знахарям, обречены были на продолжительные и мучительные страдания.

В особенно тяжелых условиях жили нерусские народности. В зимнее время, кроме людей, в избе помещались телята, ягнята, поросята, куры, и воздух такого жилья был отравлен одуряющим запахом. Ко всему этому недоставало дневного света, так как маленькие окна в зимнее время промерзали. Во многих домах царила грязь, в щелях копошились тысячи тараканов. Все это способствовало распространению таких болезней, как чесотка, лишаи, парша, накожные и глазные болезни[2].

И. Селиванов в 30-х годах XIX века жил несколько лет в мордовской деревне Пензенской губернии, где наблюдал жизнь и быт мордовских крестьян. «Нигде и никогда не только я не видел, — писал Селиванов, — но даже не мог предположить таких страшных наружных болезней, какие встречал между мордвою. Раны в три, четыре медных пятака величиною, были такие обыкновенные вещи, что об них даже и не говорили; с ними человек работал, ездил, ходил как ни в нем не бывало. Видеть в такой ране голую кость случалось нередко»[3]. У некоторых от глазных заболеваний лопались глаза, заводились черви, у других «все лицо и за ушами было покрыто гноеватыми струпьями, сочившими гной, а голова покрыта сплошной гноеватою шапкою»[4]. Мордовские и другие знахарки, лечившие лихорадку кожей летучей мыши, че-

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. IV, приложение стр. 182.

[2] Госархив Тат. АССР, ф. 1, оп. 2, д. 642, л. 17, д. 561, л. 36.

[3] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. III, ч. 1, Саранск, 1939, стр. 216.

[4] Там же, стр. 220—225, 245.

сотку — серой с кислой сметаной, другие болезни разным умыванием и т. п. — способствовали только распространению всевозможных болезней среди населения.

Для борьбы с оспой в каждый приказ назначалось по 2—3 оспопрививателя, примерно по одному на 1000 человек крестьян. В оспопрививатели обычно назначались грамотные крестьяне, которые обучались этому искусству у медиков удельного ведомства или при уездных оспенных комитетах. Расходы на содержание оспопрививателей производились за счет крестьянских общественных средств[1].

Несмотря на то, что еще в начале XIX века в удельной деревне ввели оспопрививание, а в середине XIX века существовал большой штат оспопрививателей, наблюдались частые вспышки заболеваний оспой. Причин этого было много. Прежде всего, неквалифицированные оспопрививатели к своим обязанностям относились формально, чему способствовало само удельное ведомство. Для того, чтобы произвести оспопрививание, Департамент уделов требовал от сельских приказов составления многочисленных списков: очередные списки всех селений именные списки по каждому селению, перечень пунктов оспопрививания и т. д. При этом много было других бюрократических требований, что мало способствовало оперативной борьбе с оспенными заболеваниями. Об оспопрививании удельного крестьянского населения говорят данные за 1845 год[2].

Удельные конторы	Число душ обоего пола	Привита оспа до 1845 г. включит. (душ)	Не привита оспа (душ)	Процент не прив. оспы
Казанская	33895	24700	9195	26
Симбирская	121786	47769	74017	60
Алатырская	168892	64267	104625	62
Сызранская	178515	70052	108463	60
Самарская	176038	55279	120759	68
Лашманы и другие Симбирской губерн.	90089	27910	62179	69
Всего:	769215	289977	479238	62

[1] Свод удельных постановлений, ч. IV, стр. 200—218.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 565, лл. 13—14.

Таким образом, в 1845 году 62 проц. всего удельного крестьянского населения Среднего Поволжья находилось под угрозой заболевания оспой. Удельное ведомство не вело никакой борьбы с массовыми заболеваниями трахомой, которой были подвержены, главным образом, нерусские народности, венерическими болезнями в селениях, расположенных на берегах Волги и других больших рек. «Попечительные» меры о здравии удельных крестьян выражались в многочисленных потоках бумаг удельного ведомства, которые не облегчали положения народных масс.

Насильственные меры христианизации нерусского населения

Удельное ведомство мало заботилось о здоровье крестьян, не вело эффективной борьбы с эпидемиями и различными болезнями, существенным образом не заботилось о благосостоянии и просвещении народа. Более активно и настойчиво оно насаждало среди мордвы, чуваш и татар христианскую веру. Административно-полицейские меры по распространению христианства среди народов Поволжья усилились в 30-х годах XIX века. В некоторых городах были образованы специальные комиссии «для утверждения новокрещен в христианской вере и убеждения некрещенных народов в принятии святого крещения». Мерами насилия уничтожались священные рощи, преследовались обычаи и нравы народов Поволжья. Всех, кто не подчинялся удельным распоряжениям, кто отказывался от принятия христианства, наказывали «в пример другим», запрещали им работать в воскресные дни, а в дни «идолопоклоннических празднеств употреблять их в общественные работы, какие в то время случатся, наблюдая, чтобы они в эти дни непременно работали и по собственному хозяйству»[1].

Называя чуваш диким народом, чиновники «просвещали» их побоями и грубостью, варварски уничтожая то, что являлось святыней для чуваш.

Татар также принуждали принимать христианство, причем творили над ними неслыханные насилия. Голова Шигалинского приказа Симбирской конторы Васильев вместе с попом в 1856 году ездили по татарским селениям и всех, кто не принимал христианство, избивали. Крестьяне Шигалин-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 557, лл. 421—422.

ского приказа писали царю, что по распоряжению головы Васильева, «связав руки и ноги, с понятыми в большом количестве делают нам наказание и, увидев вышедшего из дома человека, схватив, унесут в другой дом и крестят»[1]. Татары насильственно крещенные, часто отказывались от новой религии. В 1837 году татары многих селений Буинского уезда, несмотря на угрозы и насилия, отказались от православия. Царь приказал, чтобы всех уклонившихся от православия новокрещенных татар Буинского уезда переселить отдельными семьями в русские селения и установить за ними строжайший контроль. Во время переселения татар в русские селения, многие из них заявляли, что они крещены никогда не были и русских имен себе не знают, а поэтому просили оставить их в покое и на старом месте[2]. Татар, уклонившихся от православия, заставляли платить оброки и подати в двойном размере. Так, за 1835—1837 годы крестьяне-татары одного из селений в числе 138 душ должны были уплатить 11.728 рублей податей и оброков, или по 85 рублей каждый[3].

Татар, уклонившихся от православия, предавали суду и ссылали в Сибирь на поселение. 26 татар деревень Уразовки и Нагаевой по решению Симбирской палаты уголовного суда и распоряжению удельного начальства в 1841 году переселили в русское селение Студенец Сызранского уезда. Переселенные крестьяне не желали на новом месте обзаводиться хозяйством, 8 раз делали побеги в свои старые селения и не хотели подчиняться властям. Доведенные до отчаяния — одни татары оказали сопротивление властям, другие пытались покончить жизнь самоубийством. Четверо татар, закрывшись в избе, грозили оттуда голове приказа зарубить топорами каждого, кто попытается взломать дверь. Они кричали, что пусть их сошлют в Сибирь на поселение, а в Студенце жить не останутся. За сопротивление властям некоторых крестьян сослали в Сибирь на поселение, других жестоко наказали[4]. В 1845 году 72 крестьянина-татарина д. Чембилей Курмышского уезда, назначенных к переселению в другие места, оказали упорное неповиновение как удельным чиновникам, так и земской полиции. По распоряжению Симбирского губернатора в

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1101, л. 200.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 166, л. 558.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 478, л. 144.
[4] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 220; лл. 29; 127; ф. 322, оп. 1, д. 282, л. 69.

это селение направили военную команду, при помощи которой 8 человек арестовали и запрятали в острог, остальных наказали и отправили на новое место жительства.[1]

Удельного крестьянина деревни Горинок Карсунского уезда татарина Халикова долгое время преследовали за то, что он женился не по христинским обрядам на девушке Акимовой и не крестил своих детей. В 40-х годах дважды их предавали суду «за противозаконную связь и прижитие 2-х детей». Не выдержав издевательств, они бежали в Сибирь. Недолго продолжалась свобода: в Тобольске Халикова с семьей задержали и отправили в г. Карсун. Халикова обвинили в том, что он жил в Сибири по подложному паспорту, а жену за бродяжничество. Симбирская палата уголовного суда решила Халикова наказать 100 ударами розг, а жену его 8 ударами, сверх чего отправить духовному начальству «для назначения им за любодеяние церковного покаяния, а Акимову как уклонившуюся от христианской веры для вразумления и увещания»[2]. Выслушав приговор в Карсунском остроге, Халиков и его жена заявили, что на церковное покаяние не пойдут, «совокупного сожития не оставят и с детьми своими не разлучатся, а крестить их не будут». Доведенные до отчаяния, они готовы были на все, первый—«на смертную казнь», а вторая — «удавит детей и сама удавится». После их слов, Халикова и его жену снова обвинили и судили: Халикова до 3 лет смирительного дома, его жену — наказанию розгами до 60 ударов[3]. Судьба Халикова и его жены в удельной деревне не единичный случай — подобных им было много.

Проповедь христианства при помощи угроз и палок продолжалась до самой реформы. В 1859 году татары и чуваши жаловались Департаменту уделов, что головы Шемалаковского и Верхне-Темерсянского приказов вместе с духовенством «принуждают жестокостями к крещению, без всякого предварительного ознакомления с догмами христианства» и несмотря на распоряжение, «чтобы дело обращения в христианство предоставлено было духовенству, обязанному дей-

---

[1] Материалы для истории крепостного права в России. Извлечения из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836—1856, из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836—1837—1856 годы. Берлин, 1872 (на обложке 1873), стр. 125—126.

[2] ГАУО, ф. 115, оп. 26, д. 2, лл. 1—2.

[3] Там же, листы 3—4, 35—36.

ствовать кроткими увещаниями, они более прежнего преследуются принудительными мерами и угрозами»[1].

Насильственное обращение татар, чуваш и мордвы в православие озлобляло их не только против духовенства, но и удельного ведомства. Борьба народов Среднего Поволжья против насильственных методов христианизации в 30—50 годах XIX века вливалась в общую борьбу народных масс против крепостничества, а отступническое движение новокрещенцев усиливало аграрно-крестьянское движение в стране.

Другие «попечительные» меры Департамента уделов

Удельное ведомство методом той же опеки стремилось уничтожить курные избы, построить по новым планам селения, подогнать под один аршин все удельное население.

Для постройки новых домов с современными печами, Департамент уделов предложил построить за счет крестьян кирпичные заводы, рабочей силой которых должны быть те же удельные крестьяне. Кирпич, изготовленный даровым трудом, удельному ведомству почти ничего не стоил, но удельные конторы продавали его по высоким ценам. Бедняку-крестьянину часто не за что было приобрести кирпич для печки, поэтому волей-неволей ему приходилось избу топить по-черному и жить в тяжелых бытовых условиях.

Департамент уделов, хотя и распорядился уничтожить курные избы, но реальных средств для этого не предложил и его распоряжение плохо выполнялось на местах. Правда, удельное ведомство неоднократно напоминало своим управляющим, чтобы они более энергично уничтожали курные избы и приучали «чувашей к чистоте и порядку в домашнем быту». Управляющий Симбирскою конторою в 1857 году сообщал, что по его имению уже уничтожено более 10 тыс. курных изб и до 2700 пытается переделать в будущем, «если для сего будет отпущено беднейшим хозяевам безденежно с удельных заводов кирпич для печей и труб»[2]. Несмотря на подобные заверения, много курных изб насчитывалось и в первые годы пореформенного периода.

В 40—50-х годах много курных изб было не только в Симбирском, но и в других удельных имениях. По Самарскому

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 662; 84—85.

[2] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 4, д. 36, лл. 1—2.

имению насчитывалось 22370 крестьянских домов, из них до 1849 года 10327 домов топилось по-черному. За 1849—1858 годы крестьяне переделали 6.223 курных избы в обыкновенные белые дома, а остальные 4.204 избы, или 19 проц., так и осталось топиться по-черному[1].

Постоянным и глубоко разоряющим бедствием для удельных крестьян являлись пожары. Достаточно привести данные о пожарах по пригороду Белому Яру Самарской конторы только за четыре года, чтобы убедиться в этом. В 1848 году Белый Яр горел три раза, пожаром было уничтожено 185 домов и одна церковь на сумму 11483 рубля серебром. Летом 1849 года произошло 2 пожара, сгорело 29 домов. В 1850 году было 6 пожаров, уничтоживших 176 домов на сумму 14 тыс. рублей серебром. За 1851 год вспыхнуло 9 пожаров, уничтоживших 27 домов. Только за 4 года Белый Яр горел 20 раз, огнем было уничтожено 415 домов, на сумму до 30 тыс. рублей серебром[2]. Не было такого селения, где бы за 5—10 лет не произошло 2—3 больших пожара. Иногда пожары вспыхивали почти одновременно в нескольких селениях. В апреле — мае 1839 года произошли пожары в селах Томилове, Старой Рачейке, Студенце, Старых Костычах Сызранского удельного имения, в результате которых было уничтожено 638 домов. Летом 1839 года в Симбирской губернии огонь уничтожил 2733 дома удельных крестьян на сумму в 1.275 тыс. рублей[3]. Много крестьян осталось без крова и пищи, многие из них вынуждены были пойти по миру.

Удельное ведомство, считая основной причиной пожаров тесноту крестьянских построек, еще в 1830 году распорядилось составить для каждого селения план, на основании которого строить новые крестьянские дома в определенном порядке, с широкими улицами и проездами. Новым «попечительным» Положением определялось количество земли для каждого крестьянского двора, размеры отдельного дома — его длина, ширина и высота, указывалось количество окон в каждом новопостроенном доме. В новом Положении много было других «попечительных» рекомендаций, трудно выполнимых как для удельных крестьян, так и для местных чиновников.[4]

---

[1] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 4, д. 36, лл. 119—122.

[2] Там же, оп. 11, д. 287, л. 145.

[3] Всеподданнейший отчет за 1839 г., стр. 11, ГАУО, ф. 322; оп. 1; д. 99; л. 95.

[4] Свод уд. постановлений, ч. IV, стр. 219—242

В 1838 году, не ожидая планов на селения, удельное ведомство предложило, чтобы в селениях между каждыми пятью домами создавались интервалы в 10 и более сажен, а некоторые дома переносились бы в другое место[1]. Распоряжение Департамента уделов для приказов и контор оказалось настолько трудным, что они просто становились в тупик. Ново-какерлинский приказ сообщал в Буинское удельное отделение, что «во всех лашманских селениях не только улиц, но и прямых линий строения так, чтобы малейшая часть соответствовала одна другой не имеется» и если выполнить в точности предписание начальства относительно интервалов, «то от ста домов едва ли десять не подвергнуться сломке». Тот же приказ утверждал, что если делать подобные интервалы между домами, то «по малочисленности жителей через переноску домов, они могут понести немалозначительный убыток»[2].

Удельные чиновники мало считались с доводами крестьян и приказов, они заставляли ломать крестьянские дома, разрушать другие постройки, изгонять крестьян из старых насиженных гнезд. Были случаи, когда крестьян заставляли переносить дома из одного места на другое по нескольку раз. Так, в 1841 году по распоряжению головы Верхнетемерсянского приказа в деревне Чиринеевой сломали два крестьянских дома и перенесли их на новое, указанное головою, место. На новом месте один крестьянин построил сарай, а второй поставил избу со всеми хозяйственными постройками. Когда строительство крестьянских домов и сараев подходило к концу, в деревню приехал удельный чиновник, который приказал крестьянские дома перенести в иное место, на том основании, что новые постройки находились в 50 саженях от хлебного магазина. Крестьяне вынуждены были еще раз перенести свои дома на место, указанное чиновником[3].

«Жилые строения, — наставляло удельное ведомство,—рубить не в угол, а в лопату; стены внутри жилого строения не обтесывать, а смазывать глиною так, чтобы углубление пазов выравнивалось с выпуклостью горбылей; печки класть кирпичные». Удельное ведомство указывало и на другие детали постройки нового дома. Оно запретило употреблять под строение сваи и стулья, вместо которых рекомендовалось класть кирпичный или каменный фундамент. В этой инструкции все

---

1 ГАУО, ф. 318, оп. 1; д. 488; л. 49.
2 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 508; л. 8.
3 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 559; л. 292.

было расписано до мелочей: какой лес крестьяне должны потреблять для постройки домов, какова толщина бревен и т. д.[1]

Основной массе крестьян строительство таких домов было не под силу, они ютились в небольших примитивных и наскоро сколоченных избушках.

Пока крестьяне переносили с места на место свои дома, пока им внушали, какой они должны под свой дом подвести фундамент, в это время начали поступать из Петербурга планы по благоустройству селений. На основании этих планов должна произойти новая планировка улиц, переулков, крестьяне заново должны отстроить свои дома. Составители планов плохо знали местное положение селений и планировали иногда так, что даже ретивое удельное начальство затруднялось выполнять эти проекты. В 1848 году управляющий Буинским удельным отделением сообщал Симбирской конторе, что при осмотре в селах Старых Айбесях и Хомбусь-Батыреве «проекты составлены неверно и в натуре выполнимы никак быть не могут, ибо в селе Старых Айбесях постройка назначена на самом овраге, а в селе Хамбусь-Батыреве постройка домов предположена на пруду, находящемуся близ церкви, который на плане вовсе не обозначен. Притом в селе Хамбусь-Батыреве, как план был составлен до постройки училища, то ныне по расстановке столбов училище приходится в том самом месте, где предложены крестьянские дома»[2].

Дома, амбары и другие хозяйственные постройки крестьяне должны строить только с разрешения начальства. Даже колодцы крестьяне должны строить по инструкции удельного ведомства. Удельное «попечительство» буквально на каждом шагу стесняло крестьян. Крестьяне постоянно жаловались своему начальству на тяжесть выполнения многочисленных «попечительных» мероприятий удельного ведомства. К этому надо прибавить, что большинство распоряжений на местах часто искажалось и превращалось в источник наживы для чиновников, отчего тяжесть феодальной опеки для крестьян значительно увеличивалась. Во время открытых выступлений крестьян, они не только требовали отменить общественную запашку, возвратить отобранную у них землю, сократить оброки и повинности, но настаивали на том, чтобы отменить стандарты на строительство домов, колодцев, планировку улиц и т. д.

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 647; л. 119.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 31, д. 745; л. 152.

На многочисленные требования крестьян и лашман, в 1843 году удельное ведомство ответило, что «просьба их об отмене распоряжений относительно постройки домов и колодцев на основании общих правил, не может быть удовлетворена, и они непременно должны дома строить согласно высочайше утвержденному... плану, а колодцы устраивать с крышами и колесами для подъема воды и срубы оных выводить от земли не менее 1,5 аршина»[1].

Распоряжения о стандартных домах и колодцах возможно выполнимы были для крестьян лесной местности, в степной местности вряд-ли крестьяне могли выполнить требование Департамента уделов. Но и в лесной местности крестьяне постоянно нуждались в строительном материале и в дровах для отопления печей. Еще в 1804 году удельный чиновник доносил в Казанскую экспедицию, что, объезжая приказы Пензенской губернии, почти во всех селениях встречаем был просьбами поселян на недостаток леса... Крайность поселян доходит до того, что некоторые быв разорены пожарами, неурожаями хлеба и недостатком пашенной земли, употребляют вместо дров хворост и даже солому»[2]. В последующее время крестьяне за дрова и лесоматериал платили уделу большие суммы денег. Неимущие крестьяне или крестьянское общество в знак протеста против удельного ведомства становились на путь самовольной порубки. В 1810 году удельное ведомство установило высокие штрафы для порубщиков леса, но самовольная порубка продолжалась и в последующее время. В 1834 году удельное ведомство распорядилось строго наказывать порубщиков вплоть до отдачи виновных в рекруты или ссылать в Сибирь на поселение[3].

Многочисленные повинности и феодально-крепостническая опека разоряли удельных кретьян. В удельной деревне появляется много неимущих и нищих крестьян, которые брали у приказов отпускные билеты для хождения по миру. По рассказам современников в село Старая Хомутерь, Сызранского уезда, ежедневно приходило в каждый дом по 15—20 человек нищих[4]. Это село не было исключением. В числе нищих мы находим сирот, детей разорившихся отцов, стариков и калек,

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 273, л. 144.

[2] ГАУО, ф. 534, оп. 1, д. 274, л. 198.

[4] Ульяновский краеведческий музей, рукописный отдел, д. 485, л. 3—4.

людей, неспособных к физическому труду. Нищие из числа удельных крестьян, задержанных в городах за бродяжничество, обычно показывали, что они продали свои дома для уплаты податей и поэтому единственным источником существования для них становилось нищенство[1]. В Казани было так много нищих удельных крестьян, что Казанский Комитет призрения нищих в 1853 году вынужден был обратиться к управляющему Симбирской удельной конторой с просьбой «обязать сельские общества подписками и не допустить крестьян до прошения милостыни, доставляя им способы содержания и предварить общества, что если сии крестьяне вторично явятся в Казань и будут просить милостыню, то с них взыскан будет... штраф»[2].

Департамент уделов принимал некоторые меры для сокращения нищенства в удельной деревне. Он понимал причины нищенства, хотя истолковывал их по-своему. В одном из циркуляров 50-х годов говорилось, что нищенство порождалось несчастными случаями — падежом скота, пожарами, болезнью или смертью единственного работника. Удельным ведомством не названа главная причина нищенства—чрезмерная эксплуатация крестьян. Для того, чтобы крестьянские семьи не разорялись, Департамент уделов в 1853 году предложил управляющим конторами оказывать бедным семьям единовременную денежную помощь за счет особого так называемого основного капитала. Однако само удельное ведомство твердо проводило политику феодального «попечительства», оно не брало на себя никаких расходов по оказанию помощи обедневшим крестьянам.

Так называемые основные капиталы должны создаваться из добровольных пожертвований крестьян посредством особых кружек, выставленных в каждом селении на видном месте и небольшой суммы денег, выделенной удельным ведомством. Только из процентов основного капитала, который должен находиться в кредитных учреждениях, можно было выдавать пособия крестьянам, но не более 5 рублей каждому. Для создания особого капитала по оказанию помощи бедным крестьянам Департамент уделов выделял из средств общественной запашки 520—530 руб. денег для каждого приказа[3]. Выдавая такую сумму денег, удельное ведомство не терпело убытков

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 484, л. 43.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 486, л. 44.

[3] Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 2, д. 9, л. 9 ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 236, лл. 1—2.

потому, что капиталы сохранялись за уделом и только проценты их шли на нужды удельных крестьян. Но и таких процентов приказы получали мало: из суммы 530 рублей приказ мог получить 25—30 рублей в год и выдать пособие 5—6 крестьянам.

Практика показала, что кружки для пожертвований, выставленные во всех удельных имениях, всегда были пустыми. В 1854 году сельские приказы Самарской конторы сообщали, что «доброхотных в учрежденные в селениях кружки и именных приношений на составление сего капитала подведомыми крестьянами в течение всего 1853 года нисколько не сделано». В 1856 году те же приказы доносили, что за 1855 год «пожертвований в пользу бедных крестьян не было». В 1856 году по всему Самарскому имению кружечный сбор составлял 61 руб. 48 коп., а в 1857 году только 24 руб. 62 коп.[1]. Из документов не видно, чтобы приказы выдавали денежную помощь нуждающимся крестьянам.

Удельное ведомство, хотя и принимало на себя роль «попечителя» над крестьянами, но его функции ограничивались многочисленными инструкциями, часто не имевшими практического значения. Только там, где затрагивались интересы удельного ведомства, оно настойчиво проводило в жизнь свои «попечительные» меры.

Выводы. Феодально-крепостническая опека удельного ведомства отвечала духу времени: для того, чтобы эксплуатировать крестьян, получать с них максимальные оброки, оно заботилось о том, чтобы крестьянские хозяйства не разорялись, а сами крестьяне вели бы себя в рамках правил и наставлений удельного начальства.

За декларативной стороной «попечительства» скрывались феодальные методы эксплуатации удельных крестьян. Любое «попечительное» мероприятие было направлено на повышение дохода удельного ведомства. Ясно, что феодальная опека не всегда достигала своей цели, многие начинания удельного ведомства в конечном итоге терпели крах. Так было с образцовыми усадьбами и образцовым селом, так было с благоустройством удельных селений и борьбой с нищенством. Сельские училища не явились эффективной мерой борьбы за просвещение среди удельных крестьян, медицинская помощь населению была крайне скудной.

---

[1] Куйбышевский обл. архив ф. 43, оп. 2, д. 9, лл. 53, 95, 197—200.

Феодальная опека удельного ведомства являлась одной из форм эксплуатации удельных крестьян; «попечительная» деятельность превращалась в дополнительные повинности для крестьянских масс. Всякие попечительные действия Департамента уделов требовали дополнительных крестьянских затрат, что отражалось на экономическом положении крестьянства и их моральном состоянии.

ГЛАВА VII

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В УДЕЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В СВЯЗИ С РЕФОРМОЙ

Раздел I. Борьба удельного крестьянства с крепостниками накануне реформы; подготовка реформы 1863 года; условия, на основании которых освобождались крестьяне (Положение 26 июня 1863 г.); определение размеров крестьянского надела; усадебная земля; обмен крестьянских наделов на земли удельного ведомства; выкупная операция крестьянских земельных наделов; составление, проверка, утверждение и введение в действие уставных грамот; права и обязанности крестьян после выкупа земель; реализация Положения 26 июня 1863 г.

Раздел II. Волнение удельных крестьян в связи с реформой; волнения крестьян Самарской губернии; волнения удельных крестьян Симбирской губернии. Выводы.

РАЗДЕЛ I.

Борьба удельного крестьянства с крепостниками накануне реформы

Удельные крестьяне вместе с помещичьими и другими крестьянами чем ближе к реформе, тем сильнее ощущали феодально-крепостнический гнет и свое бесправное положение. Все чаще и чаще наблюдается неповиновение удельных крестьян распоряжениями удела и удельных чиновников. Чем больше поднимались крестьяне против произвола и насилий, тем сильнее становились репрессии самодержавия. В 40-х гг. удельное ведомство ежегодно отдавало в рекруты своих крестьян за «дурное поведение» — в среднем 30 — 40 человек. В 50-х гг. число отданных в рекруты, сосланных в Сибирь на поселение или в каторжные работы резко увеличилось. Так, сосланных в Сибирь на поселение, отданных в рекруты и в арестантские роты по су-

ду и распоряжению удельного ведомства со всех удельных имений России насчитывалось[1]:

Годы	По решениям суда			По распоряжению удельного ведомства		
	на каторгу	в Сибирь на поселение	в рекруты и арест. роты	в Сибирь	в рекруты и ар. роты	Всего
1853	5	4	9	14	25	57
1854	—	—	-	21	30	54
1855	7	37	43	18	24	129
1856	9	28	31	17	20	115
1857	9	70	61	38	41	219
1858	3	55	26	48	38	170
1859	6	65	25	57	38	190
1860	9	191	43	—	—	243
Итого:	48	449	248	2.6	216	1177

Таким образом, за 8 лет было отдано в рекруты и сослано в Сибирь на поселение 1177 человек. Число наказанных крестьян с каждым годом все возрастало. Если учесть, что вместе с крестьянами отправлялись в Сибирь их жены и малолетние дети, то число отправленных в Сибирь увеличится, по крайней мере, вдвое.

О все усиливающейся борьбе в удельной деревне свидетельствуют побеги крестьян из удельных имений. Отчеты удельных контор пестрят сообщениями о побеге крестьян. По далеко не полным данным в 30-х гг. из удельных имений Среднего Поволжья ежегодно бежало 8 — 10 человек. В 50-х гг. в бегах уже находились сотни людей. В 1851 году по Самарскому имению бежало 22 человека, возвратилось из бегов 27 человек, содержалось в тюрьмах 136 человек. В 1857 году по Симбирскому и Казанскому имениям бежало 19 человек, возвратилось из бегов 10 человек[2].

[1] Всеподданнейшие отчеты: за 1853 г. — стр. 27 — 28, за 1854 г. — стр. 36. за 1855—стр. 29, за 1856 — стр. 26, за 1857 г. — стр. 63, за 1858 г. — стр. 26, за 1859 г. стр 110, за 1860 г. стр. 86.

Центр. архив Тат. АССР, ф. 2, д 23, л. 336; Куйбышевский обл. архив, ф. 43, оп. 1, д. 49, л. 214; ГАУО, ф. 322, л. 14, д. 400, л. 31, д. 378, л. 9, д. 407, л. 13, д. 408 л. 14, д: 400, л. 12, д. 468, л. 16, д. 478 л. 39, д. 479, л. 31, д. 494, ф. 322 оп. 1, д. 834, лл. 2 — 22; ф. 318, оп 1, д. 305, л. 8 д. 388, л. 32, д. 1181, лл. 118 — 128, д. 1219, л. 1.

Удельные крестьяне, бежавшие из своих селений, ходили по необъятным просторам России, а иногда попадали даже за границу. Любопытно в этом отношении похождение крестьянина д. Мордовского Белого Ключа Карсунского уезда Никифора Фролова. В 1857 году он бежал из своей деревни, потому что голова приказа пытался сослать его в Сибирь. Бежав из своего селения, Фролов полтора месяца находился в Царицыне, затем около месяца работал в Ростове-на-Дону и, наконец, оказался в Бердянске. В Бердянском порту он работал грузчиком, грузил на морские суда пшеницу, выполнял другие работы. Когда судовладельцы узнали, что Фролов беспаспортный, его увезли в Турцию, где он около года работал у купца. В Турции вместе с другими беглыми Фролов принял турецкое подданство. Пять лет Фролов прожил в Турции. Но турецкая воля не особенно прельщала его, он все время мечтал возвратиться в родные места. В 1862 году Фролов возвратился в Россию, но был арестован и предан суду[1].

Страну перед реформой наводнили беглые люди, преимущественно крестьяне, бежавшие от помещиков или удельного ведомства. В 1840 году было поймано беглых людей и бродяг «не помнящих родства» 36218 человек; в 1849 году число пойманных беглых, кроме Сибири, увеличилось до 49934 человека[2]. В 50-х гг. таких людей по-видимому было еще больше.

Наивысшей формой крестьянского протеста было открытое неповиновение крестьян своему начальству. Крестьянские волнения в 50-х годах с каждым годом приобретали более грозный характер. Крестьяне использовали теперь любой повод, чтобы выказать свое неповиновение властям. Так, в апреле 1851 года чиновник Павлов, ехавший из города Сызрани в Самару через удельные селения Новые Костычи, Верхние Хутора, Екатериновку, Купино и другие селения Самарского имения «разглашал между крестьянами сих селений, что они поступают в ведомство казны, что для приема послан уже особый чиновник, который отправил его с этой целью вперед, и, что сверх всего он предлагал им готовность писать просьбы по этому предмету». Сказанное чиновником в одном месте быстро разносилось с добавлением по иным селениям, возбуждая крестьянские умы[3].

---

[1] ГАУО, ф. 115, оп. 47, д. 14, лл. 25—26.

[2] Материалы для истории крепостного права в России. Извлечения из секретных отчетов... Берлин, 1872, стр. 54, 223.

[3] Куйбышевский архив, ф. 3, оп. 10, д. 15, лл. 1, 5.

Несмотря на меры, принятые удельным начальством, неповиновение среди крестьян ширилось и распространялось на большой территории. В 1858 году бессрочно-отпускной унтер-офицер Красинский в с. Новая Майна и других селениях говорил удельным крестьянам, чтобы они подавали просьбы о переходе их в рязряд государственных крестьян, призывал не обрабатывать общественной запашки, будто бы уже отмененной. Многие крестьяне верили словам Красинского и отказывались выполнять повинности в пользу удела. Крестьяне д. Собакаевой Ново-Майнского удельного отделения Самарской конторы «отказались идти на работу по общественной запашке, потому что до них дошла молва, что будто бы удел **порешили»**[1].

Волнения удельных крестьян и лашман происходили потому, что до них доходили слухи о готовящемся освобождении помещичьих крестьян, о какой-то реформе. Находясь в тяжелых условиях, удельные крестьяне не могли больше терпеть такой эксплуатации, не могли выносить феодально-крепостнической опеки и всего того, что терпели раньше. К тому же, удельные крестьяне 50-х гг. были не те, что в начале XIX в. Почти из каждого селения многие удельные крестьяне ходили на промыслы зарабатывать оброки, бывали в городах, в иных местах, видели иную жизнь, общаясь с другими людьми городов и селений. Обо всем виденном они рассказывали своим односельчанам, будили у них протесты против тяжелого положения.

В 50-х годах и, особенно, в последние годы перед реформой у крестьян всякое распоряжение удельных чинов вызывало подозрение и раздражение. Теперь и мирской приговор на отдачу людей в рекруты, и дополнительные денежные сборы или иные новые распоряжения удела — все это часто являлось поводом для самовольных крестьянских сходов, крестьянских волнений. Невыполнение требований удельного ведомства крестьяне теперь мотивировали одним: если они подпишут бумагу, то лишатся права освободиться от удела. И если раньше волнения крестьян возникали в одном-двух селениях одного приказа, то теперь достаточно было небольшого повода, чтобы волнение крестьян вспыхнуло сразу в нескольких приказах.

В марте 1858 года среди удельных крестьян Муратовского и Шаймурзинского приказов Симбирской конторы распространяли толки о каком-то указе, «скрываемом будто бы удельными чиновниками». А вскоре крестьяне начали волноваться и требо-

[1] Куйбышевский архив, ф. 3, оп. 85, д. 15, л. 1.

вать оглашения скрываемого чиновниками указа. Зачинщики волнения Архипов и Моисеев были арестованы. Царь распорядился «Архипова безотлагательно сослать для примера в Сибирь на жилье, а Моисеева переселить в другое отдаленное удельное имение, под особый надзор начальства». Повеление царя было исполнено: Архипова отправили по этапу в Сибирь, Моисеева в Архангельское удельное имение[1].

С удалением Архипова и Моисеева волнение крестьян не прекратилось. К крестьянам Муратовского и Шаймурзинского приказов присоединились крестьяне Шемалаковского приказа. Среди них разнесся «слух и возникли толки о возможности освободиться из удельного ведомства». Возбужденные крестьяне отказывались подписывать ревизские сказки, отказывались составлять мирские приговоры на избрание лесных сторожей, не выполняли другие требования удельного ведомства. Крестьяне собирались на сходы, бурно обсуждая пути освобождения от удельного ведомства. Как объяснял симбирский губернатор «неповиновение это произошло от боязни крестьян подписать приговор или бумагу, которые впоследствии лишают их права на предполагаемое ими освобождение из удела».

Настроение крестьян разделяли мелкие служители сельских приказов. Так, в деревне Ибресь оспоприviватель Павлов по своей инициативе собрал крестьянскую сходку. 29 апреля симбирский губернатор предписал буинскому исправнику «принять решительные меры к открытию и задержанию главных возмутителей». Полиция приняла меры, нашла новых зачинщиков в лице Павлова, Федорова, Макеева и Леонтьева. Оспопрививателя Павлова, как главного зачинщика немедленно арестовали «впредь до особого о нем распоряжения», остальных жестоко наказали и направили «к употреблению в продолжение месяца в работы при кирпичном заводе». Подавив волнение крестьян, симбирский губернатор доносил Департаменту уделов, что только деятельными мерами земской полиции восстановлено было между крестьянами спокойствие»[2].

Департамент уделов, обеспокоенный частыми крестьянскими волнениями, в 1858 году разослал всем управляющим конторами от имени председателя Департамента Муравьева пространную инструкцию о том, как поступать им в случае беспо-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 632, лл. 102—103.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 632, лл. 55—56, 102—103; 127—128; ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 18, д. 430, лл. 2—3, 4—7; 19; 21.

рядков в удельной деревне. В этой инструкции предлагалось управляющим конторами, «чтобы малейшее по сему предмету ослушание и своеволие крестьян были немедленно прекращаемы благоразумными мерами необходимой строгости», а «более же виновных из них, особенно зачинщиков и подстрекателей, с содействием полиции, наказав тут же на месте, в пример другим заключать под стражу, и обо всем случившемся подробно доносить мне, без всякого отлагательства, по эстафете. В случаях же более важных просить неукоснительно содействия губернского начальства и военной силы»[1].

Департамент уделов уже не надеялся на собственные меры успокоения удельных крестьян, предвидел бурный характер крестьянских волнений и только на военные силы возлагал свои надежды.

Предвидение удельного ведомства оправдалось. Летом 1858 года крестьяне многих приказов, выражая свой протест против барщины-запашки, против удельного ведомства, начали жечь хлебные общественные магазины, здания приказов, другие удельные строения. Только за май этого года в Бездонинском и Новокакерлинском приказах Симбирской удельной конторы от поджогов сгорело 18 хлебных магазинов. Департамент уделов потребовал строжайшего расследования на месте и виновных в поджогах магазинов приказал сурово наказать[2].

Волнения удельных крестьян усилились во второй половине 1858 года. Поводом этих выступлений послужил царский указ 20 июня 1858 г. Формально этим указом, помимо всего прочего, разрешалось переходить удельным крестьянам в другие сословия. Указ и «Правила» еще больше взбудоражили крестьян. Они по-своему толковали эти «Правила» и целыми обществами просили Департамент уделов перечислить их в другое звание. Крестьяне дд. Старых и Новых Уренбаш и других селений Самарского имения подали прошение своему начальству о желании «перейти в имущество государственных крестьян». С такой же просьбой обратились крестьяне д. Большой Чеменевой с другими пятью селениями Симбирской губернии. В этих прошениях чувствовался скрытый протест против удельного ведомства, протест против невыносимого положения крестьянских масс. В своих прошениях крестьяне на конкретных примерах показали, как удельное ведомство усиливало феодально-

---

1 ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 173, л. 61

2 ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 632, л. 52

крепостнический гнет в удельной деревне, как вместе с этим рос произвол местных и удельных чинов и их приказчиков-сельских старшин, как у крестьян отбирали лучшие земли, а самих крестьян разоряли. Председатель Департамента уделов потребовал, чтобы управляющие конторами мерами убеждения устранили «от крестьян всякую мысль о возможности перечисления их в другие сословия целыми обществами»[1].

В 1859 году удельные крестьяне приняли активное участие в движении против винных откупов, разорявших крестьянство. Крестьяне всех разрядов на мирских сходках выносили решения о добровольном отказе употреблять вино, устанавливали денежные штрафы и телесные наказания тем, кто нарушит постановление сельского общества. Крупные крестьянские выступления произошли в 12 губерниях, особенно в Поволжье. Крестьянами было разгромлено 220 питейных заведений, много было избито представителей местной власти. В г. Вольске крестьяне избили нижних чинов, переломали их ружья, ранили городничего; в г. Бугуруслане крестьяне разогнали команду казаков. В Самарскую губернию был направлен с казаками генерал-лейтенант Ладыженский для усмирения крестьян. Многие крестьяне были преданы суду, другие на месте наказаны розгами[2].

Розги, смирительные дома и ссылка в Сибирь зачинщиков крестьянских волнений не устрашали удельных крестьян. Неповиновения крестьян удельному начальству продолжались и в последующем.

В июле 1860 года крестьяне 7 деревень Щигалинского приказа Буинского уезда «оказали неповиновение и упорство помощнику управляющего Симбирской удельной конторой Ямонту в даче приговоров на выбор «добросовестных» для оценки земель. Симбирский губернатор предписал буинскому земскому исправнику лично оказать управляющему конторой «самое ревностное содействие к прекращению возникших между крестьянами беспорядков». Руководителей крестьянского волнения арестовали и запрятали в Симбирскую тюрьму, других наказали на месте. Александр II, выслушав доклад о неповиновении удельных крестьян в Буинском уезде, приказал: «Главных зачинщиков беспорядков, удельных крестьян деревень Старой Шаймурзиной Хасяна Ахмедеева и Малых Убей Фрола Гри-

[1] Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX в. АН СССР, М. Л. 1936, стр. 146—149.

[2] Е. А. Мороховец. Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. I М. 134—136.

горьева переселить на житье в Сибирь, а из прочих 14 человек, наказанных на сходе розгами, более виновных по ближайшему усмотрению управляющего Симбирской удельной конторой, выдержать сверх того, в смирительном доме каждого по 2 месяца»[1].

Еще больше неповинования стали проявлять удельные крестьяне в 1861 году, когда был обнародован манифест и «Положение» об освобождении помещичьих крестьян.

Были случаи, когда удельные крестьяне являлись инициаторами волнений в помещичьей деревне. Так, удельный крестьянин Сурков, разъясняя «Положение» крепостным крестьянам с. Бесовки Ставропольского уезда, говорил, что теперь земля, которой они пользуются, принадлежит только им, « и что они избавляются от всякой работы на помещика, вследствие чего крестьяне, поверив ему, отказались выходить на работу». Хотя в апреле 1861 года Суркова арестовали и по распоряжению царя предали военно-полевому суду, в с. Бесовке волнение крестьян не прекратилось, а «напротив распространилось на близлежащие селения гг. Шишкова и Молостова»[2].

После опубликования манифеста и «Положения» 1861 года удельные крестьяне теперь и слушать не хотели о каких бы то ни было мирских приговорах, требуемых приказами и конторой. Крестьяне многих селений Сызранской конторы в 1862 году отказывались от подписания любых приговоров на том основании, что их обманывают и что теперь они никому не верят. Крестьянин Нагаевского приказа Рахматулов говорил своим односельчанам, «что никому приговоров давать не следует, что их никто не имеет права от общества требовать и что требуются они удельным начальством несправедливо с той целью, чтобы сделать общество навечно удельными крестьянами». Тот же крестьянин призывал своих односельчан и крестьян соседних селений не выполнять повинностей в пользу удела. Рахматулов в своих выступлениях выражал настроение всей крестьянской массы. В этой и подобных речах, жалобах и прошениях крестьяне выступают в эти годы активно, резко критически относясь ко всему, что раньше для них казалось незыблемым, раз навсегда установившимся. Теперь крестьянские сходы проходили не так, как было раньше. Теперь в присутствии начальства крестьяне смело говорили о своем тяжелом положении,

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, стр. 121—122.

[2] Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права, ч. I и II. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих, М. Л., 1949, стр. 198, 199, 200, 202.

выражая негодование к уделу. Тот же крестьянин Рахматулов, выступая на крестьянских сходках, в присутствии удельных чиновников и представителей местной власти, говорил об обманах и других махинациях своего начальства, призывал крестьян не верить тому, что говорят представители удела. Удельный чиновник доносил Сызранской конторе о том, что Рахматулов «на всех сходках является зачинщиком и подстрекает к неповиновению каким бы то ни было распоряжениям начальства и постоянно смело и дерзко восстает против всех распоряжений». Когда Рахматулова и других начали привлекать к ответственности, крестьяне соседних селений одобрили их поведение. Расследование затянулось до 1864 года. В 1864 году по настоянию удельного начальства Рахматулова и Алагулова судили и посадили в тюрьму[1].

Удельные крестьяне выступали совместно с помещичьими крестьянами против общих эксплуататоров. Характерен в этом отношении следующий случай. Летом 1863 года, по-видимому еще до обнародования Положения 26 июня 1863 года, временнообязанные крестьяне помещицы Бобринской с. Трубетчины и д. Демидовки не приняли выделенную им плохую землю, отказались повиноваться местному начальству и платить оброки за землю. Сызранский уездный предводитель дворянства выслал из разных селений крестьян в качестве поверенных для водворения порядка в селениях Трубетчины и Демидовки. Когда вызвали удельных крестьян в качестве понятых и крестьян села Трубетчины, последних начали вызывать по одному, и там наказывать розгами. Стоявшие вокруг дома около 400 человек, услыхав крик истязуемых, заволновались и подняли шум. Когда на крыльце появился предводитель дворянства, озлобленные удельные крестьяне Ермолаев и Ананьин потребовали, чтобы всех удельных крестьян отпустили домой, так как он, предводитель, вызывать их не имеет никакого права и «кроме того, требовали от него отчет, за что он хочет наказывать крестьян графини Бобринской, каково возмущение не могли отстранить становой пристав и старшина Татаринцев и через это возмущение, предводитель не мог привести в повиновение крестьян с. Трубетчины».

Таким образом, последнее тридцатилетие перед реформой отличалось активным возрастанием крестьянской антикрепостнической борьбы. Эта борьба свидетельствовала о проявлении

---

[1] ГАУО, ф. 340, оп. 5, д. 10, лл. 66 — 73, 87 — 89.

кризиса феодально-крепостнической системы. В этой борьбе активное участие приняли удельные крестьяне, положение которых с каждым десятилетием постоянно ухудшалось.

Подготовка реформы 1863 года. В 1857 году был создан Секретный комитет «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян», переименованный через год в Главный комитет по крестьянскому делу. Редакционные комиссии, созданные при этом комитете, начали готовить законопроект освобождения крепостных крестьян[1].

Удельное ведомство не было безучастным к тому, что происходило в правительстве. 31 декабря 1857 года министр императорского двора Адлерберг писал царю: «При настоящих мерах, принимаемых к улучшению быта помещичьих крестьян, представляется необходимым заняться также устройством крестьян удельных, дворцовых и горнозаводских, применяясь, по возможности, к началам, удостоенным одобрения в и. в.»[2].

В докладе царю министр двора излагал и программу действия Департамента уделов по крестьянскому вопросу. В этом докладе он предлагал также создать особый комитет из министров, который и должен заняться подготовкой реформы удельных, дворцовых, государевых и других крестьян. Вскоре такой Комитет был создан, причем были учреждены три подготовительные комиссии: одна по государственным крестьянам, другая — по удельным крестьянам и третья — по министерству финансов.

Однако все подготовительные работы по проведению реформы в удельной деревне Департамент уделов держал в строгом секрете. Когда в начале января 1858 года в Секретный Комитет был направлен проект рескрипта об учреждении Особого Комитета «для устройства поземельных отношений и вообще положения крестьян государевых, дворцовых, удельных и заводских», там решили, что «объявление во всеобщее сведение о приступе к преобразованию устройства означенных крестьян, было бы в настоящее время неудобно и могло бы возбудить в крестьянах недоумения и опасения насчет будущих их прав и обязанностей»[3].

В результате работы Особого комитета 20 июня 1958 года последовал царский указ министру императорского двора и уделов, по которому отменялись ограничения для удельных

---

[1] П. А. Зайончковский. К вопросу о деятельности секретного комитета по крестьянскому делу в 1857 г. «Исторические записки» № 58 1956 г.

[2] ЦГИАЛ, ф. 180, оп. т. XV, д. 91, л. I.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1180, том. XV, д. 91, лл. 3—4.

крестьян по приобретению в собственность земель, переходу в другие сословия, выходу замуж вдовам и дочерям удельных крестьян, по вступлении в долговые обязательства, по ходатайству в судебных местах и другом»[1].

Формально этим указом для удельных крестьян отменялось крепостное право; на них распространялись права как личные, так и по имуществу, предоставленные «свободным сельским сословиям». На основании указа и специальных «Правил» всем желающим удельным крестьянам разрешалось избирать любой род занятий, дозволялось переходить в купечество и мещанство, уходить в разряд государственных крестьян. Крестьяне, уходившие в купечество и мещанство, платили определенную сумму денег, а выход в разряд государственных крестьян происходил бесплатно.

Декларируя свободный переход в другие сословия, удельное ведомство на деле ставило крестьянам ряд препон. Крестьяне, пожелавшие переходить в другое звание, должны были получить согласие того общества, куда они желали перейти.

Крестьяне, желавшие уйти в разряд государственных, на старом месте теряли землю, на новом они не всегда могли получить ее в достаточном количестве. Такой переход мог осуществляться только в принудительном порядке и только с разрешения Департамента уделов.

Из отчета министра двора и уделов известно, что в 1858 году никто из удельных крестьян не перешел в другие «сельские свободные сословия», а «в течение 1859 года перечислено в государственные крестьяне по 6 губерниям всего только 49 мужского пола душ»[2].

Вот что на деле означали царский указ и «Правила».

19 февраля 1861 года был подписан манифест об освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости. Между тем 1 марта 1861 года министр двора направил государственному секретарю Буткову записку для внесения в Главный комитет и проект указа «О распространении на крестьян государевых, дворцовых и удельных правил, кои установлены для устройства быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости»[3].

В «Записке» министра двора предлагалось дать некоторую свободу крестьянскому самоуправлению, ограничить степень участия удельных контор в общественных делах крестьян. Од-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1180, том XVI, д. 90, лл. 174—181; д. 93, лл. 88—95.
[2] Всеподданнейший отчет за 1859 г., стр. 10.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 2, л. 7.

нако, в целях предосторожности, он требовал сохранить за удельными конторами право «избрания и увольнения от должностей лиц мирского управления», «не разрушая вдруг силы и порядка, твердо организованного удельного управления». Если не будет принято мер предосторожности, по мнению министра двора, — может оказаться правительство в затруднительном положении в отношении устройства освобожденных крестьян, потому что к 11,5 млн. бывших помещичьих крестьян присоединится до миллиона удельных «и вся эта масса будет оставлена без самостоятельного твердого управления». Таким образом, по утверждению министра двора, удельных крестьян нужно освобождать не сразу, а постепенно, сохраняя за удельным ведомством прежние права над крестьянами, чтобы они не вышли из повиновения, чтобы можно было в любой момент пресечь начало крестьянского бунта.

Министр двора предлагал также отменить в удельных селениях переоценку крестьянских земель в целях обложения их поземельным сбором, а отвести крестьянам в постоянное пользование наделы за определенные повинности, сроком на 20 лет. Причем предлагалось крестьянам оставить в надел только 1/3 всей земли и угодий, а остальные сверх надела земли оставить за существующие повинности на 5 лет, после чего сдавать эти земли в аренду. Министр двора стремился продлить крепостное право в удельной деревне, превратить удельных крестьян в категорию временно обязанных, поставить удельных крестьян на неопределенный срок в зависимое положение.

В этой «Записке» предлагалось прекратить сбор оброков с крестьян, живущих на собственных землях, оставив на них все другие повинности.

Предлагалось также дать право удельным крестьянам выкупать усадьбы в составе целого селения или отдельными лицами «по правилам, постановленным для помещичьих имений, с присовокуплением, что им разрешается покупка усадеб совокупно с полевыми участками» с рассрочкой платежей до 20 лет. Крестьяне, желающие таким путем приобрести землю, должны были внести вперед наличными деньгами до 1/5 выкупной суммы. И, наконец, предлагалось в удельной деревне отменить общественную запашку[1].

Записка» министра двора была составлена на основании

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 2, ч. 1, лл. 7—9.

«Положений», касавшихся помещичьих крестьян, поэтому и содержание ее носило сугубо крепостнический характер.

В свете этой записки с некоторыми отступлениями был составлен указ царя. В царском указе на имя министра двора от 5 марта 1861 года предлагалось начать подготовку реформы в удельной деревне[1].

В этом указе поручалось министру двора и уделов «подвергнуть тщательному пересмотру существующие ныне постановления о крестьянах удельного ведомства и составить проект Правил о наделе землею, повинностях и управления крестьян государевых, дворцовых и удельных имений». Указ определял в основных чертах принципы освобождения удельных крестьян. Основной из этих принципов заключался в том, чтобы удельные, дворцовые и государевы крестьяне освобождались на тех же основаниях, «на коих были освобождены помещичьи крестьяне».

По данному указу удельные крестьяне наделялись землею на тех же основаниях, что и помещичьи крестьяне. Будущим составителям Положения царь дал ясно понять, что удельных крестьян необходимо наделить такими участками земли, при помощи которых они бездоимочно выполняли бы государственные повинности, чтобы надельная земля привязывала крестьян к своему селению и чтобы такое наделение землей предотвратило бы образование класса «безземельных работников»—пролетариата, чтобы в конечном счете создать класс мелких собственников, которые в будущем могли бы стать опорой самодержавия.

Указ не обошел молчанием и выкупную операцию. Здесь царь выступал как самый крупный помещик России, он предлагал за земли, отдаваемые удельным крестьянам, установить выкупную сумму на тех же основаниях, что и по «Положениям» 1861 года. Этим самым царь подтверждал свои права на получение выкупных сумм наравне с другими помещиками России. Удельные крестьяне, как и помещичьи, должны были платить выкупные деньги в рассрочку: для удельных крестьян устанавливался 20-летний срок уплаты со дня оформления выкупной сделки.

В отношении личных прав удельные крестьяне получали такое же управление и суд, как и бывшие помещичьи крестьяне. Таким образом, по этому указу решались два главных вопроса, касающихся удельных крестьян: будущее их поземельное устройство и правовое положение.

---

[1] ПСЗ. 2 изд., т. XXXVI, № 36712.

Царь предлагал министру двора и уделов составить проект Положения и внести его на рассмотрение в Главный комитет «Об устройстве сельского состояния».

В этом указе решались и другие вопросы. Так, в целях «облегчения» положения крестьян, предлагалось после уборки хлеба 1861 года отменить общественную запашку и установить меры обеспечения продовольствием крестьян в голодные годы на общих основаниях. Крестьяне, живущие на собственных землях и не пользовавшиеся удельной землею, освобождались от оброка, но должны были платить все другие повинности. В целом же составителям Положения рекомендовалось принять за основу Положения 19 февраля 1861 года[1].

Из приведенного выше указа вытекало, что и помещичьи и удельные крестьяне должны получать землю за выкуп, что они должны платить не только за землю, но и за личное освобождение.

Указ 5 марта 1861 года явился основанием для составления проекта Положения об освобождении удельных крестьян. При составлении положения чиновники Департамента уделов встретились с непредвиденными трудностями, что повлекло за собой дальнейшее обсуждение способов наделения крестьян землею и самой выкупной операции.

18 июля 1861 года в записке царю министр двора писал об этих затруднениях. Главное состояло в том, что если составлять проект Положения для удельных крестьян применительно к Положению 19 февраля в отношении земельного надела и оброчной повинности, то удельные крестьяне окажутся в менее выгодных условиях, чем бывшие помещичьи крестьяне. Удельные крестьяне издавна пользовались тягловыми участками и излишними землями, за что они платили меньше оброков против установленных Положением 19 февраля 1861 года. Если руководствоваться Правилами 19 февраля, то крестьяне после истечения 5-летнего льготного срока обязаны будут платить прежний оброк за меньшее количество земли и за излишнюю сверх надела землю должны вносить новый оброк что не улучшит, а ухудшит положение бывших удельных крестьян.

Для того, чтобы не было крестьянских волнений, министр двора просил сделать следующее отступление от Правил 19 февраля: 1. Ныне существующий за удельными крестьянами земельный надел, если он не превышает для данной местности

---

[1] ГАУО. ф, 318, оп. I, д. 1215, л. 15.

нормального надела, определенного Правилами 19 февраля, оставить без уменьшения в постоянное пользование крестьян. 2. Если тягловый надел меньше высшего размера для подобной местности по Положениям 19 февраля, наделять удельных крестьян из фонда запасной земли. 3. Излишнюю землю сверх установленного надела, которой крестьяне пользовались продолжительное время, оставить во временное пользование крестьянам сроком на 20 лет «существующую повинность». Для удельных крестьян нецелесообразно было сохранять ограничения подобно помещичьим крестьянам, которым в течение первых 9 лет запрещалось отказываться от пользования землей и переходить в другие сельские общества и сословия. Для помещиков, утверждал министр двора, такое ограничение необходимо было в целях сохранения на первое время рабочих рук, в чем не нуждается удельное ведомство.

Вскоре указанная «Записка» министра двора была передана в Главный комитет, где 24 июля того же года ее подвергли тщательному разбору. Члены Комитета высказались против некоторых пунктов этой «Записки». Они высказывались против пользования удельными крестьянами излишней землей в продолжении 20-летнего срока. Члены Комитета возражали, что если оставить за крестьянами излишние земли на длительный срок, то «могло бы воспрепятствовать выкупу крестьянами их надела в собственность, потому что пользуясь земельными угодьями не только в достаточном количестве, но и в излишестве, за весьма низкую плату, крестьяне не имели бы никакого побуждения к приобретению надела в собственность». Поэтому Комитет постановил, чтобы запасные земли оставить за крестьянами сроком только на 5 лет «за существующую ныне повинность». Со всеми другими положениями министра двора члены Главного комитета согласились и предложили начать подготовку реформы для удельных крестьян[1].

После длительной подготовительной работы, обсуждения в Главном комитете и Государственном Совете, вопрос о реформе в удельной деревне был решен летом 1863 года[2].

26 июня 1863 года было утверждено Положение об освобождении удельных крестьян от крепостной зависимости и подписан указ царя на имя Сената. Новое в этом указе состояло в том, что крестьяне должны платить выкупные суммы в продолжение 49 лет, а не 20, как это было сказано в 1861 году. Этим

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 2, ч. 1, лл. 76—95.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1181, т. XIV, д. 2, ч. 2, лл. 466—507.

самым выкупная сумма для удельных крестьян по сравнению с указом 5 марта 1861 года увеличивалась почти в 2,5 раза. Таким образом, и по выкупным операциям удельные крестьяне приравнивались к помещичьим крестьянам.

Утверждая Положение 26 июня 1863 года, царь предлагал Сенату обнародовать его и ввести в действие. Для этого повелевалось на местах передать будущее устройство удельных крестьян в ведение губернских по крестьянским делам присутствий и соответствующих губернских и уездных учреждений. Так же, как и для помещичьих крестьян, создавались мировые участки, которые определялись управляющим конторой совместно с губернским по крестьянским делам присутствием. В тех местах, где были удельные крестьяне, но не было мировых учреждений, управляющему конторой совместно с губернатором предлагалось назначить мировых посредников с последующим утверждением Сената. Для Архангельской губернии, где не было губернского по крестьянским делам присутствия, создавалось особое присутствие под председательством губернатора[1].

Все законоположения, связанные с реформой 1863 года, готовились в период революционной ситуации 1859—1861 гг., в период ожесточенной классовой борьбы крестьян с помещиками, они готовились в то время, когда революционная идеология все больше охватывала широкие круги разночинно-демократической интеллигенции, когда по всей стране распространялся «Колокол» Герцена и могучая проповедь Чернышевского, бичевавшая крепостническое содержание реформы 1861 года. Все это заставило чиновников Департамента, сановников и самого царя отступить от некоторых принципов Положений 1861 года и, как мы увидим ниже, изменить условия «освобождения» удельных крестьян.

Условия, на которых освобождались удельные крестьяне (Положение 26 июня 1863 года)

Положение 26 июня 1863 года полностью соответствовало царскому указу на имя Сената. В этом Положении указывалось, что крестьяне, «водворенные на землях имений государевых и удельных, пользуясь всеми правами, предоставленными свободным сельским обывателям, подчиняются и относительно устройства общественного их управления общим для всего свободного сельского населения постановлениями».

В вводной части данного Положения говорилось, что удель-

[1] ГАУО, ф. 340, оп. 6, д. 409, л. 521.

ные крестьяне на основании Положений 19 февраля 1861 года создают волостные управления и подчиняются на общих основаниях уездным и губернским учреждениям. В отношении крестьянского землепользования определялось, что земли, находившиеся в пользовании крестьян, обращались в состав крестьянского надела, за исключением излишков, показанных в табелях поземельного сбора. Там, где не было поземельного сбора и крестьяне находились на подушном оброке, размеры крестьянского надела определялись местными Положениями 19 февраля 1861 года. В тех случаях, когда у крестьян будут обнаружены «излишние» земли сверх установленных по табели поземельного сбора или местных Положений, то такие земли отбирались в пользу удела. Если же в пользовании крестьян находилось меньше земли против установленной нормы, то удельное ведомство дополнительно не наделяло крестьян из фонда оброчных земель.

Согласно Положению, выделенные крестьянам надельные земли приобретались ими в собственность за выкуп на основании Правил 19 февраля 1861 года и дополнительных постановлений 26 июня 1863 года. Для определения крестьянских наделов и оформления выкупных за наделы платежей составлялись уставные грамоты на протяжении 2-летнего срока со дня издания Положения. Независимо от того, когда будет составлена и утверждена уставная грамота — в первый или на второй год, удельные крестьяне на протяжении 2-х лет со дня издания Положения должны платить прежние оброки в пользу удела. По истечении указанного срока крестьяне должны платить выкупные платежи за землю в казну и через 2 года, т. е. с 26 июня 1865 года они превращались в крестьян-собственников[1].

Таким образом, удельные крестьяне, в отличие от помещичьих крестьян, по истечении двух лет после обнародования Положения 1863 года переводились в разряд крестьян-собственников, для них вводился обязательный выкуп земельных наделов. Этим реформа 1863 года выгодно отличалась от реформы 1861 года. Вместе с тем выкупная операция на протяжении 49 лет, предусматривавшая капитализацию оброка, т. е. феодальной ренты, представляла собой беззастенчивый грабеж удельных крестьян.

Такова вводная часть Положения 26 июня 1863 года. В первой части и первом разделе ее содержатся статьи об устройстве сельского и волостного управления; второй раздел первой

[1] ГАУО, ф. 340, оп. 6, д. 405, л. 522.

части посвящен казенным, земским и мирским повинностям крестьян. Вторая часть Положения содержит статьи о крестьянских земельных наделах, о их выкупе: определение размера надела, состав надела, отвод крестьянам надела, перенесение крестьянских усадеб, обмен земель и угодий, о размере денежных оброков, о самом выкупе, о правах и обязанностях крестьян после выкупа земель и т. д.

Из всех вопросов, которые содержатся в Положении, необходимо более подробно остановиться на трех главных: поземельном устройстве удельных крестьян, выкупной операции и «соблюдении интересов» крестьян во время проведения реформы в удельной деревне.

Определение размеров крестьянского надела. По Положению 1863 года в состав крестьянского надела включались земли, которые числились по табели поземельного сбора, «хотя бы это количество и превышало высший размер надела, установленного высочайше утвержденным 19 февраля 1861 года местным для великороссийских губерний положением». В тех же случаях, когда количество тягловой и запасной земли, указанное в табели поземельного сбора, не достигло высшего или указного размера надела, установленного положением 19 февраля 1861 года, то недостающее количество земли отводилось из излишней земли, если такой излишек обнаруживался в пользовании крестьян по инструментальному измерению. Если же такой лишней земли не обнаружится, то в крестьянский надел отводится фактическое количество земли[1].

Ниже мы увидим, почему удельное ведомство так щедро оставляло крестьянам «излишние» земли, входившие в табели поземельного сбора. Когда готовился проект Положения, предполагалось все запасные земли отрезать от крестьянских наделов. Однако вскоре Департамент уделов нашел, что из числа отводимой крестьянам земли в количестве 3566 тыс. десятин нужно было отрезать 250 тыс. десятин в пользу удела. Отрезки падали на многоземельные губернии. За эти 250 тыс. десятин земли удельное ведомство до реформы получало с крестьян ежегодного дохода до 200 тыс. рублей серебром. Если же отрезать от крестьянского землепользования эти земли, то удельное ведомство, по его же признанию, едва получило бы сумму прежнего оброка. С мнением Департамента уделов согласились и члены Главного комитета[2]. Отдавая крестьянам 250 тыс. десятин земли, оно таким образом получало с крестьян чистого до-

[1] ГАУО, ф. 340, оп, 6; д. 405; л. 524.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. XV, д. 2, ч. II, л. 466.

хода около 10 млн. рублей. Правда, там, где нужно, удельное ведомство отбирало «излишние» земли (об этом говорится ниже).

Что же касается крестьян, которые не платили поземельного сбора, а выполняли подушный оброк, им отводили земельные наделы, соответствующие высшему или указному размеру надела, определенного Положениями 19 февраля 1861 года. Если же у крестьян, плативших подушный оброк, земли было меньше размеров высшего или указного надела, они получали фактическое количество земли и за большой выкуп.

Удельные крестьяне так же, как и помещичьи, получали в собственность наделы, исходя из местоположения губернии, уезда и соответственно полос: нечерноземной, черноземной и степной.

Накануне реформы удельные крестьяне находились в 20 губерниях. Согласно Положений 1861 года к губерниям земледельческим, черноземным и степным относились — Астраханская, Самарская, Симбирская, Саратовская, Казанская, Орловская, Уфимская и Оренбургская; к губерниям нечерноземным— Владимирская, Вятская, Московская, Нижегородская, С.-Петебургская, Пермская и Тверская; к губерниям нечерноземным, где преобладало переложное и смолокурное лесное хозяйство относились — Архангельская, Вологодская, Костромская, Новгородская и Олонецкая губернии.

Для удельных крестьян Среднего Поволжья наделы определялись так, как показано в таблице:

Полоса / местность	Губерния	Уезды	Наделы высший / низший
1-я нечерноземная полоса, 4 местность	Казанская	Казанский, Лаишевский, Мамадышский, Царевококшайский	4 дес. / 1 дес. 800 саж.
2-я нечерноземная полоса, 3-я местность	Симбирская	Алатырский, Ардатовский, Курмышский	3 дес. 600 саж. / 1 дес. 200 саж.
4-я местность	Казанская	Лаишевский (черноземная часть), Мамадышский (черноземная часть), Тетюшкинский, Цивильский	3 дес. 200 саж. / 1 дес. 400 саж.

[1] Там же. лл. 138—141.

Полоса / местность	Губерния	Уезды	Наделы высший / низший
4-я местность	Симбирская	Буинский, Карсунский	3 дес 200 саж. / 1 дес. 400 саж.
5-я местность	Казанская	Спасский, Чистопольский	4 дес. / 1 дес. 800 саж.
„	Самарская	Ставропольский	„
„	Симбирская	Сенгилеевский, Симбирский, Сызранский	„
7-я местность	Самарская	Бугульминский, Бугурусланский (сев. часть), Бузулукский (сев. часть), Николаевский (сев. зап. часть), Самарский	5 дес. / 1 дес. 600 саж.
3 я степная полоса, 3-я местность	Самарская	Николаевский (степ. часть) Новоузенский (часть)	Указной надел 8 десятин
4-я местность	„	Новоузенский (часть)	10 десятин
5-я местность	„	Новоузенский (часть)	12 десятин

Однако были и отклонения от Положений 19 февраля 1861 года. Так, в примечании Положения 26 июня было сказано: «Во всех трех послосах допускается для отдельных селений изъятия из установленного разделения на местности. Если селение явно не подходит под общее свойство той местности, в черте которой оно находится, то управляющий удельной конторой по просьбе о том крестьян или по собственному усмотрению входит в ближайшее соображение дела и со своим заключением представляет на разрешение губернского по крестьянским делам присутствия». Удельному ведомству это примечание давало широкие возможности для понижения крестьянских наделов. В том же примечании говорилось, что управляющий конторой совместно с губернским по крестьянским делам присутствием мог определить другой размер надела, «установленный для другой крестьянской местности, более подходящей к свойству сего селения».

Положением 26 июня 1863 года определяется состав крестьянского надела первой и второй полос, подлежащего выкупу, куда зачислялись усадебные места, выпуски, водопои, пахотные,

сенокосные и пастбищные земли, если крестьяне всеми этими угодьями пользовались до реформы или если все эти угодья не превышали определенных Положением размеров надела.

В крестьянский надел не включались: оброчные статьи, в свое время отрезанные от крестьянских земель или предполагаемые к отрезке из запасных земель, которые не были приняты крестьянами и за которые они не платили денежного оброка. В состав крестьянских наделов не включались земли бывшей общественной запашки, которые по своему качеству превосходили все другие земли. В состав крестьянских наделов не входили леса, оброчные статьи, рыбные ловли и все земли, которые были нужны удельному ведомству.

Таким образом, согласно Положению, удельных крестьян лишали по помещичьему праву пользоваться лесами, у них отбирали лучшие земли (бывшую запашку), расположенные рядом с селением, и не возвращали ранее отрезанных от крестьянских полей земельных участков и в свое время перечисленных в оброчные статьи. Земли, отрезанные от крестьянских полей в период введения поземельного сбора и во время переоценок крестьянских наделов, а также излишки земель, оказавшиеся в момент инструментального измерения, — больше не возвращались крестьянам. За 30 лет со дня введения поземельного сбора у крестьян отрезали десятки тысяч десятин лучшей земли, о чем было сказано в главе о поземельном сборе.

В Положении было сказано, что в состав крестьянских наделов должны входить только удобные земли, а при определении выкупной операции в расчет не принимать неплодородные и непригодные к хозяйственному использованию земли, как-то: пески, болота, овраги (каменистые и глинистые) и дороги. Примечания, разъяснявшие статьи, давали удельным чиновникам возможность широкого толкования, конечно, в пользу удельного ведомства. Если малоплодородные земли находились под пашней, они входили в крестьянский надел; земли, занятые под улицы, на больших дорогах свыше 10 сажен, и во всех других случаях, свыше шести сажен, входили в крестьянский надел; в состав крестьянских наделов входили солончаки: три десятины солончаков за одну десятину удобной земли. Если леса не входили в состав крестьянских наделов, то кустарники, ненужные уделу и находящиеся на крестьянских землях и пастбищах, включались в крестьянские наделы и подлежали выкупу. Рыбные же ловли, находившиеся среди крестьянских угодий, оставались в удельном ведомстве. Крестьянам оставляли тот водо-

пой, которым они пользовались. Если же водопой находился в общем пользовании с удельным ведомством, то последнее могло по своему усмотрению предоставить водопой крестьянам в другом месте. Если крестьянский водопой выделялся удельным ведомством вдали от их селений и на пути к нему лежали удельные владения, предлагалось выделить постоянный прогон. Если же водопой принадлежал исключительно удельному ведомству, а к нему примыкали крестьянские земли, то такой прогон предлагалось выделить за счет крестьянских земель. Таким образом, Положение являлось практическим руководством для исполнителей воли царя, Департамента, удельных чиновников и местных властей, которые должны были отдать крестьянам худшую землю и в будущем путем оброчных статей, прогонов снова поставить бывших удельных крестьян в зависимое положение от удела.

Усадебная земля. В состав крестьянской усадьбы по Положению входили земли, находившиеся под крестьянским жильем, хозяйственными, промышленными, общественными и всякими другими строениями, с примыкавшими к черте селения огородами, садами, коноплянниками, гумнами, хмельниками и пчельниками, левадами, займищами, а также водопоями, выпуском для скота и промежутками между крестьянскими строениями. Но и здесь удельное ведомство преследовало не крестьянские, а сугубо свои, или точнее, царские интересы. В состав крестьянской оседлости не могли входить земли, находившиеся под строениями, заведениями, садами, принадлежавшими удельному ведомству. Департамент уделов оставлял за собой торговые и базарные площади, расположенные в центре селений и сдавшиеся в оброчное содержание. В период проведения реформы Департамент уделов распоряжался крестьянской усадебной землей, как он хотел, и там, где мало-мальски затрагивались интересы удельного ведомства, оно никогда не шло навстречу крестьянам. Так, например, если на земле удельного ведомства, которая не предназначалась в крестьянский надел, имелись крестьянские торговые или промышленные заведения (маслобойки, мельницы и др.), то находящаяся под ними земля ценилась в два раза выше, чем усадебная земля. Крестьянам такую землю разрешали выкупать или платить за нее 6% оценочной суммы в год. Однако Департамент уделов, исходя из своих выгод, мог в любое время согнать крестьян с таких земель. Если крестьяне арендовали такую землю, а она была нужна удельному ведомству, Департа-

мент уделов по Положению имел право требовать переноса крестьянских строений: плетневых в течение двух лет, мазанок и глинобитных строений в течение 6, деревянных в течение 12 лет со дня утверждения Положения. Расходы по перенесению крестьянских строений производились за счет самих крестьян. Если же крестьяне не покупали указанной земли и не арендовали ее, то они обязаны были в течение года со дня обнародования Положения перенести свои строения в другое место. Для каменных строений устанавливался 24-годичный срок, после чего удельное ведомство имело право требовать слома и своза такого строения в другое место.

Департамент уделов имел право, не считаясь с интересами крестьян, переносить крестьянские усадьбы или целые селения в другое место, удобное для удельного ведомства. Крестьянские постройки по Положению разрешалось переносить в другое место при следующих обстоятельствах: 1. Когда крестьянские усадебные строения находились в 50 саженях, а овины, кузницы и др. ближе 100 саженей от строений удельного ведомства; 2. Если на земле удельного ведомства окажется крестьянская усадьба, не примыкавшая к крестьянским наделам. Переносить селения в другое место Департамент уделов имел право и по многим другим мотивам: если для разверстания полевых угодий с крестьянами встретится необходимость в перенесении нескольких или всех усадеб селения, то такой снос производить по усмотрению уделов; тем более, что «обязательное перенесение крестьянами усадеб и строений, — говорится в 61 статье, — может быть потребовано по истечении срока, определенного для составления уставных грамот и должно быть немедленно окончено в течение трех лет со дня получения управляющим конторой разрешения». Удельное ведомство имело право переносить крестьянские селения на расстояние до 10 верст от прежних усадеб, а в степной местности третьей полосы на 15 верст при условии нахождения на новом месте крестьянских наделов. Новое место должно быть пригодно для земледелия и удобно для поселения. Если в новом месте не было воды, то на основании Положения, удельное ведомство устраивало за свой счет колодцы, запруды или пруды с пригодной для питья водой и в достаточном количестве. Удельное ведомство освобождалось от этой обязанности, если на отведенном месте для крестьянских усадеб находился естественный водопой, если сами крестьяне избирали для селения новое безводное место. При пере-

несении крестьянских строений удельное ведомство оказывало помощь строевым лесом «по мере возможности» и деньгами по обоюдному соглашению. Крестьянские сады и другие насаждения, каменные строения, оставшиеся при переселении крестьян на новое место, переходили в собственность удельного ведомства за вознаграждение.

Обмен крестьянских наделов на земли удельного ведомства. Удельное ведомство согласно Положению (ст. ст. 71—75) имело право по своему усмотрению производить обмен крестьянских наделов на земли удельного ведомства. Если в землях крепостного надела обнаруживались источники минеральных вод, ценные ископаемые (уголь, высококачественная глина, торф и др.), удельное ведомство могло производить такой обмен и без согласия на то удельных крестьян. Удельное ведомство имело право переселять крестьянские селения и выделять новые наделы в других местах, не спрашивая на то крестьян, если на месте старых поселений Департамент Уделов создавал фабрики, заводы или другие промышленные предприятия, действующие при помощи силы воды. Удельное ведомство без согласия крестьян могло проводить через крестьянские наделы каналы для осушения или орошения удельных земель, для устройства дренажа или для употребления воды, как движущей силы. На тех же основаниях удельное ведомство имело право прокладывать через крестьянские земли дороги или прогоны до пристаней и перевозов.

Что же касается отводов крестьянских наделов (ст. ст. 49—58), то их могли производить на протяжении пяти лет со дня опубликования указа 5 марта 1861 года. Отрезку земель, не подлежащих выкупу, предлагалось производить из ненавозных пашен, непоемных лугов, кустарниковых зарослей и покосов, которые расположены вдали от селений или среди оброчных или лесных угодий удельного ведомства. Последующие статьи Положения исключали предыдущие. Отрезка навозных пашен могла производиться только в том случае, когда не было других полезных земель или пустошей. Из поемных лугов могла быть вырезана земля и без согласия крестьян, «соразмерная общей доле излишней, сверх подлежащих выкупу наделов, земли».

Без согласия крестьян подлежали отрезке пахотные поля, расположенные рядом с селением в пяти последних местностях первой нечерноземной полосы. В имениях третьей — степной полосы, удельное ведомство могло отводить полевой

надел из удобных земель там, «где окажется удобным, и по возможности приурочивает его к селению». В местности третьей (степной) полосы, Астраханской, Самарской и Саратовской губерниях, где крестьяне пользовались поемными сенокосами, эти сенокосы включались в состав отводимого им надела. В этой же степной полосе, если нельзя было выделить крестьянские наделы с селением рядом, то по заключению мирового посредника и с разрешения губернского по крестьянским делам присутствия разрешалось отводить крестьянам наделы вдали от селений. При отводе крестьянских наделов, подлежащих выкупу, «удельное начальство может произвести обязательное для крестьян разверстание общих и чересполосных угодий удельного и дворцового ведомства с мирским». Но в примечании сказано, что крестьяне не имели права требовать разверстания крестьянских угодий с удельными или дворцовыми ведомствами.

При разверстании, если окажутся среди крестьянских угодий непригодные для пашни и сенокоса земли, «то таковые пространства могут быть выделены из крестьянских угодий и обращены во владение дворцового или удельного ведомства, если сими ведомствами это будет признано нужным». Во второй черноземной полосе, первой и второй местностях первой нечерноземной полосы удельному ведомству представлялось право оставлять в составе крестьянского надела покосы и пашни, находящиеся среди удельного ведомства, или взамен отводить крестьянам равное количество удобной земли в другом месте. Эта статья предоставляла удельному ведомству широкие возможности забирать себе лучшие земли и оставлять крестьянам худшие. Правда, было сказано, что отводимые взамен земли должны примыкать к крестьянским наделам, или по крайней мере находиться, по возможности, не в дальнем от селения расстоянии.

В черноземных местностях второй полосы удельное ведомство могло заменять пашню покосами и наоборот.

В первой и второй нечерноземных местностях первой полосы подобные замены могли делаться и из лесных пространств.

У крестьян, если это было выгодно уделу, отбирали и другие земли. «Огороды, капустники, хмельники и конопляники, — говорилось в Положении, — не вошедшие в состав усадебных земель, могут быть для уничтожения чересполосицы обращены во владение удельного ведомства, но крестьянам,

кроме замены другою землею, предоставляется бесплатное пользование сими угодьями в течение трехлетнего срока со времени разверстания угодий».

Таким образом, удельное ведомство по Положению получило неограниченные права по наделению крестьян землею. Оно имело исключительное право буквально на все: на лучшие земли, водопои, на богатства недр земли, на леса и на все то, что было нужно Департаменту уделов в настоящем и будущем. Больше того, на основании закона, удельное ведомство по своему усмотрению могло переселять крестьян целыми селениями с одного места на другое, сносить их строения, оставлять за собой крестьянские сады и другие крестьянские насаждения. Положение 26 июня 1863 года предоставляло широкие права уделам и их исполнителям — управляющим конторами. Одним словом, Положение было составлено не в интересах крестьян, их поставили в такое положение, что они нигде и ни в чем не могли отстаивать на основании Положения своих прав на землю и на другие угодья. «Пресловутое «освобождение», — писал В. И. Ленин по поводу освобождения помещичьих крестьян, — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»[1]. Ленинская характеристика в полной мере относилась и к удельным крестьянам.

Выкупная операция крестьянских земельных наделов. Земельные наделы, определенные Положением, крестьяне получили не бесплатно, а за выкуп. Но не только полевые участки, но и все другие угодья, переходившие в собственность крестьян, отдавались им за «тот денежный оброк, который крестьяне платили за эту землю в пользу удела или дворцового ведомства при утверждении настоящего Положения».

Так как крестьянам отводили в основном ту землю, которой они пользовались по табелям поземельного сбора, то и денежный оброк они должны были уплачивать в том размере, какой указан в табели поземельного сбора. Из этой суммы исключались казенные подати и земские повинности, которые должны выполнять после реформы сами крестьяне.

Для крестьян, состоявших не на поземельном сборе, а на подушном оброке, последний являлся основой для определения выкупной суммы.

---

[1] В. И. Ленин, соч. т. 17, стр. 94—95.

Но неправильно было бы думать, что крестьяне выкупали только земельные наделы. Они должны были выкупать не только землю, но и неземледельческие доходы, получаемые трудом самих крестьян. В связи с этим Положение определяло выкупные суммы, учитывая притом местоположение удельных имений. На этом основании за высший надел в первой и во второй полосе и за указной надел в третьей полосе уплачивался следующий оброк: для удельных селений, находящихся не далее 25 верст от Петербурга, 12 рублей. Для всех других удельных селений Петербургской губернии, а также для Московской и уездов Владимирского, Вязниковского, Ковровского Владимирской губернии и для тех удельных селений Нижегородской губернии, которые находились не далее 15 верст от реки Волги, — 10 рублей.

В губерниях Вятской и Олонецкой, в Казанском и Царевококшайском уездах Казанской губернии, в уездах Брянском, Севском и Трубчевском Орловской губернии — устанавливался 8-ми рублевый оброк. Для всех остальных местностей первой, второй и третьей полос устанавливался 9-ти рублевый оклад. Таким образом, крестьяне Симбирской, Самарской и части Казанской губернии должны были платить девятирублевый оброк.

Короче говоря, удельные крестьяне, жившие близ промышленных центров, мощных речных магистралей (Волга), в губерниях, где была развита промышленность, где отходничество, ремесло и торговля были развиты широко, и крестьяне от неземледельческих занятий получали значительные доходы, — там крестьяне должны платить повышенный оброк.

В губерниях, экономически слабо развитых, где товаро-денежные отношения только пробивали себе дорогу, где основным источником существования для крестьян была земля, там устанавливался 8-ми рублевый оброк. Таким образом, хотя крестьяне формально выкупали только землю, но, по существу, платили и за неземледельческие занятия, этим самым выкуп земли значительно превосходил стоимость самой земли.

Для крестьян, получивших землю менее установленного для данной местности высшего или указного надела, согласно Положению 19 февраля, применялась «градация» оброка. Сущность этой градации состояла в том, чтобы с крестьян получить как можно больше денег за неполные земельные наделы. На основании указанной градации первая десятина полученной земли крестьянами в надел, ценилась выше последующих деся-

тин. Чем меньше крестьяне получали земли, тем дороже обходились им выкупные операции.

Согласно градации удельные крестьяне первой нечерноземной полосы за неполный надел платили:

	При 12 руб. оброке	При 10 руб. оброке	При 9 руб. оброке	При 8 руб. оброке
За 1 десятину . .	6 руб.	5 руб.	4 руб. 50 к.	4 руб.
За 2 десятины . .	3 руб.	2 руб. 50 к.	2 руб. 25 к.	2 руб.

«Остальная затем четверть высшего душевого оброка, — говорилось в Положении, — раскладывается равномерно на всю остальную часть высшего душевого надела».

В отличие от реформы 1861 года удельные крестьяне не получали «дарственных» наделов.

Согласно Положению 1863 года, все крестьяне, независимо от количества земли, даже те, кто имел земельный участок не более десятины, должны были участвовать в выкупной операции. Наделяя крестьян землею, удельное ведомство рассчитывало создать устойчивое крестьянское хозяйство, которое могло бы бездоимочно погашать выкупные суммы и своевременно отбывать государственные повинности.

Определив земельные наделы для удельных крестьян, Положение 1863 года определяло денежную сумму выкупных платежей. Стоимость полевого надела вместе с усадебной землей определялась суммой капитализированного из 6 проц. установленного для данной местности оброка.

Для удельных крестьян Среднего Поволжья устанавливался в среднем 9-рублевый душевой оброк. Для того, чтобы установить выкупную сумму надела необходимо было капитализировать 9 рублей из 6 проц. В результате чего получалось:

$$100:6=\frac{100.9}{6}=\frac{900}{6}=150 \text{ руб.}$$

Если учесть, что высший надел в Симбирской губернии составлял в среднем до 4 десятин, то выкупная стоимость десятины обходилась в 37 рублей. Удельные крестьяне платили своему ведомству значительно больше того, чем если бы они покупали землю по рыночным ценам того времени. Рыночные цены за десятину земли в Симбирской губернии составляли в среднем от 17 до 30 рублей, следовательно, крестьяне переплачивали удель-

ному ведомству по 7—20 рублей за десятину земли. Но крестьяне платили выкупную сумму не только за землю. В сумму оброка входили неземледельческие промыслы и другие доходы крестьян, а также феодальные повинности в пользу удела. Поэтому крестьяне выкупали не только землю, но и феодальные повинности.

Когда обсуждалась выкупная операция в Главном комитете, удельное ведомство выставило свои особые условия. Прежде всего оно не согласилось освобождать крестьян на основании Манифеста 1861 года. Если взять за основу «Положения» 1861 года, то Министерство финансов должно было получать на протяжении 49 лет с бывших удельных крестьян 2.920.285 рублей ежегодно, а удельному ведомству в самый день открытия выкупной операции выдать выкупных свидетельств и банковских билетов на выкупную сумму в 48.671.416 рублей. Короче говоря, Министерство финансов должно было платить ежегодно удельному ведомству из расчета 5 проц. или 2.433.570 руб., а остальную сумму в размере 1 проц. или 486.715 рублей оставлять в свою пользу.

«Принять способ выкупной операции, определенной положением 19 февраля 1861 года, — рассуждали в Департаменте уделов, — значило бы сумму нынешнего дохода с земель, поступающих в надел крестьянам, 2.920.285 руб. уменьшить навсегда до 2.433.570 руб., т. е. на 486.715 руб., потому что и после 49-ти лет с выкупного капитала 48.671.416 руб. нельзя было бы предполагать дохода более 5 проц.». Удельное ведомство «ввиду возрастающих расходов» и не желая терять прежних доходов, предложило отчислять из 2.920.285 руб. одну десятую часть, т. е. по 292.028 руб. в год «с присоединением к выкупным суммам ежегодных на них процентов по 5 проц. на сто» и «предложило осуществить в 49 лет капитал в 62.364.534 рубля, с которых ежегодный доход составлял бы 3.118.226 рублей»[1].

Таким образом, если бы удельное ведомство придерживалось Положения 1861 года, то оно создало бы от выкупной операции 48,5 млн. рублей капитала, а так оно получало 62,4 млн. рублей или на 13,7 млн. рублей больше.

В другом месте того же документа удельное ведомство доказывало, что если следовать за Положениями 1861 года, то «министерство уделов обязано было жертвовать в пользу Министерства финансов каждый год по 243.357 руб., отказаться от

---

1 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 23, д. 327, лл. 36—38.

возвышения капитала 13.693.118 руб. и в общей сложности за все 49 лет понести убытка 25.617.611 руб.»[1].

Удельное ведомство отказалось брать на себя и расходы по выкупной операции, потому что «издержки на поддержание выкупной операции, установленной положением 19 февраля 1861 г., очевидно обязательные для частных землевладельцев, которые не могли устроить выкупные с крестьянами сделки сами», а удельное ведомство «имеет собственное свое управление, которое поставлено на основании Учреждения об императорской фамилии, песчись об интересах удела и производить денежные операции из его доходов единственно по Высочайшим его императорского величества решениям и указаниям, без посредства и участия постороннего ведомства»[2].

Удельное ведомство отказалось и от выкупных свидетельств и банковских билетов, «подвергающих колебаниям», а потребовало наличные деньги для покупки новых земель, потому что все богатство удела состоит «преимущественно в недвижимом поземельном имуществе, как самой прочной собственности, приносящей верный доход и в цене своей не только не падающий, но постоянно возрастающий»[3].

С этими и другими доводами не могло не считаться правительство, которое понимало, чьи интересы защищает удельное ведомство.

Когда в главном комитете министр финансов высказал свои опасения о будущих крестьянских недоимках по выкупным платежам, то и здесь удельное ведомство гарантировало погашение их за счет бывших удельных крестьян. Дело в том, что в момент реформы 1863 года в Департаменте уделов находились следующие крестьянские капиталы: хозяйственный и крестьянский капитал — 756 тыс. рублей, капитал для пособия крестьянам — 145 тыс. рублей, капитал сельских банков — 577 тыс. рублей, а всего 1.478 тыс. рублей. Все эти капиталы составлялись за счет общественной запашки, штрафов с крестьян и другого.

Главный комитет согласился, чтобы крестьянские капиталы на случай недоимок по выкупным платежам, расходовать для этих целей и необходимую сумму уплачивать в Государственное казначейство[4].

---

[1] Там же, л. 39,
[2] Там же, л. 40.
[3] Там же, л. 42.
[4] ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. XV, д. 2, ч. II, л. 467.

Так на деле удельное ведомство защищало интересы крупнейшего помещика России царя Александра II, так на практике выглядела реформа для удельных крестьян.

Главный комитет по настоянию Министра двора решил, что выкупные платежи с удельных крестьян будут поступать прямо в Государственное казначейство, «а Министерство финансов взамен того в течение того же 49-ти летнего периода обязано будет отпускать удельному ведомству ежегодно сумму, равную сумме следующих к поступлению с крестьян выкупных платежей»[1].

По определению Департамента уделов, его бывшие крестьяне на протяжении 49 лет должны были платить ежегодно 2.920.285 рублей выкупных взносов или отдать за все время удельному ведомству 143.094.000 рублей, в то время как по Положениям 1861 года вся выкупная операция оценивалась в 48.699.834 рубля.

Таким образом, выкупная операция для удельных крестьян России обошлась более, чем в 140 млн. рублей серебром, не считая пени, штрафов, процентов за несвоевременную уплату выкупных платежей и других сумм, связанных с выкупом[2].

Это было прямое ограбление удельных крестьян, санкционированное Государственным Советом.

Передав выкупную операцию министерству финансов и ежегодно получая от него 6 проц. на выкупной капитал, Департамент уделов, таким образом, порывал всякие юридические связи с крестьянами[3].

Для удельных крестьян такое решение Департамента уделов имело большое значение: они навсегда освобождались от феодально-попечительной опеки удельного ведомства. Вместе с этим, устанавливая уплату выкупных сумм на протяжении 49 лет, Департамент уделов еще больше увеличивал тяжесть выкупной операции для бывших удельных крестьян.

Составление, проверка, утверждение и введение в действие уставных грамот. Размеры крестьянского надела и выкупных платежей за него определялись уставной грамотой. Уставная грамота являлась своеобразным выкупным документом, по которому определялись обоюдные обязательства между крестьянами и удельным ведомством. В ней определялось количество и качество надельной земли, указывалось количество отрезаемых

---

[1] Там же, л. 466.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 23, д. 327; лл. 35—49.
[3] Там же.

от крестьян земельных угодий, выкупные платежи и другое. В уставных грамотах, составленных чиновниками удельных контор, нашли отражение интересы удельного ведомства и ущемлялись интересы крестьянских масс.

Уставная грамота составлялась в течение одного года со дня получения удельными конторами Положения (июль 1863— июнь 1864) и окончательно вводилась в течение 2 лет со дня обнародования данного Положения (15 июля 1863 — 15 июля 1865 года).

Уставные грамоты составлялись в зависимости от местных условий — или для каждого селения отдельно, или для нескольких смежных селений вместе взятых. Там, где существовало подворное пользование землею, оно отражалось и в уставной грамоте с указанием размера каждого крестьянского участка, оброка и выкупных сумм в отдельности.

Уставные грамоты составлялись чиновниками контор и подписывались управляющими имениями. Если предъявленная крестьянами уставная грамота не вызывала их возражений, она признавалась окончательно проверенной, о чем посредник составлял на месте акт. Этот акт подписывался посредником, чинами контор, грамотными крестьянами селения и посторонними свидетелями.

Если крестьяне отказывались принимать и подписывать уставную грамоту, мировой посредник с поверенными от крестьянского общества при свидетелях из соседних селений поверял уставную грамоту на месте. В обязанности посредника входило «стараться, по возможности, привести их (крестьян — **Н. Г.**) к миролюбивому соглашению». В то же время он не имел права принимать крестьянские жалобы «на решения и распоряжения удельного ведомства, состоявшиеся до обнародования сего Положения». Следует отметить, что Департамент уделов готовился к реформе с 1858 года, а поэтому распоряжения, касавшиеся земли и других угодий, были сделаны до реформы в удельной деревне. Именно на эти 4—5 лет и падает больше всего распоряжений удельного ведомства, направленных на то, чтобы лучшие угодья, находившиеся в пользовании крестьян, обратить в оброчные статьи; ярким доказательством этого служат земли общественной запашки, которые в 1861 году были отобраны у крестьян и зачислены в оброчные статьи.

Права и обязанности крестьян после выкупа земель. На основании Положения удельные крестьяне должны были приступить к выкупу земель через два года после его утверждения.

После истечения двухлетнего срока со дня подписания Положения и начала уплаты выкупных сумм, удельные крестьяне поступали в разряд крестьян-собственников «и пользовались всеми правами сим крестьянам присвоенными».

Но эти права крестьян и прежде всего права на землю, выкупаемую ими, были ограничены. Удельные крестьяне подчинялись тем же законам, что и крестьяне, вышедшие из-под власти помещиков. В тех же удельных селениях, где до реформы существовало общинное землепользование, оно сохранилось и после реформы. Крестьяне не имели права разрушать общины, она носила принудительный характер. Сохраняя общину, общинное землепользование, царское правительство преследовало определенные цели. Главная из них состояла в том, чтобы крестьяне своевременно платили выкупные платежи, чтобы бездоимочно выполняли текущие подати и лежавшие на них повинности. Таким образом, крепостнические пережитки сохранились в налоговой системе, в сельской общине с ее круговой порукой. Эти и другие остатки крепостничества в пореформенный период задерживали развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Освобождаясь от удельного ведомства как от эксплуататора-феодала, удельные крестьяне попадали в его зависимость и после реформы 1863 года. Так как крестьяне лишались права выкупа лесов, рыбных ловель, то они на договорных условиях за особые оброки, помимо выкупных платежей, получали право пользоваться удельными лесами и другими оброчными статьями.

Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости удела, награждались определенными гражданскими правами. Согласно Положению 1863 года, создавались органы выборного крестьянского самоуправления. Ранее существовавшее разделение крестьян на сельские общества оставалось без изменений, а приказы и отделения приказов переименовывались в волости. В селении избирали сельского старосту и сборщика податей, а в волостные правления избирали на крестьянских сходах старшину и двух заседателей (одного в должности казначея, второго помощником старшины). Однако все эти Положения наделяли крестьян ограниченными правами и больше устанавливали обязанностей для тех же крестьян и крестьянского самоуправления. На крестьянских сходках крестьяне могли обсуждать только вопросы, касавшиеся податей и повинностей, землепользования там, где оно было общинным. Крестьяне решали и другие хозяйственные вопросы селений или волости. Крестьянские

сходы не имели права выходить за вышеуказанные рамки под угрозой строжайшего наказания. Сельские старосты и волостные правления выполняли целый ряд полицейских обязанностей и были поставлены в непосредственную зависимость от уездных и губернских учреждений.

Кроме общих обязанностей, утвержденных положением 1861 года, волостные правления должны были на протяжении двух лет собирать с крестьян оброки в пользу удельного ведомства и вносить их в удельные конторы, а также выполнять и другие обязанности в пользу Департамента уделов. Однако содержание старшины, писаря и заседателей, расходы по волостному правлению в эти два года производились за счет не удельного ведомства, а удельных крестьян. По мере преобразования приказов и отделений в волости, функции административного и судебно-полицейского управления удельных контор постепенно переходили к волостным правлениям. С учреждением волостей крестьяне по всем вопросам стали обращаться в волостные правления, к мировым посредникам, в уездные и губернские учреждения. Реформа 1863 года ликвидировала вотчинную власть в удельной деревне, что являлось прогрессивным явлением.

По введении в действие Положения 1863 года крестьяне должны были платить подати и натуральные повинности уже без участия удельного правления, а на общих основаниях, наравне с бывшими помещичьими крестьянами. Положение 1863 года вводило новые поборы для удельных крестьян. Так, на протяжении 8 лет со дня утверждения Положения, крестьяне обязаны были платить уравнительный сбор по 6 коп. с души на содержание межевых учеников и сельских мерщиков удельного ведомства. В течение двух лет крестьяне предоставляли подводы для разъезда чиновников и в продолжение 8 лет — межевым чинам, ученикам и сельским мерщикам.

Кроме тех повинностей, которые отбывали бывшие помещичьи крестьяне, на удельных крестьян возлагали обязанность содержать за свой счет фельдшеров, фельдшерских учеников, ветеринарных фельдшеров и повивальных бабок, покупать медикаменты и медицинские инструменты «впредь до отнесения сих расходов на другие источники». Содержание учителей и школ оставалось на уравнительном сборе со всех крестьян волости.

Рекрутскую повинность отбывали по-старому «впредь до изменения рекрутского устава». Новое состояло в том, что оче-

редные рекрутские списки отправлялись не в удельную контору, а через полицию в казенную палату.

Таково содержание Положения об освобождении удельных крестьян.

Таким образом, Положение 1863 года имело те же крепостнические черты, что и Положение 1861 года, потому что оно было составлено теми же крепостниками. Помещик имел право переселять своих крестьян в другое место, наделять их плохой землей, отбирать у них лучшие угодья, диктовать только свои условия крестьянам. То же самое делали уделы. Только помещик имел исключительное право на леса, рыбные ловли и на богатства земных недр, этими же правами пользовались уделы. Как в помещичьей, так и в удельной деревне правительство сохраняло общину, круговую поруку для получения с крестьян податей и отбывания ими повинностей. В помещичьей и удельной деревне сохранили, таким образом, много старого, носившего печать прошлого крепостничества. Многочисленные остатки крепостничества сохранились в районах наибольшего развития крепостного хозяйства и крепостного права и особенно в Среднем Поволжье. Остатки крепостничества в деревне замедляли развитие внутреннего рынка, в конечном итоге являлись тормозом в развитии капитализма.

Общее между Положениями 1861 и 1863 гг. заключалось в том, что они определяли не ценность выкупаемого крестьянами надела, а существовавшие повинности крестьян, определявшие выкупную операцию. Общее заключалось и в принудительном навязывании крестьянам надела, который гарантировал выполнение выкупных платежей и отбывание повинностей крестьянами.

Помещичьи крестьяне после составления уставных грамот и определения выкупной суммы платили 75—80 проц. в казну, после чего помещик имел дело с государством. Удельные крестьяне также платили выкупные суммы в казну, а Департамент уделов имел дела только с министерством финансов. Как помещикам, так и удельному ведомству правительство выплачивало полностью выкупные деньги, само же брало на себя обязательство взимать эти суммы с крестьян.

Однако Положение 26 июня 1863 года отличалось в некоторых существенных деталях от Положения 1861 года. Основное отличие состояло в том, что удельные крестьяне через 2 года после обнародования Положения 26 июня 1863 года сразу же переводились на обязательный выкуп надельной земли, они

исключались из временнообязанного состояния и тем самым освобождались от феодально-крепостнической зависимости удельного ведомства.

Если помещичьим крестьянам запрещалось отказываться от пользования земельным наделом и переходить в другие сословия в течение 9 лет, то удельным крестьянам таких ограничений не ставилось. Правда, и удельные крестьяне на практике этим правом воспользоваться не могли. Для удельных крестьян не вводился «дарственный» надел.

В данном случае буржуазная сущность реформы 1863 года выступала сильнее, чем в Положениях 1861 года. Это объясняется тем, что законоположения об удельных крестьянах оставались в период осуществления реформы 1861 года, а само положение 26 июня 1863 года — в период непрекращающейся классовой борьбы крестьянских масс с помещиками. Классовая борьба крестьянства оказала влияние на условия «освобождения» удельных крестьян, она заставила удельное ведомство и самого царя Александра II внести поправки в принципы «переустройства быта» удельных, дворцовых и государевых крестьян.

Реализация Положения 26 июня 1863 года

Еще до официального объявления о реформе в удельной деревне, Департамент уделов информировал управляющих конторами о ходе составления Положения и условиях проведения самой реформы. В марте—апреле 1863 года управляющие на местах деятельно взялись за ее подготовку.

В конце мая 1863 года министр императорского двора и уделов секретным порядком запрашивал управляющих удельными конторами об удобном времени для обнародования Положения, чтобы это объявление не вызывало крестьянских беспорядков. Опасения министра двора не были лишены оснований. В это время разгорелось восстание в Польше, продолжали еще волноваться помещичьи крестьяне, бурлило общественное движение в стране. Управляющие конторами не замедлили ответить на запрос своего министра.

Большинство управляющих настаивало в своих донесениях на скорейшем обнародовании Положения 1863 года. Однако ответы управляющих можно разделить на две категории. Одни управляющие в письмах лицемерно утверждали о чрезмерных благодеяниях удельного ведомства по отношению к своим кре-

стьянам, другие более трезво оценивали результаты предстоящей реформы.

Управляющий Новгородскою конторою в своем письме утверждал, что «русский крестьянин по природе своей обладающий редкими качествами, едва ли волнуется по каким-либо административным переменам, тем более предстоящими, основанными на возможно лучшем обеспечении его быта»[1]. Управляющий Московскою конторою писал: «Даже меры обременительные для крестьян будут приняты ими с терпением и как неизбежная необходимость. Тем более нельзя ожидать, чтобы обнародование нового удельного положения такого гуманного, такого благодетельного для крестьян могло произвести смуты»[2].

Но в письмах управляющих раздавались и другие голоса. Так, управляющий Вятской конторой сообщал, что удельным крестьянам хотя и лучше чем другим, «но они все-таки, ждут когда, по их словам, удел нарушится»[3]. О настроении крестьян писал Нижегородский управляющий: «Отчего помещичьи крестьяне, — говорили ему удельные крестьяне, — давно уже устроены на новых началах, а об устройстве удельных крестьян нет еще и речи, тогда как казалось бы вполне естественным, чтобы в деле устройства крестьянского сословия царская фамилия взяла на себя инициативу»[4].

О возможном недовольствии крестьян писал управляющий Владимирской конторой. Крестьяне удельных селений, — говорил он, — расположенных на землях хорошего качества, не будут удовлетворены новым Положением, потому что «в большей части селений будут отрезки земли без уменьшения платы». Кроме того, это Положение «не разрешает лесного вопроса, чрезвычайно важного для Владимирской губернии, где большая часть крестьян не имеет возможности приобретать у посторонних владельцев лес, который для них также необходим как земля, или по выражению крестьян «как хлеб»[5].

О том, что положение 1863 года может вызвать недовольство крестьян, сообщал управляющий Симбирской конторы. «Отрезка земель на объясненном основании, — доносил он, — представится в значительном числе селений (даже таких, по которым табели поземельного сбора были основаны на инстру-

---

1 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 26, д. 150, л. 9.

2 Там же, л. 16.

3 Там же, л. 24.

4 Там же, л. 13.

5 Там же, л. 7.

ментальной съемке) и действительно может сделать неблагоприятное впечатление на крестьян»[1].

Управляющий Алатырской конторою опасался за поведение крестьян в период проведения реформы. В тех местах, — писал он, «где крестьяне владеют землей в большем количестве, чем оплачивают и потому должны будут лишиться этого излишка, следует ожидать со всей вероятностью, неудовольствия и местами сильного волнения крестьян, тем более, что они подвергаются отрезке земель не вследствие отказа их от пользования ею за установленные платежи, а помимо вины их, от неверных измерений земли и составления табелей поземельного сбора по ошибочным сведениям»[2].

Таким образом, многие управляющие не тешили себя надеждами на благополучный исход реформы, в их донесениях чувствовалась тревога. Некоторые из них, более откровенные, как управляющий Алатырской конторой, не скрывали своего мнения о предстоящих крестьянских волнениях, что впоследствии и сбылось.

Конечно, крестьяне знали о готовящейся реформе и особенно ею не восхищались. Предстоящее опубликование «Положения» не радовало их по той причине, что они сами являлись свидетелями реформы в помещичьей деревне, они видели как ограбили крепостных крестьян. Удельные крестьяне, как бы их ни готовили чиновники к предстоящей реформе, заранее не верили Положению и тем условиям, на основании которых их будут освобождать.

Зная настроения крестьян, управляющие Алатырского, Оренбургского, Самарского, Симбирского и Сызранского удельных имений в конце июня 1863 года съехались в Самару на съезд «для обсуждения вопросов, какие возникают из означенного Положения и мер, которые должны сопровождать оное»[3].

Наконец, 26 июня 1863 года было подписано, а затем и обнародовано Положение. Сразу же после обнародования Положения из Департамента уделов посылались разъяснения отдельных статей и примечаний самого Положения. Все эти инструкции о том, как нужно понимать ту или другую статью, писались в определенных целях: провести реформу в удельной деревне в наиболее выгодной для удела форме. Достаточно привести не-

---

[1] Там же, л. 26.

[2] Там же, лл. 17—18.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 74; л. 78.

которые из них, чтобы убедиться в этом. 16 сентября 1863 года Департамент уделов разослал инструкцию о порядке составления уставных грамот. Инструкция предлагала заблаговременно составить предположение об обмене земель, «не упуская из вида, что обмены допускаются только при утверждении уставных грамот; при этом обратить особое внимание на мельницы, при которых во многих случаях, для обеспечения их доходности необходимо увеличить нынешний земельный надел прирезкой из крестьянских угодий». В другом месте инструкции говорилось: «Обмен оброчных земель, в том числе и участков от бывшей общественной запашки предназначать только по особым местным уважениям как для избежания вредной для обеих сторон чересполосицы, так и для дальнейшего обеспечения доходности оброчных статей. При таком обмене иметь в виду, что для соблюдения интересов удела, без крайней необходимости, не следует допускать потери в доходных оброчных статей». В заключение Департамент уделов писал, что «не может быть, без особых уважений допущено какой-либо потери поземельной удельной собственности или дохода с земель и оброчных статей. Соблюдение же сего дохода и интересов удела при составлении уставных грамот возлагается на личную ответственность управляющих контор» [1].

За этой инструкцией последовали другие. В инструкции от 13 ноября 1863 года управляющим конторами настойчиво рекомендовалось отдавать крестьянам вместо земель бывшей общественной запашки непригодные земли-солончаки. Хотя раньше солонцеватыми землями и не пользовались крестьяне, однако инструкцией указывалось, что по местным обстоятельствам они должны войти в состав отводимого надела, что «такие солонцы следует принять в расчет при составлении грамот, считая 3 десятины солонцов за одну десятину удобной».

Кроме того, удельное ведомство рекомендовало включать в счет крестьянских наделов кустарники и мелкие лесные участки «в тех случаях, когда признается это полезным и выгодным для удела[2]. В инструкции 19 ноября 1863 года удельное ведомство еще раз напоминало об оброчных землях: «Оброчные земли, хотя и отданные крестьянам в содержание на бессрочное время или впредь до переоценки угодий, не должны быть включаемы в надел». Как Положение, так и инструкции не говорят о прирезке земли из оброчных статей к крестьянским наделам.

[1] Там же, л. 3.

[2] ГАУО. ф, 318, оп. I, д. 1277. л. 4,

Прирезка земель допускалась только для селений со смолокуренным и переложным лесным хозяйством, главным образом в северных губерниях[1].

13 февраля 1864 года Департамент уделов в особой инструкции разъяснял управляющим содержание 58 статьи Положения о неудобных землях, которые можно выделять из крестьянских угодий и обращать во владение удельного ведомства, «если сим ведомством это будет нужным и когда от этого не произойдет для крестьян явного неудобства».

Под неудобными землями удельное ведомство понимало пески, болота, крутизны гор, каменистые и глинистые овраги. Так как эти земли были не нужны уделу, то и предлагалось в инструкции эти земли отдавать крестьянам не в счет надела, «а в общей сложности, не превышающие 10 проц. против всего количества земли, поступающей в надел крестьянам, и не свыше 10 десятин в каждом участке». Таким образом, удельное ведомство не отдавало крестьянам и всех неудобных земель. «Во всех же других случаях, — говорилось в инструкции, — т. е. когда предполагается отвести в пользу крестьян неудобные земли в количестве, превышающем вышеуказанные нормы, уставные грамоты прежде передачи им мировым посредникам должны быть представляемы на предварительное рассмотрение Департамента»[2].

Все дополнения и разъяснения к Положению были направлены к тому, чтобы сохранить все оброчные статьи, находившиеся в распоряжении удельного ведомства до реформы, оставить за собой лучшие земли, находившиеся в крестьянском пользо-

[1] Такие прирезки допускались в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Тверской, Вятской, Петербургской, Новгородской, Пермской губерниях. В некоторых губерниях прирезки земли достигали больших размеров. Об этом свидетельствуют данные таблицы:

Губернии	Кол-во земли в пользовании крестьян до реформы (ес.)	Прирезка согласно статей 23—30 Положения	
		десятин земли	в %% к дореформен.
Архангельская . . .	57155	34348	60
Вологодская	124235	139211	112
Костромская	288639	36540	12,3
Новгородская . .	116503	52422	44,9

(См. Г. И. Богатикова, цит. произв., стр. 205—243).

[2] ГАУО, ф. 318, оп. I, д. 1277, л. I.

вании путем отрезки, и, наконец, сплавить крестьянам худшие земли.

Неудобные земли, оставленные уделами за собой, но расположенные среди крестьянских полей, Департамент уделов впоследствии заставил крестьян выкупить по весьма высоким ценам. Выделяли указанные земли так, что они находились на пути крестьянских прогонов, водопоя, дорог, за пользование которыми удельное ведомство брало особую плату.

* * *

Руководствуясь положением и Инструкциями, удельные чиновники летом 1863 года приступили к проведению в жизнь самой реформы[1].

Для проведения реформы потребовались мировые посредники. Удельное ведомство большое внимание обращало на подбор кандидатур в мировые посредники, которые должны были отстаивать интересы императорской фамилии Романовых. Если в период проведения реформы 1861 года кандидатуры мировых посредников обсуждались на дворянских собраниях и рекомендовались губернатором для последующего утверждения Сенатом, то теперь процедура назначения мировых посредников выглядела значительно проще. Многие мировые посредники подбирались управляющими удельных контор и с ведома Департамента уделов утверждались соответствующими учреждениями. Так, член Казанского губернского по крестьянским делам присутствия, он же управляющий казанским удельным отделением, Калинский, доносил председателю Департамента уделов о назначении мирового посредника в отделенный участок Царевококшайского уезда. «Министр внутренних дел, — писал Калинский, — предложил начальнику Казанской губернии войти в соглашение со мною. Вследствие чего генерал-майор Нарышкин представил на эту должность к утверждению Правительствующего Сената одного из прежде мною рекомендованных лиц — судебного следователя г. Казани Николая Иван. Шестакова, человека вполне достойного»[2].

Некоторые мировые посредники за свою деятельность получали от Департамента уделов не только жалование, но и награды.

Правда, среди мировых посредников были лица, не угодные удельному ведомству, настроенные либерально по отношению к

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 26, д. 492; лл: 39—40; д. 118. лл. 77, 480—484.
[2] ЦГИАЛ. ф. 515, оп. 26, д. 118, л. 653.

крестьянству. Чиновник особых поручений Департамента уделов Зеленый, ревизовавший летом 1865 года удельные имения, в своем отчете писал, что в Самарском имении, преимущественно в Николаевском уезде, «ни одна грамота не проходила без того, чтобы по крайней мере два раза не возвратиться в контору. Мировые посредники Николаевского уезда — люди молодые, ищущие популярности между крестьянами и смотрящие на удел как на злостного помещика»[1].

Однако таких посредников насчитывались единицы, преобладающая же их часть состояла из ярых крепостников, которые на практике осуществляли грабительскую реформу.

Кроме мировых посредников, учреждались мировые съезды, членами которых являлись управляющие конторами или, по их поручению, удельные чиновники. В состав губернского по крестьянским делам присутствия входил непременным членом сам управляющий конторою. Крестьяне не были представлены ни на мировом съезде, ни в губернском по крестьянским делам присутствии. Будущее крестьян решалось дворянами вкупе с представителями царской власти.

Наиболее сложным для удельных чиновников было составление и введение в действие уставных грамот, в которых надлежало отразить интересы удельного ведомства.

Когда приступили к составлению грамот, то выяснилось, что многие удельные крестьяне получат земли меньше, чем это определено Положениями 1861 года. Для Среднего Поволжья, как свидетельствуют данные таблицы, эта разница между действительным землепользованием крестьян и Положениями 1861 года была существенной[2].

Уезды	Высший душ. надел по положению 19 февраля 1861 г. (десятин)	Действит. тягл. надел удельных крестьян (десятин)
Алатырский . . .	3,6	3,34
Ардатовский . .	3,6	3,06
Курмышский . .	3,6	3,31
Казанский	4,0	3,65
Лаишевский . . .	4,0	2,56
Царевококшайский . .	4,0	3,38
Тетюшский . .	3,12	3,91

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 1851; лл. 296—297.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. XV, д. 2, ч. I, лл. 150—157.

Уезды	Высший душ. надел по положению 19 февраля 1861 г. (десятин)	Действит. тягл. надел удельных крестьян (десятин)
Карсунский . . .	3,12	3,37
Сенгилеевский . .	4,0	4,09
Сызранский . . .	4,0	4,8
Симбирский . . .	4 0	4.58
Буинский	3,12	4,48
Самарский . . .	5,0	5,9
Николаевский . .	6,0	7,28
Бузулукский . .	6,0	7,45
Ставропольский .	4,0	6,3

Таблица показывает, что почти в половине уездов Среднего Поволжья удельные крестьяне не получали высшего надела согласно Положения 19 февраля 1861 года. Особенно наглядно проявлялось это в Алатырском и Казанском имениях.

За общими суммарными данными скрывается более неприглядная картина наделения крестьян земельными наделами. Тысячи крестьян Среднего Поволжья получили мизерные клочки земли, далекие от установленных норм по Положению 19 февраля. Об этом можно судить по ниже приведенным данным:[1]

Имения, приказы	Высший душев. надел по Положению 1861 г.	В действ. владении	Число душ
Алатырское имение			
Ардатовский	3 дес. 600 саж.	2,73	5586
Козловский	„	2,49	5369
Наченальский	„	2,94	4959
Бузаевский	„	2,85	7361
Красноостровский . .	„	2,98	2794
Самарское имение			
Екатерининский пр. . .	5	4,62	4736
Казанское имение			
Все крестьяне получили меньше высшего надела	—	—	15687

[1] Там же.

Имения, приказы	Высший душев надел по Положению 1861 г.	В действ. владении	Число душ
Сызранское имение			
Еремкинский	4	2,97	5654
Большесайманский	4	3,08	3857
Потьминский	3 дес. 1200 саж.	3,27	3569
Чумакинский	„	2,75	3956
Сурский	„	2,88	3946
Городищенский	„	3,22	4305
Нагаевский	„	3,14	1481
	Всего:		73270

Таким образом, из общего числа 351397 удельных крестьян Среднего Поволжья 73270 душ получили меньшие наделы, т. е. 20 проц. всех удельных крестьян Среднего Поволжья осталось при прежнем или еще более урезанном землепользовании[1]. Для наделения крестьян Казанского имения согласно Положению 1861 года не доставало земли 10611 десятин. Десятков тысяч десятин земли не доставало до нормы крестьянам Алатырского имения.

Многие удельные крестьяне получили «кошачьи» наделы. Крестьяне деревень Мачказеревой и Бузаевой Ардатовского уезда получили по 1 десятине 200 сажен на душу[2]. По Алатырскому имению 16 селений, в которых находилось 6377 человек, подлежащих наделению землей, получили земельные наделы по 2 десятины с саженью на душу. По Казанскому имению из 69 удельных селений 8 с населением в 858 человек получило не более 2 десятин с саженями на одну душу[3].

Подобные «кошачьи» наделы получили крестьяне и других удельных имений. 106 селений Верхотомской и Афанасьевской волостей Сольвычегодского уезда вместо 7 десятин земли получили только по 3 десятины 388 сажен на душу. По всему Вельскому имению 228 селений с населением в 8027 душ удельных крестьян получили только 30585 десятин земли, или по 3 десятины 1944 сажен на каждую душу[4].

В отличие от помещичьих крестьян, которые получали «кошачьи» наделы и освобождались от всяких выкупных платежей,

[1] ГАУО, ф. 538, оп, 1, д. 37, лл. 1 — 87

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 42, лл 94—95.

[3] Там же, лл. 21—32, 84—105,

[4] Там же, лл. 61—62, д. 50.

удельные крестьяне за мизерные клочки земли должны были на протяжении 49 лет платить выкупные суммы.

«**Принудительная продажа,** — писал К. Маркс — в интересах государства существовала у всех цивилизованных наций, но **принудительная покупка** — русское изобретение»[1].

Пока в конторах составлялись уставные грамоты, в удельных селениях было относительно спокойно. Но как только в селениях появились мировые посредники, крестьяне узнали цену как уставным грамотам, так и самой реформе. Крестьяне воочию убедились в том, как чиновники удельного ведомства стараются навязать им худшую землю, лишить водопоя, леса и другого, чем они пользовались до реформы. От поверявшего уставную грамоту посредника в с. Судосеве Сызранской конторы крестьяне потребовали сохранить за ними прежние наделы. «Несмотря на все тщательные объяснения посредника Рютче, — писал удельный депутат в Сызранскую контору, — крестьяне высказывали во всем симпатию». В отношении же самого Положения крестьяне заявили, «что они такого нового Положения знать не хотят, что это все один обман, а не царский закон, потому что царские законы читаются в церквях, как, например, о рекрутстве, а Положение же 26 июня 1863 года в церкви не читано». Те же крестьяне заявили всем присутствовавшим представителям власти, «что хотя посредник и начальник, но мир еще больше» и что они выкупу не верят и быть такого не может, чтобы на землю платить стали, при этом, говоря, согласитесь-ка, так и запишут через 49 лет барскими»[2].

К судосевским крестьянам присоединились крестьяне соседнего селения Перлись, которые заявили посреднику, что они желают «старых меж, старого Положения»[3]. Больше того, крестьяне с. Перлись написали прошение царю о том, что из 994 ревизских душ только 317 человек согласились на выкуп земли, а остальные крестьяне, не имея средств, не соглашаются, не имея положительного высочайшего повеления[4].

О том, как наделяли крестьян землей, какие угодья у них отбирали и какими методами навязывались крестьянам уставные грамоты, можно судить по таким примерам. При проверке уставной грамоты в с. Переволоки Сызранской конторы крестьяне не согласились со многими пунктами уставной грамоты.

---

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, 1952, стр. 35.
[2] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 906; лл. 13—16.
[3] Там же.
[4] Там же. лл. 83—84.

Прежде всего у крестьян отрезали 275 десятин лучшей земли, в том числе 42 десятины по реке Усе, 72 десятины в урочищах Муравейной дубравы с берегом Волги и площадь в самом селении. Но такая отрезка, по заявлению крестьян, «хотя и из более отдаленных концов пашни, лишает их лучшей пашни». Земля же между оврагами Битым, отдаваемая крестьянам, хотя и значится по плану пахотной, но она «неудобная, каменистая, которая ими никогда не пахалась». Отрезку площади в самом селе Переволоках крестьяне также считали незаконной потому, что лишь те площади не включались в состав крестьянской оседлости, с которых удельное ведомство получало доход», а эта площадь неизвестно почему называется Базарною (между тем, как в селении базара никогда не было), никогда дохода не доставляла и ныне не доставляет». Крестьяне не соглашались и с отрезкой от них поемного луга в Малом Телячьем острове, «так как этот луг есть самый близкий к селению»[1].

Переволокские крестьяне в самой категорической форме возражали против тех земель, которые удельным ведомством включались в состав крестьянских наделов. Им включали 312 десятин выгону, которым крестьяне никогда не пользовались, к тому же эта земля считалась всегда неудобной, «и на каком основании эта земля ныне положена в счет земли удобной», крестьянам неизвестно. Что же касается 1350 десятин пахотной земли, то и она «состоит большею частью из солончаков, между тем, как в грамоте значится в этом участке пашни 1556 десятин». У крестьян было много других принципиальных замечаний по содержанию уставной грамоты, но с этими замечаниями и требованиями мало считались представители удельного ведомства[2].

В уставной грамоте, составленной для крестьян с. Переволоки, как в зеркале, отражена сущность реформы, проводимой Департаментом уделов.

Удельные крестьяне с. Печерского Сызранского имения не согласились с условиями уставной грамоты, выразив свое желание жить по-старому[3]. У большинства крестьян Сызранского, Самарского, Симбирского удельных имений отрезали большое количество земель. Даже у малоземельных казанских крестьян нашли землю, превышающую высшие наделы и отрезали ее. По 14 уставным грамотам Казанского имения отрезали 7383 деся-

---

[1] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 905; лл. 43—45.

[2] Там же.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 1885; л. 149.

тины лучшей земли[1]. Так, например, у крестьян с. Сухая Река отрезали 934 десятины, села Осиново — 2350 десятин, д. Караваевой — 1585 десятин, д. Кадышевой—394 десятины и т. д[2].

В 1864 году из составленных 177 уставных грамот для удельных крестьян Самарской губернии, только по 36 грамотам не было отрезок. По остальным 141 грамотам отрезки распределялись следующим образом:

по 42 грамотам предлагалось отрезать от 1 до 5% земли
„ 30 „ „ „ „ 5 „ 10% „
„ 38 „ „ „ „ 10 „ 20% „
„ 15 „ „ „ „ 20 „ 30% „
„ 11 „ „ „ „ 30 „ 50% „
„ 5 „ „ „ „ свыше 50% „

Чтобы убедиться в этом, приведем данные только по некоторым селениям Самарского удельного имения[3]:

Название селения	Число ревизских душ	Находилась земли в пользов. крестьян (десят.)	Надел по уставн. грамоте (десят.)	Подлежит отрезке (десят.)	Процент уменьшен.
Ставропольский уезд					
с. Малая Кандала . .	942	7281	6107	1174	16
с. Большая Кандала . .	1172	6349	5449	900	14,2
с. Ст. Еремкина	502	4623	3376	1247	27
с. Белый Яр	1389	17638	14485	3153	17,8
д. Пискалы	780	6060	5016	1044	17
Самарский уезд					
с. Кривая Лука	476	6608	4970	1638	24,8
с. Хмелевка	1320	9114	6416	2698	29,6
Николаевский уезд					
д. Сухая Вязовка . . .	488	9140	3127	6013	60,6
с. Яблонский Враг . . .	782	8524	4692	3832	45
Бузулукский уезд					
с. Устевка	1572	13400	10533	2867	21,3
с. Грачевка	790	6716	5136	1580	23,5
д. Ивановка	432	4098	2592	1506	37,5

---

[1] Там же, д. 42, л. 32.
[2] Там же, л. 24.
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 24, д. 69; лл. 2—45. Г. И. Богатикова, стр. 314.

У крестьян 21 селения Симбирского уезда, владевших 37 тысячами десятин земли, отрезали более 8 тыс. десятин, сократив крестьянские наделы с 6,3 дес. до 5 дес. на одну ревизскую душу[1]. У крестьян Среднего Поволжья в результате реформы предполагали отрезать земли: в Самарской губернии — 120092 дес., Симбирской — 78898 дес., Казанской — 7283 дес., а всего — 207273 десятины земли[2]. Правда, при окончательном отводе земли у крестьян отрезали 178862 десятины[3].

Отрезки породили чересполосность в землепользовании удельных крестьян. Часто на пути к крестьянским полям, лугам или выпасам лежали удельные земли.

Через 10—15 лет бывшие удельные крестьяне, чтобы ликвидировать чересполосное расположение земель, обменивали свои удобные земли на неудобные. Так, для избежания чересполосности крестьяне г. Сызрани согласились взять лесную заросль «большею частью по каменистому грунту, а также и кустарник по оврагам и низким местам—всего 366 дес. 2190 саж. за половину этого количества удобной земли в 183 дес. 1095 саж. поступающей в удел в одном месте[4]. Крестьяне Старых Костычей Байдеряковской волости с этой же целью взяли 99 дес. «пустынного оврага» и около 360 дес. других неудобных земель за половину этого количества удобных земель в пользу удела.

Базарные и торговые площади, расположенные в больших удельных селениях, в свое время превращенных уделом в оброчные статьи, впоследствии были проданы крестьянам по баснословным ценам. Крестьяне 27 селений Симбирской и Казанской губерний выкупили 105 десятин базарных площадей за 66.744 рубля, или за каждую десятину заплатили по 635 рублей[5]. Пользуясь малоземельем крестьян, Департамент выгодно продавал и другие «отрезки», участки бывшей общественной запашки, земли уничтоженных мельниц, усадебные места и т. д. За 20 лет с 1865 по 1885 гг. Департамент уделов только в Симбирской и Казанской губерниях продал малодоходные мел-

---

1 Там же, оп. 34, д. 72, лл. 9 — 38.

2 ЦГИАЛ, ф. 515, оп: 34, д: 1855, л. 147 — 168, 293 — 295, 303 — 304; 807, лл. 34 — 35, 36 — 40, д: 42, лл. 21 — 105.

3 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 779; лл. 132.

4 Там же, д. 1885, л. 69, д. 799; л. 83.

5 ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1371; лл. 1—71

кие земельные участки в количестве 3.973 дес. за 707.868 рублей, или по 175 рублей за десятину[1].

В период введения уставных грамот удельное ведомство наделяло крестьян непригодными, ранее не обрабатываемыми землями.

Так, «от перечисления в числе излишней ширины улиц и дорог неудобных земель, оказавшихся по осмотру удобными, от расчистки опушек леса и от зачисления в крестьянский надел кустарниковых зарослей» — только по Сызранскому удельному имению, — далеко по не полным сведениям, зачислено в крестьянские наделы 14 тыс. десятин земли[2]. Естественно, что крестьяне резко протестовали как против зачисления в надел непригодных земель, так и высоких выкупных платежей. Удельные крестьяне с. Калды Сенгилеевского уезда жаловались губернскому по крестьянским делам присутствию, что по уставной грамоте у них отобрали для удельной мельницы 14 десятин земли, на которой находятся крестьянские пчельники, дегтярный завод и кирпичные сараи, а им выделили для прогона болото, через которое «невозможно прогнать для пастьбы скот». У этих крестьян отрезали у самого села 95 десятин земли и отдали земельный участок, отобранный у соседних крестьян, находившихся в 25 верстах от с. Калды[3].

Многие крестьяне общества, протестуя против неправильного наделения землей, не принимали уставных грамот, отказывались подписать их. Свыше 40 проц. крестьянских обществ Среднего Поволжья в первые месяцы проведения реформы не желали принимать уставные грамоты. Мотивами отказа принимать уставные грамоты являлись или большие отрезки, или плохое качество земли, или большие выкупные суммы. Крестьяне с. Береговые Сыреси Ардатовского уезда отказывались подписывать уставную грамоту на том основании, что им представляют не полный надел земли. Крестьяне с. Царакина и д. Черной Промзы отказывались принять уставную грамоту, потому что «земля дурна». Крестьянские общества Наченальской волости Ардатовского уезда, за исключением двух селений, по тем же мотивам не приняли уставных грамот[4].

Крестьяне с каждым днем убеждались, что многие уставные грамоты составлены несправедливо. Поэтому введение уставных грамот в жизнь происходило очень медленно.

---

[1] Там же.
[2] ЦГИАЛ, 515, оп. 34; д. 75; лл. 15—16; 135—137; 185—189; 200—213.
[3] ГАУО; ф. 322; оп. 4, д. 247, лл. 110—111.
[4] ЦГИАЛ, ф. 515; оп. 34, д. 62, лл. 17—24; 27—29.

Почти через год после обнародования Положения только крестьяне 15 селений Симбирского имения согласились выкупить земельные наделы, определенные уставными грамотами[1].

Больше всего отказывались принимать уставные грамоты крестьяне Самарского имения, что отметило в июле 1864 года Самарское по крестьянским делам присутствие[2].

График составления и введения уставных грамот нарушался упорным сопротивлением крестьян, которые протестовали против условной реформы. Так, с июня 1863 по июнь 1864 гг. по всем удельным имениям должны быть составлены все уставные грамоты. На самом же деле только к сентябрю 1864 года из 6.258 намеченных первоначально к составлению уставных грамот было составлено только 3.135, т. е. немногим более половины. Только по Алатырскому имению уставные грамоты были составлены в срок. По одиннадцати удельным имениям — Вятскому, Владимирскому, Вельскому, Костромскому, Новгородскому, Самарскому, Саратовскому, Сарапульскому, Симбирскому и Сызранскому — составление уставных грамот закончилось к июню 1865 года, т.е. «ко времени, когда должно было закончиться не только составление, но и введение в действие»[3].

Чиновники, проводившие реформу, вводили уставные грамоты правдами и неправдами; в 1865 году крестьяне д. Новые Кармалы Самарского уезда обратились к губернатору с жалобой на беззаконные действия посредника и удельных чинов. Крестьяне писали, что их вызвали в волостное правление и в присутствии станового пристава, мирового посредника «заставили подписать какую-то бумагу, не объясняя, в чем она заключается. Но когда мы стали о том просить означенных чинов, то они нас разными угрозами принудили подписать, почему осмеливаемся просить в пр-ство приказать кому следует, сделать дознание, в чем именно заключается эта подписка, и о последствиях нам объяснить»[4].

В конце 1864 года из 173 грамот Сызранского имения крестьяне подписали только 70, остальные 103 грамоты не были подписаны крестьянами, «вследствие непонимания Положения и ложных толков, распространившихся большею частью из Самарской губернии и Алатырского уезда Симбирской губернии»[5].

---

[1] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 283; л. 60.
[2] ЦГИАЛ; ф. 515; оп. 37, д. 2, л. 16.
[3] Г. И. Богатикова, цит. работа, стр. 206.
[4] Куйбышевский госархив, ф. 3, оп. 14, д. 70; л. 2.
[5] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 42; л. 337.

К началу 1865 года из 876 уставных грамот, составленных для удельных крестьян Среднего Поволжья, в действие было введено всего 617, или 70,6 проц.[1]. Только путем принуждения, часто при помощи воинской команды, к осени 1865 года были почти полностью введены грамоты в удельных селениях Среднего Поволжья[2].

Наименование удельных имений	Число душ удел. крестьян	Требов. состав устав. грамот	Миров. поср. утвер. грамот	Назнач. земли в надел (десят.)	На одну душу (десятин)
Алатырское	88844	221	215	310286	3,4
Самарское	99270	195	194	682975	6,9
Сызранское	87427	173	173	400816	4,5
Симбирское	76536	287	287	362196	4,7
Итого:	352077	876	869	1736273	4,8

Средние размеры надела, приведенные в таблице, не отражают действительного положения вещей[3].

Реформа 1863 года не ликвидировала неравномерного распределения земель между крестьянами; там, где было малоземелье, оно осталось и в пореформенный период. «Одной из особенностей реформы удельных крестьян, — как справедливо пишет П. А. Зайончковский, — является крайне неравномерное наделение их землей не только в пределах одной губернии, но даже и волостей»[4]. Даже в многоземельной Самарской губернии были относительно малоземельные крестьяне[5].

По данным 1870 года, в результате реформы 825947 удельных крестьян России получили 3.983.318 десятин земли. Удельное ведомство отрезало от крестьянских земельных угодий 410.123 десятины, что сократило крестьянское землепользова-

---

[1] Там же, д 47, л. 98 107; 108; оп. 34.

[2] Там же; д. 1853, оп. 34, л. 71.

[3] Приведенная таблица имеет расхождение с другими уже опубликованными в работах данными. Это объясняется изменениями административного деления между губерниями, происшедшими после реформы, см. работу П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России». М. 1954, ст. 189—196. т. У, д. П.

[4] Зайончковский П. А. «Отмена крепостного права в России» М. 1954 год, стр. 19.

[5] ЦГИАЛ, ф. 1181, т. XV, д. 2; ч. 1, лл. 150—157; ф. 515; оп. 33; д; 66.

ние по сравнению с дореформенным периодом примерно на 10 проц.[1]

Удельные крестьяне Среднего Поволжья по данным 1870 года получили земли[2]:

Губернии	Число душ наделен. земли	В пользов. крестьян по инотр. из- мер наход. до реформы (дес.)	Назначено в надел земли		% сокращен. землепользования удельн. крестьян
			всего дес.	на душу дес.	
Казанская	15658	69356	61973	3,9	более 10
Самарская	119390	921009	807815	6,8	12,2
Симбирская	236483	10 8629	1011918	4,2	5,3
Всего:	371531	2058994	1881736	—	9,3

По сравнению с дореформенным периодом удельные крестьяне Среднего Поволжья потеряли земли: по Казанской губернии по 0,5 дес., по Самарской — 0,9 дес. и по Симбирской губернии — 0,2 десятины на одну душу. Особенно ощутимо было это для малоземельных крестьян Казанского имения.

Большинство исследователей внесло много путаницы в вопрос наделения удельных крестьян землею. Буржуазные исследователи распространяли мнение о том, что в результате реформы крестьяне не только не потеряли землю, но значительно увеличили ее размеры.

Л. В. Ходский в своей работе «Земля и земледелец», изданной в 1891 году, приводит следующие данные о землепользовании удельных крестьян Казанской губернии[3].

Накануне реформы:

Название губернии	Число душ удельных крестьян	У них в пользовании:			
		тяглов земли (дес.)	запасн. земли (дес.)	итого	в среднем на ревиз. душу земли
Казанская	15697	53420	2853	55273	3,5

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 799, л. 132. В диссертации Г. И. Богатиковой приводятся другие данные. В дореформенное время, утверждает она, в распоряжении удельных крестьян находилось 4259833 дес. всех земельных угодий. По положению 26 июня 1863 г. крестьянам отвели 4111675 дес., отрезав у них 394841 дес. земли (цит. работа, стр. 227).

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 799, л. 132.

[3] Л. В. Ходский, Земля и земледелец, СПб, 1891, ст. 123.

В этой же книге Л. В. Ходского приводятся другие данные о землепользовании удельных крестьян Казанской губернии в 1878 году.

Название губернии	Число ревизских душ	У них десятин земли	Средний размер на ревизск. душу
Казанская	15386	60651	3,9

Сравнивая эти таблицы, приведенные в работе Ходским, мы видим их несостоятельность. В первой таблице он указывает, что у крестьян Казанской губернии накануне реформы было тягловой и запасной земли вместе взятой — 55273 десятины, а во второй таблице те же крестьяне в пореформенный период уже имели, по его словам, земли — 60651 десятину. Спрашивается, откуда же у крестьян появилось 5978 десятин земли? Если допустить, что удельные крестьяне Казанской губернии получили обратно и ту землю, которую у них отрезали в результате реформы 7263 дес., то и тогда не получается цифры, приведенной Ходским.

Неправильные утверждения содержатся в работах и советских историков. «Удельные крестьяне, — пишет Е. Мороховец, — сохраняли, однако, полностью свои наделы, находившиеся в их пользовании до реформы, в тех же местах, где фактический надел удельных крестьян был меньше нормального надела... удельные крестьяне получали даже соответствующую прирезку»[1].

Для того, чтобы понять до конца землепользование удельных крестьян и то, что они получили в результате реформы, необходимо привести еще несколько цифр. Казанская удельная контора за время своего существования (1808—1860 гг.) была стабильной в смысле количества угодий и удельных крестьян. Там не происходило никаких обменных операций, как это было в Симбирской губернии. По статистическим данным 1820 года в пользовании удельных крестьян Казанской губернии находилось всех угодий вместе с лесом — 99871 дес. земли. Из них под селениями числилось — 1281 дес., под пашней — 38553 дес., под сенокосом — 12483 дес., неудобной земли — 5435 дес., а всего (без леса) — 57752 десятины[2]. В это время на одну ревиз.

---

[1] Е. Мороховец, Крестьянская реформа 1861 г. М. 1937 г. стр. 148.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, оп. 126; лл. 58—59.

скую душу приходилось, если учесть, что в 1820 году там числилось 11.582 души мужского пола, до 4,9 дес. В 50-х гг. в результате инструментального измерения, количество земли увеличилось до 69356 десятин. Но вместе с этим у крестьян отобрали земли общественной запашки, «излишние» земли и по реформе им досталось только 61973 дес. За 40 лет, с 1820 по 1860 год, землепользование удельных крестьян сократилось с 4,9 дес. в 1840 г. до 3,9 дес. в 1863 г., или на каждую душу оно сократилось по одной десятине. Все вышеприведенные данные говорят не в пользу Ходского.

Сравнивая данные земельных наделов удельных крестьян с другими разрядами, можно сделать вывод, что удельные крестьяне получили в надел земли больше, чем помещичьи крестьяне и меньше, чем государственные крестьяне. В этом нас убеждают следующие данные[1].

Губернии	Бывшие помещичьи крестьяне	Бывшие удельные крестьяне	Бывшие государственные крестьяне
Самарская	3,5	6,7	10,3
Симбирская . . .	2,7	4,2	7,3
Казанская . . .	2,7	3,9	5,2
Средний надел:	2,9	4,6	7,4

Таким образом реформа 1863 года была проведена в интересах Департамента уделов — императорского дома Романовых. О том, какие выгоды получило удельное ведомство от реформы, свидетельствует небольшое имение той же Казанской губернии. В 1864 году управляющий Казанского удельного имения писал: «Сравнивая удельный доход по Казанскому имению в последние 4 года, цифры оного выражаются так: в 1861 году 61750 рублей, в 1864 году — 61864 — 71537 рублей. По устройстве же поземельных отношений ожидается 96525 руб.». Надежды управляющего оправдались. Уже через два года в сумму удельных доходов вошли ежегодные крестьянские выкупные платежи за землю 45836 руб., доходы с земель, отрезанных у тех же крестьян — 13259 рублей, с оброчных статей и

[1] П. А. Зайончковский, цит. соч. стр. 193—196. В своей диссертации Г. И. Богатикова приводит другие цифры, которые имеют большие расхождения с вышеприведенными данными проф. Зайончковского П. А. (см. Г. Богатикова цит. работа. стр. 265).

леса 32150 рублей., а всего в 1866 г. получено удельных доходов по Казанскому небольшому имению 91245 рублей[1].

Департамент уделов от выкупной операции получал большие доходы, выколачивая с бывших удельных крестьян свыше 3 млн. рублей ежегодно. Кроме того, удельное ведомство путем специальных отчислений, отчасти за счет государства, создавало так называемый **выкупной капитал**, который из года в год должен был постоянно увеличиваться. Мы берем данные только по десятилетиям (в рублях)[2].

Годы	Сумма, подлежащая к ежегодному отчисл. из выкупных платеж.	Количество ежегодных процентов за выкупн. суммы	Общая сумма, подлежащая к отчислен. в выкупн. капитал	Выкупной капитал
Второе полугодие 1865 г.	146014	7301	153315	153315
1866	292028	22267	314295	467610
1876	292028	219926	511954	4618439
1886	292028	541891	833919	11379702
1896	292028	1066337	1358365	22393087
1906	292028	1920606	2212634	40332730
1914	292028	2969739	3115733	62364534

В состав выкупного капитала вошли 13,7 млн. рублей, которые по Положениям 1861 года должны отчисляться в пользу министерства финансов, бравшего на себя расходы по выкупной операции.

В отличие от помещиков, которые получали от государства на выкупной капитал выкупные свидетельства, банковые билеты и т. д., удельное ведомство получало из Государственного казначейства за бывших удельных крестьян наличные деньги.

Для удельных крестьян «освобождение» обошлось слишком дорого. Они в течение 49 лет должны были внести до 150 млн. рублей выкупных платежей, в то время как стоимость выкупаемой земли определялась самим удельным ведомством в 48.699.834 рубля. Удельное ведомство продало крестьянам зем-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34. д. 74, лл. 129—163.

[2] Там же, оп. 23, д. 327, лл. 50—53.

лю в 3—4 раза дороже, чем она стоила на самом деле. Стоимость еще больше увеличится, если вспомним, что у крестьян Среднего Поволжья отрезали 1788998 дес. земельных угодий, или до 10 проц. их бывших наделов. Тяжесть реформы 1863 года усугублялась тем, что крестьяне в состав своих наделов получили пески, солончаки и даже часть дорог, ширина которых определялась Положением. В связи с отрезками земли и сокращением крестьянских наделов, бывшие удельные крестьяне платили выкупные платежи больше от прежних крестьянских оброков.

Реформа 1863 года, осуществляемая путем земельных отрезок, породила чересполосное расположение земель, она лишила крестьян удобных водопоев, выгонов, лугов и пашен, она поставила крестьянские массы в прежнюю зависимость от удела.

Получив небольшие участки земли, крестьяне вынуждены были арендовать на самых тяжелых условиях удельную землю, они вынуждены были идти снова в кабалу удельного ведомства. Так же, как и помещичьи крестьяне, они выкупали не только землю, но и свои феодальные повинности, они платили **«выкуп, т. е. дань** вчерашним рабовладельцам»[1]. Выкупные суммы разоряли хозяйство большинства удельных крестьян, делали их совершенно нищими. «Крестьяне в **большинстве** губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало».[2]

После реформы 1863 г. в удельной, так же как и в помещичьей деревне, сохранились пережитки старого, феодально-крепостнического строя. Эти пережитки выражались, прежде всего, в сохранении общины, общинного землепользования, в круговой поруке по отбыванию всевозможных повинностей и выкупных платежей. Органы так называемого крестьянского управления полностью были поставлены на службу и в зависимость от уездных и губернских властей.

Реформы 1861 и 1863 гг. не разрешали аграрного вопроса в России, они лишь на время смягчили конфликт между произ-

---

[1] В. И. Ленин, соч. т. 17 стр. 65.

[2] Там же.

водительными силами и производственными отношениями. Реформы только оттянули на время революционный взрыв в стране, только отсрочили буржуазную революцию в России. И после реформы 60-х годов XIX века основным национальным вопросом оставался «аграрный (даже уже крестьянский) вопрос»[1].

РАЗДЕЛ I

Крестьянские волнения в удельной деревне в связи с реформой (1863—1868 гг.).

Удельные крестьяне так же, как и помещичьи, ответили на реформу массовым неповиновением.

Как только было обнародовано Положение, удельные крестьяне вначале встретили его настороженно, а затем враждебно. Крестьяне видели, что в связи с реформой они потеряют прежние земли, а за наделы заплатят огромные суммы денег, что вконец разорит крестьянское хозяйство. Резко протестуя против условий Положения, крестьяне и выступили против удельного ведомства, местных, уездных и губернских властей.

Волнения удельных крестьян в Самарской губернии. Крупные волнения удельных крестьян вспыхнули в Самарской губернии. Причинами этих волнений являлись большие отрезки и высокие выкупные платежи.

В Самарской губернии основными земельными собственниками были помещики и удельное ведомство.

Еще в период проведения крестьянской реформы 1861 года помещики слабо заселенных заволжских губерний, в том числе и Самарской, стремились к безземельному освобождению крестьян, к полному переходу от барщины к наемному труду. Они понимали роль земельных богатств и предвкушали в будущем большие барыши в связи с дальнейшим подъемом цен на землю. Самарские помещики в значительной мере и осуществили свои желания. Только этим можно объяснить, что 35 проц. крепостных крестьян Самарской губернии получили дарственные наделы, в чем не могла с ней сравниться ни одна губерния России.

Крестьяне этой губернии без сопротивления получили дарственные наделы, надеясь таким путем освободиться от выкуп-

---

[1] В. И. Ленин, соч., т. 16, стр. 103.

ных платежей за землю и арендовать ее у землевладельцев, т. к. арендная плата в то время была ниже выкупных платежей.

Естественно, что часть удельных крестьян Самарской губернии с выходом в свет Положения 1863 года также потребовала дарственных наделов по примеру наделения землей помещичьих крестьян. Положением 1863 года определялось обязательное наделение удельных крестьян полным наделом или наделом, которым они пользовались до реформы, и за выкуп. На почве отказа от полных наделов и выкупных платежей в отдельных селениях и даже целых волостях произошли крупные волнения удельных крестьян.

Волнения удельных крестьян происходили и по другим причинам. В тех селениях, где жили, главным образом, переселенцы из других губерний, такой причиной являлся отказ от всего надела и выкупных платежей. Отказавшись от надела, крестьяне стремились переселиться на свободные государственные земли — на Амур или на Кавказ. К тому же крестьян-переселенцев ничто не связывало на новом месте в Самарской губернии. По своей бедности они не могли обзавестись хозяйством, сдавали свою землю в аренду, а сами шли батрачить к зажиточным крестьянам.

В целом, волнения удельных крестьян в Самарской губернии носили разнообразный характер: крестьяне отказались от принятия уставных грамот, не обрабатывали своих наделов, не выполняли распоряжений начальства, на сходах выражали свое недовольство криком и шумом.

Крупные волнения удельных крестьян произошли в Самарском, Ставропольском и Николаевском уездах; в некоторых из них волнения подавлялись военною силою.

В 1863 году, в первые месяцы после опубликования Положения, когда в удельных конторах составлялись уставные грамоты и готовили мировых посредников, крестьяне не проявляли своего отношения к реформе. Но как только начали проводить в жизнь самую реформу, когда начали вводить в действие уставные грамоты, а затем требовать выкупных платежей, крестьяне сразу же и во многих местах высказали свое отношение к реформе и словами и действиями.

Первый слух о волнениях по поводу Положения 1863 года дошел в Самару в марте месяце 1864 года из Каменской волости Николаевского уезда. В мае этого года признаки волнения

появились в некоторых селениях Самарского уезда и большей половине Ставропольского уезда [1].

В Самарском уезде волнение началось среди удельных крестьян, переселенных из других уездов и губерний. Большинство из них прибыло с Украины и из Орловской губернии за 5—6 лет до реформы и поселилось в селениях Средняя Орлянка, Лопатино, Осокорник, Черная речка и Домашкины Вершины Самарского уезда. Многие из них были бедняками, которых голод и нищета заставили оставить родные места и переехать в дальнюю Самарскую губернию. Департамент уделов, в целях получения оброков, иногда разрешал переселение своих крестьян из малоземельной в многоземельную губернию.

Один из современников писал об украинских и орловских переселенцах: «Положение 26 июня застало их, кажется, на шестом году переселения на настоящем месте жительства и притом совершенными пролетариями: у них не было, как впрочем и нет и в настоящее время, ни порядочных усадеб, ни скота, ни хлеба; землю свою они не обрабатывали, а отдавали в наем соседним крестьянам и вообще так плохо хозяйничали, что не только не добывали средства на уплату повинностей, которые за них платил удел, но даже пропитались подаянием, собираемым их женами и детьми по окольным деревням»[2].

Естественно, что крестьяне-переселенцы, не имея инвентаря и лошадей, вынуждены были сдавать свою землю в аренду, а сами уходить батрачить к зажиточным крестьянам.

Переселенцы не успели осмотреться на новом месте, как с них, совершенно разоренных, снова начали требовать оброков, отбывания и рекрутской повинности. К таким требованиям прибавилось новое — по Положению 26 июня 1863 года им предъявили большие суммы выкупных платежей, которых они при всем желании никак не могли выплатить. Вот почему именно эти крестьяне в первую очередь выступили против условий самого Положения.

Не случайно, что среди них впервые в Самарском уезде и начали распространяться слухи и толки о подложности Положения, об обмане удельных крестьян уездными и губернскими властями.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37, д. 2, лл. 10—11.

[2] Куйбышевский госархив, ф. Самарского губернского по крестьянским делам присутствия, оп. 1, д. 786, лл. 78—79.

Вначале, еще до введения уставных грамот, крестьяне говорили, что как только они примут надел, то сравняются в платеже выкупных сумм с помещичьими. Затем крестьяне стали утверждать, что все, принявшие уставные грамоты, сделаются крепостными помещика. Крестьяне говорили, что помещиками у них будут мировые посредники, которым поручено заманивать в крепостную неволю посредством уставных грамот; другие крестьяне утверждали, что они будут у «министра» [1]. Вскоре эти слухи и толки распространились на всю Чернореченскую и отчасти на Преображенскую волости Самарского уезда.

Как только крестьяне-переселенцы Чернореченской волости узнали о скором вводе уставных грамот, о размерах надела и выкупных суммах, они решили тотчас же покинуть Самарскую губернию и переселиться в другое место. Крестьяне собирали деньги и посылали ходоков на Кавказ и Амур для разведывания местности, качества земли. Они посылали ходоков к царю в Петербург с просьбами, чтобы он освободил крестьян от выкупа и разрешил им переселиться в другое место. На сходах, собиравшихся в селениях, крестьяне выносили решение «не принимать надела».

Местные власти, боясь распространения неповиновения крестьян на другие селения, принимали экстренные полицейские меры в отношении переселенцев. Но эти меры, по утверждению мирового посредника, не дали желательных результатов.

Летом 1864 года мировой посредник собирал многочисленные крестьянские сходы, но результаты были теми же: все крестьяне Чернореченской волости отказывались избирать своих уполномоченных для участия грамот и на все замечания кричали в один голос: «От земли отказываемся, грамоту не принимаем»[2].

Особенно упорствовали крестьяне села Лопатино этой волости. Они первыми заявили о подложности Положения, они первые отказались принять уставную грамоту.

Под влиянием лопатинских крестьян, крестьяне других селений также отказывались от принятия уставных грамот. Свидетельством этого является убедительный факт: за 1864 год по 4 участку Самарского уезда было введено в действие только две уставные грамоты — в селе Дубовом Умете Чернореченской волости и в селе Новом Студенце Преображенской волости.

---

1 Куйбышевский гос. архив, ф. 174, оп. 3, д. 3398, л. 73.

2 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37; д. 2; л. 9.

И если в начале введения уставных грамот оказывали сопротивление только переселенцы, то вскоре такое неповиновение оказывалось крестьянами коренных удельных селений: с. Спиридонова (более 1.000 человек), с. Кривая Лука (476 чел.) д. Водяной хутор Преображенской волости.

Под влиянием разыгравшихся в соседних селениях событий крестьяне отказывались от принятия грамот даже в тех селениях, где они сначала были склонны принять уставные грамоты[1].

Не приняв уставных грамот и отказавшись от принятия надела, крестьяне не обрабатывали землю, отведенную в их пользование, отказывались обрабатывать землю духовенства, которое проповедями и назидательными беседами пыталось склонить крестьян к согласию на кабальные условия реформы.

В Чернореченской волости крестьяне продолжали бойкотировать уставные грамоты, ни в чем не уступая уездным властям. Мировой посредник 4-го участка Самарского уезда доносил своему начальству, что «процесс проверки и введения в действие уставных грамот обратился в одну излишнюю формальность, служащую только к большому раздражению крестьян»[2].

Уездные и губернские власти видели, как разгоралось почти во всех удельных селениях недовольство крестьян, как росло их желание до конца отстаивать свои требования. Тревожные слухи о неповиновении удельных крестьян в Самарской губернии дошли до Петербурга. В июне 1864 года член Департамента уделов генерал-майор Ананьев, посланный в Самарскую губернию для наблюдения за ходом реформы, доносил министру двора, а последний — царю о крестьянских волнениях. «Почти половина селений, — писал Ананьев, — находится в тревожном состоянии по поводу распространенных из неизвестных источников слухов о том, что будто бы оброк, определяемый по грамотам за целый душевой надел, будет взиматься впоследствии за каждую десятину надела. Это ведет к бурным сходкам и распространяющемуся все более и более требованию малого надела»[3].

Обыкновенные меры «внушения» не действовали на крестьян. Тогда уездные власти приступили к репрессивным мерам: одних крестьян пороли на месте, прямо на сходе, других отправляли в тюрьму. Многих старост Чернореченской волости

---

[1] Там же д. 2, л. 12,

[2] Куйбышевский госархив, ф. 174, оп 3; д. 3398; л. 75.

[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 27. д. 2 л. 1.

или сменяли с должности или жестоко наказывали, заключали в тюрьмы. Несмотря на жестокие меры, крестьяне не приступали к распашке земель, не выполняя возложенных на них повинностей[1].

Крестьяне села Лопатино долго ждали из Петербурга разрешения на переселение их из Самарской губернии. Когда был получен отказ, лопатинские крестьяне не поверили ему. Крестьяне деревни Домашкины Вершины в категорической форме отказывались принять ответ министра внутренних дел[2]. Крестьяне не хотели верить всем этим бумагам, независимо от кого и откуда бы они ни исходили.

От частных мер уездные и губернские власти перешли к массовым поркам крестьян и массовым арестам и показательным судам над руководителями крестьянских волнений. В 1865 году самарский уездный исправник в рапорте на имя губернатора писал, что введение Положения 1863 года в удельных селениях «сопровождалось в Самарской губернии большим затруднением». Удельные крестьяне, — продолжал он, — «беспрестанно обнаруживали на сходах дух недоверия, своеволие и ослушание, и беспорядки эти повторяются так часто..., что в этих случаях полезно действовать мерами административными»[3]. Меры административного принуждения в 1865 году стали применять на всей территории губернии.

Удельным крестьянам-переселенцам Самарского уезда, оказавшим свое решительное сопротивление, местные власти грозили самыми суровыми карами. Особенно упорное сопротивление оказали орлянские крестьяне[4], которые воспротивились не только уездным властям, но и своему непосредственному начальству—волостному правлению. Враждебные отношения крестьян к волостному начальству дошли до того, что волостной «старшина и помощник его боялись даже ездить в деревню».

Получив тревожные известия из Орлянки, губернатор приказал уездному исправнику «наказать крестьян за ослушание в административном порядке и строгими полицейскими мерами заставить их исполнять лежащие на них обязанности».

---

[1] Куйбышевский госархив, ф. Самарского губернского по крестьянским делам присутствия, оп. 1, д. 786; лл. 77—78.

[2] Куйбышевский гос. архив, ф. 174, оп. 3, д. 3398, л. 75.

[3] Куйбышевский госархив, ф. Самарского губернского по крестьянским делам присутствия, оп. 1, д. 786, лл. 77—78.

[4] Там же.

Выполняя приказ губернатора, уездный исправник вместе с солдатами и жандармами отправился в деревню Среднюю Орлянку. Но на сходе, в присутствии более 2 десятков солдат и жандармов, исправник встретил со стороны крестьян «самое дерзкое ослушание и упорство». По его распоряжению часть крестьян была немедленно отправлена в тюрьму, другая — жестоко наказана розгами. Но экзекуция не помогла, орлянские крестьяне не сдавались. Тогда пристав применил к орлянским крестьянам самые жестокие меры воздействия. Дело дошло до министра внутренних дел. Даже министр, по чьему приказанию жестоко подавляли крестьянские волнения, написал такую резолюцию: «Я нахожу, что, во всяком случае, угрозы и застращивания со стороны полицейских чинов неуместны и противозаконны»[1].

В сентябре 1864 года положение в Самарской губернии оставалось тревожным. Управляющий Самарской конторой сообщал в Департамент уделов: «К сожалению, нельзя сказать, чтобы обстоятельства изменились к лучшему, недоверие к грамотам и опасение, чтобы они не закрепостили крестьян — за министром, за посредниками, составляет явление почти общее, за весьма немногим исключением[2]. Крестьяне Черноречепской, Преображенской и Калма-Юровской волостей не признавали Положения, не подчинялись властям. Крестьяне этих волостей начали группами записываться в «казаки и мещане», составлять различного рода приговоры, смещать изменников — старост с должностей с запретом «принимать и носить установленные для них знаки». Протестуя против уставных грамот, крестьяне 19 селений Ставропольского и Самарского уездов в числе 5462 душ осенью 1864 г. отказались пахать землю, хотя и не имели «никаких промыслов», кроме хлебопашества[3]. Особым упорством отличались крестьяне 4-х деревень Ставропольского уезда и 9 деревень Самарского уезда. Характерной особенностью сопротивления было единодушное выступление русских, чувашских и мордовских крестьян. Совместно они выносили приговоры, совместно они расправлялись с теми крестьянами, которые нарушали крестьянские решения и самовольно выезжали в поле пахать землю[4].

---

1 Куйбышевский госархив, ф. 174, оп. 3, д. 339, лл. 74—81.
2 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37, д. 2, л. 51.
3 Там же, лл. 51—54.
4 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37, д. 2, лл. 51—54.

Удельные крестьяне других селений и волостей избирали иные формы борьбы с представителями власти.

Крестьяне селений Орловки, Черновки, Нижней Орлянки и Чекалина Тростянской волости в категорической форме отказались выплачивать выкупные деньги.

Крупное волнение удельных крестьян произошло в большом селе Хрящевке (3 тыс. населения) Ставропольского уезда. В этом и окрестных селениях с обнародованием Положения 1863 года разнесся слух о том, что оно подложное. И когда в село Хрящевку приехал удельный депутат Коновалов для выделения крестьянам земли, на сходе поднялся такой шум и крик, что депутату пришлось немедленно спастись бегством. Крестьяне восстали против выкупных платежей, против Положения и его тяжелых условий.

Вскоре в с. Хрящевку прибыли полицейские власти, наказали крестьян, а толкователей Положения арестовали и отдали под суд, но хрящевские крестьяне продолжали упорствовать и волноваться[1].

Слух о волнении хрящевских крестьян вскоре разнесся не только по всей Самарской губернии, но и за ее пределы. Удельные крестьяне других селений с огромным напряжением следили за событиями в Хрящевке. Но так как в Хрящевке события начали принимать затяжной характер, то и соседние селения вскоре последовали их примеру. Крестьяне так же, как и хрящевские, считали Положение 1863 года подложным, протестовали против выкупных платежей и требовали «царской десятины». Самовольные сходы крестьян, неповиновение начальству были повсеместными явлениями в Ставропольском уезде. Но среди крестьян были и такие, которые не принимали участия в этой борьбе, которые выжидали чего-то. Таких крестьян односельчане называли «изменниками, продающими общество уделу».

События в Ставропольском уезде разгорались очень быстро, недовольство крестьян нарастало с каждым днем, и это пугало представителей местной власти. Следователь доносил начальству, что «настроение умов в с. Хрящевке и в окрестных селениях весьма дурное, все внимание крестьян обращено на село Хрящевку, куда со всех концов, даже из Симбирской губернии, секретно, под разными предлогами, приезжают поверенные от

---

[1] Куйбышевский гос архив, ф. 154, оп. 1, д. 593, л. 72—73.

крестьян наблюдать за ходом дел и в поступках своих сообразоваться с хрящевскими крестьянами»[1].

Волнения крестьян Самарской губернии были направлены главным образом против тяжелых выкупных платежей, обременительных повинностей. Крестьяне этой губернии в среднем получали по 6 дес. на душу, или, сравнивая с Положением 1861 года для данной местности, они получали средний надел[2].

Но, получая средние наделы земли, крестьяне Самарской губернии должны были платить такие суммы денег, которые вконец должны были разорить крестьян, что в действительности и произошло, тем более, что Департамент уделов, имея в этой губернии достаточное количество оброчной земли, считал более выгодным для себя продать крестьянам всю землю, которой они пользовались до реформы, за исключением общественной запашки и тех земельных угодий, которые нужны были уделу.

Волнения удельных крестьян в Самарском имении заставили царя послать в Самару свитского генерал-майора Бобринского для прекращения «беспорядков в удельной деревне».

В 1865 году крестьянские волнения принимают еще более острый характер: приближался срок повсеместного введения уставных грамот и уплаты выкупных денег. Местные власти принимали все меры к тому, чтобы заставить всех крестьян принять уставные грамоты. И если в 1864 году губернские власти местными мерами кое-как удержали значительную массу крестьян в повиновении, то в 1865 году положение резко изменилось. Предвидя массовые крестьянские волнения, управляющий Самарской конторой в апреле 1865 года просил министра двора усилить в Самарской губернии «численность находящихся там войск».

Он сообщал о буйствах в селениях, крестьяне которых подвергнуты полицейскому наказанию, о том, что в других селениях «виновные арестованы и преданы суду». Управляющий конторой писал, что крестьяне Студенецкой волости Самарского уезда «уклонялись от возделывания своих полей, что в Ставропольском уезде «недовольство крестьян имеет более определенный характер, чем в Самарском». Он сообщал и другие неутешительные вести о проведении реформы, отмечая что некоторые крестьяне отказывались всем миром от платежа оброка, что недоимки и денежные сборы «за текущее

---

[1] Куйбышевский гос. архив, ф. 154, оп. 2, д. 593, л. 8.
[2] Там же, ф. 43, оп. 11, д. 395, л. 10.

полугодие идут весьма туго». Управляющий конторой заключал свое донесение: «Едва ли можно рассчитывать на то, что спокойствие сохранится и тогда, когда будут производиться отрезки»[1].

Не желая выкупать всю землю, крестьяне требовали дарственного надела, «царской десятины». Это для них казалось лучшим выходом из создавшегося положения.

Крестьяне селений Крестовые Городища, Кайболы и Красного Яра (около 4 тыс. человек) Ставропольского уезда, несмотря на угрозы и насилия, отказались от надельной земли и от взноса подушных податей; они требовали без выкупа ¼ общего душевого надела.

Во главе крестьян этих селений стоял грамотный крестьянин с. Крестовых Городищ Шабанин. Он говорил крестьянам, чтобы они отстаивали свои права, потому что всякое принуждение начальства несправедливо, «потеснят да отстанут, только постращают наказанием, а сделать ничего не сделают»[2].

Сопротивление крестьян этих селений распространялось на другие волости. В конце октября 1865 года ставропольский уездный исправник доносил губернатору, что в селе Крестовых Городищ «беспорядок и упорство в неплатеже выкупных денег так было сильно, что я вынужден был прибегнуть к самым энергичным мерам, едва в продолжение четырех дней водворен там законный порядок».

К крестовогородищенским крестьянам присоединились крестьяне соседних селений. Особенно упорно сопротивлялись властям крестьяне деревни Борли. «В деревне Борли упорство крестьян выражалось еще сильнее, — писал исправник. Тут в продолжение 4-х дней я не успел довести крестьян до сознания обязанности покориться закону, несмотря на наказание 2-х человек и отправки семи в тюремный замок, и какой будет здесь исход делу еще не известно. В прочих селениях Крестово-городищенской и Нижне-санчелеевской волостей сбор прекратился в ожидании, чем кончится дело в деревне Борли»[3].

В Крестовых Городищах за упорное нежелание платить выкупные платежи крестьян пороли, руководителей аресто-

---

1 ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37, д. 2, лл. 94—96.

2 Куйбышевский гос. архив, ф. 154, д. 7.

3 Там же, ф. 3, оп. 14, д. 47, л. 1.

вывали. Крестьянина Шабанина судили и посадили в тюрьму на несколько лет[1]. После ареста одних руководителей крестьянских волнений появились другие. Многих руководителей крестьянского сопротивления высылали в административном порядке в Архангельскую и Олонецкую губернии, но это не устращало крестьян. Крестьяне Городищ более 5 лет упорствовали, в категорической форме отказываясь платить выкупные деньги, отказываясь от надела[2].

Так, крестьяне деревни Гусарского городка Студенецкой волости Самарского уезда сразу же заявили, как только им предъявили уставную грамоту, что «они желали бы получить одну десятину, что с наделом им трудно справиться и с оброком не совпадает»[3].

Крестьяне д. Новой Кармалы Самарского уезда в декабре 1865 года также отказались от надела и выкупных платежей, определенных уставной грамотой. О настроении этих крестьян свидетельствует следующий факт. В день ввода в действие уставной грамоты в деревню Новую Кармалу приехал мировой посредник с приставом и казаками, «которые заставили крестьян подписывать грамоту нагайками». Нагайки, однако, не помогли. Односельчане в присутствии посредника и казаков призывали своих крестьян не повиноваться, отказаться от уставных грамот и выкупных платежей. Крестьянских вожаков арестовали, отправили в соседнее селение Шензаву и в присутствии многих крестьян «из других селений волости» жестоко наказали. Но и после расправы над крестьянами они не приняли уставной грамоты. Крестьянские вожаки были арестованы и преданы суду. В ответ на это крестьяне послали своих ходоков в Сибирь для подыскивания свободных земель, «думая переселиться туда и тем освободиться от надела». В 1865 г. эти же крестьяне послали своих ходоков к царю, но нигде они не нашли защиты.[4]

В Николаевском уезде волнения удельных крестьян достигли такой силы, что в отдельных селениях они подавлялись войсками. Причины волнения были те же: большие отрезки, высокие платежи.

В селе Сухой Вязовке этого уезда при введении уставной

---

1 Там же, ф. 154, д. 788, л. 5.
2 Там же, ф. 3, оп. 26, д. 8, лл. 49—50.
3 Куйбышевский госархив, ф. 174, оп. 1; д. 791; л. 2.
4 Там же, ф. 3, оп. 12, д. 70, лл. 10—12.

грамоты из 9.694 дес. земли, которой крестьяне пользовались до реформы, отрезали более 6.000 дес; а сумму оброка не изменили, что вызвало ропот и негодование вязовских крестьян[1].

Центром волнения крестьян Николаевского уезда было село Каменка. Крестьяне этого селения начали оказывать неповиновение еще до введения уставной грамоты. Так, в начале 1864 года на волостной сходке в с. Каменке волостной старшина Мироездов объявил крестьянам, что они наделяются шестидесятинным наделом земли с подпиской уплаты выкупных сумм. Крестьяне с. Каменки и д. Малой Таволожки, услыхав об этом, подняли шум и в категорической форме заявили о своем нежелании принимать надел за выкуп. После сходки крестьяне всей Каменской волости открыто стали сопротивляться властям. Волнение вскоре распространилось на крестьян Балаковской, Сухоотражской и других волостей. В селениях на самовольных сходах крестьяне избирали ходоков, посылали в уездные, губернские и центральные учреждения жалобы и прошения освободить от выкупных платежей и наделить их «дарственной десятиной». В просьбе крестьян Николаевской мировой съезд отказал. Тогда ходоки отправились в Петербург для подачи такой же просьбы царю и министру внутренних дел[2].

В обращении на имя министра внутренних дел ходоки просили освободить крестьян Каменской, Балаковской и Воздвиженской волостей «от принятия полного земельного надела» и «об отводе им вместо оного дарственной земли»[3].

В 1864 году в отдельные селения Каменской и других волостей вызывались военные команды. Крестьян десятками отправляли в тюрьму, судили. Но и это на них не действовало. Особенно бурно вели себя крестьяне в момент уплаты выкупных платежей. Все они наотрез отказались платить такие деньги. Уездные и губернские власти приняли снова самые суровые меры. Руководители крестьянских волнений сс. Каменки, Кашенки, Красного Яра и др. были арестованы. Еще раньше был арестован крестьянин с. Каменки Афанасий Пещерский, который на протяжении 2-х лет, с 1864 года по 1866, г., продолжал руководить крестьянами из тюрьмы. Один из чиновников

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37, д. 2, лл. 24, 38.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 37, д. 2, л. 5.

[3] Куйбышевский госархив, ф. 174, оп. 1; д. 784; лл. 143—145.

писал Самарскому губернскому правлению: «Крестьянин этот (Пещерский — **Н. Г.**) имел возможность частых сношений с каменскими крестьянами, руководит ими к отказу от уплаты выкупных денег. В устранении вредного влияния на крестьян сказанной волости со стороны Пещерского, прошу перевести его из Николаевского острога в Бугульминский»[1].

Многие из крестьян, отправленных в тюрьму, не хотели сдаваться властям, они считали себя глубоко правыми и стояли на своем. В 1867 году николаевский уездный исправник писал самарскому губернатору, что «содержащиеся под стражею крестьяне с. Красного Яра Гавриила Афанасьев и Василий Иванов остаются непоколебимыми в своей уверенности и при каждом посещении членами тюремного замка они отказывались своей невинностью и в сделанном поступке не оказывают ни малейшего раскаяния»[2].

Тюрьмы были переполнены крестьянами. Некоторые из них находились там по 2—3 года, других в административном порядке посылали в Вятскую, Астраханскую и Олонецкую губернии.

В 1867 году по распоряжению министра внутренних дел в Вятскую губернию был выслан крестьянин Пещерский «за превратное толкование Положения об удельных крестьянах». Через 2 года Пещерский отбыл срок ссылки и должен был возвратиться в родное селение. Мировой посредник на запрос губернатора о возможности возвращения этого крестьянина из ссылки отвечал, что Пещерского, находящегося в Вятской губернии «водворить в с. Каменку я нахожу несвоевременным». Тот же Пещерский в 1870 году «как неисправившийся в направлении своих мыслей, перемещен в Архангельскую губернию под строгий надзор полиции без срока»[3].

Другие крестьяне после пыток и истязаний умирали в тюрьме. В 1868 году Самарское городское полицейское управление доносило губернатору, «что содержащийся в тюремном замке крестьянин Николаевского уезда с. Каменки Евдоким Гощев 17 апреля волею божьею умер»[4].

По всем селениям Николаевского и другим уездам Самарской губернии силою, при помощи полицейских властей и даже казаков выколачивали выкупные деньги, отбирали у крестьян

[1] Куйбышевский госархив, ф. 174, оп. 1. д. 784, л. 18.
[2] Там же, л. 88.
[3] Там же, л. 166, 169, 181.
[4] Куйбышевский гос. архив, ф. 174, оп. 1. д. 784, л. 165.

последние пожитки, скот, инвентарь и все это продавали в счет недоимок. Многие крестьяне разорялись, нищенствовали.

В 1866 году крестьяне с. Каменки Николаевского уезда писали в уездный мировой съезд: «По распоряжению сельского начальства неизвестно нам, за что у нас продан последний скот, который составляет наше крайнее домашнее состояние, и впоследствии мы остаемся в самом бедном положении, почему докладываем гг. присутствующим Николаевского мирового съезда, что мы не согласны принять землю за выкупную сумму на 49 лет, по несостоянию имущества к платежу[1].

В 1867 году положение в Николаевском уезде не изменилось. Крестьяне упорно сопротивлялись, несмотря на то, что их разоряли и всячески стесняли. В этом году исправник писал губернатору, что бывшие удельные крестьяне Каменской, Балаковской и Воздвиженской волостей «со времени введения в действие удельных грамот уклонялись от платежа выкупных денег за отведенную в надел землю, надеясь получить таковую бесплатно и выкупные платежи до сих пор были взыскиваемы только усиленными мерами, а в некоторых селениях было даже открытое сопротивление местным властям и приводилось к порядку с помощью команды»[2].

Крестьяне в эти годы объясняли свой протест против выкупных платежей, доказывая, что наделы отводили им по уставным грамотам без согласия крестьян, что это «противозаконно»[3].

Борьба удельных крестьян против выкупных платежей затянулась на несколько лет. В 1868 году удельные крестьяне деревень Еремкиной, Исаковой и Ертучановой Бряндинской волости не принимали выделенных им наделов и не платили выкупных платежей[4].

Многие крестьяне Самарской губернии на протяжении 5—8 лет упорно добивались переселения на Кавказ для того, чтобы избавиться от принудительного надела и выкупных платежей[5].

Естественно, что недоимки крестьян с каждым годом все увеличивались. Самарский губернатор в отчете за 1867 год писал: «С 1861 г. недоимки по губернии возросли с 90 тыс. почти до 400 тыс., т. е. более чем вчетверо, и, конечно, не одни

---

1 Там же, л. 12.
2 Там же, л. 97.
3 Куйбышевский госархив. ф. 174, оп. 1, д. 784, л; 108.
4 Там же; д. 792, л. 15.
5 Куйбышевский госархив, ф. 3, оп. 21, д. 2; л. 100.

урожаи были тому причиной». Только в 1868 году за удельными крестьянами числились десятки тысяч рублей недоимок. По выкупным платежам их было значительно больше.

Волнения удельных крестьян Симбирской губернии. Симбирская губерния в отличие от Самарской губернии, была густонаселенной, и если в Самарской губернии помещичьи крестьяне легко соглашались с дарственным наделом, надеясь в будущем по дешевой цене арендовать землю, то в Симбирской губернии в период проведения реформы 1861 года подавляющее большинство помещичьих крестьян вело упорную борьбу за землю, которой они пользовались до реформы. В результате реформы 1861 года 40 тысяч помещичьих крестьян или 18,4 проц. всего крепостного крестьянства Симбирской губернии, получили дарственные наделы[1]. Остальные крестьяне в среднем получили до 2,4 десятины земли на одну ревизскую душу, вместо 2,9 десятин, находившихся в пользовании крестьян до реформы.

Помещичьи крестьяне Симбирской губернии отвечали на такое их ограбление повсеместным неповиновением[2].

Удельные крестьяне Симбирской губернии также испытывали земельный голод, они еще до реформы боролись за каждый клочок земли.

Поэтому, естественно, период проведения реформы волнения удельных крестьян в отдельных местах Симбирской губернии приняли более острые формы, чем в Самарской губернии. Основная причина этого заключалась в том, что удельные крестьяне Симбирской губернии были значительно хуже обеспечены землей, для них каждый отрезанный клочок земли представлял большую ценность, и потеря его угрожала многим крестьянам нищетой и разорением. Если в Самарской губернии крестьяне отказывались от больших земельных наделов и по причине больших выкупных платежей, то в Симбирской губернии крестьяне боролись за отрезки, за земли бывшей общественной запашки и против тяжелых выкупных платежей. Лесная Симбирская губерния издавна славилась различными ремеслами по обработке дерева, от леса кормились десятки тысяч удельных крестьян. По реформе все лесные угодья отходили в собственность удела, а с потерей леса крестьяне лиши-

---

[1] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. 1, 1952 г. стр. 590.

[2] Н. П. Гриценко. Очерки по истории Симбирска-Ульяновска и его области, ч. 1 (1648—1861); Ульяновск, 1948 г., стр. 191—214.

лись прежних ремесел — основного источника существования для многих крестьян. В многочисленной Симбирской губернии среди удельных крестьян было много чуваш, мордвы, татар, которые веками испытывали гнет со стороны царизма, помещиков и чиновничества. У них еще до реформы отбирали лучшие земли под видом запашки «излишних» земель, превратив их в оброчные статьи удела. В период введения уставных грамот крестьяне не хотели больше отдавать земли, требовали права пользоваться лесными угодьями. С введением уставных грамот все крестьяне осознали тяжесть предстоящих выкупных платежей за небольшие, а иногда и ничтожные земельные наделы. Все это вызывало острую борьбу крестьян за землю, за уменьшение выкупных платежей. Эта борьба выливалась в различные формы, часто в открытое неповиновение удельным чиновникам, уездным и губернским властям.

В период составления уставных грамот многие крестьяне не верили, что все это исходит от царя, что большие выкупные суммы и небольшие участки земли установлены Петербургом, и считали, что это самоуправство и обман со стороны удельных чиновников на местах. Отношение крестьян Симбирской губернии к чиновникам удельных контор, составлявших уставные грамоты, выразил отставной солдат из села Ясашной Ташлы Симбирского уезда Аникин. В разговоре с крестьянами о реформе он сказал в адрес удельных чиновников: «Вы думаете, что это начальство от государя? Нет! Им жрать-то не надобно давать, а плеснуть бы им горячей воды в глаза»[1]. Подобные угрозы крестьян имели место в селениях и других уездов.

Как только Положение было обнародовано и дошло до крестьян Симбирской губернии, среди них сразу же появились различные толки о предстоящей реформе, появилось много и толкователей Положения в лице отставных солдат, мелких чиновников, грамотных крестьян.

О том, как расходились слухи и толки о предстоящей реформе и как они действовали на крестьян, свидетельствует следующий пример. Задолго до введения в действие уставной грамоты селом Лунгою Ардатовского уезда шел из Петербурга в село Популеево в бессрочный отпуск унтер-офицер Яковлев. По дороге он встретился с отставным солдатом Исаевым и в питейном доме сказал ему, что «кто не подписал уставные грамоты, тому будет жить легче, а кто подписал, тот будет трижды

[1] ГАУО, ф. 340, оп. 6, д. 576; лл. 4—5.

проклят», причем Яковлев сообщил, что именно так сказал сам царь тем, кто ходил к нему с просьбами. Вскоре к Яковлеву начали обращаться другие крестьяне, расспрашивая его, и ему как прибывшему из Петербурга во всем верили. Другие крестьяне обычно получали вести о предстоящей реформе в людных местах и особенно на базарах. Так, крестьяне соседней с Лунгою деревней Канаклейки летом 1863 года ездили в село Астрадамовку на базар, и там они услыхали от крестьянина с. Теньковки Романова, разъезжающего по базарам и торгующего ложками, что «отец его ходил в Санкт-Петербург к царю, и царь велел заплатить по рублю за удар тем крестьянам, которых высекли розгами, а также за всю скотину, которая у них взята в Ардатове на базаре».

Под влиянием различных слухов и толков крестьяне не принимали уставных грамот, отказывались платить выкупные деньги, выполнять другие повинности. Крестьяне десяти селений: Канаклейки, Лунги, Монадыш, Колосова, Суродеевки, Сыресь, Популеева, Балдасова и Вечкус Ардатовского уезда на самовольных сходах постановили «не платить податей и поземельных сборов»[1].

Крестьяне этих селений Темин и Терехин говорили на сходах: «Не знай никакого начальства, а знай меня! За правду умрем. Выкупная сумма есть обман».

Центром крестьянских волнений стало село Береговые Сыреси, где жил Николай Темин, руководивший крестьянами девяти селений. Когда уездные власти не добились у крестьян уплаты выкупных платежей, они решили арестовать крестьянских вожаков Темина и Терехина. 30 ноября 1865 года был арестован в с. Тарханове Терехин. В этот же день пристав в сопровождении трех солдат отправился в с. Сыреси для ареста Темина. В доме Теминых пристав распорядился связать братьев Карпа и Николая Теминых, но они не дались солдатам. Пристав несколько раз выстрелил в Теминых, ранил их. В доме началась свалка, и «топор переходил из рук в руки». В момент драки подоспели другие крестьяне, которые избили пристава и его команду. Все же команде удалось сесть в сани и без шапок направиться в поле, но крестьянин Гарканов, стоявший за углом ударил колом коренную лошадь, она упала, а пристяжная, обрезав постромки бежала. Избитая и перепуганная команда с приставом спрятались у сельского старосты, но когда узнали, что в селе «бьют в сполох» и народ со всех сторон бежит с

[1] ГАУО, ф. 340, оп. 7; д. 253; лл. 83—86.

кольями, снова бросились на лошадей и ускакали в Тарханово. В этот же день крестьяне избили помещика-исправника Ардатовского уезда. Начались аресты, суд и расправа. На допросах крестьян жестоко избивали, от побоев умер в тюрьме Карп Темин. По решению суда Николая Темина сослали в Сибирь на поселение, его мать 73-летнюю старуху отправили на три года в тюрьму, других крестьян присудили к различным мерам наказания[1].

Крестьяне-чуваши 18 селений Курмышской волости начали оказывать неповиновение властям уже летом 1864 года. Они выступили против отрезков, требовали сохранить за ними всю землю, какой они пользовались до реформы.

Зимою же 1865 года крестьяне Курмышской волости все громче начали выражать свое недовольство, толки о земле стали сильнее и уже не в домах, а на сходах. На этих сходах, — показывал на следствии крестьянин Михайлов, — «судили о старых и новых порядках, т. е. о времени управления удела и мировыми посредниками, и об уставных грамотах и всегда кончалось тем, что старый порядок лучше: и земли было много, лесу давали, а по новому земли хоть и дадут, а лесу ничего. Не обманывают нас, чуваш?»[2].

Крестьяне волости считали, что при прежнем положении, хотя и очень тяжелом, они имели земли столько, что могли отбывать повинности и кормить себя. Явный грабеж крестьян не укладывался в их головах, и «все крестьяне усвоили мысль, что это не от царя, а от господ», потому и отказывались принимать уставные грамоты и выполнять распоряжения властей.

Особенно бурно крестьяне начали вести с апреля 1865 года. Крестьяне, заподозрив своих старост в измене, начали на сходах избивать их, смещать с должностей и вместо неугодных старост избирали новых. Так было в деревнях Итеках, Каликасовой, Токтамышской и др.[3]. 19 апреля в деревне Аликовой на крестьянском сходе этой и окрестных деревень избили волостного судью Нетрова и другого Михайлова за то, «что они их предали и подписали за всех уставную грамоту; сельского старосту Степанова кричали даже убить». Степанову удалось спрятаться. На этом сходе крестьяне говорили, «что триста человек могут для своей пользы убить троих и то ничего не будет».

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 7; д. 253; лл. 29—110.
[2] ГАУО, ф. 340, оп. 6; д. 409; л. 132.
[3] ГАУО, ф. 340, оп. 6; д. 409; лл. 14—17.

20 апреля в деревне Мочев на сходе крестьяне допрашивали односельчанина Андреева, обвиняя его в том, что он без ведома крестьян подписал уставную грамоту, откуда Андреева повели в деревню Токтамыш и там его жестоко избили[1].

Волнения крестьян Курмышской волости принимали угрожающий характер. Они расширялись, распространяясь на крестьян других волостей. В начале июня крестьяне Четаевской волости избили своих старост и старшин, отказавшись от принятия уставных грамот и выполнения повинностей[2].

Там, где приставы арестовывали крестьянских вожаков, крестьяне немедленно собирались из разных селений и с шумом отбирали у полиции своих крестьян. Пристав 1-го стана доносил своему начальству, что во всех селениях, где он допрашивал крестьян, они отказывались от уставных грамот и заявляли, что эти грамоты присланы не царем, а составлены министром, «а их землю купят купцы»[3].

Крестьянские волнения еще больше усилились, когда в селения прибыли землемеры для окончательного отвода крестьянских наделов. В ответ на это крестьяне отказались давать рабочих в помощь землемерам, не допускали их к отрезкам и заявляли, что они не позволят отбирать у них землю. Больше того, крестьяне жгли межевые столбы, поставленные землемерами и мерщиками в 1864 году[4].

В июне 1865 года в чувашские селения отправились уездный исправник, мировой посредник и пристав «для внушения их обязанностей и для прекращения беспорядков». Допросы и порки крестьян начались повсеместно. На месте уездные власти установили, что волнения крестьян Мочеевского, Бурман-Косинского, Аликовского, Ижексеевского, Токтамышского, Четаевского, Тоганавского, Шумиевашского, Ямашского, Митар-Касинского и Хваду-Касинского обществ начались с апреля и дошли до таких размеров, что крестьяне «оказывают явное ослушание лицам сельского управления, мировому посреднику и административным властям, дозволяют себе бить сельских старост, собирать самовольно сходы[5].

Но ни мировой посредник, ни уездный исправник не могли успокоить крестьян, попытались провести в селениях сельские

---

[1] ГАУО, ф. 340, оп. 6, д. 409, лл. 25—26.
[2] Там же, л. 23.
[3] Там же, л. 31.
[4] ГАУО, ф. 340, оп. 6, д. 409; лл. 38—39; 47.
[5] Там же, л. 58.

сходы для внушения и ареста крестьянских вожаков. Но, по их собственному признанию, желаемых результатов они не добились. В какое бы селение они ни приезжали, крестьяне не являлись на сход. Так было в деревнях Хирлу-Касах, Токтамышах, Шелеях, Мочеях и др.[1].

Наконец, властям удалось собрать сход в селе Четаях, куда явилось самовольно более тысячи крестьян из окрестных селений, и, когда исправник начал разъяснять Положение, крестьяне закричали, что «им все это давно говорено», что «они нового ничего не хотят, а желают остаться на прежнем положении, что удельные леса, прилегающие к их наделу, должны принадлежать им безвозмездно, потому что их вырастил бог»[2].

Исправник с мировым посредником вынуждены были бежать со схода и обратиться за помощью к предводителю дворянства Пазухину. Чиновники вместе с Пазухиным снова отправились в село Четаи, собрали сход, но крестьяне по-прежнему «кричали одно, что земля, которою они владели, и удельные леса, прилегающие к их земле, должны принадлежать им». Волнение крестьян начало принимать исключительно угрожающий характер. Крестьяне в своих селениях создали свое самоуправство и категорически отказывались признавать власть любого начальства.

Симбирский губернатор, узнав о событиях в чувашских селениях, распорядился направить в Курмышский уезд батальон солдат Самарского полка. Его направили в деревню Токтамыш — центр крестьянского волнения.

11 августа деревня Токтамыш была занята солдатами. Часть крестьян при появлении солдат бежала из деревни. Весть о появлении воинской команды немедленно облетела все селения Курмышской волости. В соседних селениях готовились дать отпор солдатам.

Офицеры батальона, боясь нападения крестьян, в ночь с 11 на 12 августа поставили вокруг селения цепь солдат «в предупреждение побега токтамышских крестьян и могущего быть по случаю прихода военной команды нападения других крестьян этой волости». Опасения офицеров оправдались. На рассвете 12 августа в деревню Токтамыш устремился толпами народ и одна толпа до 1000 человек прорвала цепь, но была остановлена солдатами. Другие крестьяне в разных направлениях, на лошадях и вооруженные кольями, также угрожали

[1] Там же, л. 59.
[2] Там же, л. 60—61.

прорваться в деревню. Толпу крестьян удалось окружить. От крестьян потребовали, чтобы они сдались, но они закричали: «Не повинуемся, пусть придет к нам Романов (? — **Н. Г**), имен своих приговоров не дадим».

Началась драка между крестьянами и солдатами, многих крестьян сбили с ног, одного крестьянина задавили насмерть. Солдаты, вооруженные огнестрельным оружием, пошли в наступление на крестьян. Отдельные крестьянские группы были рассеяны. Последовала жестокая порка крестьян, окруженных солдатами. После расправы с крестьянами началось следствие и суд[1]. Царское правительство несколько десятков крестьян отправило в тюрьму, других — на поселение и каторжные работы в Сибирь.

Не менее крупное волнение крестьян — мордвин произошло в Атяшевской волости Ардатовского уезда. Центром крестьянских волнений стали села Атяшево и Батушево.

Причины волнения были общие. Крестьяне собирали сходы, посылали ходоков в Петербург, не принимали уставных грамот[2].

Особенно бурный характер приняли крестьянские волнения, когда по селениям разнесся слух о том, что якобы волостной старшина продал Атяшевскую волость «за 40 тысяч или три пута бумажек». На сходах крестьяне говорили, что те, кто подписал уставную грамоту, пропадут, и требовали сменить старшину, «потому что тот продал их какому-то барину и подвел общество под уставную грамоту»[3].

Уездные власти пытались полицейскими мерами усмирить крестьян Атяшевской волости, но «народ оказал явное противодействие, силою удерживая тех лиц, которые требовались этим властям»[4].

Когда все меры успокоения были испробованы, а крестьяне не сдавались, губернские власти послали в с. Атяшево воинскую команду для подавления крестьянского волнения. Солдатскими прикладами крестьян успокоили, а их руководителей на разные сроки запрятали в тюрьму[5].

С марта 1865 года, и почти целый год, крестьяне дер. Мамыревой Карсунского уезда оказывали упорное сопротивление

---

[1] ГАУО, ф. 340, оп. 7, д. 40, лл. 62 — 75.
[2] Там же, лл. 62 — 75.
[3] ГАУО, ф. 340, оп. 7, д. 40, лл. 15 — 16.
[4] Там же, л. 21.
[5] Там же, лл. 24 — 26.

властям. Как и в других селениях, крестьяне этой деревни отказались принимать уставную грамоту. «Все усилия мирового посредника и уездного исправника, убеждавших крестьян подчиниться требованиям закона, не имели успеха». Крестьяне требовали, чтобы их наделили лучшей землей, и грозили, что, до тех пор пока власти не исполнят этого требования, они не будут выполнять возложенных на них повинностей.

Так продолжалось до мая 1865 года. В мае в дер. Мамырево прибыла военная команда, которая и расправилась с крестьянами. Однако массовая порка крестьян не имела успеха для уездных властей. В конце июля, при отрезке землемером назначенной по уставной грамоте земли, крестьяне снова взбунтовались и заставили землемера покинуть их селение. Крестьяне отказались обрабатывать выделенные по уставной грамоте наделы, отказывались также платить всякие денежные взносы. Неповиновение крестьян продолжалось до декабря 1865 года. В ночь на 28 декабря был совершен какой-то «злоумышленный поджог» в деревне. Снова началась порка и допросы крестьян. 25 человек были арестованы и отданы под суд. 5 человек отправили в арестантские роты, 17 человек — в смирительные дома на длительные сроки, остальных приговорили к другим мерам наказания. Но крестьяне деревни Мамыревой не успокоились. По настоянию губернских властей, министр внутренних дел распорядился 17 осужденных крестьян сослать в административном порядке в Вятскую губернию[1].

Крестьянские волнения происходили и в других удельных селениях Карсунского уезда.

В начале 1865 года удельные крестьяне многих селений Карсунского уезда отказались принять уставные грамоты, считая их незаконными. Крестьяне с. Судосева послали своих ходоков в Петербург с тем, чтобы изменить условия уставной грамоты. Узнав об этом, крестьяне д. Коченяевки присоединились к крестьянам соседнего селения. Боясь распространения крестьянских волнений в других селениях, уездные власти в феврале месяце направили в Коченяевку роту солдат Самарского пехотного полка. Сопротивление крестьян было подавлено силой, многих отправили в тюрьму, многих наказали на месте[2].

Подобные волнения удельных крестьян происходили в Симбирском, Сенгилеевском уездах. В 1865 году они стали по-

[1] ГАУО, ф. 340, оп. 5, д. 33, лл. 60 — 66.
[2] ГАУО, ф. 340, оп. 6, д. 403, лл. 2 — 119.

всеместными. Один из губернских чиновников писал, что возникшие в 1865 году между бывшими удельными крестьянами беспорядки в редких случаях ограничивались одним селением... Беспорядки, возникшие в одном селении, повторялись в скором времени в другом или появлялись одновременно в селениях[1]. Так, в мае 1865 года возникли крестьянские волнения в с. Теньковке, Базарном Урене, Солдатская Ташла, Ясашная Ташла Симбирского уезда, крестьянские волнения вспыхнули в соседних селениях Сенгилеевского уезда, в деревнях Тункино, Федькиной и Байдумановой.

Крупное волнение крестьян произошло в с. Поповке Сенгилеевского уезда. 23 июня 1865 года в с. Поповку съехалось на ярмарку до 10 тыс. крестьян. Приехал и становой пристав с казаками. Пьяный пристав ездил по ярмарке верхом и избивал ни в чем не повинных крестьян. Удельные крестьяне с. Поповки ударили в набат, поймали пристава, избили его и других членов, освободили арестованных крестьян, сидевших в волостной избе и на время стали хозяевами своего селения. На второй день в село были направлены военные силы, которые жестоко расправились с крестьянами. При следствии выяснилось, что причиной недовольства крестьян явилось Положение 1863 г. и неприемлемые для крестьян его результаты[2].

Волнения крестьян селений Теньковки и Базарного Симбирского уезда начались в 1865 году и продолжались больше года. Только весной 1866 г. военною силою было подавлено сопротивление крестьян, многих наказали розгами, 4 крестьянских руководителей сослали в Тобольскую губернию[3].

В селе Тушне того же уезда местный учитель Кожевников разъяснил Положение так, что крестьяне все до единого отказались повиноваться всяким властям. В село ввели роту солдат, согнали крестьян на сход для того, чтобы расправиться с зачинщиками «в пример» другим крестьянам. Когда 3 крестьян вызвали для допроса, остальные 400 человек закричали: «Не выдавай», «Бей!»— и затем бросились на солдат. Солдаты начали избивать крестьян прикладами, завязалась драка. На помощь окруженным крестьянам бежали односельчане с кольями и вилами, но победа оказалась на стороне войск. Сто чело-

---

[1] ГАУО, ф. 88 (журнал присутствия Симбирского губернского правления. д. 6, лл. 353—354).

[2] Там же, лл. 318 — 376.

[3] Е. А. Мороховец. Крестьянское движение 1827 — 1869 гг. вып. II, 1931 г., ст. 110 — 129.

век крестьян было арестовано и вместе с учителем Кожевниковым отправлено под конвоем в Симбирск.

Волнения удельных крестьян Симбирской губернии повлияли на татар Буинского уезда, которые не желали отдавать в рекруты своих людей. На татар этого уезда большое влияние оказывал лезгин Улухан Ахмат Оглы, высланный в Буинск из Закатальского округа «за участие в возмущении»[1].

Волнения удельных крестьян происходили в период беспрерывных пожаров, которые начались в августе 1864 года в разных селениях и городах Симбирской, Самарской и Саратовской губерний.

С 16 по 20 августа произошел сильный пожар в Симбирске, огнем был уничтожен почти весь город.

В связи с пожаром среди крестьян распространились слухи, что селения поджигаются помещиками и чиновниками «для разорения крестьян». Эти слухи казались настолько правдивыми, что крестьяне зарывали свое имущество в землю, а сами ночевали в поле[2].

Слухи о том, что помещики и чиновники жгут селения, еще больше озлобляли крестьян против представителей уездной власти.

Волнения удельных крестьян происходили в Саратовской, Вятской, Костромской, Оренбургской, Пермской и других губерниях. Однако все они были жестоко подавлены.

Выводы: Крестьянская реформа 1863 года, так же как и реформа 1861 г., была проведена «сверху», в интересах помещиков и самого крупного помещика России — императорской фамилии дома Романовых.

В результате этой реформы крестьяне лишились лучших земельных угодий, получив взамен их пески, солонцы, кустарники и другие малопригодные к обработке земли; удельных крестьян лишили возможности пользоваться лесами, водоемами и другими угодьями, всем тем, чем пользовались их деды и прадеды. За полученные и в меньших размерах наделы крестьяне должны были платить высокие выкупные платежи.

Против условий реформы 1863 года, в силу их грабительского характера, выступили крестьяне, которые стремились к подлинному освобождению от феодальных пут удельного ведомства. Крестьяне протестовали против тяжелых выкупных

---

[1] Там же, ст. 82.

[2] Е. А. Мороховец. Цит. произв. стр. 99.

платежей, против отрезок земли, они выступали «за всю землю и за всю волю». Во время волнений крестьяне требовали возвратить земли бывшей общественной запашки, ликвидировать чересполосность земельных владений, они настаивали на том же праве пользования лесными угодьями, каким они пользовались в дореформенный период.

Против грабительских условий реформы 1863 года активно протестовали удельные крестьяне во многих местах государства. Но все эти протесты крестьян выливались в различные формы: в одних селениях и волостях крестьяне роптали, высказывали вслух свое недовольство реформой, в других селениях ропот крестьян переходил в открытое неповиновение — «бунт», для подавления которого прибегали к военной силе.

Различные формы крестьянского протеста обусловливались многими причинами. Там, где крестьяне лишались значительного количества пахотной земли и других угодий, волнения принимали особенно бурный характер.

Крупные волнения удельных крестьян произошли в Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской, Пермской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях[1]. Бурный и затяжной характер эти волнения носили в Поволжье: в Симбирской губернии волнения начались в 1864 году и продолжались до 1866 года, в Самарской губернии волнения удельных крестьян продолжались до 1867 года, а в Саратовской губернии еще в 1868 году удельные крестьяне усмирялись военной силой.

В разных губерниях, уездах, волостях и даже селениях крестьянские волнения имели свои особенности. Так, удельные крестьяне с. Каменки Николаевского уезда Самарской губернии протестовали против высоких выкупных платежей и требовали «царской десятины», а крестьяне села Лопатино того же уезда вообще отказывались от земельных наделов и требовали разрешения переселиться на Амур.

Основная масса удельных крестьян Самарской губернии протестовала против бывших отрезков и высоких крупных платежей, чем и объясняется их желание получить «дарственную десятину».

В густонаселенной Симбирской губернии волнения удельных крестьян в отдельных местах принимали более острые формы, чем в Самарской губернии. Это объясняется тем, что мно-

---

[1] Е. А. Морохове́ц. Крестьянское движение в 1827 — 1869 гг., вып. II, стр. 78 — 79, 110; Г. И. Богатикова. Реформа удельных крестьян 1863 года, Автореферат диссертации. М., 1956, стр. 14.

гие крестьяне Симбирской губернии были хуже обеспечены землею, для них каждый отрезанный клочок земли представлял большую ценность и потеря его угрожала многим крестьянам нищетой и разорением. Если в Самарской губернии крестьяне отказывались от больших земельных наделов по причине больших выкупных платежей, то в Симбирской губернии шла борьба крестьян за отрезки, за земли бывшей общественной запашки, за право пользования лесными угодьями, против тяжелых выкупных платежей. С потерей лесных угодий, многие крестьяне лишались возможности заниматься прежними ремеслами — важным источником их существования.

В чувашских, татарских и мордовских селениях крестьянские волнения проходили в исключительно острой форме — крестьяне этих селений выступали не только против тяжелых условий реформы, но и против невыносимого гнета.

Волнения удельных крестьян Симбирской губернии оказали влияние на татар бывших лашманских селений, которые пытались своим протестом облегчить гнет самодержавия.

В Симбирской губернии волнения удельных крестьян были настолько бурными, что для подавления большинства их приходилось использовать военную силу. «Наиболее беспорядков в удельных имениях, — читаем в донесении шефа жандармов царю, — произошло в Симбирской губернии: волнения крестьян возникали в продолжение всего (1865—**Н. Г.**) года и почти везде требовали военных экзекуций»[1]. В 1865 году в удельные селения Симбирской губернии более 30 раз посылались военные команды местного батальона, роты и даже батальоны солдат Самарского пехотного полка. Только в селения Коченяевку, Касаур и Мамыровку Карсунского уезда было направлено три роты солдат; в чувашские селения Курмышского уезда вместе с полицией и жандармами было направлено два батальона пехоты; в селения Атяшево и Батушево Ардатовского уезда — направили на постой 2 роты солдат; в селения Теньковку и Базарный Урень Симбирского уезда направили на постой батальон 148-го пехотного Каспийского полка[2].

Однако все эти волнения крестьян были разобщены, разрознены. Крестьянские массы оказались неспособными подняться выше интересов одного селения или небольшой группы селений. В Симбирской и Самарской губерниях одновременно

---

[1] Крестьянское движение 1827 — 1869 годов, вып. I, 1931, стр. 109.
[2] Там же, стр. 104—112.

происходили волнения во многих селениях, но крестьяне не объединились, они боролись разрозненно, каждый отстаивал свои права, ограничиваясь только своим селением. Многие крестьяне соседних селений наблюдали за ходом борьбы и ждали, «чья возьмет», чтобы потом определить свое поведение.

В. И. Ленин писал, что «...крестьянские массы... были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием...»[1]. В другом месте он писал: «Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли»[2]. Сказанное Лениным о помещичьих крестьянах в полной мере относится и к удельным. Во многих случаях достаточно было появления военной команды, чтобы крестьяне прекращали борьбу, приходили с повинной, заявляли о своем заблуждении.

Вожаки крестьянских волнений, те же крестьяне, слабо руководили крестьянским восстанием, они лишь побуждали крестьян на выступления. Как крестьянские массы, так и их вожаки еще верили в царя, считали его защитником крестьянских интересов. Это проявлялось в посылке ходоков к царю в Петербург и в убеждении, что Положение «не царское», что реформа проводилась якобы без ведома царя и т. д.

Крестьянские волнения по своему характеру были стихийные и в то время иными и быть не могли. Крестьяне не способны были понять необходимость классового единства и единства революционных действий. У крестьян тогда не было революционного союзника — пролетариата, который мог бы возглавить эту борьбу и довести ее до победного конца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История удельных крестьян ограничивается 68 годами. Эти годы (1797—1865) являются важным историческим этапом, который по своему социально-экономическому содержанию соответствует периоду разложения, а затем и кризиса феодально-крепостнических отношений, формированию капиталистического уклада и его победы в результате проведенных реформ 60-х годов XIX века.

---

[1] В. И. Ленин, соч. т. 17, стр. 96.
[2] Там же, т. XVII, стр. 65.

Удельные крестьяне Среднего Поволжья являлись неотъемлемой частью всго удельного крестьянства страны. Они входили в число трех основных групп феодально — зависимых производителей материальных благ: крестьян помещичьих, крестьян государственных и крестьян удельных. Удельные крестьяне своим трудом содержали многочисленную фамилию императорского дома Романовых.

Для огромного удельного хозяйства и эксплуатации удельных крестьян была создана сложная управленческая машина, способная в новых условиях повысить доходность владений царствовавшего дома. Главная задача удельного ведомства состояла в том, чтобы при помощи большого аппарата власти наиболее интенсивно эксплуатировать крестьянские массы.

Феодальный владелец земли наделял непосредственного производителя земельным наделом для отбывания последним многочисленных повинностей в пользу царствовавшего дома и дворянского государства.

От количества и качества земли зависело благосостояние крестьян, их платежеспособность и хозяйственная самостоятельность. История удельных крестьян Среднего Поволжья показывает, как на протяжении более 60 лет земельные наделы их уменьшались, а феодальные повинности прогрессирующе росли. Удельные крестьяне вели борьбу с помещиками, которые захватывали крестьянские земли, вели борьбу с удельным ведомством, сокращавшим их землепользование.

Борьба за землю между помещиками и крестьянами обостряется во второй половине XVIII века и принимает наиболее острые формы в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Большое сокращение земельных наделов дворцовых-удельных крестьян произошло в период генерального межевания — крепостнического мероприятия, ухудшавшего положение крестьянских масс. Генеральное межевание юридически закрепило захваченные крепостниками—дворянами крестьянские земли, сократило землепользование непосредственных производителей и лишило их основы существования — земли.

Землепользование удельных крестьян сократилось во второй четверти XIX века, когда удельное ведомство ввело общественную запашку и поземельный сбор. В связи с поземельным сбором крестьянские земельные наделы сократились на 20—30 проц. Крестьяне лишились лучших земель, они теперь платили деньги не только за основные наделы, но и так назы-

ваемые запасные земли, которыми они пользовались до поземельного сбора. При исчислении суммы поземельного сбора учитывались и неземледельческие занятия крестьян.

Для более интенсивной эксплуатации удельных крестьян и дальнейшего повышения дохода всего удельного хозяйства Департамент уделов в середине 30-х годов XIX века произвел обменную операцию 216 тыс. удельных крестьян 18 губерний на 199 тыс. государственных крестьян Симбирской губернии. В результате этого обмена удельное ведомство приобрело сотни тысяч десятин лучшей земли, отдав в казну малоземельных удельных крестьян и малодоходные имения. По воле царя двести тысяч государственных крестьян попали в феодальную зависимость от императорской фамилии, десятки тысяч лашман, пахотных солдат, однодворцев и ямщиков оказались в кабале удельного ведомства.

Жестокая эксплуатация крестьянства порождала классовую борьбу, направленную против феодалов-крепостников.

Если в первой четверти XIX века, до введения общественной запашки и поземельного сбора, положение удельных крестьян было несколько лучше помещичьих, то в период кризиса феодально-крепостнической системы оно с каждым годом все более и более ухудшалось.

В ответ на усиление феодального гнета крестьянские массы удельной деревни оказывали в различной форме неповиновение удельным чиновникам, представителям местной власти, приказным старшинам. Крестьяне протестовали против обременительных повинностей, общественной запашки, тяжелого поземельного сбора. Глухие и пассивные протесты часто выливались в открытые волнения крестьян. В ответ на введение запашки удельные крестьяне Вятского и Смоленского имений в 1828 году активно выступали против удельного Управления. В 1834 году крупные выступления крестьян против общественной запашки вспыхнули в Сарапульском имении. В 1840 году лашманы Алатырского имения в категорической форме отказались составлять приговоры по обработке общественных полей. Волнения удельных крестьян и лашман Симбирской губернии в 1834—1844 годах против общественной запашки являлись продолжением борьбы государственных крестьян Вятской и Казанской губерний.

Крупные волнения, направленные против удельного управления произошли в 1836—1837 годах в Симбирской губернии. Как только государственные крестьяне этой губернии попали

во власть удельного ведомства, они высказали свое отношение к новым порядкам беспрерывными волнениями. С крестьянами Симбирской губернии были солидарны крестьяне соседних губерний. В знак протеста и боясь попасть во власть удела, десятки тысяч государственных крестьян Саратовской, Пермской и Оренбургской губерний восстали, а в отдельных местах они месяцами оказывали сопротивление царским властям.

Удельные крестьяне вместе с помещичьими крестьянами Симбирской губернии в 1839 году выступили против феодального гнета. Владельческие крестьяне жгли помещичьи усадьбы, мануфактуры, убивали помещиков и их приказчиков. Удельные крестьяне в это же время выступали против поземельного сбора, общественной запашки, против удельного ведомства.

Поземельный сбор и другие многочисленные повинности являлись причиной крестьянских волнений в 50-х годах, и особенно накануне реформы. Крестьяне в своих выступлениях требовали не только уничтожить обременительные повинности, но и «порешить уделы».

* * *

Тяжесть оброков и многочисленных повинностей для удельных крестьян усугублялась тем, что их сельское хозяйство развивалось замедленным темпом. Тормозом развития производительных сил в сельском хозяйстве являлось крепостничество. Правда, с общими изменениями в социально-экономической жизни страны, изменялось и прогрессировало сельское хозяйство. Эти изменения в сельском хозяйстве удельных крестьян Среднего Поволжья заметны в 30-х и особенно в 40-х гг. XIX в. В это время крестьяне стали применять улучшенные орудия труда, более тщательно обрабатывать землю, удобрять ее. На крестьянских полях появляютсяболеее продуктивные сельскохозяйственные культуры, расширяются посевы картофеля, увеличивается ассортимент огородных культур. Зажиточные крестьяне выращивают племенной скот, а садоводство и огородничество для многих крестьян принимает торговый характер.

Однако было бы неправильно преувеличивать все то новое, что появилось в сельском хозяйстве удельных крестьян Среднего Поволжья. Крестьянская беднота в своем хозяйстве по старинке пользовалась сохой, держала малосильный, часто истощенный скот, обрабатывала землю примитивными, дедовскими способами.

Вся масса крестьянства терпела страшные бедствия от не-

урожаев, массовых заболеваний и падежа скота. Все эти бедствия являлись неизбежными спутниками феодально-крепостнической системы, разорявшими крестьянское хозяйство. Низкие урожаи, несовершенная обработка земли, малопродуктивное животноводство часто обрекали крестьян на голод и нищету.

Тяжелые и многочисленные повинности и оброки, хроническое сокращение земельных наделов — все это заставило крестьян искать выхода в неземледельческих заработках. Уже в конце XVIII и на протяжении всей первой половины XIX века увеличиваются крестьянские промыслы и отходничество в города. Удельные крестьяне Среднего Поволжья пополняют ряды бурлачества, а также сельскохозяйственных рабочих на полях Заволжья.

Среди удельных крестьян Среднего Поволжья развиваются промыслы и ремесла, не считая более узких и менее распространенных специальностей. Наиболее распространенными видами ремесла были деревообделочное и ремесло по обработке продуктов животноводства. Деревообделочное ремесло было распространено в Казанском, Симбирском, Алатырском и Сызранском удельных имениях. Ремесло по обработке продуктов животноводства было развито, главным образом, в Самарском, Сызранском и Симбирском удельных имениях. По отдельным удельным имениям число крестьян, занятых неземледельческим трудом, составляло 20—25 проц. всего удельного населения.

За 68 лет истории удельных крестьян Среднего Поволжья отхожие промыслы постоянно увеличивались. Если в 20-х гг. XIX в. отходников по Казанскому и Симбирскому имениям насчитывалось 8—12 проц., то в 40—50-х гг. число их значительно возрастает. В 1842 году по Казанскому имению число отходников равнялось 15,5 проц., а в 1857 году уже 34 проц. всего удельного населения Казанской губернии.

Развитие ремесла, промыслов и торговли, сами поземельные отношения в удельной деревне способствовали расслоению крестьянства. Товарно-денежные отношения увеличивали рост первостатейных крестьян-ростовщиков, скупщиков товаров различных наименований, с одной стороны, и в значительной мере способствовали разорению крестьянских масс, с другой.

Развитие торгового земледелия ускоряло процесс расслоения в среде крестьянства, способствовало росту наемного труда в сельском хозяйстве, увеличению поденщиков и сельскохозяйственных рабочих.

Однако не все крестьяне имели излишки хлеба для прода-

жи. Товарность хлеба, который шел с крестьянских хозяйств, была в значительной степени условной. Основная масса удельных крестьян Среднего Поволжья продавала хлеб по необходимости, по нужде, для уплаты податей и оброков. Только зажиточная верхушка удельной деревни, имевшая крепкое хозяйство, постоянно выбрасывала на рынок хлеб и другие сельскохозяйственные продукты ради наживы.

Мелкий характер крестьянского производства и узость внутреннего рынка способствовали появлению большого числа скупщиков, которые кабалили крестьян, ставили в экономическую зависимость непосредственного производителя.

Удельное ведомство, преследуя свои узковедомственные цели и поощряя торгово-промышленную деятельность зажиточных крестьян, объективно способствовало развитию товарно-денежных отношений в удельной деревне.

* * *

Завершающим этапом в истории удельных крестьян, перед тем как им стать «крестьянами-собственниками», была реформа 1863 года. Началом ликвидации крепостной зависимости удельных крестьян явился 1858 год, когда правительственным указом 20 июня этого года на удельных крестьян распространялись «личные и по имуществу права», предоставленные свободным сельским сословиям. Однако этот указ и указ 26 августа 1859 года только изменяли гражданское и юридическое положение удельных крестьян, все остальное оставалось по-прежнему, вплоть до 1863 года.

Реформа 1863 года, как и реформа для владельческих крестьян была проведена «сверху», в интересах помещиков и самого крупного помещика России — императорской фамилии Романовых.

В результате этой реформы у крестьян отрезали лучшую землю, сократили крестьянские наделы, лишили крестьян удобных пашен, лугов, выгонов и водопоев, поставив тем самым крестьянские массы в зависимость от удельного ведомства. После реформы сохранились феодальные пережитки не только в отрезках крестьянской земли, но и в выкупной операции. Для удельных крестьян освобождение обошлось слишком дорого: они в течение 49 лет должны были заплатить уделам до 150 млн. рублей выкупных платежей, в то время, как стоимость выкупаемой земли определялась самим удельным ведомством в 48.700 тыс. рублей. Крестьяне, таким образом, выкупали не только земельные наделы, но и личное освобождение.

После реформы 1863 года в бывшей удельной деревне сохранились многие другие феодальные пережитки в виде общины, общинного землепользования, в круговой поруке по отбыванию всевозможных повинностей и выкупных платежей. После реформы бывшие удельные, как и другие крестьяне, оставались податным сословием, которое по-прежнему оставалось в приниженном положении.

Крестьяне реформы 60-х годов XIX века не разрешили аграрного вопроса в России, они только на время смягчили конфликт между производительными силами и производственными отношениями, эти реформы только на время оттянули революционный взрыв и буржуазную революцию в России. И после этих реформ основным национальным вопросом, по определению В. И. Ленина, оставался аграрный и уже — крестьянский вопрос.

Реформа 1863 года, в силу ее грабительского характера, вызвала новую волну классовой борьбы крестьян, которые стремились к подлинному освобождению от феодальных пут императорской фамилии. Но все эти протесты удельных крестьян выливались в различные формы, и там, где ропот крестьян переходил в открытое неповиновение — «бунт» — оно жестоко подавлялось военной силой.

В период проведения реформы крестьянские волнения по своему характеру были стихийными и разобщенными, и быть иными они в то время не могли. Крестьяне неспособны были понять необходимость классового единства революционных действий. У крестьян тогда не было революционного союзника — пролетариата, который мог бы возглавить эту борьбу и довести ее до победного конца.

Однако все реформы 60-х годов XIX века, несмотря на то, что они были проведены крепостниками, создавали условия для развития производительных сил страны. Крепостническая система с ее натуральным хозяйством была навсегда подорвана, и Россия окончательно вступила на путь капиталистического развития. Отмена крепостного права в удельной и помещичьей деревне и личное освобождение крестьян всех разрядов явились знаменательным фактором в дальнейшем формировании российского пролетариата, который в союзе с крестьянством в 1917 году совершил Октябрьскую социалистическую революцию, сверг помещиков и капиталистов и построил социалистическое общество.

БИБЛИОГРАФИЯ

(основные источники и литература)

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. — Капитал, тт. I—III.

Маркс К. — Подготовка крестьянской реформы в России.—Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XI, ч. I. — Архив Маркса и Энгельса, т. XII. 1952.

Ленин В. И. — Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — сочинения, т. I.

Ленин В. И. — Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Сочинение, т. I.

Ленин В. И. — От какого наследства мы отказываемся? — Соч. т. 2.

Ленин В. И. — Развитие капитализма в России. — Сочинения, т. 3.

Ленин В. И. — Рабочая партия и крестьянство. — Сочинения, т. 4.

Ленин В. И. — Аграрный вопрос в России к концу XIX в. — Сочинения, т. 15.

Ленин В. И. — Гонители земства и аннибаллы либерализма. — Сочинения, т. 5.

Ленин В. И. — Пятидесятилетие падения крепостного права. — Сочинения, т. 17.

Ленин В. И. — По поводу юбилея. — Сочинения, т. 17.

Ленин В. И. — «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция. — Сочинения, т. 17.

Ленин В. И. — Памяти Герцена. — Сочинения, т. 18.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СБОРНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX в.— АН СССР, М.—Л. 1936.

Алабин П. — Двадцатипятилетие Самары как губернского города. — Самара. 1877.

Алефиренко П. К. — Русская общественная мысль первой половины XVIII в. о значении сельского хозяйства. — В книге: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М. 1952.

Арсеньев К. — Начертание статистики Российского государства. — СПб, 1818, ч. I.

Арсеньев К. — Статистические очерки России. — СПб, 1848.

Байков М. А. — Обозрение сельского хозяйства удельных имений. — СПб. 1836.

Богатикова Г. И. — Реформа удельных крестьян 1863 года — Кандидатская диссертация, М. 1956.

Богатикова Г. И. — Реформа удельных крестьян 1863 года. — Автореферат кандидатской диссертации. М, 1956.

Боголюбов В. А. — Удельные крестьяне—Сб. «Великая реформа», М. 1911, т. II.
Болотов А. — Жизнь и приключения Андрея Болотова. — т. III—IV СПб, 1873.
Бурнашев В. — Описание удельного земледельческого училища. — СПб, 1839.
Варадинов Н. — История министерства внутренних дел. — Ч. III, книги I—III, СПб, 1862.
Вильсон И. И. — Выкупные за землю платежи бывших удельных крестьян. — «Записки императорского русского географического общества по отделению статистики, т. V, 1878.
Вильямс В. Р. — Почвоведение. Земледелие с основами почвоведения. — М., 1940
Волынский А. — Инструкция дворецкому Ивану Немчинову... — Памятники древней письменности. СПб, 1861.
Волков С. И. — Подмосковные дворцовые крестьяне в середине XVIII в. — «Исторические записки», № 53.
Волков С. И. — Из истории управления дворцовыми крестьянами. В книге: Академику Борису Дмитриевичу Грекову, М.; 1952.
Гакстгаузен А. — Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. — М. 1870.
Генкин Л. Б. — Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 г. — т. I, Ярославль. 1947 г. (Ученые записки Ярославского пединститута им. К. Д. Ушинского, вып. 12/22).
Герцен А. И. — Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. Лемке. — т. X, Петроград, 1919.
Григорьев А. Г. — Крестьянское движение среди чуваш во второй четверти XIX в. — Кандидатская диссертация, Чебоксары, 1948.
Гриценко Н. П. — Очерки из истории города Симбирска-Ульяновска и его области. — ч. I, Ульяновск, 1948.
Гриценко Н. П. — Волнения рабочих на фабрике Акчурина. — Ученые записки Ульяновского пединститута, вып. IV, 1950.
Гриценко Н. П. — Волнения удельных крестьян Среднего Поволжья в связи с общественной запашкой (1828—1860) — Ученые записки Ульяновского пединститута, вып. V, 1953.
Гриценко Н. П. — Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю — «Вопросы истории» № 10, 1954.
Гриценко Н. П. — Усиление феодальной эксплуатации удельных крестьян в условиях кризиса крепостного права. — «Исторические записки», вып. 58, 1956.
Гриценко Н. П. — Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне в период разложения феодально-крепостнического строя (1797—1863). — Ученые записки Грозненского пединститута, № 9, серия историческая, вып. 2, 1956.
Гриценко Н. П. — Отмена крепостного права в удельной деревне Среднего Поволжья и волнения крестьян в связи с реформой 1863 года. — Ученые записки Грозненского пединститута, № 9, серия историческая, вып. 2, 1956.
Гриценко Н. П. — Организация управления удельными крестьянами и их эксплуатация — Ученые записки Чечено-Ингушского пединститута, № 10, 1958.

Гриценко Н. П. — Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами. — Ученые записки Чечено-Ингушского пединститута, № 10, 1958.

Голубев П. — Удельные земли и их происхождение. — Журнал «Вестник Европы», 1907, кн. 10.

Гуржий И. А. — Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Украины первой половины XIX века. — Автореферат докторской диссертации, Киев, 1953.

— Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России, Приложения. — СПб, 1873.

— Документы и материалы по Мордовской АССР. — т. III, ч. I.

Дружинин Н. М. — Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева — т. I М. — Л. 1946.

Дружинин Н. М. — О периодизации истории капиталистических отношений в России. — «Вопросы истории» № 11, 1949.

Дружинин Н. М. — Генезис капитализма в России. — М. 1955.

Дружинин Н. М. — Государственная деревня центрального промышленного района в 40—50-х годах XIX в. — АН СССР, доклады и сообщения института истории. Вып. II, М. 1956.

Зайончковский П. А. — Отмена крепостного права в России. — М. 1954.

Зайончковский П. А. — К вопросу о деятельности Секретного комитета по крестьянскому делу. — «Исторические записки» №№ 58, 1956.

Заозерская Е. — К вопросу о сущности и основных этапах «нового периода» в истории России. «Вопросы истории» № 12, 1951.

Игнатович И. И. — Крестьянские волнения. — Сб. «Великая реформа» т. I, М. 1911.

— История русской экономической мысли. — т. I, М. 1955.

— История уделов за сто лет их существования. — т. I—III, СПб, 1902.

Карнаухова Е. С. — Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860—1914). — М. 1951.

Катаев И. М. — На берегах Волги. История удельной вотчины графов Орловых. — Челябгиз, 1948.

Кеппен П. — Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. — СПб, 1857.

Кеппен П. И. — Общее народонаселение в России 1838 г. — (год и место издания неизвестны).

Красноперов И. —Экономическое положение бывших удельных крестьян в Самарской губернии. — Журнал «Юридический вестник» 1888.

Копосов И. П. — Черноземы Ульяновской области. — Краевед. записки, Ульяновск, 1953.

Корсаков И. М. — Мордовия в период разложения крепостного строя (1800—1861). — Кандидатская диссертация, 1949.

Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. Под редакц. Н. М. Дружинина. — М. — Л. 1949.

Лаптев М. — Казанская губерния. — СПб. 1861.

Линков Я. И. — Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. — М. 1952.

Липинский — Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния. — ч. I—II, СПб, 1868.
Ломоносов М. В. — Полное собрание сочинений. т. 6, — М. — Л. 1952.
Лященко П. И. — История народного хозяйства СССР. т. I, — М. 1952.
— Материалы для статистики России, собираемые по ведомству министерства государственных имуществ, вып. II—IV, СПб; 1861.
— Материалы для статистики Российской империи, издаваемые при статистическом отделении Совета министров внутренних дел. — СПб, 1839, 1841.
— Материалы по истории Татарии, — вып. I, Татгиз, 1848.
— Материалы по истории и статистики Симбирской губернии. — вып. I—III, Симбирск, 1866.
— Материалы по истории крепостного права в России. Извлечения из секретных отчетов министерства внутренних дел за 1836—1857 гг. Берлин, 1872.
Мороховец Е. А. — Крестьянская реформа 1861 г. — М. 1937.
Мороховец Е. А. — Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1—2, М. 1931.
Мякотин В. А. — Крестьянское самоуправление в удельных имениях. — Журн. «Вестник Европы», 1907, кн. 10.
Наякшин К. А. — Очерки из истории Среднего Поволжья — Куйбышев, 1955.
Неболсин Г. — Статистические записки о внешней торговле России. — СПб, 1835, ч. I.
Неболсин Г. — Статистическое обозрение внешней торговли России. — СПб, 1850, ч. II.
— Обзор действий Департамента сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 гг. — СПб, 1850.
— Обзор действий Департамента сельского хозяйства в очерках состояния главных отраслей сельской промышленности России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 г. — СПб, 1855.
Огановский Н. П. — Наделение землей помещичьих крестьян — М. 1913.
— Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы, 1861—1862 гг. Под редакцией С. Н. Валка. — М.—Л. 1950.
— Очерки истории СССР. Период феодализма. Первая четверть XVIII в. Под редакцией Б. Б. Кафенгауза и Н. И. Павленко М., 1954.
— Очерки истории СССР, XVIII в. Вторая половина. — М. 1956.
— Полное собрание законов Российской империи, первое и второе издания.
— Памятная книжка Симбирской губернии. — Симбирск. 1860.
Пажитнов К. А. — К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. — «Исторические записки». № 7. 1940.
— Положение Самарского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян и дворовых людей. — Самара. 1859.
Плющевский Б. Г.—Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. Кандидатская диссертация (год защиты диссертации неизвестен).
Радищев А. Н. — Полное собрание сочинений, т. 2, М.—Л. 1941.

Рашин А. Г. — Население России за 100 лет (1811—1913). — М. 1957.
Рожкова М. К. — К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России. — «Исторические записки» № 54, 1955.
Романович-Словатинский А. — Дворянство в России. — СПб, 1870.
— Россия, полное географическое описание нашего отечества. — СПб, 1901, т. VI.
Рындзюнский П. Г. — Гильдийская реформа Канкрина. 1826 г. — «Исторические записки» № 40, 1952.
Рубинштейн Н. Л. — Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. — «Исторические записки», № 54, 1955.
Рубинштейн Н. Л. — Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в. — «Вопросы истории» № 2, 1952.
Сафронов М. Г. — Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа П. Д. Киселева — Кандидатская диссертация. Казань. 1952.
Сбоев В. Н. — О быте крестьян в Казанской губернии. — Казань, 1856.
— Сборник постановлений очередного Самарского губернского земского собрания. — Самара, 1871.
— Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. — Симбирск. 1868.
— Свод удельных постановлений, — ч. I—VI, СПб. 1843.
Седов А. В. — Удельные крестьяне Нижегородской губернии. (1797—1863). Кандидатская диссертация. Горький, 1953.
Семевский В. — Крестьяне дворцового ведомства в XVIII в. — Журн. «Вестник Европы», 1878, кн. 5.
Семевский В. — Пожалование имений при императоре Павле. — Журн. «Русская мысль», 1882, кн. 12.
Сивков К. В. — Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века по материалам архива степных вотчин Юсуповых. — М. 1951.
Сивков К. В. — Наказы управителям XVIII в. как источник для истории сельского хозяйства в России. — В книге: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия, М. 1952.
Сивков К. В. — Вопросы сельского хозяйства в русских журналах последней трети XVIII в. — В книге: Материалы по истории земледелия СССР. Сборник, т. I, 1952.
Сивков К. В. — Важный этап в переходе от феодального к буржуазному землевладению в России. — «Вопросы истории» № 3, 1958.
— Симбирский сборник, т. II, Симбирск, 1870.
Советов А. В. — Избранные сочинения. — М. 1950.
Татищев В. — Краткая экономическая до деревни следующая записка.— Временник импер. Московского общества истории и древ. российских, кн. 12, 1852.
Тройницкий — Крепостное население в России по X народной переписи. — СПб, 1861.
Тенгоборский Л. В. — О производительных силах России. — Ч. I—II, М. 1855.
Токарев С. В. — Крестьянские картофельные бунты — Киров, 1939.
— Труды института истории. Сборник статей. — Вып. I. М. 1926.
— Труды комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. — Т. IV, ч. 1—2, СПб, 1866.
Туган-Барановский — Русская фабрика в прошлом и настоящем.— т. I, М. 1938

Фирстов Г. — Земледельческие орудия восточной полосы России.—Казань. 1854.
Флеровский К. — Положение рабочего класса в России. — М., 1938
Ходский Л. В. — Земля и земледелец, т. 2, СПб, 1891.
Хромов П. А. — Экономическое развитие России в XIX—XX веках. — М, 1950.
Чаплин С. — Земледелие и земледелец России. — СПб, 1839.
Чернышев Е. И. — Социально-экономические очерки по истории Казанского края в XIX веке (дореформенный период). — Кандидатская диссертация, М. 1952.
Чернышевский Н. Г. — Полное собрание соч., т. III, 1947.
Шелехов Д. — О настоящем положении сельского хозяйства России и причинах прошлых неурожаев. — СПб, 1842.
Яковцевский В. Н. — Купеческий капитал в феодально-крепостнической России — 1953.
Янсон Ю. Э. — Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. — СПб, 1877.
Яцунский В. К. — Очередные вопросы истории земледелия в СССР. — Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Том IX, № 3, М: 1952.
Яцунский В. К. — Изучение местной истории в СССР. — «Вопросы истории» № 8, 1949.
Яцунский В. К. — Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. — «История СССР», № 1, 1957.
Яшнов Л. — Исторический очерк лесного хозяйства и устройство межевой части в удельных лесах. — Лесной журнал. Вып. 4, 1905.
Цаголов Н. А. — Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. — М. 1956.
Цветков М. А. — Изменение лесистости Европейской России с конца XVIII столетия по 1914 год. — М. 1957

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Сдано в набор 10. III. 1959 г. Подписано к печати 14. VIII. 1959 г.
СФ00187 Заказ № 1433 Объем 36,62 п. л. Тираж 900

Грозный, типография из-ва «Грозненский рабочий»

Цена 15 руб.